

Сергей Луцкий

ИЗБРАННАЯ ПРОЗА

В ТРЁХ ТОМАХ

ТРЕТИЙ ТОМ

Луцкий С.А.
Избранная проза. В трёх томах. 2015. 576 с.

В третий том избранной прозы вошли роман «Причастный», повести и литературно-критические статьи о творчестве писателей Югры.

ПРИЧАСТНЫЙ Роман

Ладонь до сих пор помнит прогибающуюся поверхность толстой жести, начальное сопротивление низкой – приходилось наклонять голову – чёрной калитки в массивном заборе, которая затем неожиданно легко отлетала, с грохотом ударяя в забор с обратной стороны.

Глаза, обоняние, кожа помнят постоянные тень и сырость ограниченного с трёх сторон пространства, возникавшего сразу за чёрной металлической калиткой. Здесь всегда было тихо. Справа – высокая кирпичная стена, отделяющая вход в ЦДЛ с Воровского, слева две малоприметные двери. Дальняя – в бухгалтерию Правления, ближняя – к нам. Но сначала нужно пройти мимо окон вросшего в асфальт флигеля, широкие подоконники которых (через стекло хорошо видно) завалены рукописями.

Если не заходить ни к нам, ни в бухгалтерию, а идти прямо, будет поворот во двор с яблонями, клумбами и памятником Толстому, подаренным украинскими писателями в год 300-летия присоединения Украины. Сбоку – Дом Ростовых. Уже тогда весь то ли в лесах, то ли подпорках. Ремонт всё не начинался, облупленные стены с обветшавшей лепниной сквозили между брусьев и досок. Какая роскошная метафора! – думаю я сейчас, из своего нынешнего времени. Это готовое развалиться здание и его то ли канареечный, то ли откровенно жёлтый цвет!.. А тогда я смотрел на Дом Ростовых, как на место, где вершатся судьбы. Работали там особые люди, и перед входом порой мелькали здравствующие классики.

Не знаю, что теперь в Доме Ростовых. Да и неинтересно мне уже это. В последний раз, когда был в

Москве, я заглянул в нашу дверь. Сейчас там рыбное кафе, конечно, дорогое – центр города. Всё в бывшей Литературной консультации перестроено, выломаны внутренние перегородки, всё иначе. Не сохранилось и следа дружб, уязвлённых самолюбий, зависти, благородства, низости – страстей, которые бушевали здесь не так давно. Они выветрились, как выветрилась без остатка жизнь людей, обитавших в этом флигеле до нас. Как выветрится всё, чем живут его нынешние посетители и хозяева.

Часть первая.
Земля обетованная

1

– Не проходите мимо! – перехватывает меня Стёпа Хмелик у лифта. – Привет. Камо грядеши?

Стёпа приятно возбуждён, ему безразлично, куда я иду, просто требуют выхода эмоции. Я вспоминаю очередь у кассы, мимо которой только что проходил, и понимаю причину Стёпинаго душевного подъёма. Дёрнул меня чёрт приехать в редакцию в день выплаты гонораров! Без того паскудно, ещё это...

– Ну его, лифт, пока дождётся!.. Пошли пешком, – говорит между тем Стёпа и первым направляется к лестничному маршу мимо тёмных панелей, которыми здесь обшиты едва ли не все стены.

Ему сейчас нужно говорить, двигаться, кому-то покровительствовать, он переполнен добродушием удачливого человека и похож на Остапа Бендера перед тем, как тот попал под извозчика. На душе у меня отвратно, хочется Хмелика послать, но я молча иду за ним. Интересно, напечатал Стёпа что-то или получил деньги за рецензии?.. Зависть и досада переполняют меня, но я стараюсь держаться.

После отказа я всегда чувствую себя униженным, будто меня облили помоями. Внешне всё происходит

вполне корректно. Сотрудник, а чаще сотрудница отдела прозы, возвращая рассказы, говорит: «К сожалению, нам это не подходит» и смотрит холодным взглядом. Иногда ничего не говорят, а молча протягивают рукопись, на которой лежит рецензия с исходящим номером и датой. Все рецензии почему-то на плохой бумаге. «Уважаемый Юрий Антонович! Внимательно ознакомился с Вашими рассказами. Чувствуется, Вы не лишены литературных способностей, достаточно хорошо владеете словом, умеете строить сюжет... Вместе с тем смущает малозначимость затронутых в Ваших рассказах тем и нечёткость гражданской позиции... Не украшают рассказы замысловатость некоторых словосочетаний, а также досадные длинноты... Всё это вместе не позволяет рекомендовать Ваши произведения для публикации. С уважением...» Или что-нибудь в этом роде. Когда я оказываюсь на улице, мне кажется, все смотрят на меня с презрительной ухмылкой. Разве что не насмеются в открытую. Даже собаки в скверах, которых вывели гулять, ведут себя как-то не так, обидно.

– Такси! – кричит Стёпа, когда мы спускаемся вниз и выходим на крыльцо. – Такси!..

Прав Алексей Толстой, восприятие окружающего зависит от состояния героя. Полчаса назад здание издательского комплекса (кроме редакции журнала здесь находится крупное издательство, а в полуподвальном этаже грохочут полиграфические станки), сам вид этого здания обещал нечто славное, волнующе приятное. Сейчас отчуждённость сквозит и в вывеске издательского комплекса, и в низком крыльце, и в застеклённой шахте лифта, нависающей над ним. Исчез обнадёживающий мажор в грохоте станков, того гляди заболит голова.

– Такси!.. Шеф, стой!.. – Стёпа выскакивает на не помосковски узкую, мощённую брусчаткой улицу с трамвайной колеёй, чуть ли не бросается под колёса «Волги» с шашечками. Стёпа гусарствует. Волна победительного довольства несёт его, и он с наслаждением отдаётся ей. Мне Стёпа бросает через плечо: – Поехали в ЦДЛ, угощаю! – И вполне уверен, что я не откажусь.

Я не отказываюсь. Наблюдая с недобрым интересом за Хмеликом, я тем не менее знаю, что оставаться сейчас одному нельзя. Это вторая отрицательная рецензия за день. Поездил по редакциям, называется...

– Старик, существует закон парности подлянок, – говорит Стёпа в такси, когда я скупо рассказываю о своей ситуации. В опущенное стекло бьёт пахнущий нагретым асфальтом и бензиновыми выхлопами ветер. Но это лучше, чем застойный воздух редакции, прочь отсюда, прочь!.. – Если я в одном месте получил, например, отлуп, я в этот день никуда больше не иду, ложусь на дно, а то будет ещё. Обязательно!..

Слова звучат сочувственно, по-товарищески – и у нас, мол, тоже не всегда тип-топ, – но Хмелик старается не смотреть на меня. Бойтся, что я замечу снисходительность в его глазах.

– Кроме «Молодой гвардии» где ещё был?

Я называю.

– Ну и диапазон у тебя!.. Старик, они ненавидят друг друга. Молодогвардейцы это одно, «Новый мир» другое, «Москва» третье. Ты определись, на кого ориентируешься.

– Я на себя ориентируюсь.

Сам понимаю, звучит по-ребячьи глупо, непрофессионально, но промолчать не могу. Меня достали все эти журнальные тенденции и направления, разницу между которыми надо рассматривать в микроскоп. Хмелик не считает нужным комментировать мои слова. Пожав плечами, поворачивается к окну и принимается насвистывать.

Со Стёпой мы знакомы со времен Литинститута, когда на третьем курсе я перевёлся на очное отделение. Оно у нас небольшое, вместе с переводчиками двести человек, так что в институте знаешь практически всех, особенно если живёшь в общежитии на Добролюбова. Хмелик прозаик, но больше походил на поэта – основную часть времени после лекций проводил не в своей комнате за столом, а в спортивном зале на первом этаже. Резался в настольный теннис. Что он пишет, я

до сих пор не знаю, не знаю и того, как он зацепился в Москве, но пересекаемся мы для огромного города довольно часто. В том числе в «Детской литературе», где мне дают рецензировать самотек. Стёпа как-то говорил, его сборник стоит в плане «Современника», но пока, похоже, не вышел – он бы похвастался.

Центральный дом литераторов окружён легендами и мифами, это высший свет. Я в нём несколько раз бывал, хотя без писательского билета попасть туда трудно. В студенческую пору проводил нас литинститутский физкультурник и фотолетописец Иван Кириллович – отогреться и как поощрение за дежурство в народной дружине. Перед входом с улицы Герцена мы снимали красные повязки с крупными белыми буквами ДНД, Иван Кириллович солидно кивал вахтеру: «Это со мной». Его знали, он был вхож и без писательского билета.

За три года после института я в Центральном доме литераторов ни разу не был. И мне сейчас интересно, как пройдёт Хмелик, – он, как и я, не член Союза. Но Стёпа почему-то приказывает таксисту свернуть с Герцена на Воровского.

– Шеф, прямо во двор заезжай, к Правлению, – говорит он перед самым Садовым кольцом. – Да, направо, в ворота... – И показывает мне пальцем на громаду тёмно-серого дома сбоку: – Знаешь? Здесь Михалков живёт.

Московские достопримечательности Стёпа изучил явно лучше меня. И дела, похоже, у него идут лучше.

– Вы к кому, молодые люди?

Преклонного возраста дама-вахтёр сидит за столом, в руках у неё книга – в полном соответствии с местом службы. Наклонив голову, дама смотрит на нас поверх очков. После раскалённого летнего города с его вонью и многолюдьем здесь хорошо – тихо, от мраморной облицовки стен веет прохладой, никого вокруг.

Стёпа роняет:

– Нам назначено.

С неторопливым достоинством поднимаемся по лестнице. Миновав обнажённую античную деву в нише, Хмелик вполголоса говорит:

– К кому... К товарищу Левентулу в задний проход!
– Оглядывается на меня и смеётся.

Куда Стёпа мгновение спустя девается, я понимаю не сразу. За дверью возле одного из кабинетов провал. По крайней мере, так поначалу кажется. Стёпа смотрит на меня снизу и предупреждает:

– Осторожно, старик, крутые ступеньки.

Толкаясь плечами, мы затем двигаемся по узкому проходу, и Стёпа поясняет, Левентул – бывший хозушник Правления. В его бытность и проложен этот проход, соединяющий под землёй Дом Ростовых и ЦДЛ. Чтобы секретарям не выходить на улицу. Человек обессмертил своё имя.

– Если знаешь о заднем проходе Левентула, не надо просить, чтоб пропустили в ЦДЛ. Информация, старик, в наше время всё!..

Мы поднимаемся опять наверх, проходим через сумрачный вестибюль с фотовитриной писательских мероприятий, идём вдоль гостиной с диванами кустодиевски пышных форм и упираемся в буфет в Пёстром зале. Занимаем очередь. Время послеобеденное, да и лето, народа не много, но все курят, и дым ещё больше приглушает свет, которого и так в Пёстром зале мало.

Униженность и досада понемногу отпускают меня, делаются не такими острыми, и я пытаюсь прочесть надписи на стенах – ими этот зал знаменит. Некоторые из надписей я знаю, они давно фольклор, из Расула Гамзатова, например: «Пить можно всем. Но только / Знать с кем, когда, за что и сколько». Или: «Вода. Я пил её однажды. / Она не утоляет жажды».

– Это что! – говорит, заметив мой вялый интерес, Хмелик. Время от времени он вежливо здоровается с сидящими в Пёстром зале и теми, кто проходит мимо нас в ресторан. – Я недавно в туалете прочёл убойную вещь – в общественном, не цэдээловском! – И декламирует: – Писать на стенках туалета, / Увы, друзья, не мудрено. / Среди говна вы все поэты, / Среди поэтов – все говно. А?!

Очередь двигается медленно, до витрины ещё порядочно, и тут к нам подходят двое ребят где-то нашего,

под тридцать, возраста. Я их не знаю, однако главное отмечаю сразу – целеустремлённая собранность. Никакого, как у Стёпы, довольства собой, никакой расслабухи. Зовут их Валера и Слава, оказывается, они тоже окончили Литинститут, но заочно. Из разговора понимаю, что оба судятся с издательством. Я получил отрицательную рецензию, утёрся и ушёл, а они требуют экспертизы рецензии, доказательств её объективности, ссылаются на положения Авторского права.

– Стопились у кормушек, локти расставили – не подходи! А сами графоманы, – говорит Слава и непримиримо смотрит вокруг льдистыми, как у викинга, глазами.

Валера вторит ему:

– В общем, надо бодаться. Иначе не пробьёмся. – Он, наоборот, темноглаз и черноволос, вместо разговорного «што» чётко произносит «что». – Надо объединяться, гоношить что-то вроде организации за справедливость в литературе. А то нас по одному передавят, гарантирую!

Ребята мне нравятся. Оказывается, они дошли до госкомиздата, подали в суд на главного редактора «Нашего современника» за то, что тот распорядился не пускать их в редакцию – с журналами они тоже бодаются. Есть успехи. Рассказ Валеры напечатан в молодёжном двенадцатом номере «Октября», Славины стихи вошли в коллективный сборник «Московского рабочего». Намечаются ещё кое-какие публикации.

– Пошли в нижний буфет, там быстрее, – не выдерживает импульсивный, как поэту полагается, Слава. Он упирается своими прозрачными скандинавскими глазами в надменную буфетчицу, возвышающуюся над витриной. – Повелительница яйцеголовых... Быдло зажавшееся!

Я беру у Валеры номер телефона. Стёпа, который всё кивал, соглашаясь с ребятами, говорит, когда те уходят:

– На мне джинсы, на тебе джинсы... Обратил внимание, во что они одеты?

Я не запомнил. Общее впечатление – небогато. Да и мы, собственно говоря, тоже. Разве что в джинсах, мне папа на день рождения прислал.

– Моя Анька такими штанами пол моет... Качают права, а это безнадёга. От них уже везде шарахаются. Молодым писателям полагается быть тихими и безропотными. – Стёпа сгибает ноги в коленях, искательно вытягивает вперёд шею – показывает, какими мы должны быть.

Мысль знакомая, я вспоминаю Кима Николаевича, его красную рубашку и бритую наголо голову. Каждый умирает в одиночку, любил повторять руководитель нашего творческого семинара. И ещё: литература – кровавое дело, можете не писать – не пишите.

Легко сказать...

– Невезуха, в прошлый раз было чешское, – мимолично досадует Стёпа, когда покупаем несколько бутылок «Жигулёвского» и садимся за столик. – Ты с Зайцем знаком? Он всю дорогу на тебя смотрит.

Анатолия Зайца я знаю. Он родом из района, в котором родились мы с папой. От папы я и узнал об этом поэте, живущем в Москве. А познакомил нас Иван Кириллович, когда однажды провёл в ЦДЛ отогреться после дежурства в дружине. «Да, малая родина... – сказал малоприметный человек с брюшком. – А твой отец из какого села?» Я назвал. Анатолий Заяц проницательно посмотрел на меня. «Ну, это село ты можешь знать из моего творчества...» Мэтр, к которому набиваются в земляки. Я сразу отошёл.

– Его дело, пусть смотрит, – бросаю небрежно. И впервые за всё время ловлю на себе уважительный взгляд Хмелика.

Июнь, но ЦДЛ понемногу наполняется, всё больше народа проходит через Пёстрый зал в Дубовый, там ресторан, и обратно. Растёт очередь к витрине с надменной буфетчицей. Мы со Стёпой тянем пиво, болтаем о том о сём, прежде всего, понятно, о литературе, о том, что в журналах понравилось, что нет. Стёпа вдруг вскакивает и машет рукой.

– Веня! Веня!..

Парень с ранней лысиной и в очках что-то бросает двум девушкам, с которыми шёл, и поворачивает к нам.

Так это же Чачия!.. Я допиваю стакан и улыбаюсь Вене. Я с утра не ел, мне хорошо от пива и оттого, что вижу человека, с которым учился в Литинституте. Славный парень! Говорят, после института работал у себя в Тбилиси, потом его взяли в Москву, в Правление. Секретарь комиссии по грузинской литературе, очень даже неплохо. Выпускнику Литинститута устроиться на работу по профессии трудно, по себе знаю.

– Не побрезгуйте, барин, – ёрничает Хмелик и обмахивает сиденье стула воображаемым полотенцем. – Пива прикажете? Али чего покрепче притаранить, сообразно фамилии?..

Я смеюсь, Веня улыбается и пожимает нам руки. Он умный, всё понимает.

– Не могу, ребята. Меня ждут.

Говорит Веня чисто, без малейшего намека на акцент. Я в очередной раз смутно удивляюсь – грузин же.

– Да брось ты!.. Расскажи лучше, как живёшь. Когда Марковым станешь?

Пиво, похоже, ударило в голову не только мне. Марков – первый секретарь Правления, небожитель. Веня добродушно улыбается и ничего не говорит.

– Старик, на тебя одна надежда! А то обижают нас, сирых, кислород везде перекрывают! Твардовский помере, но дело его живёт – топи литинститутовцев, пока слепые!.. – разоряется то ли в шутку, то ли всерьёз Стёпа.

Заметно, что это тяготит Чачия. Он касается рукой груди, кивает на ожидающихся девушек – извините, ребята, должен идти. И уходит. Стёпа провожает его взглядом, обычным голосом говорит:

– Хорошо держится. – И поясняет: – Турнули Веню из Правления. С треском.

– За что? – удивляюсь я. Такой доброжелательный славный парень!.. И фамилия забавная.

– Тёмная история. Говорят, Константину Симонову не понравился, тот председатель комиссии по грузинской литературе. – Стёпа показывает рукой со стаканом мне за спину. – Сейчас вон у того в Литконсультации, у Сенчукова. За чайным столом сидит. Тоже, говорят, проблемы...

Я оглядываюсь и вижу длинный стол с самоваром и цветастой куклой в широких юбках сверху. Самовар декоративный, полукругом свисают баранки, на столе подносы с пирожными, пахлавой, чем-то ещё. Спиной ко мне одиноко сидит пожилой мужчина с костистым затылком. Редкие волосы не могут прикрыть эту костистость. Бросается в глаза то, как мужчина держится – слишком прямо, будто в корсете. На его сером, подросткового какого-то вида пиджаке не хватает только эполет и аксельбанта. Честь имею! – говорит всё в этом траченном жизнью человеке. Я хмыкаю.

– Это ты напрасно, – по-своему понимает меня Стёпа. – В Литконсультации за рецензии хорошо платят. Меня рекомендовали, но Сенчуков... – Хмелик лицом, рукой со стаканом показывает: не получилось. – Ископаемое. Сталинист.

Я ещё раз оглядываюсь на пожилого мужчину с прямой спиной и костистым затылком. Не думал, что сталинисты в обычной жизни сохранились. Как-то после лекций в институте мне показали прогуливающегося по Тверскому бульвару Молотова в пальто с барашковым воротником и в таком же «пирожке». Но то История.

Я смотрю на Сенчукова, и ничто мне не подсказывает, что с этим пока ещё не знакомым человеком будет связано многое в моей жизни, что сама судьба устроила смотрины – вдруг я что-то почувствую и уйду, убегу, смоюсь, унесу ноги, буду обходить десятой дорогой. Как ни о чём не предупредила меня и встреча с хитрым, как Одиссей, но всё же уязвимым Веней Чачия. Он на пару с Сенчуковым и заставят расстаться с затянувшимися мечтаниями и взглянуть на жизнь беспощадно трезво. И безнадежно.

Но нет во мне этой звериной интуиции, нет. К сожалению или счастью – не знаю.

2

– Участковый тебя спрашивал, – сказала Маша, выйдя из кухни. – Наверно, опять насчёт... О, да ты хороший!

Я, действительно, в тот вечер был хорош. На голодный желудок пить даже пиво не рекомендуется. Однако и в таком состоянии смог заметить перемены в хозяйке. За свои выходные Маша отоспалась и выглядела отлично. Исчезли припухлости под глазами, зарумянились скулы. Вверху – начёс осветлённых волос, молодящих её.

– Прелестница! Царица!.. – Я попытался опуститься на одно колено, но завалился на бок.

Маша, придерживая полы длинного халата, отступила и засмеялась. Ей было приятно слышать такие слова, Генка, муж, особо не баловал, тот всё больше матерком. Прежде чем подняться, я сумел сфокусировать глаза и рассмотрел золотистые шлепанцы на Машиных ногах, благо, снизу они заметней. Шлепанцы выглядели из-под шёлкового халата, их носки по-восточному были загнуты.

– Шахзада!.. – Как ни странно, слово далось мне сразу. – У нас сегодня событие?.. Мадам, я преклоняюсь перед вашей красотой!

Маша покраснела от удовольствия.

– Балаболка!

Из своей комнаты появился Иван Калистратович.

– Я вот тоже хочу спросить, чего вырядилась? – спросил тесть. Оглянувшись в открытую дверь, Иван Калистратович прикрикнул: – А ты не отвлекайся, пиши! Ишь обрадовался... – Это Димке, внуку, с которым он обычно делал уроки. Димка и жил в основном в его комнате.

– Что я вам, как нюшка должна всё время ходить? Я ещё молодая женщина!

– И привлекательная, – вставил я.

– Во-во. – Иван Калистратович хмуро смотрел на Машу. – Ох, Мария, допрыгаешься. Локти кусать будешь.

Маша подалась к свёкру.

– Я что, не могу своему мужику приятное сделать, встретить после работы?! – Она упёрла руки в бока. – Он не заслужил хорошего отношения? Чтобы в доме был порядок, чтобы жена была красивая?.. Всё выню-

хивает, всё высматривает, старый хрен! Глаза бы мои тебя не видели!..

Мне хватило ума уйти в свою комнату. Родные, разберутся. А в общем, я плохо понимал их отношения. Иван Калистратович постоянно в чём-то подозревал невестку, ворчал. Такое впечатление, что муж не Генка, а он. Взбяднула девушка, а свёкор знает, но Генке не говорит, лишь постоянно Машу пилит?..

Проснулся я оттого, что в глаза ударил свет. Хозяйка стояла в дверях, держала руку на выключателе. Лицо у неё было злое.

– Ну вот скажи, не сволочь, а?! Я курицу приготовила, бутылку купила, а его нет!..

Щурясь от света, я посмотрел на часы. Почти двенадцать. А казалось, только лёг. Думал, немного вздремну, потом попробую работать. Даже раздеваться не стал.

– До чего же скотина! Сегодня десять лет свадьбы, думала, сюрприз устрою, стол накрою, а его где-то черти носят!.. – Маша повернула лицо к коридору, продолжала громко, чтобы слышал свёкор, отводить душу: – Ну что за паразит такой?! Раз-то можно прийти вовремя? С таким мужем грех любовника не завести. Это я дура честная, другая бы!.. – Хозяйка оглянулась на меня. – Юра, вставай. Вставай, говорю! Пошли отметим.

Мне никуда идти не хотелось. Хмель почти прошёл, болела голова. Лучше всего раздеться и лечь спать по-человечески, работать сегодня всё равно не смогу. Но Маша подошла и принялась почти с ожесточением дёргать за руку.

– Пошли-пошли!..

Надо было идти. Нелегка ты, доля квартиранта.

– Тогда Ивана Калистратовича зови.

Маша махнула рукой.

– Ну его на хер!

Стол, действительно, был неплохой. Особенно, когда перед этим день почти ничего не ешь. У меня слюнки потекли. Маша с решительным видом сорвала бескозырку со «Старки», налила полные лафитники. Молча

выпили. Я навалился на отварную картошку, жареную курицу, селёдку под шубой, колбасу, салат из огурцов и помидоров – на всё разом, что было на столе. Спыхватившись (не для меня готовлено), поумерил пыл.

Под второй лафитник я произнёс замысловатый тост, смысл которого сводился к тому, что женщина в семейной жизни играет выдающуюся, можно сказать, вселенскую роль. Так что в корне не правы те, кто недооценивает её любовь и самоотверженность. Хотя, конечно, бывают обстоятельства, когда мужчину могут задержать непредвиденные дела. Например, мастер попросил остаться в ночную смену – кто-нибудь из грузчиков не вышел, а дело стоять не может, машины с молочными бутылками подходят через каждые пять минут.

– Знаю я эти ночные смены, – сказала Маша уже более сдержанным тоном. – Или назюзюкался с мужиками и в раздевалке дрыхнет, или к девкам в общагу попёрся.

Свёкра она всё-таки позвала. Иван Калистратович явился хмурый, он тоже не спал. Скромно принял лафитник из Машиных рук, выпил. Вёл свёкор себя так, будто в том, что Генка где-то шляется, виноват он.

– Да, Юр, участковый приходил, я тебе говорила. Злой. Насчёт работы, наверно. Прямо ничего не сказал, но чувствуется.

Я перестал жевать. Этого ещё не хватало! Хотя ожидать, в общем-то, следовало. Срок действия справки, которую я брал на молочном комбинате, давно вышел. В последнее время я стал не то что бы бояться милиции, а относиться к ней с опаской. Прежде всего к нашему участковому. Он настойчив, груб, то, что я окончил Литературный институт и пишу, для него значения не имеет. «Какой ты на хрен писатель! Где твой членский билет? Знаешь, сколько таких писателей по Москве?..» – допытывался в прошлый раз участковый. Мои слова, мол, для того, чтобы вступить в Союз писателей, требуется время, а занимаюсь я литературой профессионально, мой рассказ напечатан в известном журнале «Юность», – все эти доводы на капитана впечатления не произвели. «В общем, так. Через неделю справки с

работы не будет – не обижайся! На сто первый километр законопачу». Как многие милиционеры, участковый из деревни. Коренные москвичи «законопачу» в разговоре не употребляют.

– Юр, да брось ты всё на фиг! Что, на писанине твоей свет клином сошёлся? Давай обратно к нам на комбинат.

Я неопределённо кивнул. Конечно, при таком раскладе проблем у меня было бы намного меньше. И с участковым, и с Аллой, моей полуженой. Вот только времени писать не останется. Маша между тем не отступала, злость на Генку требовала выхода:

– Мужики у нас пьянь на пьяни, плюнь – в алкаша попадёшь, а зарабатывают будь здоров!.. И участковый отстанет. К Вальке из семнадцатой квартиры ходит, деятель!

– За комнату опять же заплотишь, – поглядывая на невестку, поддержал Иван Калистратович. – За сколько месяцев не плочено? И свету нажёт.

Маша заискиваний свёкра не приняла:

– Ждали и ещё подождём, люди мы или нет. Обидно смотреть, мозги сушишь, ночами сидишь, а толку с гулькин нос!

Последние Машины слова мне были особенно неприятны, и я, чтобы сгладить впечатление, пошутил:

– Вообще-то правильно – с гулькин хер.

– Тем более!..

На Останкинском молочном комбинате я стал подрабатывать перед папиным юбилеем. И после армии, когда жил у Аллы, был ещё один заход. Тогда через девочку из тарного цеха я и познакомился с Машей, квартирантом которой состою. Что меня поразило с самого начала, так это заработки московского пролетариата. Среди комбинатовских мужиков ходил стишок: если хочешь жить как туз, иди работать в Моспогруз. Грузчику на комбинате платили больше, чем в Черновцах зарабатывал классный фрезеровщик. Контора Моспогруза находилась в Марьиной роще, а рассылали нас по разным предприятиям. Я попросился на Останкинский комбинат – рядом с общежитием, удобно.

И опять события моей жизни рифмовались, никуда

не денешься, иронизирую по этому поводу или нет. Ещё на первых курсах, когда приезжал на сессии и жил, как все заочники, на третьем этаже общаги на Добролюбова, я по ночам слышал ритмичное позвякивание. После двенадцати затихали машины, около часа прекращали щёлкать штанги сворачивающих на Руставели троллейбусов, а позвякивание всё продолжалось. Сначала я думал, что это в соседней комнате общается неутомимая пара – похожие звуки издаёт панцирная койка, – но энтузиазм пары был слишком уж невероятен. Кавалер затыкал за пояс самого Геракла с его сорока девственницами. Лишь позже я понял причину двусмысленных звуков. Во дворе Останкинского молочного комбината – он через перекрёсток – разгружали машины с молочными бутылками. Даже ночью фургоны подъезжали один за другим. И вот через несколько лет мне пришлось подрабатывать на этом комбинате, самому иметь дело с пустыми бутылками.

Причудлив и непредсказуем узор судьбы. Но знаки она всё же подаёт, с возрастом убеждаюсь в этом всё больше. Нужно только уметь читать их, различать в разноцветном витраже жизни, где и случайных стёклышек с избытком.

– Юр, серьёзно говорю, возвращайся! Не надоело? Вон как на еду набросился, я ведь вижу. Мне, конечно... – Маша вдруг замолчала. – Идёт, скотина!

Стало слышно, как возится ключ в замке. Хозяйка подхватила и вылетела в коридор. Но вместо крика последовала тишина, а потом застенчивое:

– Ой, Ген... Ну зачем ты? Дорогой, наверно.

– Пол-Москвы объездил, весь загашник потратил, – ворчал Генка. – Довольна?.. Я помню, какой сегодня день, не думай.

Через несколько секунд на пороге кухни нарисовалась счастливая Маша с букетом роз в руках. За ней виднелся горбоносый и чубатый Генка, похожий на шолоховского Гришку Мелихова. Он принялся в подробностях рассказывать, как мотался по городу в поисках цветов, как побывал почти на всех вокзалах, как такси-

сты драли двойной тариф – ночь... Чувствовалось, Генка долго ждал, чтобы рассказать о своих героических мытарствах.

Я поднялся и, пошатываясь, побрёл в комнату. Мог бы не шататься, на меня никто не обратил внимания.

Ночью, поднявшись в туалет – выпитое в ЦДЛ пиво давало себя знать, – слышал, как Маша у себя в комнате вполголоса выговаривала Генке.

Была чем-то недовольна, несмотря на розы.

3

Есть такой фильм с Банионисом и Роланом Быковым, называется «Мёртвый сезон». Вернее, был. Там раскручивались шпионские страсти, действие происходило в курортном городке на побережье, кажется, Англии то ли поздней осенью, то ли бесснежной зимой. Пустынные набережные, малолюдье, ударяют в длинный мол тяжёлые волны – в общем, почему фильм так назвали, понятно. Хотя это ещё и метафора.

Так вот, мёртвый сезон в Москве – лето. Нести что-либо в редакции бессмысленно, рукопись примут, но она пролежит до октября, когда из отпусков начнут возвращаться основные сотрудники. Отдыхают и графоманы – ручеек самотёка в «Детской литературе» на время пересыхает, а с ним у меня кончаются деньги. Гонорары за рецензии – основные поступления в мой бюджет.

В тот раз особенно скверно вышло потому, что я надеялся на литературный заработок. Обычно этого не делаю. Не только потому, что такой заработок ненадёжен. Долгое время я считал, литература и деньги, перефразируя классика, вещи несовместные. В том смысле, что нельзя писать ради денег. Мне это казалось жлобством. Вспоминая то время, я люблю себя молодого. Идеалом меня назвать было трудно, но к литературе я относился так, как относился влюблённый вассал к жене своего сюзерена – с восхищением и благоговением. Звучит напыщенно, но по-другому сказать не могу.

Я понадеялся на аванс из «Советского писателя», а

в издательство назначили нового директора, человека из ЦК, и заведующая редакцией осторожничала, подписывать со мной договор не спешила. Разговаривать с этой пожилой женщиной было сложно: не знаешь, в какой глаз смотреть, они у неё косили. Предлог для оттягивания – необходимо доработать несколько рассказов. Рассчитывая на совписовские деньги, я упустил момент, не переговорил со знакомыми мужиками, и бригада шабашников уехала в Карелию строить коровники без меня. В прошлом году за летние месяцы я заработал в Карелии около тысячи и полгода спокойно писал.

Идти в «Детскую литературу» бессмысленно, но я всё же иду. Авось. Из душевной прохлады метро выхожу на станции «Площадь Дзержинского». Здесь как на сковородке. Плавающий асфальт, бензиновая гарь, стада неприятно бликующих машин огибают памятник железному Феликсу. За памятником известное здание. Анекдот тридцатых: «Не подскажите, где Госстрах?» – «Где Госстрах не знаю, а госужас перед вами». Слава богу, времена настали диетические, как сказала однажды Ахматова. Хотя за перепечатку, например, «Ракового корпуса» и сейчас таскают. Двух моих однокурсников из-за этого отчислили из института.

Размышляя таким образом, я сворачиваю направо в Малый Черкасский переулок. Высокая тяжёлая дверь, тёмный после солнца вестибюль, особый запах. Будь я собакой Павлова, у меня на все эти раздражители сработал бы рефлекс слюновыделения. Здесь кормят. Вернее, подкармливают. Со мной неожиданно здороваются спускающаяся со второго этажа заведующая дошкольной редакцией. На преисполненном достоинства лице замечаю нечто человеческое. Дама даже улыбается мне. С чего бы?.. Я как-то заносил ей детские рассказы, получил отлуп, сочувствующая младший редактор шёпотом передала слова заведующей: он не наш.

Интересно, как они это определяют? Для «Молодой гвардии» и «Октября» я не их, для «Нового мира» и «Знамени» тоже. Мне разве что прямым текстом об этом не говорят, когда возвращают рукописи. Для кого

в конце концов я свой? Название для рассказа о молодом писателе: «Непримкнувший». Или нет, «Ненужный» – точнее. Извините, Юрий Антонович, все места заняты, литература не резиновая. Увы и ах.

С Краснопёровым я всегда вижу с удовольствием. Не только потому, что дает заработать. Просто славный человек. Принадлежность к русофилам, западникам или певцам коммунистического завтра его не интересует. Валентину Леонтьевичу за сорок, он румян, улыбчив, разговаривает негромко. Похоже, ему понравилось мое прямодушное солдатское нахальство, когда после дембеля я заявился в редакцию и предложил свои услуги в качестве рецензента. Никто меня не рекомендовал, своим ходом. Предлагал свои услуги я и в других редакциях, но рукопись на пробу дал один Валентин Леонтьевич. «Вы не кровожадный человек, это хорошо, – сказал он, прочитав рецензию. – Вам бы работать в Литературной консультации. Там не стараются под любым предлогом отбояриться от автора, а подсказывают, что можно сделать с рукописью. Знаю, служил там».

– Здравствуйте, Валентин Леонтьевич! – говорю я, открывая дверь в редакцию.

– А, Юра, привет. – Краснопёров отрывается от каких-то листков, поднимается из-за стола и протягивает руку. – Присаживайтесь.

Второй сотрудницы не видно, её стол пуст, похоже, женщина в отпуске – лето, оно и в редакции по работе с непрофессиональными авторами лето. Я всё ещё под влиянием встречи с заведующей дошкольной редакцией.

– Сейчас встретил, – я называю фамилию дамы. – Странно, первой поздоровалась, улыбается...

– Её на пенсию отправляют, – коротко сообщает Валентин Леонтьевич.

Я хмыкаю. Как сам не догадался! Человечность во многих начальствующих появляется, когда их спускают с вершин. Мне хочется поострить на эту тему, но по лицу Валентина Леонтьевича замечаю, что не стоит.

– Как у вас дела? – на всякий случай опережает он.

Вопрос если и из вежливости, то отчасти. Краснопёров из разряда людей, которым легко рассказываешь о своих проблемах. Он знает, что я ушёл от жены, что снимаю комнату, что блестящими мои литературные дела не назовёшь. Я рассказываю об участковом, который достаёт из-за того, что не работаю.

– А вы разве не член профкома литераторов?.. Есть такой промежуточный пункт для тех, кто ещё не в Союзе.

Я пожимаю плечами.

– Слышал, но всерьёз не интересовался. Надобности не было.

– Разузнайте подробнее, может пригодиться. – Валентин Леонтьевич мягко улыбается. У него лицо в меру полного человека, улыбка от этого кажется ещё приятней. – Я сам о профкоме подумывал, когда ушёл из Литконсультации. Однако не рискнул сесть на вольные хлеба. Они вольные, но скудные.

– Да уж!.. – с чувством поддерживаю я.

Краснопёров, конечно, понимает, чем вызван мой визит. Однако приличия требуют ещё некоторое время поговорить. Например, об отпуске. Валентин Леонтьевич уходит в отпуск через неделю, собирается с сыном в Крым. Мальчику надо, у него был серьёзный стресс, врачи советуют какой-нибудь санаторий невротического профиля. У меня отпуска нет и быть не может по определению, мое нынешнее положение подобного не предполагает. Собственно говоря, вся моя жизнь после дембеля сплошной отпуск, если это можно так назвать. За исключением недель, когда пытался вернуться на Останкинский молочный комбинат.

Разговор течёт без напряжения, я посмеиваюсь, Краснопёров улыбается. Мне приятно общаться с ним, похоже, ему тоже. Наконец Валентин Леонтьевич делает паузу, смотрит на стол, потом на меня и разводит руками.

– Юра, ничего нет – лето, сами понимаете. Разве что вот это. – Он кивает на рукописные листки перед собой. – Человек небесталанный, но некоторых вещей, необходимых в литературе, не понимает. Возьмёте?

Рукопись тонкая, однако, если заплатят аккордно,

это рублей тридцать. В моём положении целое состояние. Я благодарю, расписываюсь в карточке и кладу папку в свой дипломат.

– Валентин Леонтьевич, – закидываю на всякий случай удочку, – у вас никого в Литературной консультации не осталось?.. Задолжал кругом, надо как-то рассчитывать.

Красноперов откидывается на спинку стула, несколько секунд смотрит в затенённое, выходящее во внутренний двор окно.

– Понимаете, Юра, там все рукописи идут через Сенчукова... Я с ним перед уходом не очень ладил.

Понимаю. Ещё раз благодарю и прощаюсь.

Что за зверь этот Сенчуков, если даже обходительный мягкий Красноперов не смог с ним сработаться?.. Веня Чачия, выходит, не первый, кто с Сенчуковым конфликтует. В самом деле, странно.

На лавочке у подъезда нашего дома меня дожидается Алла. Как ей не жарко, думаю я. На плечи полужены стекают густые чёрные волосы, она их никогда не стрижёт, разве что подравнивает. Впрочем, одну уступку лету Алла всё же сделала – она без бюстгалтера. Я замечаю свободное движение груди под блузкой, когда Алла поворачивается ко мне. Непроизвольно сглатываю.

– Привет. Уже думала, не дождусь.

– Ты бы сначала позвонила. Волка, сама понимаешь, ноги кормят.

Алла протягивает конверт.

– Была рядом, решила занести.

Полужена лукавит. Где это «рядом», какие такие дела могли её привести со Смоленской площади в наш район? Я беру конверт, обратный адрес и фамилия незнакомы.

– Из «Юности» переслали?

Алла кивает. Мне до сих пор идут письма после публикации рассказа. Пишут в основном девушки.

– Пошли, чаем угощу.

– В такую жару?.. – Мимолётная гримаса искажает Аллино лицо. – Юра, пожалуйста, послушай меня. И не

перебивай. Я тебе нашла работу. Знаешь детский сад за гастрономом? Им сторож нужен, ночь через две.

Я смотрю на Аллу, мне по-настоящему жалко её. Так понятно желание иметь семью, завести ребёнка, чтобы всё, как у людей – нормальная женщина. Я виноват, не нужно было посылать то письмо в синем солдатском конверте без марки. Но тоска, казарма с её прелестями, мысли о гражданке, когда всё кажется лучше, чем было на самом деле. А тут ещё смерть мамы, обрушившаяся неприкаянность. Я решил, что не смогу без девушки, которую встретил однажды в «Метелице» и у которой потом бывал дома. Алла жила с бабушкой, седенькой поповной, гордящейся фамильным серебром. Моя новая знакомая преподавала в школе, словесница, так что у нас находились темы для разговоров. Любовь к литературе не мешала другому. Мы уединились в Аллиной комнате, я сел на стул, Алла, расстегнув нижние пуговицы халата, на меня. Иначе было нельзя, бабушка в любой момент могла войти. Всё происходило со смешком, как бы шутя, легко – как я понимаю теперь, слишком легко. Гось, а потом защита диплома отнесли Аллу, я перестал звонить. Она не звонила тоже, наверно, из гордости.

– Что молчишь?

Я начинаю объяснять, почему не могу работать сторожем. На Аллином лице лёгкая досада: начинается. Однако голос у неё спокойный, ровный:

– Но ведь две ночи ты будешь спать нормально, – поучительно терпеливо объясняет она. – И кто тебе сказал, что сторожа на работе не спят? Уверена, спят. Я что-то не слышала, чтобы детский сад где-нибудь обокрали.

– Это не значит, что такого не бывает, – упрямо возражаю я, хотя дело совсем не в этом.

– А если даже нельзя спать, на дежурстве ты мог бы обдумывать свои произведения, делать наброски. Дома высыпался бы и спокойно писал. Разве не так?

Алла согласна на шестьдесят рублей ночного сторожа, это прогресс. Раз уж не получилось быстрого писательского успеха и не нашлось места даже в самой

завалющей редакции, то хотя бы так. Размолвки у нас начались вскоре после того, как я вернулся из армии. «Чему вас на филфаке учили? – кричал я. – Всё и сразу?! А Достоевский, который свадебные подарки жены в ломбард закладывал? А Некрасов, который в молодости куски в трактирах подбирал?!.» С другой стороны, Алла права – мужчина должен приносить в дом деньги. В нашей семье было именно так, мама из-за сердца вообще не работала. Мелькает покаянная мысль: раньше надо было думать, Юра, раньше! До того, как подполковник Муругов дал увольнительную в Москву на трое суток в связи с заключением брака с гражданкой Чистяковой. Я-то ладно, сам такую жизнь выбрал, но зачем других в авантюру втягивать? Тем более детей, а они появятся. Дети-то чем виноваты?

– Нет, Ал, не могу. Ты же помнишь, я пробовал работать на молочном комбинате. Что вышло? За два месяца ни строчки.

Ожидание на лавочке, слова о детском саде, по сути – просьба, чтобы я вернулся, дались Алле нелегко. Она срывается:

– Ты просто не хочешь работать!.. Ты убеждённый бездельник, твоё писательство просто ширма!..

– Вот именно, – соглашаюсь я. – Давай не будем заводить сказку про белого бычка. Тебе лучше развестись со мной. Я не для семьи.

Алле хочется сказать что-то ещё, губы у неё дергаются, но она берёт себя в руки. Резко поворачивается и уходит. Подпрыгивают на спине роскошные чёрные волосы, двигаются под юбкой крепкие бёдра.

Дурак, говорю я себе, дурак!..

4

Участковый со своей справкой висит надо мной как Домоклов меч, и в тот же день я решаю позвонить Стёпе Хмелику, чтобы подробнее разузнать о профкоме литераторов. Но вспоминаю, что телефона Хмелика у

меня нет, он почему-то его не даёт. Зато есть телефон черноглазого Валеры из ЦДЛ, говорящего «что», и я звоню ему.

– Всё так, старик – говорит Валера. – Я сам в профкоме, здесь идёт стаж и милиция не трогает. Если хочешь вступить, нужны две рекомендации членов профкома и одна члена Союза. Как у тебя с публикациями?

– Кое-что есть.

– Тогда дерзай. Записывай адрес.

Я мог надеяться на рекомендацию Хмелика, Валера, быть может, тоже не откажет, хотя, похоже, ничего моего не читал. Насчёт рекомендации члена Союза я долго не думаю – Ким. Всё-таки руководитель творческого семинара, писатель с именем. К Киму Николаевичу я и решил обратиться в первую очередь – может, ещё не уехал на лето из Москвы.

О светских женщинах я имел представление по классической литературе. Как держат себя нынешние львицы, мог разве что предполагать. Теперь у меня появилась возможность узнать, как это выглядит в реальности.

– Я вас слушаю, – сказала трубка грудным женским голосом.

Я поздоровался, попросил позвать Кима Николаевича.

– А как мне о вас сказать?

Смутившись – представляться следует без напоминаний, – я назвал себя. Но в голосе женщины не было и намёка на укоризну, только прежняя спокойная доброжелательность:

– Хорошо.

Новая жена была дочерью совминовского чина. Ради неё Ким развёлся с первой женой, с которой переехал в Москву с Дальнего Востока. Ребята из семинара пожимали плечами – зачем это Киму, ему и так везде зелёный свет, в журналах и издательствах повести с руками отрывают. «Циники! – осудила ребят неукротимый романтик из бурятских степей Света Гырылова. – Он что, не мог влюбиться?!»

– Ну? – в голосе Кима Николаевича особой привет-

ливости не чувствовалось. Возможно, я оторвал его от работы. Хорошо хоть взял трубку.

Как можно лапидарней я изложил свою просьбу.

– Напиши сам. Я подпишу. – И всё, гудки.

С возрастом я всё больше понимаю Кима Николаевича и задним числом сочувствую ему. Он был сродни господину Богу. У него все чего-нибудь просили. Переговорить в редакции насчёт рукописи, зачитать в учебной части за пропусками лекций, написать предисловие к сборнику, дать, наконец, рекомендацию в Союз... Киму также приходилось вызывать из милиции некоторых семинаристов, благо, высокие милицейские чины к нему благоволили из-за известного романа о сотрудниках МУРа. Не знаю, хватило ли бы у меня человеколюбия на его месте подобным заниматься изо дня в день.

Тогда в словах Кима Николаевича меня смутило то, что рекомендацию на себя предстояло писать самому. Мало того, что неловко, так ещё тонкое дело, опасно как перехвалить себя, так и недохвалить. Перехвалишь – будешь выглядеть самовлюбленным дураком. Недохвалишь – в профкоме литераторов засомневаются, достоин ли. В конце концов я решил съездить к Толе Довгошее – его, пока единственного из нашего семинара, приняли в Союз. Опыта у Толи побольше, в том числе житейского, он старше нас.

Сейчас бы это назвали бомжеванием, а тогда считалось большой удачей. У Толи была крыша над головой и московская прописка. Всё благодаря Киму. Толя был его давним, еще по Хабаровску, знакомым, когда руководитель нашего семинара служил в краевой газете, а Довгошее искал полезные ископаемые в отрогах Яблонового хребта. Мне повезло, Толя оказался дома. Он занимал комнату в огороженном глухим строительным забором здании, предназначенном на снос. Я отыскал в заборе отодвигающуюся доску (здесь я уже бывал), зацепив пальцами за край, открыл дверь с оторванной ручкой и ступил в тёмный подъезд. Лампочки, естественно, не было. Довгошее ходил с фонариком, мне же, чтобы не упасть, лестницу на второй этаж пришлось искать на

ощупь. Второй этаж расселённого дома оказался светлее, в торце коридора зияло окно с выломанной рамой.

– Толя, открой.

Было тихо. Пахло старым деревом, осыпающейся штукатуркой, замасленными обоями – запустением. Я повторил свой призыв. За дверью послышалось движение.

– Юр, ты, что ли?

– Нет, призрак замка Морисвиль, – ответил я, подывая.

Толя Довгошее открыл дверь.

– Заходи... Через порог не здороваются.

Кроме странной фамилии у Толи была не менее странная привычка пожимать руку, оттягивая её вниз и слегка выворачивая. Он походил на популярного в те годы польского киноактера Збигнева Цыбульского – широкий вздёрнутый нос, очки, светлый ёжик.

– А вот теперь здорово!

Следовало бы взять с собой хотя бы бутылку «Солнцедара», но у меня даже на него не было денег. Поэтому прямо у порога я сказал:

– Толь, я на минуту. – И поведал о своей проблеме.

– В коридоре что за разговор. – Толя потянул меня на кухню. Он снял очки и принялся крепко тереть глаза. – Сейчас чаю попьём, поговорим... Я одичал совсем, всё время за машинкой...

Вид у него в самом деле был усталый – Толя гнал повесть. К зависти ребят из семинара, его не только печатали, а печатали в «Новом мире», самом уважаемом из толстых журналов.

– А чего странного? Обычное дело, – сказал Довгошее за чаем. – Предисловие к моему сборнику я тоже сам писал, Ким лишь местами поправил. Читать наше у него времени нет, ему своё гнать надо.

– Неловко как-то – на себя...

– Есть, конечно, но... Литинститут ты окончил? Окончил. Рассказы печатаются? Печатаются. Даже в «Юности» вон напечатали. Ну и несколько слов насчёт того, что молодой и перспективный, так у них полагаются. В общем, не тушуйся.

Толя разоткровенничался, видимо, и в самом деле истосковался по людям. Сказал, что от Союза ему обещают комнату в нормальном жилом доме, здесь одному жутковато. Он и так старается по ночам не включать свет, чтобы не привлекать алкашей – бывает, забредают на этаж, шарятся, что-то ищут. Вот закончит повесть, переедет – и к себе, в Тверскую губернию, в город невест Вышний Волочок. Есть девушка на примете. А то жентиться всё не получалось – то скитался геологом по диким местам, то эта неустроенность в доме на снос. Пора обзаводиться семьёй, начинать нормальную человеческую жизнь.

– Толь, тебе сколько лет?

– Тридцать четыре. А что?

Я не ответил. С запозданием всё как-то у нас, пишуших, получается. Или прав всё-таки Пушкин: ты, царь, живи один?.. Женился, в итоге его застрелили.

Довгоша меня ободрил. Рекомендацию на себя я сочинил. На следующее утро, перечитав, отпечатал на гэдээровской «Эрике», папином подарке. Опять позвонил Киму. Прежний женский голос, минуту поотсутствовал, сказал, что Ким Николаевич готов принять меня завтра.

Она мне сразу показалась знакомой. Новая жена Кима выглядела старше его, по крайней мере, волосы у неё были седые, слегка подсиненные. Плавный поворот головы, спокойное достоинство, которое вряд ли что способно смутить, бёдра сердечком, как бывает у женщин за сорок, когда появляются лишние килограммы. Статья. Порода.

– Ким, твой бывший студент, – сказала она вглубь квартиры и вскользь взглянула на мои довольно непрезентабельные кроссовки.

Я торопливо снял их. Действительно, они плохо сочтались с зеркалами и ковром прихожей.

– Ну что вы, ей-богу, не стоило... Знаете, он настолько уходит в работу, что ничего не слышит, – с улыбкой заметила женщина, снисходя к слабостям близкого человека. – Ки-и-м!..

Тапочек она мне не предлагала, пройти в кабинет к

Киму тоже, и я стоял среди прихожей. Галантный век, гранд-дама с портретов художников школы Левицкого – и я в носках. Слава богу, хоть без дырки на большом пальце или пятке. Дурацкое довольно-таки положение.

Нечто подобное чувствовал я и тогда, когда увидел эту женщину впервые. Она меня явно не помнила, а я её запомнил прекрасно. Приезжая на сессии, заочники обычно стараются побывать в московских редакциях, показать рукописи. Считается, одно дело отправить свои нетленки по почте – и совсем другое передать самому, из рук в руки. Нам казалось, так больше шансов, что напечатают. Не найдя никого в отделе прозы ближайшего от Литинститута журнала, я осмелился постучаться к заведующей отделом – оттуда были слышны голоса. «Да», – выдержав паузу, сказали мне. Я вошёл. За старинным круглым столом с гнутыми ножками сидело несколько женщин и пили кофе. Видно было, им хорошо и уютно, они вполне самодостаточны. Я не бог весть какой психолог, но понимал, что некстати, а это может сказаться на будущем рукописи, однако решился. «Вот... рассказы. Я студент Литинститута... С Украины». Все молчали. Холёная женщина с подсиненными волосами повела плечами, сделала удивлённые глаза: «Не стоило беспокоиться. Наш редакционный портфель полон».

Не знаю, что врезалось в сознание больше, эта дама, напоминавшая Екатерину Великую в пору своего женского расцвета, или её слова. Ни до, ни после принять в редакциях рукопись у меня не отказывались. Двойное унижение.

– Привет, старик. – Из недр квартиры быстрым шагом вышел Ким. Он был в светлом летнем костюме, в согнутой руке на отлёте держал трубку. Импозантный мужчина средних лет, бритая голова придавала Киму особый шарм. На меня пахнуло медовым запахом дорогого табака. Руководитель нашего семинара был вполне под стать своей новой жене, которая, кивнув, ушла. Похоже, Ким куда-то собрался. – Принёс? Давай, а то спешу.

– Ким Николаевич, поздравляю с выдвижением на Государственную премию, – подхалимским голосом сказал я. – Всё как-то случая раньше не было...

Ким, пробегая глазами сочинённую мной цидулку, выпустил дым в усы и хмыкнул.

– На твоей памяти это который раз? Третий?..

– Но когда-то ведь дадут.

– Дай бог нашему теляти волка съести.

С одной стороны, Киму были приятны мои слова, с другой – этот вопрос о количестве выдвижений. Но он всё же подобрел, было заметно. Глянул по сторонам, решая, на что пристроить рекомендацию. Я подставил свой дипломат.

– Приглашают на бой быков... – заговорил с паузами Ким, опуская листок и подписывая. – В ЦК присматривают кандидатуру на главного редактора одного хорошего журнала... Задержался в Москве, завтра с утра в Дублты... Всё?

– Спасибо.

Мысль выскочила внезапно, как чёрт из табакерки. Хотя, если подумать, не так уж и внезапно – всё-таки перед этим был визит к Толе Довгошее. Я, конечно, не знакомый с хабаровских времён, но чего не бывает.

– Ким Николаевич, мне этот профком литераторов, как зайцу стоп-сигнал. Меня участковый достаёт, – сказал я. – Нельзя ли как-то...

– С работой помочь? – Ким реагировал мгновенно.

– Старик, ты же знаешь, как с работой. Везде забито.

О службе, имеющей отношение к литературе, я не мечтал. Стать сотрудником журнала или издательства казалось несбыточным делом. Я промямлил:

– Сделать бы звонок начальству участкового... Что-бы не из-за профкома отстали, а вообще.

Этот взгляд стоило запомнить. Он врзался в память навсегда. В самом деле, надо иметь совесть, не опускать известного советского писателя ниже плинтуса. Но согласился Ким легко:

– Хорошо, какое отделение? Говори, я запомню.

Он не позвонил.

Теперь, думая о том, что изменилось бы, если бы Ким позвонил милицейскому начальству, я понимаю, что жизнь могла пойти иначе. Меня оставили бы в по-

кое, я посидел бы над рассказами, быть может, написал новые, задумки были. В «Совписе» вышла бы наконец книжка, которую я так хотел и ждал. Моя, настоящая, с именем и фамилией на обложке! Аккуратный томик, пахнущий новой бумагой, клеем от переплёта, отдающий керосином типографской краски, которая слаще духов!.. Эта книжка, быть может, примирила бы меня с изнанкой литературной жизни, к которой я прикоснулся. По крайней мере, на время.

Хотя... Не знаю, не знаю.

5

У меня есть рассказ о девчатах, работающих в тарном цехе. Я познакомился с ними, когда устроился на Останкинский молочный комбинат. Подрабатывать особой надобности не было, я получал стипендию плюс деньги, которые ежемесячно присылали из дома, – жить было можно. Но папе в том году исполнялось пятьдесят, мне хотелось сделать хороший подарок.

Я уже знал, что куплю: редкие в ту пору наручные часы с будильником в золочёном корпусе, в Москве они продавались. Стоили такие часы достаточно дорого, откладывать понемногу из своих доходов было бы слишком долго, и я отправился в контору Моспогруза в Марьиной роще. Кое-кто из литинститутских ребят подрабатывал на Останкинском молочном комбинате, они и подсказали.

Судя по всему, комбинат был не самым привлекательным местом для моспогрузовских работяг. Сюда брали даже на неполную неделю и, самое по тем временам удивительное, на неполный рабочий день. Ничего лучше для студента не придумаешь. Москвичи работать физически не любят, это общеизвестно, а потребность в рабочих руках была такая, что за готовность заниматься непрестижным трудом давали московскую прописку. С лимитчицами из Рязанской области мне и выпало работать.

Нормальные девчонки, большинство из них позво-

ляли себя тискать и даже более того, но запомнились они не этим. Я смотрел на них сочувственно и высоко. Хотя, по большому счёту, моё положение было не многим лучше. Та же необходимость продавать время своей жизни, чтобы купить еду и продлить идущее по кругу существование. Но у меня был институт, были литературные поползновения, а у них? Мне и в голову не приходило, что можно ловить кайф оттого, что живёшь не в рязанской деревне, а в Москве, что в глазах земляков выглядишь особым человеком, что со временем можешь стать стопроцентной москвичкой с постоянной пропиской.

Обо всём этом я тогда не думал. Я смотрел на девчонок в шлёпанцах на высокой деревянной подошве (чтобы не убило током – плиточный пол в подвале постоянно был мокрый), на их тёмные халаты, я видел, как эти девчонки наравне с мужиками выхватывали с транспортёра тяжёлые ящики с бутылками, торопливо штабелевали их или, наоборот, быстро разбирали штабеля, швыряли ящики на оживший транспортёр, который с остановками двигался вверх, в молочный цех, где бутылки наполнялись. Жизнь девчонок казалась мне безысходной и тусклой. Отработать смену, прийти в общежитие, сварить суп, съесть, лечь спать, проснуться по будильнику, опять на работу...

В подвале жили несколько кошек, благо, молока было вдоволь. К тому же работницы подкармливали варёной колбасой, когда начинался единственный за смену двадцатиминутный перерыв. Кошки здесь родились, росли, с воплями трахались за штабелями, рожали котят, умирали и не знали, что кроме подвала есть что-то ещё. Свет для них существовал только один – электрический. Выглядели кошки неприятно, гноящиеся глаза, тощие тела, шерсть то ли свалявшаяся, то ли полувылезшая. Они не видели снега, не знали зимы, осени, дождя – в тарном цехе были постоянные влажные субтропики.

О кошках и девчонках-лимитчицах я и написал рассказ. Провёл параллель. Возьмись за эту тему сейчас,

я, быть может, написал бы ещё жёстче и безысходней. Жизнь кошек тарного цеха я сравнивал с человеческим существованием. Разве что кошки у меня были счастливее – они не знали, что есть что-то ещё, кроме подвала. Но я лакировщик действительности, люблю гармонию и чтобы всё было хорошо. За это мне доставалось на семинарах. Рассказ о лимитчицах был первой моей попыткой жёсткой прозы.

«Юра, вы что нам принесли? – с укоризненным удивлением сказали мне в «Юности». Меня ещё не печатали, но встречали доброжелательно. – Про рабочий класс нам, конечно, надо, но не так же!.. Вот у вас есть героиня, которая поёт. Сведите её с ребятами из вокально-инструментального ансамбля, который должен быть на предприятии – чувствуется, оно большое. Пусть девушка реализует себя в творчестве. Уж на что строг ваш тёзка Казаков, а посмотрите, как он поворачивает ситуацию в «Артисте миманса»... Юра, будьте добрее к своим героям, нельзя так сурово!»

Меня подталкивали к тому, с чем я сам был не против согласиться. Альтернатива жизни, которой жили девчонки, выход из тупой беспросветности должны быть. Жаль только, что героиня, которая у меня пела, на самом деле подхватила сифилис и её с комбината уволили. Что с девушкой сталося потом, я не знаю. В деревню возвращаться было нельзя, подруги наверняка растрезвонили, а в Москве со своей проблемой она вряд ли могла устроиться. В Сибирь, на «стройки народного хозяйства»?.. Романтическая схема оказалась нежизненной, переписывать рассказ я не стал. Почему-то было стыдно это делать. Хотя у рассказа в таком случае появилась бы перспектива.

И вот мне опять предстояла встреча с девчатами из тарного цеха. Пока я собирал рекомендации в профком литераторов, его начальство благополучно ушло в отпуск, так что дело откладывалось до осени. Ким не позвонил, и у меня состоялся очень неприятный разговор с участковым, на этот раз он продержал меня сутки в отделении. Надо было что-то делать. Из-за нервотрёп-

ки не писалось, а это было хуже всего. Какого чёрта, решил я наконец, пойду на комбинат! Всё равно время идёт зря, а так хоть заработаю денег, получу справку, а там посмотрим. Конечно, удовольствие ниже среднего – работать летом в подвальном помещении со стопроцентной влажностью, занимаясь высокоинтеллектуальной деятельностью по обеспечению разливочного цеха тарой. Однако выбора не было.

Тут-то меня и разыскал Стёпа Хмелик.

В прошлый раз в ЦДЛ он исчез неизвестно куда. Мы хорошо тогда посидели в Пёстром зале, Стёпа взял ещё несколько бутылок пива, а потом вдруг растворился в пространстве. В его поисках я поспонялся по Дому, побывал в нижнем буфете, в ресторане, забрёл даже в библиотеку, но Стёпу так и не нашёл. Сидя задремал в гостиной на одном из пышнотелых кустодиевских диванов, пока не попросили. У меня хватило здравого смысла не возникать, а мирно уйти.

– Ты как учился? – спросил Стёпа. Однажды утром он позвонил и попросил подъехать к Новослободской, ближайшей станции метро.

Я удивился:

– Зачем тебе?.. Нормально. Во вкладыше к диплому в основном пятёрки.

– Понимаешь, есть одно дело... Деньги нужны?

– Предлагаешь ломануть банк?

– Я серьёзно.

– Нужны – не то слово!..

Рецензию я написал и успел отнести Валентину Лентьевичу до того, как тот ушёл в отпуск. Но день выплаты гонораров в «Детской литературе» ещё не наступил, и я жил буквально на последние копейки.

– Здесь такая ситуация. Есть один хороший человек, который хочет, чтобы его сын учился на сценарном факультете во ВГИКе. Я ему написал полтора листа, он прошёл творческий конкурс. Во ВГИКе полагается сдавать ещё что-то вроде сочинения, а потом уже обычные экзамены. Парень дуб дубом, сочинения не напишет и экзамены не сдаст, но у папы есть деньги...

Одним словом, требовался человек, который и сочинение напишет, и экзамены сдаст. Сам Стёпа не может довести дело до конца, потому что срежется на экзаменах – всё уже позабыл. Как я насчёт того, чтобы взяться за это?

– Подожди, на экзаменационном листке абитуриента есть фотография. Парень что, на меня похож?

– Это не вопрос. Фотография будет твоя.

– А попадусь?

– Не попадётся. Чем ты рискуешь? Рискует недоросль.

– А почему папаша не хочет действовать напрямую, дать, например, взятку председателю приёмной комиссии? Богатенькие так делают.

– Это ты у него спроси. Наверно, есть причины.

Я с любопытством смотрел на Стёпу. В общем-то, ничего необычного. Кроме любви к настольному теннису, Хмелик был известен в общежитии тем, что у него ночью можно было купить водку. Не одолжить, чтобы на следующий день взять в магазине и отдать, а именно купить. Правда, Хмелик брал не дороже таксистов.

– Сколько?

– Четыреста.

Стёпа твёрдо смотрел мне в глаза. Пожалуй, даже слишком твёрдо. Наверняка отщипнул себе что-то от суммы. Но и четыреста рублей были хорошие деньги.

– Когда?

– Сто пятьдесят сразу, остальные после экзаменов. Берёшься?

– Давай деньги.

Это было спасением. Можно было уехать в Черновцы, полистать школьные учебники и жить там до начала экзаменов. И от участкового на время отвязусь, и о хлебе насущном думать не надо. Поехать к отцу можно было бы и раньше, но одно дело, когда приезжаешь без копейки, и совсем другое, когда в кармане шуршит. Забегая наперёд, замечу, что уже тогда я начинал ощущать несоответствие своих двадцати восьми с образом жизни, которой вёл. Особенно это стало очевидно в

Черновцах, когда встречался со знакомыми. Однако всему своё время.

– Так что насчёт денег? – повторил я. Пауза затягивалась.

– Салман тебя хочет сам увидеть, – сказал Стёпа.

– Какой ещё Салман?

– Папаша недоросля. Возьми с собой паспорт и вкладыш к диплому.

– А отпечатки пальцев не надо?

– Не обижайся. Он хочет знать, с кем имеет дело.

– Этот Салман тебе не верит?

Стёпа развёл руками.

– Кавказ, что ты хочешь... Я тебе позвоню, скажу, куда прийти.

– Деньги тоже потом?

Стёпа, не меняя выражения лица, пожал плечами. Дескать, ничего не попишешь, такая вот ситуация.

Я думал, фуражки-аэродромы остались только на карикатурах в «Крокодиле». Ан нет. На дородном смуглом человеке была именно такая. Издали человек смахивал на крепыш-боровик, разве что шляпка на боровике была плосковата. Отбросив полы пиджака и засунув руки в карман брюк, он ждал нас у входа на ВДНХ. Глаза у человека были беспокойные.

– Шашлыками угостит? – поинтересовался я, определив, что именно к боровику держит путь Стёпа.

– Будь серьезней... – не отрывая от него взгляда, сказал вполголоса Хмелик. Он широко улыбался. – Здравствуйте, уважаемый Салман Асланович!

Боровик на глазах переменялся. Лицо стало солидным, с оттенком некоторой даже пресыщенности. Он вытащил из кармана руку и не торопясь подал.

– Здравствуйте, товарищи.

Я ухмыльнулся, «товарищи» – будто не в аферу втягивает. Взглянул на Стёпу, но тот моего веселья разделять не собирался.

– Салман Асланович, я про этого молодого писателя говорил. Он прекрасно учился в Литературном институте, окончил с красным дипломом. О Юриных произ-

ведениях с уважением пишет московская критика, его с радостью встречают в любой редакции. Такие молодые писатели, как он, будущее советской литературы!..

Стёпа превозносил меня до небес. Столько лестных, хотя и не соответствующих действительности слов, я о себе ещё не слышал. Монолог он закончил словами:

– Уверен, это лучший вариант. Вагиф поступит, у меня на этот счёт никаких сомнений!

Боровик, благосклонно поглядывая, выслушал. Сказал, помолчал:

– Товарищи, хочу заявить, вы участвуете в важнейший мероприятий. Не думайте, это не какой-нибудь сделка-шмелка, а смелый гражданский поступок. Вы вносите вклад в развитие агропромышленный комплекс республика. К большому сожалению, на местах ещё остались люди, которые препятствуют выполнению провозглашённой партией и правительством продовольственной программа. Наша задача разоблачить их со всей решительностью...

Товарищ Саахов из «Кавказской пленницы» да и только! Дальше следовала филиппика в адрес руководства колхоза имени Самеда Вургуня, которое путает свой карман с государственным. Главный агроном, имя которого Салман брезгует произносить, сдаёт торгашам сельскохозяйственную продукцию, якобы выращенную на его приусадебном участке. Он получает за это большие деньги, а на самом деле сельхозпродукция на семьдесят процентов из колхозного сада и с колхозных плантаций. Есть и другие факты вопиющих злоупотреблений.

Говорил Салман как по писаному, хотя и с акцентом. Видимо, регулярно штудировал передовицы газет.

– Уважаемый Салман Асланович, – встрял я, впадая в тон работодателя, которым ещё раньше, похоже, зарился Стёпа. – Ваша гражданская позиция вызывает огромное уважение. Однако я не могу понять, какое отношение это имеет к делу, которым вы меня приглашаете заняться.

Салман изумился моей недогадливости. Взглянув

на Стёпу, он даже руки вскинул вверх, едва не сбив с головы фуражку-аэродром.

– Э, дорогой Юра, самое непосредственное! Вы думаете, мой мальчик не способен поступить в вуз самостоятельно? Способен! Но это требует время, он закончил национальный школу, с русским языком проблемы. Средствами кино мой Вагиф сможет разоблачить шайку негодяев, окопавшихся в руководстве колхоза. Поэтому я хочу, чтобы он учился на сценарный факультет, писал, понимаешь, смелый сценарий.

– Тогда, может, ему лучше поступить на факультет журналистики? – сказал я, игнорируя неодобрительные Стёпины взгляды. – Журналистика самый действенный способ борьбы с злоупотреблениями.

– Он шутит, Салман Асланович, – сказал Стёпа.

Салман согласно закивал и снисходительно посмотрел на меня.

– Я понимаю юмор уважаемого Юры. Но Владимир Ильич Ленин очень правильно сказал, самое важное из искусств – кино. Такой человек, – Салман значительно поднял вверх палец, – не мог ошибаться!..

Угощать шашлыками товарищ Саахов нас не стал. Пожав руки, этот смахивающий на боровик дородный азербайджанец направился к метро. Пришлось угощаться самим, благо, на ВДНХ тогда можно было неплохо и недорого поесть.

– Ну ты даёшь, стал Салмана отговаривать! – Хмелик, удивляясь моей глупости, покачал головой. – Здесь наоборот надо было ещё сказать, как это тяжело, сдавать экзамены. Насчёт риска впарить. Может, Салман накинул бы.

– Накинул... Видел, он такси брать не стал, в метро пошёл?

– Это ни о чём не говорит. Не думай, Салман не дундук. Он хитрее нас с тобой вместе взятых.

Мы сидели на открытой веранде, пили вазисубани и ждали, когда принесут шашлыки. Угощал на этот раз я, алаверды. Смотрины прошли удачно, сразу за аркой ВДНХ Стёпа отсчитал мне полторы сотни.

– Как он на тебя вышел?

– Есть каналы. – В подробности Хмелик вдаваться не стал. – Почему, думаешь, ВГИК? Потому, что в их районе ещё ни у кого сын во ВГИКе не учился. Ради престижа они ничего не пожалеют. Остальное, что он нёс, туфта. Может, главный агроном он сам и есть.

– Брось!

– А что? Восточные люди.

– Удивительно, азербайджанец, а как по писаному шпарит.

– Думает, все русские говорят, как газета «Правда».

День был солнечный, в меру тёплый. За сутки перед этим северный ветер вымел город, и всё теперь было видно далеко и ясно. Лёгкое вазисубани вошло в кровь, волшебным образом преломило помпезные, в духе пятидесятых, павильоны, серебристый макет ракеты, розы за шпалерами и сидящего напротив Стёпу Хмелика. Во всём проступал неведомый ещё пять минут назад смысл. Неясный, но важный и радостный.

Я был почти счастлив. И оттого, что чувствовал, состояние это преходящее, временное, наслаждался им и смаковал. Ощущение было такое, будто написал хороший рассказ и знал, что он действительно хорош. Привет от старика Хема.

6

Я – незаконнорождённый. Как сказали бы герои Шолохова, нахалёнок. Узнал я об этом сравнительно недавно, когда увидел родительское свидетельство о регистрации брака. Папа и мама официально поженились, когда мне исполнился год. Мои родители были офицерами Советской Армии, маму, лейтенанта медицинской службы, отец вскоре после войны отправил рожать на свою родину и только позже, приехав в отпуск, зарегистрировал брак.

«Как ты со своим сердцем не побоялась ехать в послевоенное село рожать?» – допытывался я у мамы, когда стал взрослым. «Тогда об этом не думали. Смерть

была обычным делом. Вот только тебя жалко было не увидеть. Ты хорошенький был!..» И мама смотрела на меня такими глазами, будто сожалела, что я не навсегда остался ребёнком. Сохранились качественные, с коричневатым оттенком фотографии, на одной из которых я, готовый заплакать, в коротких штанишках и курточке из букле, в чулках и маленьких ботинках стою на асфальтированной дорожке. Фотографии сделаны в Германии, куда отец, забрав нас с мамой, вернулся дослуживать последние месяцы перед демобилизацией. Мне годика полтора-два, я повернул лицо в сторону мамы, она рядом, но на снимке не видна, фотограф меня окликает, я мимолетно смотрю на него, а сам лицом, всем подавшимся в сторону мамы телом там, рядом с ней. Эту фотографию мама просила положить с собой, когда умрёт. Из-за больного сердца рожать она больше не могла. В своей жизни мама по-настоящему любила только двух человек, меня и отца.

Я плачу, когда вспоминаю её рассказ, как она кормила меня в разбомблённом здании вокзала куриным супом, раздобытым где-то папой, как я трясся от жадности – сутки мама не могла меня покормить и перепеленать, мы оба измучились. Мне жалко себя, маму, отца, с трудом обменявшего продуктовые карточки на куриный суп, – жалко наши неприкаянные хрупкие жизни. Когда семья переехала в Черновцы и занимала комнату в общежитии, у меня началось воспаление среднего уха, врачи собирались долбить черепную кость, но мама не дала. Тогда только-только появился пенициллин, это был невероятный дефицит, герметичные пузырьки с белым порошком на донышке распределялись в облздраве. Мама надела форму с лейтенантскими погонами и наградами, пошла в обком. Потом ей стало плохо, маму увезла «скорая», но пенициллина для меня она добилась. А сколько было ещё всего. Как ничтожна и беспомощна была моя жизнь, как зависела она от мамы!

Боготворю тебя, родная моя. Если есть рай, ты должна быть там.

Время отца наступило позже. Бездумная куколка

превращалась во всё больше осознающее себя существо, с любопытством осматривалась по сторонам, что-то усваивала. Хорошо-плохо, можно-нельзя – это ещё мама. А похвала за прочитанное с выражением стихотворение, точное наблюдение, остроумное замечание – это уже отец. В молодости он тоже сочинял. Повесть о том, как хорошо живётся колхозникам, даже отправил в Киев. («Жить в нашем селе стали хуже, чем до коллективизации, но кто бы стал печатать, если бы я написал правду?» – Папа усмехался, он был снисходителен к человеческим слабостям, своим тоже.) Повесть всё равно не напечатали. Фамилию своего рецензента папа запомнил – Гуркайло. Товарищ Гуркайло советовал больше читать классиков, учиться у них языку и умению создавать «художни образы» – один к одному, всё то же, что три десятилетия спустя стали советовать литконсультанты мне, разве что по-русски.

И опять я вижу в этом подмигивание судьбы, рифмование событий, но на этот раз уже двух жизней, отца и моей. Считается, родители хотят, чтобы дети добились того, чего не смогли добиться они сами. Не знаю, насколько серьёзно отец стремился стать писателем – началась война, и пришлось думать о других вещах, – но мои попытки сочинительства он поощрял. Не против был и того, чтобы я стал художником, но хорошим, как, например, Репин. Это папа всегда считал необходимым уточнить.

– Знаешь, в чём тебе повезло? – спрашивает он, встретив меня в Черновцах с поезда и заводя в привокзальный ресторан.

Дома нас никто не ждёт, мамы нет уже больше двух лет. К тому же отец, несмотря на скромную зарплату директора заводского клуба, склонен к широким жестам.

– Любопытно узнать.

Отец бегло улыбается, отметив мою иронию, которая снижает патетику его слов.

– Тебе есть с кем поговорить – со мной. Когда я был в твоём возрасте, дедушка уже погиб. А так иногда нужно ж было рассказать близкому человеку, что думаешь!..

Я понимаю, что он имеет в виду. С возрастом мы с папой всё больше становимся не отцом и сыном, а друзьями. Я с ним говорю о том, чем не поделился бы с другими, потому что всё острее чувствую его родственную близость и понимание. Странно подумать, раньше дороже родителей для меня были друзья. Всему своё время, видимо.

– Дедушка ничего не писал?

– Разве ж до того было!.. – Папа хмыкает, задерживает движение ножа над котлетой по-киевски и фирменно усмехается, приподняв левую бровь. У него немного скуластое лицо, нос с горбинкой, папа полноват, что не мешает ему до сих пор нравиться женщинам. Сложись жизнь по-другому, он мог бы выступать на эстраде, не случайно сейчас культработник. Антон Руснак, вполне звучит. – Дедушка всю жизнь тяжело работал. Но пометчать любил, это да, всякие истории послушать. Зимой в хате бросали на пол солому, приходили соседи, укладывались и начинали рассказывать банделюги, дедушка тоже. Я так под них и засыпал.

– Получается, сочинял. Только устно.

– И сочинял, и слушать любил. Тяга у него к этому была, это да.

– Выходит, у меня наследственное?

Папа пожимает плечами с таким видом, будто извиняется.

– Выходит.

Не потому ли, что фамильная склонность, ни к чему его и деда не обязывавшая, толкнула меня в мир профессионалов, где всё сурово?.. Папа вряд ли это понимает. Подобные вещи узнаёшь, когда сам оказываешься в этом котле. Моей причастностью к литературному миру он гордится и думает, что мне там хорошо. Не буду его разочаровывать, не по-мужски. Я представляю бабушкину хату с глинобитным полом, щедро присыпанным соломой, керосиновая лампа на столе едва теплится, вдыхаю дым злых самокруток – мужики осторожно курят. «Банделюги» на русский можно перевести как побасенки.

Возникшая картинка тянет за собой другие, я обо-

ню запахи, слышу шуршание соломы под телами, разговоры, местные словечки. Например, «пляцки», которыми на отцовской безлесе родине топили зимой печки. Навоз поливали водой, закатывали штанины или подтыкали юбки и принимались месить. Всё это я видел, когда приезжал к бабушке летом. Запах навоза до сих пор не вызывает во мне брезгливости, он ассоциируется с полезным делом. Колобки податливой, перемешанной с соломой массы плющили в лепешки и оставляли сушиться на земле. А ещё лучше, прищёпывали к каменному забору, по-местному, муру – так пляцки сохли быстрее.

– Дедушка в Румынии погиб?

– Да, – говорит отец. – Яско-Кишинёвская операция.

– В сорок четвёртом?

– В августе. Я узнал об этом позже.

– Тебе на фронт написали?

– Да.

Я испорченный литературой человек, я уже не могу воспринимать жизнь непосредственно. Мне кажется, в этом сидении за ресторанным столиком, в сдержанном мужском разговоре, в высоких окнах, выходящих на затенённый опустевший перрон, есть что-то хемингуэвское. Пусть даже в графинчике на столе не виски, а водка. Кажется, Ницше сказал, искусство дано человеку для того, чтобы он смог преодолевать ужас жизни.

Дедушку призвали вскоре после того, как Красная Армия освободила село. В сорок первом он не стал эвакуироваться – куда крестьянину с семьёй от хаты? Папе, старшему сыну, сказал, чтобы тот уходил с отступавшими частями, папа был комсомольцем. Единственный из вернувшихся после войны мужиков дедушкиного призыва рассказывал, их бросили в мясорубку под Яссами сразу же, даже не переодели в красноармейскую форму. Зачем, всё равно полягут. О военной подготовке речи не было. Будьте вы прокляты, знаменитые полководцы, побеждающие числом! Будь проклята власть, для которой человек ничто! Скотские вожди, скотское государство!.. Отношение к побывавшим в оккупации было недоброе. С детства помню, как папа заполнял анкету,

в которой был вопрос, находился ли он или его родственники на оккупированной территории. Всё с большей уверенностью думаю, что дедушку и мужиков его призыва бросили в мясорубку под Яссами умышленно. Отсиделись в оккупации? Вот вам!..

Из привокзального ресторана мы выходим тоже по-хемингуэевски, не слишком твёрдо ступая. Немногословный мужской диалог и ощущение чертовски близкого человека рядом. Нарушает стилистику разве что папино движение – он обхватывает меня за плечи, прижимает к себе, коротко тискает и тут же отпускает. Какое-то время мы идём молча. Я до слёз люблю своего старика.

Можно сесть на автобус, но мы идём на Рошу пешком. Вверх по Гагарина до Центральной площади с её ратушей времён Австро-Венгерской империи и зданием биржи с цветной мозаикой вверху. Сейчас там горсовет и суд соответственно. Я кручу головой по сторонам, всё на месте, такое впечатление, будто никуда не уезжал. Речь на улицах тоже прежняя – русская, реже еврейская или молдавская и совсем редко украинская. У Черновцов соответственно несколько названий, ещё Черновицы и Чернауц, кому что ближе.

– Пап, ты рассказывал, как после войны одного мужика забрали кагэбисты, – говорю я. – У него на огороде лежала неразорвавшаяся бомба, он никому о ней не говорил. Почему?

У меня есть кое-какие мысли относительно рассказанной когда-то отцом истории, уже брезжит, вырисовывается идея рассказа. Однако мне хочется узнать об этой истории больше.

– Может, собирался разобрать бомбу. В хозяйстве ж всё пригодится... – Отец несколько озадачен моим вопросом. В лёгком недоумении вздёргивает левую бровь, но отвечает добросовестно. – Толком из бомбы можно корчевать деревья, например. Корпус тоже можно ж для чего-то приспособить...

Такой прагматичный ответ меня не устраивает, слишком всё очевидно, рассказа из этого не сделать. В смысле, настоящего, серьёзного. И я говорю:

– А представь человека, который каждый день ходит мимо готовой взорваться бомбы. Ходит мимо смерти. Вчера, сегодня, завтра. Он ходит и каждый раз думает: нет, ещё не сейчас, не теперь... Понимаешь? Бомба может взорваться сама по себе или человек может сделать так, чтобы она взорвалась. Две воли, человека и случая, каждая самостоятельна и каждая реальна. К тому же у человека есть возможность выбора, а она ещё как щекочет нервы! Можно пройти мимо, а можно... От тебя жизнь зависит. Понимаешь? Понимаешь, что я имею в виду?..

Отец не понимает, вижу.

– Когда я прохожу по мосту, моя жизнь тоже от меня зависит, – говорит он. – Могу прыгнуть и утопиться, а могу не прыгать.

В тоне отца юмористические нотки, и я начинаю заводить:

– Есть мысли, которые не передашь словами. Как, например, не опишешь запах цветов. Это даже не мысли, а состояния, образы. Я хочу так написать, чтобы эти мысли-состояния-образы сами собой возникли у читателя. Понимаешь, в чём фокус? Не называть прямо!.. А может, у всего этого вообще названия не существует, только почувствовать можно. Как у Хемингуэя. Добиться такого тяжело, но в том и радость, если добился.

– М-да, – после паузы глубокомысленно выдает папа. – Учился ты в Литературном институте, вижу, не зря...

Оба смеёмся. Я приятно возбуждён – уверен, смогу написать так, как говорил. Я талантливый. Ноги несут нас сами, вот уже кинотеатр «Жовтень», бывшая синагога. Сквозь деревья сквера просвечивает конструктивизм Дома офицеров, построенного якобы англичанами во время недолгого румынского владения Северной Буковиной. Хмель ещё не выветрился, я до осязаемости отчётливо, хоть рукой трогай, представляю барокко театра драмы и площадь перед ним а-ля центр Парижа – театр сразу за Домом офицеров.

Я остро чувствую, как люблю свой город, второй на западе Украины после Львова. А по красоте, может, и первый – что с того, что Черновцы меньше. Одна

резиденция буковинского митрополита – сейчас университет – чего стоит! Краснокирпичная, с цветными изразцами. Говорят, император Австро-Венгрии Франц-Иосиф обожал наш уютный город. Якобы, Черновцы стали следующим после Вены городом, где начали ходить трамваи. Мы уже на тенистой Университетской, в перспективе которой как раз и видна бывшая резиденция буковинского митрополита, она же университет, где я какое-то время учился до Литинститута.

– Лепота! – вырывается у меня, прежде чем наступить на гравий Роши.

Папа ничего не говорит. С родственной иронией смотрит на меня. Он прекрасно понимает моё состояние.

7

С первых же дней черновицкая жизнь приобретает чёткие контуры. Я поднимаюсь, когда отец уходит на работу, делаю то, что никогда не делал в Москве – зарядку. Для этого выхожу во двор, дышу пахнувшим огородом и июльской листвой воздухом, смотрю на яблони, круглые кроны которых смахивают на клубки пряжи, проткнутые спицами-лучами. Отца всегда тянуло к земле, и когда умерла мама, он обменял нашу двухкомнатную квартиру, которую наконец получил от завода, на дом на окраине. Мне здесь так хорошо, что появляется мысль: какого хрена я забыл в Москве?!

Я не даю ей разрастись, рьяно принимаюсь за армейский комплекс из шестнадцати движений (кроме отметок в военном билете, это единственное, что осталось от службы), обливаюсь водой из ведра и возвращаюсь в дом готовить завтрак. Обычно это яичница и салат из огурцов и помидоров, их сезон в Черновцах в разгаре. Я уплетаю за обе щеки, но прежняя мысль тут как тут: какого хрена?.. Я знаю, это пустышка, повторение пройденного. То же, что и тогда, когда я ушёл от Аллы, вернулся в Черновцы и, сидя с удочкой у Прута, размышлял, как жить дальше.

В Черновцах не надо думать о крыше над головой и куске хлеба, но проблема всё та же, нужно работать. Конечно, отец не будет против, если с полгода, а то и больше я буду только писать. Но взрослый мужик, неудобно сидеть на шее. Можно податься в журналисты, однако пишу я по-русски, а здесь обе газеты, партийная и молодёжная, на украинском. Опять же, если устроюсь на работу, времени и сил на рассказы оставаться не будет – всё, как в Москве. Какой смысл менять шило на мыло? Тем более, что выходящие на русском издания там. Как ни кинь, получалось, делать мне здесь нечего. Черновцы уютная нора, в которую я время от времени юркаю, чтобы отдышаться от жизни.

Я и теперь не даю пустышке разгуляться, не позволяю себе заняться строительством воздушных замков и ностальгировать. Я достаю учебники и приступаю к обновлению школьных знаний. Сейчас бы пойти на Прут, позагорать и покупаться в его быстрой и не слишком чистой, но всё же прохладной воде. Вагиф, где ты, дорогой, чем сейчас занимаешься, засранец?..

Что может открыть для себя в школьных учебниках нового человек с высшим образованием, а поди же ты. Вот исторические решения последних съездов КПСС, утвердивших не только окончательную победу социализма в стране, но и её необратимость. Думая об этом сейчас, из нынешнего своего времени, я усмехаюсь – необратимость... Какая самонадеянность!.. Впрочем, почему нет. В демократической, так сказать, России то же единовластие и правящая партия, всё больше смахивающая на КПСС и всегда готовая взять перед Кремлём под козырёк. Правда, социальных гарантий значительно поубавилось, а добродушие советского строя периода стагнации и вовсе выветрилось.

Когда отец приходит на обед, у меня всё уже на столе – листаю учебники я недолго. Разливаю по тарелкам окрошку, самое то в июльский день. Папа поддевает ложкой сметану и сосредоточенно размешивает. Он снял тенниску, сидит за столом в майке, и я отмечаю, что она свежая. Не знаю, как бывает в моё отсутствие, но при

мне ни одна женщина в доме не появляется. Мы говорим обо всём понемногу, я сообщаю, что собираюсь на кладбище, надо ещё раз полить цветы – вон какая жара. Мне нравится памятник, который папа установил вместо временного. Небогатый, по доходам, но не это главное.

Под вечер я выхожу прогуляться. По гравию Роши направляюсь в сторону центра. Сейчас я здесь свой, а когда был городским, провожать девчонок на Рошу не рисковал. Местные ребята чужих не любят. Граница – немного не доходя Университетской, где начинается собственно город. Сейчас мой путь на улицу Ольги Кобылянской, единственную улицу, по которой не ходит транспорт. Считайте это местечковым патриотизмом, но Москва со своим Арбатом отдыхает – он стал пешеходным намного позже, чем Кобылянская.

Я утجوу черновицкий бродвей в поисках знакомых. Сюда по вечерам выходит гулять полгорода, потомки негоциантов и предпринимателей прежних времен, сильно разбавленные послевоенной волной русских. Здесь можно встретить легендарные личности вроде финалиста забега на восемьсот метров олимпиады в Риме Абрама Кривошеева. Или сестер Козырь, дев с греческим профилем и курчавящимися лёгкими волосами, старшая – многоборка, младшая – чемпионка Украины по прыжкам в высоту. А то и мастера спорта по всем мыслимым видам борьбы в супертяжёлом весе Дусика, фамилию которого мало кто знал. Просто – Дусик, похожий на удачливого литератора нынешних времен Дмитрия Быкова, толстого и волоокого. По Кобылянской в ту пору прогуливалось много других занимательных людей, которых я не мог знать по причине своей молодости, ограниченности интересов и знакомств. Например, герои нашумевшего на весь Союз расстрельного дела о валютчиках – предпринимательская закваска не давала черновицким обитателям жить спокойно. Но никого из знакомых я на этот раз не вижу. Лето, народ разъехался.

– Юрка!

Нет, не весь. На тротуаре возле кондитерской стоит

с приветственно поднятой рукой Адик Мыколив. Рядом с ним девушка не первой молодости, у неё короткая, под мальчика, стрижка.

– Посмотри, это наш классик! – гнусным голосом общается ей Адик, полное имя которому Адольф, и презрительно тычет в меня пальцем. – Вуйко прыхалы до ридной хаты. Запомни этот миг, Света, в свой дневник запиши!..– Мыколив делает шаг навстречу и обнимает меня. – Здравствуй, надежда буковинской литературы! Здравствуй, говнюля!..

Обижаться на Адика бесполезно. Этакий Ноздрёв черновицкого разлива. До того, как я перешёл в Литинституте на очное, мы с ним были в одной компании. Купив вина, обычно собирались в Адиковой подсобке в школе, где он преподавал рисование. Не знаю, как на уроках, но по вечерам Адик всегда был подшофе. Впрочем, принять на грудь дополнительно никогда не отказывался. «Нет, ты смотри, смотри, у неё всё на лице написано! – наседали на кого-нибудь из нас и тыкали пальцем в портрет. Кроме стихов он ещё писал маслом. – Старик, это ж полная безнадега! Всё на лице, абзац и песец одновременно! Приехала из села, постоянного мужика нет, только что сделала аборт, хозяйка гонит с квартиры... Чувствуй, проникайся, ты ж литератор, поэт-писатель, владелец дум!» – «Властитель», – поправляли его. – «Не цепляйтесь к словам, засранцы!..»

Пожалуй, единственный из нашей компании Мыколив относится ко мне без пиетета. Для остальных ребят я почти небожитель – как же, окончил Литинститут, живу в Москве, печатаюсь в «Юности». Приятно, хотя и неловко. Быть знаменитым неприлично.

– Одобряешь? Как она тебе? – громко спрашивает Адик и кивает на девушку со стрижкой под мальчика, которая, по замыслу, должна молодить её, не слишком молодую. – Не смотри, что страшненькая, ей можно, она завуч, начальник.

Мне неловко за Адика, но девушка, похоже, свыклась с его непосредственностью, снисходительно улыбается.

– Это ты напрасно, старик, – считаю нужным сказать я.

Мыколив не слушает:

– Жаль, иду знакомиться с её родителями. А то бы мы с тобой загудели в честь здыбанки, ей-бо, загудели бы! Впрочем... – Адик несколько секунд смотрит на меня соображающим взглядом. – Ладно, не бойся, – наконец бросает он девушке, почувствовав, как та напрыглась. Хмурится и тяжело вздыхает. – Жениться собираюсь, такие вот дела. Должен же кто-то женщину пожалеть, правильно говорю? А то как трахать, так все пожалуйте, а чтоб жениться... Верно?

– Вернее не бывает, старик.

Адик в своём репертуаре. Жалость к женщинам у него не исчерпывается написанием сочувственных портретов и стихов. Порой она принимает любопытные формы. В нашей компании были две сестры, преподаватели культпросветучилища, которые не столько сами писали, сколько были любительницами поэзии. Иногда приглашали к себе. Свечи, приглушённая музыка, немного ликёра. Девушки были с фантазией. Конечно, мы читали свои опусы, но какой-то вечер посвящался, например, Баратынскому или Тютчеву. Сёстры развешивали на стенах портреты классиков, усаживали всех за стол и вызывали духов, пели романсы. Обе были незамужние, и того, кто оказывался в тот вечер лучшим, оставляли у себя. Сподобился этой чести однажды и Адик. Когда позже он стал предьявлять на сестёр права, те искренне удивились: мы были не с тобой, Адик. Мы были с Михаилом Юрьевичем!..

Причина, чтобы куда-нибудь не закатиться, у Мыколива уважительная. Я какое-то время иду рядом с ним и его невестой вдоль Кобылянской. На подходе к Центральной площади со зданиями бывших ратуши и биржи неохотно расстаюсь, смотрю Адику вслед. Я тоскую по нашей сочинительской тусовке, даже по таким персонажам, как Адик. Мы не толкались локтями, не ели друг друга поездом, не выискивали с лупой недостатки. Радовались, когда у кого-то получалось, хотя и

ревновали, конечно. Да, дилетанты по жизни, но отношения важнее. До меня доходят слухи, что теперь всё не так. Кто-то женился, вышел замуж, кто-то просто отошёл от компании, впрягся во взрослую серьёзную жизнь, из которой наши литературные забавы кажутся блажью. Но, Господи, Боже мой, какое хорошее было время, какое искреннее и чистое!..

Полчаса ещё уютжу бродвей, но никого из наших так больше и не встречаю. Серёжу Луцкого тоже, с ним я учился в Литинституте. Он, как и я, осел в Москве. Мне говорили, сейчас он в Черновцах, приехал к родителям в отпуск. Неплохо было бы пообщаться, после института я Серёжу ещё не видел. Знаю лишь, что работает в госкомиздате РСФСР. Интересно, как живётся служилому люду?

Почти сумерки, однако самый большой в городе книжный магазин ещё открыт. Зайти мне туда и хочется, и неловко. С Ниной, которая здесь работает, у меня был роман, когда я ушёл от Аллы и на какое-то время вернулся в Черновцы. Девушка мне нравилась, но, отнесись я к этому серьёзно, опять началась бы сказка про белого бычка. Или про попа и его собаку, кому что нравится. В общем, тоже не сложилось. Мысль, будто взрыв: если талант или, скажем скромнее, способности это дар Божий, то и моё нежелание связывать себя семьёй тоже от Бога. Оно не эгоизм, а ответственность за дар. Как бы со стороны это ни выглядело. Ведь и в самом деле!.. То, что подспудно вызревало, оформилось в чёткую формулу.

Дело к закрытию, посетителей почти никого, Нины нигде не видно.

– Девушка, а где Нина? Она у вас работала, – спрашиваю я у продавщицы отдела художественной литературы.

– Нина Александровна у себя, – отвечает та, подняв на меня глаза. Я её оторвал от чтения. – У вас к нашей заведующей дело?

Опаньки, заведующая! Полтора года назад Нина была обычной продавцом-консультантом.

– Что-то вроде того.

– Дверь видите? Нина Александровна там.

Интересно было бы сейчас взглянуть на себя со стороны, думаю я, нажимая на ручку двери. Вид у меня, скорее всего, нашкодившего пса. Уезжая в Москву, я обещал Нине писать.

– Позвольте?

Нина занимается бумагами. Подняв голову, видит меня и открыто, радостно улыбается.

– О, привет!.. – Она приятно круглолица, светловолоса, красит ресницы. А то они, по Нининому же выражению, у неё поросячьи, белёдые. – Так ты в Черновцах? Почему не заходил? Ай-яй-яй, нехорошо забывать старых друзей, нехорошо... Садись.

Похоже, в качестве заведующей Нина недавно – слишком просто себя держит. Или это только со мной?

– Тебя можно поздравить? – говорю я.

– В смысле?

– Ну как же, растёшь, заведующая...

Нина машет рукой:

– А, это!.. Столько писанины. Если бы знала, не согласилась. В горьком новое поветрие – двигать молодёжь. Я под эту кампанию попала. Говорят, высшее образование есть, зарекомендовала себя хорошо... Ладно, что об этом. Ты-то как? Когда книжка выйдет? Обещал подарить.

– Как только, так сразу, – отшучиваюсь я и думаю, что о нас с Ниной тоже можно написать рассказ.

О том, как она провожает меня на черновицком вокзале и ещё не знает, что нашим отношениям конец. А я знаю. Поэтому смотрю на неё запоминающими глазами. Мне жаль с ней расставаться, а главное, с этой девушкой уходит пласт жизни – её жизни, ставший и моим. То, что в детстве она ни с того ни с сего могла вдруг упасть (Нинина мать пережила ленинградскую блокаду, наверно, потому); что её старший брат кэптри Тихоокеанского военно-морского флота; что первый Нинин мужчина, спасатель на лодочной станции, был буен во хмелю, и она с ним стала кончать едва ли

не сразу... Прощаясь с Ниной, я прощаюсь с событиями и людьми её жизни. Чувство потери ещё и от этого, горькое отчуждение от жизни другого человека здесь главное. Рассказ, думаю, получится, надо взяться. Дико размышлять об этом сейчас, сидя перед Ниной и разговаривая с ней. Однако не думаю, что в этом я циничней других сочинителей.

Мне хочется знать, как она сейчас живёт – может пригодиться. Хочу ли начать всё сначала? Неплохо бы, женщина она в моём вкусе, малыш до сих пор реагирует, стоит вспомнить некоторые сценки. Но облом. Из лёгкого, перепрыгивающего с одного на другие разговора выясняется, что Нина замужем, недавно из декрета. Кто муж, я не допытываюсь. Нина вскользь замечает, что лучшее для него занятие это рыбалка на Пруту, ездит даже на Днестр, больше ему ничего не надо.

– От наследника сбегает, – шучу я. – Достал, наверно.

Нина расплывается в улыбке:

– Ещё как! Но теперь лучше, хоть ночью спит хорошо. Ты не представляешь, как я с ним вымоталась!..

И бывшая моя любовница принимается рассказывать о сыне. Никакого намёка на наши отношения. Ни тени упрёка, пусть даже сдержанного.

– Стихи продолжаешь писать?

– Зачем? – Нина смеется. – Мне и так хорошо.

Выхожу я из книжного магазина озадаченный. Получается, не оставил никакого следа в Нининой жизни, хотя казалось, что у нас серьёзно.

Мне досадно. И пусто.

8

Однажды утром я поднимаюсь вместе с папой, и мы едем на Легмаш.

На заводе я проработал полновесных пять лет – писатель должен знать жизнь. Именно такой аргумент я выдвинул перед родителями, когда после школы не прошёл творческий конкурс в Литинститут. Моего желания писать это не поколебало, но не валять же дурака

целый год. Мама настаивала на том, чтобы я поступал на филфак университета, раз уж так получилось, я упирался, заявляя, что кроме Литинститута мне ничего не надо, а папа молчал. Пока наконец не сказал, вздёрнув бровь и хмыкнув: «А что, он прав. И стаж заработает, сейчас же ж два года надо, легче будет поступить». Папа сам и помог мне устроиться учеником фрезеровщика на Легмаш.

О, это отдельная песня, первые месяцы работы! Ученичество не в счёт, там ты на подхвате, зачищаешь в основном напильником заусенцы на деталях. А вот когда поставят на станок работать самостоятельно, и работа не идёт, и дисковые фрезы летят одна за другой, и в инструменталке уже косятся и обещают высчитывать за фрезы с зарплаты, хотя ты ещё ничего толком не заработал, – это да!

Узнал цену копейке – звучит дубово, но всё так и было. За неё одну порой приходилось обработать несколько деталей, операция могла стоить десятые доли этой самой копейки. С усмешкой вспоминаю, как однажды не сел на трамвай, а потопал домой пешком – пожалел монетку, поняв, как она достаётся. Мне хочется посмотреть в глаза тем, кто утверждает, что в советские времена платили за одно присутствие на работе. В развращённой подачке Москвы, может, так и было. Но Черновцы не Москва. И остальная страна не Москва тоже.

Многое на Легмаше переменялось, я здесь не был уже несколько лет. Хоть впадай в бодряческий тон доперестроечной прессы, думаю я сейчас, вспоминая тот свой визит. Солнечно просвечивалась насквозь новая проходная из стекла и дюрала, достроен механический цех, в который свели наш цех запчастей, спецфрезерный участок и участок сборки. Отдельное здание для особо точных прецизионных станков, между цехами – свежие асфальтовые дорожки ...

– Привет, Юрик, – здороваается строгальщик Фима Шор, рационализатор и изобретатель, автор стружкосборника своего имени.

Приятно, меня ещё помнят. Суппорт ходит туда-

обратно, резец без усилия, мягко гонит раскалённую стружку, синие спиральки одна за другой улетают в стружкосборник. О ходе резца так и тянет сказать: как по маслу.

– Видел «Юность». Слушай, зачем тебе это надо?.. Работал бы на заводе, был бы себе нормальный фрезеровщик, это я понимаю!..

То, что я поступил в Литинститут, для многих в цехе запчастей стало неожиданностью. О том, что сочиняю, я никому не рассказывал – стеснялся. И где находится черновицкое отделение Союза писателей, тоже не знал. Этакий кот, гуляющий сам по себе. Наверно, зря – ребята с Кавказа почти каждый приходили в институт с рекомендациями местных отделений Союза, это помогало поступить. Зря ещё потому, что вовремя не узнал оборотной стороны писательской жизни. Может, иначе бы всё у меня сложилось. Хотя вряд ли.

– У тебя ж рацухи были, голова работает! – Фима кривит губы и вздёргивает плечи. – Какая-то «Юность», какие-то рассказы... Зачем надо?

Мне лестно, что журнал с моим рассказом читали, но что я могу ответить Фиме? Как и он, пожимаю плечами и говорю:

– Кому нравится поп, кому попадья, а кому попова дочка.

Фима хохочет, живой еврейский ум отзывчив на шутку. Евреев (по-местному, маланцев) на Легмаше много, впрочем, как и на других предприятиях – такова специфика Черновцов. Токари, фрезеровщики, слесари, далее по списку, встречались даже грузчики. Обычное дело, никого это не удивляло. Были, конечно, еврейские врачи, портные, продавцы и парикмахеры, но работать на заводе тоже считалось в порядке вещей. Скажем, токарь Рома Розенблюм. Это ас. У него свободный график, его вызывают, когда надо выточить что-то уникальное, другим токарям не под силу. Неподальёку щерит белые зубы на покрытом ржавчиной лице – она летит с обтачиваемых стоек кругловязальных машин, – Гриша Столярский, прибалтнённый тридцатилетний холостяк, лю-

битель молоденьких девушек. Дальше спецрезервный участок, аристократы, владельцы лоснящихся красным лаком чешских «Яв» и «Чозет». Они зарабатывают безумные деньги, по триста рублей и больше. Следующий участок сборки, там сейчас тишина, потому что начало месяца. В конце июля слесари-сборщики будут дневать и ночевать на участке, жёны станут приносить им в кастрюльках фасолевый борщ и куриц, потому что надо сделать план, пресловутая штурмовщина...

Возрастная ностальгия, думаю я теперь. Что пройдёт, то будет мило. Не знаю. Как и нашу литературную тусу, я люблю время, когда работал на заводе. Всё было просто, никаких подводных течений, борьбы самолюбивый уязвлённых людей, мелких интриг, зависти – всего того, чему стану свидетелем какой-нибудь месяц спустя. Или всё дело в молодости, не видел я тогда грязи жизни, просто не обращал на неё внимания?..

У Черновцов в этот мой приезд новая особенность. Она сразу бросается в глаза. На троллейбусных остановках, на углах домов, на жести водосточных труб светлые бумажки объявлений с бахромой, на которой многократно повторены адреса или телефоны. Продаются диваны, платяные шкафы, детские коляски, стенки, дублёнки, сервизы, свитера, зимние сапоги и многое другое. На мой вопрос, что за волна накрыла город, отец отвечает:

- Евреев стали выпускать.
- В смысле?
- В Израиль. Продают вещи.
- Так и раньше вроде выпускали.
- Понемногу. Сейчас практически всех.

Дело, в общем-то, знакомое. В прошлый раз, когда ушёл от Аллы и жил в Черновцах, я всё-таки попытался устроиться в областную молодёжную газету. Узнав, что пишу на русском, ответственный секретарь хмыкнул, но шанс дал. В качестве пробного материала я должен был написать о комсомольской организации трикотажной фабрики, она была на хорошем счету.

Дебелая молодница, секретарь комсомольской орга-

низации, водила меня по шумным – невозможно было разговаривать – цехам, знакомила с лучшими производителями, показывала документацию. Среди прочего мелькнуло заявление о выходе из комсомола. Придержав руку молодницы, я прочёл старательные строки: в связи с выездом в капиталистическую страну Израиль прошу исключить меня из рядов ВЛКСМ. Дебелая секретарь неловко пожалала плечами: буває й такэ...

К слову сказать, я добросовестно пытался тогда изменить свою жизнь, всё-таки Нина мне нравилась. За материал принимался несколько раз, пока наконец не оставил эту затею. Не только потому, что, городской житель, украинский знал на бытовом уровне. Мне было скучно. Глубже не копнёшь, не развернёшь, не раскрутишь, что на самом деле заставило одну идти в комсомольские вожди, а другую ехать «в капиталистическую страну Израиль». Вряд ли только пятый пункт. Возносить же первую и клеймить вторую... Зачем отнимать хлеб у братьев-журналигов? Им и так не повезло – по статистике, мало живут. Андрей Битов как-то заметил, это журналистов Бог наказывает за поверхностное отношение к жизни. Неплохо сказано.

И вот перед самым отъездом в Москву я вижу объявление, приклеенное к водосточной трубе. На нём перечень продаваемых вещей и номер нашего прежнего дома, квартира девятнадцать. Сашка Крайзман, мой одноклассник. Картинка из прошлого: Сашкина мать, некрасивая тихая еврейка, могла прийти к нам, остановиться возле порога и часами смотреть на нашу жизнь. Не опускалась на предложенный стул, отказывалась от чая, ей достаточно было стоять вот так и смотреть. С Сашкой они жили вдвоём, мужа у неё то ли не было, то ли он рано умер. Видеть стоящую у дверей фигурку, наблюдающую за чужой жизнью, поначалу было неприятно, но потом мы смирились – не выгонять же.

Дверь открывает Сашка. Как обычно, у него напряжённое лицо, словно он постоянно ждёт подвоха. Он в мать некрасив, низкоросл, во дворе и в школе я ему покровительствовал. Увидев меня, Сашка несколько

расслабляется, однако войти не приглашает. Рядом возникает под стать ему Оля, жена.

– Мы думали, покупатели...

– А я что, на покупателя не похож? – бодрячески заявляю я и, отодвинув Сашку, захожу в квартиру.

Здесь всё, как бывает при переезде: голые окна, пустые стены, посреди комнаты картонные ящики. Это плохо, когда человек не воспринимает тебя, как равного, моя функция – защитник, и Сашка до конца не может преодолеть скованность, вызванную прежней зависимостью.

Худенькая Оля уходит на кухню, видимо, готовить чай. Мы стоим посреди предотъездного бардака, и Сашка считает нужным объяснить, почему уезжает. Начальник троллейбусного депо, где мой бывший одноклассник работает, сказал, что тот станет старшим мастером только через его труп. Сашка между тем окончил общетех университета, толковый специалист, к тому же прежний старший мастер ушёл на пенсию. Пока была жива мама, Сашка уехать не мог, она болела, теперь её нет, и его здесь больше ничто не держит. Он это прямо не говорит – еврейская осторожность, – но понять можно.

Я смотрю на одноклассника и думаю: вот и Сашка озабочен карьерой. Моё поколение основательно, повзрослому устраивается в жизни, перестаёт считать копейки, я не очень-то вписываюсь в ситуацию. Точнее говоря, вообще не вписываюсь. Ещё думаю, что в двух вещах мы с Сашкой совпадаем. У меня тоже умерла мама, и я тоже уезжаю из Черновцов, правда, не так далеко. И причина уехать у меня тоже есть. Разве что я не оправдываюсь. Ещё один мой одноклассник, Юра Литвак, которого вся школа звала Гиви, тоже счёл необходимым объяснять причину своего отъезда. Я наткнулся на него в магазине. Щеголеватый Гиви был одет в старье, слонялся без дела в ожидании разрешения из ОВИР и рад был поболтать. Я не хочу быть простым винтиком в этой машине, сказал Гиви, я стою больше. Ему не хватало соображения понять, что так, наверно,

думают все уезжающие, и конкурс среди бывших винтиков в Израиле не меньший, чем в Союзе. Разве что пятого пункта не существует. И мы, бумагомаратели, лицедеи, художники и прочие оболыстители человеческих душ, едущие со всей страны в Москву, те же евреи. Нашли себе землю обетованную...

– Ты меня презираешь? – неожиданно спрашивает Сашка. Голос у него тихий, Крайзман на меня не смотрит.

– С чего взял?

– Да как-то...

Что ответить? Сказать, что все мы, евреи и неевреи, не барские крестьяне? Что человек имеет право выбора? А власти лучше бы любовь к берёзам трансформировать в любовь к населению (парафраз из Довлатова) – тогда и нагнетания патриотизма не понадобилось бы?.. Всё так избито.

– Пришли вызов, – шучу я. – Или в гости пригласи, когда устроишься.

Так и не дождавшись чая, ухожу. Сашкина жена удалилась на кухню, но чеховское ружьё на сей раз не выстрелило.

9

В Москве происходит моё грехопадение. Пока первое. Второе тоже не за горами. Сейчас появится из летающих туда-обратно дверей грязно яичного цвета Стёпа Хмелик, и закрутятся шестерни, затягивающие меня в сомнительное предприятие. Впрочем, они давно уже крутятся.

Я стою у подземного перехода вблизи станции метро Новослободская, за спиной гудят стада машин, от которых я за последнее время отвык, макушку печёт солнце, но я не покидаю пост. Здесь удобно наблюдать за выходящими из метро. Я жду Стёпу и думаю о случившемся ночью.

Часть долга я заплатил Маше из денег Салмана, так что вернулся в свою комнату на законных основаниях. В квартире оказалось на удивление тихо. Иван Кали-

стратович и Димка уехали на лето в деревню, Генка спал перед ночной сменой, одна Маша возилась на кухне. Я выложил на стол черновицкие гостинцы: яблоки белый налив, первые абрикосы, благополучно довезённые ранние груши. Гвоздём программы была оплетённая бутылка вишняка, отец большой умелец его делать. Он и дом на Роше присмотрел с таким расчётом, чтобы на участке росли вишни. Как выяснилось, на этот раз отец для крепости добавил в наливку спирт. Может, потому всё и произошло.

Пока я мылся с дороги – в вагоне изошёл потом, – Маша накрыла на стол и разбудила Генку. Генка принялся было ругаться, не дают поспать, а ему пахать ночь, однако увидел бутылку и о сне больше не заикался. Хорошо посидели. Маша рассказывала о том, что Иван Калистратович с Димкой рыбачат на Лутосне, собирают дождевики, они уже пошли. На выходные она тоже поедет в деревню, очень любит ломать грибы. Хозяйка рассказала и о том, что меня беспокоило – об участковом. Тот не появлялся, наверно, в отпуске. Чокаясь с хозяевами, я соображал: отсрочка временная, всё равно ради справки придётся несколько недель поработать на молочном комбинате. А там вернутся из отпуска деятели из профкома литераторов, стану членом этой богоугодной организации, и пошли все далеко и надолго. Но сначала ВГИК, экзамены. Сидели часов до десяти, опорожнили почти всю бутылку. Потом Генка ушёл на комбинат, Маша стала убирать со стола, а я отправился в свою комнату.

Среди ночи проснулся. Я лежал на спине, и простынь, которой был укрыт, мой малыш натянул шатром. У меня давно никого не было, а тут ещё спокойная сытая жизнь в Черновцах. Сухостой, как говорили в армии. Я смотрю на летающие туда-сюда двери метро, чувствую, как солнце печёт голову и пытаюсь понять, почему всё-таки решился. Дело не только в желании. Ночью многие вещи воспринимаются иначе, отодвигаются дневные барьеры и табу. Что казалось невозможным, становится простым и естественным.

В общем, я встал и пошёл в Машину комнату. Ниче-

го не говоря – слова были ни к чему, – присел на край широкого дивана. Скрипнули пружины. Чувствуя, как пересохло в горле, погладил через одеяло Машину бёдро. Хозяйка не шевелилась. Сердце бухало, как свабойный агрегат. Я запустил руку под одеяло, принялся гладить бёдра, живот, добрался до груди и нежно сжал её. Маша молчала. Я осторожно откинул одеяло, поднял ночную рубашку и прикоснулся к волшебному темному лобку. Оставалось развести женщине ноги, что я и сделал. Потом осторожно вошёл в неё. Маша спала.

Надолго меня, понятно, не хватило. Точнее, хватило совсем ненадолго. Я вцепился зубами в подушку, чтобы не застонать. Не выходя из Маши, практически сразу повторил ещё раз, теперь уже основательно. Она молчала. Я лёг рядом, благодарно прикоснулся губами к щеке, однако Маша и на этот раз никак не прореагировала. Глаза были закрыты, дышала хозяйка ровно. Ну не может же быть, чтобы спала! Простые люди, свой этикет? Допустила, но не участвовала?.. Некрофилия какая-то.

Благо, Маше надо было в первую смену, а то не знаю, как смотрел бы ей в глаза утром. Я дождался, когда из ночной вернётся и уляжется спать по обыкновению податый Генка – он разговаривал сам с собой и бродил по квартире, задевая углы, – и лишь потом встал. До встречи со Стёпой (договорились вчера по телефону) оставалась уйма времени, однако я взял учебник немецкого и пошёл к троллейбусу. Район Новослободской не самое уютное место, но лучше уж там. Как по-немецки «ждать»? А «неловко»? Я заглядываю в словарь в конце учебника. На память упорно лезет «schwainerai». В самом деле.

Стёпа выходит из метро целеустремлённой походкой, издали замечает меня и скидывает руку. Я дожидаюсь, когда он подойдёт.

– Привет, старик. Не передумал?

– Джигит держит слово.

– Тогда бери. – Хмелик щёлкает замком портфеля и достаёт свёрнутую вдвое бумажку.

Разворачиваю. Листок абитуриента, Магомедов Вагиф Салманович. И моя фотография.

– Восточные люди выглядят старше, так что всё нормально, – успокаивает Стёпа. Действительно, двадцать восемь лет не восемнадцать.

– А какой процент среди них блондинов?

– Не бери в голову. Если спросят, скажешь, мать русская.

– Акцент всё равно нужен. Для убедительности. Кстати, за акцент Салман платить будет?.. Им ведь тоже овладеть надо, чтобы точно азербайджанский, а не армянский или там грузинский. Правильно мыслю?..

Я болтаю совершенно не нужные вещи, мне не хочется, чтобы Стёпа уходил. Домой я решил вернуться как можно позже, чтобы Маша уже спала, и надо как-то убить время.

– Может, по пиву? – предлагаю я.

Но Хмелик уже переминается с ноги на ногу и сморщивает по сторонам.

– Не могу, дела.

– Какие дела летом!..

– Серьёзно, не могу.

Стёпа как-то обмолвился, что ездит на дачу, помогает поливать и пропалывать грядки. К кому – не сказал, не удивлюсь, если к своему редактору из «Современника». Гибкий человек. Хмелик уходит, а я какое-то время ещё стою у метро, рассматриваю листок абитуриента. Странно видеть чужие ФИО и свою физиономию. Я дважды был абитуриентом, сейчас третий. Мандража нет, один спокойный интерес. Потому, что стал старше или потому, что не о моей судьбе речь?

Я опускаюсь в метро, еду до ВДНХ, нахожу ВГИК. 3-й Сельскохозяйственный переулок, во как! В вестибюле волосатые мальчики и коротко стриженные девочки ищут себя в списках групп, записывают даты экзаменов и консультаций. Атмосфера тихой паники. Вообще-то, руководство института гуманный народ. Экзамены начинаются послезавтра, у тех, кто не поступит, будет возможность попытаться счастье в обычных вузах – там экзамены позже, с первого августа. Я запоминаю расписание, попутно отмечаю, что через час

консультация для поступающих на сценарный и киноведческий факультеты. Что ж, послушаем.

А пока выхожу на крыльцо, закурываю, с любопытством посматриваю на претендентов на звание студентов одного из самых престижных вузов Союза. Говорят, конкурс, особенно на актерский факультет, здесь не меньше, чем в наш Литинститут или МГИМО. Разница в возрасте между мной и другими ребятами на крыльце невелика, но это уже другое поколение. Вельветовые туфли, джинсы в обтяжку, отстранённые лица – я в этом мире единственный и неповторимый, такая богема. Точнее, игра в неё. Я понимающе хмыкаю, не так давно сам был таким. Особенно первое время, когда поступил в институт. Ещё бы, избранный!.. Как там у Пушкина: что слава, яркая заплата на ветхом рубище певца. Славу никто не гарантирует, а вот рубище светит практически каждому. Вместо съёмов на «Мосфильме» и всенародной любви – заведование театральными кружками при ЖЭКах или в домах пионеров. Ребята ещё об этом не знают.

– Сигареты не найдётся? Свои все выкурила, волнуюсь.

Передо мной средних лет женщина, как говорится, со следами былой красоты. Чуть в стороне с осуждением и неловкостью на лице застыла полная девушка, видимо, дочь.

– Пожалуйста.

– Легче уж самой поступать, честное слово!.. – говорит женщина и щёлкает зажигалкой, прикуривая. – Вы не знаете, кто в этом году набирает курс на киноведческом?

Я пожимаю плечами.

– Досадно будет, если о Бондарчуке этот человек думает иначе. Тогда Марина не пройдёт. У них ведь как, надо думать, как руководитель, другие мнения не нужны.

И женщина рассказывает, что конкурсная работа дочери посвящена «Судьбе человека» – девочка с детства бредит кино, хотела стать актрисой, но фактура не та и вот приходится поступать на киноведческий. Уже второй раз. Всё это время дочь по имени Марина сто-

ит в стороне и к нам не подходит. По большим серым глазам заметно, что коммуникабельность матери она не одобряет. Этакая домашняя девочка, комплексующая из-за своих форм, чем-то она мне симпатична. Мы с матерью начинаем перетирать киношные новости, я мало что знаю, больше слушаю и глубокомысленно киваю. Потом настанет время идти на консультацию.

– Юра, присмотрите за ней, пожалуйста, – доверительно подаётся ко мне Валентина Евгеньевна, мы уже познакомились. – Она зажатая девочка, всего стесняется. Ладно?

К моему удивлению, в аудитории собирается не так уж много народа. Я занимаю место рядом с Мариной и пытаюсь завести разговор. Чтобы расположить к себе, всё время улыбаюсь. Когда устраивают экзамен по творчеству для сценаристов – понятно, но зачем это делать для киноведов? Ведь им сценарии не писать. Марина краснеет, едва заметно пожимает полными плечами и не смотрит на меня. Заколодило сероглазку. У меня нет ни сестры, ни брата, но от такой бы я не отказался. Есть что-то в ней славное, уютное.

Пока дожидаемся, я прислушиваюсь к разговорам и понимаю, что многие, как и Марина, поступают не первый раз. Важно попасть на руководителя курса, которому понравишься. Наконец в аудиторию бойко входит невыразительная особа лет за тридцать, садится к преподавательскому столу, закидывает ногу на ногу и выдаёт монолог о том, что надо быть готовым ко всему. Настоящая проверка способностей это творческий экзамен, а то, что присылали на конкурс, может быть и не своим, случается сколько угодно. «Всё как в прошлом году!..», – слышу шёпот сзади. Окончательно запуганная Марина в полуобморочном состоянии. После консультации мы выходим вместе, пампушку-сероглазку приходится вести чуть ли не под руку.

– Ну как? – бросается к нам Валентина Евгеньевна.

– Мам, я не поступлю... – шепчет девушка.

– Пустое, – солидно говорю я. – Проверка нервов. Главное, спокойствие. Чего бояться? Какое-то несчастное сочинение не напишем?..

Валентина Евгеньевна видит моё стремление ободрить Марину и благодарно пожимает локоть.

– Слышишь, что Юра говорит? Не боги горшки обжигают... Юра, большая к вам просьба. На экзамене садитесь, пожалуйста, рядом, хорошо? Пишет она грамотно, но вот с фантазией... И какой дурак придумал киноведам сдавать сочинение?!

Я провожаю женщин до метро, а сам двигаюсь к остановке трамвая и еду до конечной, к Останкинскому дворцу. Пруд у стеклянного куба телецентра трепещет на солнце, башня за ним похожа на гигантскую иглу со ступенчатым наростом посередине, народа на пляже не так много – будний день. Места хорошо знакомые, здесь я часто бывал, когда учился. Особенно мне нравилась дубовая роща рядом с телебашней, там загорал и готовился к экзаменам. Однако идти туда сейчас не хочется, далеко.

Я покупаю бутылку пива и шесть пирожков, благополучно уминаю. Затем раздеваюсь и, прикрыв лицо учебником немецкого, ложусь на песок. Что ж, жизнь не так уж и дурна. Необязательные мысли лениво бродят в голове. Интересно, если телебашня упадёт, достанет до пляжа или нет? До общежития на Добролюбова не достаёт, я шагами замерял, больше, чем шестьсот метров. Мопассан не любил Эйфелеву башню, называл её членом и садился в кафе так, чтобы не видеть. Странно, почему для человека, столько написавшего о траханье, член что-то нехорошее?.. С этими мыслями засыпаю.

К нашей четырёхэтажке подхожу, когда уже темно. Чтобы убить время, после пляжа я ещё послонялся между куртин и античных статуй Останкинского дворца, отсидел сеанс в кинотеатре «Орёл» и лишь затем не спеша направился домой. Вот будет номер, если Маша обо всём рассказала Генке. Тогда без драки не обойдётся. Само собой, придётся искать новое жильё. Я сажусь на лавочку у подъезда, закуриваю. Ситуация.

Но Маша, оказывается, ещё не спит.

– Где ты шляешься? – недовольно спрашивает она, появляясь из своей комнаты.

Я стараюсь смотреть мимо.

– А что?

– Как – что?.. Есть будешь?

Меня немного отпускает. Кажется, не всё так уж и плохо. Никогда раньше мне ужин здесь не предлагали.

– Не откажусь.

– Пошли.

Она уходит на кухню, я, сняв кроссовки, за ней.

– А Генка где?

– Где ему быть? В ночную ушёл.

Тоже хороший знак. Если разборки будут, то не сегодня. Стол на кухне на этот раз не такой, какой был на юбилей свадьбы, но тоже впечатляет. Здесь уж сам бог велел выпить. Я шарю рукой под столом, но бутылки с вишняком нет. Маша смеётся:

– Не ищи, Генка всё вылакал!.. У нас тоже есть. – Она выуживает из-за кухонного шкафчика бутылку водки и наливает в лафитники. – От Генки прятала... Ну, поехали.

Всё повернулось так неожиданно, что я в некотором замешательстве. И не нахожу ничего умнее как спросить:

– За что?

– За то самое, – говорит Маша и смотрит мне в глаза. – Ты мне вчера понравился.

Всё-таки не спала, притворялась!..

– Так, может, повторим? – наглею я.

– Ешь давай, повторяльщик! – смеётся хозяйка. – Посмотрим на твоё поведение.

Вел я себя, видимо, хорошо, потому что повторять той ночью был допущен неоднократно.

– Ты меня замучил, – сказала в конце концов Маша, отодвигаясь на мокрой от пота простыне. – Теперь дышать, надолго хватит.

– А Генка что, тебя не...

– Рождённый пить, е..ть не может, – говорит Маша. – Ладно, иди к себе, мне утром на работу.

Творческий экзамен оказался занятной штукой. Он заставил меня с облегчением вздохнуть, но одновременно и разочаровал. Почему его так боятся? Любую историю можно подогнать под выведенную на доске фразу. Главное, чтобы такую историю ты смог сочинить во время экзамена или же она была у тебя придумана заранее.

– Заготовка есть? – шепнул я Марине, которая сидела на другом конце стола.

В ответе я не сомневался, человек сдаёт во ВГИК не первый раз, должна была подготовиться. Но волоокая толстушка, обречённо взглянув на меня, покачала головой. Позже я узнал, киноведы в прошлом году творческой работы не писали, только рецензировали фильм. Надо полагать, новые веяния, многопрофильность.

– Придумай, время есть, – попытался ободрить я сероглазку.

Надо было что-то делать, жаль девчонку, да и Валентине Евгеньевне обещал. Но сначала слово Вагифу Салман-оглы. «Он свысока посмотрел на неё и сказал: «Тебе здесь делать нечего». Именно эта фраза была выведена на серой, плохо вытертой доске в аудитории, в которой нас усадили сочинять. Налицо ситуация, предполагающая конфликт. Что ж, неплохо, хотя лихо закрученный сюжет не самая сильная моя сторона.

На ближайшие четыре часа предстояло стать азербайджанским парнем с соответствующими представлениями о жизни. Но не только. Я ещё должен был понять, что хочет прочесть в сочинении выдавшая виды особа лет за тридцать, у которой явно не всё ладно на личном фронте – хронический недоебит, как сказал бы Адик Мыколив. Это она нас консультировала позавчера. Уж слишком решительно дама ходит между рядами и слишком зорко смотрит по сторонам. Цербер. Правда, неизвестно, она ли будет проверять работы – может, у них здесь разделение труда, одни проводят консультации и экзамены, другие читают работы и ставят оцен-

ки. Жаль, не посмотрел у Хмелика рассказы, которые представлены на творческий конкурс – сочинение, по идее, должно быть в том же стиле. Остаётся надеяться, за подобными нюансами во ВГИКе не следят.

Итак, колхоз на плодородной равнине, цветут персики и гранаты, журчат арыки. Выпускники сельской школы решили организовать комсомольско-молодёжную бригаду садоводов. Конечно, любовь, как же без неё. Дочь жуликоватого агронома (спасибо, Салман!) Гюльнара влюблена в бывшего одноклассника Халила, который возглавил бригаду, – а что, нормальные азербайджанские имена. Халил также любит Гюльнару. Но коварный агроном подбивает юношу часть выращенного комсомольско-молодёжной бригадой урожая продать перекупщикам с бакинского рынка (ещё раз, Салман, спасибо!). Он шантажирует Халила: если тот не согласится, Гюльнара будет отдана замуж за сына главного бухгалтера колхоза, толстого и глупого Хасана. Парень упорствует, агроном распускает слух, что уже получил за Гюльнару калым. Халил страдает. «Тебе здесь делать нечего!» – говорит он любимой девушке и свысока, оскорбленно смотрит на неё, когда та появляется в бригаде, чтобы сказать, что никогда не выйдет замуж за противного Хасана. Но Гюльнара настойчива, она заставляет себя выслушать. Счастливый Халил с помощью друзей якобы похищает любимую и прячет у родственников в горах. Агроном не может отомстить, его делишками заинтересовался ОБХСС, незадачливо-го комбинатора с позором увозят на «воронке»...

Не столько по-азербайджански, сколько по-индийски. Но почему бы нет? Вполне возможно, молодой Магомедов с детства обожает индийское кино. Опять же в наличии местный колорит (арыки, персики-гранаты, родственники в горах), пережитки прошлого (калым), современные реалии (комсомольско-молодёжная бригада). И главные герои ведут себя достойно и романтично, способны тронуть сердце старой девы, наверняка втайне мечтающей о любви, большой и чистой.

Ай да Вагиф Салман-оглы, ай да сукин сын!..

С волками жить, по-волчьи выть. Или так: в чужой монастырь со своим уставом не суйся.

Я принимаюсь вдохновенно строчить, текст идёт легко, с неожиданными находками, однако, когда поднимаю голову, ловлю с другого конца стола тоскливый взгляд Марины. Надо девушку выручать. Похоже, ничего у неё не вытанцовывается.

– Просись выйти, – шепчу я. – В туалет тебе нужно!..

Марина краснеет. Застенчивая какая, а ведь москвичка.

– Отпускают, просись! – настаиваю я. – Далеко не уходи!..

В самом деле, время от времени кто-нибудь из длинноволосых ребят и коротко стриженных девчонок в вельветовых туфлях и джинсах в обтяжку отпрашивается и выходит из аудитории – наша цербер, похоже, не лишена милосердия. И то сказать, четыре часа не каждый мочевой пузырь выдержит.

Марина по-школьному поднимает руку и, получив разрешение, выходит. Через минуту отпрашиваюсь и я. Цербер находит на столе мой листок абитуриента, откладывает, как и листки других вышедших, в сторону и со значением говорит:

– Смотрите мне, Магомедов...

– Обижаешь, сестра. – Я прикладываю руку к груди.

– Всё честно, мамой клянусь!

Разговаривать так с экзаменатором рискованно, но за счёт экзотики проходит. Если её хорошенько разработать, вдруг думаю я, она может оказаться не женщиной – вулканом. Это отзвуки ночи с Машей. Я подметил, после таких случаев любая женщина кажется доступной и способной открыться с неведомой стороны. Надо лишь приложить усилия.

В коридоре меня поджидает неприятный сюрприз. Поговорить с Мариной невозможно. Взад-вперёд покачивают две пожилые женщины, бдят за выходящими из аудитории абитуриентами. Но если бы даже их не было, Марины нигде не видно. Дисциплинированно направилась в туалет?.. Я спрашиваю у бдящих, где находится мужской туалет, единственное моё желание

сейчас, чтобы он был рядом с женским. К счастью, так оно и оказывается.

– Марина, – зову я, заглянув за дверь с дамским силуэтом.

Главное, чтобы не заметили, что я сунулся в чужой туалет.

Девушка стоит прямо у входа, рядом с раковиной умывальника. Вид у неё перепуганный. Я тесню Марину в ближайшую кабинку, щёлкаю задвижкой.

– Расслабилась, – приказываю шёпотом, – а то ничего не поймёшь. История у тебя будет такая...

И я торопливо выдаю сюжет о парне, который окончил Суриковское училище и женился на хорошей девчонке. У них любовь, они счастливы. Молодой семье нужны деньги, парень много работает, но пробиться без имени трудно, его картины не покупают. Парню халтурить не хочется, но он любит жену и соглашается заняться реставрацией росписи в церкви. По сути предаёт свой талант и оказывается в итоге наказанным. Срывается с лесов, со сломанным позвоночником попадает в Склифосовского. Когда к нему приходит жена, он говорит те самые сакраментальные слова, что написаны на доске, и смотрит на жену соответствующим взглядом. Но в концовке надо дать понять, что у молодых супругов всё наладится, их любовь преодолет испытание. Или просто оставить концовку открытой, пусть каждый додумывает, как повернётся ситуация дальше.

– Ничего сложного нет, понимаешь? Представь, ты пишешь обычное школьное сочинение. Только вводи побольше прямой речи – должно походить на сценарий, ВГИК всё-таки.

Марина молчит. Девчонку надо вывести из ступора, и я говорю громче, напористей, забыв, что в туалет в любой момент может кто-нибудь войти:

– Ты о заморочке с наказанием за измену таланту не думай, это я так, свои мысли. Думай, что рассказываешь обычную историю, которую можно услышать, например, в очереди. Своими словами – всего-то! Ты

девушка начитанная, сумеешь, соберись только. Лично я на киноведческий ни за что бы...

– Любовь преодолет испытание, – вдруг говорит Марина и поднимает на меня серые очи.

На этот раз в них непреклонность и готовность действовать. Похоже, моя история проняла девчулку. Слава богу! Я открываю дверь.

– Умница. Иди.

Да простит мне Николай Васильевич, что я перелицевал его «Портрет». Добавив, понятно, кое-какие мотивы из собственной жизни. Увлекательное дело, компиляция – всё как по маслу идет. Это своё даётся со скрипом и сомнениями. Потом и кровью, как сказал ещё один классик, правда, в другое время и по другому поводу.

Я благодушествовую в женском туалете и ещё не знаю, что наступят девяностые, когда ради куска хлеба буду горько издеваться над собой, выдавая в месяц на-гора по книжке дамского чтива. Вот когда вдоволь накомпилируюсь! А стиль!.. До сих пор ловлю кайф от некоторых своих пассажей: *«Волшебная музыка стихла, но Рут уже ничего не слышала. Заглушая её слабые протесты, Кевин прижал свои губы к её полуоткрытым губам. Его горячие сильные руки скользили по её телу, нежно и требовательно лаская его. И сразу же вихрь чувственного наслаждения подхватил Рут и понёс в мир пленительных грёз. Кевин целовал её долго, неудержимо, страстно. У Рут закружилась голова, и она прильнула к Кевину в бессознательном порыве пробудившейся женственности, полностью, без остатка отдаваясь трепетному, пылкому восторгу первой любви...»*

Какими прекрасными покажутся мне в ту пору прежние литературные порядки! Какого, спрашивается, хрена добивалась пишущая братия? Из властителей дум – в распивочно и навынос?! Меня, прогоревшего на торговле китайской тушённой, выхватит из постперестроечного дерьма раскрутившийся Стёпа Хмелик, за смешную плату сделает литрабом по производству книжек в мягкой обложке – якобы переводов с английского. Псевдоним у меня будет Джулия Литл, то есть

Юля Маленькая. Почти что Маленькая Вера, героиня нашумевшего незадолго до того фильма, китчевая девушка с окраины. Думаю, ей мои опусы понравились бы. Может быть, помогли бы жить. Что уже немало. Ведь традиционная русская литература – мазохистское копание в болячках. Смотрите классику.

И всё же я скриплю зубами, когда в своих книжонках той поры наталкиваюсь на такие перлы: *«Она увидела его глаза – два нестерпимо прекрасных сияющих омота, притягивающих к себе. Забыв обо всём, она подалась к нему и тотчас попала в сладкий плен его объятий, в капкан сильных рук и горячих губ. И поняла, что с радостью останется в этом плену на всю ночь. Или даже на вечность...»*

Всё-таки хорошо, что мы не знаем своего будущего. У кого-то из писателей есть рассказ, в котором герой кончает с собой на пике счастья. Не так уж и глупо, если вдуматься.

Я возвращаюсь в аудиторию, завершаю сюжет о Халиле, Гюльнаре и негодяе агрономе. Марина сосредоточенно пишет на другом конце стола. Дело, похоже, идёт на лад.

– Как она? – цепко берёт меня за локоть Валентина Евгеньевна, когда я, сдав работу, выхожу на крыльцо института.

– Думаю, хорошо. Справится.

– Вашими бы устами. – Маринина мать нервно затягивается сигаретой и требует подробностей.

Коротко рассказываю. Я опустошён, как ни странно. Даже подобное сочинительство забирает все силы. Или это только у меня? Давно заметил, когда пишу, женщины становятся мне безразличны, совершенно не тянут. Сублимация, перегонка половой энергии, да и вообще всей энергии?.. Минут через сорок появляется Марина. Закрыв глаза и прикусив нижнюю губу, она трясёт головой:

– Кошмар!..

Пампушка счастлива, испытание позади. Доволен и я, помог человеку. Теперь главное, чтобы оценка была приличная. Цербер сказала, о результатах сообщат пе-

ред тем, как будем смотреть фильм, на который предстоит писать рецензию. Оригинально, конечно, – ты пришёл на второй экзамен, а тебе говорят: извините, у вас два балла.

– Будем надеяться, с вами обоими это не произойдёт, – говорит Валентина Евгеньевна. Она весело смотрит на меня, Марина только что рассказала про инструктора в женском туалете. – Юра, вы к метро? Тогда пойдёмте... Всё-таки скажите, зачем вам второе литературное образование? Вы же Литинститут окончили.

Я скрываю, что сдаю экзамены за другого. Эти благополучные, судя по всему, люди вряд ли поймут меня. Со стороны ситуация в самом деле выглядит не очень красиво. Отвечаю в том духе, что за кино будущее, особенно за телевизионной драматургией, которая становится всё востребованней. Так что знать тонкости профессии сценариста даже выпускнику Литинститута не помешает.

(Я ещё не знаю, насколько прав. Не за горами время, когда власть окончательно сделает ставку на телевидение, и в нынешние благословенные годы настоящая литература станет выходить тиражом в несколько тысяч экземпляров. Это на всю-то страну!.. Казалось бы, что мне сейчас до того, я книг не издаю, в толстых журналах не печатаюсь, но за всем этим пласт культуры, который всё больше уходит из жизни. Уже едва виден на горизонте, наивный, а для большинства смешной и ненужный, как ветхозаветные манишки и чепчики.)

– Удивительно, как у вас приняли документы. Я слышала, даже после филфака не берут на сценарный, – развивает тему Валентина Евгеньевна. Надо разрядиться, снять напряжение, в котором находилась тоже, и она говорит о том, на что ей по большому счёту наплевать.

Проблема между тем существует. Маринина мама совершенно права. Когда я поступил в Литинститут и попробовал было перепрыгнуть через курс – всё-таки учился до этого в университете, – мне в учебной части посоветовали помалкивать. Студентов филфака в Литинституте не жаловали, могли дать от ворот поворот – амбиции. И во ВГИКе, думаю, не без того.

– За меня слово замолвили, – туманно отвечаю я. – Сочли возможным.

И замечаю оценивающий взгляд. Вон вы какой, Юра, интересно.

– Может, зайдёте к нам на чай?

– Извините, устал, – искренне говорю я.

В метро мы расстаёмся, мне на Новослободскую, потом на троллейбус, а Марине и её маме куда-то в район Ждановской. Далековато ехать ради чая, да и действительно устал.

Хорошо бы выпить водки, но одному не хочется. Посплю дома, сон тоже неплохо.

Все последующие экзамены мы с Мариной не теряем друг друга из вида, благо, наши сочинения заработали по четвёрке. Меня это несколько задевает – почему не пять? – ну да ладно. Сероглазка пытается мне помогать, когда пишем рецензию на фильм. Но не понадобилось – в Литинституте я прошёл суровую школу творческого семинара Кима Николаевича плюс семинары по текущей литературе. Да и опыт рецензирования имеется. Так что с анализом художественных произведений у меня всё в порядке. Вычленив авторскую идею и оценить степень и способы её реализации особого труда не составляет. Что в прозе, что в кино законы по сути те же.

Тем более, что фильм нам достался незамысловатый, на широкий экран, по Марининым словам, ещё не выходил. Для экзамена это логично, – нет и отзывов в прессе, надо разобраться самому. Бывшие десятиклассники едут на фронт, всё очень интеллигентно и красиво, попутно участвуют в эвакуации какого-то музея, торжественно, как на похоронах, вынося ящики с картинами... Этакая символика. В литературе подобное называется претензией и вычурностью, автор же считает, что получилось эстетично и глубоко. Увы, человеку свойственно ошибаться. Обычные ножницы между замыслом и воплощением. Об этом я и написал в рецензии, разумеется, подкрепив свои выводы примерами. Марине фильм тоже не понравился. У девушки определёнno есть вкус, не зря её конкурсная работа о фильме Бондарчука.

Для устных экзаменов у меня существует тактика, позволяющая произвести впечатление, а в итоге получить приличный балл. Во-первых, я начинаю отвечать на вопросы не по порядку, а с того, который лучше знаю. Во-вторых, в ответе должна быть изюминка. На экзамене по истории СССР один из доставшихся мне вопросов – общественно-политическая обстановка в мире перед первой мировой войной. С него и начинаю.

– Когда Германия пришла к столу империалистических яств, все места за столом уже были заняты, – цитирую я Ленина в одной из первых же своих фраз. И ловлю на себе заинтересованный взгляд экзаменатора.

Это мужчина лет под пятьдесят в круглых очках, его глаза за толстыми линзами кажутся маленькими. Брови у мужчины слегка приподнимаются, голова внимательно клонится на бок. Представляю, каким балзамом цитата пролилась на его сердце – наверняка во ВГИКе, как и у нас в Литинституте, история на вторых ролях. Я развиваю образную мысль вождя, благосклонность во взгляде экзаменатора нарастает. Главное, не забывать про акцент, всё-таки я азербайджанец.

– Достаточно, – наконец говорит экзаменатор. – Следующий вопрос, пожалуйста.

В рассказе о решениях последнего съезда КПСС мне тоже есть чем блеснуть, не зря в Черновцах штудировал учебник. Я много и убедительно говорю о необратимости социалистических преобразований в СССР – почему-то именно это засело в памяти. Конечно, случайность. Я ещё не знаю и знать не могу, что на Ставрополье живет Михаил Сергеевич Горбачёв, который крепко сомневается в подобном тезисе, хотя ему не полагается, как-никак секретарь крайкома. Под сурдинку, на благоприятной для меня волне проходит и третий вопрос, о структуре власти в Господине Великом Новгороде, я его знаю неважно.

– Хорошо... – произносит экзаменатор и заглядывает в листок абитуриента, – товарищ Магомедов. Я вам ставлю «отлично». – Он указательным пальцем подбивает очки на переносице, его близорукие глаза за тол-

стыми стёклами щурятся. – Вы, насколько понимаю, из Азербайджана?

– Канэчно, – говорю я, подпуская акцента.

– Любопытно. Обычно азербайджанцы смуглы и черноволосы... – Экзаменатор лукаво улыбается.

Впору запаниковать – могут пойти коту под хвост все мои старания, – но кураж несёт меня. Я смущённо опускаю глаза, делаю неопределённый жест рукой.

– Зачем так говорите, профэсор? Стэнька Разин в Персию плавал, да, княжну добывал, да? В наших мэстах с ватагой останавился. В моем ауле половина блондинов, клянусь!..

– Идите!.. – смеётся экзаменатор и машет рукой. – Потомок Разина!..

Когда позже я стану размышлять, почему Марину приняли во ВГИК, а меня – вернее, Вагифа – нет, мне вспомнится этот человек. По законам нынешних сочинителей именно его следовало бы заподозрить – а как же, историю СССР преподавал, наверняка стукнул, коммунака! Но не хочется мне так думать. Пошло. А если отвлечься от литературы и говорить о жизни, этот человек в сильных очках мне симпатичен. Неплохо всё-таки мы разыграли сценку – он всё понимал, и я понимал, что он понимает. Этакое весёлое братство понимающих людей. Хотя, конечно, это ещё ни о чём не говорит.

То, что я не прошёл по конкурсу, уязвило мое самолюбие. Но хуже было другое. Отец Вагифа отказался платить. Меня Салман разговором не удостоил, но через Хмелика передал, раз нет результата – нет и денег.

– Я виноват, что у них свои заморочки? У меня больше баллов, чем у тех, кого приняли. По какому принципу отбор, хрен их знает! – наседаю на Стёпу, когда тот позвонил и передал слова Салмана. – Я свою работу сделал, за других не отвечаю. Пусть платит!..

Стёпа вздохнул, сказал сочувственно:

– Я ему тоже так говорю. Помнишь, как в Литинституте – кого-то принимали, кого-то нет... Даже с хорошими баллами. Решающее слово было за руководителем семинара.

– Так ты объясни это чуреку! Во ВГИКе наверняка такие же порядки.

Хмелик какое-то время молчит, собираясь, видимо, сказать что-то неприятное для меня. Хотя что может быть неприятней того, что уже есть?

– Он хочет, чтобы ты вернул деньги.

– Какие ещё деньги я должен вернуть?!

– Задаток.

– Я убью тебя, Стёпа! – взрываюсь я. – Ты меня подставил! Сам не захотел в это дерьмо лезть, дурака нащёл. Встречу – не обижайся!..

– Остынешь, поговорим. – Хмелик положил трубку.

Вот почему он не говорит, где живёт и телефон свой не даёт! Законспирировался, скотина!.. Сейчас я был готов убить Стёпу.

Дома никого, Маша и Генка укатили на выходные в деревню, где проводят лето Иван Калистратович с Димкой. Собирают в подмосковных лесах грибы-ягоды. Я принялся шагать по квартире. Вляпался по полной программе! Мало того, что Салман платить не хочет, так ещё сто пятьдесят рублей назад требует!.. Я ему заплачу! Я им обоим устрою!..

Телефон. С досадой хватаю трубку.

– Что надо?

– Юра, вы чем-то расстроены? – не сразу отзывается Валентина Евгеньевна.

– Было бы странно, если бы я радовался, – не слишком вежливо отвечаю я.

– Я вас понимаю... Но, может быть, всё-таки приедете к нам? Мы решили в узком кругу отметить Марино поступление. В этом есть и ваша заслуга...

Я помолчал.

– Неожиданно как-то... Когда?

– Прямо сейчас. Или у вас планы на сегодня?

– Вроде нет.

– Тогда в чём дело? И Марине приятно будет вас видеть.

Остаться в квартире одному не хотелось. Только травить себя мыслями. Прежние проблемы опять поднимались во весь рост. Главная из них – безденежье,

чёрт бы его побрал! Если от участкового ещё можно прятаться, то от этого... Как ни крути, идти на молочный комбинат придётся. В принципе можно устроить-ся куда угодно, но там меня знают, и от дома близко.

– Как к вам добратся?

– Записывайте.

Через десять минут я был на остановке троллейбуса номер три.

11

В рецензиях подобные вещи квалифицируются как заданность, натяжку. К примеру, автору требуется свести героев в нужном месте в нужное время, и он пускается во все тяжкие. Срывает солидного отца семейства откуда-нибудь из Якутска, чтобы на пляже под Алуштой познакомиться с девицей, с которой затем уложит в постель. Вскоре выясняется, что это его дочь, которую герой бросил маленькой, когда учился на курсах кино-механиков в Калуге и сожительствовал с её матерью. Шок. Непотребный инцест как следствие эгоизма и безответственности. Низ-з-я.

Но какую бы благую цель не преследовал автор, события в произведении должны стыковаться естественно и достоверно. Я с осторожностью отношусь к слову «вдруг» – есть в нём некая преднамеренность, почти что подтасовка. На семинарах Кима мне не сразу удалось усвоить, что правда литературы и правда жизни не одно и то же. К пятому курсу считалось дурным тоном, если кто-нибудь из семинаристов начинал доказывать, что в основе его не вызвавшего доверия творения реальные события. Парадокс, странно, но придуманное бывает правдивей, чем то, что случается на самом деле.

Однако вопрос. Если литература, как нас учили, слепок жизни, то почему жизнь ниже литературы, недостоверней её? Случайность – такой же атрибут литературы, как и жизни. Кто-то из персонажей «Клима Самгина» задаётся вопросом: быть может, случай – псевдоним дьявола?.. В этом что-то есть. Плохо или хо-

рошо, но всё идёт своим чередом, и *вдруг, неожиданно* событие, нарушающее причинно-следственную связь. По крайней мере, не связанное с ней напрямую. Язвительная ухмылка сатаны. Думали, будет по-вашему, всё рассчитали? А вот вам!..

Тогда в ЦДЛ мне и в голову не могло прийти, что ещё раз столкнусь с Сенчуковым, этим мастодонтом-сталинистом. Конечно, теоретически такая возможность существовала, но на практике приближалась к нулю. И где столкнусь – у него дома!.. Открывший дверь мужчина сначала не показался мне знакомым, что и понятно, раньше я его видел только со спины, да и то единственный раз. И вот – лицо с запавшими щеками, сухопарая подтянутая фигура, слова:

– Юрий? Заходите, мы вас ждём.

Я не знаю, куда девать торт (с пустыми руками в гости не являются), и хозяин приходит мне на помощь, принимает картонную коробку, крест-накрест перевязанную бечёвкой.

– Прошу. Разуваться не обязательно.

Что-то смутно знакомое чудится мне в этом подсушенном теле прямо держащегося пожилого джентльмена, но я отвлечён другим, улыбаюсь спешащей навстречу Валентине Евгеньевне.

– Какой вы молодец, Юра, что приехали!.. Познакомьтесь, это Олег Всеволодович, мой муж. – Она забирает у мужчины торт. – А это Юра, он помог Марине на экзамене, я тебе говорила.

Мужчина доброжелательно кивает и, приглашающе поводя вдоль коридора рукой, на секунду поворачивается спиной. Я вижу костистый затылок и редкие волосы, сквозь которые просвечивает кожа. Так это же Сенчуков, заведующий Литературной консультацией, его мне в ЦДЛ показал скотина Стёпа Хмелик!.. Ошибиться я не могу, зрительная память у меня хорошая.

– Предоставим женщинам заниматься своими делами, а я вам пока книги покажу. – Меня проводят в комнату с книжными стеллажами под потолок и усаживают в крес-

ло. – Кстати, я тоже в своё время окончил Литературный институт. Так что мы с вами, можно сказать, коллеги.

О чём говорить с человеком, раза в два с лишним старше меня, я не знаю. И произношу первое, что приходит на ум:

– У вас отличная библиотека.

Конечно, есть в моих словах желание сказать хозяину приятно, но душой я всё же не кривлю. Библиотека в самом деле богатая. Если учесть, что на дворе стояли времена книжного бума, когда из-за книг в очередях устраивали потасовки, библиотека у Сенчукова была на удивление. Разноцветные корешки собраний сочинений, дефицитная прогрессовская серия «Мастера современной прозы», «Поэтическая Россия», много книг издательства «Советский писатель», в том числе синие тома «Библиотеки поэта»...

Я слотнул. О таком богатстве можно только мечтать. У меня самого библиотеки не было. Так, десятка два книг, которые переезжали со мной из Черновцов в общежитие, перед армией – из общежития в Черновцы, из Черновцов в Аллину квартиру, из Аллиной квартиры в моё нынешнее жилище.

– Да, кое-что у меня имеется.

Хозяин, видимо, польщён, но понять это по лицу невозможно. Всё та же сдержанная улыбка следящего за каждым своим жестом и словом человека.

– Ну и как живётся нынешним выпускникам Литинститута? – переводит он разговор на другое.

– По-разному, – коротко отвечаю я. С какой стати жаловаться незнакомому человеку? Вежливость заставляет добавить: – Видимо, так же, как выпускникам вашего времени. Кто-то печатается и издаётся, кто-то кормится в основном рецензиями.

– Да, судьбе литератора не позавидуешь, – говорит Сенчуков и тонко улыбается.

Разговор надо поддерживать, но хозяин не делает в этом смысле никаких попыток, и я продолжаю:

– Когда мы учились, нам приводили статистику. В среднем член Союза писателей зарабатывает в месяц чуть больше шестидесяти рублей.

Сенчуков кивает:

– Зарплата уборщицы.

Неожиданно мне приходит в голову, что талант это вовсе не дар божий, как принято считать, а, скорее, проклятье. Видимо, колёсики подсознания постоянно крутятся, работают и выдают результат, когда подсознанию вздумается. Но я боюсь шокировать малознакомого человека резкостью суждений, поэтому сворачиваю на более нейтральное:

– И тем не менее бешеные конкурсы в творческие вузы. Где-то я слышал, талант это лотерейный билет, по которому ещё надо выиграть.

Сенчуков вновь благосклонно кивает:

– Справедливое замечание. Есть в природе человека нечто такое, что заставляет его тянуться к творчеству. Звучит пафосно, но это так.

Нашу беседу, всё более становящуюся отвлечённой, прерывает заглянувшая в кабинет (думаю, именно так называют эту комнату со стеллажами и креслами) Валентина Евгеньевна:

– Ну что, мужчины, за стол?

– Не откажемся, – отвечает за нас обоих Олег Всеволодович. – Пойдёмте, Юра, раз приглашают.

И опять едва заметная усмешка человека, в душе иронизирующего над происходящим. Похоже, мастодонт-сталинист совсем не глуп.

Лицо Марины в комнате с накрытым столом едва не заставляет меня хлопнуть себя по лбу ладонью. Бог ты мой, как не догадался сразу!.. Сероглазка на меня запала. Марина пунцовая, не знает, куда девать руки.

– Здравствуйте, – опережает она меня. Девушка никак не может перейти на «ты», хотя разница в возрасте между нами не так уж велика.

– Здравствуй, Марина, – как можно свободней говорю я. – Поздравляю тебя. Извини, что без букета, скоропалительно как-то вышло...

– Это я виновата, – вмешивается мать. – Подумала, чего тянуть? Выходной, все дома – почему не отметить?.. Юра, вот сюда, пожалуйста, здесь вам будет удобно.

Мы рассказываемся. На какое-то время повисает неловкость, обычно сопутствующая этой процедуре.

– Так, мужчины, кто что будет?.. Лично я коньяк, – Валентина Евгеньевна вдруг начинает смеяться, поглядывая на мужа. – Ой, Юра, у нас с коньяком история была!.. Олег совсем не пьёт, ему нельзя, а я грешным делом себе иногда позволяю. Так он стал мне подсовывать литературу о том, как женщины спиваются. Ненавязчиво так!..

Валентина Евгеньевна смеётся, улыбается и Сенчуков, будто говорит: каюсь, было дело. Обстановка за столом становится свободней, а после тоста за Маринин успех и вполне непринуждённой. Закусываем, разговариваем, и понемногу выясняется, что женаты Валентина Евгеньевна и Олег Всеволодович не так давно, раньше хозяйка с дочерью жили в Петрозаводске, а познакомился Сенчуков с будущей женой на море, этакий курортный роман, завершившийся браком.

Как бы между прочим Валентина Евгеньевна интересуется, почему до сих пор не женат я. Мне не хочется, чтобы меня воспринимали здесь как потенциального жениха, да и нехорошо врать, и я рассказываю о своих обстоятельствах. Не всё, конечно. Время от времени сочувственно посматриваю на Сенчукова. Быть трезвым в компании выпивших – испытание, Олег Всеволодович чокается минералкой. Порой мне кажется, я ловлю на себе его оценивающий взгляд. Бойтся, напьюсь? Что-то другое?

Перед сладким Валентина Евгеньевна поднимает всех танцевать. Женщина она раскованная, с чертовщинкой, не случайно сумела увлечь немолодого Сенчукова. Она на шпильках, её шаг в фокстроте лёгок, кокетлив. Олег Всеволодович едва поспевает за ней. Я завидую их поколению, они знают толк в танцах. Мы с Мариной топчемся на месте, как сейчас принято. Марина то и дело бросает взгляды на мать, наконец не выдерживает, меняет кассету – и понеслось!..

Валентина Евгеньевна присоединяется к нам. Мы образуем кружок, Сенчуков, отмахиваясь обеими руками, возвращается за стол. А мы втроём отрываемся по полной программе. Комплекция не мешает Марине

быть пластичной. Смотри, какая я, что я умею, пели её бедра, грудь, приметный животик. И это ещё не всё, я на многое способна, ты даже не подозреваешь, какая я, что могу!.. Вот тебе и скромница, в тихом омуте... Валентина Евгеньевна тоже хорошо танцевала быстрые танцы, но у неё выходило уже по-другому, всё-таки возраст.

– Ух, Юра, спасибо! Давно так не танцевала!.. – Хозяйка упала на стул рядом с мужем.

Сенчуков, шурясь, кивнул мне:

– Каковы? Вот что делает с женщинами присутствие молодого мужчины... Говорят, на птицефабриках специально держат несколько петухов – чтобы тонус у куриц был на высоте.

– Ну тебя! – машет на него рукой запыхавшаяся Валентина Евгеньевна. – Сравнил!..

Сенчуков усмехается:

– Природа, никуда не денешься.

После кофе всей семьёй меня провожают на автобус. Сиреневые тёплые сумерки, лопочет вверху тополиная листва, шуршат по асфальту машины. Покой и умиротворённость воскресного летнего вечера.

– Ты к нам ещё придёшь? – наклонив голову, тихо спрашивает Марина.

Мы идём впереди Валентины Евгеньевны и Сенчукова. Девушка наконец-то решилась перейти на «ты», её смелость, должно быть, от шампанского, которое пила за столом.

– Обязательно, сестричка.

– Не называй меня так, пожалуйста.

– Не буду, сестричка, – поддразниваю я.

– Какой ты...

– Противный, согласен.

Мне хочется прижать Маринину голову к груди, погладить по волосам, как маленькую, поцеловать в макушку, но, во-первых, сзади родители, во-вторых, нельзя. Даст бог, всё у неё пройдёт. Ни к чему обнадёживать. Так будет лучше, хотя, на первый взгляд, бессердечно.

– Можно, я тебе буду звонить?

- Пожалуйста. Но я совсем не уверен, что будешь.
- Почему?
- Впереди развесёлая студенческая жизнь, красавцы мальчишки с актёрского факультета. Где уж с ними тягаться старому больному человеку...
- Не прибедняйся, старый и больной.
- Я начинаю кашлять.
- Проклятые рудники...
- Марина смеётся. Приятная всё-таки девчонка, хотя и полновата.
- Я позвоню. Завтра же.
- Ну-ну, сестричка, посмотрим.
- Опять?..

12

Я оказался прав. На следующее утро мне позвонила не Марина, а Сенчуков.

- Как изволили почивать, сеньор?
- Его голос я узнал не сразу.
- Здравствуйте, Олег Всеволодович. Надеюсь, вопрос вызван не моим вчерашним злоупотреблением спиртным? – в тон ответил я.
- Чего не было, того не было. – Судя по голосу, Сенчуков усмехался с привычной своей сдержанностью. – У меня вот к вам какое предложение, Юрий... как вас по отчеству?
- Антонович. – Я был озадачен. По имени-отчеству ко мне обращались разве что в рецензиях.
- Насколько я понял, у вас есть литературный опыт, в том числе рецензирования. Так?
- Да.
- Сенчуков помолчал.
- Не хотите поработать для Литературной консультации? Нам сейчас очень нужны свежие силы. – Голос Сенчукова был серьёзен.
- Почему бы нет? – не раздумывая, сказал я.
- Не насторожило меня это «очень», нет, не насторожило!.. «Очень нужны» – это при переизбытке-то в Мо-

скве готового на любую литературную работу пишущего пролетариата.

– В таком случае вы не могли бы в ближайшее время к нам подъехать? Литературная консультация находится на Воровского, 52. Там же, где Правление Союза писателей СССР. Правый флигель, чёрная железная калитка, увидите, это напротив Театра киноактёра. Ближайшее метро «Баррикадная».

- Рядом с ЦДЛ?
- Совершенно верно.
- Я прямо сейчас могу подъехать.
- Прекрасно. Жду. – И короткие гудки.

Мой поход в отдел кадров Моспогруза и на этот раз откладывался. Участковый пока не давал о себе знать, а деньги можно быстрее заработать на рецензиях. Вчерашний торт нанёс моему хилому бюджету зубодробительный хук. Существовал я на остатки Салманова аванса. Когда уезжал из Черновцов, отец предлагал деньги, но я гордо отказался – как же, сам зарабатываю.

Говорят, большую часть жизни человек проживает в определённом биологическом возрасте. Кто-то едва не с детства спокоен и рассудителен, как сорокалетний, другой задумчив и невесел, будто ветхий старик, третий никогда так и не становится взрослым. Я отношусь к третьим. Мое ощущение мира законсервировалось где-то в подростковом возрасте. Я рос, давил юношеские угри, брил густеющую щетину, пробовал сочинять рассказы, осваивал фрезерный станок, узнавал что-то о жизни, но на моём ощущении себя это практически не сказывалось. Я оставался подростком лет четырнадцати с его самолюбием, замкнутостью и робостью перед взрослыми.

Не знаю, бросалось ли это в глаза, но я себя таким чувствовал. Дитина за метр восемьдесят, порой развязный и нагловатый, а тем не менее. Я до сих пор такой. Но есть в подростковом состоянии и плюсы, важные для литератора, – острота восприятия. У меня, например, собачий нюх. По запаху я могу знать, что у женщины менструация, а прошедший рядом парень недавно

мастурбировал, сперма на плавках ещё не высохла. Мне не известно, в каком биологическом возрасте жил Бунин, но, рассказывают, он различал десятки оттенков чёрного цвета и видел звёзды, которые без телескопа рассмотреть невозможно.

И вот я толкаю железную, крашеную в лоснящийся чёрный цвет калитку, она вделана в массивный жёлтый забор (дверь затем с грохотом ударяется в забор с обратной стороны), ладонь остаточно ощущает прогибающуюся поверхность трехмиллиметровой жести, её лёгкую шершавость. Эту металлическую калитку красили давно, но я отчетливо различаю запахи краски и железа, потом в ноздри ударяет застоявшаяся влажность ограниченно-го с трёх сторон пространства за чёрной калиткой, запахи не затёртого подошвами асфальта, мелко крошащейся кирпичной стены справа и едва уловимый дух гниения, неизвестно откуда здесь взявшийся.

Визуальное и обонятельное впечатления накладываются, стена ушедшего в землю флигеля с отсыревшей и отставшей по низу штукатуркой – она тоже источает свой запах, что-то известковое, – окна с наваленными на подоконники рукописями (оконные проемы позволяют заметить: стены флигеля по-крепостному внушительны). Я вижу малинового цвета вывеску с потускневшими золотыми буквами «Литературная консультация», козырёк навеса, вдыхаю дух проолифенного дерева, тяну на себя приглушённо светящуюся в затенённом летнем воздухе никелированную ручку – дверь обшита продольными рейками – и ступаю вниз, на линолеумный пол коридора, ушедшего вместе с флигелем в землю. Душная прохлада полуподвала и запах лежалой бумаги.

Всё это понятно, но откуда гнилостный запах во дворике?..

– Здравствуйте. Могу я видеть Олега Всеволодовича?

Широколицая девушка в очках поднимает на меня глаза. Она за столом что-то пишет. Девушка в комнате одна, но есть дверь дальше, за которой, должно быть, находятся остальные сотрудники Литературной консультации.

– Да, конечно, – вежливо отзывается девушка. – Направо по коридору.

Как обычно в новом месте, всё и здесь воспринимается остро. Я делаю несколько шагов, прохожу в дверь, передо мной застеклённые витрины с книгами и раскрытыми журналами. В тёмном коридоре поворачиваю направо, чуть не налетаю на добротный старинный шкаф, доверху набитый папками. И наконец высокие белые створки ещё одной двери.

– Разрешите? – Я приоткрываю створку.

Сенчуков поднимается из-за просторного стола и двигается мне навстречу. За его спиной широкое, чуть ли не во всю стену окно во двор Правления, тёмная зелень кустарника и яблонь вверху.

– Прошу, Юрий Антонович. Нашли нас? Присаживайтесь.

Олег Всеволодович сдержанно доброжелателен, не более того. То, что мы вчера сидели за одним столом, недавнее «сеньор» для него сейчас ничего не значат. Мухи отдельно, котлеты отдельно – о его любимой пословице я узнаю позже. Несколько вежливых фраз, затем слова:

– Я вам кое-что подобрал. Здесь есть и откровенная графомания, и вещи, требующие серьёзного разбора. – По толстому стеклу, покрывающему обширный стол, Олег Всеволодович пододвигает ко мне несколько рукописей. Тут же неожиданно смотрит на часы, его голос меняется, становится почти своим: – Как вы насчёт обеда? В ЦДЛ неплохо кормят, комплексы... Как я не люблю это выражение – комплексные обеды! Тот, кто его придумал, начисто лишён чувства слова... Так что?

Я приятно удивлён количеством рукописей, лежащих на толстом зеленоватом стекле передо мной (каждая – деньги!), и отказаться от предложения Сенчукова просто не имею права. Тем более, что действительно хочется есть. Единственное, что меня смущает, это цена комплексного обеда. Остаётся надеяться, что она невелика.

– С удовольствием.

Стремительно выходя из Литконсультации (я едва

поспеваю следом), Сенчуков бросает широколицей девушке в очках:

– Мы обедать.

– Да, конечно, – всё с той же скромной вежливостью отзывается девушка.

По её поведению не похоже, что в Литературной консультации конфликт. Всё рассосалось?.. Единственное, что удивляет, это наглухо закрытые двери в две другие комнаты. По идее, не один же Сенчуков на месте. Или у них так принято работать – чтобы никто не мешал?..

За столиком в Дубовом зале Олег Всеволодович рассказывает историю Литконсультации. Её организовали в тридцатые годы по инициативе Горького. Начинающие поэты и прозаики со всего Союза могли присылать сюда свои произведения и получать профессиональный разбор. А это для периферийных авторов особенно ценно, замечает Сенчуков, ведь им приходится вариться в собственном соку, как правило. Кто с помощью Литературной консультации был способен творчески расти, тот рос. Кто нет – ничего не поделаешь, одного желания в литературе мало, нужны способности. Времена сейчас другие, но и теперь одарённых людей Литконсультация старается поддержать, вывести, что называется, в люди.

– Вы видели наш стенд с книгами и журналами?

Я вспоминаю витрины за стеклом, когда искал кабинет заведующего.

– Конечно.

– Это авторы, которых Литературная консультация довела до публикации, – сообщает Сенчуков. В его голосе сдержанная гордость.

Мы дожидаемся, когда принесут комплексный обед, и Олег Всеволодович рассказывает, как во времена Хрущёва Литературную консультацию сделали одной из редакций издательства «Советский писатель». Полная чушь и нелепость. Но руководству Союза писателей нужно было отчитаться о сокращении непроизводственных единиц, вот Литконсультацию и перевели в издательство. И волки сыты, и овцы целы – «Советский писатель» как-никак

что-то производит, выпускает книги. Хотя нынешний директор издательства и пришёл из ЦК, человек он недалёкий, работать с ним тяжело. И Олег Всеволодович ещё раз морщится, будто от изжоги.

Я оглядываюсь по сторонам, о Дубовом зале я много слышал, но сам в нём ещё не был. Цветные витражи, высокий, как в театре, потолок, резные столбы, тёмные панели – надо полагать, дубовые, отсюда и название. Пока мы ждём обед, к нам подсаживается затрапезного вида человек в парусящихся на коленях брюках. Сенчуков тем не менее с ним уважителен. Представляет меня, называя рецензентом Литературной консультации. Я понимаю, это только аванс, мне даётся шанс таковым стать, но всё равно приятно. Тем более, что подсевший оказывается поэтом, переводчиком с английского и много всего, как вскоре выясняется, знает. В отличие от нас он заказывает хаш и бутылку пива. Блюдо мне не знакомо, и я с интересом жду, что ему принесут. Оказывается, хаш это отвар из костей, бульон. Переводчик его ест по понедельникам, такой у него обычай.

– Один восточный правитель заметил, что его слуги всегда бодры и трудолюбивы, – с паузами рассказывает сиплым голосом переводчик, перемежая хаш и пиво. – С чего бы, казалось, – работают тяжело, спят мало, а энергии с избытком. Оказывается, всё дело в хаше. Его ещё называют хаши, добавляя букву «и»...

Четвёртое место за нашим столиком тоже пустует недолго. Сенчуков окликает остановившегося в проходе и оглядывающего зал грузного мужчину с портфелем. Как оказывается, это критик, фамилия мне знакома – его часто печатает «Литературная газета», – но вижу я этого человека тоже в первый раз. Ему Сенчуков меня тоже представляет, называя солидного мужчину по-свойски Бенедиктом, – они вместе учились в Литинституте. Разговор лёгкий, перепрыгивает с одного на другое, вскользь касается пикантного, полузапретного – как Сталин уговаривал Серго Орджоникидзе войти в политбюро, а тот отказывался, говорил, что ему доста-

точно тяжёлой промышленности: «Возьми Лазаря, Коба. Он очень хочет». Однокурсник Сенчукова, похоже, ещё более начитан, чем переводчик с английского.

– Загляни как-нибудь в Консультацию, – говорит в конце обеда бывшему однокурснику Олег Всеволодович. – Для тебя есть рукопись.

В его голосе едва ли не просительные нотки. Ничто человеческое Сенчукову не чуждо – он явно относится к грузному, весому во всех смыслах Бенедикту с пиететом.

Два чувства борются во мне. Мне приятно и лестно находиться в обществе таких людей – это вам не девчонки с молочного комбината и не мои хозяева Генка с Машей. А с другой стороны, я боюсь что-нибудь не то сказать или сделать, показать здесь свою случайность.

Но, чёрт возьми, как хочется быть равным среди этих людей, как хочется! Я свой, примите меня, я ваш, я тоже причастен к литературе!..

Отпуская меня, Сенчуков со значением говорит:

– Надеюсь, Юрий Антонович, наше общение продолжится. Быть может, на более стабильной основе. Вы ведь нигде в штате не работаете?.. Свежие силы Литературной консультации нужны. Очень!

И опять я не обращаю на это «очень» внимания.

Крепок задним умом, это про меня.

Часть вторая ЛК

1

Осень на улице Руставели ощущается острее, чем в центре Москвы. Наверно, потому, что в окрестностях много деревьев, они нагляднее всего и говорят о времени года.

Наш район, по моим прикидкам, застроен где-то в начале пятидесятых, дома здесь ещё не панельные, а кирпичные, и дворы просторные, густо засаженные тополями и клёнами. Весной я балдею от запаха молодых листьев, окно, когда обитал в общежитии, не закрывал даже

на ночь, хотя было прохладно. Лето накатывало на улицу и дворы зелёным валом, заполняло пространство, скрывало перспективу, а если смотреть с пятого или шестого этажа, где жили мы, парни, то и землю. На виду оставались одни асфальтовые дорожки. Когда я выходил на улицу, возникало ощущение счастливой тесноты вокруг.

Нынешнее моё жильё находится на третьем этаже четырёхэтажного дома, до окна дотягиваются ветки клёна. В начале лета листья на них были ярко-зелёные, тонкие, как папиросная бумага, и нежные, потом понемногу заматерели, стали разлапистыми, тёмными. А сейчас начинают желтеть, краснеть, по-особому пахнуть. Это ещё не винный дух, которым наполнены в безветренные октябрьские дни парки и скверы, но уже намёк на него, предтеча.

Давая глазам отдых, я время от времени смотрю на ветки, ещё недавно густо-зелёные, с лоснящейся, будто лакированной, листвой. Впору задуматься о быстротечности всего сущего, но что-то не тянет. Впервые за последнее время я спокоен, почти счастлив. Во-первых, люблю осень, во-вторых, я уже не прячущийся от участкового человек неопределённых занятий. Редактор Литературной консультации Союза писателей СССР. Звучит солидно.

– К тебе можно?

Это Маша.

– Чего спрашиваешь? Заходи.

К столу, за которым я правил рецензии внештатников ЛК, хозяйка подошла как-то бочком, с интересом заглянула через моё плечо.

– А написали-то, написали!..

– Как полагается, в трёх экземплярах, – солидно пояснил я. – Первый экземпляр автору рукописи, второй в архив Литературной консультации, третий в бухгалтерию на оплату.

– К тебе теперь на хромо́й козе не подъедешь... Забурел, начальник.

– Ну уж и начальник.

Я поднялся со стула, с хрустом потянулся – засиделся, чёрт! – и попытался Машу прижать.

– Ты чего!.. – шёпотом возмутилась она, отталкивая меня. – Дед дома!.. Завтра.

Наши отношения с Машей продолжались, но на нейтральной почве. Дома хозяйка ничего мне больше не позволяла, тем более, что перед началом учебного года из деревни вернулись Иван Калистратович с Димкой. «Зачем проблемы, сам подумай!», – отрезала она, когда я намекнул, что неплохо бы, так сказать, пообщаться. «Значит, всё?..» – «Зачем – всё? В бане будем, я знаю, так делают». Я засмеялся: «В бане? В мужском отделении или женском?» – «Хреново жизнь знаешь, товарищ писатель!..» И Маша рассказала, что в бане на Дмитровском шоссе есть ванны для семейных пар. Нужны только паспорта со штампами о браке. Но можно и без паспортов – даёшь пространщице три рубля, и все дела. Одна Маша знакомая так со своим любовником встречается. Мы тоже несколько раз уже побывали в ваннах, завтра должен состояться очередной поход. Маша разработала целую стратегию. Я будто бы уезжал на работу, а она шла по магазинам. Домой мы из конспиративных соображений тоже возвращались в разное время.

Но, как вскоре выяснилось, завтрашним банным процедурам не суждено было состояться.

– Твоя звонила, – сказала Маша.

В её голосе ни намёка на ревность. Между нами негласный договор, я воспринимал существование Генки как не подлежащую сомнению данность, так же корректно по отношению к Алле вела себя Маша. Союз сексуальной взаимопомощи. Если, конечно, упрощать ситуацию.

– Когда звонила? – удивился я. За исключением присутственных дней в Литконсультации, я практически всё время дома, звонок должен был слышать.

– Ты за продуктами выходил. Голос такой... – Маша не могла подобрать слово. – Ну, вроде как что случилось.

Алла жена мне формально, но это ничего не меняло. Позвонить надо. Попутно проведя рукой по хозяйкиному бедру, я направился в прихожую, где находился телефон, и набрал номер. Трубку никто не взял. Странно.

Алла могла быть ещё в школе, но бабушка из дома почти не выходила. Я вернулся в комнату, продолжил править рецензии – предстояло сдавать их на отправку и в бухгалтерию на оплату, – но в сознании сидела заноза. Просто так Алла звонить не станет. Женщина гордая.

Я увлекся и не слышал, как ушла на работу во вторую смену Маша, из памяти выскочило и то, что надо позвонить. Не услышал звонка и сам – на всю квартиру распевал песни вернувшийся из школы Димка. «Цыть!» – прикрикнул за дверью Иван Калистратович, потом постучался ко мне.

– Юра, вас. – После того, как меня приняли в Литературную консультацию, Генкин отец стал обращаться ко мне на «вы». О наших с Машей отношениях он, слава богу, не подозревал.

Голос был Аллин. Неизвестно почему я сразу начал оправдываться:

– Я тебе недавно звонил. У вас никто трубку не брал.

Впрочем, известно. Я всё ещё чувствовал себя виноватым перед Аллой – как бы там ни было, усложнил женщине жизнь.

– Завтра сорок дней, как умерла бабушка. Приходи на поминки. Она к тебе хорошо относилась.

Я нашёлся не сразу:

– Что же раньше... Я бы с похоронами...

– Я звонила, – ровным голосом сказала полужена. – Тебя не было в Москве.

Вот тебе раз. Человек не только смертен, но смертен внезапно – не помню, кто сказал, кажется, Воланд у Булгакова. Обходительная поповна с лёгкими седыми волосами. Каждую неделю чистила семейное серебро тряпочкой с мелом. Как-то усадила меня протирать через сито творог – в Аллиной семье я узнал, что такое настоящая пасха со всеми её рецептами, резными дощечками и завязками. В Черновцах пасхой считается кулич – по крайней мере, так было в нашей семье...

– Завтра в шесть часов, – сказала Алла. – Если сможешь, приезжай.

– Конечно буду!..

Следующий день начался с поездки в Литературную консультацию. Дождя не предвиделось, и я выбрал маршрут, чтобы можно было пройти пешком. Мышцы требовали, редакторская работа сидячая. На ставшем родным с институтских времён третьем троллейбусе доехал до Пушкинской площади, дальше на зелёный свет через улицу Горького – подземный переход тогда только строился. Устье Большой Бронной с кафе «Лира» с одной стороны («Мак-Дональдса» ещё в помине не было), с другой стороны – старейшая московская аптека (снесена, как и весь квартал с пельменной, кафе «Эльбрус» и библиотекой имени Некрасова). Дворами через улицы Шусева и Качалова на Герцена, затем на Воровского. И вот она, чёрная железная калитка, правый флигель Дома Ростовых.

Пешком-то пешком, но удовольствие от прогулки оказалось ниже среднего. Пропитанный выхлопными газами тусклый воздух, тесно стоящие дома, чахлые липы с ржавой листвой – это осень в центре. У нас на Руставели презентабельней. Но дело не только в этом. Мое подсознание лукавило, выбирая маршрут подлиннее. Мне не хотелось появляться в Консультации. Чёткий социальный статус дело, конечно, хорошее, но и сопутствующих моментов в моём новом положении хватало.

У меня слабость, люблю во всём гармонию. «Вон как Юра фразы закруждает, прямо каждую вылизывает! И переходы от эпизода к эпизоду на загляденье, – говаривал на семинарах, непонятно поглядывая на меня, Ким Николаевич. – Сюжеты у него кончаются так: всем сестрам по серьгам. Добрый человек, никого обидеть не хочет!..» – «Это плохо?», – по молодости набычивался я. Тогда я считал, что самому Киму не хватает вкуса. Такое впечатление, что его герои не говорят, а кричат друг на друга – столько восклицательных знаков. Шум и ярость. Да и сама стилистика – натужное веселье на ровном месте.

До сих пор люблю, чтобы в моих рассказах всё было ладно. И в жизни вокруг тоже. Может, сказывается биологический возраст, в котором я, похоже, застрял навсегда. С любовью этого возраста к сказкам с хорошим

концом. Подростки её стесняются, но такая любовь сохраняется надолго. Поэтому я поразился, когда в первый же свой день в Литконсультации услышал за стенкой:

– Руснак не работает и работать не будет!.. И надо ещё проверить, закончил ли он Литературный институт на самом деле. Он из Черновцов, мог диплом купить!..

В голосе говорящего чувствовалось такое ожесточение, словно я был его заклятым врагом. Борис Михайлович, недавний редактор ЛК, ныне пенсионер, который всё ещё захаживал на бывшую работу. Когда я какое-то время был внештатником, он со мной вполне доброжелательно здоровался. Веня Чачия рассказывал, Бориса Михайловича посадили в конце сороковых, когда боролись с космополитами, вёрстку его повести в толстом журнале, естественно, рассыпали. Я Борису Михайловичу сочувствовал. И вот пожалуйста!.. Видимо, младший редактор Аня – так звали широколицую девушку в очках – не сказала, что я уже работаю, сижу в соседней комнате за уютной перегородкой, через которую всё слышно.

Поведение Бориса Михайловича казалось тем более странным, что приняли меня в ЛК, в общем-то, неплохо. Быстроглазая молодящаяся дама Ольга Григорьевна сразу предложила называть себя Олей, меланхоличный Гена Попков, знакомясь, вполне доброжелательно пожал руку. О Вене речи нет – как-никак однокашник, пусть особенно близки не были, разные курсы. То, что я знаком с Красноперовым, тоже сыграло роль. Валентин Леонтьевич ушёл в «Детскую литературу» не так давно, его в Литконсультации помнили. «Старик, тебя никто не торопит, – сказал Веня, понимая, умно улыбаясь. – Осмотрись, всё сам поймёшь. Гену тоже принял на работу Сенчуков, но он сейчас на стороне коллектива. Сам посуди, может вменяемый человек восстановить против себя всю Консультацию?..» Моё недавнее предположение относительно того, что конфликт в ЛК рассодался, было легкомысленным.

– Аня, привет! – здороваюсь я, с бодрым нетерпением входя в помещение. Мысль пришла неожиданно,

буквально в дверях, она мне кажется счастливой, поэтому и перемена в настроении. – Веня где?

Совушка, так я называю про себя младшего редактора, смотрит на меня своим кротким взглядом, ответно здоровается.

– Он скоро будет.

То, что Чачия пунктуальностью не отличается, мне уже известно. В присутственный день редакторам полагается приезжать на работу к двенадцати, но Веня может появиться после обеда. А потом куда-то надолго исчезнуть. И это не вызывает ни у кого недовольства – в Консультации он общий любимец. Тем более, что проявлять недовольство некому, Сенчуков отсутствует, сегодня он работает дома.

Я не успеваю пройти в отведённую мне комнатуху, как из другой, тоже предназначенной для редакторов, порывисто появляется Ольга Григорьевна.

– Юра, вы знаете, что у нас профсоюзное собрание? – Её темные глаза живо перепрыгивают с меня на Аню и обратно. Похоже, настроение у Ольги Григорьевны приподнятое. Она в Литконсультации профорг.

– Теперь знаю. Когда, сегодня?

– В четверг в четыре часа. Будет присутствовать председатель профкома издательства, – говорит Ольга Григорьевна и опять обменивается с Аней взглядами.

Я уже догадываюсь, что это будет за собрание, тем не менее с надеждой спрашиваю:

– Отчётно-перевыборное? – Осенью обычно бывают такие.

– Нет, о положении в Литературной консультации.

– В голосе Ольги Григорьевны едва скрытое торжество пополам с отчуждённостью. В явных соратниках я не состою, и она этого не одобряет.

– Яволь, майне геррен! – пытаюсь шутить я. Отыжка экзамена по немецкому во ВГИКе.

Но никто не улыбается.

Веня появляется в Литконсультации, упорно заталкивая в карман тесных джинсов ключи от «Жигулей», – он единственный автовладелец в ЛК. Веня возбуждён.

Я как раз передаю Совушке-Ане вычитанные рецензии и рукописи на отправку.

– Старик, у меня к тебе дело на сто тысяч.

Веня кивает, но не слышит меня.

– Стереотипами живут, козлы! – громко обращается он ко всем сразу. – Мент видит, человек в очках, думает, перед ним вялый интеллигент, можно заработать. Вы, говорит, превысили скорость. Как же, сейчас, только шнурки поглажу!.. Ты своим радаром лохов пугай. Что ты там накрутил, я не знаю, я шёл на нормальной скорости, штрафа или на лапу давать не собираюсь!..

– Отстал гаишник? – интересуется Ольга Григорьевна. Она появилась из своей комнаты как только услышала Венин голос. По всему чувствуется, ждала его и сейчас не скрывает своего нетерпения.

Чачия со снисходительной усмешкой пожимает плечами. Он опять такой, каким я его привык видеть – нетороплив, вальяжен, за стёклами очков умные глаза.

– Куда этот козёл денется... Важно грамотно себя вести. Другие – как? Кто-то торопится, кто-то не хочет связываться. Я говорю: вызывай начальство, будем разбираться. Гаишник, конечно, пас... Нашёл вялого интеллигента!

Мне важно перехватить Веню, пока его не увела к себе Ольга Григорьевна – у них это обычное дело, могут подолгу разговаривать за закрытыми дверьми или с озабоченным видом уйти куда-то вместе из Литконсультации. И я повторяю:

– Дело на сто тысяч, господа! У меня на следующей неделе день рождения. Хочу отметить в Консультации. Как вы?

И обвожу глазами всех, в первую очередь смотрю на Веню. Уже знаю, от Вени здесь многое зависит, хотя он такой же редактор, как остальные.

– Сенчукова приглашаешь?

– А почему нет?.. Рюмка чая, как известно, сближает.

Все отводят глаза, будто я ляпнул глупость. Но раздается стук в дверь, слышится неуверенный голос:

– Можно?..

Это разряжает ситуацию. На пороге средних лет

женщина с целлофановым пакетом. Судя по всему, принесла рукопись. Таких в ЛК каждый день бывает по несколько человек, хотя основной поток рукописей приходит всё-таки по почте.

– Я пишу стихи... – смущённо сообщает похожая на домохозяйку женщина. – В Союзе писателей сказали, можно к вам...

Обычное дело, я к этому уже привык. Начинаящие самых разных возрастов обращаются в Правление, отчаявшись найти понимание в редакциях. Выше некуда, а из Правления их переправляют к нам, благо, рядом. Тем же занимается – правда, реже – издательство «Советский писатель», которому ЛК подчиняется, именуясь при этом Литературной консультацией Союза писателей СССР. Бюрократическая дипломатия, от причинах которой поведал мне недавно Сенчуков.

– Присаживайтесь, – кротко произносит Совушка-Аня и принимается заполнять авторскую карточку. – Назовите, пожалуйста, ваши фамилию, имя и отчество...

Так ничего и не ответив мне, Веня с Ольгой Григорьевной уходят. Дверь в комнату они прикрывают за собой плотно.

2

У лифта я сталкиваюсь с Наташей, бывшей свидетельницей на нашей свадьбе. Здоровается эта молодая дама с налитыми плечами сдержанно. Причиной может быть как событие, которое привело нас в этот дом, так и то, что я ушёл от Аллы. А вот Наташин муж, имени которого я не помню, ведёт себя свойски. Он крепко жмёт руку, интересуется:

– Ну как она, т-т-вая ничего? В смысле, ж-ж-изнь.

Пока мы доехали до нужного этажа, я успел узнать, что отпуск они с женой провели в Крыму, было здорово, Алла отдыхала с ними. Наташин муж заикается, но любит тем не менее поговорить, долго слушать его тягостно. Когда нам открывают, я стараюсь оторваться от него, сразу подхожу к Алле.

– Прими мои соболезнования.

Звучит дубово, но ничего другого придумать не могу. Алла кивает и подаётся навстречу Наташе и её мужу, женщины обнимаются, всхлипывают. Среди ползнакомых Аллиных родственников я отыскиваю глазами её отца и мать.

– Здравствуйте... Хороший бабушка была человек, – говорю я, подходя к ним. И зачем-то развожу руками.

– Хороший, – соглашается тесть.

В отличие от женщин мужчины не склонны априори винить ушедшего из семьи мужа. Это чувствуется в том числе по тону тества. Он похож на мягкую игрушку, этакий уютный толстяк с совершенно не идущими ему вислыми гуцульскими усами. Мы обмениваемся ничего не значащими фразами. Разговаривая, я пытаюсь понять, как это тесть столько лет умудрился прожить с Аллиной матерью. Одного взгляда достаточно, чтобы понять, не женщина – кремень. Почти такие же, как у дочери, густые волосы, смуглая пористая кожа, выражение лица, словно у комсомолки двадцатых – неподкупность. Не хватает только красной косынки и короткой стрижки. Кстати, работает Валентина Григорьевна в министерстве путей сообщения. Дисциплина и порядок.

В Аллином лице тоже иногда проступало нечто подобное, но не так резко, смягчалось молодостью или другими генами. Зато жена становилась трогательно беспомощной, когда я входил в неё, куда только девался характер. Или это давала себя знать женская сущность – уступить мужчине, ублажить, чтобы добиться главного, реализовать материнское начало?.. Неосознанно, инстинкт. Возможно, то же происходит с тещей, но уже по привычке, что и заставляет Аллиного отца мириться с твердокаменностью.

– Вот так живёшь-живёшь... – говорит между тем бывший тесть и вздыхает. Похоже, искренне, хотя умершая была матерью жены.

– Да, – соглашаюсь я.

– А в общем-то, дай бог нам до таких лет дотянуть. Семьдесят девять, не так уж плохо.

– Мужчины живут меньше.

– Не скажи, раз на раз не приходится. – Судя по всему, Аллин отец собирается превысить среднестатистическую продолжительность жизни для мужчин в СССР.

– На Кавказе вон сколько долгожителей. Недавно читал, один в девяносто лет женился, ещё и дети пошли.

– Тоже верно.

Негромко, в соответствии с событием разговаривая с тестем, я понемногу осматриваюсь. В этой квартире с высокими потолками я прожил почти год. Работалось неважно. Не только потому, что комплексовал по поводу того, что не приношу в семью денег. Недавно прочитал у Бунина, в одних квартирах ему писалось хорошо, в других нет. Так, наверно, и у меня, хотя до Ивана Алексеевича мне как до Грасса на четвереньках. Чего, казалось бы, лучше, центр Москвы, просторные комнаты, окна на юг – папе понравилась, когда он приезжал на нашу свадьбу. Однако в большой комнате, которую нам с Аллой выделила бабушка, настроиться на работу было трудно. Слишком солнечная. То, что должно было дойти до бумаги, не доходило, яркий свет сводил на нет мою сочинительскую потенцию. Чувшь, казалось бы, глупость, но в писательстве много непонятого. Ещё этот постоянный гул машин за окном, на который ни бабушка, ни Алла не обращали внимания.

Сейчас посередине бывшей нашей комнаты раздвинут стол, на нём приличествующая случаю еда и несколько бутылок вина. В центре тарелка с блинами – сороковины, полагается. В торце стола тарелочка с полной рюмкой, прикрытой кусочком хлеба. Судя по всему, мы с Наташей и её мужем появились последними, больше ждать некого. Тёща шепчется с Аллой и печальным голосом произносит:

– Прошу, товарищи, за стол.

Это появилось во мне давно, ещё до того, как умерла мама. Человек кончается, переходит в другое состояние, и ненужным оказывается всё, что он знал и умел в жизни. Как пишется, например, буква «щ», что есть такой низкорослый, как дети, народ бушмены, что

кончик нитки нужно послунить и выпрямить, иначе не попасть в ушко иголки, что дрова в печи поправляют кочергой, что существуют Мальдивские острова, что сосед с нижнего этажа при встрече подмигивает, что лучше всех зубная паста «Поморин», что входная дверь хорошо открывается, если прижать к косяку, что печень белого медведя ядовита, эскимосы прячут её даже от собак, что самый вкусный хлеб в киоске на рынке, что Вторая мировая война началась в сентябре тридцать девятого и окончилась в сентябре сорок пятого, что если в ухо залезла букашка, нужно налить подсолнечного масла, букашка всплывет, что под льдами Антарктиды горные хребты, что чужую собаку лучше не гладить...

Это и многое другое, важное и никчемное, которое человек узнал и чему научился, становится ненужным. Нет, не о бессмысленности любой жизни и целых цивилизаций я хочу написать рассказ. Избито. Я хочу передать изумление, когда понимаешь: всё знание себя и мира – такая ненужная в итоге вещь. Это даже не страшно, а как-то вчуже удивляет. Не знаю, внятно ли выражаюсь. Но если в рассказе сумею дать толчок мысли, нет – чувству, буду считать задачу выполненной. До озарения читатель должен дойти сам, если способен. Но пока я не знаю, с какого бока взяться за эту тему.

Между тем за столом слушают, что говорит о покойной Аллин отец, номинальный глава семьи, вздыхают и согласно кивают головами. Выпиваем, не чокаясь. Действительно, славная была старушка, деликатная. Ни разу не зашла в комнату, когда до свадьбы мы с Аллой трахались на стуле, хотя Алла боялась, что зайдёт. Из негромких разговоров выясняется, бабушка была младшей в семье, мать умерла рано, вырастили её сёстры. В анкетах приходилось скрывать, что она дочь священника. Когда мужу после войны предложили длительную командировку с семьёй в Венгрию, бабушка отказалась – не хотела расставаться с сёстрами, такие были отношения. Сёстры ушли, теперь бабушка...

Час спустя мужчины выходят на лестничную площадку курить. Печаль умеренная, как бывает, когда

умирает старый человек. Родственники и знакомые иногда улыбаются, можно услышать даже лёгкий смех. Но всё в пределах приличия.

Ко мне подступает муж свидетельницы Наташи, заикаясь, принимается рассказывать, как по пляжу в Крыму ходили студенты из Африки в юбочках то ли из листьев, то ли из морской травы, белозубо улыбались, потрясали копиями и приговаривали толстыми губами: «Чунганга!.. Опа-на!.. Хорошë-ё!..» За фотографию брали три рубля. Наташин муж сфотографировался: висит, обхватив копье руками и ногами, а негры его несут, как добычу. Приколно вышло, жаль, снимок не захватил. А Наташа и Алла фотографироваться не захотели.

– Негры, ну их!.. – говорит Наташа, найдя нас на лестничной площадке, и брезгливо передёргивает налитыми плечами.

Она тоже закуривает. То ли сказались несколько рюмок «Кагора», то ли по другой какой причине, но бывшая свидетельница уже не так неприязненно смотрит на меня. Что-то заинтересованное чудится мне на этот раз в её взгляде. Разговаривая, Наташа растягивает слова, играет подкрашенными глазами, хотя случай явно не тот. Она словно знает обо мне нечто, где я крепко лопухнулся, намёк в лице и голосе. С чего бы?..

Гости долго засиживаться не стали, будний день, завтра на работу. Я в сомнении – откланяться вместе со всеми или на какое-то время ещё остаться, всё-таки муж внуки, неприлично уйти рано. Решаю немного задержаться. Женщины убирают со стола, моют посуду, а мы с тестем и Наташиным мужем устраиваемся за журнальным столиком в бабушкиной комнате, допиваем вино. Тесть больше молчит, приложившись к рюмке, каждый раз аккуратно промокает платком свои гуцульские усы, а Наташин муж рассказывает маловероятные вещи. Например, что их НИИ разработал способ записи информации, когда на одном квадратном сантиметре помещается вся Ленинская библиотека.

– Кончай, – не верю я.

Персональные компьютеры, мобильные телефоны

со встроенными видеокамерами, напичканная электроникой бытовая техника, – всё это ещё впереди. Сейчас я искренне считаю, что такого быть не может по определению. Ленинская библиотека – на квадратном сантиметре!.. Выпил человек, вот и гонит, хочет показать свою значительность.

– К-клянусь!.. – прикладывает руку к груди говорливый заика. – Только н-никому, т-с-с!.. – И прижимает палец к губам.

Я подначиваю:

– Болтун находка для шпиона.

– П-п-почему? – на мгновение смущается Наташин муж, смотрит на нас с пьяной пристальностью. Наверняка давал подписку о неразглашении. – Вы же советские люди, я п-п-равильно понимаю? Вам-то д-доверить можно?.. Существуют такие р-р-аботки, дочкой клянусь!

Тесть неопределённо кивает, верит или нет, понять трудно. Похоже, ему безразлично. В свои пятьдесят он живёт другой жизнью, ему важно иное. Как моему отцу, когда, приехав на свадьбу, он ни с того, ни с сего стал вдруг говорить о нашем роде. Мы вышли вечером пройтись, папа смотрел на простор Смоленской площади, на поток машин с приглушёнными фарами, угловатую пирамиду Министерства иностранных дел. «Твой дед женился в шестнадцать лет, – неожиданно сказал он. – Надо было, сирота».

Об этом я слышал и раньше, но всё как-то отрывочно, вскользь. Отец принялся рассказывать, что у деда и бабушки, когда они поженились, ничего за душой не было. С большим трудом построили глинобитную (из лампачей, сказал он) хату, покрыли соломой, завели поросёнка, козу – корову купить было не на что. Рассказывал папа подробно, к чему-то меня подводил. Дед тяжело работал, выбился в середняки, тогда ещё не было колхозов, так же тяжело заставлял работать бабушку. Зато в начале тридцатых, в голодный год, за яму переживавшей картошки сумел обменять свою хату на другую, побогаче, под черепичной крышей, с крашены-

ми ставнями. К тому же рядом был «шипот» – родник, выведенный через трубу из горы. Раньше хорошую воду, «сладкую», приходилось носить на коромыслах издалека, в своём колодце была солоноватая.

Сирота дед заложил основу, сказал папа. А ему самому разве легко пришлось? В военной мясорубке сумел не только уцелеть, но и стал, сельский парень, офицером Советской Армии. Это что-нибудь да значит. У меня есть возможность двинуть род дальше, ещё полнее реализовать заложенное природой или Богом. «Ты смотри – Москва вокруг! Многие всю жизнь сюда рвутся, чёрту душу готовы продать, а не получается!.. – Папа повёл рукой вокруг, другой обхватил меня за плечи, мимолётно и крепко прижал к себе. – Конечно, тебе повезло со временем, это да. Войны нет, голода нет. Но что в Литинститут поступил и закончил, твоя заслуга полностью! Сумел, добился – молодца!».

Мне были приятны папины слова, хотя я понимал, ответственность за унаследованные способности – ещё и несвобода. Я чувствовал это уже тогда, когда прогуливался с папой в окрестностях Смоленской площади. И всё-таки потенциальный маршальский жезл в солдатском ранце щекотал моё самолюбие. До сих пор щекочет.

К метро направляемся все вместе, Алла нас провожает.

– Ты что, с ума сошёл? – приглушённым голосом выговаривает Наташа, отведя меня в сторону. Мы уже пришли, стоим перед входом в метро. – Как ей сейчас одной оставаться, сам подумай! В тебе что, ничего человеческого нет?..

Я оглядываюсь на Аллу и её родителей, они прощаются, теща и тёща уезжают к себе. Все держатся хорошо, сороковой день, острота потери сгладилась.

– Ты что, не знаешь её характер? Это снаружи она такая, а внутри переживает, бабушка ей роднее матери была, – наседает Наташа. – Оставайся, поддержи, надо!

Я в нерешительности. Оставаться у Аллы не соби-рался, но чувство вины перед ней опять тут как тут.

– Так она вроде нормально...

Наташа не хочет слушать.

– Родителей хотя бы пожалей, им будет спокойней, что не одну оставили. Будь человеком, всё-таки муж!..

Вступать сейчас в дискуссию относительно того, какой я муж, неуместно. Тем более, что к Наташе направляется её хорошо поддатая половина.

– О чем это, и-и-нтересно, вы за моей спиной д-до-говариваетесь?..

Наташа улыбается, кивает мне с таким видом, будто я согласился, подхватывает благоверного под руку, и последние гости исчезают в метро. Перед самыми дверями Наташа оглядывается, и я опять замечаю прежнее выражение на её лице, будто она обо мне знает что-то нехорошее.

Алла прощально поднимает вслед паре руку и никак не реагирует на то, что я стою рядом.

– Ну что, пошли? – говорю я. По крайней мере до дома проводить надо, уже темно.

Всю дорогу мы молчим.

– Кофе хочешь? – сдержанно предлагает Алла у подъезда.

Я усмехаюсь. Экий матёрый штампиче, женщина приглашает мужчину на чашечку кофе. Встретив такую фразу в произведении, уже знаешь, одним кофе дело не обойдётся. Но то литература.

– Можно.

В твёрдой уверенности, что максимум через час я буду в метро, захожу вслед за Аллой в лифт. И опять страсть к округло завершённым ситуациям играет со мной дурную шутку. В мягко несущей нас вверх кабине Алла отводит волосы от лица, оно у неё усталое – и вина перед женой пополам с нежностью и желанием успокоить и пожалеть охватывают меня. Я беру в ладони её лицо, Алла поднимает на меня печальные глаза, подаётся вперёд и утыкается лбом в грудь.

И эти простые движения определяют мою дальнейшую жизнь.

Веня обаятельный человек. Я его запомнил ещё в Литинституте – улыбка, внимательный взгляд, очки. Он отличался от остальных ребят, переводчиков с грузинского. Те в основном пили, выясняли между собой отношения и дрались с другими парнями из-за девчонок. Особенно поэты. Веня тоже писал стихи, но был спокойным, доброжелательным и, похоже, умнее других грузин. Но это так, заметки постороннего, я учился на курс младше.

Литинститутское впечатление сейчас подтверждалось. Славный малый. С чувством юмора, в том числе по отношению к себе – мог пройти по поводу своей ранней лысины. Веня разбирался в литературе, у него хороший вкус, говорил дельные вещи. Единственный среди редакторов Литконсультации он был членом Союза писателей. Приняли, когда работал в Правлении СП Грузии, но тем не менее. Мы с Веней люди одного поколения, и это тоже сближало. Я мог с уважением относиться к Сенчукову, но тот всё-таки человек другого времени, чужого.

Свои взгляды Веня не скрывал. Почему, например, небольшое повышение цен на бензин во Франции приводит к отставке правительства, а в Советском Союзе цены повышают молчком и без последствий для власти? Почему у нас подавляется любое инакомыслие и все средства информации принадлежат государству? Мы стараемся не отстать от Штатов в космосе и по вооружению, но всё это за счёт уровня жизни, который ниже, чем в большинстве стран соцлагеря... Ах, Веня, говорю я из нынешнего своего времени, ты задавал вопросы, которые и сейчас задать хочется, хотя советская власть приказала долго жить. Мы вкусили от древа познания добра и зла, но большую часть вкусивших Змей кинул. Ничто у нас по сути не изменилось, а в Штатах, Израиле или, как ты, в Германии сумели оказаться немногие. В числе неискоренимых российских бед есть такая: переняв европейскую форму, власть напрочь вытравляет её содержание.

Выяснилось, почему Веня говорит без акцента – родился и окончил школу в Днепрпетровске. Грузин украинского разлива. Но в университет поступил в Тбилиси. А когда Литинститут стал набирать группу переводчиков, попал в неё и ушёл из университета. История, сходная с моей. Разве что я поступил в Литинститут напрямую, а не как переводчик. Отношение к ним в институте было слегка высокомерным.

– Хочешь три дня к отпуску? – спросил как-то Веня.

– А то!

– Тогда пиши заявление в дружину.

– Прямо сейчас? – удивился я. Предложение было неожиданным.

– А что тянуть. Сегодня и дежурить пойдём.

Время от времени мы устраивали перерывы, сходились из своих каморок в просторную приёмную, где находилось рабочее место младшего редактора Ани, и трепались на разные темы. Особенно, когда в ЛК появлялись рецензенты нашего возраста, вроде Славы с льдистыми скандинавскими глазами и жгучего брюнета Валеры, говорящего «что», моими знакомцами по ЦДЛ. Как правило, они ходили вместе. Появлялись и другие, чаще всего в присутственный Венин день, у него было множество знакомых. Порой странноватых, как один закавказский человек, стесняющийся своей фамилии Онанидзе, или Вася Сергеев, не по возрасту полный хозушник из Правления с то ли заискивающими, то ли страдальческими глазами. Заходили вообще неожиданные персонажи вроде Витальки, время от времени дарившего кому-нибудь из редакторов кусок вырезки, – он работал на мясокомбинате. Прешащему стихами Витальке требовалось общение с интеллигентными людьми.

– Не упускай шанс, старик, – не слишком добро начал Слава, которого я прозвал про себя Викингом. Он никогда не улыбался, в любой ситуации смотрел неуступчиво, твёрдо. – Сам командир предлагает, цени!

Брюнет Валера молча усмехнулся, он был гибче, тактичнее Викинга, а объединяла их общая борьба с изда-

тельствами и журналами. Находившийся здесь же Вася Сергеев с готовностью засмеялся:

– Конечно, конечно!..

Веня снисходительно улыбнулся. Он понимал ожесточившегося в борьбе за место под литературным солнцем Славу. Что-то знал о Васе Сергееве. И это снисходительное понимание тоже располагало к нему. Неприятной была разве что привычка облизывать губы. Когда Веня кого-нибудь внимательно слушал, кончик его языка быстро появлялся между губами и тотчас исчезал. Выходило как-то по-змеиному. В «Советском писателе» Веня был ответственным за дежурства в добровольной народной дружине – общественная нагрузка тех лет – и сумел выговорить в районном штабе право дежурить внутри станций метро Арбатская. Не каждому подобное удавалось. В итоге совписовцы не мёрзли зимой на улицах, как мы, когда учились в институте.

Дежурить после работы отправляется вся ЛК, за исключением Сенчукова. Три оплачиваемые дня к отпуску ни для кого не лишние. Осенняя улица Воровского (до революции и с недавних пор Поварская), доходные дома девятнадцатого века, недокормленные липки в забранных решётками квадратах земли. Где-то здесь перед отъездом в Одессу, а потом в эмиграцию снимал квартиру Бунин. Мы двигаемся весёлой гурьбой, в настроении нечто от пионерских походов. Веня рассказывает, как одного редактора «Совписа» (издательство располагается тоже на этой улице) предостерегала его деревенская бабушка: нехорошо, живёшь на улице Воровской, работаешь на Воровской... Смотри, не связывайся!

Впереди идут наши дамы, даже со стороны видно, это близкие люди. Ольга Григорьевна опекает младшего редактора. У Ани родители, у Ольги Григорьевны ребёнок, но отношения мать-дочь, похоже, обеим необходимы. Я порой застаю их беседующими, исповедь с одной стороны и взыскующее внимание с другой, по лицам видно. Когда я спросил у Вени, что бы это значило, он прокомментировал ситуацию так: беседы о нравственности. Рядом ЦДЛ, писатели, молодой девчонке

легко запудрить мозги. И ладно бы только это. После общения с инженерами человеческих душ, по мнению Ольги Григорьевны, сверстники Ане станут неинтересны. Надо сначала выйти замуж, а уж потом заводить умных и умелых любовников.

Говоря это, Веня неопределённо улыбался, то ли соглашаясь, то ли иронизируя. Забегая вперёд, скажу: как всякая опека, повзрослевшей Ане она со временем надоеет. Совушка начнёт встречаться с немолодым киношником, захаживавшим в ЦДЛ. Ольга Григорьевна сочтёт подобное чёрной неблагодарностью – кроме передачи собственного житейского опыта, она защищала Аню от Сенчукова, а та это не оценила. Буча в ЛК пойдёт по второму кругу, на этот раз между бывшими соратниками. И опять – удивительное дело – причиной станет смиренная Совушка!.. На этот раз тоже найдутся люди, которые возьмут её под защиту. «Что она за фигура? – спросят однажды меня. – Каждый раз сырбор в Литконсультации из-за неё». Но всё это потом, когда я уже уйду из ЛК, а заведующим будет не Олег Всеволодович, а другой человек.

– Ну не фонтан она как работник, не фонтан!.. – доверительно приблизив лицо, вполголоса говорит Веня, показывая глазами на идущую впереди Аню. – Согласен! Может рукопись потерять, рецензии на оплату сдаёт с опозданием, в бухгалтерии на неё жалуются – всё это есть. Но нельзя увольнять молодую девушку! Коллектив, естественно, выступил в защиту. Он тогда стал придирается к другим тоже. Кто-то испугался, ушёл на пенсию или в другую контору, а куда Ольге? У неё мать-пенсионерка и сыну десять лет. И почему кто-то должен ухаживать?.. Я сначала пытался е м у объяснить ситуацию. Не понимает! Говорит, стоит нажать на кнопки, и все вы с треском вылетите из Консультации. Я е м у прямо в глаза сказал: провода от ваших кнопок я давно перерезал. Перерезал, понимаете!..

Веня обещал не давить на меня, дать осмотреться, но когда наши присутственные дни совпадали, большую часть времени занимали его монологи. Веня заходил в

мою комнатуху, присаживался на край стола и начинал говорить. Называл Олега Всеволодовича исключительно «он», сообщал, что этот чистоплюй-сталинист любит сальные анекдоты и не ест в ЦДЛ, а жрёт. И вообще бериевская падаль. Скажи, куда нормальный человек идёт после десятилетки? Поступает в институт. А этот после школы устроился в НКВД, курировал группу сексотов, сам об этом рассказывал. Дескать, хотел как пишущий человек узнать жизнь во всех проявлениях. Врёт – садист по призванию!.. Такая непримиримость в обычно снисходительном умном Вене была неприятна.

Особой надобности в дружинниках на станциях метро нет, на той и другой дежурили милиционеры. Мы отмечаемся в журнале, надеваем повязки и спускаемся на платформу той «Арбатской», охровое круглое здание которой находится справа от кинотеатра «Художественный», как раз напротив советского пентагона. Здесь меньше народа и не так шумно. Можно говорить и слышать друг друга.

Порядок нашего движения по платформе тот же, что на улице. Ольга Григорьевна и Аня впереди, Веня, Гена Попков и я метрах в десяти за ними. У женщин свои разговоры, у нас свои, благо, вмешательства дружинников не требуется. Пережидая грохот подходящих к платформе поездов, Веня рассказывает об оперной певице, с которой у него в ту осень был роман. Оказывается, певиц нельзя трахать дня за три до спектакля – пропадает опора для голоса. Что это такое «опора для голоса», до сих пор не знаю, да и не пригодилось мне это знание в жизни, но всё равно любопытно.

Гена Попков, который обычно молчит и, склонив голову к плечу, думает какую-то свою думу, скупно улыбается. В Консультации он появился немногим раньше меня, а до этого окончил областной пединститут имени Крупской. Однако преподавать в школу не пошёл, разносил телеграммы и писал роман. Венины истории ему тоже интересны.

Разговоры молодых мужчин целомудрием не отличаются. О женах мы не говорим, а вот события, происхо-

дящие на диване в кабинете Сенчукова во время его отсутствия, Веня живописует в подробностях. Упрутость пружин многократно опробована с посетительницами ЦДЛ, студентками соседней Гнесинки, с машинистками Правления. Будем завидовать, как сказано в анекдоте. Венина мужская удачливость мне тоже импонирует.

Одно событие на платформе всё-таки заставляет вмешаться. Молодой мужчина тянет за руку пацана лет десяти, пацан плачет и понуро упирается. Мы останавливаем мужчину, зовем милиционера, тот проверяет документы. Оказывается, мальчишка не хочет возвращаться к матери, родители в разводе, пацану настала очередь жить у неё.

– С сыном Валентина Леонтьевича неприятная вещь случилась. – Веня провожает взглядом присмирившего пацана, входящего с отцом в вагон. – Какой-то мужик его изнасиловал. Загацил, скотина, в лифт и прямо там трахнул.

– Мальчишку? – поражаюсь я.

– Представь себе. Пацану травма на всю жизнь. Валентин Леонтьевич тяжело это перенёс. А здесь ещё Сенчуков со своими придирками, он и ушёл в «Детскую литературу»... – И Веня опять принимается с чувством говорить о мастодонтах, не понимающих, что их время давно прошло.

Я перевариваю услышанное. По тем временам это было редкостью, чтобы изнасиловали ребёнка, да ещё мальчишка.

– Его поймали?

– Кого?

– Кто изнасиловал.

– А, нет... – Веня уже смотрит вверх на малолюдную лестницу. Она ведёт из вестибюля «Арбатской» к платформе, по которой мы, три бравых народных дружинника, три богатыря, неторопливо проходимся. – Ага, наш Вася уже живёт по осенне-зимнему распорядку. Задержался товарищ, прямо-таки горит на работе...

Одетый в синий плащ Вася Сергеев торопится к поезду. Движения его упитанного тела неуклюже светилы. Вася спотыкается перед дверями вагона, но всё-таки успевает заскочить внутрь прежде, чем те сходятся.

– Как только начинаются дожди, Вася свои «Жигули» ставит на прикол. Бережливый, однако, человек! Не хочет, чтобы днище ржавело. – Двусмысленность слышна в Венином голосе, когда он произносит: – «Жигули» у Васи, между прочим, тоже голубого цвета!..

4

Обед, а в половине пятого чай для Сенчукова святое дело. Когда мы совпадаем, он без пятнадцати час заглядывает в мою комнатку, интересуется:

– Как насчёт обеда, сеньор?

Я слышу его шаги ещё когда он только выходит из своего кабинета, шаги быстрые, летящие, если применимо подобное определение по отношению к мужчине под шестьдесят. Впрочем, почему нет, Олег Всеволодович сухопар и лёгок. Сухопар до такой степени, что избегает носить рубашки с коротким рукавом – ему кажется, руки у него слишком худые, сам как-то обмолвился.

– Таки да! – в тон отвечаю я и отодвигаю рукопись или рецензию, которыми занимался. – Со всем нашим удовольствием!..

Сенчуков удовлетворённо хмыкает. Его аскетическое лицо с проступающим черепом становится почти добрым. Сенчуков ценит юмор, хотя общение с ним лёгким не назовёшь. Переходы от полушутливой галантности к раздражительности стремительные. «Пшёл вон, щенок!» – с тихой яростью сказал он какому-то пацану, когда мы прогуливались после обеда по малоллюдному Воротниковскому переулку. Пацан возвращался из школы, пинал перед собой кусок асфальта и задел им Сенчукова. Я уже знал о военной контузии заведующего ЛК, но такая резкость была всё равно неприятна.

Его вопрос и мой ответ в точности повторяются в день профсоюзного собрания.

– Тогда вперёд! – говорит Олег Всеволодович и первым направляется к выходу. – Кстати, Юрий Антонович, я вам рассказывал о мебели Литературной консультации?

– О мебели? – переспрашиваю я, двигаясь следом и лоя на себе взгляд Совушки-Ани. Совместные обеды и чаепития в ЦДЛ понемногу становятся нашей с Сенчуковым традицией. Порой это меня тяготит, неприятно чувствовать себя чем-то вроде ординарца. К тому же ироничные взгляды Совушки. Но почему я должен отказываться обедать с человеком, который принял меня на работу?

– Мебель? Что-то не припоминаю, – говорю я и морщю лоб, хотя дословно могу передать рассказ о гарнитуре карельской берёзы. Он, по предположению Сенчукова, достался ЛК от наркомата национальностей, который в двадцатых годах якобы находился в Доме Ростовых.

Олег Всеволодович задерживается на крыльце ЦДЛ, с готовностью поворачивает ко мне лицо.

– Я иногда думаю, стол в моём кабинете – ну, вы знаете – мог принадлежать Сталину. Он в начале двадцатых был наркомом национальностей. – Сенчуков говорит это таким тоном, словно посмеивается над собой. На всякий случай. В сказанное, похоже, верит.

Я отвечаю вполне серьёзно:

– Любопытно.

О Сталине Сенчуков заговаривает редко, понимает, я человек поколения, выросшего на разоблачении культа личности. Но то, что иногда всё-таки заговаривает, знак доверия. У нас есть и другие темы кроме Сталина. Краснопёров, когда я недавно заглянул к нему в «Детскую литературу», тонко улыбнулся. «Сейчас, Юра, вы находитесь на положении любимого ученика. Я тоже проходил эту стадию... Сенчуков в Литературной консультации одинок. Обсуждайте с ним телевизионные передачи, он их регулярно смотрит». Ни хорошего, ни плохого о бывшем начальнике Валентин Леонтьевич не говорит. Жаль, я не смог посоветоваться с ним, когда устраивался на работу, Краснопёров был в отпуске. Выбирать, конечно, не приходилось, но всё же.

Образ Олега Всеволодовича понемногу становится объёмным. О чае Сенчуков говорит, что тот должен быть сладким и горячим, как поцелуй девушки. Эта фраза из молодости, они с другом любили её повторять,

романтики времён когановской «Бригантины». Теперь друг служит прокурором в Калмыкии, они не теряют связи. Олег Всеволодович недавно перечитал все его сохранённые письма, сделал выписки, показывающие, как менялись взгляды друга, и отправил ему. Тот ответил: «Что я тогда в жизни понимал! Щенок был!..» Говоря это, Сенчуков непонятно усмехался, сдержанно декламировал: так прощаемся мы с серебристой, самую заветную мечтой... В молодости он писал стихи, а в Литинститут поступил после войны, но уже как критик, приехав из Красноярска, где в краевой газете заведовал отделом литературы и искусства.

Из таких мелочей, вскользь брошенных фраз и выстраиваются постепенно мои представления. Не только об Олеге Всеволодовиче – обо всех остальных. Порой я чувствую себя соглядатаем, заброшенным в ЛК, ещё точнее – в жизнь. Кем, любопытно, и для чего?..

В ЦДЛ я уже освоился. Примелькались писатели, которые приходят сюда как на работу. Они часами сидят за бутылкой пива в Пёстром зале или прогуливаются по бордовой дорожке гостиной с роскошными диванами. Их имена мне ни о чём не говорят, но Сенчукову эти люди знакомы. Олег Всеволодович старается держаться от них на дистанции. Сегодня не получается.

– Дай рубль, – перехватывает нас один из них, по виду мелкий служащий предпенсионного возраста. Поношенный костюм, клетчатая рубашка, глаза, будто человек о чём-то постоянно и пристально думает.

– Пойди к чёрту! – с шутливой досадой бросает Олег Всеволодович и не даёт.

Выходит неизбежно. Ничто не меняется в лице клерка, он продолжает свой путь по бордовой дорожке.

– Был талантливый поэт, ярко начинал, – сообщает Сенчуков. – Сейчас тихий сумасшедший. Впрочем, кто здесь не сумасшедший?.. – И рассказывает историю о том, как кто-то из председателей Правления жаловался Сталину на писателей. Пьют, развратничают, работают, когда вздумается. Нет чтобы как рабочие на заводе – в семь часов к станку, обеденный перерыв, потом опять за

работу... Других писателей я вам дать не могу, будто бы ответил Сталин. А вот дать им другого председателя могу.

– Анекдот?

– Возможно. Но не исключаю, что было на самом деле. Я пришёл в Правление во времена Фадеева, это уже потом стал работать в Литературной консультации. Многое на моих глазах происходило...

Сенчуков ностальгирует по прежним временам. Когда мы оказываемся за одним столиком с кем-нибудь из старых сотрудников Правления, его обычно отчуждённое лицо становится дружеским, едва ли не заискивающим. Свой переход в Литературную консультацию Олег Всеволодович называет вынужденным – сказала фронтовая контузия, быть помощником секретаря Правления он больше не мог.

Мы уже в Дубовом зале. На комплексный обед в ресторан понемногу стекаются работники ЦДЛ и Правления. Дубовый зал не слишком уютен, напоминает проходной двор – через всё помещение из одних дверей в другие то и дело ходят люди.

– Кажется, ваш учитель, – замечает Сенчуков и дёргает подбородком в сторону крутой лестницы, ведущей на антресоли. – Я вам не говорил, как познакомился с Кимом? Весьма оригинально!

Ким Николаевич в самом деле поднимается по лестнице. Он в модной замшевой куртке и с трубкой в зубах, бритая голова голубовато отсвечивает. На антресолях, я уже знаю, несколько кабинетов московской писательской организации, наверно, у Кима там дела. Нас он не замечает, хотя мне очень хочется, чтобы заметил. Я уже не надоедливый проситель, каким он меня знал. Я при деле, и вполне достойном.

– Мы дружны с Марком Соболев, поэт, вы о нём наверняка слышали. Как-то вечером звоню Марку, но слышу в трубке другой голос. И этот, скажем так, не совсем трезвый человек вдруг понёс меня по кочкам! Ни с того, ни с сего!.. Потом Марк извинялся – молодой, дескать, писатель, я его открыл на семинаре в Хабаровске, не обижайся. Перебрал на радостях, в

Москве книжка вышла. Это где-то лет пятнадцать назад было...

Мы дожидаемся официантки, и Олег Всеволодович рассказывает ещё одну историю, связанную с Кимом. Руководитель семинара предстаёт с неизвестной для меня стороны. В Малом зале ЦДЛ шло обсуждение чьего-то романа, Ким начал своё выступление резко. Но стоило Соболю что-то вполголоса сказать, как мой бывший наставник сменил тон. Потом у него спросили почему, Ким ответил притчей о псе, которого все на улице боялись, но когда из подворотни выскочила старая шавка, пёс поджал хвост. «Она меня лаять учила».

Я хмыкаю:

– Соболю не обиделся за такое сравнение?

– Наоборот, польстило! Ваш учитель величина. И помнит добро, которое Марк ему сделал. К сожалению, не все добро помнят... – Олег Всеволодович выдерживает паузу, дёргает щекой. – А сколько талантливых людей не могут в литературе пробиться. Вы уже, наверно, это заметили по авторам Литконсультации...

Сенчуков кладёшь всевозможных историй, он их с удовольствием рассказывает, когда мы обедаем или чаёвничаем. Но сегодня Олег Всеволодович словоохотливей обычного. Нервничает перед собранием? И эта фраза о неблагодарных людях.

Житейский опыт на ту пору был у меня небогатый, но всё же был. И он подсказывал, постороннему человеку разобратся, кто прав, кто виноват в застарелом конфликте – дохлое дело. За напластованиями забывается первопричина. Тем более, что всё в ЛК было непросто. Из оговорок я знал, что раньше здесь дружили чуть ли не домами, вместе отмечали дни рождения, ездили друг к другу в гости. Потом произошло нечто, всё перечеркнувшее.

Версии причины разные, у Вени и его соратников одна, у Сенчукова другая. В первый рабочий день Олег Всеволодович позвал меня в кабинет, сказал, что в «Советском писателе» есть люди, которым он неугоден. Они хотят поставить своего человека, чтобы распоряжаться гонорарным фондом Литературной консульта-

ции. Про него распускают всякие глупости, в том числе, что он антисемит. Какой он к чёрту антисемит, если его первая жена была еврейка?!. Я не пытался в ситуацию особенно вникать. Я пришёл сюда работать, а не участвовать в сваргах.

Сейчас, годы спустя, понимаю, насколько был глуп. Истинная подоплёка происходящего была от меня скрыта. Это теперь я догадываюсь, что дело не в самолюбиях и даже не в месте под солнцем, а в столкновении двух времен, двух эпох. Моя хохляцкая душа жаждала гармонии, я и подумать не мог, насколько здесь всё серьёзно, по-взрослому. Уходящая натура в лице Сенчукова и то, что приближалось, накатывало, накрывало – Веня Чачия.

– Посмотрите направо, – вполголоса роняет Олег Всеволодович.

Я смотрю на соседний столик и вижу несколько пожилых мужчин. Они уже едят первое, им принесли.

– Седой еврей в очках, – подсказывает Сенчуков. – Это наш парикмахер. Но речь не о нём, а о предшественнике. Тот был знаменит тем, что каждую историю начинал словами: «Брею я утром генерального секретаря Союза писателей СССР товарища Фадеева...» Болтун был чудовищный! Однажды к нему зашёл Юрий Карлович Олеша. «Как вас постричь?» – «Молча!»

Олег Всеволодович рассказывает ещё одну историю про легендарного парикмахера. Валентина Катаева принял Папа Римский. В пятидесятые это была редкость – поездки советских писателей за границу и тем более аудиенция у Папы. Естественно, событие вызвало большой интерес. Стал расспрашивать об аудиенции и цэдэловский парикмахер, когда Катаев зашёл постричься. Валентин Петрович со вкусом принялся повествовать о подробностях приёма, довёл рассказ до целования туфли Папы и неожиданно замолчал. «Таки говорите дальше, что вы молчите!..» – взмолился парикмахер. «И тут я пережил один из самых тяжёлых моментов в своей жизни, – траурным голосом продолжил Катаев. Он был шутник. – Мне полагалось встать на колени и поклонить

голову. Я это сделал, протокол есть протокол. Но прежде чем поцеловал туфлю, услышал на чистом русском языке: «Какой мудака так вас постриг?!»

И Сенчуков смеётся. Как мне кажется, слишком громко.

Причины нервничать у него были. Профсоюзное собрание подтвердило это. Такого единодушия я давно не встречал. Осудить Сенчукова пришёл даже пенсионер Борис Михайлович.

Выяснилось, что по вине заведующего в Литературной консультации не выдерживаются сроки рецензирования. Среди внештатных сотрудников есть любимчики, которым заведующий даёт больше рукописей, чем другим рецензентам. Письма заведующего авторам грубы и оскорбительны. Нездоровая обстановка в Литконсультации сложилась прежде всего из-за его неумения работать с людьми...

Перебирая на коленях то и дело норовящие соскользнуть на пол рецензии, пятнами покрасневшая Ольга Григорьевна цитировала показательные места, приводила выписанные на отдельный листок цифры. Борис Михайлович припомнил Сенчукову слова, что работал он слабо. Конечно, одни рецензии удались Борису Михайловичу больше, другие меньше, но сказать, что он плохо работал, откровенная ложь. Веня тоже выступил, но сдержанно. Позже я пытался понять причину, в разговорах со мной он в оценках не стеснялся. Хотел показать постороннему человеку, что к происходящему относится снисходительно и иронично? Ведь словам оголтелых не очень верят. Конечно, Сенчуков руководитель плохой, но по большому счёту это буря в стакане воды, несерьёзно. Приблизительно к этому сводилось выступление Вени.

Посторонний человек – председатель издательского профкома Нахтигаль. О нём я был наслышан. Оказалось, даже знаю в лицо. Когда заносил в издательство рукопись своих рассказов, а потом появлялся узнать о результате, встречал в коридорах этого занятого, всегда куда-то спешащего высокого смуглолицего челове-

ка. Похоже, единодушие редакторов Литконсультации Нахтигалью не очень нравилось.

– Неужели всё так плохо?.. У вас есть что сказать? – обратился он к Гене Попкову.

Олег Всеволодович с надеждой повернул к нему лицо. Но Гена произнес:

– Я согласен со всем, что здесь говорили.

Сенчуков сделался ещё надменней, заложил руку за борт своего подросткового пиджака и ещё больше выпрямился в кресле за столом карельской берёзы – собрание проходило в его кабинете.

– А вы? – обратился ко мне Нахтигаль.

И опять последовал стремительный поворот головы Сенчукова. И ты, Брут?.. Ничего хорошего он, похоже, уже не ожидал.

Мне жаль этого пожилого человека, я вижу его попытки держаться достойно, хотя все против него. Возможно, я ещё не вник в работу Консультации как следует, но мне кажется, Ольга Григорьевна сгустила краски. Дело налажено, на каждого автора здесь заводятся карточка, есть архив с копиями рецензий – можно поднять и определить, лучше человек стал писать или не в коня корм. Старые рецензенты утверждают, такие порядки завёл Сенчуков, до него был бардак. А просчёты – у кого их нет. Просить руководство издательства о смене заведующего ЛК, пожалуй, слишком круто.

И я говорю, что мне непонятны такие отношения. Это не первое моё место работы, но не помню, чтобы где-то так непримиримо друг к другу относились. Почему не обсудить всё спокойно, прийти к решению, которое всех устроит? Разве обязательно конфликтовать? Разве нельзя всё решить по-человечески?..

Потом Веня скажет, что я был дипломатичен – ни нашим, ни вашим. Но я говорил искренне. И Сенчуков, и Веня с Ольгой Григорьевной нормальные люди, почему не найти общий язык? В конце концов забыть, что было раньше, начать с чистого листа. Зачем друг другу нервы мотать?..

Не дипломатичен я был, Веня. Наивен.

– И всё-таки, – не отступается Нахтигаль, – что вы думаете о положении в Литературной консультации?

Я повторяю сказанное.

– Это всё?

– Всё, – отвечаю я.

И воздерживаюсь, когда на голосование ставится предложение Ольги Григорьевны о смещении Сенчукова. Ничьей крови я не жажду.

В половине пятого, как обычно, чай. Надев щегольский белый плащ, ушёл смуглолицый, будто только что с моря, Нахтигаль, ушли пить кофе и Веня с Ольгой Григорьевной и Геной. Меня они с собой не зовут, да я и вряд ли пошёл бы. Кто победит, мне ясно – в издательстве дали конфликту разрастись, а это показатель. Сенчукова, скорее всего, дожмут. Но перестать общаться с человеком потому, что побеждают другие, мне кажется недостойным. И я заглядываю в кабинет заведующего.

– Традиция остаётся в силе? Я о чае.

Сенчуков бледен, происходившее далось ему нелегко. Как бы не случилось приступа, думаю я, однажды я уже был тому свидетель.

– Да, – говорит Олег Всеволодович и старается взять себя в руки, севшим голосом цитирует Константина Симонова: – Ничто нас с тобой не может вышибить из седла...

– Такая уж поговорка у майора была, – подхватываю я.

Мне хочется расспросить об истории с Веней и Константином Симоновым, почему Веня не устроил того в качестве секретаря комиссии по грузинской литературе, но я понимаю – не время. Редакторы ушли в ЦДЛ, но Совушка-Аня на месте, и мы уходим тоже.

На улице моросит, особенно остро бьют в ноздри запахи мокрого асфальта, краски, которой покрашена железная калитка, желтеющих лип, бензиновых выхлопов. И этот гнилостный дух, исходящий неизвестно откуда. Про себя ухмыляюсь: если это метафора происходящего в Консультации, то слишком лобовая. Где-то существует реальный источник вони. Где?.. Быстро проскакиваем в ЦДЛ.

– Как у Марины дела? – завожу разговор о нейтральном, когда усаживаемся за чайный стол. После того, как мы отметили Маринино поступление, она несколько раз звонила мне. Последнее время перестала. Быть может, созревшая влюбиться, нашла новый объект.

Олег Всеволодович принимает от дородной, под стать кукле в пышных юбках на декоративном самоваре хозяйки чайного стола полную чашку чая и коротко отвечает:

– Довольна.

– Мальчики с актерского факультета произвели впечатление?

– Наверно. – Сенчуков берёт из вазы кусок медовой пахлавы с орехами, но не доносит до рта, стремительно поворачивает ко мне раздражённое лицо, говорит то, о чём все его мысли: – Дело не во мне, дело в гонорарном фонде! На него Пахоменко хочет наложить лапу, поставить в Консультацию своего человека! А эти, – Сенчуков презрительно машет рукой в пространство, – всего лишь выполняют заказ!..

Я молчу. Пахоменко директор издательства, что он за человек, я не знаю. Но я знаю Валентина Леонтьевича, он не стал бы такими вещами заниматься. Осторожно замечаю:

– Может, стоит всё-таки помириться?

– Там один Чачия что-то из себя представляет, остальные гроша ломаного не стоят. Слышали этого убогого Попкова? Полное ничтожество!..

Мне хочется спросить, зачем он таких людей принимал на работу, но нельзя, соль на рану. Спрашиваю другое:

– Может, с Чачия и начать наводить мосты?

– Нет! – Олег Всеволодович бросает дикий взгляд – как мне могла прийти в голову подобная мысль?! На лице ожесточение. – Язву выжигают калёным железом!..

И опять я чувствую то же, что и в Воротниковском переулке, когда мальчишка нечаянно задел Сенчукова куском асфальта.

Оказывается, Литконсультация тоже ездит в колхоз. Вернее, издательство, а ЛК как её подразделение. Дело для меня не новое, приходилось, когда работал на Легмаше. И в институте наш курс как-то отправили на две недели в Волоколамский район. Мы жили в бараке, сбивали на поле резиновыми сапогами и сбрасывали в кучи торчащую из земли на добрые две трети кормовую свёклу нежного кремового цвета, а по вечерам жгли костёр, пили дешёвый «Солнцедар» и читали стихи. Воспоминания остались хорошие. Ещё, быть может, потому, что с погодой повезло – осень стояла сухая, дождей практически не было.

Сейчас с погодой тоже складывалось удачно. Середина октября, а день начинался светлый, жемчужный, сквозь туман пробивалось солнце. Ещё не было восьми, а я уже стоял у литых ворот «Советского писателя». Его здание, по виду доходный дом прошлого века, находилось недалеко от Литературной консультации. По-немногу собирались «колхозники». В мужской одежде превалировал стиль послевоенного восстановления народного хозяйства, женщины демонстрировали моды из журнала «Работница». Могли себе позволить, в колхоз здесь посылали всего на один день.

Из сотрудников Литконсультации я оказался первым. Никто из подходивших мне не был знаком, я чувствовал себя чужим и обрадовался, когда увидел Лёву Скакунова. Лёва тоже семинарист Кима Николаевича, но заочник – москвичей обычно на стационар не принимали. Похоже, и он был рад меня видеть, по крайней мере его одутловатое малоподвижное лицо несколько оживилось. Выяснилось, Лёва с весны работает в редакции прозы народов СССР, ему удалось перевестись из Радиокомитета, где он прежде служил.

– Старик, небо и земля! – не очень внятно проговорил Лёва толстыми губами. – Здесь тоже, конечно, свой ритм, его надо понять. Но теперь я утром просыпаюсь – а пошло оно всё!.. И заваливаюсь на другой бок до двенадцати.

Лёва был в выдавшем виды плаще и пролетарской кепке, а мне пришлось надеть то же, в чём хожу в Литконсультацию, – рабочая одежда осталась на Смоленской. Можно было бы, конечно, съездить и забрать, но не хотелось. Ни к чему было всё, что произошло у нас с Аллой после поминок, только мучаю женщину, оставляю надежду. Ушёл я от неё часов в пять, к открытию метро, было ещё темно.

Когда подали ЛАЗы, мы с Лёвой забрались в первый. Заведующей редакцией русской прозы среди «колхозников» видно не было, наверно, эту пожилую косящую даму от колхоза освободили, но Ирину Фёдоровну, моего редактора, я заметил сразу. Издали поздоровался с ней. Она не очень уверенно кивнула. Миниатюрная симпатичная женщина, разве что голова крупновата для такого тела. Кажется, Ирина Фёдоровна не узнала меня. Я в редакцию давно не заходил, хотя нужно было бы доработать и занести рассказы, но когда ими заниматься? Рецензирование, Черновцы, экзамены во ВГИК... Сейчас тоже времени особо не было, необходимо освоиться на новой работе.

По голубоватой утренней Москве автобусы выкачали на окружную дорогу. На скорости прошли мимо новостроек, многоэтажных жилых комплексов с ещё пустыми, без деревьев, дворами. Может, где-то здесь Алла будет жить. Она сказала, их дом расселяют, якобы капитальный ремонт, квартиры предлагают на выбор, но все на окраине. «Не хочешь переезжать?» – «А кто в тмутаракань хочет». – «Так всё равно Москва» – «Это для тебя». Несмотря на то, что мы были в постели, Алла вела себя отчужденно. Словно была недовольна собой за слабость в лифте, когда уткнулась мне лицом в грудь.

Из жемчужного день становился солнечным, но не очень ярким, октябрьским. Лёва сказал, нас везут под Серпухов, это часа три дороги, если не больше. Неожиданно для благополучного человека он заговорил о том, что литинститутовцам нужно держаться вместе. Я должен перейти в издательство – Консультация отстойник для неудачников. Тем более, что там, говорят, конфликт.

Может, меня кто-то порекомендует Пахоменко? Сам Лёва как здесь оказался – да по рекомендации!

– Хорошо бы... – неопределённо протянул я.

Во-первых, я всё ещё был рад, что удалось устроиться на работу. Во-вторых, сомнительно, что директор издательства на это пойдёт. Веня, по обыкновению дружески улыбаясь, сообщил, что меня приняли в ЛК, когда Пахоменко был в отпуске. Если бы не это, то вряд ли, Сенчуков улучил момент, протолкнул через нейтрального главного редактора. В итоге, я директора ни разу не видел, он меня тоже, но я для него уже персона нон грата.

– Есть ещё способ, но это на любителя. Пахоменко сам пишет прозу, правда, слабенькую. Можно напечатать хорошую рецензию на его последнюю книгу. Знаю человека, который так попал в издательство.

Я промолчал. Действительно, на любителя.

Становилось жарко, женщины – их в автобусе большинство – снимали ветровки и куртки, развязывали яркие шейные платки, оставались в облегающих батниках и тонких свитерах. Ольга Григорьевна сидела впереди, что-то живо рассказывала соседке. Я успел заметить, она всех в «Совписе» знала, улыбалась налево и направо. Своя. Вени и Гены Попкова видно не было, наверно, в другом ЛАЗе.

– Видишь мужика с усами? На армянина похож. Это новый заведующий редакцией русской прозы... Я тебе говорю, удобный момент, Пахоменко набирает новую команду! Сейчас главное успеть.

– Подожди, а где прежняя заведующая? – Я был озадачен.

– Вроде как перевели в редакторы, она пенсионерка. Ладно, пока суть да дело, Лёва баиньки. Остаёшься за старшего. Меня не кантовать, при пожаре выносить первым.

Хохма была армейская.

– А я и не знал, что ты служил.

– А то! Долг Родине, святое дело.

Лёва закрыл глаза и вскоре засопел. Мне не дремалось, хотя встал рано. Я не знал, как относиться к

Лёвиному сообщению о переменах в редакции. Превенная заведующая договора со мной не подписала, но по крайней мере и не отказала. Как-то будет сейчас? Новая метла... Господи, как хочется, чтобы вышла книга! Душу бы дьяволу продал. Это не какая-то публикация в журнале – книга!.. Солнце светило слева, ехали мы на юг. Автобус глотал километры, как гоголевкий Пацок галушки. Жаль, не мной сказано.

Иногда я бываю слишком простодушным, практически дураком. Кто сказал, что все должны меня любить и относиться доброжелательно? Инфантилизм какой-то, до сих пор не могу избавиться. В тот день я в очередной раз получил щелчок по носу.

Это уже случилось на поле, куда нас, переваливаясь с боку на бок по грунтовке, доставили в конце концов автобусы. Здесь из края в край тянулись ряды сизых капустных кочанов. Их-то и предстояло убирать. Совписовцы вывалили из автобусов, шурились, осматривались по сторонам. Краснолицые местные тётки в телогрейках раздали длинные тяжёлые ножи, смахивающие на мачете. После обычной в таких случаях неразберихи каждому выделили по два ряда вилок. Воздух пах сочным капустным листом, влажной землёй, парфюмерией от женщин. Лопушистые верхние листья были полны росы. Если осторожно отогнуть такой лист, роса скатывалась вниз, переливалась в углублениях юркими каплями с серебряными донышками. Через минуту наши рукавицы были мокрыми, а минут через десять стали мокрыми и спины.

Всё-таки замечательно! Солнце, перистые разводы в высоком небе, пахнувший осенью воздух, гибкие паутинки с невидимыми паучками-путешественниками... Я всегда с удовольствием работаю физически.левой рукой вилок к земле, удар мачете под корень, всей ладонью подхватить холодную весомую сферу и туда её, в кучу! Мышцы втягивались в ритм, с готовностью отзывались на сигналы мозга, радостно наполнились кровью. Великолепно!.. Под слоем городского жира проснулись мышцы наконец. Тоже чья-то строка. Вскоре я и ещё не-

сколько совписовцев были далеко впереди остальных. В очередной раз выпрямившись, чтобы отдохнула поясница, я заметил, что и другие остановились, перешли на соседние ряды и двинулись навстречу отставшим женщинам. То же проделал и я – почему бы не помочь.

Конечно, я не ждал бурной благодарности, но то, как повела себя Ирина Фёдоровна, смутило. Оказывается, я шёл навстречу по её капустным рядам. Первое, что обратило на себя внимание, это внезапное молчание. Рядом с моим редактором двигались ещё какие-то женщины (я успел заметить, все в издательстве держались небольшими обособленными компаниям). Только что женщины переговаривались, однако стоило мне приблизиться, замолкли. Нехорошо как-то, словно опасались, что подслушаю. Этого знака мне было недостаточно. Со щенячьей непосредственностью я сказал:

– От нашего стола вашему столу!..

Имел в виду свою помощь. В ответ было такое молчаливое дистанцирование. На меня даже не посмотрели. Чёрт возьми, неужели Ирина Фёдоровна думает, что я заискиваю перед ней?! Я вернулся на свои ряды. На душе было погано. Впредь дураку наука. В скобках замечу: если бы наука шла мне на пользу!..

Бесконечные капустные ряды всё-таки имели конец. Часа через два мы вышли к деревьям, за которыми, оказывается, была река. Потный, с прилипшими ко лбу волосами Лёва Скакунов, оставивший где-то свой плащ и кепку, сказал:

– Ока. В этих местах войска Дмитрия Ивановича Донского переправлялись, когда шли на Куликово поле. – И махнул мокрой рукавицей назад, в сторону недалёких холмов. – А там ставка была, великий князь Московский оттуда руководил переправой.

В семинаре у Лёвы была репутация славянофила. Он считал, что Петр Первый нарушил естественное развитие России, лучше бы этого государя в истории не было. Если упоминал кого-нибудь из известных людей прошлого, то непременно по имени-отчеству. Лёва интересовался русской историей, даже роман написал о временах Василия

Тёмного. Усидчивый человек, мне бы не хватило терпения. Правда, напечатать роман Лёва не мог. По крайней мере, так было. Я спросил, что с романом сейчас.

– А всё то же. Пока. Пахоменко обещал помочь, когда принимал на работу. К своим в издательстве отношение особое, сам понимаешь. Они задумали целую серию молодой прозы. – Лёва кивнул на деревья: – Пошли побрызгаем, пока женщин нет.

Оказалось, мы вышли к реке не первыми. За деревьями на пологом травянистом берегу стояли Веня и Гена Попков, смотрели на противоположную сторону и жевали бутерброды. Веня оглянулся.

– Слабо переплыть в Тульскую область? – Непонятно было, шутит он или говорит всерьёз. Как-никак октябрь.

После профсоюзного собрания мы ещё не виделись, и я не знал, как Веня себя поведёт – я не поддержал его команду. Но Веня, похоже, об этом не думал.

– Ну что, ударники коммунистического труда, поплыли?

Я отозвался:

– Что горячему грузину хорошо, то хохлу смерть.

– Какой на хрен грузин... – бормотнул рядом Лёва.

Я удивлённо взглянул на него. Однако на берегу стали появляться другие совписовцы, среди них женщины, спрашивать я ничего не стал. Веня между тем принялся неторопливо раздеваться и складывать одежду на траву. Очки он передал вечно задумчивому Гене Попкову.

– Сумасшедший! – подала голос Ольга Григорьевна, тоже оказавшаяся на берегу. В её тоне было восхищение. – Веня, вода ледяная!..

Не отвечая, Чачия вошёл в реку, преувеличенно зябко поднял плечи, с улыбкой оглянулся на берег и бросился в воду. Плыл он красиво, кролем, доплыл до середины Оки, потом повернул обратно и вскоре вышел на берег. Его тело парило, салатного цвета плавки подчёркивали загар.

– Сильна, однако, Литературная консультация! – непонятым тоном произнёс усатый человек, похожий на кавказца.

Это на него Лёва показывал в автобусе. Собравшиеся вокруг нового заведующего редакцией русской прозы мужчины усмехнулись, они тоже ходили компанией. Восхищения в голосе Ольги Григорьевны поубавилось. Эта живая женщина с быстрыми глазами тонко чувствовала ситуацию.

Как оказалось, ничто человеческое совписовцам было не чуждо. Когда мы прогнали ещё по два ряда в обратную сторону, на кромке поля нас ждал расстеленный брезент, а на нём хлеб, колбаса, помидоры, консервы и водка. Ответственным за поездку в колхоз был Нахтигаль, он, председатель профкома, обо всём и позаботился.

Мне опять бросилось в глаза, что рассаживались на брезенте группами. Это тебе, Юра, не Легмаш и не Останкинский молочный комбинат. Пролетарии умственного труда заметно отличались от пролетариев физического. Впрочем, не все совписовцы были редакторами. Оказавшаяся возле меня на брезенте девица втолковывала другой, чтобы та ничего и никогда не просила у какой-то Светки, потому что Светка найдёт сто причин, чтобы не дать даже бумажки на подтирку. Девицы, похоже, были то ли машинистками, то ли корректорами. В общем, свои отношения.

Дорога обратно показалась короткой, выпитое на поле скрадывало время. И разобщённости в автобусе почти не чувствовалось. Новый заведующий редакцией русской прозы пел песни кубанских казаков, ему подпевали. Звали заведующего непривычно – Сакко. Миниатюрная Ирина Фёдоровна танцевала в проходе узбекский танец, играла глазами, кокетливо поводи-ла крупной для своего тела головой – до замужества она жила в Узбекистане. Лёва, всхрапывая, всю дорогу спал, водки он выпил изрядно.

6

Эту главку можно назвать так: рецензенты и рецензируемые. Объединяло тех и других не только то, что ЛК была местом, где они пересекались. Это очевидно,

на поверхности. Литература испортила жизнь как тем, так и этим. Звучит парадоксально, но и рецензенты, и рецензируемые одинаково были её жертвами. По крайней мере, большинство.

Я уже говорил, дело в ЛК было поставлено грамотно. Утверждаю как человек, побывавший в шкуре одних и других. Очередной диалектический выверт: самостоятельным литераторам СССР повезло, что Олега Всеволодовича на войне контузило, хотя сам он удачей контузию вряд ли считал. Но если бы не она, Сенчуков продолжал бы работать в Правлении, а ЛК оставалась бы заурядной кормушкой для бойких московских литераторов.

Сенчуков твёрдой рукой проводил селекцию, отбирая из жаждущих подработать тех, кого считал достойным. «Чистым воздухом дыши / Без особенных претензий. / Если глуп, то не пиши, / А тем более рецензий», – цитировал он, холодно проводив очередного соискателя. В раздражении хлопал сухой ладонью по неудачной рецензии. – Взгляд и нечто! Общие слова!.. Ты проанализируй произведение, покажи автору, что удалось, а что нет! И конкретно, с примерами, чтобы человек понял. А то сплошная вода и пустословие!..» Говорилось это в моём присутствии. Отчасти потому, что я оставался любимым учеником и доверенным лицом, отчасти в воспитательных целях.

Призывался я в кабинет заведующего и тогда, когда Олегу Всеволодовичу какая-нибудь из рецензий особенно нравилась. «Бенедикт, нет слов, вы посмотрите!.. – восклицал он, протягивая рецензию критика, с которым познакомил меня во время первого памятного обеда в ЦДЛ. – Это, я понимаю, анализ, это глубина! Великолепный рецензент, такие на вес золота!..» Так же он относился к переводчику с английского, любителю хаша с пивом, ещё к нескольким рецензентам. Это была гвардия ЛК. Были и другие, не столь блестящие, но крепкие профессионалы. Сенчуков не считал главным, состоит рецензент членом Союза писателей или нет, на чём были помешаны издательства и редакции толстых журналов. Большинство присылаемых в Лит-

консультацию рукописей требовали от рецензента не столько таланта, сколько литературной подготовки и доброжелательности. «Педагогический дар даётся не каждому, – любил повторять Олег Всеволодович, – а в ЛК нужен прежде всего он».

Среди тех, кто звёзд с неба не хватал, но обладал умением растолковать очевидные вещи, встречались разные люди. Пропившийся до того, что донашивал дембельскую форму бывший матрос Черноморского флота, так и не пробившийся в литературу стихотворец. Многолетний отец семейства, который выпустил книжку с предисловием Чуковского в пятнадцать лет, первую и последнюю. Выданный классиком аванс отвратил его от любой другой работы, кроме литературной – в данном случае, рецензентской, заставлявшей семью нищенствовать. В ЛК можно было встретить неустроенных выпускников Литинститута вроде Славы-Викинга и черноглазого Валеры, его соратника. Попадались и другие люди, сделавшие ставку на литературу, но ничего не сумевшие в ней добиться.

Это драма: понимать, как надо – и не уметь сделать. Или даже трагедия.

Требовательность Сенчукова, естественно, не всем нравилась. Времена на дворе стояли другие, не жёсткие сороковые-пятидесятые и даже не шестидесятые с их послаблениями. Уже и к серьёзным вещам отношение было снисходительно ироничное, и не только среди пишущего люда – в стране вообще. А тут рукописи каких-то самодеятельных авторов, в большинстве своем графоманов, с какой стати напрягаться? Чего этот Сенчуков добивается?.. Мастодронт, сталинист заскорузлый! Такие только и остались в забытых богом конторах вроде Литературной консультации. В нормальных руководят другие люди, современные.

С безнадёжными авторами Сенчуков тоже не церемонился. «Я не могу тратить государственные деньги на бесперспективных людей!». И прекращал отношения. А если автор оказывался настырным, возвращал рукопись не читая с ледяным ответом в одну-две фра-

зы. Это была его черта – решительность, порой, беспощадность. Черта времени, к которому он принадлежал. Когда дала себя знать контузия, у первой жены вырвалось: «Теперь мне нянчиться с тобой всю жизнь?..» Они сошлись, когда Сенчуков учился в Литинституте, у них уже был ребёнок. Олег Всеволодович этих слов жене не простил, развёлся. К себе тоже относился без снисхождения. «Ни одна женщина до Валентины Евгеньевны не переступила порог моей квартиры!», – сказал он как-то, с достоинством выпрямляясь и по обыкновению закладывая руку за борт подросткового пиджака.

Не ждал Сенчуков снисхождения к себе и от других. Приступ мог настичь его на улице, он отключался от мира, но продолжал идти, в том числе на красный свет, и чудо, что его не сбили машины. Случалось, Олега Всеволодовича прихватывало за обеденным столом. С остановившимися глазами он принимался присасывать воздух уголком рта, на какое-то время терял сознание. Потом, обессиленный, минут десять сидел неподвижно. Зрелище было не из приятных, мне стоило усилий, чтобы не подняться и не уйти. «Проклятые Сиявинские болота, – сказал как-то Олег Всеволодович, не жалуясь, а констатируя факт. – Это под Ленинградом, там меня угораздило».

Кроме любимых рецензентов у него имелись любимые авторы, некоторые из них становились приятелями. Мне запомнился прибалт из перековавшихся «лесных братьев». Сенчуков помог ему доработать рукопись, потом издать книгу. Попасть в число любимых авторов было непросто. Мнение одного рецензента Олег Всеволодович перепроверял мнением другого, читал рукопись сам, в завершение давал прочесть Бенедикту. Веня за глаза называл Бенедикта убийцей (слово «киллер» в обиходе ещё не появилось), тот отличался чрезвычайной требовательностью. Не уверен, что корректно было рассматривать рукопись неизвестного автора с точки зрения привнесения в литературу нового – этак можно забодать едва ли не любого профессионального писателя. Но если уж Бенедикт давал

добро, Сенчуков начинал действовать. Составлялось сопроводительное письмо за подписью кого-нибудь из секретарей Правления, и рукопись направлялась в журнал или издательство. Гарантии, что напечатают, не было – у издательств и журналов свои амбиции, – но стэнд с публикациями в коридоре перед кабинетом заведующего понемногу всё же пополнялся. Это был зримый итог работы ЛК.

Однажды я застал Сенчукова явно раздосадованным. Для человека, постоянно держащего себя в руках, это было странно. Новое выяснение отношений?.. Когда я проходил через приёмную, Веня, Ольга Григорьевна и Совушка-Аня что-то оживлённо обсуждали. Моё предположение, должно быть, отразилось на лице. Олег Всеволодович усмехнулся:

– Не совсем то, что вы подумали. Хотя корни, скорее всего, оттуда... – И вдруг заговорил быстро, с досадой: – Представляете, наорал на меня! Меня никто не заставляет помогать ему, не печатают – твои проблемы!.. Дескать, специально задерживаю роман, даю разным людям читать, чуть ли не в плагиате обвиняет. Вот ещё новости! Помните автора из Воронежа, о Гоголе написал?..

Этого человека я хорошо запомнил, он как-то ходил в Литературную консультацию. Автор по фамилии Черноус был очередным фаворитом Олега Всеволодовича. Казалось бы, мне уже следовало усвоить: внешность человека и его возможности – вещи разные. Ким Николаевич, например, со своей бритой головой и складками на затылке больше походил на одесского биндюжника, чем на писателя. Однако я поразился, когда в кабинете Сенчукова увидел низкорослого человека с невыразительным лицом слесаря третьего разряда. Не верилось, что это он написал роман, который Олег Всеволодович дал прочесть и мне. «Знакомьтесь! – заведующий ЛК сиял, будто представлял мне любимого сына. – Думаю, у Валерия Сергеевича очень неплохое литературное будущее. Он – талант».

Услышать от Сенчукова подобное что-нибудь да

значило. Обычно слов «талант», «талантливый» он не употреблял, а в рецензиях «рассказ», «повесть», «поэма» требовал заменить на нейтральное «рукопись». Объяснял так: мы не можем давать авторам необоснованные авансы, констатация же жанра по сути признание того, что перед нами художественное произведение. Реноме Литературной консультации, так сказать. Об особом отношении Сенчукова к автору романа о Гоголе свидетельствовало и то, что Черноус в тот раз был приглашён пить чай в ЦДЛ. Этого редко кто из посторонних достаивался.

За столом пошёл разговор о Васильевке, об отношениях с Пушкиным и Аксаковыми, о неудачном адъюнкт-профессорстве в Санкт-Петербургском университете, о Марии Ивановне, которая намного пережила сына и которую часто принимали за его старшую сестру. Чтобы соответствовать, я напрягался, вспоминал литинститутский спецкурс по Гоголю, а Сенчуков недавно прочёл книгу Золотусского в молодогвардейской серии «ЖЗЛ».

Воронежец больше молчал, присматривался к нам, а если уж говорил, то непривычные вещи. Например, что стать мировым классиком Гоголю помешал «Тарас Бульба» – нельзя было трогать евреев, Янкеля ему не простили. Сенчуков весело взглянул на него: «Вообще-то все люди евреи, только не все ещё в этом признались». Черноус шутки не принял, заговорил о том, что евреи в обществе нужны, но в ограниченном количестве. Они как дрожжи в тесте, заставляют бродить, но когда дрожжей много, тесто киснет. «Ну, это вы... Обратно, конечно, но...» Воронежец не уступал. Евреи занимают определённую нишу, связанную, как правило, с деньгами, и не пускают туда гоев. А деньги это власть, влияние. Сплочённость евреев – угроза. Вспомнить хотя бы историю Европы, неслучайно евреев в своё время изгнали из Испании, ещё раньше из Англии. И черта оседлости не дурь престарелой Екатерины Второй, а желание сохранить Россию, не дать повторить судьбу Хазарского каганата.

Полный джентльменский набор. Мы с Сенчуковым переглядывались. Что до меня, выросшего в Черновцах, то люди делятся на две категории: хорошие и не очень. Это не зависит от национальности. Антисемитами, по моим наблюдениям, чаще всего становятся неудачники. Можно подумать, среди наших мало подлых или хитрожопых. Просто в чужом народе негатив виднее.

– А я ломал голову, почему такой способный человек не может напечататься!.. – Олег Всеволодович досадливо хлопнул себя по лбу. – Ведь в Воронеже издательство есть и свой журнал выходит. С таким характером – конечно!..

– Он что, забрал роман?

– Представьте себе. Я уже подготовил сопроводительное письмо, собирался нести в Правление на подпись. – Сенчуков мотнул головой в сторону приёмной: – Любопытно, что они наплели? Так резко перемениться... – И Олег Всеволодович неожиданно засмеялся: – Антисемит, и вдруг... Вы знаете, какая у Чачии настоящая фамилия? Он Чачия по матери.

Сенчуков был уверен, что без Вени и его команды в истории с Черноусом не обошлось. Паранойя на почве конфликта?..

Вскоре произошло ещё одно событие, показавшее, насколько положение Олега Всеволодовича безнадёжно.

Как-то в моей редакторской комнатке появился Слава-Викинг. Не дожидаясь приглашения, сел напротив и закурил. Курить в ЛК не было принято, но Викинг, не обращая внимания на мой неодобрительный взгляд, отрывисто спросил:

– Сенчуков где?

– У него неприсутственный день, разве тебе Аня не сказала?

Викинг не ответил, достал из кармана чёрную коробку диктофона и нажал на клавишу. Среди шорохов стали слышны слабые голоса, я с интересом прислушался – портативные диктофоны в ту пору были ещё в диковинку. Два человека говорили о каких-то пятиде-

сяти рублях, один голос напористо допытывался, второй что-то вяловато отвечал, оправдывался.

– По телефону записывал, хреновое качество. – Викинг смотрел на меня прямым твёрдым взглядом. – Гена ваш попросил у меня взаймы. Я дал. Теперь не отдаёт, говорит, рассчитался рукописями. Использование служебного положения в корыстных целях, подсудное дело.

Я был озадачен. У борца с журналами и издательствами свои методы, но если правда то, что Викинг говорил о Гене Попцове, это ещё гаже.

– Что скажешь?

Я пожал плечами. Викинг, пренебрежительно глядя на меня, поднялся.

– Ты, как целка. В оранжерее вырос? Испачкаться боишься?.. Ладно, с Сенчуковым буду разговаривать.

Случай для Литературной консультации беспрецедентный. Олег Всеволодович возмутился, потребовал у Гены Попкова объяснительную. На того было жалко смотреть. Жизнь в ЛК в отсутствие Сенчукова закипела с новой силой. Венья, Ольга Григорьевна и Гена ещё чаще стали ходить в издательство, обзванивали каких-то людей, договаривались о встрече. В итоге Попков написал объяснительную, в которой всё отрицал. Заявление Викинга назвал сговором с заведующим Литературной консультации, цель – сведение счётов за критику. А магнитофонную запись можно и сфальсифицировать, не случайно суды не рассматривают их в качестве улик.

– Надо отдать им должное, своих не сдают, – спокойно констатировал Олег Всеволодович.

В последнее время он всё чаще впадал в философский тон. Мы как раз вышли из ЛК, было начало седьмого, конец рабочего дня. Олег Всеволодович поднял воротник пальто. Уже стемнело, холодный ветер гнал вдоль Воровского последние листья с облетевших лип. Через дорогу тускло светился вход в Театр киноактёра. Было по-осеннему бесприютно, когда особенно хочется на свет, к людям.

– Не сдают, иначе просто не выжили бы.

Я посмотрел на Сенчукова. Кто – не сдаёт? Если евреи, то странно подобное слышать от Сенчукова, это во-первых. А во-вторых, какой Гена Попков еврей? С таким же успехом евреем можно назвать меня.

– Всё блокировали, всё перекрыли. В издательстве не дают даже объявить выговор. Попкова следовало бы уволить к чёртовой матери по статье, с волчьим билетом!.. – Мы остановились у перехода через Садовое кольцо. Олег Всеволодович повернул ко мне аскетическое, с проступающим черепом лицо. – Знаете, мне удалось добиться приема в Комиссии партийного контроля ЦК. Представил им всю картину, камня на камне не оставил от обвинений в свой адрес. В конце концов надо призвать этого Пахоменко к порядку, зарвался!.. Я был в ударе. У меня всё получалось, ситуацию нельзя было представить убедительней.

Загорелся зелёный свет, мы двинулись – следовало успеть, иначе можно застрять на разделительной полосе посередине Садового кольца. Мне однажды довелось, удовольствие ниже среднего, машины проносятся впритирку, чувствуешь себя, как тореро на арене. На другой стороне Садового кольца Олег Всеволодович заговорил задыхающимся голосом:

– И что, думаете, мне сказали? Времена, когда перед Комиссией партийного контроля стояли навтыяжку и член ЦК, и рядовой коммунист, прошли. Вот так, не больше не меньше!.. – Сенчуков помолчал. – А люди, в общем-то, внимательные, доброжелательные. Конкретно к ним у меня претензий нет.

Какое-то время мы идём через полуосвещённый низкорослый сквер с голыми деревьями, впереди громада сталинской высотки с гастрономом, занимающим весь первый этаж. Мне нужно на Краснопресненскую, чтобы добраться по кольцу до Новослободской, а там на поверхность и на троллейбус. Сенчукову чуть ближе, на Баррикадную. На прощание он говорит, снимая перчатку и пожимая мне руку:

– А вообще-то, чем крепче нервы, тем ближе цель... Надо было жить и выполнять свои обязанности. – И

быстро переходит спуск, направляясь к приземистой Баррикадной.

Фраза из «Разгрома» Фадеева. Несколько секунд я смотрю Олегу Всеволодовичу вслед. Зимнее пальто с барашковым воротником, серая кроличья шапка, осанка затянутого в корсет офицера эпохи Николая Первого.

7

Кто бы мог подумать, что Маша без водки будет стесняться. Не выпив, даже раздеваться не начинала. Перед каждым нашим походом в ванное отделение на Дмитровском шоссе я покупал чекушку («Больше не надо», – наказывала Маша) и что-нибудь закусить. В баню она ещё заходила нормально, была спокойной, со стороны не скажешь, что мы не муж и жена. Но когда в кабинке за нами щёлкал замок, Маша замолкала, её движения становились деревянными, скованными. Я посмеивался: «Из тебя полюбовница, как из моего хера молоток». Маша улыбалась понятной шутке, но расслабиться не могла, пока не выпивала.

Я разворачивал свёрток с нарезанной в магазине колбасой, Маша закусывала, с облегчением произносила: «Фу, ты!.. Так кондрашка когда-нибудь хватит, вот весело будет». Я осторожно прикасался к ней, не уверенный, что пора: «Всё нормально, не бойсь». – «А ты чего не пьёшь? – Маша требовательно смотрела на меня. – Я буду пьяная, а ты трезвый? Так не пойдёт». – «От ста граммов, что ли, пьяная?». Вообще-то я предпочитаю общаться с женщиной трезвым, так острее. Но приходилось выпивать тоже.

Изысков хозяйка не признавала. «Давай по-нормальному, по-простому, – останавливала она, когда я принимался её мыть, скользя мыльными руками по разным местам и задерживаясь там. – Блин, как неудобно, толком не ляжешь!.. Одно хорошо, сразу подмыться можно». Я до сих пор не знаю, чего между нами было больше, секса или простого желания почувствовать тело другого человека, погладить, поцеловать. По

крайней мере, с моей стороны. Тот первый раз, когда от сытой жизни в Черновцах у меня сводило челюсти, не в счёт. Женщины говорят, я нежный.

О семейной жизни у Маши тоже было собственное представление. Как-то я спросил, почему она не разведётся с Генкой, раз он с ней не спит – ей-то надо. «Ты чего! – удивилась хозяйка. – Мы из одной деревни, позора будет, родни полно! А так у нас семья, Димка растёт... – Она замолчала, какое-то время смотрела на меня озадаченными глазами. – Думаешь, у других всё гладко? Ага, держи карман шире! Не одно, так другое, в гости съездишь, понаслушаешься. И ничего, всю жизнь живут, не разводятся». Я замолчал. Действительно, не моё дело, с какой стати лезу. Моралист. На себя посмотри.

– Что-то ты сегодня... – сказала Маша, протянув под водой руку и нащупав моего малыша. Водка и на этот раз сняла напряжение, сделала хозяйку раскованной. – Чего это он сегодня такой скромный?..

Мы сидели в большой ванне лицом друг к другу, отдышали после первого раза. Я и в самом деле был не в ударе. Вяло поглаживал Машины ноги, они у неё полные, с крепкими икрами. Из воды поднималась Машина грудь с крупными, похожими на ягоды, сосками шоколадного цвета. Зрелое женское тело. И совсем не имеет значения, что я вроде как писатель, а она оператор на линии по разливу молока. Секс – самая демократичная в мире штука. Вплоть до скотоложества.

– Не гони лошадей, время ещё есть, – сказал я.

Мы имели право занимать кабинку полтора часа.

– Знаю, что есть. Зря терять не хочется.

– Ну так прояви инициативу.

– А что, думаешь, побоюсь?

– Ничего не думаю, – зачем-то стал подначивать я, хотя настроение было не то. – Всё от тебя зависит. Слабо?

Маша помолчала, решаясь.

– Встань.

– Элементарно, Ватсон.

– Девки на работе рассказывали... Я рыжая, что ли, не могу попробовать?.. Ближе ко мне встань. Ага, вот так.

Как вскоре выяснилось, провоцировал даму я напрасно. Мой малыш игнорировал все Машины усилия. Она отстранила лицо, удивлённо взглянула снизу:

– А девки говорят, мёртвому поднять можно... Или ты не в настроении? Случилось что?

– Да как сказать...

Маша угадала, случилось. Вчера позвонила Наташа, свидетельница. «Ты что собираешься делать?» – прокурорским тоном спросила она. «В смысле?» – Я пытался сообразить, откуда у Наташи мой телефон, я не давал, с какой стати. «Он ещё спрашивает! Ты знаешь, что Алла беременна?» Я на секунду растерялся. Хотя, собственно говоря, какое мне до этого дело? Мы фактически в разводе, Алла свободная женщина. «Откуда я могу знать? Я её после поминок не видел». – «Ты ещё скажи, не ночевал у неё. Какие вы всё-таки сволочи, мужики! Нагадил и в кусты». Я разозлился: «Заткнись! Какого хрена лезешь не в своё дело!». – «Как это не в своё? – бурно возмутилась свидетельница. – Да мы с Аллой с первого класса дружим, она мне роднее сестры!..» В трубке было слышно, как Наташа зло дышит. «Тебе что, Алла сама сказала?» – «Нет, я придумала!.. В общем, так. Если ты порядочный человек, ты обязан взяться за ум. У ребёнка должен быть отец».

Я едва дождался вечера, чтобы позвонить Алле. Всё оказалось так, как говорила Наташа. Я спросил, что жена собирается делать. «Буду рожать. Для себя рожу», – коротко ответила она. «Я не смогу помочь. Я теперь работаю, но надо на что-то жить, платить за комнату...» Я чувствовал себя негодяем. Предложить сделать аборт не поворачивался язык. «А я на тебя не рассчитываю, – довольно высокомерно сказала жена. – Уж как-нибудь сама справлюсь... Кстати, насчёт платы за комнату. Я тебя из квартиры не гнала».

Что меня заставило в тот вечер поехать на Смоленскую, не знаю. Захотелось посмотреть на Аллу, будто это могло что-то изменить. Выглядела она по-прежнему, никакого намёка на беременность, что и понятно – рано. Молча поставила на конфорку чайник,

наполнила вазочку песочным печеньем, положила рядом с чашками бабушкины серебряные ложечки. Через час я ушёл, так и не решившись спросить, почему Алла считает, что забеременела от меня.

А Маша спросила, когда я всё ей рассказал.

– Почему думаешь, что это ты виноват?

Я пожал плечами.

– Ну даешь! Надо было выяснить.

– Боялся обидеть.

Хозяйка помолчала.

– И то верно, так она тебе скажет. Вы не разведены? Ну вот, любой суд тебя отцом признает, от кого бы ребёнок ни был.

Зря всё-таки я считал, что Маша относится к Алле хорошо. В голосе, каким хозяйка произнесла эти слова, доброты было маловато.

– Думаешь? – Я рассеянно гонял рукой пену по ванне и размышлял о сложностях женского характера. Я-то Машу к Генке не ревновал.

– Сто процентов! В любой юридической консультации тебе скажут. В общем, влип.

– Это ещё как сказать.

– И говорить нечего! – Маша резко поднялась, вода тяжело плеснулась через край ванны. – Знаю я таких, как ты... Одеваемся, что ли?

– Куда торопиться, время ещё есть.

– Ты мне всё настроение испортил.

– Тебе-то чего переживать? Проблемы у меня.

Маша принялась молча вытираться простыней, которую я брал у простанщицы.

– Лаврушку захватила? – спросил я. Перед тем, как вернуться домой, мы жевали лавровый лист, чтобы отбить запах водки. Конспирироваться так конспирироваться.

Маша не ответила. Мне было неприятно её молчание. Я позвал:

– Ма-а-шь...

Хозяйка быстро одевалась. Наконец в сердцах сказала, не глядя в мою сторону:

– Только полюбишь человека, привяжешься – и на тебе!..

– Да не дёргайся ты. Всё будет нормально.

– Нормально... – Маша, закинув руку за спину, принялась застёгивать бюстгальтер. Обычно она просила это сделать меня. – Когда думаешь к ней переехать?

Я опешил.

– С чего взяла? Никуда я не перееду. Аллина беременность к нам с тобой отношения не имеет.

– Ладно лапшу вешать. Знаю я таких. Состливые очень, – бросила Маша. – Где нормальный мужик плюнул бы и забыл, вы... Откуда знаешь, что залетела от тебя? И почему надо оставлять? Пусть аборт делает. Не она первая, не она последняя.

На этот раз Маша ушла, не дожидаясь, когда я оденусь. И дома несколько дней не разговаривала со мной.

Интересно, почему все провидицы – женщины? Начиная с Древней Греции. А может, и раньше.

8

С возрастом я всё чаще думаю о Киме Николаевиче. И с каждым годом понимание его судьбы становится доброжелательней и печальней. Отношение ученика к учителю всегда непростое, многим замутнено. Мы не забываем даже проскользнувшей снисходительности, хотя основания для неё были, ещё какие. К тому же долгое время я считал Кима конъюнктурщиком. Запомнились его слова на одном из семинаров: «Старики, вы не читаете «Правду»?.. Утро советского писателя должно начинаться с передовицы. Как можно садиться за машинку, не зная погоды на завтра? Погибнете!». Ким попыхивал трубкой, смягчал слова усмешкой, но, похоже, говорил всерьёз. Партийная организация и партийная литература. Желание непременно быть на коне.

Мне казалось, он трусоват в своих повестях, максимум, на что осмеливался, это сетовать, что и за сто первым километром живут люди, зачем туда отправлять из городов тунеядцев и проституток. Было в шестиде-

сятых-семидесятых такое поветрие, отправляли. Не нравилось мне и то, что он считал предназначением русского человека. В одной из своих дальневосточных повестей подробно описывал ход горбуши на нерест, вкладывая в описание особый смысл. Идёт вверх по реке сплошной поток охваченных инстинктом рыб для достижения неведомой цели. Браконьеры перегораживают реку сетями, медведи десятками забираются в воду и выхватывают трепещущие от боли рыбины – они всё равно идут, ничто их не способно остановить. Потому что есть нечто важнее и выше инстинкта самосохранения. Предназначение. Миссия. Этаким символом безропотного и кроткого народа-богоносца, власти на радость.

Сейчас понимаю, не всё я тогда мог осмыслить в Кимовых произведениях. Они глубже, серьёзней, амбиций у меня было много, а расшифровывать спрятанный в тексте смысл ещё толком не научился. Это по юной дурасти я заявил папе, что обязательно напишу о том, что происходит вокруг, и напечатаю. Я тогда только начинал осознавать дистанцию между лозунгами и делами власти, это осознание несоответствия было пронзительным. Мы сидели в сквере у Черновицкого обкома, папа дожидался времени приёма – семье никак не давали квартиры, мы по-прежнему теснились в комнате общежития. «Кто тебе разрешит», – папа с усталой снисходительностью взглянул на меня. «А я спрашивать не буду! Напишу и напечатаю, пусть знают!» Мне тогда было лет шестнадцать, ещё учился в школе.

В Литинституте, когда стал носить свои опусы по редакциям, понял: написать можно, напечатать – нет. С обычными-то вещами пробиться тяжело, а уж чтобы с диссидентскими... Ким умел. Не диссидентствовал, конечно, но власть покусывал, этакая фронда в разумных пределах. Отчасти искренняя, отчасти для положения в писательском мире, думается мне теперь. Времена безоглядной преданности строю были позади, она стала дурным тоном. Как бы там ни было, но когда я на собственной шкуре почувствовал, насколько тяжело напечататься, стал относиться к Киму с большим

уважением. Он не просто печатался, он своими вещами умел ещё что-то сказать. В литературе это немало.

У него был собственный взгляд на предназначение таланта. Талант – средство. Ким не говорил об этом прямо, но понять было можно. Однажды рассказал историю, услышанную от болгарского переводчика его повестей. У одного паренька обнаружился дар метко стрелять. Со ста метров попадал в коробок спичек. Случись это где-нибудь в Сибири, назначение дара было бы понятно, охота. А тут степная Болгария, многие поколения землепашцев, не видевшие ружья, к пареньку оно попало случайно. Что с даром делать – неясно. Пока были патроны, паренёк срезал пулями верхушки деревьев, доставал высокого коршуна в небе, укорачивал и без того короткие хвосты сусликам. В общем, резвился. Однажды с гор спустились партизаны, события происходили во время войны. Их командир объяснил пареньку, для чего тому дан дар, и забрал в отряд. Паренёк стал лучшим стрелком, уничтожил много врагов. О нём узнал Димитров и взял в личную охрану. Со временем паренёк стал офицером, а затем и генералом болгарской армии. Сделал на даре карьеру.

Той осенью Кима опять прокатили с Госпремией. Не получилось и с редакторством в толстом журнале – в ЦК предпочли другого человека. Казалось бы, двадцать девятый год, а я всё ещё был глуп. Не то чтобы злорадствовал, но нечто подобное присутствовало. Как раз Толя Довгошея попросил помочь с переездом, я обещал, заодно собирался узнать подробности о Киме – интерес челяди к обстоятельствам жизни барина. В холодный ноябрьский день приехал к расселённому дому. Сухой асфальт улиц был выморожено светел, стыл на ветру глухой забор, в воздухе пахло снегом. Довгошея выглядел озабоченным.

– Ты на когда машину заказал?

– Сейчас подойдёт, – сказал Толя, прикрывая за мной дверь. Говорил он приглушённо. – Проходи, Лёва уже здесь.

– Скакунов?

– Да. Я его тоже попросил.

На кухне, не снимая куртки, сидел Лёва и листал журнал с недавно напечатанной Толиной повестью. После поездки в колхоз мы с ним ещё не виделись. Лёва отпустил бороду, неаккуратная стелящаяся щетина покрывала одутловатые щёки. Мы поздоровались.

– Писателю-почвеннику полагается ходить в бороде и усах. Оно солидней, – подколот я.

Лёва хмыкнул, но ничего не ответил. Я посмотрел на Толю. Тот, не двигаясь, стоял в дверях. Что-то было не так.

– Ребята, что случилось?

– Ким спит в комнате.

Я не придумал ничего умнее, чем спросить:

– Тоже приехал помочь?

Толя помолчал.

– Как бы не пришлось переезд откладывать. Не гнать же... Ладно, вы сидите, я пойду машину встречу, а то не найдут.

Уйти Толя не успел. В дверях кухни появился Ким Николаевич. Вид у него был дикий. Лицо оплывшее, цвета сырого теста, узкие чалдонские глаза превратились в щёлочки, нижняя челюсть быстро двигалась, будто Ким всё время мелко, по-заячьи жевал. Он неузнающе уставился на нас с Лёвой:

– Это кто?

– Твои семинаристы, Лёва Скакунов и Юра Руснак.

– Толя взял Кима за талию, попробовал увести. – Поспи ещё.

– Какого хера они здесь делают?

– Надо. Пошли, Ким.

– Никуда не пойду! Не трогай меня!..

– Белка, – сказал под нос Лёва. – Классическая.

Мне было неудобно видеть Кима Николаевича таким – всё-таки учитель. Довгошея идти встречать машину теперь не мог, это ясно, дай бог справиться с Кимом. Я сказал, что пойду сам. Толя кивнул. О дружбе Кима со змием я кое-что слышал, кафедра творчества,

не объясняя причины, случилось, отменяла семинары, но в таком состоянии я видел шефа впервые.

– У Кима проблем выше крыши, – сказал Лёва, минут через пятнадцать появляясь у лаза в заборе, возле которого я дожидался машину.

Стоять было холодно, я начинал мерзнуть.

– Ты тоже сбежал?

– Тебя подменить пришёл.

– Да ладно... – Возвращаться к невменяемому Киму не хотелось. – Ты премию имеешь в виду?

– Если бы только. Толя говорит, Ким от жены ушёл.

Я представил гранд даму с подсинёнными волосами, словно сошедшую с картин Левицкого, её сексапильный голос, поворот головы, преисполненный достоинства.

– С чего вдруг?

– А чёрт его знает, Толя темнит... Ким уже несколько дней пьёт, жить ему нигде. Первая жена обратно не принимает.

Ситуация – не позавидуешь. От холода я начинал лязгать зубами.

– Что с машиной будем делать? Отбой?

– Толя говорит, надо хоть что-то перевезти. Коммунальная квартира, комнату могут занять ... Ладно, иди, я встречу.

Ким сидел на кухне и пил водку. Запрокидывая стакан, покосился заплывшим глазом на меня. Водка текла по подбородку, усы у Кима были неопрятно мокрые.

– Не пришла ещё? – спросил Толя о машине. А Киму сказал, двигая по столешнице блюдечко с неровно нарезанным сыром: – Ты закусывай, закусывай!

Ким закусывать не хотел. Поставив стакан, принял обеими руками тереть опухшее лицо, голову, давно не бритую, с явственно проступающей между порослью на висках обширной лысиной. Спокойно, горько сказал:

– Какой тонкий у человека череп. Как близко смерть... А я ни хрена не успел... – Опершись на стол разъезжающими локтями, опустил голову. Ким выглядел присмирившим, почти трезвым. Нижняя челюсть

перестала по-заячьи дёргаться. – Я ведь талантливый, это сучья власть в проститутку... Я могу так написать... Лучше Шолохова, мне дано. А что пишу?..

– Ким, закусывай. Два дня ничего не ешь.

– Тупые чабаны, хитрожопый директор леспромпхоза, менты какие-то, секретарь парткома, честь и совесть нашей эпохи, мать его!.. – перечислял шеф, не поднимая головы. – Кому, на кой? Я же могу, правда, могу... Деньги – фигня. Пыль, мусор!..

– Ты в историю литературы вошёл, – сказал Довгошея. – Не у каждого получается.

– Петитом, Толя, петитом!.. Как мышь вдоль плинтуса всю жизнь... С фигой в кармане... День на два разбираю, как несушка на птицефабрике. Чтоб по два яйца...

Об этом я слышал. Ким Николаевич садился за машинку в шесть утра, до двенадцати работал, потом несколько часов спал, затем опять допоздна за машинкой. В общем, на износ. Вдруг он поднял голову, посмотрел в мою сторону. Что-то ему во мне не понравилось.

– А ты чего здесь стоишь? Чего хочешь? Ким Николаевич, Ким Николаевич, – передразнил он гаденьким подхалимским голоском. – Один смылся, другой нарисовался... Чего вы всё ходите, чего вам надо? Книжонку свою убогую тиснуть? В журнале засветиться?... Говно пишете, копейки всю жизнь сшибать будете, бабы ваши несчастные. Пшёл отсюда!..

Толя сказал:

– Ким, кончай.

– Хули кончать! – Ким поднялся из-за стола и двинулся ко мне. – Пусть у Луцкого учатся! Тот хоть знает, чего хочет!..

Я не успел ничего сделать, Толя подскочил сзади, обхватил Кима и, прижав его руки к туловищу, потащил в комнату. Толя крепкий, несмотря на свою неуклюжесть. Носить по тайге рюкзаки с образцами не каждый сможет. Ким рычал, пробовал высвободиться:

– Графоманы! На цырлах всю жизнь будете прыгать, жопы лизать... Толька, пусти! Пусти, морда!.. Луцкий – да, Луцкий в госкомиздат устроился, знает, чего надо.

Сам за нитки будет дёргать. Хозяин, а не в рот заглядывать. Главным редактором поставят, цель у человека, а вы? Пусти, говорю, мудака!..

Я озадаченно смотрел на происходящее. Луцкий-то здесь при чём? Серёжу я недавно встречал. Загнанный какой-то, жалкий. Живёт за городом, каждый день в госкомиздат, туда-обратно четыре часа, двое маленьких детей. Несколько минут всего и поговорили, он торопился на электричку. Мне такого счастья не надо. Да и какая карьера? Слишком прост земляк, при всём моём уважении к нему. Куда взяли, там и служит. Как я.

В общем, сцена вышла тягостная. Сейчас я понимаю, Киму нужно было дать распрямиться пружине, которую изо дня в день сжимал в себе, мы с Лёвой дело десятое. Играл по правилам, подмахивал власти, развёлся с первой женой и женился на дочери старца из Совмина, делал всё как надо. Но чего-то ему всё же не хватило, чтобы совсем уж не давать душе пискнуть. Не смог закрыть глаза, когда узнал, что гранд дама принимает в его отсутствие любовника, ушёл. Хотя знал, печататься станет тяжелее и с Госпремией вряд ли что выйдёт. Срывался в запой, опять-таки зная, что из-за этого не возьмут в секретари Правления, а очень хотелось. Нормальная человеческая жизнь, среди которой вырос, мешала? Мама-учительница? Не сумел вытравить в себе всё, кроме желания власти? Чего-то ещё не было дано?.. В середине восьмидесятых я встречу в сберкассе его сына, молодого хлыща в кожаном костюме, Кима уже не будет в живых. «Как, это всё? Ради этого отец горбатился?! – пьяно возмутится сын, пересчитав деньги. – Здесь на посидеть в ресторане не хватит!..»

Машина пришла, а Довгошея всё никак не мог утихомирить Кима. Оставлять его одного было нельзя, неизвестно что в таком состоянии натворит. Толя дал адрес и ключи от врезанного на днях замка, мы погрузили письменный стол, две табуретки и отвезли в комнату неподалёку от Политехнического музея.

– Вот тебе и Довгошея, в самом центре!.. – сказал

Лёва Скакунов. Я давно подметил, москвичи завидуют провинциалам, неплохо устроившимся в столице. – Что теперь будем делать, ключи-то вернуть надо.

Ему, как и мне, возвращаться к Толе не хотелось. В какой-то забегаловке мы распили под винегрет бутылку креплёного, поговорили о том о сём. Лёва сказал, что пришла рецензия на его роман, положительная. Ещё одна, и поставят в план редподготовки. Сакко, заведующий редакцией прозы, нормальный мужик, русскую историю понимает правильно, хотя и казак.

– А у тебя как?

Я рассказал.

– Ты не затягивай, перелопать сборник и приноси. Можем попасть в струю, я тебе говорил, Сакко затеял серию книг молодых. И правильно, старпёры и так везде всё заняли, не пробиться из-за них!.. – Захмелевший Лёва помотал головой. – Я только сейчас понял, что такое издать книгу. Столько подводных течений!.. В издательстве каждый за себя. Подгадить – это пожалуйста, помочь – хрен дождёшься... Слушай, а что это Чачия у нас мелькает всё время? Чуть не каждый день вижу. И эта, с вислым задом такая...

– Ольга Григорьевна?

– Наверно. Ходят, всем улыбаются... В приёмной у Пахоменко прописались.

Мне говорить об этом не хотелось. Вражда в Литконсультации была непримиримой. Сенчуков окончательно не сдавался, все ещё надеялся на старые связи в Правлении, Веня с соратниками – на поддержку директора «Совписа».

Мы допили вино и всё-таки отвезли Толе Довгошее ключи. Толя хотел было угостить – как-никак помогли, – но мы отказались и разъехались по домам. Вдруг Ким опять проснётся.

9

Первый звонок пришёлся на январь. Хотя, быть может, первым звонком было поведение Ирины Фёдо-

ровны на капустном поле под Серпуховом, просто я тогда этого ещё не понял.

В «Детской литературе» я встретил Стёпу Хмелика. Последний раз я его видел летом, вернее, слышал – Стёпа мне несколько раз передавал по телефону требование Салмана вернуть задаток. Борец за неприкосновенность социалистической собственности в сельском хозяйстве Аз.ССР сам почему-то не звонил. Стёпу я посылал с точным указанием адреса, в конце концов он скучным голосом сообщил, что у меня будут неприятности, и исчез.

И вот эта встреча в сумрачном вестибюле издательства в Малом Черкасском переулке. Хмелик обрадовался мне как родному, едва ли не бросился на шею.

– Старик, привет! Ты мне сегодня снился. Ну, думаю, увижу, у меня примета такая... Ты к Валентину Леонтьевичу? Я тебя подожду.

И ни слова о деньгах.

Стёпина метаморфоза загадкой для меня не была. Благополучных людей любят, словно благополучие, как грибок, может передаться, достаточно общаться чаще. Конечно, я не редактор в журнале или издательстве, но у меня есть связанная с литературой работа и твёрдая зарплата. Что немало, подтвердит любой выпускник Литинститута. У Варвары была служба и большая белая грудь.

К тому же надо знать Хмелика. Он наверняка надеялся через меня ещё раз попробовать попасть в число рецензентов ЛК. Всё ему мало. Мне чтение чужих рукописей было уже поперёк горла. Я нёс Краснопёрову последнюю партию, собирался вежливо отказаться от рецензирования. Всех денег не заработаешь, тем более, что пора было вплотную заняться собственными рассказами.

– Здравствуйте, – сказал я, открывая дверь в редакцию по работе с непрофессиональными авторами.

Единственная подчинённая Валентина Леонтьевича, луноликая татарочка, улыбнулась, а сам Краснопёров взглянул на меня как-то мельком. «Наверно, неприятности», – подумалось мне. Обычно он встречал радушно. Но и когда я выложил из дипломата рукопи-

си и принялся вкратце излагать своё мнение о каждой, Валентин Леонтьевич продолжал сидеть с отстранённым видом. Сухо обронил:

– Я рецензии прочитаю.

Я озадаченно смотрел на него. Краснопёров старался не встречаться со мной глазами.

– Что-то случилось, Валентин Леонтьевич?

– Всё нормально.

Я принялся говорить, что вынужден отказаться от рецензирования, не успеваю, в Консультации тоже приходится много читать. Но всё равно я Валентину Леонтьевичу благодарен, он в тяжёлые для меня времена поддерживал, надеюсь, наши добрые отношения сохранятся, буду периодически заглядывать в редакцию...

– Это не обязательно.

Я будто о камень споткнулся. Вот тебе раз! От деликатного Краснопёрова я подобного не ожидал. Да ещё в присутствии сотрудницы редакции. Почувствовав неловкость ситуации, татарочка поднялась и вышла. Я сказал:

– Объяснитесь. Я не заслужил такого отношения.

Получилось немного театрально, но в ту минуту я меньше всего думал об этом. Так с собой обращаться не позволю даже такому человеку как Валентин Леонтьевич.

– Не вижу смысла что-либо объяснять. – Краснопёров впервые посмотрел мне в глаза, но как-то вскользь, с гадливостью, что ли. – Вы взрослый человек. Сами решаете, как вам жить.

События в ЛК, битва титанов? Мне ставится в вину, что я до сих пор не расплевался с Сенчуковым?.. Но совсем недавно Валентин Леонтьевич усмешливо советовал, о чём можно с ним разговаривать, и не осуждал, что общаюсь. С чего вдруг перемена?

– Насильно мил не будешь, – сказал я, стараясь держаться с достоинством. – Но не хочу, чтобы наши отношения завершились на такой ноте... Я не понимаю, почему должен становиться на чью-то сторону? Что за рекрутирование?

Краснопёров не ответил, досада и неловкость обо-

значились на его лице. Я говорил явно что-то не то. Но удила уже были закушены, нюансы ускользали от меня.

– Ну ещё бы, Гена Попков – вот, по-вашему, образец совестливости!..

– Я этого не говорил.

Меня несло:

– Чего проще сориентироваться, когда расклад ясен! А потом получать дивиденды. Веня с Ольгой Григорьевной взяли Попкова под защиту, наверняка знаете. Для них неважно, прав он или нет – он свой, борец с Сенчуковым!..

– Повторяю вам, дело не в этом.

Валентин Леонтьевич поднялся, показывая, что разговор окончен. Это был ещё один удар по самолюбию – со мной не хотели разговаривать. Скрип моих зубов, наверно, был слышен в коридоре. Не оставалось ничего другого, как подняться тоже и уйти.

О Гене Попкове я, наверно, зря. Голова набок, унылый нос, эта вечная задумчивость – недоделанный какой-то. Прав Сенчуков, убогий, что с такого взять. Какой нормальный человек стал бы связываться с Викингом? Я уж не говорю о том, что это вымогательство, и тем сволочнее, что у зависимого человека. Но меня достало, что Гену ставят в пример, тот же Веня. Нашли образец высокой нравственности.

Почему так переменялся Краснопёров? Наговорили, а он поверил? Что можно наговорить? Не доносил, не подличал – пришёл в Литконсультацию работать и работаю... Сам-то Валентин Леонтьевич в этой грязи пачкаться не захотел, уволился. Ему было куда уйти, а мне?..

Стёпа Хмелик сидел рядом с вахтером и просматривал объёмистую рукопись. Видимо, тоже заходил к Краснопёрову. Заметив меня ещё на лестнице, принялся торопливо захватывать папку в портфель.

– Подожди, старик!.. Есть хорошая новость для тебя.

Я приостановился, хотя разговаривать сейчас со Стёпой хотелось меньше всего.

– Салман к тебе претензий больше не имеет, я его убедил. В самом деле, ты же свою работу сделал! Люди

летом отдыхают, а ты парился над учебниками, забивал голову всякой мурой – надо же это учитывать. Разве твоя вина, что недоросля не приняли? От тебя это не зависело, твоё дело было экзамены сдать, ты сдал, оценки хорошие – какие претензии?!

Стёпа говорил так горячо, словно именно я сомневался, что всё обстоит подобным образом. Повторял, сукин сын, мои доводы, которые не хотел раньше слышать. Я с интересом смотрел на него. Весь этот прогиб ради того, чтобы получить доступ ещё к одной кормушке?.. Любопытно, сам Салман настаивал на возвращении аванса? Или Стёпа и здесь хотел меня кинуть, как, скорее всего, кинул на сумме аванса?.. Но не докажешь. Ни телефона, ни адреса Салмана я не знал.

На дворе уже наливались январские ранние сумерки, мы осторожно ступали по обледенелому тротуару Малого Черкасского переулка, свернули в слякоть у входа в метро, зашли внутрь, опустили по пяточку в отполированные миллионами пальцев щели турникетов. На эскалаторе Стёпа встал на ступеньку ниже, заглядывал в глаза. Я ждал, что будет дальше. Неловко себя чувствую, когда люди унижаются, но любопытно было, как Стёпа вырулит на разговор о рецензировании. Может пригодиться для какого-нибудь рассказа, характер налицо.

– Старик, будь аккуратней, – сказал Хмелик. – О тебе ходит такое... Кто-то тебя очень не любит.

– Что ходит?

Стёпа опустил голову.

– В общем... – Он помялся, но говорить не стал. – Гадость, не хочу повторять. Я тебя знаю, ты на такое не способен, но другие... Москва вроде большая, но варимся в одном котле, отмыться будет тяжело... В общем, надо жить без врагов.

– Я что, плагиатом занимаюсь, на цэрэу работаю, малолетних совращаю?..

Хмелик стремительно взглянул на меня, но тут же отвел глаза, уклончиво улыбнулся.

– Отнесись серьёзно. Писательский мир такой, в лицо не скажут, а кислород перекроют, будут сторо-

ниться, словно ты в говно наступил... Знаешь, когда я понял, что человек ничто? – Стёпа смотрел на меня остановившимся, без улыбки, взглядом. – Помогал одному знакомому на даче, рядом военный аэродром. Как истребитель мелькнул, я даже не заметил. Понял только, когда рёв услышал, а его уже нет. Потом тишина и такой звук, будто листики фольги с неба падают... Понимаешь, человек – комар, муравей, муха. Хуже! Не только перед техникой – вообще, по жизни. Нельзя залупаться. Надо тише воды, ниже травы, без врагов. А то с дерьмом сожрут!

Таким искренним я Стёпу ещё не видел.

– Кстати, не можешь меня порекомендовать Сенчукову? Опыт есть, моими рецензиями везде довольны...

И Стёпа (это уже в вагоне) заговорил о том, что жене предстоит операция. У неё что-то по женской части, нужны деньги. Аванс из «Современника» проеден, а книга никак не выйдёт, перенесли в план следующего года.

Не удивлюсь, если насчёт операции окажется враньём. А относительно слухов обо мне, похоже, правда. Кто распускает, догадываюсь, но что, что?.. Даже Краснопёров клюнул.

Связь между поступками открывается порой в самый неподходящий момент. Я вдруг понял, что мне надо к Алле. Надо, и всё! Ничего не пообещав Хмелику, перешёл на другую линию и поднялся на поверхность на «Смоленской».

Обидели, бедного, душевный раздрай и неуют. В таком же состоянии я написал Алле из армии, потом женился. Я не люблю все эти фрейдистские штучки, но, похоже, надеялся, что Алла заменит маму – подсознательно, конечно. Было в этой девушке нечто, заставлявшее так думать. Сейчас тоже нужен был кто-то вроде мамы рядом, громоотвод, зонтик от житейских неурядиц. Чтобы выслушала, пожалела и успокоила. Секс только часть нашей зависимости от женщин. Это мы слабый пол, а не они.

В угловом гастрономе на Арбате я купил красных марокканских апельсинов, беременной женщине нужны

витамины. Уже перед подъездом сообразил, что следовало бы сначала позвонить – вдруг Аллы нет дома. Да и вообще, свободная женщина. Но Алла была дома, и одна.

– Вот, – сказал я, протягивая пакет с апельсинами.

– Витамины.

Полужена кивнула, приняла пакет.

– Раздевайся, проходи.

Она была в свободном халате, не поймёшь, видно уже или нет. Меня обдало знакомыми запахами пеноплена, которым была оклеена прихожая, высохшего бустилата под ним, едва уловимым запахом гуталина от полочки с обувью, туалетной воды от одежды – всем тем, что квалифицировалось моей обонятельной памятью как Аллина квартира. Мне здесь не писалось, но было много хороших моментов. Алла по-настоящему моя первая женщина, всё, что до неё, – суетливо и редко.

– Мне? – спросил я, заметив письмо на холодильнике. Надо было с чего-то начинать разговор. – Всё ещё отголоски публикации в «Юности»?

– Нет, это мне. На море познакомились... Ты голодный? Котлеты разогреть?

– Не откажусь.

– Я тоже с тобой, всё время есть хочется. Иди мой руки.

Здесь было заведено придя домой, сразу мыть руки. «А как же! – говаривала Аллина бабушка. – В магазинах, в транспорте кто за поручни только не берётся. Мыть, обязательно мыть!» Выйдя из ванной, я сел за стол, смотрел, как Алла доставала из холодильника фаянсовый судок в блеклых голубых цветочках, выкладывала на тяжёлую чугунную сковородку котлеты. В сковородку побольше наложила вермишели, обе прикрыла крышками, убавила газ... Мне нравилось, как в этом доме была организована жизнь. Солидная старинная посуда, добротная мебель, хорошая одежда. Устоявшийся быт нескольких поколений московских священников.

– Как у тебя дела?

– Да как – обычно. Школа, дом... По выходным Наталья приезжает, идём в кино, на выставку, ещё куда-нибудь. В общем, нормально. А у тебя?

– Всё хорошо.

Говорить о загадке, которую мне задали в «Детской литературе», не хотелось. То, что вижу Аллу, слышу её голос, и в самом деле успокаивало, отвлекало от неприятного. Я встал из-за стола, подошёл к переворачивающей котлеты полужене сзади, обнял.

– Э, нет, – сказала Алла. – Нельзя.

– Я просто так.

– И просто так нельзя. – Алла повела плечом, освобождаясь. – С какой стати?

Меня это задело.

– После поминок ты так не говорила.

– Тогда ты воспользовался моим состоянием.

– Сама спровоцировала.

Алла засмеялась:

– Беденький! Ты так сопротивлялся, изнасиловали прямо!..

Я вернулся за стол. В общем-то, всё правильно. Оскорблённая женщина. Хорошо ещё, пускает в квартиру, котлетами вон кормить собирается.

Мы ещё не закончили ужинать, когда появилась тёща. Она заглянула на кухню, увидев меня, удивилась, стараясь не подавать вида.

– Здравствуйте, Юра... Что-то холодает, наверно, в этом году настоящие крещенские морозы будут... Алла, я детского мыла купила и марли на подгузники. Куда положить?

– Мам, ну неужели не знаешь? – недовольно сказала полужена. С бабушкой она таким тоном не разговаривала. – В шкаф на полку, конечно!

– Марлю надо будет прокипятить, с мылом и содой. Она медицинская, но всё равно... Ладно, я сама займусь.

– Мам, давай об этом потом, а?

– Хорошо-хорошо. – Тёща увидела на холодильнике письмо, быстро взглянула на меня и, стараясь сделать это как бы между прочим, сунула его в карман вязаной кофты. – Ладно, не буду мешать, поеду домой, отцу ещё ужин готовить надо... Кстати, Юра, почему бы вам не прописаться у Аллы? Вы сейчас где прописаны?

Я усмехнулся. Какая проза! Дом расселяют, Алла даже с ребёнком может претендовать только на однокомнатную квартиру, а если прописанных будет трое, на двухкомнатную. Когда мы с Аллой поженились, меня не спешили здесь прописывать, а я сам об этом не заговаривал. Жилплощадь для москвичей дороже Родины.

– У хозяев, – сказал я. – Временно.

– А почему не у нас? Я понимаю, у вас с Аллой сейчас не лучшая пора в отношениях, но всё ещё может наладиться... Надо прописываться. И не откладывать это в долгий ящик.

– Я подумаю.

Тёща искренне удивилась:

– А что здесь думать? Ребёнок...

– Мама! – оборвала Алла. – Успокойся в конце концов!..

Когда я возвращался к себе на Руставели, я уже ломал голову над двумя загадками. Первая: какую гадость обо мне сказали Краснопёрову? Досада всё не проходила. И вторая загадка: что за письмо лежало на холодильнике, почему тёща прячет его?.. Жаль, не догадался взглянуть на обратный адрес.

10

– Дядь Юр, я мужик?

– А то!

– Правду говоришь? – Димка, подняв вверх веснушчатое лицо, требовательно смотрел на меня. Передний зуб у него был со щербинкой.

– Какие сомнения, мой юный друг?! – Я перестал вращать диск, отвёл от уха трубку. – Девчонки в классе сегодня вас поздравляли, я правильно понимаю?

– Ага, открытки подарили.

– Вот видишь! В такой день поздравляют только мужиков. Так что никаких сомнений быть не может – мужик!..

Мой аргумент, похоже, убедил Димку. Но не надолго.

– Они хитрые. Если бы сегодня не поздравили, пацаны их на 8 Марта не поздравят!

– Сына, не мешай дяде Юре звонить. – Из кухни вы-

глянула подкрашенная и принаряженная Маша. – Иди сюда, отец зовёт.

Димка ушёл, а я опять принялся набирать межгород. Уже несколько раз пытался дозвониться до папы, но «8» всё время была занята. Праздник, линии перегружены. Неделю назад я отправил поздравительную открытку, но сейчас захотелось услышать папин голос.

Я был подшофе – недавно вернулся от Сенчуковых, мы с Валентиной Евгеньевной вдвоём уговорили бутылку коньяка. Марина отсутствовала, её пригласили отмечать День Советской Армии во вгиковское общежитие. Олег Всеволодович по обыкновению пил минералку, сдержанно улыбался аскетическим лицом и, как мне показалось, улучал момент, чтобы сообщить нечто важное. Но его опередила жена. «Всё-таки есть хорошие люди на свете, Юра, есть! – Лицо у Валентины Евгеньевны от выпитого набрякло, потяжелело. – Олег вам не говорил? Его берут в «Политиздат» старшим редактором. Потеряет в зарплате, но, слава богу, уйдёт из этого гадюшника!..»

Я быстро взглянул на Сенчукова. Тот, недовольно покосившись в сторону жены, кивнул. Олег Всеволодович мне рассказывал, время от времени его приглашали внештатно редактировать рукописи в «Политиздат», но то, что он решил перейти в это издательство, было неожиданностью. Хотя чего-то похожего следовало ожидать. «Мне неловко перед вами, Юрий Антонович. Пригласил в Консультацию, а сам ухожу. Но работать в таких условиях больше невозможно. Противно». И Олег Всеволодович коротко рассказал, как на днях его опять вызывал Пахоменко, в хамском тоне требовал заявление о переходе с должности заведующего Литконсультацией в рядовые сотрудники. Терпеть подобное Олег Всеволодович больше не намерен. Спрашивать о позиции Правления я не стал. И так всё ясно. Сенчукова в Правлении окончательно сдали.

«8» всё не набиралась, я вернулся на кухню. Генка был порядком пьян, начал он с мужиками ещё на работе. Сейчас сидел за столом, неуверенным движением закидывал

наверх густой мелиховский чуб и требовал, чтобы сын с ним выпил. Нос с горбинкой, тёмные глаза, рельефный подбородок – вид у хозяина был суровый, водка не делала Генку покладистой. Шучу с огнём, подумалось мне. Если он узнает о нас с Машей... Димка, потупясь, отодвигал от себя стопку и косился на мать. Иван Калистратович и Маша настороженно наблюдали за сценкой, усмехались.

– Тогда пива!.. Пиво будешь? Ты мужик или кто? Наш праздник!.. – Проливая на стол «Жигулёвское», Генка наполнил стакан. – Пей давай!..

Димка замотал головой, прижался боком к Маше. По лицу было видно, попробовать ему хочется, но он стесняется, и мать не разрешит.

– Ну, чего ты! Веселие на Руси есть выпивка, умные люди сказали. Умные!.. – Генка поднял вверх палец. – Мамочкин сынок, да? Не слушай баб. Если б их сила, они нас в бараний рог!..

Иван Калистратович сказал, взглянув на сноху:

– Это ты зря. Бабы разные бывают. О своей покойнице плохого сказать ничего не могу.

– Хе, так то мать! Я за неё сам глотку кому хошь перегрызу!.. Я о других, далеко ходить не надо.

– А другие чем тебе насолили? – Иван Калистратович опять посмотрел на сноху. Он тоже был в подпитии, но Машиного характера опасался. – Зачем ты против шерсти?

Однако Маша только засмеялась и налила всем в стопки:

– Ладно, выпили! Праздник всё-таки. Юра вон тоже служил. Где, Юр, в каких войсках?

Я поймал озадаченный взгляд Ивана Калистратовича. Такой покладистости от снохи он не ожидал.

– Смотрели фильм «Ключи от неба»?.. Это про меня, в ПВО служил. Москву от американских ракет охранял.

– Сапог сухопутный! – высокомерно процедил Генка. – Разве это служба?.. Краснознамённый Северный флот, четыре автономки, через полюс проходил! Пять метров паковых льдов над головой, нормально, да?!.

Маша добродушно бросила:

– Ладно-ладно, знаем о твоих подвигах.

– Расскажи, интересно, – сказал я.

Но Генка, обидевшись, замолчал. Маша миролюбиво взлохматила ему голову.

– Ну, не буду, не буду. Чего ты как маленький?

Иван Калистратович пристально смотрел на сноху и всё не пил, что-то соображая. Не хватало ещё, чтобы догадался о причине Машиной покладистости. Неприятностей в последнее время у меня и так с избытком, эйфория в связи с устройством на работу была в прошлом. Сенчуков уходит в «Политиздат», теперь в ЛК возьмутся за меня – кто не с нами, тот против нас. Собственно, уже взялись.

Я выпил и опять направился к телефону. «8» по-прежнему была занята, но возвращаться на кухню я не стал, принялся методично вращать диск. Очень хотелось услышать папин голос. Вскоре возле меня оказались Димка и Иван Калистратович – с пьяным Генкой им было неинтересно. Наконец и сам Генка появился в прихожей, принялся куда-то собираться. Маша мужа не останавливала, хотя тот с трудом держался на ногах.

– Пусть отведёт душу! Пусть сегодня по его будет!..

– Хозяйка тоже стала одеваться. Пристраивая на голове мохеровый берет, смеялась и подмигивала нам густо подведёнными глазами.

– Далеко? – спросил свёкр, только что зазывавший меня смотреть праздничный «Голубой огонёк».

– К Гридневым во второй подъезд. Мы не долго.

Иван Калистратович смотрел на закрывшуюся за ними дверь.

– Что-то в лесу сдохло, первый праздник без скандала... Так как насчёт «Голубого огонька»? Пошли, хороший должен быть, как-никак 23 Февраля!..

Я перестал мучить телефон, направился в комнату Ивана Калистратовича и Димки. Праздник, а настроение у меня было неважное. И до папы никак не дозвониться. В комнате у Ивана Калистратовича пришлось не столько «огонёк» смотреть, сколько слушать расска-

зы о войне. В сорок третьем году его призвали, попал в пехоту, за неделю боёв от их батальона осталось несколько человек. Ивану Калистратовичу повезло, ранило, он оказался в госпитале. Когда подлечили, стал помогать санитарам, от любой работы не отказывался – всё лучше, чем на передке. Была мечта, чтобы оставили при госпитале, но его отправили на формирование.

– И тут, понимаешь, я земляк встретил, из одного района, писарем в штабе служил. Считай, второй раз крупно повезло. Если б не он, мои кости давно б сгнили, – Генкин отец был рад, что есть кому рассказать. И рассказывал сейчас со вкусом, хмыкая и щуря глаза. – Земляк говорит, хочешь в гаубичный дивизион? А кто не хочет, гаубицы не передок, километров пятнадцать-двадцать сзади. Земляк говорит, найди часы, трофейные то есть. Не мне, говорит, я тебя в список за так внесу, а начальству, до них трофеи не доходят. У меня часы как раз были, у пленного немца отобрал. Это потом часов стало как грязи, я их на обоих руках до локтя носил, а в сорок третьем – эге!..

Я уже не столько слышу, сколько вижу рассказ Ивана Калистратовича. Немец не особенно-то и на немца похож, обычный мужик, и форма на нём почему-то красноармейская, ноги в ботинках с обмотками. Немец не расстраивается, что у него забрали часы, голосом Шульженко принимается петь «Синий платочек». Я сквозь сон удивляюсь метаморфозе, но не долго, вижу Ивана Калистратовича возле диковинного сооружения, похожего на угловатый арматурный каркас, о котором почему-то знаю, что это гаубица. У Ивана Калистратовича обе руки в часах, это уже среди дачного вида домиков с палисадниками, о которых я знаю, что они Германия, где всего полно, рядовому и сержантскому составу разрешается отправить домой две посылки, офицерам – больше...

– Да вы дрыхнете! Дим, Юр!.. Ну, малой ладно, пусть спит, я ему постелю. А мы с тобой ещё по десять капель примем. Пошли на кухню, там осталось. Юр, давай!..

Я открыл глаза. Сажу на диване, передо мной Иван

Калистратович. Вполне домашний, без часов до локтей на обеих руках. По телевизору с гиканьем и свистом поёт и пляшет Ансамбль Советской Армии.

– Пошли.

Надрался я в тот вечер основательно.

11

Вскоре из «Советского писателя» пришла бандероль. И это был второй звонок. Да что звонок – сирена! Нехорошее предчувствие кольнуло сразу, как только я увидел извещение – ничего и ни от кого я не ждал. Терпения принести бандероль домой не хватило, прямо на почте я разорвал коричневую жёсткую крафт-бумагу и почувствовал, как судорожно сжалась внизу мошонка.

Папка с моими рассказами. «Уважаемый Юрий Антонович! В связи с тем, что Ваша рукопись требует весьма серьёзной доработки, вынуждены вернуть Вам её». Подписи Ирины Фёдоровны и заведующего редакцией русской советской прозы.

Вообще-то, ничего страшного, сборник мне так или иначе предстояло пересоставить. Настораживало то, что послали по почте. Всё-таки работаем в одной организации, могли бы позвонить, я зашёл бы и забрал. Опять же «весьма серьёзная доработка». Звучало сурово, отдавало приговором. Узнав, когда у Ирины Фёдоровны ближайший присутственный день, я захватил папку и поехал в издательство.

Редактора застал беседующей с примелькавшимся по телевизору актёром. Тот слушал Ирину Фёдоровну и с иронией посматривал по сторонам – чувствовалось, был озабочен тем, как выглядит в роли автора, выслушивающего замечания редактора. Новое поветрие, раньше в литературу шли врачи (Вересаев, Чехов, Булгаков), теперь актёры.

– Я подожду, Ирина Фёдоровна?

Редактор, мельком взглянув, кивнула. Мне показалось, с досадой. Ненавидя себя за зависимый тон, за

подобострастное лицо, за сухость Ирины Фёдоровны, я вышел в предбанник между редакцией прозы и кабинетом заведующего. Здесь столкнулся с Лёвой Скакуновым. Тот появился из кабинета заведующего, его одутловатое лицо выглядело, как у только что хорошо пообедавшего человека, – рассеянно удовлетворённым. Отросшая окладистая борода делала Лёвино лицо импозантно монументальным, этакий Фридрих Энгельс.

– Как дела?

– Нормально.

Не задерживаясь, Лёва прошёл через предбанник. Ему ни до кого сейчас не было дела. Здоровый эгоизм успешного человека. Всё с Лёвиным романом, видно, складывалось удачно, не то что у меня. Как говаривал Ким Николаевич, каждый умирает в одиночку.

Ждать пришлось довольно долго. Наконец актёр ушёл.

– Можно?

– Ничего нового я вам сказать не могу... – Ирина Фёдоровна порылась в ящиках стола, нашла нужный скоросшиватель, раскрыла его, с запозданием закончила: – ... Юрий Антонович. Мое мнение вам известно, работа над сборником предстоит серьёзная. Это отмечали также оба рецензента, которые читали вашу рукопись. – И редактор взглянула на меня так, словно удивлялась, что я ещё здесь.

– Я не со всеми замечаниями согласен. И пора бы сборник поставить в план и заключить со мной договор, как собиралась ваша прежняя начальница, – нахально сказал я. – А рукопись я доработаю, нет проблем.

Ирина Фёдоровна категорически замотала своей большой головой.

– О договоре сейчас не может быть и речи!..

Чувствуя, что слова звучат недостойно, заискиваю-ще, я тем не менее добавил:

– И зачем надо было посылать рукопись по почте? Позвонили бы, я зашёл и забрал бы...

– Какое это имеет значение? – отчуждённо удивилась редактор. – Странные претензии.

Я понял, надо уходить, а то всё испорчу окончательно. Так хоть остаётся надежда, что сборник зарубили не напрочь.

Господи, как мне тогда хотелось книгу! Свою, которую можно всем показывать. Я держал бы её возле сердца, я бы её облизывал, спал с ней. Я бы душу дьяволу продал!..

И опять развилка. Можно было вернуться домой, свежим глазом перечесть рассказы, спокойно обдумать, что-то переделать – я набирался опыта, работа рецензента позволяла увидеть и собственные просчёты. Я дописывал два новых рассказа, ими можно было заменить те, которые Ирина Фёдоровна и рецензенты сочли неудачными. Но нетерпение, нетерпение!.. Невозможно бы расстаться с мыслью, что книга должна скоро выйти, я не хотел ждать. К Сакко! В конце концов, он заведующий редакцией, от него многое, если не всё, зависит. К тому же в издательстве затеяли серию книг молодых авторов, как говорил Лёва. Я молодой.

Заведующий редакцией принял сразу. Поднялся на встречу, пожал руку, на лице с густыми и широкими армянскими усами своё выражение. Будто я не неведомый миру сочинитель, а равный ему. Сакко быстро пробежал редзаклучение и обе рецензии.

– Да, помню, Ира приносила на подпись... Так чего хочешь?

То, что заведующий редакцией заговорил на «ты», мне тоже понравилось. Помнит, что вместе ездили в колхоз, под мягким осенним солнцем пили водку на расстеленном у края поля брезенте, несколько раз перебросились словами. Я улыбнулся:

– Чего хочу – книгу!

– Ты знаешь таких, которые не хотят?.. – Сакко стал серьёзным, ещё раз заглянул в редзаклучение. – Ничего страшного, доработка, обычное дело... Может, другого редактора назначить? А то бывает, у редактора и автора разные группы крови.

– А можно?

– Почему нельзя. Давай сделаем так: оставляй папку, а я подумую. Лады?

Говорят, настоящий врач тот, от одного разговора с которым больному становится лучше. Чем пишущие не больные – такая же многослойная зависимость от себя и, особенно, от других, от жизни вообще. В приподнятом настроении я направился в ЦДЛ, было обеденное время, хотелось есть.

В самом деле, почему обязательно Ирина Фёдоровна, эта дама с несоразмерной головой? Маловато в ней доброты и понимания. А Сакко умница.

Я заглянул в Консультацию, надо было снять пальто. Можно раздеться в ЦДЛ, но гардеробщики потом норовили выйти из-за стойки и подать пальто в рукава, а это меня смущало. Не мелочи жаль – неприятно подбострастие пожилых людей. В Консультации, похоже, уже отобедали, в приёмной шёл трёп, способствующий пищеварению. Веня полусидел на столе, здесь же находились Совушка-Аня и Гена Попков.

– Нужно элементарно знать психологию, – говорил Веня, оглянувшись на вошедшего меня. Лицо у него было затаённо азартное. – Отказаться проще всего, подумаешь, тридцать рублей, я их за день натаксую. Важно развернуть ситуацию...

Веня рассказывал, как ему из журнала, издающегося на одну из азиатских соцстран, завернули материал о текущей советской литературе, и что он сделал, чтобы материал всё-таки напечатали, не изменив ни слова. В разговоре с редакционной машинисткой как бы вскользь заметил, что отношение к нему в журнале изменилось, надо делать выводы. Ненавязчиво так. Машинистке он регулярно дарит шоколадки, пожилая тётка, внимание ей приятно. Веня знает, она стучит на всех главному редактору. Главному же редактору он никогда не отказывает подвезти на своих «Жигулях». На следующий день Вене звонит перепуганная заведующая отделом. Вениамин Александрович, вы неправильно меня поняли, материал нас устраивает, терять вас как автора мы ни в коем

случае не хотим... Веня как бы посмеивался над собой, над тем, что пришлось делать. Но и самодовольства на его лице хватало.

Веню к тому времени я уже знал хорошо. Что-то из литинститутских впечатлений подтверждалось, что-то нет, проявлялись новые чёрточки. Человек однозначно неординарный. Как поэт Чачия посредственность, но у него был другой талант, умение расположить к себе. Это сейчас я считаю, что это одно из важнейших качеств в жизни, а тогда думал, что Вене не повезло. Конечно, приятно, когда тебе ещё издали улыбаются, радостно трясут руку, женщины смотрят заинтересованным взглядом, но стихи-то, стихи!.. Как с такими стихами Веню приняли в члены Союза писателей, мне было непонятно. Пусть даже Грузия, свои дела. Испорченный бескомпромиссной русской литературой, я многого не понимал. Сенчуков должен был бы ненавидеть Веню, а он в разговорах язвил по поводу Ольги Григорьевны, туповатого Гены Попкова и Совушки-Ани, весьма себе на уме девушки. Хорошо при этом понимая, что душа смуты Чачия. Уважение к достойному противнику?.. Интересна и такая деталь, у Вени было множество приятелей, но ни одного друга. Он всех держал на расстоянии. И при этом все его любили. Ну, может, не любили, а относились с симпатией, как я.

– Да, кстати, у Сенчукова с «Политиздатом» ничего не получится. – Веня повернулся ко мне. – Передай это ему.

Тон был пренебрежительный. Откуда Веня узнал о переходе?.. Олег Всеволодович не мог делиться с ним своими планами.

– Я не почта, чтобы передавать. – Венин голос мне не понравился, пренебрежение относилось и ко мне. – И вообще не понимаю тебя. Если человек уходит, зачем мешать? Вы ведь хотели, чтобы он уволился из Литконсультации, так?

Веня переглянулся с Попковым и Совушкой. Мстительная насмешливость скользнула по их лицам.

– Легко решил отделаться, – сказал Чачия.

Особенность гнилой интеллигенции – быть на сто-

роне тех, кого преследуют. Если бы я появился в ЛК, когда преследовал Сенчуков, я бы принял сторону Вени. Но я появился позже. И то, что Сенчуков, прини-мая меня на работу, имел в виду свои цели, было сейчас не важно.

На комплексные обеды я опоздал. Можно было сесть за столик и попросить ресторанное меню, но ждать, пока обслужат, долго, да и обед обойдётся до-рого. Я направился в Пестрый зал, взял бутерброды и актуальный весной салат из свежей капусты с зелёным луком. Здесь-то и подошёл ко мне застенчиво страдаю-щий Вася Сергеев.

Случилось это не сразу. С тарелкой бутербродов и чашкой кофе Вася сначала проследовал мимо, постоял, осматриваясь, словно не зная, куда сесть. По тому, как он всё это проделал, было ясно, место Вася выбрал, но не решается. Будто нечаянно взглянув на мой столик, он обрадовано колыхнулся своим полным телом в мою сторону.

– Не помешаю?..

Долго устраивался, менял местами тарелку и чашку с кофе, ерзал на стуле – всё это с опущенными глазами. Я молча ел. Сказанное как-то Веней о хо-зушнике, похоже, было правдой. Я заметил, вокруг Васи существовало некое поле, в котором старались не задерживаться. С ним разговаривали, но корот-ко, мимоходом, будто куда-то торопились. Несмело поднимая и опуская глаза, Вася вдруг заговорил об отчуждённости и трагическом одиночестве людей. Об агрессивном непонимании большинством всего, что выходит за пределы рутинных вещей. Это ужас-но. И очень приятно бывает встретить человека, который близок тебе по мировосприятию, хотя не афиширует это.

Опаньки! Я с интересом взглянул на Васю. Он гово-рил тихо, глаза были мученическими. Вася понимает, у меня свои предпочтения, что ж, дело вкуса, почему бы не мальчишки, но чем старше партнёр, тем опытней, тем больше радости может доставить. У детей нет той

глубины чувств, они как не выстоявшееся, не созрев-шее вино...

Голубые в ту пору были в редкость. По крайней мере, о них редко говорили. Я не знал, как себя вести. Ладно ещё, лесбиянки. Но когда мужик мужика...

– Откуда такая информация?

Вася осёкся, посмотрел испуганно.

– Разве не так?..

Я взял блюдечко с салатом и пересел за другой сто-лик. Противно, но не бить же за нетрадиционную ори-ентацияю.

Хотя за слова, что якобы я любитель малолетних, следовало бы.

12

Сначала по Арбату до ресторана «Прага» и одно-имённого кафе, потом направо вниз, перейти улицу у памятника жизнерадостно лукавому (времен «Ве-черов...») Гоголю – и далее по бульвару до станции метро «Кропоткинская». Не скажу, что воздух здесь даже в ту пору, когда машин в Москве было на поряд-ок меньше, отличался горной чистотой и свежестью, но всё же это не Смоленская площадь с её чадящими стадами. Алла старалась держаться прямо, однако живот, который теперь виден был даже под плащом, тянул вперёд, походка у жены стала утиной, вправо-влево, плечи откинута. На мою руку Алла опиралась довольно тяжело.

У «Кропоткинской» мы опять переходили улицу, де-лать это с беременной надо было осмотрительно и только на «зебре» – машины неслись как сумасшедшие. Иногда мы заходили в Пушкинский музей, бродили по простор-ным залам, но здесь Алле не хватало воздуха, а однаж-ды стало плохо у витрины с длинноволосой коричневой мумией с провалившимися глазницами и ощеренными зубами – и в музей мы заходить перестали.

Зато подолгу бродили у бассейна «Москва». Вода внизу парила, странно было видеть в апреле плаваю-

щих под открытым небом людей, и я рассказывал, как в Литинституте наш физкультурник и фотолетописец Иван Кириллович раздавал бесплатные абонементы на утренние часы. В «Москве» я впервые узнал, что такое сауна. На горячий рейчатый полоч не сядешь, пот стекает по телу ручьями, капает с опущенных рук, волосы на голове потрескивают, а у кого были кольца или перстни, те заранее их снимали, чтобы не обжечь пальцы. И как хорошо было потом поднырнуть под резиновый щит и оказаться в прохладной чистой воде среди белых кафельных берегов, какое удовольствие и освобождение!..

Алла рассказывала свои истории. Окрестности ей были хорошо знакомы, в детстве с Наташей они облазили все переулки поблизости. Здесь Алла училась в школе, ходила в танцевальный кружок при доме пионеров, играла во дворе в классики наполненной песком баночкой из-под гуталина. В их школе учились дети известных родителей, но они особо не выпендривались, хотя случалось по-разному. Как-то приехал в школу член Политбюро Полянский и при всех отчитал сына: это я Полянский, а не ты, что себе позволяешь!.. Покойная бабушка помнила времена, когда на месте бассейна стоял храм Христа Спасителя, там в очередь с другими священниками правил службы Аллин прадед. Потом храм взорвали, хотели построить на этом месте что-то советское, монументальное, но котлован под фундамент всё время заливали подземные воды, словно высшие силы были против, и от строительства пришлось отказаться. Комментировать это явление бабушка даже среди родных избегала, хотя особой набожностью не отличалась, выросла всё-таки в другое время.

В выходные дни мы выбирались в Сокольники или парк Горького. Часами гуляли по песчаным дорожкам в разводах весеннего дождя, на лавочках перекусывали приготовленными дома хозяйственной Аллой бутербродами, запивали чаем из термоса. Светило молодое солнце, на припёке было жарко, жена расстёгивала плащ, живот становился особенно заметным. Мы ста-

рались не удалятся от туалетов, ребёнок давил, Алле часто нужно было по-маленькому. Иногда к нам присоединялась Наташа со своим говорливым заикой мужем и четырёхлетней дочерью. Я с удивлением заметил, что Алла тяготится подругой, хотя старается это скрывать. Сдержанная досада то и дело проступала на её подурневшем, с набрякшими губами и носом лице. Странности беременной женщины?..

Пожалуй, так семейно родственными мы с женой ещё не были. После того, как Алла ушла в декретный отпуск, я стал жить на Смоленской, хотя вещи ещё не перевёз. С Аллой не спал. Мне казалось извращением трахать беременную женщину. К тому же неизвестно, как это может сказаться на ребёнке.

В моей жизни наступило удивительное время. Быть может, одно из самых полных и гармоничных. Я чувствовал себя вожаком, опекающим свою самку и будущего детёныша. Эта животная ответственность была приятной.

Я поступил так, как должен был поступить, и знать это тоже было приятно.

Папа, когда я ему сообщил, что Алле скоро рожать, отозвался в том духе, что наконец-то будет нормальная семья, меня вообще родили практически в войну. Я не стал папе говорить, что именно семья поставила крест на его писательских устремлениях. Об этом в те недели не думалось, да и глупо было – не против же я собственного рождения.

В «Кысе» Толстая иронизирует над клише «ничто не предвещало». Мне тоже казалось, жизнь теперь прочно и неколебимо сбалансирована: у меня есть работа, нормальные отношения с Аллой, скоро будет ребёнок. Конфликт в Литконсультации наконец-то иссяк, и это тоже было хорошо. Жаль, конечно, Олега Всеволодовича, чашу унижения ему пришлось испить до дна. Чачия оказался прав, его действительно не взяли в «Политиздат», пришлось остаться в ЛК в качестве рядового редактора. Сенчуков ушёл на больничный, с его контузией он мог сидеть на нём месяцами. Исполнять обя-

занности заведующей ЛК назначили Ольгу Григорьевну, она меня пока не трогала.

В общем, ничто не предвещало. Я решил, что в остальном тоже всё должно быть благополучно. Чёрт дёрнул пойти в издательство справиться о рукописи. Конечно, рано или поздно я узнал бы обо всём, но, продолжая тему писательских клише, счастливое неведение продлилось бы дольше. Сакко на этот раз встретил меня с озабоченной деловитостью:

– Ты у Юры Баранова был?

– Кто это?

– Старик, своего редактора надо знать, – без улыбки сказал Сакко. Нависающие над губами густые усы делали его дикцию не очень внятной. – Подойди к нему, может, рецензия уже пришла.

Я удивился:

– Что, по-новой отдали рецензировать?..

Мне казалось, рукопись достаточно прочесть новому редактору, назначенному вместо Ирины Фёдоровны. Зачем ещё раз рецензировать, и так уже две рецензии есть. Но Сакко думал иначе:

– Кашу маслом не испортишь.

И принялся что-то искать на столе. Я понял, разговор окончен.

Что ж, Баранов так Баранов. Я плохо знал сотрудников «Советского писателя», видел их только на общих собраниях. Тем более, что в издательстве появлялись всё новые люди, директор Пахоменко кардинально обновлял редакцию. Перемена в поведении Сакко меня не насторожила. Мало ли, может, задёргали человека. Заведование самой большой редакцией дело непростое.

Описывая одного из современников, Гиппиус заметила, что тот был бледен гнойной бледностью. Так же бледен был мой новый редактор. Клянусь, говорю не из неприязни, хотя сложно относиться с симпатией к человеку, сообщившему дурное.

– Читайте. – Баранов протянул несколько страниц рецензии.

Это был высокий молодой мужчина моего где-то

возраста, может, чуть старше. Кроме изжелта зеленоватой бледности запомнились длинные, доходящие до желваков редкие бакенбарды. Похоже, бичом Баранова в юности были угри, их следы угадывались на щеках. Сесть мне новый редактор не предложил, и я принялся читать рецензию стоя.

Средний уровень литературы в последнее десятилетие заметно вырос, писал рецензент, тому немало способствовало появление таких ярких и разных по своим творческим устремлениям прозаиков, как Юрий Казаков, Виталий Сёмин, Василий Шукшин, Юрий Трифонов, Василий Белов и ряд других писателей, которых принято именовать шестидесятниками. Поэтому, рассматривая рукопись начинающего автора, следует в первую очередь обращать внимание на то, насколько самобытно его дарование, что нового молодой писатель привносит в литературу. Только собственный, не заимствованный взгляд на мир способен обогатить литературу, а не повторять её зады. Книга должна стать явлением не только в биографии молодого писателя, но и в литературе. Именно тогда её издание бывает целесообразно и оправдано.

К сожалению, рассказы Юрия Руснака свидетельствуют об отсутствии у автора яркого самобытного дарования. Автор напоминает луну, отражающую чужой свет. Речь, разумеется, не о плагиате, а об отсутствии настоящего собственных, выношенных изобразительных средств, что, скорее всего, предопределено ограниченностью творческих возможностей Ю. Руснака... Далее рецензент допускал, что я из разряда медленно созревающих литераторов, со временем смогу проявить себя ярче и значительней. Однако в настоящий период времени издание сборника рассказов он считает преждевременным. «Ю. Руснаку предстоит многое переосмыслить в своей литературной работе, а это потребует сил и времени. Раньше чем через два-три года обращаться в издательство ему бессмысленно».

И подпись Бенедикта, любимца и однокашника Сенчукова.

Какое-то время я стоял и молчал. В голове было пусто. Потом спросил:

– И что теперь?

Баранов развёл руками, мне почему-то врезалась в память пластичность его движения.

– Ничем помочь не могу... Заберёте рукопись сразу или будете ждать редзаклучения?

– Вы балетом случайно не занимались?

Баранов, передавая папку с рассказами, удивлённо взглянул на меня. Остальные редакторы из-за своих столов тоже посмотрели в мою сторону.

– Я вас не понимаю, – сказал Баранов.

– И не понимай, хрен с тобой!

Выйдя из «Совписа», я швырнул папку в мусорный контейнер. Пошло оно всё!.. Тяжелее, чем отказы в редакциях, мне далось лишь одно событие в жизни – смерть мамы. Какого чёрта я бьюсь головой в стенку?! Столько унижений и зависимости! На кой хрен это надо?! Бенедикт скотина, но, может, всё-таки прав, не моё это дело, литература? И Ким по-пьянке тогда сказал...

Подражаться бы! Я с надеждой оглянулся вокруг, но кроме милиционера у посольства Норвегии никого поблизости не увидел.

По природе я тормоз, некоторые вещи доходят до меня с запозданием. Как теперь понимаю, Бенедикт был ни при чём, в издательстве только использовали его максимализм. Не он, так другой, забодать можно кого угодно, даже классика, говорю без преувеличения. Изощрённое иезуитство рецензентов позволяло это сделать. Судьба твоей книги, дорогой тормоз, решилась намного раньше! Сенчуков принял тебя в Литконсультацию против воли директора «Совписа», соответственно, ты стал человеком Сенчукова со всеми вытекающими последствиями. И ты ещё на что-то надеялся!..

Возможно, это событие ещё можно было как-то перетерпеть, ничего кардинально в жизни не меняя, если бы не сюрприз на Смоленской. Злой, загнанный, я открыл дверь, прошёл в маленькую комнату и, бросившись на диван, уткнулся носом в спинку. Никого

сейчас видеть не мог, Аллу в том числе. Нужно было как-то пережить несколько дней.

– Что-то случилось? – Алла появилась из большой комнаты, в руках у неё было вязание, к которому жена пристрастилась в последнее время.

Я зыркнул на неё и опять уткнулся лицом в диван. Алла, постояв немного, ушла. И тут раздался звонок. Ладно бы, обычный, а то человек за дверью вдавил кнопку до упора и так держал её, не отпуская. Меня подбросило. Что за скотство!.. Я выскочил в прихожую, рванул дверь на себя так, что едва не вырвал ручку.

– Чего надо?!

Передо мной стоял парень с дорожной сумкой в правой руке, левой он всё ещё давил на кнопку. Парень не ожидал такого приёма, улыбка исчезла с его лица.

– Алла здесь живёт, я не ошибся? – Он снял наконец руку со звонка, сунул её в карман плаща и, достав конверт, взглянул на него. – Вроде здесь... Вы кто?

– А ты кто? Чего ломишься?..

Я не знал, что происходит за моей спиной, но по лицу звонившего понял: он увидел Аллу. Парень опять улыбнулся, но на этот раз смущённо, должно быть, рассмотрел, что Алла беременна. Он коротко глянул на меня, потом опять на Аллу, что-то соображая. Этот парень походил на одного костромича, с которым я служил. Круглое лицо, острый нос, белёсые волосы и румянец во всю щёку.

– Вон оно что, – сказал он и направился к лифту.

– Стоять! – Я схватил его за плечо, дёрнул на себя. Парень мне не понравился. – Откуда знаешь мою жену?

Парень ухмыльнулся, оттолкнул руку и зашпешил к лестнице. Я бросился за ним, вцепился в плащ, но парень вырвался. Он оглянулся на испуганно застывшую в дверях квартиры Аллу, крикнул:

– Ага, лоха нашли! Приезжай... – И уже снизу, гулко мне: – Хорошая у тебя жена! Проверено!..

Я ринулся следом, но гипотетический костромич оказался проворней. Хлопнула дверь подъезда.

Сволочь!

Алла долго ни о чем не хотела рассказывать. За окнами сгорел закат, стемнело, а она всё отмалчивалась. Я не сторонник насилия над женщинами, но если бы Алла не была беременной, отлупил бы. Хотя виноват, в общем-то, сам. Уходя – уходи.

В конце концов выяснилось, да, с этим парнем Алла трахалась, когда отдыхала с Наташей и её мужем на море. Нет, писем она не писала, это мать. Испугалась, что Алла залетела, а делать аборт нельзя, отрицательный резус, детей может больше не быть. Предлагала Виктору московскую прописку. Не знает, может, просто была задержка. Нет, она не собиралась меня впутывать, сам остался после поминок на ночь. Чей ребёнок, не знает, может, мой, может, Виктора.

– Ну и сука твоя Наташка!.. – как всегда запоздало сообразил я, вспомнив лицо свидетельницы на поминках и то, что она вынудила заночевать у Аллы. Не хотел жить по-хорошему, так вот, рогоносец, получай, покроешь грех жены. – Чтоб я эту суку в нашем доме больше не видел!..

Зачем это сказал, сам не понимаю. Какой к чёрту «наш дом»!..

В этот же вечер я вернулся на Руставели. А на следующий день поехал в Литконсультацию и написал заявление на увольнение по собственному желанию.

Часть третья. Другая жизнь

1

Когда наша семья обитала в общежитии Легмаша, самое любимое для меня время было воскресенье до обеда. Потом предстояло готовить уроки на понедельник, а вот утро было целиком в моём распоряжении. Я просыпался с ощущением свободы и необязательности. Впереди были часы, когда можно заниматься чем

хочешь. Ощущение казалось гулким и просторным, как майский солнечный день. Неважно, была ли действительно весна или же стояла скоротечная слякотная черновицкая зима, когда минус пятнадцать на улице воспринималось, как всенародное бедствие.

Какое-то время я ещё валялся в постели, мечтал о чём-то неопределённо приятном. В коридоре изредка раздавались шаги, ещё реже голоса, люди уже проснулись, однако неспешная воскресная жизнь пока ограничивалась комнатами. Не то что в обычное утро, когда коридор гудел – взрослые волнами (рабочие к семи, итээровцы на час позже) шли на работу, а дети в школу. И в этом отсутствии звуков за дверью тоже ощущались свобода и необязательность выходного дня. Вскоре мечтать надоедало, я принимался развлекаться тем, что представлял, будто лежу не головой к окну, а наоборот, ногами. Значит, справа должна быть стена, слева полметра пространства и тёмный тыл шифоньера. Задача стояла настолько убедить себя в этом, чтобы, открыв глаза, какое-то время не понимать, где находишься.

Шифоньером моя постель была отгорожена от остальной комнаты. За ним находились круглый стол под длинной с кистями скатертью и кровать родителей с никелированными спинками. Стол в зависимости от ситуации служил нам то как обеденный, то как место, где я делал уроки, то на него водружалась швейная машинка, и мама что-нибудь строчила. Кровать с никелированными спинками особая тема. Случалось, я просыпался ночью от ритмичного поскрипывания, уже зная, что это такое. Мне было неприятно, что мои родители занимаются *этим*, особенно стыдно было за маму. Утром я старался заметить неловкость на их лицах, но родители вели себя как всегда, словно ничего не произошло. Я недоумевал. Среди общежитских пацанов и в школе отношение к таким вещам было как к чему-то желанному, но непристойному, а для женщин и девушек и вовсе позорному. Неслучайно девчонки оскорблённо бросали «Дурак!», если самые отвязанные из нас заговаривали об *этом* при них.

Ощущение свободы и необязательности воскресного утра усиливалось тем, что родителей, как правило, дома не оказывалось. У них был обычай ходить в этот день на Крытый рынок напротив областной филармонии. У сельских тёток с бесагами (перемётные торбы через плечо) покупалась зелень, овощи, свежие яйца, творог и густая сметана, в тесных магазинчиках по периметру Крытого рынка торговали говядиной, свиной и бараниной. Рядом находился полуподвальный, куда евреи приносили резать куриц со связанными жёлтыми чешуйчатыми лапами. Считалось, чем раньше на рынок придёшь, тем дешевле купишь, и выбор богаче. Так что папа с мамой поднимались как в обычный день и старались двигаться по комнате тихо, чтобы не разбудить меня.

Какое-то время я ещё валялся в постели, потом выходил в коридор, с независимым видом направлялся в туалет с кабинками, запирающимися изнутри на шпингалеты. Хуже всего в такой момент было столкнуться с кем-нибудь из девчонок, туалет был общий. Затем шёл в умывальник со сплошным длинным зеркалом над эмалированными раковинами. В этот день я не чистил зубы и по-настоящему не умывался, а лишь проводил мокрыми ладонями по глазам. В нашу комнату я возвращался вальяжной ковбойской походкой Юла Бриннера – в кинотеатре «Жовтень», бывшей синагоге, только что прошёл мировой фильм «Великолепная семерка». В коридоре с дверями по обеим сторонам витали сложные запахи, идущие из общей кухни в торце. Хозяйки неторопливо принимались за воскресный обед, пахло кипящим бульоном, жарящейся рыбой, сладким перцем гогошарами, чесноком. И это тоже было запахом необязательности и свободы.

К чему я всё это? Ощущение воскресного утра в общезнании Легмаша осталось в моём сознании, как идеал, мечта. Так, наверно, Адам и Ева вспоминали время, проведённое в Раю. Лет с двенадцати я стал сочинять, регулярно получал из редакций отлупы, переживал, мучился, пытался понять, что делаю не так, – мне ка-

залось, у меня выходило не хуже, чем у настоящих писателей, а может, и лучше. Прозрачность мира нарушилась, счастливого бездумного времени больше не стало. Сочинительский зуд совпал с половым созреванием, а это усугубляло дело. Я, если не кропал, пристроившись с листком бумаги за нашим круглым столом со скатертью до пола, то старался подметить «характерные детали в окружающей жизни» или запомнить меткое слово, прислушиваясь к разговорам знакомых и незнакомых людей. А то подыскивал сравнения предметам, выражениям лиц, движениям, жестам – так, как учили рецензенты и книга «Писатели о литературном творчестве», которую на день рождения подарил папа. Из-за своей графомании я перестал жить, как живут остальные люди. Ни тогда, ни позже я так и не научился играть на гитаре, в шахматы, в преферанс, – мне жаль было тратить на это время. Если бы родители разрешили, бросил бы школу, а только бы читал и сочинял.

У хорошего ленинградского писателя Глеба Горышина есть рассказ о том, как молодой писатель едет в электричке. Ещё на платформе он заметил девушку, та тоже обратила на него внимание, между ними возможно чувство, но в этой же электричке едет то ли заведующий отделом прозы толстого журнала, то ли просто редактор. Девушка в вагоне посматривает на молодого писателя, но у того в журнале лежит повесть, и он по первому кивку подсаживается к редактору. Надеется, что тот поможет пробить повесть. Начинается пустой дорожный разговор, девушка выходит на своей остановке, молодой писатель никогда её больше не увидит, редактор с публикацией не помог.

Это к тому, с чем я оказался к тридцати годам. Ни семьи, ни настоящей работы, ни собственной книги, которая оправдывала бы отсутствие того и другого. Один напечатанный в «Юности» рассказ. Негусто. Я тянул пустышку, как сказал бы герой популярного телесериала о сыщиках.

На этот раз зализывать раны в Черновцы я не поехал – что скажу папе? Он-то считает, всё у меня благополучно. Решение уйти из Литконсультации и от Аллы было эмо-

циональным, но правильным. Сомнительное отцовство и отказ в «Совписе» стали лишь детонатором. Я больше не хотел иметь ничего общего с миром, где столько несправедливости и грязи. Говорю не только о ЛК, а о литературном мире вообще. Да и к чему эта каторга, все безрезультатные потуги, если можно вернуться в дографоманские времена, где свобода и необязательность. Буду жить обычной жизнью, как Генка, например. Счастливый человек. Отработал смену, расслабился с мужиками, ни перед кем не унижается, а зарплата не только хорошая, но и гарантированная. Я не иронизирую, я серьёзно.

С Генкой и заговорил о работе в бригаде грузчиков. Надо было на что-то жить. Генка не удивился.

– Подходи завтра в семь на проходную. С бугром познакомлю. Пузырь купи.

– Утром или вечером?

– Ты чего? – Хозяин взглянул на меня, как на неразумное дитя. – Кто такие дела с утра делает?.. После работы.

Одобрила мое решение и Маша.

– Может, так будет лучше. И вообще... – При этом она задержала на мне взгляд.

Полностью о ситуации с Аллиной беременностью я ей рассказывать не стал, но хозяйка, похоже, о чём-то догадывалась. Несколько дней после моего возвращения со Смоленской она была сдержана, почти со мной не разговаривала, но я улучил момент, когда никого в квартире не было, обнял, поцеловал в губы, хотя Маша отводила в сторону недовольное лицо. «Чёрт! – наконец сказала она и стукнула меня кулаком по спине. – Переживай из-за него! Совести у тебя нет. Даже девки на работе заметили».

Да уж, мы отвечаем за тех, кого приручаем.

Генкин бригадир оказался мужиком с претензией. Жевал мундштук беломорины, щурил глаза, знакомясь, руки не подал. Меня стал называть молодым человеком.

– Чего к нам? Ты вроде как институт закончил.

– Долго рассказывать.

Я рассматривал бригадира с интересом. Колорит-

ный тип. Это с интеллигентом надо пуд соли съесть, чтобы понять, что из себя представляет, а простые люди, как правило, все на виду.

– Ну-ну, – сказал бригадир и затянулся беломориной. Неясно было, то ли одобряет мой сдержанный ответ, то ли недоволен. Может, то и другое вместе. На пальцах его правой руки синели буквы «Вова», на кисти поднималось солнце с расходящимися лучами. – Я, молодой человек, в свою бригаду не каждого беру, это надо понимать. Говорил тебе Генка, нет – не знаю.

Бригадиру явно хотелось выглядеть начальником.

– Понимаю, – сказал я.

– У нас пахать надо. И не выступать в случае чего.

– Усёк.

Стоявший рядом Генка встрял:

– Хорош тебе!.. Он работал на комбинате, знает.

– Где работал?

– В тарном цеху.

– Тарный цех! Тарный цех одно дело, у нас... Ладно, пошли.

Я повёл бригадира и Генку в буфет при столовой возле общежития Литинститута. Когда учился, мы порой ходили сюда с ребятами по утрам похмеляться «Жигулёвским». Водку распивать в буфете не разрешалось, но все распивали, хотя и с оглядкой. За порядком здесь следил пожилой гермафродит Миша с морщинистым, лишённым растительности лицом.

– О, коленвал! – одобрил мой выбор Генка, опуская на высокий стол три бутылки пива. Буквы в слове «водка» на бело-зелёной этикетке располагались одна выше, другая ниже, отсюда народное название. – С пивом нормальное бухло, сшибает с ног не хуже атомной бомбы!..

Бригадир промолчал. Не терял он достоинства и позе, когда мы пили пиво, добавляя в гранёные стаканы водку. Правда, молодым человеком называть перестал. Мне завтра следовало идти в контору Моспогруза в Марьиной роще, бригадир позвонит, скажет, что берёт к себе. Была одна закавыка, в конторе могли заупрямиться – высшее образование. Не для того государство тратило

деньги на мою учёбу, чтобы я занимался неквалифицированным трудом. Но бригадир Вова знающе усмехнулся, посоветовал не показывать диплом – это само собой, – надо ещё сказать, что потерял трудовую книжку. А то в ней запись, что учился в институте.

– Голова! – Нарушая субординацию, стукнул я стаканом о Вовин стакан.

– Бугор, сам понимаешь, – поддержал Генка. – В нашу бригаду, типа, конкурс – хорошо живём. А всё он!..

– Кончай базар. – Вова заиграл желваками. Однако, чувствовалось, был польщён.

Без пятнадцати восемь гермафродит Миша стал требовать освободить помещение. Его никто не слушался, пока не появились два милиционера. Все потянулись из буфета. Прощаясь у крыльца, бригадир с серьёзным лицом взял под козырёк. Генка засмеялся:

– Ты чего, к пустой голове!.. Это американцы без годовного убора честь отдают!

Не ответив, Вова повернулся и, твёрдо ступая, ушёл в летние сумерки.

– Нормальный мужик, – сказал Генка, – но небольшой прибабах имеется. Понты любит. Вроде как в авторитете, зону топтал.

Я крепко потёр ладонями лицо. Пиво с водкой оглушило, все звуки доносились, будто сквозь воду. Генка оглянулся на дверь, за которой раздавался крикливый голос гермафродита Миши.

– Пошли, а то в ментовку загребут. Им план выполнять надо.

Я глупо засмеялся:

– Вот это нам ни к чему! Совершенно!.. – Я был пьян, однако понимал, что нужно привыкать к новому социальному статусу. Запросто могут забрать в вытрезвитель. Здесь не ЦДЛ, теперь я работяга, гегемон. Мысль об этом веселила. – Чувствуешь, тополиным пухом пахнет?.. Нет, ты принюхайся внимательно, принюхайся!

Полоски тополиного пуха размыто светились вдоль бордюра. Странно, но только сейчас я обратил на них внимание. Деревья вокруг уходили кронами в небо, те-

рялись в темноте. Рядом носились мальчишки и поджигали тополиный пух. Стремительные огоньки бежали вдоль бордюра, напоминая горящий бикфордов шнур. Всё вокруг казалось нереальным, в мире произошёл непонятный сдвиг, заставлявший всему удивляться.

– Пахнет, пахнет, – согласился Генка. – Пошли, а то точно загребут. Это у ментов запросто.

2

Работа грузчика – не вилки в охотку рубить на пустном поле под Серпуховом. И даже не работа фрезеровщика, когда всю смену на ногах, крутишь рукоятки станка и обязательно надо следить, чтобы не сбился размер и чтобы эмульсия шла строго в зону резания.

Первые недели полторы я очень устал. На комбинате дотянуть смену помогал допинг (так мужики в бригаде называли бутылку на троих), а после работы я приходил домой и сразу падал на кровать. Мышцы болели так, словно меня со знанием дела избили. Какое-то время спал глухим тяжёлым сном и лишь потом мог себя чувствовать более или менее сносно. Маша как-то намекнула, что пора бы сходить на Дмитровское шоссе, но я сделал вид, что не понял. В те первые дни работы у меня даже мысли ни о чём таком не возникало.

Народ в бригаде подобрался самобытный. Дальше выпивки интересы большинства, правда, не распространялись, но их независимости можно было позавидовать, на Легмаше рабочие осторожней. Для комбинатовских грузчиков авторитетов не существовало.

– Какой на хер Брежнев мне товарищ!.. – громко заявил как-то Толик Такташев, когда мы стучали в раздевалке в домино. Несколько минут назад была разгружена фура с молочными бутылками, другая ещё не подошла, футболка на мне была хоть отжимай. Динамик на шкафчике для одежды торжественно вещал о четвёртой Золотой звезде Героя, которой награждён Генеральный секретарь ЦК КПСС товарищ Леонид Ильич Брежнев.

Такташеву, хотя все звали его Толиком, было под пятьдесят, он жилист, худ, на месте щёк провалы, но вынослив как чёрт. Жена от него из-за пьянок ушла, но Толика это не трогало. «С моей зарплатой меня любая баба возьмёт!..» – заявил он после стакана водки в мой первый день в бригаде, чем сразу и запомнился.

– В гробу я Лёньку видел в белых тапочках! Таких товарищей, как он, в Китае полтора миллиарда!..

В самом деле, чего ему было бояться? Не посадят, не сталинские времена. Из грузчиков тоже не попрут – кто работать будет?

– Спиногрызы, бля, – вставил слово татарин Витька Семёнов, белотелый, с рельефной мускулатурой. Он обычно работал по пояс голый и называл себя крестником Ивана Грозного. – Во гадство, бутылки всю смену идут!.. Бугор, сахар сегодня будет?

Бригадир Вова, гоняя беломорину из одного угла рта в другой, не отрывал глаз от костяшек в руке. С усмешкой спросил, не поднимая головы:

– Что, клиента нашёл?

Он работал наравне со всеми, но ходил в аккуратном синем комбинезоне, из нагрудного кармана которого торчала авторучка.

– А чего? – сделал вид, что не понимает, татарин. – Допинг на свои покупать, да?

Вова не ответил. Если грузчики и загоняли мешок сахара кому-нибудь за забор комбината, так только с его согласия. У него были какие-то свои отношения с кладовщиками, которые принимали грузы и закрывали нам наряды. Я не видел, чтобы бригадир кого-нибудь пальцем тронул, но его побаивались. Харизма. А может, и в самом деле сидел. Не дожидаясь ответа на свой риторический вопрос, Витька Семёнов изо всей силы саданул костяшками по столу. Но молча.

Отдыхать долго не получалось. Пустые бутылки в ящиках из прочной гнутой проволоки, мешки с сухим молоком, сахаром, изюмом, рулоны плотной бумаги с припрессованной целлофановой плёнкой для молочных пакетов, фольга для сладких сырков и многое дру-

гое поступало на комбинат непрерывно. Всё это надо было разгружать. Порой мешок с изюмом как бы случайно разрывался, его содержимое куда-то мгновенно исчезало, грузчики над пустым мешком дурашливо разводили руками: «Брутто – тута, нетто – нету!..» Меня тянуло заглянуть в тарный цех, но из-за постоянной загруженности не выходило. Хотелось увидеть девчонок, с которыми раньше работал, перекинуться словом, похохмить. Встретить некоторых из них мне всё-таки удалось, но уже после смены.

В киоске у проходной в это время обычно продавалась некондиция: сырки, сливки, молоко в помятых упаковках – то, что не брали магазины. Собиралась очередь, некондицию продавали дешево. Там я и увидел Галю Шуртакову и её сестру Валю.

– Ты опять у нас? – окликнула Галя.

– Вроде того, – ответил я, подходя. – Привет. Ну, даёте, настоящие москвички, с ходу не узнаешь!..

Девчата одеты были в самом деле хорошо, по моде, не скажешь, что из деревни. Макияж опять же, делавший их лица по-кукольному красивыми.

– А то! – довольно засмеялась Галя.

Она черноглазая, бойкая, Валя – та молчаливая, с медленным взглядом, совсем не похожая на сестру. Во время моего первого захода на молочный комбинат мы с ней несколько раз целовались в сквере, но в общезнание ко мне Валя так и не пошла.

– Как живем-можем, девицы-красавицы? Рассказали бы, вон сколько не виделись, – принялся балагурить я. – Новостей, небось, целый мешок, выкладывайте!

– Кто девушки, а кто замужние женщины, – сказала Галя и стрельнула глазами.

– Ну, долго гадать не надо кто. Поздравляю с законным браком!

Галя ответила неожиданное:

– Особо поздравлять не с чем.

– Как так? Первый раз вижу женщину, которая не довольна, что вышла замуж!..

Выяснилось, замуж-то Галя вышла, но свекровь

не желает, чтобы она жила в её квартире. Хотела в известки москвичку, а не лимитчицу. Снимать квартиру у Гали с мужем тоже не получается, дорого. Так и живут, он у себя, она в общежитии.

– Ну и понты у твоей свекрови! Муж у тебя что, профессорский сынок?

– Какой там, электриком работает! А свекровь мастер у нас на комбинате.

– Тогда не врубаюсь.

– Ты это ей скажи.

– И скажу! Где она, давай сюда!..

Я балагурил с Галей, а сам всё время чувствовал, что Валя рядом. Столько времени прошло, но до сих пор было перед ней неловко. У меня всегда так с женщинами, с которыми хотя бы просто целовался. Словно наобещал и не выполнил, обманул.

– Кадрёж? – поинтересовался Генка. Он задержался в раздевалке, от него уже несло свежаком. – Девчата, айда с нами! Примем на грудь, пообщаемся!..

Сёстры, смеясь, не соглашались, дескать, дела.

– Это вы зря. Я от чистого сердца... Ладно, как хотите, мы тогда сами. – И Генка добавил, ухватив за локоть и отводя меня от девчонок: – А чего дома делать, верно? Машка опять начнёт бочку катить. Не понимает, мужику надо расслабиться. Эти блядские мешки-ящики до сих пор в глазах мельтешат!

С Генкой мы после работы часто наведывались или в столовую возле общежития Литинститута, или покупали выпивку в ближнем гастрономе и располагались на детской площадке во дворе. Хозяин употреблял всё, кроме стеклоочистителя. Порой к нам присоединялись Толик Такташев или кто-нибудь ещё из бригады. Выпив, Генка становился разговорчивым, принимался рассказывать, как служил на атомной подводной лодке, как ходил подо льдами в автономку к Северному полюсу. Я интересовался, правда ли, что подводники быстро лысеют. «Это смотря кто, – солидно отвечал Генка. – Офицеры и сундуки, ну, мичмана по-нашему, те да, к новой звёздочке уже с лысиной. Радиация. А срочники

– как повезёт, какая бэээ. Я, смотри, хоть бы хрен! – Генка тряс своим густым чёрным чубом. – Вся шерсть на месте!..» – «А как с этим делом? Стоит?» – «Нормально! – после небольшой паузы отвечал Генка и твёрдо смотрел в глаза. – У меня – нормально!»

Я иной раз задумывался, какая всё же это неимоверная удача, жизнь каждого из нас. Миллионы сперматозоидов ринулись к яйцеклетке, а повезло именно тебе, раньше всех успел ввинтиться. И не вычистили, и беременность у матери прошла хорошо, и роды. Опять же не даун, не умер в детстве от скарлатины или дифтерита, вырос в нормального взрослого человека. Единственно не знаешь, для чего всё это. Гоголь считал, жизнь для того, чтобы выполнить высокое Божье предназначение. Торнтон Уайлдер в «Теофиле Норте» уже соглашался на меньшее, на передаточное звено – отстучать далее по цепочке информацию, полученную из соседней камеры. И не стремиться понять, что она значит. Заложен ли в стуке смысл? Есть ли в наборе генов, переходящем из поколения в поколение, то, что оправдывает нашу жизнь?.. Я где-то читал, Эйнштейн после того, как открыл свою теорию относительности, жил впустую – искал Универсальную Закономерность Космоса. Вот так. Когда учёные поднялись на Вершину, там уже сидели клирики.

В юности над смыслом происходящего не задумываешься. Молодой хмель всё расцветивает, делает жизнь интересной саму по себе. С возрастом повседневность притушёвывает интерес, забирает радость. И ты пьёшь, чтобы вновь ощутить её и удивиться. Хотя бы так. Не для того же родился, чтобы таскать мешки и ящики. Генкина пьянка и есть прорыв из будней во что-то иное. Точнее, попытка прорыва. Смысла жизни не открывает, но делает её не такой безрадостно пустой. Хотя бы на время. И ладно, что потом лопух на могиле вырастет.

Так я размышлял, распивая с хозяином, Толиком Такташевым или крещёным татаринком Семёновым бутылку на детской площадке или в буфете при столовой. И эти мужики становились мне близки и понятны,

как братья. Я догадывался, Машу тоже не устраивала повседневная жизнь, она была ей тесна. Не блядь же Маша по призванию, нормальная женщина, и ей нужен был выход из обыденности. Может, потому и возникли наши отношения. Хотя, наверно, ещё потому, что лукавил Генка, служба на атомной подлодке вряд ли прошла даром.

Под влиянием винных паров мне становилось жалко всех, себя тоже. Братья и сёстры во Бахусе.

3

– Юр, пойдёшь на концерт? – предложила однажды хозяйка.

Она только что в своей комнате выясняла отношения с Генкой. Судя по всему, выговаривала, тот опять явился домой поддатый. Я пить с хозяином на этот раз после работы не стал – каждый день надоедало, – лежал в своей комнате и читал.

– Что за концерт?

– В цехе распространяли, я взяла два билета, а этот не хочет. – Маша мотнула головой в сторону комнаты. – Харю залить всегда пожалуйста, а культурно провести время – нет его!..

Машин праведный гнев показался мне несколько наигранным.

– Скажи всё-таки, что за концерт?

– Эстрадный!.. В субботу, как раз выходной, у вас с Генкой тоже. И ехать далеко не надо, в Останкино... Выручай хоть ты, а то билет пропадёт!

– Ну, если выручить... – Я вопросительно посмотрел на Машу. Всё-таки Генка муж, ему полагается с ней ходить по концертам, по-другому подозрительно.

Хозяйка молча махнула рукой – ну его!.. Видеть такое пренебрежение к Генке мне почему-то было неприятно.

Я согласился.

Но попали мы в тот раз не на концерт, а в милицию.

Начиналось всё, можно сказать, празднично. В субботу с утра Маша пошла в парикмахерскую, сделала при-

чёску, а перед выходом подкрасилась и надушилась. Я тоже старался соответствовать – навёл на брюках стрелки, надел лучшую рубашку. Последний раз на эстрадном концерте я был несколько лет назад в Черновцах. Ежи Полонский, Радмила Караклаич, Карел Готт, из наших Муслим Магомаев, Вадим Мулерман, молодая Пугачёва – люди, не побывать на концертах которых считалось в нашей компании самодеятельных сочинителей неприличным. Градус моего интереса к эстраде с тех пор основательно упал, однако всё равно было любопытно. Многого ожидать, конечно, не следовало, останкинский парк не лучшая московская площадка, но всё же.

За час до начала мы с Машей шли дубовой рощей в сторону останкинского парка. Стояла середина августа, в воздухе будто висела мелкая золотистая пыль. Лето, устав от себя, катилось к финишу. Впереди высилась телебашня, слева горел на солнце стеклянный параллелепипед телецентра, громаду которого скрадывало расстояние. Пахло дубовыми листьями, срезанной травой, бензином от недавно работавшей косилки. Мне нравились здешние асфальтированные дорожки, стоящие купами и поодиночке старые деревья. Маша взяла меня под руку.

– Женщине надо куда-нибудь выходить, а Генка не понимает. Вроде муж у меня есть – и нету его... – Хозяйка засмеялась. – Юр, а я знала, Генка на концерт не пойдёт. Ему бы козла с мужиками с утра до вечера забивать!..

Я искоса взглянул на неё.

– Хитрая, однако.

– С вами станешь. – Маша прижалась к моей руке грудью. – Юр, я соскучилась.

В последнее время нам редко удавалось трахнуть. Иван Калистратович и Димка, как в прошлом году, закатились на всё лето в деревню, я пришёл в норму, уже не так уставал, но мешало то, что работали мы с Генкой в одну смену. И что-то ещё, досадное, неприятное, пока чётко не оформившееся у меня в голове.

– Прикоснулась к тебе – и уже мокрая... Правда.

Я тоже хотел Машу. Подкрашенная, с причёской, она выглядела привлекательно.

- Что предлагаете, мадам? Прямо здесь?
- Скажешь тоже!..

Маша толкнула меня в бок, но сама оглянулась во круг, будто прикидывала, где можно устроиться. Пришлось заговорить о том, что могло отвлечь от дурных мыслей. Мне это давно не давало покоя. Полагалось бы съездить к Алле, посмотреть на ребёнка, ему должно быть уже месяца два-три. Может, всё-таки похож на меня. Всё это время на Смоленскую я не звонил, и мне не звонили. В своём поступке я не раскаивался, но получалось тоже как-то нехорошо, не по-человечески.

– Погоди, – сказала вдруг Маша и остановилась. Она меня не слушала. – Видишь кусты?

Неподалёку от гигантского конусоподобного основания телебашни виднелась куртина декоративного кустарника, довольно высокого и густого.

- Вон те?
- Пошли.
- Ты серьёзно?..

Маша не ответила. Не выпуская моей руки, потянула с дорожки на стриженую траву и двинулась напрямик к куртине. Я посмотрел по сторонам. Нельзя сказать, что дубовая роща была полна народа, но гуляющие всё же имелись. И на газонах лежали любители загара, подставляя уходящему солнцу голые тела.

– Сумасшедшая, – вполголоса сказал я. – Ты хоть не беги так, а то догадаются...

Мне всё-таки удалось сдержать Машу, к куртине мы приблизились почти прогулочным шагом. Я тоже завёлся, но нам всё же хватило выдержки обойти куртину с другой стороны, чтобы не так очевидны были наши намерения. Сознание, досаждавшее в последнее время, что поступаю нехорошо, в эти минуты куда-то улетучилось.

Не помню, как мы оказались в кустах. Последовавшее затем острое счастье лицом в Машину причёску и редкую, пахнущую землёй траву, было стремительным. Маша, вскрикнув, успела кончить тоже.

– Подожди, – слабым голосом сказала она. Её руки бессильно соскользнули с моей спины. – Побудь там...

Некоторое время мы лежали неподвижно. И меньше всего ожидали, что сзади зашуршат ветки.

– И чего их сюда всех тянет, а, Егоров?.. – В мужском голосе было насмешливое удивление. – Будто здесь мёдом намазано.

Я быстро повернул голову. Влипли!..

– Нашли место. Вставайте... Ну что, особое приглашение требуется?

Говорил пожилой милиционер с брюшком, этакий благополучный отец семейства. Смотрел он на нас с будничной деловитостью. За ним виднелась голова в фуражке и голубая форменная рубашка ещё одного милиционера, помоложе.

Я медленно поднялся, стараясь заслонить собой Машу. Она села на редкой траве, потянула вниз подол платья и сердито сказала, приходя в себя:

– Чего уставились? Женщины не видели?

– Ну, такого добра... – хмыкнул пожилой милиционер. На его погонах виднелись старшинские продольные полосы. – Вставай, пошли.

– Это куда я должна идти? – сварливо сказала Маша.

Милиционер был настроен добродушно:

– С трёх раз угадай. Куда таких, как ты, водят?.. Не знаешь, скажу – в отделение.

Надо было что-то срочно предпринимать. Отделение это выяснение личности, протокол, телега на работу. Я-то ладно, но Маша, замужняя женщина...

– Командир, может, договоримся? – сказал я, когда наш квартет выбрался из кустов. – Червонец с меня, и разбежались... Сам понимаешь, бывает, чёрт попутал.

Старшина усмешливо переглянулся с напарником.

– В отделении договоришься, правильно, Егоров?.. И не вздумай убежать, бабу всё равно поймает.

В отделении милиции пахло, как в армейской караулке – плохо проветренным помещением и затоптанными полами. В комнате дежурного, куда нас привели, на длинной лавке сидел парень в рубашке с оторванным рукавом. Под глазом у него наливался кровоподтёк.

– Опять ты здесь, – сказал старшина и дал парню крепкий подзатыльник.

Голова у того дернулась.

– Я первый раз...

– И чтоб в последний. – Молчавший до сих пор Егоров тоже ударил парня. – Профилактика.

За барьером что-то писал старший лейтенант. Он вскинул на старшину глаза и, вскользь взглянув на меня и Машу, мотнул подбородком:

– Чего они?

– Кувыркались возле башни. Совсем обнаглели... А на вид вроде порядочные.

Дежурный принялся стучать колпачком авторучки по столу. Он вытянул губы трубочкой и раздумчиво скопил глаза в сторону.

– Пятнадцать суток за нарушение общественного порядка в особо циничной форме. Это как минимум, – сказал он. – Предъявите документы, граждане.

Может, милиционер пугал, а может, нам с Машей и в самом деле светили пятнадцать суток. Я торопливо соображал. Сказать, что выпускник Литинститута, вдруг поможет?.. С грузчиком церемониться не станут.

– Какие документы? Мы с женой на концерт шли, кто документы с собой на концерт берёт?

– Шли, но не дошли, – скучно констатировал старший лейтенант. – Содержимое карманов на стол. Из дамской сумочки тоже... Старшина, давай понятых.

Маша с презрительным видом вытряхнула из сумочки косметичку, губную помаду, платочек, ключи от квартиры. Тюбик помады покатился по столу и упал на пол. Всё время, пока нас вели в отделение, Маша молчала – видимо, осознавала ситуацию. Но плакать и уговаривать милиционеров, похоже, не собиралась.

– Зэмляк, вы ж розумиетэ, усякэ у жытти бувае. Мы з жинкою щэ молоді, кров заграла, нэ втрымалысь...

Я мог и ошибиться, дежурный не украинец, а откуда-нибудь с юга России. Там тоже «гакают» и после «ц» вместо разговорного «ы» произносят «и». Но по-

пытаться стоило, авось. И обязательно на «вы», это к русскому старшине можно на «ты», не оскорбится.

Старший лейтенант быстро повернул ко мне голову, взглянул со сдержанным удивлением. Почти одновременно на его лице появилось нечто высокомерно начальственное, почти презрительное. Хохол, точно!.. Мои земляки похожи на среднеазиатов – ты для них или подчинённый, или начальник, заискивай или демонстрируй надменность. Это когда между собой.

– Вы что, маленькие дети? Не понимаете, что делаете? – До «мовы» земляк не опустил. – Как так можно! Взрослые ж люди!..

И он принялся отчитывать нас, глядя в основном на меня. Это был хороший знак. Я слушал, опустив голову. Пусть исполнит ритуал. Затем покаянно приложил руку к груди.

– Вынэн, товариш старший лейтенант, выбачтэ. Згодэн, нэ трэба було цього робыты, алэ ж... Шчо казаты, вынни! Тут така справа... – Я подался к старлею через барьер, приглушил голос. Надо было ковать железо, пока не вернулись старшина и Егоров с понятыми. – В мэнэ сьогодні дэнь народжэння. Выпыйте, будь ласка, за мое здоровья чарку доброго коньяку. Писля службы, зрозумило... Цэ выпадково трапылось, чэснэ слово!

И я положил на стол деньги.

– Это ж подумать только, взрослые люди! – продолжал горячиться дежурный. Он словно не замечал денег. – Безобразие!.. Какой пример вы гражданам показываете? А детям? Они тоже в роце гуляют!.. Немедленно убирайтесь отсюда! Чтоб я вас больше не видел! Чтобы духа вашего здесь не было!..

Я сгребал Машины причиндалы в сумочку и смиренно бормотал:

– Дякую, дякую...

Добрых полчаса мы сидели затем на лавочке возле Останкинского дворца. Приходили в себя. Маша то смеялась, то едва не пускала слезу. Уже смеркалось.

– Кошмар, что бы я Генке сказала?! Мужняя жена, вот весело было бы!.. Ты землю-то на брюках ототри. – Она показала на мои испачканные в кустах колени,

затем поднесла руки к голове. – Как причёска, нормально? Тьфу ты, чёрт, залезла!.. – Хозяйка стала выпутывать из волос травинку, засмеялась: – Ну ты и хохол! Выкрутился!..

– Бывает, – скромно потупился я. – Нечасто, но бывает.

Следовало бы зайти куда-нибудь в кафе, снять стресс, но все деньги я оставил в отделении.

– Так что, идём на концерт или как?

– А зря я, что ли. билеты покупала?!

Машиному присутствию духа можно было позавидовать. Есть, есть женщины в русских селеньях!.. Чем-то они с Аллой схожи. Почему меня к таким тянет? Самому твёрдости и уверенности в себе не хватает?..

К началу концерта мы не успели, но особо жалеть не стоило. Концерт был так себе, сборная солянка. В Черновцах подобные ВИА не котируются. Запомнилось разве что степень волосатости лабухов: патлатая гитара-соло, залысины ритм-гитары и полностью лысый бас-гитарист. Волосатость соответствовала вкладу в мелодию.

Свой нордический характер хозяйка продемонстрировала ещё раз после концерта.

– Ты как? – спросил я и кивнул в тёмную глубь парка. Я уже знал, что это у нас в последний раз.

– Запросто! – сказала Маша.

На этот раз всё произошло стоя и без вмешательства милиции.

Наш ответ Чемберлену!..

4

– Твоя Алла что, слониха? – неожиданно спрашивает среди разговора папа.

– В смысле? – не понимаю я. В трубке слышно шуршание и потрескивание тысяч километров между нами.

– Это слонихи полтора года ходят беременные, а женщине давно пора родить. Я всё жду, когда поздравите с внуком или внучкой, а от вас ни слуху, ни духу.

Я представляю папин усмешливый прищур, за которым он старается скрыть недовольство. Моё поведение в самом деле трудно назвать безупречным. Уже ради того, чтобы не было таких вопросов, следовало съездить на Смоленскую и всё узнать.

– Разве я тебе не говорил? – прикидываюсь я шлангом. Чтобы выиграть время, переключив трубку из руки в руку, прижимаю к другому уху и наугад ляпаю: – Девочка, три шестьсот. Длина пятьдесят один сантиметр.

– С именем определились?

– Пока думаем.

– Что-нибудь на примете есть?

– Есть. Но Аллины родители...

– Понимаю. – И я опять вижу папину усмешку, на этот раз юмористическую. – Жизнь примака имеет свою специфику...

Хорошо ещё, что обычно звоню я – из Черновцов в Москву дозвониться трудно. Иначе держать папу в неведении было бы невозможно, он считает, что говорю со Смоленской. Не хочу, чтобы знал, что с Аллой я не живу и уволился из Литконсультации. Пусть думает, что у меня всё хорошо.

– Появилась возможность подскочить в Москву на пару дней. Сам увижу вашу наследницу. А то, смотрю, её от меня прячут...

Я напрягаюсь.

– Ты когда приедешь?

– Скорее всего, в понедельник. Я дам телеграмму.

В понедельник, думаю я после разговора. Сегодня среда, четыре дня осталось. Я набираю Аллин номер, долго никто не берёт трубку. Папин приезд ставит всё с ног на голову. Я уже не могу себе позволить роскошь быть оскорблённым мужем. Сейчас я собака с поджатым хвостом, должен просить Аллу делать при папе вид, что у нас всё нормально. Вопрос, захочет ли Алла, ведь это мои проблемы.

Никак не могу выйти из-под папиной власти. Она как дополнение к любви. Папин авторитет заставляет к чему-то стремиться, достигать, но и давит, подспудно

тяготит. Или пошло оно всё к черту? Ну, не получилось из меня ни писателя, ни нормального мужа, надо поставить папу перед фактом. Конечно, удар по его надеждам и самолюбию, но сыном-то я в любом случае остаюсь.

– Вас слушают, – приглушённый тёщин голос в трубке. Эта министерская выучка, «вас слушают».

– Здравствуйте, Валентина Григорьевна. Я хотел бы поговорить с Аллой.

– Они с Катенькой спят.

И выжидательная пауза. Ни радости, что я звоню, ни особой неприязни. Этакая отстранённость, ваши отношения меня мало касаются, у меня есть Катенька.

Ага, девочка, отмечаю про себя, угадал!.. Инженер человеческих душ, я знаю, чем расположить тёщу.

– Валентина Григорьевна, я собираюсь завтра привезти детскую коляску. И вообще хотел бы помочь деньгами. У меня сейчас хорошая работа, есть такая возможность... – И ещё несколько туманных фраз о том, что люди меняются и, оглядываясь назад, видят, что поступали порой опрометчиво, сгоряча. Я почти каюсь.

– Хорошо, Юра, я скажу Алле, когда проснётся. Знаете, она так устаёт, – в голосе тёщи доверительность, словами о деньгах я, похоже, растопил сердце коренной москвички. – Катенька перепутала день с ночью, такая беспокойная. Я специально взяла отпуск, чтобы помогать. Но это ничего, все родители через подобное проходят. Алла нам тоже нелегко досталась...

Положив трубку, я какое-то время стою в коридоре. На душе отвратно. Не знаю, смогу ли сейчас заснуть, а надо. Сегодня в ночную.

Мое провинциальное прошлое заставляет после смены направиться в центральный «Детский мир» на площади Дзержинского. Приезжие считают, там проще купить, что нужно, чаще «выкидывают». Глаза у меня после бессонной ночи слезятся, соображаю я туго. Работы в ночную смену обычно меньше, но бригада сейчас неполная, несколько человек в отпуске. Так что заняты мы под завязку, вздремнуть в раздевалке не удалось.

Мне везёт, на первом этаже продают гэдэеровские

коляски. Считается, они самые лучшие. Я занимаю очередь, чтобы попасть в отдел. Толкотня, от плащей и курток удушливое испарение – всю ночь на улице шёл дождь, идёт и сейчас. Октябрь. Вдоль очереди неторопливо двигается какой-то молодой мужчина. Этаким сангвиник с внимательным взглядом. Я в конце концов соображаю, что это Стёпа Хмелик собственной персоной. Киваю, поймав его взгляд. Степино первое движение затеряться среди покупателей, однако он берёт себя в руки.

– Привет. Ты что здесь? За коляской стоишь?

Я согласно качаю головой.

– Говорят, ты ушёл из Литконсультации? Где сейчас?

Я отвечаю, не вдаваясь в подробности. Когда Стёпа понимает, что моя нынешняя работа к хлебным рецензентским местам отношения не имеет, он заметно теряет ко мне интерес.

– А ты у Краснопёрова был? – в свою очередь спрашиваю я. Малый Черкасский переулком рядом. «Детская литература», Валентин Леонтьевич, издательский самотёк... Мне кажется, всё это было сто лет назад, в прошлой жизни. Литературная банальность, но мне действительно так сейчас кажется.

Вместо ответа Стёпа переспрашивает:

– Так ты за коляской? – Интерес к моей персоне возрождается в нём, как птица Феникс. Хмелик приближает лицо, вполголоса спрашивает: – Хочешь коляску по-быстрому? Их мало осталось, тебе не хватит, далеко стоишь. Десять рэ сверху.

Выясняется, Стёпа в доле с грузчиками отдела, ищет желающих купить без очереди. Я стараюсь, чтобы он не заметил моей ухмылки. Лучше уж Останкинский комбинат, чем это!.. Даю деньги и вскоре на улице у служебного входа получаю от мужика в синем халате упакованную гэдэеровскую коляску.

– Всё на месте? – сурово спрашиваю я. – Комплект? Ты смотри, я не лох приезжий! В случае чего...

– Не ссы, – отвечает брат по классу. – Всё путем, фирма веников не вяжет!

С таксистом я тоже не церемонюсь. Предупреждаю,

чтобы не катал, сразу вёз на Смоленскую. Когда у Алиного дома он просит добавить, я интересуюсь:

– Что, овёс подорожал? Или подковы стёрлись?.. Вали, пока шины не проколол. Обнаглели!..

Таксист матерится, но в брошенном на меня взгляде уважение. Как там у Остапа Ибрагимовича, здоровый цинизм людям нравится. Хватит прогибаться! Самая гуманная в мире литература и так хрен знает, что со мной сделала. А те, кто должен её читать, – не читают. У них потребности такой не существует.

В квартире я понимаю, почему тёща долго не брала трубку – телефон накрыт подушкой. Мне сразу бросились открывать, едва я позвонил в дверь, молча прижали палец к губам: Катенька спит!.. Стараясь не шуметь, заносу в прихожую коляску. В квартире непривычно пахнет, трудно сказать, чем конкретно. Здесь и сохнувшие над газом пелёнки, и женское молоко, и замоченные в ванне подгузники. Такой запах везде, где грудные дети. Валентина Григорьевна оставляет нас с Аллой вдвоём, сама уходит в маленькую комнату – там, надо полагать, ребёнок. Алла в затрапезном халате, волосы собраны на затылке в неаккуратный пучок, часть свисает вдоль щёк, лицо усталое. Запурханная, как говорят в Черновцах.

– Где можно собрать? – Я киваю на упакованную коляску. – Здесь тесно.

Алла молчит. Впрочем, ничего другого ожидать не следовало. Не бросится же она ко мне с распростёртыми объятьями.

– Слава богу, не проснулась, – счастливым шёпотом выдыхает тёща, появляясь из маленькой комнаты.

Я повторяю вопрос. Валентина Григорьевна вопросительно оглядывается на Аллу.

– Думаю, можно в большой комнате. Только газеты на палас надо постелить. – В голосе тёщи я опять слышу дипломатичную отстранённость: разбирайтесь сами, это ваше дело.

Через полчаса коляска собрана. Работаю я в одиночестве, Алла в большой комнате не появляется.

– Принимай, хозяйка, работу, – говорю я, позвав её.
– Дочь покажешь?

И впервые за всё время слышу Аллин голос:

– С чего вдруг? Раньше ты без этого прекрасно обходился.

В голосе оскорблённое достоинство, ни капли вины, и я чувствую счастливый укол: Катенька мой ребёнок? Не трусоватого псевдокостромича, а всё-таки мой?..

В маленькой комнате полумрак, шторы задёрнуты. Алла подводит меня к деревянной кровати, которой раньше здесь не было. Крошечный человечек в чепчике и распашонке с зашитыми рукавами. Человечку что-то снится, он двигает губами, морщит маленький круглый лоб, недовольно гримасничает – кажется, вот-вот заплачет. Вошедшая с нами тёща долго смотреть не даёт, тянет обратно к дверям – пойдёте, а то проснётся!.. Катя похожа на Алиного отца, это я успеваю разглядеть. Не на костромича, но и не на меня.

– А почему у неё рукава зашиты?

Счастливая бабушка шёпотом отвечает:

– Чтобы не поцарапала себя. Ноготочки-то у солнышка нашего быстро растут!..

Прихожу я и на следующий день. На этот раз меня уже усаживают пить чай. Валентина Григорьевна всё старается оставить нас вдвоём, сделав несколько глотков, уходит в ванную стирать подгузники. Алла пьёт чай с молоком, кормящей матери полезно. Сегодня она выглядит аккуратней, даже слегка подвела глаза. Но всё равно молчит.

– Может, обновим коляску? – предлагаю я.

Телеграммы от папы пока нет, иначе бы сказали. И то, что её нет, делает моё положение не таким униженным – просто блудный муж осознал свою неправоту и пришёл мириться.

– В самом деле, почему бы вам не погулять? Погода прекрасная. – Тёща появляется на кухне с марлевыми подгузниками на плече, принимается развешивать над конфорками. Её равнодушие к нашим отношениям не слишком искреннее, Валентина Григорьевна прислу-

шивается к каждому слову. – Ты сейчас Катеньку покорми, уже время, и идите. Дети на свежем воздухе хорошо спят, поверьте моему опыту.

Мне хочется посмотреть, как Алла будет кормить дочку, но она уходит в маленькую комнату и прикрывает за собой дверь. Не достоин. А может, стесняется – уже чужой. Прощают меня раз от раза тяжелее.

– Ты в конце концов определяйся, живёшь со мной или нет, – говорит Алла на Арбате. – Мне это надоело. Выбирай.

День солнечный, прохладный. Москва в антициклоне, фланирующий по Арбату народ кажется беспечным и довольным жизнью. Все наслаждаются выпавшим среди пасмурной осени подарком. Мы двигаемся мимо переулка, в начале которого через несколько лет появится стена Виктора Цоя. Пока её нет, как нет на Арбате и весело нагловатых кооператоров, торгующих с лотков матрёшками Горбачёва и Ельцина, орденами, медалями, другой советской атрибутикой, офицерскими и генеральскими парадно-выходными мундирами, армейскими шапками. Мысль о том, что такое возможно в принципе, показалась бы тогда дикостью, бредом. Да она и не приходит. Не могла прийти. Иностранцев нет, речь вокруг исключительно русская. Всё ещё впереди.

– Я выбрал.

Действительно, хватит дурака валять. Что ж, с литературой не получилось, а всё остальное не так уж и важно. Надо налаживать обычную обывательскую жизнь, какой живут миллионы людей. Я что, большего не стою, как быть грузчиком? Скитаться по квартирам?.. Даже хорошо, что папа приезжает, скажу. Он расстроится, но я не для того живу, чтобы ему угодить. В конце концов, поражения тоже надо принимать достойно.

Да и с Машей. У грузин есть притча: охотник научился понимать язык зверей – и не смог больше на них охотиться. То, что смутно тяготило меня в последнее время, оформилось наконец в чёткое решение: хватит, нельзя. На комбинате я ближе узнал Генку, сошёлся с

ним, а пользоваться несчастьем хорошего, в общем-то, мужика, не по-человечески. Однако отношения с Машей можно прекратить, лишь переехав с Руставели. Так что одно к одному.

В коляске, которую я толкаю перед собой, перехваченное розовой лентой аккуратное полешко – завёрнутая в одеяло дочка. На воздухе Катя в самом деле сразу заснула. Я поднимаю верх коляски, чтобы солнце не светило ей в лицо.

– Правда, выбрал? – Алла смотрит на меня хмуро, недоверчиво.

– Правда, – говорю я, искренне веря в свои слова.

5

Папа приезжает не один. Вместе с ним крашеная блондинка средних лет.

– Марта Сильвестровна, наша бухгалтер, – представляет папа, выходя вместе с блондинкой из вагона. – Предлагаю сделать так. Сначала заедем к тебе, кое-что оставим, а потом уж в гостиницу.

– Зачем в гостиницу? – удивляюсь я. – Живите у меня, места хватит!

Папа галантен со всеми женщинами, но не до такой степени, чтобы носить чужой багаж. Сейчас он это делает. Пока мы идём к стоянке такси, я исподтишка поглядываю на блондинку. Похоже, она жительница черновицкой окраины вроде нашей Роши. Причём коренная, отсюда имя и отчество.

Я далёк от мысли ревновать, мамы нет уже несколько лет, а папа ещё не старый мужчина. Возможно, это смотрины. Папа хочет показать мне свою будущую жену, а ей меня, сына-писателя, живущего в Москве. Что ж, будем соответствовать. Говорить о своём решении прекратить графоманить сейчас не время.

– Может, всё-таки остановитесь у меня? – настаиваю я. – В Москве устроиться в гостиницу тяжело. А у меня место найдётся и для тебя, и для твоей симпатичной коллеги.

Марта Сильвестровна за «симпатичную» бросает на меня смущённо благодарный взгляд, а понимающий всё мой старик делает вид, что соображает.

– Моей симпатичной коллеге будет спокойней в гостинице, – с улыбкой говорит он секунду спустя. – Место забронировано. Но она не откажется побывать у тебя в гостях, если пригласишь.

– Конечно, приглашаю!..

Я вздыхаю с облегчением. Папа умница, знает, как москвичи относятся к родственникам из провинции, тем более, к их знакомым. «У меня» – понты. Я сам на Смоленской на птичьих правах.

– Однако! – замечает папа, когда мы спускаемся с перрона и видим очередь на такси.

Она, действительно, порядочная – как всегда после прибытия поезда. Я пробираюсь к распорядителю с повязкой на рукаве и полосатым милицейским жезлом, заявляю:

– У меня иностранцы. Нужна машина.

Распорядитель смотрит с подозрением:

– Ты кто?

– Сотрудник Правления Союза писателей. – И я вско добавляю: – Прибыла делегация румынских писателей, необходимо доставить в гостиницу.

Срабатывают прежние знания. В левом флигеле Дома Ростовых (Литконсультация в правом) находится Иностранная комиссия Правления. Она занимается приёмом и размещением писателей из других стран. С некоторыми из ребят Иностранной комиссии я был знаком, так что их работу представляю.

Распорядитель недоверчиво оглядывается на папу и Марту Сильвестровну. Папа что-то непринуждённо рассказывает, слов не слышно. Действительно, могли прибыть из Румынии, поезд Бухарест-Москва, в Черновцах к составу только добавляют несколько вагонов. И по виду сойдут за румын.

– А что такая маленькая твоя делегация?

– Борцы с режимом Чаушеску. Нелегально приехали. Вы что, телевизор не смотрите, газет не читаете?..

Когда через час на Смоленской я рассказываю, как добывал такси, все смеются. Будь мы одни, папа обязательно назвал бы меня мазуриком (с поощрительными интонациями), но за столом с нами не только Алла и Валентина Григорьевна, но и Марта Сильвестровна. И мой старик ничего не говорит.

Протокол соблюден, папа подержал на руках малышку, Марта Сильвестровна нашла, что она очень симпатичная. Оказывается, у неё тоже есть внучка. Легмашевский бухгалтер истинная дочь черновицкой окраины: немногословна, с цепким взглядом – всё замечает и всему даёт про себя оценку. Однако продвинутая, красить волосы у окраинных жительниц не очень принято. В честь папиного приезда стол накрыт не на кухне, а в большой комнате. На диване богато раскинулось пуховое одеяло, папин подарок к Катиному рождению. Нежный розовый шёлк отливает в свете люстры. Вещь дефицитная, у папы связи.

– Завтра надо будет в «Юность» заскочить, – как бы между прочим сообщаю я, когда выпита вторая рюмка, и ловлю на себе недоумевающий взгляд Аллы. Однако я не тушуюсь. Озабоченность и лёгкая досада присутствуют в моём голосе, будто работа с редакторами обычное, даже поднадоевшее для меня дело.

Мой старик поворачивает внимательное лицо, вздёргивает левую бровь:

– А что такое?

– Решили печатать мой новый рассказ. Надо снять кое-какие вопросы по тексту.

Папа как бы невзначай смотрит на Марту Сильвестровну, кивает:

– Что ж, это неплохо.

– Редакторы не могут, чтобы не придаться к какой-нибудь мелочи, – продолжаю высказывать недовольство я. – То рассказ не помещается, надо сократить, подрезать «концы». То, наоборот, остаётся место, надо дописать пару абзацев... В общем, морока.

Папа поднимает вверх палец:

– Но приятная.

– В общем, да, – соглашаюсь я.

Оставаться на Смоленской папа не хочет. Дженгльмен в нём не может допустить, чтобы Марта Сильвестровна жила в гостинице, а он здесь. Хотя тёща неожиданно предлагает Марте Сильвестровне остаться тоже.

– Искренне признателен, но нам в министерство из гостиницы ближе. – Папа в прихожей слегка кланяется, немного актёрствует. Собственно, во всякой галантности есть доля актёрства. И мне: – Думаю, нас провожать не надо, сами доберёмся.

Но черновицкий этикет требует, чтобы я проводил, раз уж папа не захотел у нас остановиться. К тому же хочется побыть с ним подольше. Спускаемся вниз, я довольно быстро ловлю такси, и мы едем в «Зарю». Ещё одно подтверждение того, что папа истый дженгльмен, – какое «близко», все министерства в центре, а эта гостиница в районе ВДНХ!.. Легмаш в Москве не котируется, вон куда командированных загоняют. У «Зари» я делаю эффектный жест, достаю бумажник, чтобы расплатиться с таксистом.

– Помочь? – интересуется с заднего сиденья папа.

– О чём ты? Вы мои гости, – с достоинством отвечаю я и чувствую, что папе нравится мой ответ. Сын, как писателю полагается, самостоятельный, обеспеченный человек. И Марта Сильвестровна это видит.

Толком пообщаться нам так и не удаётся. Всё время вокруг люди. И лишь в конце папиной командировки выпадает минут двадцать, когда вещи занесены в вагон, Марта Сильвестровна остается в купе, а мы с папой выходим на перрон.

Пахнет сернистым газом от раскопчегаренных в вагонах титанов, время от времени раздаётся гулкая невнятица объявлений о прибытии и отправлении поездов, лоснится от мелкого дождя перрон. Я пока не знаю, что запах сернистого газа и вокзальные объявления вскоре станут для меня привычными. Как станут надоевшие привычными супы из концентратов, ощущение под пальцами гладкой бумаги открыток и конвертов, ответственность за посылки, сидение на отдающем в

ягодицы вагонном унитазе – жизнь на колёсах в буквальном смысле слова.

– Что ж, повидались, это уже хорошо... Насколько могу судить, у тебя всё нормально, – с полувопросительной интонацией произносит папа и внимательно смотрит на меня.

– В общем, да.

Даже сейчас, наедине, у меня не поворачивается язык сказать, как на самом деле обстоят дела.

– В «Юности» был?

– Конечно.

– Хороший журнал, его многие читают. Печататься в нём честь.

– На том стоим, – говорю я.

Мы прогуливаемся по перрону, не отходя далеко от вагона. Говорить особенно не о чем. Мне достаточно видеть папино лицо, взлетающую время от времени бровь, чувствовать знакомый с детства запах «Шипра». Я принимаюсь врать о Марии Лазаревне из отдела прозы, которая в своё время редактировала мой рассказ. Говорю, что и теперь всё прошло замечательно, Мария Лазаревна поправила всего две фразы. Считает, что как писатель я расту. Последнее говорю с усмешкой, чтобы папа не подумал, что придаю словам редактора особое значение.

– Знаешь, я рад, что всё у тебя складывается благополучно, – произносит папа. – Ты сделал то, чего не смогли я и твой дед. Наш род заявил о себе по-настоящему. И это твоя заслуга.

Тёплая волна обдаёт меня. Мне тридцать, а я доволен папиной похвалой, как пацан. Пусть даже она не заслужена. Похоже, это навсегда, в соответствии с моим биологическим возрастом. И желание не огорчать папу тоже отсюда.

Мне не хочется, чтобы он заметил моё состояние, и я киваю на вагон, где в одном из купе Марта Сильвестровна:

– Это серьёзно?

Но мой старик совсем непрост.

– Будем посмотреть, – вдруг с кавказским акцентом говорит он и хмыкает.

Я не уверен, что ему так уж интересно моё мнение о Марте Сильвестровне. А может, папа просто выдерживает дистанцию – всё-таки старший, отец, отчитываться передо мной не обязан. Теперь хмыкаю я:

– Ну-ну.

Родственные чувства не исключают у нас ироничности. Когда поезд трогается, я иду рядом, прощально подняв руку. Папа, пока его вижу, тоже не отходит от окна. Останавливаюсь лишь у края платформы. Мелкий дождь рябит лужи на асфальте.

Опять я один.

6

Долг платежом красен. Помочь перевезти вещи в Орехово-Борисово я попросил Толю Довгошею.

Позади остались суета с пропиской на Смоленской (требовалось срочно), смотрины предлагаемых квартир, другие дела, связанные с переездом. Алла с Катей на время перебралась к родителям. Я и Толя Довгошея среди упакованных ящиков и разобранной мебели поджидали тестя – тому на работе обещали грузовую машину.

Толю я давно не видел. Он, как и собирался, наконец женился, заметно раздобрел.

– Куда денешься, – сказал этот неторопливый, похожий на Збигнева Цыбульского человек и похлопал себя по животу. – Сидишь за машинкой месяцами, момон и растёт!.. Галя говорит, неизвестно, кто из нас раньше родит, она или я.

Дела у Довгошеи шли на зависть. Кроме того, что его продолжал печатать «Новый мир», недавно вышел сборник Толиных повестей, о котором поощрительно отозвалась «Литературная газета». Я спросил о Киме. Оказалось, руководитель нашего семинара к жене так и не вернулся, жил в Переделкино, из месяца в месяц добывая путёвки в дом творчества. По Толиным словам, Ким Николаевич был крепко раздосадован: известный писатель, состоятельный человек, но квартиры купить не может. Прописан у жены, а там куда больше шести

метров на нос, таких в жилищные кооперативы не принимают. Не помогли даже милицейские связи. По крайней мере, пока.

– Ты его новый роман читал? Почитай, это новый Ким. Время чувствует как никто.

– Неужто в диссиденты подался? – усмехнулся я.

– Зачем? Писать можно обо всём. Главное, уметь это делать.

Толя умел. Последняя его повесть была о молодом инженере, пытавшемся внедрить своё изобретение. Оно давало большой экономический эффект, но интересы слишком многих людей и ведомств затрагивало. Герою на разных уровнях аргументировано доказывали несостоятельность идеи. В итоге впечатлительный молодой человек то ли утонул во время купания, то ли покончил с собой. Завершалась повесть заметкой в ведомственной газете. Сообщалось о японцах, укравших изобретение скромного советского инженера... Рассказывалось об этом без надрыва, спокойно, даже буднично. Толя Довгошея, этот медлительный скучноватый человек, под видом рутинной производственной повести покушался на святое – плановый характер советской экономики. И такое печатали. Ещё был жив Брежнев, но в воздухе уже нечто носилось.

– Не боишься?

– Чего?

– Ну, мало ли...

Недавно на операционном столе умер Юрий Трифонов. Ходили слухи, не без помощи врачей. Приём в практике родного государства не новый, сходным образом убрали в свое время Фрунзе. Это из того, что известно. Власть чувствует опасность в самостоятельно думающих людях. Особенно, если они становятся популярными.

– Волков бояться... – Толя засопел. – Ты-то как живёшь?

Я уже несколько месяцев работал начальником почтового вагона. Устроиться помогла тёща, потребовалось её влияние министерского работника – в на-

чальники почтовых вагонов, как и в грузчики, людей с высшим образованием не брали.

– Писать получается?

– Как тебе сказать... Катька сутками орёт. Я специально такую работу нашёл, чтобы писать между поездками, а из-за неё... Подрастёт, станет спокойнее, тогда.

Довгошее мне тоже не хотелось говорить, что решил завязать с литературой. Со стороны моё решение можно было толковать и так: осознал свою несостоятельность. Особенно не хотелось, чтобы так думал преуспевающий Толя. Собственно говоря, я и в начальники почтового вагона пошёл, чтобы говорить: возможность писать есть, но обстоятельства пока не позволяют. Благородный человек, работаю на семью, приношу в дом деньги, наступив на горло собственной песне.

– Ничего, скоро узнаешь, как это, когда маленький ребёнок! – стараясь, чтобы в голосе звучало мстительное предвкушение, сказал я. – Твоей Гале когда рожать?

– В июне.

– Ну вот, скоро. Так что готовься, на собственной шкуре прочувствуешь!..

Довгошея хмыкнул:

– Это вряд ли.

– То есть?

– Хочу дом строить, пока гонорар не разошёлся. Деньги, они ведь как тараканы расползаются.

– Где думаешь? В Подмосковье?

– В нашем посёлке. У нас места хорошие, опять же родина...

С Толиной Галей я познакомился, когда на днях заходил в их коммуналку возле Политехнического. Довгошея выполнил задуманное, привёз жену из родных мест. Ещё одно Толино отличие от обычного выпускника Литинститута, решившего осесть в Москве. Большинство для этого женились на москвичках. Довгошея пропиской и жильём никому, кроме себя и своих способностей, обязан не был. Ещё, правда, Киму. Толина жена особого впечатления на меня не произвела, она напоминала девонок-лимитчиц, с которыми я работал на комбинате.

– Ты вроде на шабашки ездил, в строительстве разбираешься, – полувопросительно произнёс Толя и посмотрел на меня.

– Есть такой факт в биографии. А что?

Ответить Довгошея не успел.

– Звонят. Потом.

В дверь в самом деле звонили. Вернувшись на Смоленскую, я по максимуму убавил звонок, чтобы он не будил Катю.

– Тесть. Наконец-то!..

Однако за дверью оказался не тесть, а тот, кого я меньше всего ожидал увидеть – Иван Калистратович. Лицо у него было смущённое.

– Маша попросила отвезти... – Генкин отец протянул битком набитую сумку. – Ехай, говорит, а то сам не приходит, не забирает. Ну, вещи твои...

Я посторонился.

– Проходи. – После того, как я уволился из Литконсултации и пошёл на комбинат, Иван Калистратович снова стал говорить мне «ты» и не возражал, если я к нему так же обращался.

– Чего проходить, я отдать да обратно... Димка со школы скоро придёт, кормить надо, уроки делать...

Но всё-таки вошёл, оценивающе окинул полупустую и оттого особенно просторную сейчас прихожую, высокие потолки. Сказал то ли с завистью, то ли осуждающе:

– Старая планировка, дореволюционная... Переезжаете, что ли?

– Вроде того. Калистратыч, ты извини, даже чаем угостить не могу, всё упаковано.

– Какой чай... – Проходить в комнату, где находился Толя, Иван Калистратович не стал. – Чай не водка, много не выпьешь... Эх, Юрка, что ты наделал! – вдруг напряжённым шёпотом заговорил он, подавшись ко мне. – Бесится Машка, житья не даёт. Как только ты уехал – началось! Понять можно, баба молодая, ей надо, но нас-то чего тиранить? Мы-то чем виноватые?..

Я опешил. Вот те раз! Неужели Иван Калистратович вычислил нас с Машей?..

– Только сейчас собрала твоё барахло. Всё надеялась, вернёшься. – Он помолчал. – Юр, может, когда зайдёшь? Генка её лупит, а что толку? Ещё посадят, дурака. Ему и так... Я понимаю, часто заходить не сможешь, семья и всё такое. – Иван Калистратович с опаской посмотрел на дверь в ближнюю комнату. – Ты хоть иногда, как получится... Или какой холостой мужик есть на примете, чтобы в квартиранты согласился. Берём мы недорого, ты знаешь. А можно вообще...

Калистратыч в сердцах махнул рукой и вышел, хлопнув дверью.

Какое-то время я стоял в прихожей. Из комнаты выглянул Толя:

– Всё нормально?

Я промолчал.

Вскоре с двумя молодыми сослуживцами приехал Аллин отец. Мы принялись выносить на подсохший апрельский асфальт вещи, грузили в крытый грузовик, потом ехали через пол-Москвы в неудобное, голое, с чахлыми саженцами и отвалами глинистой земли Орехово-Борисово. Воздух врывался под тент, холодил лица, сбоку машины тянулись новые панельные многоэтажки. Площадки перед подъездами были в ошметках отставшей от колёс спрессованной глины со следами протекторов. Дома активно заселялись. У меня из головы не выходил Иван Калистратович.

Думал о нём я и тогда, когда поднимали вещи в двухкомнатную квартиру на пятом этаже, а потом делали ещё одну ходку – всё сразу в машину не поместилось. Было жалко старика. Мало того, что знал о наших с Машей отношениях и молчал, так ещё пришлось унижаться, просить, чтобы невесткин любовник вернулся. Чем здесь поможешь? С Машей – всё. Из-за Генки и потому, что с Аллой налаживалось. Уверенности, что Катя моя дочь, не было, но надо прибиваться к какому-то берегу. Пора.

Раскрасневшиеся, с мокрыми спинами, мы сидели потом под голой лампочкой в новой квартире и пили водку. За окном уже было темно. Вокруг нас хлопотала

тёща, выкладывая из судков привезённую из дому снедь. В последнее время из её лица исчезла твердокаменность комсомолки двадцатых – должно быть, сказывалось рождение внучки и то, что в семье дочери наконец-то всё благополучно. Выглядел довольным и Аллин отец. Но, скорее, потому, что разделались с переездом.

– Говорят, один переезд равен двум землетрясениям. – Тесть был уже изрядно навеселе, но свои вислые гуцульские усы не забывал аккуратно промокать носовым платком. Он обвёл взглядом комнату с голыми стенами. – Нет, это не бабушкина квартира, нет!..

Валентина Григорьевна живо возразила:

– Не так уж и плохо, всё новое. И детский сад рядом, удобно.

Тесть с чувством заговорил о том, что коренных москвичей выселяют на окраины, а их квартиры в центре отдают торгашам и всякой сволочи. Оба сослуживца поддержали его, хотя на коренных москвичей не походили. У всех было на памяти недавнее громкое дело директора Елисеевского магазина, приговорённого к расстрелу. Обнаглели торгаши, мафия какая-то, всё под ними!.. Мы ещё раз выпили за новую квартиру, за благополучный переезд, потом тёща предложила тост, чтобы в новой квартире поселилось счастье. И посмотрела на меня. Никто был не против, я тоже. Выпили за счастье.

– Я вот чего хотел... – заговорил Толя Довгошея, когда полчаса спустя надевал в тесной прихожей туфли.

Все, кроме меня, разъезжались по домам, мне завтра предстояло заняться сборкой мебели, врезать в двери замок, делать другие необходимые дела. Говорил Толя с натугой, «момон» мешал наклоняться:

– У тебя когда отпуск?

– Рано об этом, полгода не работаю... Зачем тебе?

– Хочу, чтобы помог с домом. Ну, я тебе говорил... – Толя распрямылся, лицо у него было багровое. – Опыт у тебя есть, заплачу я нормально... Дружба дружбой, а табачок... Как ты?

Предложение было неожиданным. Я удивился:

– А что местных не нанимаешь?

– Пробовал. Без аванса не идут, а дашь – запивают, ищи потом... И не откажешь, принято так, вроде как традиция. С фундаментом вот так вот намучился!.. – Толя черкнул себя ладонью по горлу. Движение вышло неуверенным, как бывает у выпившего человека, но моё замешательство Довгошея тем не менее заметил. – Ладно, ты думай. Фундамент готов, стены надо выгонять, стропила там, крыша... Одному никак! Вдвоём – да, а одному... Знаешь, как в наших местах говорят? Вместе и отца бить...

– Когда собираешься? – прервал я Толину хмельную словоохотливость.

– Да хоть завтра! Земля уже отошла, можно. Мне, главное, надёжного человека найти. Обещаешь?.. Ну, думай. Надумаешь, дай знать, ладно?..

7

Всё-таки я легкомысленный человек. Опять моя жизнь выписывала загогулину. На кой, если подумать, сдалось мне это строительство? Есть работа, пусть на колёсах и беспокойная, но платят неплохо, есть семья – так держись за них! Какого хрена надо?..

Это по логике. Но если бы всё в жизни шло по ней. Отношения с Аллой налаживались, но не так, как надо. Я начинал подозревать, что не очень-то Алле и нужен. Разве что для статуса – замужняя женщина. Куда важнее для неё теперь была Катя. Нет, я не ревновал, как бывает с молодыми отцами, но когда видел, с каким лицом Алла занимается дочерью, спрашивал себя, почему счастливого выражения нет, когда она со мной. Сдержанность, пресное исполнение обязанностей. Сравнивал жену и Машу. Лучше уж Машина пролетарская непосредственность, по крайней мере, открытый человек.

Если жена меня и любила, то в прошлом. Я сам во многом виноват, что так вышло, хотя и то правда, что вечной любви не бывает. По гамбургскому счёту, моё отношение к Алле тоже трудно было назвать любовью. Всё-таки любовь и необходимость после смерти мамы

в близком человеке рядом – вещи разные. Тем более, если человек родным так и не стал. Даже в первые недели знакомства мы с Аллой были ближе. Ну, ещё её беременность, до появления псевдокостромича. Что в сухом остатке? Живу с женщиной, которой безразличен и к которой безразличен сам. Инерция. Главная моя функция – приносить домой деньги. Был бы ещё уверен, что Катя моя дочь...

Говорить всё это Алле я не стал. Ни к чему. Сказал, что появилась возможность заработать во время отпуска. Жена удивилась, мы как раз навешивали на кухне шкафчики:

– А дадут отпуск? Ты недавно устроился.

– Дадут. В крайнем случае, за свой счёт... Обещают хорошие деньги.

Алла подумала.

– Неплохо бы. Надо мебель менять, как-никак новая квартира. Этим шкафчикам сто лет в обед.

О том, что за подработка, где, у кого – ни слова.

Отпуск мне не дали. В отделе почтовых перевозок прочли заявление и с раздражённым изумлением вскинули глаза:

– Ты чего, с дуба упал?.. Первомай на носу, День Победы! Зашиваемся с поздравлениями, а он – отпуск!..

Я порой забавляюсь тем, что одеваю окружающих в одежды девятнадцатого века. Проявляю типаж. Мой начальник был густоволос, низкий лоб в толстых морщинах, крепкая челюсть. Надень на него картуз, передник с бляхой, дай в руки метлу – типичный дворник! Хваткий и себе на уме. Юрий Ильдарович меня недолюбливал, потому что приняли на работу в обход его, по тещиному звонку. Не добавляло любви и то, что я поймал в своём вагоне двух сотрудниц, которые вскрывали посылки, – одна оказалась его родственницей.

– А за свой счёт? Всего-то пару недель, сруб поставить. Обещаю, год в отпуск проситься не буду.

– Я тебе русским языком сказал, нет! Никакого отпуска! – И, видя, что я не тронулся с места, начальник закричал: – Выйди из кабинета! Пошёл вон, сказал!..

Тут уж я не выдержал. На горячую татарскую кровь была горячая хохляцкая.

– Что?! – Я потянулся через стол и взял начальника за лацканы. – Как разговариваешь, козёл!..

Юрий Ильдарович оказался не робкого десятка, взвизгнул и тоже вцепился в меня. Грохнулось кресло, дробно прыгал ножками по линолеуму стол, мы схватились. Но физиономии друг другу толком разукрасить не успели, нас разняли вбежавшие в кабинет сотрудники отдела.

Было ясно, больше мне здесь не работать. Оставалось только забрать трудовую книжку, что я и сделал. И был, в общем-то, рад. Всё решилось само собой. Ничто больше не мешало уехать к Толе под Вышний Волочок.

В своё время Чернышевский иронизировал над проницательным читателем. А зря. Только такой читатель способен проникнуть в замысел сочинителя, по крайней мере, стремится сделать это. Для него, собственно, и пишется всё – не для любителей же экшена. Там главное, чтобы сюжет был закручен, а для чего, с какой целью, неважно. Но в одном я всё же с Чернышевским солидарен. Как порой хочется поиграть с проницательным читателем в прятки, подурочить его, оставить с носом! Что я в меру своих скромных сил иной раз и пытаюсь делать. Ведь ко всему прочему, литература это ещё игра, как к подобному факту ни относиться.

Проницательный читатель думает: ага, накрутил всего, и с женой-то у него не ладится, и в отцовстве своём не уверен, и с начальником подрался – а всё ради чего? Чтобы под благовидным предлогом отправиться в народ, припасть, так сказать, к истокам в час душевной смуты. Что за писатель, если не выкажет своего отношения к народу, не будет черпать в нём силы? Маша, Генка, Иван Калистратович, Толик Такташев, другие мужики из бригады грузчиков – какой они народ? Они городские, от корней оторвались. А вот в глубинке, где исконное, ничем не замутнённое, где корни...

Ничего такого не обещаю. Ни в западники, ни в повенники подаваться не намерен, я сам по себе. Опишу

только то, что видел и чему был свидетель. Хочешь читать про народ-богоносец, который чист душой и выше материального ставит духовное, читай Лескова, Распутина и Белова. Хочешь наоборот – возьми бунинскую «Деревню», «Нравы Растеряевой улицы» Успенского или «В овраге» Антона Павловича. Теперь, не первый год живя в забытой богом деревне и директорствуя в малокомплектной школе, я думаю, что народа как такового не существует. Есть люди, хорошие и плохие, население, как выражаются нынче государственные мужи. Хотя общие родовые черты у тех и других всё-таки присутствуют.

И вот – Ленинградский вокзал, озабоченно суетливый люд при посадке, запахи купленных в Москве колбасы и апельсинов, потёртые рюкзаки и сумки общего вагона, дорожные пейзажи за невымытым окном и, наконец, станция с высоким переходом над путями.

У окошка автобусной кассы какой-то парень с брезгливой досадой берёт за плечи и отшвыривает в сторону мужика. «Я за очередь слежу», – бормочет мужик и растерянно смотрит по сторонам. Парень не отвечает, нагибается к окошку, покупает билет. На его лице всё та же досада, будто крашенная будка кассы, низкий штакетник, липы с набрякшими почками и люди вокруг ему смертельно надоели. Очередь молчит, от парня тянет острым холодком опасности.

Я с интересом смотрел на всё. Выросший в Чернозёмках, глубинной России я не знал. В автобусе прислушивался к разговорам, пытался вникнуть в новую для себя жизнь. Разговоры накладывались на дребезжание старой машины, тёмную хвою по обе стороны автобуса, на редкие проплешины полей и деревеньки вдоль трассы, по-апрельски серые, с нераспустившимися палисадниками. Этаким дорожным экспрессионизмом. Както неожиданно автобус оказался в просторном посёлке с единственным двухэтажным зданием школы и домом культуры с нарисованными колонами.

На автостанции меня встречал Толя Довгошея. На нём громахающий мешковатый плащ и резиновые сапоги с

отвернутыми голенищами – сразу не узнаешь. Знакомым был разве что берет, его Толя носил и в Москве.

– Переобуйся, – деловито сказал он, ставя передо мной такие же резиновые сапоги. Пожал ладонь, по своему обыкновению оттягивая вниз и слегка выворачивая руку. – У нас ещё грязи до чёрта.

Грязи на улицах, действительно, оказалось порядком. Спустя минут пятнадцать мы вытирали сапоги у бревенчатого дома с зелёными наличниками. Это была окраина посёлка. На крыльцо выглянула пожилая женщина, махнула рукой:

– Да оставьте! Я помою потом!..

Мне понравилась её лицо. Похоже, это была Толина мать. Мы разулись, прошли в носках через какое-то тёмное помещение без потолка и с деревянными ступеньками налево вниз («мост», как узнаю позже). Из ещё более тёмного пространства за ступеньками пахнуло коровой: навозом, сеном и молоком. Толя открыл обитую мешковиной дверь, и мы оказались в вытянутой комнате с вешалкой у входа и со столом в дальнем торце. Герань на подоконнике, низко свисающая с потолка лампочка. Из «приделка» (тоже вскоре узнаю название вытянутой комнаты) вход в собственно дом с белёной русской печью. То, что там печь и что она белёная, я почувствовал сразу: в приделке пахло нагретой побелкой, печь ещё протапливали. Всё это вместе и было пятистенком, о котором я неоднократно читал в литературе.

– Раздевайся, Юр. Сейчас перекусим. – Толя помедлил. – Здесь вот какое дело... Неудобно тебя сразу напрягать, но надо ехать за брусом. Я ещё зимой договорился, а на пилораме всё тянули. Сейчас не заберу, могут перехватить – строительный сезон начался, всем надо...

– Всегда готов. Хозяин барин.

– Ну и хорошо. Перекусим и поехали... Мам, давай.

Встретившая нас женщина уже резала на столе хлеб, она подняла лицо и сказала, поглядывая на меня:

– Дак вы садитесь, давно готово. Борщ со свиной, ты, Толь, из Москвы привёз, наваристый... Пить будете?

– Моргунов не любит, когда в кабине водкой пахнет. Он не заходил?

Тётя Зоя (это я тоже узнаю вскоре) всё так же охотно отозвалась:

– Где уж. Моргунов такой человек, ему нравится, чтобы просили, да не раз!..

Толя сел за стол, кивнул мне на табуретку рядом. Вышло это у него озабоченно. Вскоре я знал, что Моргунов – дальний родственник, работает на лесовозе, обещал поехать с нами за брусом.

– О, явился не запылится! – вдруг сказала Толина мать, оглянувшись на дверь. – Проходи уж, раз пришёл. Есть, наверно, хочешь?

Оглянулся и я. У порога стоял быстроглазый пацан в потасканной синей куртке.

– Хочу, ага!

Тётя Зоя и Толя засмеялись такой непосредственности. Мальчишка, судя по всему, был им чужой.

– Сколько, думаешь, ему лет? – спросил Толя.

– Ну, четыре-пять...

– Семь, – сказал Толя и приподнял подошедшего к столу пацана. – Подержи.

Я взял того под мышки и поразился лёгкости. Тела под курткой почти не ощущалось. На мой удивлённый взгляд тётя Зоя сказала:

– А ведь не война, не голодуха... – И замолчала. Здесь было что-то своё, деликатное, знать которое постороннему не полагалось. По крайней мере, сразу.

Поездку за брусом я запомнил надолго. Толя несколько раз выходил из дома, возвращался, перекидывался с матерью короткими фразами, опять уходил, пока наконец не вернулся и не объявил:

– Сейчас подъедет!..

Моргунов, хмурый носатый мужик, всё время курил, в кабине было не продохнуть. Мы с Толей помалкивали – зависимые люди. Мне показалось странным, что такой заядлый курильщик не переносит запаха водки. Ехали долго, свернули с бетонки на просёлочную дорогу, миновали несколько деревушек. В су-

мерках остановились возле приземистого длинного строения, светящегося свежими досками. Оно оказалось пилорамой.

– Думаешь, отпустят? Теперь только сторож на месте, – сквозь зубы, не выпуская мундштука беломорини, усомнился Моргунов.

– Я звонил, договорился, – ответил Довгошея.

Брус нам и в самом деле выдали безо всяких. Проблемы начались позже, когда мы загрузили лесовоз и возвращались обратно. За несколько километров до бетонки тяжёлая машина засела в колею. Моргунов давил на газ, пытался найти колёсам опору и выбраться на твёрдое. Ничего не получалось. Наконец он с силой бросил руки на баранку и выругался.

– Капитально сели!.. Разгружаться надо!..

Легко сказать. Мы с Толей ещё от погрузки не отошли, мокрые как мыши. Однако делать было нечего, гружёному лесовозу, похоже, и в самом деле не выбраться. Мы вылезли из кабины, взобрались наверх, принялись сбрасывать брус на обочину. Высохли, взмокли снова. Время от времени Моргунов принимался газовать, пробовал раскатать машину взад-вперёд, матерился, но выехать из колдобины никак не получалось.

– Надо трактор искать!..

Пришлось возвращаться в ближнюю деревушку. Моргунов остался возле лесовоза, а мы, увязая в грязи, побрели по дороге. Можно сказать, отдыхали – идти было всё же легче, чем возиться с брусом. В окнах деревушки ещё горел свет, но нам никто не открывал, разговаривали через дверь. Оказалось, тракториста здесь нет, он живёт в соседней деревне. Идти по грязи ещё несколько километров не хотелось, и Толя спросил, кто может подвезти, он заплатит. Нас направили к какому-то Лёхе, у которого «Иж».

Лёха, белобрысый парень допризывного возраста, дверь открыл сразу. Стоя в полосе света, бросил: «Без проблем!» и, не обращая внимания на недовольство матери, принялся выводить из сарая мотоцикл. Поехать с ним мог только один из нас.

Я вернулся на дорогу. Темнота пахла хвоей, прошлогодним бурьяном, мокрой землёй. В ней происходило что-то едва слышное, больше угадываемое – может, росла трава или раздвигались чешуйки почек. Если бы не свет в окнах, можно было подумать, что я очутился где-нибудь в десятом веке, во времена Владимира Красна Солнышка. Тишина и глухой простор во все стороны.

Трактор стал слышен издали, а вскоре запрыгал над дорогой и отсвет фар. Ко мне подъехал Лёха, заднее сиденье мотоцикла было пустое.

– А Толя где?

– Дорогу показывает. Садись давай, подброшу! – Голос парня звучал радостно. Похоже, Лёхе было по душе и то, что ночь, и что дорога тяжёлая, и что надо кого-то выручать.

Водитель он оказался адский. Пока довёз до лесовоза, несколько раз я чуть не слетел с мотоцикла. Домой Лёха возвращаться не стал, а стрельнул у сидевшего на подножке машины Моргунова беломорину и спросил:

– Ты в армии служил?

– Служил. – Моргунов не удивился ни вопросу, ни тому, что к нему обращается на «ты» молодой парнишка, практически пацан. Здесь, видно, так было принято.

– Я тоже скоро пойду. В десантуру хочу. – При затяжках папироса высвечивала Лёхино лицо с прыщами на щеках.

– А это какой покупатель приедет, – как равному ответил Моргунов. – Я, к примеру, в авиацию хотел, а попал в стройбат... Ну что, обратно грузим? Чего время терять. – И первым взялся за конец бруса.

Видеть подобное было непривычно – грузить и разгружать не шофёрское дело. Но у Моргунова хоть стимул был, мужик хочет побыстрее домой. А вот почему стал помогать совсем уж посторонний человек Лёха, было не очень понятно.

Когда на ДТ подъехал Довгошея, мы почти справились. Но, оказалось, поторопились. Лесовоз засел прочно, трактору не поддавался. Наверно, ещё потому,

что тракторист был заметно пьян и делал что-то не так. Пришлось опять сбрасывать брус на обочину, делать машину легче. В конце концов её всё же удалось вытащить на твёрдое.

– Мастерство не пропьёшь! – кричал Лёха, таская вместе с нами брус, смеясь и мотая головой на трактор. Казалось, он радуется всему, что происходит, и если бы случилось что-нибудь ещё, он был бы счастлив вполне. – Скажи, Мятый, ага? Назююкался после трудового дня! Или ещё раньше начал?.. Мастерство, оно... – Что «оно», Лёха придумать не мог и от невысказанности чувств швырял брус на землю, не заботясь, что другой конец может сыграть.

Из кабины выбрался тракторист. Он поскользнулся, на фоне светящихся фар было видно, как побежала на полусогнутых ногах боком тёмная фигура и едва не упала. Странно, что в таком состоянии человек ещё способен был управлять трактором.

– Нормальный ход, всё хорошо... – бормоча это, тракторист нетвёрдым шагом приблизился к сваленному брусу. – Зашибись, коммунистический субботник! Помочь всегда... Святое дело...

Лёха принялся его подначивать:

– Мятый верующим заделался! Почём опиум для народа?.. Чего молчишь? Оглох, что ли?

Тракторист не отвечал. Ухватившись за конец, волок брус к лесовозу, чем-то смахивая на муравья. Его отчаянно бросало из стороны в сторону.

Уже светало, когда по Толиной просьбе ДТ провозжал нас до бетонки – вдруг опять засядем. Лёха по собственному почину ехал впереди. Деньги, которые Довгошея ему дал, он не глядя сунул в карман, они его интересовали мало. Тракторист оказался большим материалистом. С пьяной медлительностью принялся рассматривать в свете фар купюры.

– И куда дурила попёрся... – пробормотал Моргунов, когда мы уже выехали на бетонку. Он поглядывал в зеркальце заднего вида. Похоже, за нами двинулся и ДТ. Я успел заметить, благодарности к трактористу

Моргунов не испытывал. Наоборот, словно своей помощью тот унижил его.

– А что? – устало поинтересовался Толя. После всех этих погрузок-разгрузок, катаний за спиной рокера Лёхи, поисков и уговоров тракториста он благодушествовал, дело было практически сделано.

– Мало ему, добавить надо... Здесь на трассе самогон в одном месте продают. Заснёт, врежется в кого-нибудь. Или в него... Ничего, скоро откроют вытрезвитель!

– Вытрезвитель? У нас?..

– Не видел разве? Прямо возле милиции построили. Поприжмут тогда хвост всякой пьяни, столько аварий через них...

Всю обратную дорогу Моргунов рассуждал о вреде алкоголя в жизни человека вообще, а среди водителей в особенности. Наверно, пострадал из-за чьей-то пьянки.

8

Нетороплив и обстоятелен Довгошея был не только в своих повестях. Ставить сруб мы начали с того, что отчистили и отмыли вываленный в грязи брус. «А то некрасиво будет», – шурился Толя с таким видом, словно иронизировал над собой. Но дерево драил так, будто предстояло отправлять его на выставку.

В строительстве дома Толина основательность проявилась более чем наглядно. Брус можно было скреплять между собой большими гвоздями, так быстрее, но Толя кинул провода от материного дома и принялся сверлить отверстия под нагели. О серьёзности его подхода свидетельствовал и котлован внутри фундамента. Там предстояло быть не только погребу, но и помещению для автономной котельной, которая в те годы встречалась в частных домах крайне редко. О том, что Толя предусмотрел в доме ванную и туалет, не стоит говорить, это само собой.

Я так и не понял, зачем понадобился ему. Разве что, действительно, в отличие от местных кадров не запью. Мой строительный опыт был невелик, к тому же дом, да ещё

такой – не колхозный коровник. Довгошея знал больше меня, как-никак вырос в местах, где у каждого хозяйство и надо многое уметь. Плюс добровольные консультанты.

Главный из них, Денежка, появился, когда мы только начали укладывать первые венцы. Это был высокий сутулый мужик с палочкой. Он молча походил вокруг стругайки, потыкал палочкой в свежие отверстия для нагелей и, дождавшись, когда Толя выключит дрель, сказал:

– Углы промерзнуть будут.

Толя внимательно взглянул на него.

– Я пакли в стыки не жалею.

– А без разницы! Когда углы в полдерева, надо шпонки ставить.

Этот Денежка был любопытный человек. Я уже начинал разбираться в местной табели о рангах, Денежка находился где-то в самом низу, почти пария. Он был на группе, не работал, жил в избушке, напоминавшей упавшую на колени лошадь – окошки смотрели в землю. Денежка был в возрасте, но жена у него молодая, он её регулярно бил. «Дак чего, гуляет, – объяснила тётя Зоя. – Если уж ты сошла с мужиком, так живи. Не знала, что инвалид и старый?.. Усвистит куда-то, неделями дома не бывает. На пацана жалко смотреть, неухоженный, голодный – что из такого вырастет?.. Да вы его видели, заходил к нам».

На Толиной усадьбе Денежка появлялся каждый день.

– Инспектор идёт. – Довгошея с усмешкой подбивал пальцем очки на широкой переносице. Лицо у него уже загорело, стало кирпичного цвета – дни стояли солнечные.

– Давно не было, – усмехался и я.

Денежка следил за строительством так ревностно, будто строили дом для него. Мне вспоминался сюжет по телевизору: в обезьяньей стае у одной самки не было детёныша, и она постоянно утаскивала детёнышей у других. Может, и Денежка в своих советах реализовывал то, что не мог реализовать на деле, для себя. Потому что больной, потому что нужда, потому что жизнь не сложилась и жена потаскуха.

– А чего фасок на брус не? Дождю стекать некуда, стены гнить будут, не соображаешь? – допытывался он у Толи. Видел, что к его словам прислушиваются, и поэтому не особенно церемонился.

Толя почти оправдывался:

– Ещё буду кирпичом обкладывать. Теплее, и никакой дождь не страшен.

Денежка сдавался не сразу. Он кашлял, плевал на землю, сварливо говорил:

– Кирпичом... Пока дойдёт до кирпича!.. Срубку выстояться надо, а дождь будет в стены бить. Промокнет пакля, врубаешься?

Он выбирал место, садился и, положив рядом палочку, принимался рассуждать о преимуществах дома из кругляка. Возни, правда, больше, но в таком доме стены не промокают, вода задерживается в желобах. Откуда Денежка всё это знал, было неизвестно. Толя перепроверял его советы, оказывалось, на самом деле так. Мы устраивали перерыв, слушали, переглядывались, но когда Денежка менял тему, возвращались к работе.

А темы у Денежки были самые разные. Он мог вдруг спросить:

– Вот скажите мне слово, чтобы было четыре буквы «а». Вы ж институты окончили, должны знать!.. – Видя наше затруднение, доставал из кармана во много раз сложенную газету и тыкал пальцем в текст: – Вот, «спАртАкиАдА»!.. Четыре!.. Или чтоб сразу шесть согласных букв подряд. Ну?..

Толя поднимался, брал в руки топор.

– Что это тебя на слова потянуло? Ребусами увлёкся?.. В русском языке не бывает шесть согласных подряд.

– А вот бывает!.. Не из газеты – из жизни!

– Мкртчян, – шутил Довгошея, принимаясь обтёсывать нагели, длинные деревянные штыри, которыми соединялся брус в стене. – Армянская фамилия.

Денежка отмахивался, но на всякий случай считал, загибая пальцы.

– Всё равно не шесть. Ну, шевелите мозгами, давай!..

– И наконец торжественно провозглашал: – Взбзднул!

– Хм, что за слово такое?

– Нормальное слово, народное! Это когда очко играет.

– Да ты лингвист.

Денежка оскорбился, слово было ему незнакомо:

– А ты мудака! Думаешь, я пальцем деланный, ничего не понимаю?.. Хер вам!

И ушёл, сердито втыкая в землю палочку. Впрочем, через день как ни в чём не бывало появился на стройке опять.

Приходили и другие, в том числе Моргунов. Тот сам не так давно перебрался в новый дом, всё у него в памяти ещё было свежо. Нещадно дымя «Беломором», Моргунов сообщал, у кого заказывал двери и окна, где покупал шифер. Некоторых поселковых мужиков Толя зазывал на стройку сам, надо полагать, особенно сведущих. Дело у нас двигалось, и довольно споро, если учесть, что работали мы вдвоём.

До того, как поставить вокруг подросших стен дошки, прерывались мы только дважды. Когда сажали картошку и когда Толю пригласили выступить в школе.

Помочь сажать картошку приехала из Вышнего Волочка младшая Толина сестра – его смягчённая, женская копия. Наташа работала на фабрике, в прошлом году окончила одиннадцать классов. Девушка меня стеснялась, смотрела украдкой, её взгляд, случайно наткнувшись на мой, испуганно вспархивал. Наташин голос я слышал всего два или три раза за весь день. У Толи была ещё одна сестра, средняя, которая тоже жила в Вышнем Волочке. Та была замужем, не приехала.

– За Наташкой тоже ухлестывал один, – прерывающимся голосом рассказывала тётя Зоя. Картошку мы сажали с ней на пару. – А что оказалось? Бросил жену с двумя детьми... Наташка: «Я его люблю». Я ей: «А тебя с ребёнком бросит?..» Кому нужна будет? Девочек в Волочке как грязи, со всех сторон едут... Дурная, не понимает, любовь пройдёт, а жить как-то придётся... Какие её годы, чтобы за первого встречного?..

Рассудительная основательность была фамильной чертой Довгошей. Картофелины тётя Зоя не бросала в лунки, а наклонялась и укладывала ростками вверх.

Проснувшись ночью, я слышал, как Наташа вернулась с танцев. С посадкой управились мы за день и нельзя сказать, чтобы особенно устали. В темноте тупо постукивала о столешницу кружка, девушка, звучно прихлёбывая, пила в приделке молоко. Его тётя Зоя оставила, прикрыв сверху куском хлеба. Я представлял Наташины серые глаза, лёгкие волосы, нежный пушок на щеках. Утром девушки уже не было, ушла на первый автобус.

Чужая жизнь промелькнула рядом, обдав свежестью и тайной.

Всё-таки Толя не говорун, его лучше читать. Это в очередной раз стало ясно в школе в последнюю субботу мая. На встречу с писателем-земляком в полном составе пришли даже учителя. Старательно улыбаясь, женщина в двубортном пиджаке (надо полагать, директор) сказала, что Толя тоже окончил их школу, но большому кораблю большое плавание, сейчас он живет в Москве, пишет книжки. Анатолий Михайлович гордость посёлка и даже всей Калининской области. Его отец тоже был уважаемым человеком, заведовал мастерскими МТС, много помогал школе. Жаль, рано умер. Сейчас Анатолий Михайлович расскажет о своих произведениях и поделится творческими планами. Попросим, ребята.

Толя под аплодисменты поднялся, с долгими паузами принялся говорить. Выходило сбивчиво, косноязычно, мне было неловко за Толю. Облупившийся от солнца нос и грубые руки плохо вязались с костюмом и галстуком. Да и как рассказать о сверхзадаче, о системе образов, о переключке смыслов, которые прошивают текст, то выныривая, то уходя под спуд? Такое учителям-словесникам не всегда понятно, а уж школьникам... У ребят яйца больше головы, живут не умом, а рефлексам.

И вот тут нота бене, пронизательный читатель. Пора сказать об истинной причине моей поездки. С Аллой не складывалось, отцовство было сомнительным, из начальников почтового вагона пришлось уйти – всё так. Но это на поверхности, очевидный слой. Истина глубже.

Сказать, что Довгошее я завидовал, значит упрощать и опошлять ситуацию. Я не понимал, откуда в че-

ловеке, который может рыгнуть за столом, часами нудно говорить, когда давно всё ясно, слыхом не слыхивал о Торнтоне Уайлдере и Набокове, – откуда то, что делает его повести желанными для журналов и издательств. Так когда-то я не понимал одного пацана в пионерском лагере, чемпиона по шашкам. Он выигрывал у всех, в том числе у меня. Я сидел рядом, следил за его игрой, спрашивал: «Почему ты так пошёл?» Тот пожимал плечами: не знаю, захотелось. И выигрывал.

Я чувствовал болезненную тягу к Довгошее. У меня не получилось, я бросил сочинительство, послал всё к чёртовой матери, а у него всё хорошо. Я Довгошеем разве что на просвет не рассматривал, как в своё время Алёша Пешков страницы книги. Может, дело в местности, где Довгошее вырос, в окружении, Толиной родне, в земляках, в воде, которую он пил, в самом названии посёлка?.. Недоумок. Я хотел понять природу дара, а тайна сия велика есть – аксиома, давно набившая оскомину. Из слышанного в ЦДЛ: талант, как прыщ – где захотел, там и выскочил. Или более возвышенно: пока не требует поэта к священной жертве Аполлон...

Посидеть за чаем не удалось. Дверь учительской, куда нас после встречи пригласили, резко распахнулась. Растрёпанная женщина, обежав всех заплоченым взглядом, бросилась к Толе:

– Ой, Толя, помоги!.. Да что же это делается-то!.. Разве можно так!..

Довгошее поднялся навстречу, кто-то из учителей налил стакан воды, подал женщине, принялся успокаивать. Та невидящими глазами смотрела на стакан и не брала.

– Что случилось?

Женщина потянула Толю из учительской, не хотела говорить при всех.

– Я к вам домой... Зоя говорит, в школе... – потерянно бормотала она.

Оказалось, это жена Моргунова. Тот был на дне рождения, выпил, его потянуло посмотреть на открывшийся на днях вытрезвитель. Стал у милиционеров расспрашивать что да как. Те Моргунова в вытрезви-

тель и определили – а что, поддатый. Ситуация анекдотическая: поборник трезвости стал первым клиентом вытрезвителя.

– Толь, попроси за него! Ты писатель, москвич, тебя послушают!.. – Женщина хватала Довгошеем за руки и смотрела собачьими глазами. – Ты нам родственник, Толь!..

Решился Довгошее не сразу. Робеет всё-таки русский человек перед властью, робеет, пусть даже писатель! Впрочем, хохол не лучше.

– Так это надо к начальнику отделения. А сегодня суббота...

– Домой пойдём, я отведу, я знаю, где живёт!.. Толь, остригут, стыдоба!..

– Неудобно как-то домой...

– Толь, покалечить могут! Знаю я его, возникать начнёт, а ментам того и надо!..

Начальник ПОМа обитал в кирпичном особняке, судя по всему, казённом. Ни огорода, ни грядок рядом. Мы остановились у калитки с синим ящиком для почты.

– Взятка... – Неуверенно улыбаясь, Довгошеем покрутил в руках сборник своих повестей, который захватил в школу. – Лида, ты со мной не ходи, так лучше будет. – Толя потоптался перед калиткой. – Ладно, пошёл.

За всё время в центре посёлка я побывал всего пару раз, стройка не отпускала. И сейчас с интересом осматривался. Деревянные тротуары, крашенный штакетник по обеим сторонам улицы, дом культуры с нарисованными на фасаде колоннами... Всё мне здесь казалось значимым. Так же, как фамильный пятистенок, тёмное пространство моста, запах коровы, тётя Зоя, мило застенчивая Наташа – всё это тоже Толя... Жена Моргунова, застыв, смотрела на дверь квартиры главного поселкового милиционера.

Когда Толя вышел, она подалась к калитке, вцепилась руками в штакетину.

– Что?..

Толя сказал:

– При мне позвонил. Выпустят.

Женщина молча устремилась к зданию отделения

милиции, оно было здесь же, на центральной улице. Довгошея смотрел ей вслед.

– Ну, Лиде сейчас не до нас. Пошли.

В Толином голосе было снисходительное самодовольство. Что ж, имел право. Человек, с мнением которого считались. Писатель.

9

Кима Николаевича давно нет в живых, он умер ещё до горбачёвско-ельцинских пертурбаций, но некоторые его фразы до сих пор сидят в памяти. Например, такая. Писатель не только повелитель судеб и пространства – он повелитель времени. Может сжимать его в невероятной плотности субстанцию, уместить в нескольких фразах десятки лет. А может миг растянуть на страницы, подробнее описав мысли, ощущения, действия. Даже не их, а первоначальный толчок электронов в нервной системе, предвосхищение будущих событий и чувств.

Воспользуюсь. Тем более, что в моём случае это не авторский волюнтаризм, а отражение реалий. Вы помните, например, себя в первом классе, потом во втором? Дистанция огромного размера. А год в возрасте, скажем, между тридцатью пятью и тридцатью шестью? Сомневаюсь. Я не помню. Практически ничего нового за такой год не узнаёшь, не то что в детстве. И эмоции скуднее. А именно то и другое есть память. В таком возрасте жизнь это движение по накатанной колее. Количество, не переходящее в качество.

И совсем уж ничего не добавляя, время идёт после пятидесяти, и потому стремительно. Только вчера был Новый год, а уже опять декабрь, надо отправляться в лес за ёлкой, устанавливать, терпко пахнущую морозом и хвоей, в спортзале нашей малокомплектной школы, снова ехать в город за подарками... То, что время ускользает, замечаешь разве что, когда встречаешь бывших учеников. Кто-то нашёл работу, кто-то студент, девчонки прогуливаются с колясками. А ведь только

что... Когда я останавливаюсь перед зеркалом, на меня смотрит траченный жизнью мужик. Лысый, толстый, на протезе. Я?.. Недоумение и страх. Он острее всего ночью. Сползание в бездну, как ни бодрись, как ни цепляйся. Только сейчас по-настоящему понимаю фразу Маяковского о жизни, которая прошла, как проходят Азорские острова. Обидно как-то и несправедливо.

Но забегаю вперед. В этой главке мне ещё далеко до себя нынешнего.

Луцкого я сразу не узнал. Рядом с Совушкой-Аней за чайным столом сидел какой-то человек в тёмных очках. Пёстрый зал светом никогда богат не был, но цэдээловская публика с претензией, и я подумал, что это один из завсегдатаев.

– Здравствуйте.

– Ой, Юрочка! – обрадовалась младший редактор Литературной консультации, хлопнула в ладоши и подалась навстречу. – Как хорошо, что ты здесь. Сколько мы не виделись, страшно подумать! Я так рада!..

С чего Совушке радоваться и называть меня Юрочкой, я не понял – во времена конфликта в ЛК соратниками мы не были. Впрочем, почему я должен вызывать у неё аллергию, врагами мы не были тоже. Да и времени столько прошло. Совушка уже вполне взрослая женщина, на её лице читается опыт. Но вряд ли замужем, замужние в ладошки не хлопают.

– Рассказывай, где ты, что ты?.. Познакомься, это наш старший редактор Серёжа Луцкий. Он после тебя в Литконсультацию пришёл.

Ох уж эта мне богемная привычка называть по имени людей вне зависимости от возраста. А при встречах целоваться, невзирая на пол. Я даже не сразу среагировал на фамилию. Новый сотрудник ЛК во время Совушкиного монолога ухмылялся.

– Мы вроде как знакомы.

Я присмотрелся. Тёмные очки сбивали с толку.

– Луцкий?..

– Вива маре Буковина и её столица славный град Чернауц!

Мы обнялись, похлопали друг друга по спине. Приятно. Не каждый день встречаешь человека из своей молодости. Начинается разговор о городе, о нашей компании, которой давно нет, о других знакомых. Метаморфозы самые неожиданные. Адик Мыколив, этот Ноздрёв черновицкого разлива, не просыхает, дошёл до того, что побирается на троллейбусных остановках, жена его выгнала. Моя бывшая любовница Нина оставила заведование книжным магазином и уехала на Север. Сестрёнки-спиритистки из культпросветучилища вышли замуж, сейчас в Израиле... Не часто, но Серёжа и я бываем наездами в Черновцах, рассказать друг другу есть о чём.

– Ты что в тёмных очках? – спрашиваю я, освоившись.

Земляк краток:

– Необходимость.

Он мало изменился, выглядит моложе нашего возраста, по-прежнему сдержан. Некоторые считают, что Луцкий высокомерен.

– Так ты из госкомиздата ушёл?

– Давно. Чести много, а платят... Сыновья растут, кормить-одевать надо. Здесь хоть квартальная премия есть.

Вскоре выясняется, верх взяли всё же не меркантильные соображения. Как в свою пору Лёва Скакунов, Серёжа счастлив не ездить на службу каждый день, тем более из-за города. Для пишущего человека это очень важно.

– Читал рецензию на твою книгу. Поздравляю, – говорю я.

В межсезонье я наверстываю то, что пропускаю летом и зимой, когда шабашу. Возвращаясь в Москву, отдаю Алле деньги и неделями сижу в библиотеке, читаю журналы и «Литературку». Необходимо быть в курсе процесса. Из того же ряда и мое появление в ЦДЛ через задний проход Левентула. Здесь мне назначил свидание Стёпа Хмелик, он служит в новом издательстве «Белокаменная», у него ко мне дело. Наверно, опять какая-нибудь афера. Но Хмелика пока не видно.

– Спасибо, – говорит Серёжа и краснеет от удовольствия. – А я твой рассказ в «Литературной России» читал, тоже поздравляю. Алаверды!

Мы смеёмся и опять хлопаем друг друга по спине.

Гипотетический пронизательный читатель мог это предвидеть. Окончательно бросить писать я так и не смог. Неисправимый графоман. Это сильнее меня, как говорят любители клише. Особенно тянет сочинять именно в межсезонье, когда в шабашках наступает пауза. Неблагополучие в природе хочется уравновесить гармонией фразы, это на подсознательном уровне. Прав был Ким Николаевич, я лакировщик действительности. Впрочем, не так уж это и плохо, если помогает справляться с жизнью.

Заходить в Литературную консультацию мне не хочется, да и Хмелика надо дожидаться, но Совушка говорит, что ни Ольги Григорьевны, ни Гены Попкова сегодня нет. А Веню вообще по настоянию нового заведующего перевели в издательство, так спокойней. Он ведь не её тогда от Сенчукова защищал, он свои интересы преследовал. Веня человек очень себе на уме, мягко стелет, но жестко спат. Я задерживаю на Ане взгляд. Ничего нового она мне о Чачия не сказала, но интересно это слышать от неё. В датском королевстве по-прежнему проблемы? Отсюда и необычная Совушкина душевность, сиречь поиск союзников?..

В Литконсультации всё так же пахнет лежалой бумагой, сыростью уходящего в землю помещения, линолеумом. Уже несколько лет прошло, как я уволился, а здесь всё то же. Впрочем, перемены есть. Совушка рассказывает, что просторный кабинет заведующего у ЛК забрали, там теперь обосновался консультант Правления по публицистике. Должность ввели недавно, на дворе перестройка, публицистике особое внимание. Но об этом между прочим, Аня вся в другом. Она рассорилась с Ольгой Григорьевной, та не одобряет её романа с немолодым киношником, с которым Совушка не так давно познакомилась.

– А какое Ольге Григорьевне дело?

– Не знаю! – Аня в искреннем недоумении вздёргивает плечи. Это даже не недоумение, а возмущение. – Не знаю!..

И вообще Ольга Григорьевна и Гена обнаглели. За спиной заведующего распределяют рукописи. Аня молчать не может, сказала, заведующий объявил им выговор. В обход руководителя делать такие вещи некорректно, да и несправедливо – остальных рецензентов тоже ведь надо подкармливать. Рукописей сейчас приходит раза в два меньше, литература уже не единственный способ выразить себя пассионарному человеку. Теперь можно становиться кооператором, многие ударились в политику, участвуют в митингах, выдвигаются в народные депутаты...

Серёжа Совушке сочувствует, это видно по лицу. Меня так и подмывает сказать: старик, осторожно! Прошлая буча тоже начиналась с защиты невинного создания. Аня не так проста. Взбаламутить всех, а потом остаться в стороне надо уметь. Но я только усмехаюсь и спрашиваю:

– Гена Попков рецензентов данью больше не облагает? Викинга ему хватило?

Луцкий взрослый человек, сам разберётся. В Совушкином голосе сожаление:

– Кажется, нет.

Она никак не может переключиться. Гена Попков занял сторону Ольги Григорьевны, их рецензенты перестали с Совушкой здороваться. Через Веню создают о ней в «Совписе» соответствующее мнение, хотят выжить. Спасибо Серёже и заведующему, они её поддерживают.

Выйдя из ЛК, я облегчённо вздыхаю. Начало ноября, острый, пахнущий свежими огурцами воздух, пятная асфальт, падает и тает первый снег. Слава тебе, господи, не имею больше к этой мышине отношения! У меня другая жизнь. Лучше уж пахать на шабашках.

Приблизительно то же я говорю Хмелику, когда тот вечером звонит домой. Вернее, намекаю. Я как раз укладывал Катю, читал ей на ночь книжку. После походного быта мне хорошо дома. Мы обжили квартиру, неплохо обставили. Орехово-Борисово мне никогда не казалось краем света, теперь, похоже, и Алле не кажется. Светит торшер, бормочет телевизор, на дочки-

ном лице отражение сказочных перипетий. Алла открыла дверь:

– Тебя к телефону. – На нас с Катей жена не смотрит, подаётся к телевизору, несколько секунд вслушивается в голос диктора. – Ну, конечно, всё отвратительно, кто бы сомневался! Как мы только до сих пор живы!..

Алла в поре своего женского пика, налитые бедра и грудь, пополневшее лицо свежо и гладко. Взгляда на неё достаточно, чтобы во мне опять заныло: почему не хочет? Сейчас только и рожать, у Катюшки должен быть родной человек, брат или сестра, а не как у меня и Аллы. Летом жена сделала аборт, теперь не ложится со мной, не приняв таблетки. Её веселит то, что папа и Марта Сильвестровна не так давно родили ребёнка. «Смастерили снегурочку на старости лет! Тётю нашей Катюшке, её моложе!..» За последние годы Алла изменилась, дочь и прочный семейный уклад прибавили уверенности. Когда мы в постели, Алла любит называть вещи своими именами. Как тебе не стыдно, а ещё учительница, ухмыляюсь я. Ещё чего, шутливо возмущается жена, загляни в Даля, там всё есть!.. Похоже, это её заводит. То, что мы не всё время вместе, делают наш секс ярче, он не успевает приестся, стать будничным. Но когда я начинаю разговор о втором ребёнке, Алла становится непреклонной: «Ты посмотри, что вокруг происходит! Газеты словно взбесились, «Московские новости» почитай, «Огонёк»!.. Нет, что-то должно случиться, просто так это не кончится. Надо быть сумасшедшей, чтобы в такое время рожать». Горбачёва она на дух не переносит, никакие перемены ей не нужны. Похоже, инстинктом чувствует угрозу своему гнезду. Женщина. Самка.

– Старик, есть место редактора, нужен надёжный мужик. Я верю, ты справишься!.. – Голос плывет, Хмелик основательно подшофе, что странно, раньше он практически не пил. Стёпа и не думает извиняться за то, что не появился в ЦДЛ. Он сделал карьеру, выходил, выпросил, выслужил должность зама главного редактора и считает, что теперь может так себя вести. И в лексике нечто

новое. – Старик, это стартовая площадка, врубись, стартовая, только начало, гад буду! Дальше – вообще бога за бороду!.. Нужна команда, наступают новые времена. Охеренные перемены, ты себе представить не можешь, никто не может!.. Прикинь, частные издательства, а когда такое было, а?! Никаких госкомиздатов, никаких главлитов! Т а м добро дали, т а м!..

Стёпа зовет к себе. Что такое работа рядового редактора, я представляю. Между молотом и наковальней, его руками издательское начальство загребаёт жар. Опять же интриги и подсиживания. Самые хреновые коллективы – творческие, в этом я имел возможность убедиться. Прошу Стёпу дать мне время подумать, существуют кое-какие обстоятельства. Подмывает сразу сказать «нет», но пока не стоит. В «Белокаменной» лежит рукопись моих рассказов, старых и написанных за время перерывов в шабашках.

– Папа, ты скоро? Я устала ждать. – В комнате появляется Катя. Она босиком, волосы растрёпаны. Катя мне пеняет, капризно выпятив губы: – Вот так жди, а жизнь проходит!..

Я смеюсь:

– Иду, Бранзулетка.

Бранзулетка – домашнее Катино имя. Откуда оно в нашей семье, не помню. Я подхватываю дочь на руки. Ловлю себя на мысли, что достиг гармонии. Неплохо зарабатываю и могу в то же время писать. И дома я столько, чтобы никому не надоест и чтобы мне никто не надоел.

Золотое сечение.

10

Звучит курьёзно, но перестройка прошла мимо меня. Во-первых, работа, когда сил вникать в происходившее особо не оставалось. Во-вторых, в посёлках и районных городках, где по преимуществу шабашила наша бригада, перестройка ощущалась мало. Ну, коммерческие ларьки, дикie рынки, продавцов на которых

больше, чем покупателей, американский спирт «Royal» в литровых пластиковых бутылках, обилие дефицитной прежде колбасы разных сортов, правда, очень дорогой. А в остальном без особых изменений. Бурлила в основном Москва. Это бросалось в глаза, когда я возвращался домой. Даст бог, когда-нибудь напишу об особенностях русских революций. У них экспортный характер. То опломбированный вагон через нейтральную Швецию, то благословение вашингтонского обкома Ельцину плюс московские СМИ, поющие с чужого голоса.

Но во всех этих перестроечных делах мне сейчас интересно другое. Хотел бы я знать, что сказал в Рейкьявике душе Горбачёву Рейган, если тот вышел из комнаты переговоров с перевёрнутым лицом. И один за другим принялся сдавать Варшавский Договор, СЭВ, ГДР, далее по списку. Но вряд ли когда это станет известно. Информация для верхушки спецслужб. И почему прораб перестройки Коротич живёт в Штатах и что навнушал нам двадцать пятым кадром Кашпировский, который тоже сейчас в Юнайтед Стэйтс. Если когда-нибудь возьмусь писать о том времени, эпитафия будет из Бабеля: измена, товарищ следователь Бурденко, ходит, разувшись, в нашем доме, измена закинула за спину штiblеты, чтобы не скрипели половицы в обворовываемом доме...

Ладно.

К бригаде я прибилсь после того, как закончили строить Толин дом. На внутреннюю отделку Довгошея нанял мужиков из Вышнего Волочка, они раньше работали у Моргунова, тот ими остался доволен. Мужики не пили, не курили, не матерились. Поначалу это казалось странным, даже подозрительным, но со временем всё разъяснилось.

Раньше они работали в вышневолоцком сму, о них писала местная газета, а когда мужикам присвоили звание бригады коммунистического труда, оказалось, что это баптисты. Секретарю парторганизации сму намылили шею, редактору газеты объявили выговор с занесением, а к бригаде стали придирались. Две идеологии – что медведи в одной берлоге, ужиться никак.

А зря. Если бы всё население Советского Союза было баптистами, коммунизм стал бы реальностью.

И дело не только в отношении к работе и друг к другу. Если из христиан кто-то и сможет духовно противостоять исламу, так это сектанты. Войнович в «2042» изгаляется по поводу сращивания коммунистической идеологии с религией. Напрасно изгаляется, в этом что-то есть. Другое дело, что идея, «овладев массами», опошляется и выхолащивается. И чем шире охват, тем неизбежней опошление и выхолащивание. Нужно, чтобы время от времени из пепла восставала обновлённая птица Феникс. Ереси с самого зарождения христианства, Реформация в средневековой Европе, китайская культурная революция при Мао, другие подобные дела. Но это отдельный разговор, когда-нибудь потом. Так вот, бригаде пришлось в конце концов из сму уволиться, даже сектантского терпения не хватило. Ко мне мужики какое-то время присматривались (мы с Толей были у них, профессионалов, на подхвате), а потом их старший сказал:

– Иди к нам в бригаду. Нам человек нужен, брат Семён болеет.

Я согласился. Строить мне нравилось, это не таскать ящики с молочными бутылками на Останкинском комбинате и не смотреть, чтобы не вскрывали посылки в почтовом вагоне. Результат налицо. Да и любопытно было пожить рядом с баптистами. С одним из таких я начинал службу. Несокрушимый парень. Присяги так и не принял, автомат в руки не взял, хотя куда его только не таскали. Затем из части исчез – то ли комиссовали, то ли посадили. Был ещё один аргумент. С сочинительством я в ту пору завязал, но во мне невытравимо сидело писательское соглядатайство: а вдруг пригодится?.. Ничего особого высмотреть не удалось, а то, что я узнал, было известно и так. Молятся, по вечерам и в воскресенье с истовыми лицами толкуют Писание. Не смотрят телевизор, не читают газет, помогают своим. К большему я допущен не был – чужой. Но на меня ловцы человеческих душ всё же имели виды.

– Господу противно, когда крестят ничего не смыс-

лящего младенца, – стал заводить разговоры Михаил, их старший. Он был светлокоч, с податливыми русыми волосами, плотно облегающими голову. Казалось, они у него всегда мокрые. – К Христовой вере надо приходиться взрослым человеком, чтобы сознательно было. А то что, ребёнок, он ничего не понимает, с ним что хочешь делай. Господь дарует каждому право выбора. Тем и велика Христова вера, что не насильственная. Истинная, она через сердце должна пройти, тогда крепка. – Михаил поднимал на меня внимательные глаза. – Ты крещёный?

– Да.

– В младенчестве?

– Не так чтобы очень.

Как меня крестили, я хорошо помню. Во время папиного отпуска мы поехали к бабушке в село. Бабушка и настояла на крещении, хотя папа отнёсся к идее сдержанно – член партии, могли сообщить на работу. Помню спящий летний день, многолюдье и неразбериху базара, на который съезжалось полрайона, мягкую пыль под моими сандалиями, медлительных волов, раскачивающих при ходьбе из стороны в сторону большими рогатыми головами и пускающих к земле гибкие нити слюны. Затем какое-то помещение (не церковь. Дом священника?), озабоченный папа, наспех отыскавший среди базарного люда крёстных отца и мать для меня, табуретка, на которой стою, бородатый человек, брызгающий маленькой метёлкой, капли, которые щечкуют лицо...

– Лет шесть уже было.

– Ребёнок. А что ребёнок понимает?

– Это точно.

Михаил удовлетворённо кивал и принимался рассуждать о самонадеянности людей, особенно тех, что с образованием. На меня он при этом не смотрел. Образованным людям кажется, всё они знают, Бога нет, достигли истины. А их же наука открывает и открывает новое, конца-края не видно. Так можно ли утверждать, что Господа не существует? Он во всём, что вокруг, без

Его воли ничего не происходит. Самонадеянность человеческая и гордыня.

Я не возражал. Отношение к религии у меня двойственное. Тяжело верить в благообразного старичка в ночной рубашке, сидящего на облаке, как и в библейские легенды тоже. Уж слишком явна в них преднамеренность, заданность, как принято писать в рецензиях. А вот идеология, заповеди хороши. Они не позволяют человеку встать на четвереньки, окончательно оскотиниться. Как к религии ни относиться, вещь очевидная: нравы в христианском мире смягчаются.

Баптистом я так и не стал, несмотря на старания Михаила. Стадность всё-таки не мое – что в литературе, что в жизни, потому что это несвобода. Хотя в стаде существовать легче. Я кивал, соглашался, иной раз спорил, но на службу в молельный дом, куда меня стали зазывать, не пошёл. Вольноопределяющийся, дорожащий своей независимостью. К чести Михаила и бригады скажу, что избавляться от меня они не стали. А когда в девяносто четвёртом я потерял ногу, поступили по-человечески. Полностью выплатили мою долю, хотя новорусский особняк, когда я упал с лесов, было ещё строить и строить.

Но это потом, когда опять попрошусь в бригаду. Тому предшествовал, назовём это так, бизнес-период в моей жизни. А затем литрабство у Стёпы Хмелика, о котором я уже упоминал. Нужно было как-то выживать. В начале девяностых в услугах бригады перестали нуждаться, в стране практически ничего не строилось. А деньги, которые Алле удалось отложить, стремительно дешевели.

Ключевые слова тех лет: галопирующая инфляция, ваучеры, бизнес.

Бизнес у меня был тушёночный. Это когда собирается несколько бывших инженеров и оставшихся без работы совслужащих, сбрасываются и покупают вагон популярной в Москве китайской тушёнки. Хочешь, торгуй своей долей прямо у путей, наваривай на разнице между оптовой и розничной ценами, хочешь, по-

купай место на рынке, хочешь, сдавай на реализацию в магазины. Ещё совсем недавно это именовалось спекуляцией, теперь респектабельным словом бизнес.

Сами по себе мои деловые партнеры были нормальными людьми. Случалось, мы выпивали, языки развязывались, раскрывались души. Арендаторы складов, хозяйева только что ставших частными магазинов, водители грузовиков, грузчики – тоже, наверно, были хорошими людьми. Но как все менялись, когда дело касалось денег! Тонкий слой порядочности отлетал, как плохая краска на морозе. «Звериный оскал капитализма» не такая уж и метафора. Где они были, эти люди, почему раньше не бросались в глаза? У забытой сейчас Майи Ганиной есть рассказ «Зачем спилили каштаны?» В нём речь о первых неделях войны, когда в Москве начинают валить деревья, чтобы дезориентировать немецких лётчиков. События даны глазами мальчика, он пугается, когда видит, как оголяются, становятся чужими, враждебными знакомые дворы. Каштаны спилили – и обнажилась суть улиц, домов, самой жизни, которая оказалась с началом войны жестокой и страшной. Мальчик тоже был лакировщик действительности, какие-то вещи ему не хотелось знать, душа противилась.

Леонид Васильевич Пятых так и просился на плакат, что-нибудь вроде «Храните деньги в сберегательной кассе». Открытое лицо, крепкий подбородок, прямой взгляд. Сразу видно, деньги человек зарабатывает честно, положительный во всех смыслах. В литературе подобный зачин предполагает противоположное – на самом деле негодяй и прощелыга. Но жизнь, повторяюсь, не литература, а литература не жизнь, это я ещё на семинарах Кима усвоил. Поэтому никаких опасных предложений Пятых пойти работать в один из его ларьков у меня не вызвало. Вопросы тоже не возникло, почему выбор пал именно на меня. К тому времени китайскую тушёнку перестали продавать вагонами, весь состав приобретали посредники. Они затем и перепродавали тушёнку нам, мелким оптовым покупателям. Делание денег из воздуха, популярное занятие тех лет.

Пятых был одним из таких посредников. Чем он занимался в прежней, советской жизни, сказать с уверенностью не берусь. Может, был комсомольским функционером средней руки (по возрасту подходил), может, предприимчивый по натуре малый, он не мог раньше себя реализовать, а постперестроечная реальность стала для него водичей, в которой хорошо рыбка ловится. Думая над этим сейчас, понимаю, накатывала следующая после Артёма Тарасова и сравнительно добропорядочных кооператоров позднегорбачёвского периода волна. Я впервые увидел, как дорогое московское такси нанимается на весь день, а человека сопровождает телохранитель, что было ещё в редкость. Пятых рисовал передо мной лучезарные перспективы: ларёк, где сейчас только тушёнка, скоро станет магазином, специализирующимся на разного рода консервах, разумеется, из-за границы. Помещение Леонид Васильевич (называть Пятых по имени было как-то неловко) уже присмотрел. Моя зарплата будет зависеть от оборота, а он хороший, ларёк на бойком месте. Ну как?

Бред, если серьёзно. Писатель, пусть даже неудачливый, – и торговля! Вещи несовместные, как говаривал классик. Но ведь раньше я тоже представить не мог, что стану спекулировать тушёнкой. Надо ещё иметь в виду атмосферу начала девяностых. Телевидение и газеты внушали: всё достижимо, надо только не бояться нового, хватит быть совком. Почему бы в самом деле не попробовать? Тем более, есть перспектива, я не всё время буду киоскёром, Пятых обещает сделать заведующим магазином, по-новому, топ-менеджером. Одним словом, я повёлся, как говорят ребята в моей школе.

Киоск обчистили в первую же ночь. Не помогли ни охранная сигнализация, ни то, что рядом станция метро. Вывезли всё, до последней банки. «Когда рассчитаешься? – спросил Пятых, услышав о случившемся. Его арийское лицо было непроницаемо каменным. – Квартира есть? Продавай, даю неделю». – «С какой стати? Я, что ли, украл?» – «Меня это не интересует. Товара было на семьсот тысяч. В неделю не уложишься, поставлю на счётчик».

Технологии заставить работать на себя бесплатно сейчас хорошо известны. А в те дни я готов был целовать хозяину руки, когда он в конце концов с видимой неохотой предложил вариант: отработать долг. Поставить на счётчик, вынудить продать квартиру уже становилось обычным делом. Не стоит говорить, что милиция мне ничем не помогла, грабителей так и не нашли. Я перебрался жить в киоск, питался дошираком, мёрз по ночам и держал под рукой арматурный прут. Но никто в киоск больше не полез. Не знаю, был я этому обстоятельству рад или всё-таки жалел. Вот когда бы отвёл душу.

О новом статусе Стёпы Хмелика мне стало известно у книжного развала.

Это тоже отдельная песня, перемены в издательствах и толстых журналах. Но пунктиром – не место. Читатель я прилежный и помню, как сначала появились произведения советских писателей, которые раньше не печатали из-за Главлита или редакторской перестраховки – гласность, стало можно. Далее по нарастающей. Вернулось русское зарубежье, вперемешку с Набоковым, Мережковским, Алдановым, Шмелёвым, Берберовой стали печатать недавних диссидентов. Солженицын, Максимов, Довлатов, Аксёнов, Войнович... Вот уж когда для советской интеллигенции наступил праздник души, именины сердца! Чудесным образом нашлась дефицитная прежде бумага, тиражи некоторых толстых журналов зашкаливали за миллион. И здесь же на книжных лотках, заполонивших страну, Чейз, триллеры, дамские романы, другие переводные сочинения.

Если хорошей литературой публика за несколько лет насытилась, то переводные опусы продолжали расходиться как горячие пирожки. Самая читающая в мире страна безболезненно переключилась с Набокова и Солженицына на Бетти Монт, Энн Сандер, Диану Стоун и прочих. *«Закрыв глаза, Лайза приникла к Джейку, целуя его с жадным упоением и неутраченной внутренней дрожью отзываясь на уверенные, нежные касания его рук, его*

губ... Ах, эти поцелуи, полные благоговения и страсти, обжигающие и успокаивающие, терпкие и сладостные... О, как же он был хорош! Упоительно хорош!»

Или вот так: «Ника Майера трудно было назвать неопытным мальчишкой. Но эта девушка пробудила в нём новые, совершенно неизведанные ощущения. От них у Ника перехватывало дыхание. Саманта была нежной и смелой, застенчивой и искусной одновременно. Её кожа источала упоительный аромат, и прежде чем Ник осознал, что делает, он уже покрывал поцелуями лицо и шею Саманты. Она не сопротивлялась. Непохоже было, что её сжигает страсть, но она отвечала на все ласки Ника. Она была словно котёнок, который ластится к человеку, а через минуту убегает прочь, забыв о нежности, которую ему только что дарили...»

«Маргарет выступила из угла, где благоухали розы, не торопясь вплыла в круг света и застыла на несколько мгновений. Ричард потерял дар речи. Она была словно статуя, высеченная из мрамора. Но вот статуя ожила.

– О нет, пожалуйста, – прошептала она, – пожалуйста!..

Но его губы уже сомкнулись с её губами. И с первыми же прикосновениями Ричарда тлеющий в Маргарет внутренний огонь превратился в беспощадное и обжигающее пламя. Однако сквозь дымку наслаждения и жар желания пробивалась упорная мысль: это неправильно, так нельзя! Но она хотела Ричарда, нуждалась в нём, и в каждом его ответном движении чувствовала такие же желание и жажду...»

Штука посильнее, чем «Фауст» Гёте. Не подумайте, что это зависть к победившим конкурентам. Дамские романы не так безобидны, как кажутся. Розовые сопли не только портят вкус, они одно из проявлений набирающей силу женской цивилизации. Как в последние десять-пятнадцать лет салоны красоты, фитнес-центры, гламурные журналы, весь этот приторный глянец. Считается, если бы миром правили женщины, было бы меньше войн. Не факт. Но то, что слащавого, в яркой упаковке мещанства стало бы кратнo больше – однозначно.

Так вот, в выходных данных одного из шедевров в мягкой обложке значилось, что выпустило его издательство «Стэлла», генеральный директор С. Н. Хмелик. Всплыл, голубчик! Издательство, где раньше Стёпа работал и куда я сдал рукопись своих рассказов, исчезло. Я пытался узнать, что с рукописью, но телефоны не отвечали, а когда я пришёл сам, оказалось, помещение теперь занимает какая-то инвестиционная компания, ничего о «Белокаменной» им не известно.

Определить, где находится «Стэлла», а вместе с издательством и Стёпа, тоже удалось не сразу. Вместо адреса в выходных данных значился номер а/я. Странно для издательства, в котором есть должность генерального директора, но удивляться уже не приходилось, всё вокруг стало иначе. Я написал на а/я, хотелось по крайней мере получить от Хмелика рукопись обратно. Я уже не надеялся, что мне удастся её издать – наступило время другой литературы, – просто было неприятно думать, что на мою рукопись где-то гадят крысы.

Стёпа отозвался неожиданно быстро, мы договорились о встрече. Верный себе, он выбрал нейтральную территорию, на этот раз Александровский сад. Вёл Стёпа себя настороженно даже здесь, вблизи Кремля, где ведомство Коржакова держало всё под контролем. Оказалось, не потому, что боялся моих претензий.

– Знаешь, Бенедикта убили. В подъезде, молотком по голове, – сказал Хмелик, опускаясь на непривычно чистую голубую скамейку. Похоже, в Александровском саду молодёжи не позволяли сидеть на спинках.

– Да ты что!.. Почему?

Стёпа пожал плечами:

– Кто его знает.

– Неужели из-за рецензий?

Кроме моей совписовской, Бенедикт забодал ещё не один десяток рукописей, репутация у него была известная. Но раньше убивать за подобное никто бы не стал. Слова Кима Николаевича, что литература кровавое дело, приобрели в новой действительности буквальный смысл.

– Нам с тобой это не грозит, – попробовал пошу-

тить я. Слава богу, не имею к смерти Бенедикта отношения, но нечто вроде злорадства в душе всё же шевельнулось. – Счёты с нами никто сводить не будет, мы не свирепствовали. Ну, разве что ты теперь озолотился на дамском чтиве и не хочешь платить рэкету... Кстати, сам-то продолжаешь писать? Где печатаешься?

При моих словах о рэкете Хмелик беспокожно оглянулся, но взял себя в руки, сел на скамейке прямо.

– Некогда писать, времени нет. Да и... Короче, у меня к тебе предложение.

– Ты лучше скажи, где моя рукопись?

– С ней всё нормально, вернут. Так вот, насчёт предложения...

Я перебил:

– Сдавать экзамены во ВГИК? Или таскать для тебя из огня каштаны в «Стэлле»?

– Я серьёзно. – Стёпа поморщился, моё ёрничание ему не понравилось.

После того, как я видел его в последний раз, Стёпа изменился. Это бросилось в глаза ещё тогда, когда он подходил к скамейке. Вылинял как-то, поубавилось в Стёпе живости и, скажем так, жуликоватого буйства глаз. Опять же брюшко, нависающее над ремнём. И то сказать, за сорок мужику, как и мне, впрочем. Я, наверно, выглядел не лучше, но себя со стороны не видишь.

– Возьми, почитай. – Хмелик достал из сумки несколько книжек в мягкой обложке. – Только что вышли. Сможешь так писать, заключим договор. Выберешь себе псевдоним.

– То есть?

– Ну, вроде как американский автор, женщина.

Мне стало весело. На время я даже забыл, зачем встретился с Хмеликом.

– Эти тоже под псевдонимами? – Я ткнул пальцем в книжки.

– Эти настоящие.

– Тогда не понимаю.

Стёпа туманно заговорил о необходимости менять издательскую политику. Ему хочется, чтобы книжки

«Стэллы» были доступны самому широкому читателю, а у того сейчас с деньгами не густо. Одним словом, филантроп. Зная Хмелика, я подумал, что здесь, скорее всего, другое. Просто Стёпа не хочет платить переводчикам, которые поставляют «Стэлле» эти нетленки. Авторам-американкам гонорары он и так наверняка не платит – попробуй в нынешнем бардаке заставь. Да и не за что. Прочтёшь две-три книжки, и ясны лекала, по которым такие произведения кроются. Простые как мычание. Я несколько подобных книжонок пролистал – несмотря на мои насмешки и своё филологическое образование, Алла их время от времени покупала.

Он и она, оба пережили драмы, но по-прежнему хотят любви. И вот случайная встреча, они друг на друга произвели впечатление, казалось бы, путь к альковным неистовствам открыт, а там и к узам Гименя. Но так было бы слишком просто. Читательницы должна поволноваться, попереживать, и потому обнаруживаются неожиданные препятствия. Это могут быть появившиеся на горизонте прежние поклонники или поклонницы, бывшие жёны и мужья, длительная командировка в экзотическую страну, где свои соблазны, на время заглушившие росток новой любви, что-нибудь ещё – выбор самый широкий. В конце концов все треволения и преграды остаются позади, чувства героев берут верх, наступает ночь (утро, сиеста, вечер) страстной любви, которая навечно соединит их. Он непременно богат и спортивен, она обворожительная блондинка с пятым номером бюста. Возможны варианты, однако в пределах заданной схемы.

Что со мной тогда произошло, я не знаю. Наверно, сказалась нервотрёпка, связанная с киоском, то, что жить семье в последние месяцы приходилось на Аллину учительскую зарплату. Для нормального мужика это унижительно. Я схватил Хмелика за плечи, принялся злобно трясти.

– Как ты смеешь мне такое предлагать?! Я серьёзный писатель, я не распивочно и навывнос!.. Что ты впился в меня, скотина! Лоха нашёл?! И раньше!..

Стёпа дернулся, но я держал крепко. Я готов был вытрясти из него душу.

– Это ты в меня впился. Отпусти.

Как ни странно, Стёпа не испугался, и это меня как-то привело в чувство. Действительно, глупо себя веду, так в нашем возрасте не поступают. Человек даёт возможность заработать, подобные вещи надо ценить. Пусть даже делает это с выгодой для себя. Наверняка платить будет мало.

– Извини, – сказал я, отпуская Хмелика. – Короткое замыкание.

С полминуты посидели молча. Стёпа не уходил.

– Ладно, согласен, – сказал я. – Но гонорар вперёд. Мне долг надо вернуть.

Стёпа помедлил.

– Сколько?

Я назвал сумму. Пярых я ещё должен был порядочно. Хмелик присвистнул. Я заторопился:

– Ты знаешь, я не подвожу, я отработаю! Всем, чем хочешь, могу поклясться – отработаю. В накладе не останешься!..

– Деньги из бизнеса надо вынимать. – Стёпа отвёл глаза. – Они у меня все в деле, работают.

– Да я тебя завалю этой фигнёй! Сто раз окупить!..

Поторговались. Пользуясь моим положением, Стёпа гонорар за каждый будущий опус назначил, естественно, смешной. Но выбирать не приходилось. Жизнь в киоске господина Пярых мне уже была поперёк горла. Под конец Хмелик даже попробовал меня учить:

– Старик, мы друг друга давно знаем, позволь тебе совет... – Он солидно помолчал, обвёл глазами краснокирпичную зубчатую стену Кремля, проступающую в прогалах между деревьями. – Надо всё-таки быть гибче как-то, что ли... Применяйся к жизни, а не пытайся переделать под себя. Как правило, ничего из таких попыток хорошего не выходит... – В Стёпином голосе звучало усталое превосходство. Эдакий мэтр, эксперт по суровой действительности. – Если бы ты знал, столько прекрасного народа шею себе на этом сломало, ой-ёй-ёй!

Я с удивлением взглянул на него: с чего вдруг менторство? С какой стати? До такой степени я, со стороны, неудачник?..

– Засунь свои советы знаешь куда? – В давнем знакомстве есть свои преимущества. Оно позволяет непосредственно себя вести даже с работодателем. – То-то, смотрю, ты к жизни применился. Как заяц от каждого куста шарахаешься.

Хмелик не смутился.

– И тем не менее помогаю, заметь, я тебе, а не наоборот. Тебе, который не прогибается. По крайней мере, думает, что не прогибается.

Раньше я стал бы спорить – благодетель нашёлся в свою пользу. Сейчас не стал.

Старый, наверно, становлюсь.

11

И опять воспользуюсь правом уплотнять время. Пора, пора сводить концы с концами! Разросшийся опус меня тяготит, по темпераменту я всё-таки рассказчик, спринтер. Эту главку можно назвать так: «Сухой остаток». Или «Предварительные итоги», как назвал Юрий Трифонов одну из своих повестей. В моём случае, не такие уж и предварительные.

Кто-то скажет, что мне не хватило характера. Раз уж решил стать писателем, заткни своё самолюбие в задницу и делай, как принято. Оставайся полунищим, но продолжай обивать пороги редакций, заискивай, лебези, говори не то, что думаешь, подстраивайся, завязывай полезные знакомства, прибежись к какой-нибудь литературной стае, потому что одиночки не выживают. И никакого чистоплюйства. Нравственные принципы великой русской литературы? Сапожник тачает сапоги для других. Глядишь, со временем сделался бы своим, стали бы печатать, книжки пошли бы. Вариант Стёпы Хмелика – то, чем Стёпа стал бы, во время не подайся в издатели.

Однако слишком велика цена. А главное, ради чего

весь этот путь унижений? Какую такую неведомую вселенскую идею нёс я человечеству, чем хотел его осчастливить, чтобы ломать себя и холуйствовать? Библейский Иов верил, Бог его испытывает, насылая несчастья. Моя вера – в гармонию слова. Оказалось, тонкая эта материя – средство, а не цель, я это ещё на семинарах Кима уяснил. По-хорошему, тогда-то и нужно было бросать всё к чёртовой матери.

Не смог.

Озверев от сочинительства дамских романов, от псевдонима Джулия Литл, от китча и пошлости, я опять было сунулся со своими рассказами в редакции толстых журналов. Думал, настало другое время. В особняке на Цветном бульваре благообразно бородатый зав отделом прозы (на стене за спиной иконы) объяснял такому же бородатому собеседнику, как добраться до популярного схимника. Взять в провожатые советовал священника из ближнего села, за услугу тот спрашивает недорого, двадцать долларов. Иконы, схимник и доллары в одном флаконе меня смутили. Я тихо вышел, не дожидаясь конца разговора и не оставив рукописи.

В редакции с крутой лестницей на Арбате мне сказали, что из рассказов нужно убрать длинноты и лишних героев. На мою просьбу показать, где именно убрать и каких героев, скучающая женщина стала ещё скучнее, сказала, это мне должно подсказать авторское чутьё. Как я позже обнаружил, рассказы она не читала. Страницы, кончики которых я склеил, так и остались не разделёнными. Выяснить отношения я не стал, а вот в журнале по улице «Правды» дошёл до главного редактора. Попросил её саму прочесть что-нибудь из подборки. «Я читаю только то, что отбирают мои сотрудники». – «Но они могут ошибаться. Разве всё, что у вас печатается, шедевры?». Ответом мне было отчуждённое молчание. Главный редактор не собиралась менять своих привычек. «Извините, – поинтересовался я, – какой тираж у журнала?» – «Вы хотите меня уязвить?» – «Нет, просто при тираже две тысячи экземпляров амбиций у главного редактора должно быть меньше».

Всё то же деление на своих и чужих, на западников и патриотов, всё тот же замкнутый круг авторов. Ничего не забыли и ничему не научились, как говорили о Бурбонах, вернувшихся к власти после Наполеона. Горбачёв не Наполеон и Россия не Франция, но слишком многое изменилось, чтобы всё оставалось по-прежнему.

Соблазнительно стать в позу толстовского героя из «После бала»: не литературная среда меня отвергла, а я её. Но это было бы натяжкой. Неудачником тем не менее я себя не чувствую. Меня публикует «Литературная Россия», некоторые другие издания, в том числе недавно появившиеся. Но не это главное. Я хотел быть причастным к литературе, жить в её силовом поле – и это получилось. Я умею писать, классики мои коллеги, пусть они талантливее, но мы одной крови. Каждый, как сказал Чехов, должен лаять голосом, который ему дан, и не стесняться этого. А известности писателю много не надо, достаточно, чтобы знали в пределах региона. Вся остальная известность – нечто неосязаемое, виртуальное, от чего ни холодно, ни жарко.

Книгу я до сих пор не издал, но недавно ко мне приезжал ответсек областной писательской организации, приглашал вступить в члены. Случись это лет двадцать назад, в советскую пору, я бы умер от счастья. Под брусничную настойку в палисаднике учительского дома я выложил, что думаю о нынешних членах Союза. Клиенты Литературной консультации, причём не из лучших. И процесс депрофессионализации идёт по нарастающей. Боюсь, скоро в членах СП окажутся все графоманы, а быть в их рядах меня как-то не тянет. Ответсек уехал обиженный.

Живу я один, с Аллой мы разошлись. После того, как мне ампутировали ногу, я стал замечать, что её отношение ко мне изменилось. Не то чтобы брезгует, но очень похоже. Культия, действительно, малоэстетичное зрелище. Гордый сын Хохляндии, я уехал в прикамскую деревню. С директором здешней школы мы познакомились, когда я оказался в больнице с начав-

шейся после перелома ноги гангреной, – не удалось найти транспорт, чтобы вовремя отвезти меня, новорусский особняк наша бригада строила в деревне, где остались только старухи. Директор школы всю жизнь писал стихи, я для него был находкой. Он принялся звать к себе работать, заниматься прежним делом я, понятно, уже не мог.

Думалось, уезжаю из Москвы на время, оказалось, навсегда. По крайней мере, работаю в малокомплектной школе до сих пор. Преподаю русский язык и литературу, попутно веду историю, ОБЖ, технологию (бывший труд) – в нашу тмутаракань учителя не едут. После того, как директор ушёл на пенсию, я занял его место. Не уверен, что из меня получился хороший администратор, но в районном комитете по образованию на этой должности предпочитают видеть мужчину.

В деревне я прижился, мне здесь нравится. Понравилось и Кате, когда она приезжала погостить на каникулы. Она уже взрослая, заканчивает Плехановскую академию, я помогаю платить за учёбу. Чья она дочь, так и осталось неизвестным. Катя похожа на моего бывшего тестя, а на генетической экспертизе я настаивать не стал. Знаю, что Алла вышла замуж, у неё растёт вторая дочь, и муж нормальный. Папа умер. Произошло это, когда я лежал в больнице с ногой, попасть на похороны я не смог. Да простит Бог, будто гора с плеч свалилась – теперь никто не ждёт от меня писательских успехов. Хотя папу я люблю, до сих пор мне его не хватает, а уже сам в его возрасте.

Олега Всеволодовича тоже нет в живых. Ким Николаевич умер ещё раньше, похоронили его не на Ваганьковском, как полагалось бы по писательскому рангу, а каком-то окраинном кладбище. Толя Довгошея бросил писать, когда перестали платить сносные гонорары, сдаёт московскую квартиру, сам с семьёй перебрался в дом, который мы строили. Как сложилась жизнь Маши и Генки, мне не известно. Веня Чачия в Германии, чичероне в автобусных экскурсиях по достопримечатель-

ностям Среднего Рейна. Лёва Скакунов довольно известный автор лубочных романов из русской истории, естественно, православно-патриотической направленности. Кто ещё? Мой земляк Серёжа Луцкий подался в Сибирь, в благополучные нефтяные края, работает в газете. Пишет или нет – не знаю.

Когда в наших местах появился Интернет, мне и вовсе никуда уезжать не захотелось. Я могу теперь прочесть большинство журнальных публикаций, более того, появилась возможность выставлять в Интернете свои рассказы. И ни пред кем не надо ломать шапку, получать отказы, переживать. Графоманов на сайтах хватает, но и одарённые люди встречаются. Столько поклонников у меня не было даже в пору публикации в «Юности». Правда, создаётся впечатление, что интернет-авторы чувствуют свою неполноценность, некоторую ущербность. Думаю, это временное. Журналы вымрут, Интернет останется. В моих словах, как говорят в американских фильмах, ничего личного. Такова реальность.

С некоторыми интернетовскими авторами у меня приятельские отношения. Две-три дамы не прочь встретиться. Но духовная близость не гарантия того, что мы понравимся друг другу как мужчина и женщина. Так что лучше не рисковать. Да и возраст. Уже понимаю Канта, которого ученики на старости лет привели в публичный дом, и он потом сказал: суетливое мелкое занятие. Жизнь в основном прошла. И как-то незаметно прошла, между прочим. Всё считаешь себя прежним, а уже шестой десяток на исходе. Странно как-то всё. И досадно.

Одно я знаю твёрдо. Вздремнув после школы, заварю свежего чая и часов в десять сяду к компьютеру. Я умею вводить себя в рабочее состояние, мысли станут быстрыми и ясными, однако не по-утреннему, когда всё чётко, логично, но плоско. Затеяливый бесёнок поощрительно усмехнётся мне, ознобный ветер пройдёт по телу, мурашки сведут кожу на лице. У каждой фразы появятся десятки зацепок, каждая потянет за собой

другие, успевай только отбирать и переносить на дисплей. Смыслы будут подмигивать друг другу, переключаться, аукаться, как грибники в лесу, уходить под спуд и выныривать снова...

Даже в такие часы я понимаю, что у кого-то жизнь полнее и счастливей.

Но это умом. Сердцем – нет.

2006 – 2009

БУДНИ, ИЛИ СРАЗУ ПОСЛЕ АРМИИ Повесть

Дембелям 68 года

1

Андрей хотел было открыть калитку, он и руку уже опустил на шершавую некрашеную штакетину, как вдруг остановился, поставил чемодан на траву и восторженно присвистнул.

По дорожке из-за белых гаражей шла незнакомая девчонка.

Андрей вернулся на дорожку и широко раскинул руки.

– Дэвушка, ты кто такой? Почему тэбя не знаю? Стой, знакомиться будем! – Для большего впечатления он завращал глазами и погладил верхнюю губу, будто там у него и в самом деле росли усы. – Меня Гиви зовут, а тебя как?.. Говори, да, зачэм не говоришь, зачэм молчишь?!

Девчонка замедлила шаг, а потом, исподлобья поглядывая на Андрея, стала обходить его стороной.

– Ги-и-ви, – протянула она.

Девчонке было лет четырнадцать, ошибся Андрей, это издали она казалась старше – походка, что ли, такая была, взрослая. Девчонка смотрела опасливо. Пучок выгоревших волос на затылке, дешёвенькое платье, на ногах над белыми кроссовками краснеют цыпки... Так себе, сыроежка скороспелая.

– Вы тётки Веры Губановой племянник, а не Гиви, – упрекающим голосом сказала она. – Не обманывайте.

– Не веришь?! – оскорбился Андрей. – Ну, погоди!..

Он бросился к ней, сделал вид, будто хочет схватить в охапку. Но девчонка так брызнула в сторону, прямоком через бурьян и мелкий битый кирпич, оставшийся

после строительства гаражей, что Андрей расхохотался. И затопал на месте ногами.

– Держи её! Ух, догоню, мурзилка!..

Девчонка отбежала и оглянулась. Увидев, что никто за ней не гонится, остановилась и покрутила пальцем возле виска.

Андрей подхватил свой чемодан и бодро направился в калитку.

– Приходи в гости, мурзилка! – Он помахал ей рукой. – Не бойся, дядя шутит. Дядя маленьких не бьёт!..

– Дя-я-дя, – передразнила девчонка. Если и было в ней что-то от взрослой, так это грудь. Высокая, крепкая, она тяжело ходила после бега. Девчонка, видимо, стеснялась своей груди и оттого сутулилась. – Тоже мне дядя нашёлся...

– Поговори, – рассеянно сказал Андрей уже из-за забора. Он её не слушал. Внимательно поглядывая на окна, прикидывал, дома ли крёстная.

Сразу за калиткой начиналась выложенная красным кирпичом дорожка, которая вела прямоком к крыльцу. Ближе к дому, у самых темно отвечающих – сумрачно как-то, омутно – окон раскидисто росли яблони. Было тихо и неподвижно, над цветущей картошкой по бокам дорожки мягко гудели пчёлы.

Андрей на секунду даже приостановился. Странно всё-таки! Тебя нет, ты где-то далеко, стоишь в карауле или пашешь в кухонном наряде – не два года, целая жизнь, можно сказать, прошла! – а здесь всё по-прежнему. Картошка, яблони у окон, бочка вон под стоком ржавая... Разве что кусты крыжовника разрослись да дранка на крыше потемнела.

Дела!..

Прихлопывая рукой по шатким перилам, Андрей поднялся на крыльцо и толкнул ладонью дверь на веранду. Та не поддавалась. Тогда он принялся стучать, напористо и весело приговаривая:

– Крёстная, открывай!.. Открывай, мамаша, двери, твой разбойничек идёт!.. Тётъ Вер, слышь?..

Никто открывать что-то не шёл. Андрей хмыкнул,

подмигнул белой крашеной двери, её продольным тонким трещинам, бегущим до самого низа, и ловким коротким движением, будто проделывал всё это у кого-то на виду, сдвинул ногой тряпку перед порогом.

– О-па!

На чисто промытых досках с выступающими коричневыми сучками открылось влажное пятно. Андрей даже тряпку приподнял и потряс. Но ключа не было.

– Ладно, – сказал он, устраиваясь на ступеньках и прислоняясь плечом к скрипнувшей балясине. – Можно подождать, мы не гордые!..

Но на месте никак не сиделось. Андрей поднялся со ступенек и прошёл к забору, который одной своей стороной упирался как раз в середину дома. И заглянул за штакетник.

Собственно говоря, дом не весь был тёткин. Ей принадлежала только одна его половина, а в другой жили Голосуевы, давнишние соседи, которые и продали крёстной в своё время полдома. Андрей повертел головой, но на половине Голосуевых тоже никого не было видно. “На работе все, – решил Андрей. – День-то будний!..”

По красной кирпичной дорожке он вернулся к калитке. Минут десять послонялся по поляне за оградой, но никого из знакомых так и не увидел. Лишь какой-то молодой парень копался в моторе “Жигулей” у забора кооперативных гаражей.

– Что, искра в землю ушла? – крикнул ему Андрей.

Парень оглянулся, внимательно посмотрел на него, но ничего не сказал. Он был в модных джинсах, на голый спине – следы грязных пальцев. Видно, почесался. – Ты её за хвост, земля, за хвост! И держи крепче, чтоб не вырвалась!..

“Салага ещё, в армии не служил, – подумал он о парне. – А машина отцовская. Девчонок будет катать. Нормально!” Андрей представил девушек с длинными распущенными волосами, и ему стало радостно.

До прихода крёстной всё равно делать было нечего, и Андрей вышел на дорогу, ведущую в город. Не спеша двинулся по обочине. Можно было бы, конеч-

но, сесть на трамвай – он как раз здесь делал кольцо, – но Андрей решил идти пешком. Всё ему вокруг было интересно.

По сторонам шоссе стояли потемневшие избы окраины и вытянутые одноэтажные дома барачного вида с натканными в крыши телеантеннами – своей формой и изгибом трубок они походили на пионерские планеры. За заборами, покрашенными в пропылившийся синий цвет, виднелись участки с цветущей картошкой. Кое-где лучились на солнце рамы парников. И над всей этой приземистой жизнью, будто оберегая и защищая, поднимали свои зелёные ветви деревья – яблони и вишни за оградой, берёзы и рябины у калиток.

Дальше, стоило только перевести взгляд и посмотреть вперёд, неожиданно и смело высились белые, слепящие и похожие, должно быть, на айсберги – такие же огромные и неподвижные – двенадцатиэтажные дома подступающего города. Празднично и ярко горели их стёкла, чётки и красивы были строчки балконов и лоджий.

– А что, нормально, – сказал сам себе Андрей. – Скоро и крёстная квартиру получит – город-то разрастается! Воду из колонки не носить, крышу не чинить – отлично!..

Становилось всё жарче. На углу двух переулков Андрей заметил вывеску бани и, недолго думая, решил зайти ополоснуться – уж очень неприятно липли штанины к потным ногам. И не пожалел. В раздевалке, куда он, расстёгивая на ходу рубашку, ступил, было прохладно. Между открытыми окнами, отдувая занавески, гуляли тонкие сквознячки. Даже сумрак этого сыроватого помещения после ярких жарких улиц был приятен.

Андрей взял у гардеробщика простынь, мочалку и целый час простоял под холодным душем, с удовольствием ощущая, как скатываются между лопатками щекотливые струйки. А когда уже собрался выходить из моечного зала, его остановил рыжеватый мужичок с выпирающими ключицами над костлявой грудью и в обвисших мокрых трусах.

– Помоемся? – спросил мужичок и зазывно тряхнул

пышной мочалкой. Глаза у него были заискивающие. – А то давай, по первому разряду оформлю, а?..

– Не, я уже, – сказал Андрей. Стирая ладонью капли с лица, он кивнул в сторону редких в это время посетителей, всё больше пенсионеров с дряблыми ягодицами: – А эти что, не хотят?

Мужичок безнадежно махнул рукой:

– А!.. И ведь, скажи, недорого беру – бокал пива за всё удовольствие. Я же контрабандой, понимать надо!

Вскоре стало ясно, что он и в самом деле “контрабандой” – его принялся гнать настоящий, в клеёнчатом фартуке на голое тело, банщик. Банщик ругался по бабьи тонким голосом, и Андрей, смерив его взглядом, презрительно сказал:

– Чего к человеку пристал?.. Отвали!

Когда они с Саней (так звали рыжего мужичка) уже пили пиво за оцинкованной стойкой буфета, который находился здесь же, при бане, Андрей спросил:

– И охота тебе? Каждая шестёрка бочку катит, позорит... Я бы не стал.

Саня отводил глаза и молчал.

– Унижаешься. Зачем надо?..

Саня глухо пристукнул кружкой по мокрой жести стойки.

– Думаешь, мне это пиво нужно? – наконец сказал он.

– Я сам могу кого хочешь угостить, зарабатываю – будь спокоен! Я не кусочник, чтобы стаканы сшибать. Слесарь-лекальщик шестого разряда, триста колов в месяц у меня всегда выходит, вот так! – Саня отхлебнул из кружки и вытер губы распаренной рукой со сморщенными подушечками пальцев. Какое-то время молчал, глядя в сторону. – Мне поговорить, может, хочется. Просто так, поговорить – и всё! Радио, к примеру, слушаешь, а сказать ему ничего не можешь. Или телевизор. А вот так, чтобы он тебе и ты ему, с живым человеком... На работе – когда? На работе работать надо. Там мастер над душой, и вообще... Только и побазаришь, когда выпиваешь. Ну, ещё после полочки или аванса с мужиками соберёшься. Правильно говорю?

Андрей пожал плечами. Есть с кем поговорить, нет...

Чудило! А насчёт того, что триста рублей зарабатывает – это мужик заливает. Стал бы тогда другим спины тереть!.. Но спорить Андрей не стал, а принялся рассказывать о своей службе. Саня почему-то располагал к такому разговору. Время от времени он прикладывался к кружке, посыпав её ободок солью, и согласен кивал.

– Ну, правильно, теперь гуляй, тебе положено. Я-то знаю, что такое армия, самому пришлось. С сорок четвёртого по пятьдесят первый трубил, не веришь? Всё срочной службы! Я двадцать седьмого года рождения, после нас несколько лет некого призывать было, понимать надо!..

Андрей взял ещё по кружке пива. Опёршись на стойку, они вдвоём долго разговаривали об армии, припоминали всякие интересные истории. Странное дело, понимали они друг друга так, будто служили в одной части.

– Ты часто здесь бываешь? – спросил под конец Андрей. Пора было уходить, крёстная, наверно, уже вернулась с работы.

Саня, который только что рассказывал, как в своё время ездил на хоздворовской кобыле Берте в самоволку и как его уважали девчата из окрестных деревень, сразу поскучнел. И почему-то принялся оглядываться.

– Бываю...

– Тогда увидимся. Я сюда мыться буду ходить.

– Ладно...

Встреча с крёстной получилась не такой, как Андрею хотелось.

Сначала вроде всё было хорошо, ему даже удалось подшутить над ней. Надеясь догнать тётку, он специально выбрал дорогу, которой та возвращалась обычно с фабрики. И в самом деле, едва свернул за последний перед домом угол, как увидел впереди её коренастую фигуру в цветастом летнем платье.

Крёстная неторопливо шла, слегка помахивая сумкой из коричневого кожзаменителя. Андрей тихо подкрался сзади и, схватив сумку, потянул к себе. Крёстная дёрнула

сумку, быстро повернула испуганное и в то же время сердитое лицо, но обессиленно опустила руки, увидев расплывшуюся в улыбке физиономию племянника.

– Ну, тебя, ей-богу!.. Напугал!.. Давно ждёшь меня? Ключ не нашёл?.. Нет, чтобы телеграмму дать, встретила бы, а то молчком!

– А что меня встречать, я сам к тебе дорогу знаю, – улыбался довольный Андрей.

Здесь же, посреди улицы, крёстная обняла его и расцеловала. Потом отвела на вытянутые руки и, крепко держа за локти, склонила голову набок.

– Симпатичный ты у нас, Андрюша, настоящий мужчина, честное слово! – Крёстная привстала на цыпочки и ещё раз поцеловала Андрея. Слабо улыбаясь, покачала головой: – Господи, господи, как годы летят!..

Следом за ней Андрей прошёл в калитку. По ступенькам крыльца поднялся в душную от солнца веранду, а затем ступил в комнату. Здесь было прохладней. Андрей огляделся.

Всё тот же розовый абажур с кистями на невысоком потолке, фотографии на стенах, оклеенных светлыми обоями. В простенке между окнами, выходящими во двор, золото грамот с густо-красными знамёнами и профилями вождей – грамотами крёстную награждали за ударный труд на фабрике.

Длинные тюлевые занавески на окнах, сквозь них протянулись тонкие лучики, которые проникают через листву яблонь. Под вышитой салфеткой стоит баян, оставшийся после дяди Миши, первого мужа крёстной, погибшего в шахте на Донбассе...

– Ну, что стоишь? Проходи, садись. Или отвык за два-то года?

– Не торопи, начальник, ещё успею сесть... – Андрей, подойдя к проигрывателю в углу и перебирая пластинки, шутливо прищурился на крёстную. – А вот поесть бы не мешало. С утра не ел.

– Сейчас, дай отдышусь... Выключи ты этот проигрыватель, поговорить не даст!

Через минуту, не переодев цветастого платья, крёст-

ная уже ходила из комнаты на кухню и обратно, накрывала на стол. Между делом расспрашивала, как там мать с отцом поживают и как дела у Кати, Андреевой старшей сестры, – у той выпивал муж.

Крёстная беззлобно поругивала Андрея. Мог бы и пораньше приехать, ведь уже сколько прошло, как вернулся из армии, а тётку родную всё никак не удосужится проведать. Хоть бы письмо написал, не поленился!.. Наконец, стукнув дверцей холодильника, достала початую бутылку водки и поставила на стол.

– Водку? В такую жару? Стаканами?.. – брезгливо произнёс Андрей. И, выдержав паузу, закончил: – С удовольствием!

Крёстная засмеялась, оценив юмор. На самом же деле Андрею было неудобно – как сам не догадался и ничего не купил! Ведь теперь-то вполне взрослый, может выпить и с крёстной, тем более в день приезда. Но чувство было мимолётное, торопливое, и вскоре Андрей о нём забыл.

– Ну, мужчина, разливай, – сказала крёстная, снимая фартук и присаживаясь к столу. Она посмотрела на проигрыватель. – Андрюша, ты хорошую музыку поставь, а эти буги-вуги я терпеть не могу!

Всю современную музыку она называла ”буги-вуги”, будь то ”Самоцветы” или ”Песняры”. И если бы не Андрей, ничего, кроме пластинок Руслановой и Зыкиной, у крёстной не было бы.

После второй стопки крёстная как-то сразу захмелела. Лицо у неё покраснело, набрякло. Тяжело опираясь локтями на стол, она упрямо колола вилок ускользящий по тарелке кругляшок огурца. Андрей же был совсем трезв, несмотря даже на выпитое в бане пиво.

– Не надо мне было вторую пить, – пожаловалась крёстная.

– Сейчас ляжешь, отдохнёшь, всё нормально будет!

Однако слова Андрея, похоже, не подействовали на тётку. Настроение у неё совсем упало. Отложив в сторону вилку, она сидела, подперев щеку рукой. А

когда подняла на Андрея глаза, тот увидел, что они полны слёз.

– Ты чего? – с удивлением и укоризной спросил он.

– Будешь у меня, Андрюша, за сыночка. Бог своих не дал, так хоть ты не бросай!..

Крёстная была моложе матери на четыре года и в молодости, после того, как дядю Мишу засыпало в шахте, ещё два раза выходила замуж. Однако жизнь всё не складывалась. То ли потому, что не было детей, то ли ещё по какой причине, но мужа уходили от неё. Крёстная до сих пор делала маникюр и подщипывала брови. Но лицо у неё по-прежнему оставалось простоватым, деревенским – её почти не изменили годы, прожитые в городе.

– Не дал господь своих... Как ни лечилась, как ни мучилась!..

– Ну, не надо, не надо, – поднимаясь из-за стола, сказал Андрей. Чтобы успокоить, погладил крёстную по плечу. А та вдруг крепко, судорожным движением ухватила за его руку и, тихо заплакав, стала прижимать к щеке и куда-то к горлу и целовать.

Это было совсем уж ни к чему. У него праздник, из армии вернулся, а здесь!..

Андрей решительно высвободил руку и вышел на веранду, плотно прикрыв за собой дверь. Закурил. Долго смотрел на воробья, который сидел с раскрытым клювом на краю железной бочки под стоком и с сомнением заглядывал внутрь. Потянулся и зевнул. Жара и Андрея разморила.

Позже, когда крёстная часок соснула и появилась на веранде, неловко улыбаясь, Андрей сказал, не глядя на неё:

– Мне поспать бы. Устал как собака.

Крёстная с облегчением засуетилась. Готовя здесь же, на веранде, постель, всё приговаривала:

– Вот бестолковая! Нет, чтобы самой догадаться.

Парень в общем вагоне ехал, сел поздно, всю ночь не спал... И духота ещё эта. Вот бестолочь-то!.. Андрюша, я дверь оставлю, прохладней будет, ладно?

К крёстной Андрей приехал в конце июля. А до этого весь месяц, первый после армии и оттого долгий и запомнившийся, провёл у отца и матери в небольшом районном городке

Городок был старинный, с тем особым укладом жизни, который вырабатывается веками и из-за отдалённости от больших городов меняется медленно и преимущественно на поверхности. Расположен городок был среди низкорослых на болотистом грунте сосен, вдали от железной дороги. Если кому-нибудь из его жителей нужно было добраться до железнодорожной станции, то требовалось не меньше трёх часов трястись на автобусе по лесным дорогам с выступающими и хлопающими по колёсам корням. Была здесь и своя достопримечательность – белый монастырь у озера, обнесённый высокой стеной. Говорили, что монастырю четыре века.

Ещё лет пятьдесят назад городок славился в округе своими яблоками и пирогами с рыбой, которой в озере было в изобилии. Но время шло, и то ли потому, что люди менялись, одни умирали, другие рождались, то ли потому, что рыбы стало меньше, но сейчас уже редко какая старуха помнила рецепт этих самых знаменитых пирогов. Да и яблоневые сады на задах как-то понемногу захирели, поредели, а потом и вовсе сошли на нет – частью вымерзли, а частью были пущены под топор в холодное и голодное военное время. Да и куда местному сорту было равняться с краснобоким пепиншафраном, который в большом количестве стали выращивать в ближнем совхозе.

Но известности своей городок не терял. Стала она, правда, несколько иной. На удивление завидно пошли дела у цеха сувениров, открытого при мебельной фабрике. Деревянные мишки, орлы, расписные детские стульчики местного производства можно было встретить далеко за пределами области. Особым успехом пользовалось маленькое, на игрушечных козлах деко-

ративное брёвнышко с вошедшей в него двуручной пилой. Пила никелированная, по полотну надпись: “Пили, но знай меру!” – этот сувенир в качестве подарка для своих благоверных покупали мужчины. Ещё знаменит был городок хоккейной командой, которая постоянно занимала в области призовые места.

Вот в такой городок и вернулся Андрей после армии.

Как положено уволенному в запас солдату, он в этот первый месяц гражданской жизни ничего не делал – гулял. Спал не в доме, а перебрался в сад на деревянный топчан, чтобы не стучаться и не будить родных, когда возвращался среди ночи.

Целыми днями Андрей пропадал на пляже. Там он знакомился с девочками, подростками в его отсутствие, играл в волейбол, в невероятных прыжках вытаскивал безнадежные, казалось, мячи и на спор переплывал озеро туда и обратно без отдыха. За этот долгий месяц после армии Андрей стал общепризнанным хранителем ключа от пляжа, потому что раньше всех на пляж приходил и позже всех уходил.

– Чадо, – говорили ребята, направляясь по домам, – будешь уходить, пляж закрой. Ключ, само собой, под бакен.

– Бу-сделано, – снисходительно соглашался Андрей, отрываясь от содержательной беседы с какой-нибудь из загорелых девчонок. Он поворачивал голову, и красиво, чётко обрисовывалась его высокая крепкая шея. – Закрою, идите... Пора бы на ставку меня, между прочим, оформить!

“Чадо” – так звали Андрея с детства, а ключ от пляжа, конечно, был символический.

Всё шло именно так, как и мечталось долгими часами в карауле. В городке почти ничего не изменилось. И танцы по-прежнему проходили на пяточке в парке, который ещё звали зверинцем, – это, должно быть, из-за высоких металлических прутьев, тесно ограждавших площадку. Друзья были рады, что Андрей опять с ними. А зрелые “монашенки” на пляже (в бывшем монастыре уже много лет размещался дом отдыха – не пустовать же добротному зданию) любовались Андре-

евои фигурой. Служба была сравнительно спокойной, и оба армейских года Андрей занимался культуризмом.

Было, правда, неудобство, на которое Андрей старался не обращать внимания – это случайные встречи с Галей Карпухиной. Особенно стали они неприятны после одного случая. Придя как-то в гости к своей замужней сестре Кате, Андрей выпил бражки и устроил у дома Карпухиных скандал. Он требовал, чтобы вышла Галя – надо, мол, поговорить. Галя не выходила, только раза два мелькнуло в окне её бледное лицо. К Андрею вышел Галин муж, молодой специалист – его года три назад прислали по распределению на мебельную фабрику, – худой парень с кадыкастой шеей. Он был в спортивных брюках и синей майке, которая обвисала под мышками.

– Что вам нужно от моей жены? – спросил он, стараясь говорить строго.

– Не твоё дело, – сказал Андрей и ухватился рукой за притолоку. – Пусть Галя выйдет. Поговорю – и всё!.. А ты пошёл отсюда, индюк.

Неизвестно, чем бы всё кончилось, но тут, оттеснив зятя плечом, подоспела Галина мать. Стыдя и ругаясь, она принялась сталкивать Андрея с крыльца. Тому это показалось обидным. Он стал упираться, в конце концов сломал перила и так толкнул старшую Карпухину, что та упала, запнувшись о порог.

Сидеть бы Андрею пятнадцать суток – на лицо был дебош и нанесение телесных повреждений, – если бы не сестра Катя. Она уговорила соседку забрать заявление из милиции. Да и ударилась та, в общем-то, легко. Но старшая Карпухина всё же высказалась, облегчила душу:

– Вырастили оболтуса! Строже бы держали, на старших руку не поднял бы, – уличающее сказала она матери. – Ты и девки твои. Ходили вокруг квочками – Андрюшенька да Андрюшенька!.. Вот тебе Андрюшенька, бандит вырос. Слава богу, Гальку уберегла. Был бы зятёк...

Мать на это промолчала – рада была, что всё закончилось хорошо, – а сестра Катя молчать не захотела. За-

явление из милиции соседка забрала, спасибо, но поносить семью никто не позволит.

– Не в баловстве рос, а в любви, – сказала Катя побелевшими от обиды губами. – Что он, чужой нам? Родная кровь! Это ты своих гоняла, материнской ласки не видели. К тебе хоть раз сыновья приехали в отпуск? За десять лет?.. А девушку Андрей себе получше найдёт твоей Гальки, успокойся!

Слово за слово – разругались основательно. Пришлось потом ещё раз мириться. Дома среди своих сестра возмущалась: «Баловали!.. Да кого же любить, как не родных! В жизни и так мало радости, чтобы ещё своих не любить...» Мать молча кивала головой.

С Андрея же взяли слово оставить Галю в покое.

– Нужна она мне... – хмуро буркнул на это Андрей. После бражки сильно болела голова.

Ему было досадно. Ну что бы он Гале сказал, если бы она даже вышла?.. С Галей он встречался до армии. Глазастенькая эта девчонка была на его проводах, они сидели за столом рядом, касаясь ногами друг друга. Первое время Галя писала часто, а потом промежутки между письмами становились всё больше, пока, наконец, она не сообщила, что полюбила хорошего человека и выходит за него замуж.

Для Андрея это не было такой уж неожиданностью (друзья написали ещё раньше, что Галя появляется на танцах с каким-то кадром, и спрашивали, не начистить ли этому шустряку физиономию), но всё равно было обидно.

Сейчас, вернувшись домой и увидев где-нибудь на улице Галю с детской коляской, Андрей чувствовал себя неловко. Ему почему-то становилось стыдно тех слов, которые говорил ей, когда они стояли вечером под вязом возле её калитки и слышно было, как ветер перебирает вверху листья. Будто он признался в своей слабости, а Галя взяла и воспользовалась этим. Он старался о Гале не думать и не встречаться с ней даже случайно.

Удавалось это довольно легко. История с Галей была так, лёгким облачком где-то у самого горизонта. На пляже Андрей познакомился с тридцатилетней стар-

шим инженером Оксаной, она проводила свой отпуск в местном доме отдыха. Сначала Андрей, хотя и не подавал вида, чувствовал себя не очень уверенно (как-никак разница в возрасте почти десять лет), но болтал и смешил в обычной своей манере. Старший инженер оказалась своей женщиной, твёрдо решившей весело и без оглядки провести время там, где её никто не знает. Они с Андреем очень понравились друг другу, особенно когда познакомились ближе...

Домой Андрей возвращался поздно. Белея рубашкой в предрассветной душистой тишине, открывал калитку, и навстречу, сбивая тяжёлую росу с кустов сирени, шумно выскакивал и начинал ластиться лохматый Матрос. Андрей нагибался, брал его морду двумя руками и начинал, притихшему, мять уши, а потом резко отталкивал, – и пёс, ломая кусты, в восторге носился вокруг него. “Сук-к-ин ты сын!” – говорил этому простодушному большому псу Андрей.

Странное дело, он чувствовал, что они с Матросом чем-то похожи друг на друга. Может, открытостью, радостной силой, уверенностью, что жизнь отличная, великолепная штука! Ерунда, конечно. Он – человек, а Матрос собака. И всё же...

Пригибая голову, Андрей проходил между деревьями, сбрасывая со своей постели на топчане громко зашелевший целлофан от росы и садился на одеяло. Было темно и влажно, в чёрных кронах акаций возле забора, как рыбёшки в неводе, шевелились предутренние звёзды. Пахло землёй и холодными мокрыми листьями.

Всё шло отлично, но недели через три такой свободной беззаботной жизни Андрей, возвращаясь как-то от колонки с двумя вёдрами воды, неожиданно остановился и, посмотрев в небо, увидел самолёт.

Было вечернее время, самолёт, ещё освещённый солнцем, шёл высоко – полупрозрачный серебряный крестик в зеленоватом бездонном просторе. Тонко взблескивали его далёкие рубиновые огни. Гула турбин, даже самого отдалённого, едва намекающего, не было слышно – он, похоже, не долетал до земли.

Андрея вдруг охватило тревожное чувство, надо было куда-то спешить, что-то делать, торопиться... Он ясно, с пронзительной силой почувствовал, что жизнь – та, настоящая, о которой столько думалось и мечталось в армии, не здесь, а там, где-то, далеко...

Даже дышать стало трудно.

Андрей не стал задумываться, откуда, почему такое чувство. Он принёс вёдра домой, аккуратно поставил их на кухне и громко сказал:

– Всё! Завтра еду к крёстной!

И в самом деле уехал. Решительность и уверенность в себе у него были ещё армейские.

В тот город, где жила крёстная и куда Андрей решил поехать, он выбрал себе направление (Андрей учился хорошо и направление на работу себе выбирал), когда до армии окончил профтехучилище. Тогда поработать по специальности не пришлось – призвали, и сейчас, после службы, Андрей был, в общем-то, вольный казак, езжай куда хочешь, хоть на БАМ, хоть севера покорять. Дело было за ерундой – за деньгами.

Думать о жёсткой непременности денег Андрей в армии как-то отвык. Можно было бы, конечно, попросить у отца, вечно озабоченного человека, работавшего прорабом в коммунхозе, но незадолго до отъезда отец строго, даже зло, дёргая щекой, отчитал его, обозвал лоботрясом – выпивая с приятелями в саду, Андрей помял куст роз, которые с такой старательностью отец вот уже несколько лет выращивал, – и просить денег у него не хотелось. А тех рублей, что, оторвав от хозяйственных расходов, дала мать, было мало, чтобы уехать далеко.

В ночном вагоне Андрей разговорился с каким-то парнем лет за тридцать. У этого парня широкие залысины едва не доходили до макушки. Узнав, что Андрей только что из армии, он принялся рассказывать, как служил сам. Было это на севере Сибири, возле какой-то реки, парень отслужил все три года, как тогда и полагалось, а в части, что стояла рядом, лишь на том берегу, служили по два – был такой закон, на Севере служили меньше, чем на остальной территории Союза

– Представляешь? – допытывался пожилой этот парень. Он заглядывал Андрею в глаза и с болезненной какой-то улыбкой качал головой. – Через реку, триста метров каких-то – и на целый год меньше! Представляешь?!

– Ещё бы! – солидно усмехался Андрей и откидывался в тень верхней полки. Он почему-то чувствовал себя опытной и старше.

Утром попутчик принялся угощать вяленой олениной. Оказалось, он работает в Якутии, начальник автоколонны. Сюда приехал – “на запад”, сказал он – в отпуск. Погостил у родных, а вот теперь направляется к морю. Андрей, видимо, чем-то ему понравился, и этот молодой начальник автоколонны стал звать к себе на работу.

– Слушай, а чего ты теряешь? Мне крепкие ребята вот как нужны! И тебе заработать надо, приоденешься после армии как следует. Здесь что зарабатываешь? Мне, например, смешно на материковские заработки смотреть – несерьёзно, правда!.. Сначала будешь слесарем в мастерских. А сдашь на права – получишь новую машину. У нас это запросто. И через годика два-три на “Жигули” у тебя будет, гарантирую. Ну?

– Боюсь, – отшутился Андрей, разливая по стаканам пиво, которое принёс из вагона-ресторана. – Холодно у вас. Железо, говорят, не выдерживает.

– Ну, это сам понимать должен! Денег нигде даром не платят.

– Нет, – уже твёрже сказал Андрей. – У меня свои планы.

Ему, собственно, было всё равно, куда ехать. Просто не хотелось нарушать представления о себе, как о солидном, знающем, что ему надо “старике” – представления, которое, Андрей чувствовал, сложилось о нём у этого пожилого парня.

“Нет”, – твердо говорил Андрей и в душе немного любовался собой, своей целеустремлённостью. Он гордился тем, что ему двадцать лет, что здоров и крепок, что перешагнул этот порог, армию, а светлый пивной хмель делал прекрасную жизнь впереди ещё прекрас-

ней и такой же необозримой, как казахские степи, в которых Андрей служил.

Вспомнилось, как двадцать восьмого июня (незабываемый день!) они, четыре “старика” из предпоследней партии уволенных в запас, вышли на голубую утреннюю площадь перед Казанским вокзалом в Москве. Как сияли их значки на специально подогнанных и ушитых к такому случаю мундирах. С каким тщанием были подшиты белые подворотнички с вдетой проволочкой. А на крышке дембельского чемодана костромича Славки Минина было выведено большими белыми буквами: “Волки! Вы свободный народ!”

По площади проносились блестящие машины, तोпился деловитый утренний люд. Сбоку полыхали в раннем солнце окна высотного здания. И у подземного перехода свободно продавались – подходи и покупай! – пирожки и мороженое, от которых ребята отвыкли за время службы.

Вот она, жизнь!..

Парни, все четверо, остановились, сбили фуражки на затылки и молча – слов не было – переглянулись. Поток людей огибал их, были в этом потоке красивые девушки. Они читали надпись на чемодане Славки Минина и, подняв глаза, мимолётно улыбались...

Весь месяц Андрей чувствовал себя удивительно. Радость и счастливая уверенность переполняли его. Он теперь хозяин жизни, а жизнь – она проста и понятна, как камешек на ладони, может, только немного равнодушна. Но это даже хорошо. Есть возможность проявить свою закалку и силу и взять её, как берут поправившуюся женщину.

3

Вечером Андрей вышел на поляну.

Было ещё светло. Старухи на ближней лавочке оживлённо заговорили, проводив его взглядами. За самодельным столом под берёзами сидели мужики в мятых домашних штанах и туфлях на босу ногу, играли

в домино. Фанерная столешница глухо ухала под сильными – от души – ударами.

Андрей усмехнулся. А в самом деле странно! Будто и не было тяжёлого степного зноя, тёплой воды из алюминиевой фляжки, которой никак не напиться, командира роты старлея Дериглазова...

Андрей прошёл к берёзам, минуту постоял за спинами играющих. Первым его заметил дядя Лёва Кондрашов, известный на окраине своей силой человек – он поднимал за передок “Волгу”, на которой возил директора мясокомбината.

– Отслужил?

Андрей сдержанно кивнул.

– К тётке в гости?

– Вроде того.

– Это дело хорошее... – Дядя Лёва зорко поглядывал то на стол, то себе в ладонь, на которой легко умещалось до десятка костяшек. Мужики вокруг насторожились – Кондрашов играл хорошо, и сейчас, было видно по его лицу, что-то замышлял.

– Хорошее дело, хорошее... Ещё бы не хорошее... Рыба! – Дядя Лёва с размаху ударил по фанере. Костяшки, подпрыгнув, перемешались. – Под стол, суслики! Что за команду мне подсунули! Следующий!..

Желающих играть хватало. Андрей занял очередь, а пока решил сделать круг по поляне, посмотреть что да как.

Ещё несколько лет назад, Андрей помнил, поляна представляла собой заросшее травой широкое пространство между домами и деревянными, наскоро сколоченными из бросовых досок и горбыля сараями – шанхаем, как их все называли. В сараях держали дрова и уголь, в тёмных закутах визжали по утрам голодные поросята, а петухи, взлетев на низкие, крытые толем крыши, орала, напряжённо выгибая шеи. В общем, не скажешь, что город, хотя бы и окраина. Только за сараями день и ночь неумолчно гудело шоссе. Оно одно и напоминало, что город рядом.

По вечерам, пугая надменных гусей, на поляне пацаны играли в футбол. Даже взрослые парни, перека-

тывая папиросы с фигурно смятыми мундштуками из одного угла рта в другой, порой приходили попинать мяч. По дорожке, взявшись под руки, прогуливались девчата. Они грызли семечки, пересмеивались и задевали парней. Стойкой полосой тянулся за ними запах духов, светились в близких сумерках лёгкие кофточки.

Меняться все началось ещё до того, как Андрея забрали в армию. Дошла наконец очередь и до окраины, топить дома провели газ, надобность в сараях вроде бы отпала. И однажды на поляне появился бульдозер и за полчаса шанхая не стало. Как-то неожиданно и скоро всё произошло, хотя, конечно, разговоры шли давно и о предстоящем все знали. Попросят и кур хозяева перевели за заборы, поближе к домам, а на месте шанхая очень скоро вырос кооперативный гараж – приземистое длинное строение из белого силикатного кирпича.

Гараж захватил добрую половину поляны, она как-то переменилась, поскучнела. И хотя пацаны мяч гоняли здесь по-прежнему, взрослые ребята играть в футбол перестали. И девчата перешли гулять на новую асфальтированную дорогу, проложенную специально к гаражам.

– Чадо!

За забором стояла Нинка Голосуева, соседка, и улыбалась. В руках – сквозь штaketник было видно – Нинка держала эмалированный ковшик. Похоже, поливала помидоры. Заулыбался и Андрей, направляясь к девушке.

– Привет!

– Здравствуй. – Симпатичная темноглазая Нина, перехватив ковшик из одной руки в другую, вытерла о джинсы ладонь и протянула Андрею. – Давно приехал?

– Сегодня. А я днём смотрю, у вас никого нет. Куда все Голосуевы, думаю, подевались? Ни тебя, ни Пети Чаева, ни матери...

– Так работаем ведь! Это ты слоны слоняешь. – Нина с подчёркнутым вниманием осмотрела Андрея с головы до ног. – Ну, Чадо!.. Тебя ночью встретишь, сам карманы вывернешь. Во амбал!

Андрей сделал вид, что засмутился.

– Сама понимаешь, дисциплина и чёткий распорядок!.. Как вы здесь? Игорь ещё служит?

– Осенью должен вернуться. Ты надолго к тёте Вере?

– Видно будет.

Андрей посмотрел на девушку и вдруг засмеялся.

– Чего ты?..

Андрей, не отвечая, продолжал хохотать. Он даже руку к животу приложил, так ему было весело. Нина непонимающе подняла брови.

– Кончай, Чадо.

– Я вспомнил... как вы с Игорем... козью морду!..

– Андрей во всю веселился. Он даже ухватился за штaketник, чтобы не упасть.

Когда Андрей в первый раз приехал к крёстной – было ему тогда лет двенадцать – и вышел на поляну, к нему сразу, будто специально поджидали, подошли двое, мальчишка и девчонка. Оба черноглазые, смуглые, оба держали руки в карманах одинаковых курток. “Хочешь козью морду?” – вдруг сказала девчонка и прищурилась.

Андрей остановился. Он понял, что придётся драться, но отступать не собирался. Посмотрел на девчонку, потом на мальчишку и независимо отставил ногу. “Замучаешься!” – “Кто замучается? Я замучаюсь!” – угрожающе подхватил мальчишка и полез на Андрея грудью. “И ты тоже”, – Андрей ноги своей не убрал, и они сошлись нос в нос. “Сейчас ка-э-к врежу!..” – с придыханием сказал мальчишка. Он, похоже, не ожидал такой смелости от нового на поляне пацана, и угроза его прозвучала не очень уверенно. “Слабо! Я десять раз на турнике подтягиваюсь.” – “Заливаешь! – Мальчишка презрительно скривил губы. Сдаваться он тоже не собирался. – Вон турник, подтянись давай!” – “И подтянусь! – Андрей посмотрел туда, куда показывал мальчишка. Между нижними ветвями двух берёз видна была железная труба. – Пошли!”

Он подтянулся в десять раз и подтянулся бы одиннадцатый, но труба была неудобная, слишком толстая, и пальцы у него сорвались. “Теперь давай ты. – Андрей поплевал на ладони и вытер о штаны ржавчину. – Что, дрейфишь?”

Мальчишка не успел ничего ответить, его оттеснила девчонка. – “Смотри!” – Она подпрыгнула, ухватилась за трубу и принялась быстро подтягиваться. И тоже подтянулась десять раз. “Так не считается! – заупрямился Андрей. – Надо честно, до подбородка, а ты до носа только!..” Но всё равно почувствовал к ней уважение. Девчонка – и десять раз подтянулась! Особенно понравилось то, что последние два раза она подтягивалась с трудом, через силу, но не спрыгнула, от своего не отступилась.

Позже оказалось, что это сестра и брат, Нинка и Игорь Голосуевы, близнецы. Они на поляне качали права. В конце концов Андрей с ними подружился. У него вообще была такая примета: с кем он начинал со ссоры, тот потом становился его лучшим другом.

– Ну ладно тебе, – сказала Нина. – Ты что, глупостей в детстве не делал?

– Нет, здорово вы подлетели насчёт козьей морды!.. – не унимался Андрей. У него даже слёзы на глазах выступили от смеха. – Ещё бы, пацан чужой, возьмём-ка на испуг! Тем более, двое на одного!..

Нина, показывая неуместность столь длительного веселья, пожала плечами. Она наклонилась, зачерпнула ковшиком из ведра и опять принялась поливать помидоры.

– Ну, ну, отсмейся... Говорю тебе – возрастное. Кто бы меня в то время заставил в огороде копать? Да никогда! А сейчас, видишь, поливаю, и даже приятно.

– Помидоры, что ли, поливать?

– А что ты думаешь, – Нина серьёзно взглянула на Андрея. – Правду говорят, всему своё время.

Андрей облокотился на штaketник, несколько минут наблюдал, как девушка работает. В воздухе пахло резким запахом, который обычно исходит от потревоженных помидорных кустов. За спиной стучали в домино, дядя Лёва Кондрашов время от времени покрикивал: “Не, мужики, не! Вам только в лото играть, честно говорю!..” На половине крёстной зажгётся свет, а окна Голосуевых оставались тёмными.

– Нин, а Петя где? – спросил Андрей. – Игра на выезде?

Нина помедлила.

– Какой Петя?

– Ну, ты даёшь. Чаев!.. Он раньше в домино любил. Или спит, устал после тренировки?

– Он там, где должен быть, – ровным голосом сказала девушка. Она звякнула опустевшим ведром и выпрямилась, заправляя в джинсы выбившуюся футболку. – Ты лучше бы воды принёс, сосед называется! Слабая беззащитная женщина из сил выбивается, а он стоит и смотрит. Нет, Чадо, каким ты был, таким ты и остался. Не научили тебя ничему в армии!..

Андрей внимательно посмотрел ей в лицо. Что-то здесь не так, зубы Нинка заговаривает.

– А всё-таки, где Петя? А?.. Колись, колись!

Несколько лет назад Нина Голосуева сразила всех наповал. Едва ей исполнилось восемнадцать, выскочила замуж за Петю Чаева, известного в городе футболиста, одного из немногих мастеров спорта в местном “Авангарде”.

Часто говоря, Андрей до сих пор не понимал, как это получилось, что Петя женился на Нинке. Она девчонка симпатичная, это конечно, но ведь – Петя Чаев!.. Андрею казалось, что у такого человека и жена должна быть какой-то особенной.

– Тебе бы разведчицей быть, сведений не разглашишь, точно!.. Так где Петя?

Девушка на него даже не посмотрела. Андрей недоумённо хмыкнул. В самом деле, странно. Надо будет у крёстной спросить.

Его позвали играть, и, направляясь к столу под берёзами, он оглянулся на девушку. С пустыми вёдрами та шла к колонке, походка у неё была непривычная – какая-то строгая, что ли, подтянутая. Раньше Нинка ходила враскачку, как большинство девчонок на окраине. “Ещё бы, – подумалось Андрею. – Теперь она – дама!..”

Дядю Лёву Кондрашова наконец высадили, и он, нависая сзади над играющими, давал советы. На него

ругались, просили не мешать, но дядя Лёва хохотал, закидывая голову:

– Как это молчать, когда глупость вижу?! Ты зачем ему конец рубишь? Ты с кем играешь – с ним или против?.. Чемодан ты некрашенный!

Как большинство сильных людей, дядя Лёва любил иной раз покуражиться.

Играли в домино до полной темноты, до тех самых пор, пока на костяшках ещё можно было что-то разглядеть. Потом мужики стали расходиться. Андрей не торопился. Он ещё раз сделал круг по поляне, слушая вечерние звуки и глядя на окна, освещённые слабым светом телевизоров.

Затем сел на лавочку возле одной из калиток, стал смотреть на зарево огней над близким городом, на мелкие, едва видные звёзды. А какие они в Казахстане!.. Но даже то, что звёзды здесь блеклые, – нравилось.

Ощущение было, как в детстве. Их, младшие классы, строят у дверей спортзала, рядом, успокаивая, с деланно строгими лицами, похаживают учительницы. У ребят горят глаза, никто не может спокойно устоять на месте. Все знают, за дверью – чудо. Переливается огнями огромная, под потолок, ёлка, душисто пахнет её оттаявшая хвоя, и волшебным, необыкновенным, манящим светятся игрушки на широких лапах. К запаху хвои примешивается запах мандаринов, шоколадок в хрустящей фольге, какой-то особый, но тоже прекрасный запах канители и гирлянд. И всё это вместе пахнет самым лучшим в мире праздником – Новым годом. Дед Мороз уже приготовил свой мешок, под завязку наполненный подарками.

Вот-вот дверь распахнется, и Андрей вместе со всеми окажется в ярко освещённом зале. От предчувствия невероятного счастья у него обмирает всё внутри, по рукам и спине бегут мурашки... Скорей бы открывалась дверь, скорей бы!..

Дома крёстная принялась угощать чаем. Она вполне уже пришла в себя и совсем не напоминала женщину,

которая может жаловаться на судьбу и со слезами целовать племяннику руку.

Широко, прочно расставив на столе локти, крёстная прихлёбывала из блюдечка – была у неё такая привычка, любила пить чай из блюдца. Говорила, так вкуснее, чем из чашки.

– Слушай, а что, у Нинки детей ещё нет? – спросил Андрей.

– Какие дети! Я же тебе писала – развелась она. Вот уже полгода, как развелась.

Андрей поперхнулся чаем.

– Ты что! Развелась с Петей Чаевым?.. – Он даже засмеялся. – Когда ты писала?

– Ну, значит, думала написать, забыла. Его из команды выгнали, она с ним и разошлась.

– Петю Чаева?! – Андрей отставил кружку.

– Ну да. Избили они какого-то парня, он и его дружки. Сильно избили, чуть под суд не попали. Замяли, в общем, дело, других бы точно посадили. А отвечать кому-то всё равно надо. Так вот, Нинкин муж, говорят, взял всё на себя. Его из команды и попросили. Он теперь каждый день пьяный ходит, не просыхает. Настоящий алкоголик стал, жаль парня, пропадает.

– Дела-а! – Всё ещё до конца не веря, Андрей испытывающее посмотрел на крёстную. – Правда, что ли?

– Буду я тебе врать! – Крёстная оживилась: – А ты помнишь, как Нинка за ним бегала? Совесть девка потеряла, честное слово! Мать, так та глаза соседям казать боялась. Ну, видано ли – встанет у его калитки и ждёт, когда он со своего футбола приедет. Час стоит, два!.. И ведь уже взрослая была, стыд должна чувствовать, а ей всё как с гуся вода! А сейчас... Пойди пойми её. Что за любовь такая?..

Андрей молчал. Новость, в самом деле, была неожиданной. Нинкино поведение, когда он с ней разговаривал, было, конечно, странным, но мало ли что – вдруг поссорились или ещё что-нибудь. Оказывается... Дела!

Перед тем, как улечься спать, они договорились, что завтра пойдут Андрея прописывать – жилплощадь

у крёстной вполне позволяла. И сразу же он начнёт устраиваться на работу.

– Чего тянуть, – твёрдо заявил Андрей. – Нагулялся, хватит!

Крёстная посмотрела на него с уважением.

4

– Здравствуйте – поздоровался Андрей от порога.

За большим полированным столом сидел пожилой мужчина с гладко обритой головой – начальник отдела кадров. Он что-то писал и на Андрея не посмотрел.

– Садитесь. – Не поднимая головы, мужчина кивнул на стул. Потом вздохнул, воткнул ручку в письменный прибор, изображающий ракету на чёрной пластмассовой подставке. И взглянул на Андрея неожиданно яркими голубыми глазами. – Слушаю вас. На работу?

Андрей протянул документы.

– Да. По направлению, – коротко сказал он, для солидности хмурясь.

Начальник отдела кадров взял документы и ещё до того, как просмотреть их, спросил:

– Недавно из армии?

– Так точно! – вырвалось у Андрея. Он чуть не встал по стойке смирно, но усмехнулся и спросил: – Как вы догадались?

– Да уж догадался! – Начальник отдела кадров довольно завозился в кресле. – Причёска у тебя, например, короткая. Паспорт новый... И вообще выправка чувствуется. Остальное дело техники, как говорится.

И уже другим, свойским голосом он спросил, раскрывая синие твёрдые корочки Андреева диплома:

– Ну, что у тебя? Профессионально-техническое училище... Чертёжник... Значит, по направлению к нам?

– По направлению. – Андрей протянул заполненный бланк направления с крестообразным следом сгибов. Бумага бланка уже слегка пожелтела. – Сразу после училища направили. Ну, пока служил...

– Где я тебе место чертёжника найду?! – вдруг перебил его начальник отдела кадров. – Да что это, как сговорились все! Девчата в институт провалятся, приходят к нам – так только хотят чертёжницами или лаборантками! В крайнем случае, секретаршами к начальству, тоже работа не пыльная. А я спрашиваю, кто за станок пойдёт? Кто на рабочее место встанет? Главный-то в нашей стране рабочий класс, пролетариат, трудовые руки!.. Давайте засядем все по конторам, конструкторским бюро разным – и пропади всё пропадом! Нам хорошо, а остальное неважно!..

– Чего вы на меня? Я здесь при чём? – недовольно протянул Андрей. – Я училище закончил, получил к вам направление...

– Не на тебя!.. Я вообще. И ведь что интересно, станочник у нас раза в два больше инженера получает, а всё равно в институты конкурс, а на заводе станочный парк простаивает! Стыдно работать физически?.. А как мы после войны с киркой и ломом – и ничего, не стыдились! Наоборот, чем руки мозолистей, тем почётней!.. Или я чего-то не понимаю? Время другое?..

Андрей пожал плечами. Но, похоже, начальник отдела кадров и не ждал от него ответа. Он обеими руками провёл по своей гладкой голове, потом вскинул на Андрея васильковые глаза.

– В контролёры пойдёшь? На внешнюю приёмку?

Андрей принялся тереть пальцем едва заметные пятнышко на торце столешницы.

– Так я же чертёжник...

– Ну где я тебе место возьму? Как только появится – переведём, обещаю! А пока месяц-другой поработаешь контролёром в ОТКа. – И начальник отдела кадров доверительно подался к Андрею. – А что, оформим по четвертому разряду, это рублей за сто с прогрессивкой выйдет. Ты один пока? Ну да, по паспорту не женат, одному хватит. Ты по направлению, пойми, мне тебя устроить надо!.. И работа хорошая, лёгкая, постоянно на свежем воздухе... Лады?

– Зимой тоже – на свежем воздухе?

– А что – зимой?.. – искренне удивился мужчина. – Ты солдат или не солдат?.. Ну как?.. Временно.

– Ладно, – махнул рукой Андрей. – Уговорили!

Начальник отдела кадров поднял трубку и набрал номер.

– Позовите Копача... Это ты, Богдан? Что-то я тебя не узнал, богатому быть... Скажешь тоже – рыбалка! Лето на дворе, захочешь, не простудишься. Пропил голос – так и говори, а выкручиваться нечего!..

Поговорили в таком духе ещё с минуту. Незвестный Копач, похоже, назвал начальника отдела кадров клоуном.

– Сам ты клоун, – не обиделся тот и, придав голову серьёзность, перешёл к делу: – Вот что, Богдан, зайди, разговор есть. Я тут тебе парня одного, – он бросил взгляд на Андрея, – даю на внешнюю приёмку... Да где я тебе отставника возьму, они что у меня, грибы после дождя?! Демобилизованный солдат, грамотный, дисциплинированный. Ты мне целый год голову морочишь со своим складом листа!.. Ну, давай, жду.

“Что за Копач такой, что начальника клоуном обзывает?” – недоброжелательно заинтересовался Андрей. Армейские понятия о субординации крепко сидели в нём.

– А чего ты специальность такую выбрал? – Кадровик опять потёр свою гладкую, словно полированную голову. – Чертёжник! Женская работа. А ты парень вон какой – подковы, наверно, гнёшь? Гнёшь, угадал?

– Не пробовал.

Андрею было приятно, что даже этот посторонний человек обратил внимание на его мышцы, но ответил он сухо. Не станешь же каждому объяснять, что сестра уговорила. “Надо, чтобы работа была чистая, среди культурных людей. Вон мой охламон (имелся в виду муж) двести пятьдесят зарабатывает. А толку? Половину пропивает и мат-перемат каждый день...” Нахмурившись, Андрей смотрел в окно. Всегда Катя за него решает, пользуется тем, что старше!..

Пока дожидались Копача, в кабинет заходили разные люди. Одни просили что-то подписать, другие –

выдать справку, третьи ругались и требовали, бросали на стол листки с заявлениями. Народа заходило много, был он самый разный, и в конце концов Андрей уже почти ни на кого не обращал внимания.

Не придал он особого значения и появлению какого-то шустряка с загорелыми залысинами. Этот очередной посетитель метнулся взглядом по кабинету, коротко остановился на Андрее, подхватил решившую было выскользнуть из-под мышки папку, плотнее прижал её – и всё это на ходу, по пути от двери к столу начальника отдела кадров.

– Добрый вам день в вашей хате!

– Здорово, Богдан, здорово. – Кадровик приподнялся и протянул руку через стол.

Это, оказывается, и был Копач. В самом деле, шустряк: маленький, быстрый, с острыми локотками. Спину Копача облегла шёлковая тенниска в продольных жёлтых и зелёных полосах – от такого сочетания цветов загар на руках вошедшего казался коричневым.

“А хорошо ему, прохладно”, – позавидовал Андрей, посмотрев на свободные брюки Копача. Сам Андрей был в доармейских, узких, уже не модных, а сейчас ещё и жарких.

– Вот, Богдан Иванович, знакомься. Тот парень, о котором я тебе звонил.

Андрей поднялся и ступил навстречу Копачу.

– Русков. Андрей.

– Богдан Иванович Копач... Ну, ты и так уже понял.

Вместе с Копачем Андрей вышел на территорию завода. На проходной он показал вахтёру свой, пока только разовый пропуск, а у Копача даже проверять не стали – видимо, его знали и так.

Богдан Иванович повёл мимо огромного строящегося цеха с могучими железобетонными опорами, с наглядно обнажёнными, будто на чертеже, широкими пролётами; мимо молодых деревцев, недавно, должно быть, посаженных и оттого чахлых, с мелкими редкими листиками; мимо транспарантов из толстой жести, вкопанных ножками в землю. На них – схемы и диаграммы, расска-

зывающие о росте выпуска продукции, производительности труда, средней заработной платы...

– Работа у нас, Андрюха, лёгкая, – споро шёл и деловито говорил Копач. Он сразу взял с Андреем свойский тон. – Ты на руки мои не смотри (Андрей тотчас посмотрел. Руки у Богдана Ивановича были в чём-то буром – похоже, в ржавчине). На работу сможешь ходить вот так, как есть сейчас – не замажешься. Насчёт этого не беспокойся.

Андрея задело, что Копач, да и начальник отдела кадров тоже, подчёркивают, что работа будет лёгкой. “Не замажешься...” Недовольно растягивая слова, он сказал:

– А я работы не боюсь. Я и рабочим пошёл бы, если надо было бы. В армии всё приходилось.

Копач взглянул на него и, не удивляясь, кивнул – понятно, мол.

День постепенно набирал силу, было уже около десяти часов. Короче, словно подтаяли, сделались тени. Поднимая известковую пыль и погромыхая, рядом проехал самосвал с бортовым номером 21-21. “Очко, – отметил Андрей, провожая взглядом металлический кузов с глубокими вмятинами. – Два очка сразу».

– Ну и жарит! – сказал Копач и полез в карман за платком. Отвернувшись от поднятой самосвалом пыли, он вытер лицо и шею. – Сильное в этом году лето! Давно такого не было. Как в мае начало жарить, так уж третий месяц.

– Разве это жара? Так, лёгкая разминка, – небрежно заметил Андрей, желая произвести на Копача впечатление. Ему хотелось расстегнуть рубаху ниже, давно хотелось, но он, проверяя силу воли, этого не делал. – Настоящая жара не здесь. Кара-Кумы – вот, где жарко! Яйца в песке можно печь. Вкрутую.

– Ты служил там?

– Почти. В Казахстане. А в пустыне во время учений приходилось бывать. – И солидно добавил: – Не раз, конечно.

– Ну и как служба?

– Нормально. Только людей, гражданских в смысле, два года не видел.

– А отпуск?
– Так не все в отпуск ездят! Мне не дали. А так служба нормальная, чего там... – Андрей замедлил шаг и значительно посмотрел на Копача. – Только это между нами. О трудностях и прочем. Я подписку давал о неразглашении.

– Будь спокоен.

Этого Андрею показалось мало.

– Я, конечно, не пижон, но военная тайна есть военная тайна.

– Понимаю. – Копач, опять не удивляясь Андреевым словам, вытер платком потную шею.

Некоторое время шли молча.

– А вы где служили?

– Я, Андрюха, нигде не служил. Здоровье не позволяет. Почки.

“Откосил! – снисходительно подумал Андрей. – Интересно, что за работу он мне подкинет?..”

Наконец подошли к двухэтажному блочному зданию, обсаженному со всех сторон молодыми тополями. Стоило дохнуть лёгкому ветерку – и тополя, показывая светлую изнанку листьев, казалось, хлопали в ладоши. Широкие ячеистые окна первого этажа были закопчёны. Иногда слышалось, как в однотонном непрерывном гуле вдруг высоко вскрикивал какой-нибудь станок. В короткой тени у входа в цех стояли скамейки с изогнутыми спинками. Они были пусты.

– Сначала я тебя, Андрюха, познакомлю с сертификатами. Чтобы ты знал что и как, – деловито сказал Копач, глядя себе под ноги.

По затоптанной каменной лестнице со щербатыми – местами выбиты куски – ступеньками они поднялись на второй этаж. Деревянный пол здесь оказался гулким, как барабан. Было тихо, сумрачно, слабо пахло сигаретным дымом. Копач толкнул ладонью дверь с табличкой “Контрольный мастер по внешней приёмке”.

– Заходи. Сейчас с сертификатами ознакомишься, а после обеда пойдём на склад. Всё на месте помотришь. Практически, так сказать...

Комната контрольного мастера была чуть светлее коридора, зато, как сразу отметил Андрей, просторная, хоть в футбол играй. У затенённого тополями окна в зелёном полусумраке сидела за столом худенькая, будто засушенная девушка и что-то писала. Она коротко взглянула на вошедших.

– Вот это Валя. Если что будет неясно, и меня не найдёшь, спрашивай у неё.

– Ладно, – согласился Андрей и подошёл к девушке, представился: – Меня зовут Андреем, буду у вас работать.

И осмотрел её с ног до головы, не стесняясь. Мордашкой вроде ничего, но уж очень худая. И ножки, что из-под стола виднеются, тоненькие. Вобла какая-то.

Андрей повернулся к Копачу и спросил голосом видавшего виды человека.

– Ну, так где эти ваши сертификаты?

Присутствие даже такой незавидной девчонки, как Валя, действовало на него особым образом.

– Сейчас. Садись.

Разделённые столом, они сидели с мастером голова к голове, и Копач рассказывал, что завод, прежде чем выпустить готовую продукцию (идушую, кстати, в семнадцать стран мира), – разные там колонны, теплообменники, скруббера, сам потом Андрей всё увидит, – должен получить сырьё. А что такое сырьё для завода? Что оно собой представляет? Это, конечно, и штамповки, и электроды, и флюсы для сварки, и электродвигатели, и листовая сталь. И ещё много всего, чем и голову забивать пока не стоит.

– Ты, Андрюха, будешь контролёром на складе листа. Возникает вопрос, что ты обязан делать? – Копач живо изобразил на лице озабоченность. Он на секунду даже подпёр кулаком подбородок в раздумье. – Объясняю. Приходит, допустим, на склад вагон с металлом. К нему вот такой сертификат, который ты видишь. Здесь записан каждый лист, то есть номер плавки и марка стали. Ты переносишь с сертификата в свою книгу (там у тебя такая будет, я покажу) все данные, а сертификат

отдаёшь Вале. Вагон разгружают, а ты старайся запомнить, в какой штабель какой лист попал. Это здорово облегчит тебе дело. Конечно, не всё сразу получится – штабелей много и листы попробуй все запомни. Но это сначала. Потом с закрытыми глазами будешь знать, где у тебя что лежит.

– Дела... – протянул Андрей. Работа намечалась нудноватая. Листы, штабеля...

– Ничего, разберёшься. Это кажется, что запутано, а привыкнешь... Так вот, приходят к тебе, допустим, из цеха. Не к тебе, конечно, а к кладовщику, но ты всё равно обязан присутствовать. Металл в цех выдаёт кладовщик, а тебе необходимо как контролёру проверить каждый лист, который выдают. Надо, чтобы номер плавки на листе металла и у тебя в книге совпадал, но главное – чтобы были все испытания...

Копач говорил ещё что-то об отклонениях, которые могут при этом случаться.

– Я всё сразу не запомню, – сказал Андрей.

– Конечно, – охотно согласился Копач. – Это я тебе так, общий обзор. Со временем сам во всё вникнешь. У меня в основном отставники работают и ничего, разбираются – будь здоров!..

Обедать пошли в заводскую столовую. Пристроились в конце длинной и нестройной очереди. Андрей прикинул расстояние до раздаточной и чуть не присвистнул – постоишь!.. В армии в этом отношении куда лучше: пришёл в столовую, а столы уже накрыты, кухонный наряд позаботился – садись, пожалуйста, обедай. Щи паруют в большом бачке, рядом порции мяса в тарелке дожидаются, а в бачке, что поменьше, разопревшая гречневая каша или, например, макароны... И никакой очереди!

– Не повезло, раньше надо было подойти. Теперь не меньше часа стоять будем, – быстро, скороговоркой, как всё, что говорил и делал, подосадовал Копач.

Но времени зря терять не стал. Тут же вытащил из кармана своих просторных брюк сложенную в несколько раз газету, тряхнул, разворачивая, и уткнулся в неё.

Андрей от нечего делать принялся рассматривать очередь. Стояли в основном рабочие – не молодые и не старые, усреднённого какого-то возраста мужики в широких спецовках. Спецовки на них тёмные, но всё равно видны масляные пятна и металлическая пыль, ввевшаяся в ткань. Тяжёлые руки перевиты набухшими венами. Рабочие переговаривались, шутили, подначивали друг друга, но на лицах уже проступила усталость. Ещё бы, большая половина смены позади.

“Работают ведь!..” – подумалось Андрею. Подумалось с уважением к этим людям, но он всё равно метнулся взглядом по столовой, отыскивая что-нибудь светлое, радостное. И не нашёл. Посмотрел в окно, в котором должна была стоять зелень тополей, но молодые деревья полностью умещались в тени здания, их листья сумрачно, глухо глянцевели.

Андрею стало тоскливо. Вспомнилось ощущение безысходности, которое появилось дома, когда смотрел на серебряный самолёт в зелёном вечернем небе. Ни с того ни с сего подумалось, что слишком уж легко, будто не на всю жизнь прощаясь, расстались тогда с ребятами в Москве на вокзале.

“Чего это я вдруг!..” – сердито подумал Андрей. Он поймал себя на том, что даже о старлее Дериглазове думает с теплотой. И покосился по сторонам, проверяя, не заметил ли кто его слабости. Распустил нюни! Мечтал о гражданке – вот она, чего ещё?!

И посмотрел вокруг уже веселее.

Сразу после обеда они с Копачем пошли на склад листа.

Склад листа – это штабели разложенных по толщине и маркам стали листы разных размеров. Штабели высокие, а между ними, чем-то напоминая горное ущелье, тянулся узкий и длинный проход. Вверху, искря и потрескивая, скользил по рельсам мостовой кран со стеклянной кабинкой крановщика.

Склад находился рядом с высоким кирпичным цехом нефтеаппаратуры, и Андрей одобрительно поду-

мал: ну и правильно, листовая сталь в основном идёт в этот цех. Кое-что из пояснений Копача он всё-таки усвоил.

– Вот это, Андрюха, будет твоё хозяйство, – с паузами говорил Богдан Иванович, осторожно, иногда боком пробираясь по проходу.

Здесь, среди громоздких стопок металла, было ещё хуже – обдавали сухим жаром накалившиеся на полуденном солнце листы стали. Андрей почувствовал, как потекло под мышками и прилипла к спине рубашка.

– Только вот что. Советую тебе, Андрюха, – это Богдан Иванович сказал уже подчёркнуто серьёзным, чтобы запомнилось, тоном, – особенно по штабелям не прыгай. Бережёного бог бережёт. Как их хорошо ни укладывай, всё может... – Вдруг Копач задрал голову и весело закричал вверх: – Чего зеваешь, Анюта? Чего зеваешь?.. Ночью спать надо, а не кувыркаться!..

Андрей тоже посмотрел вверх и, увидев в кабине мостового крана девушку, запомнил: ага, Анюта, значит.

– Трепач ты! – отозвалась Анюта, свесив из окошка светловолосую голову в синем берете. – Завидуешь, поэтому говоришь так. Сам-то старенький!

“А видать, сговорчивая, – решил Андрей. – Подзадоривает Богдана”. Он задержал взгляд на крановщице. Копачу было всего-то лет тридцать пять, не больше.

– Ну, так я молодого веду. Солдата. Он тебе покажет, он и за меня отыграется!..

Анюта с интересом взглянула на Андрея, но промолчала – всё-таки новый человек.

В самом конце склада, за последним штабелем нержавеющей стали стоял деревянный домик с несоответственно большим окном. Андрею домик показался каким-то несерьёзным, игрушечным. Сбоку от него, рядом с железнодорожной веткой, по которой, видимо, и подгонялись к складу вагоны с металлом, шла шпалера подстриженного пыльного кустарника.

– А это твоя резиденция, – сказал Копач, кивнув на домик с большим окном. – Здесь сидите вы с кладовщиком... Да, завскладом ещё, он только в первую смену работает.

Андрей с сомнением смотрел на “резиденцию”.

– А что, Богдан, и зимой здесь?.. – Делая вид, что искренне озабочен, как придётся зимовать в этом ненадёжном строении, Андрей назвал Копача Богданом, а не по имени-отчеству. Назвал осторожно (начальство всё-таки!), но мастер этого будто и не заметил.

– Запросто. Там печка есть. Подтопить как следует – Ташкент!.. Ладно, пока кладовщицы нет, я тебе покажу книги, с которыми будешь работать. Пошли в резиденцию.

– А что, кладовщик – баба?

– Угу, Люда. – Копач пытливо посмотрел на Андрея. – Тебе о ней что-нибудь говорили?

– Нет, я так.

– О, вон она подошла! Пойдём, познакомлю.

Андрей посмотрел туда, куда кивнул старший мастер, и увидел в тени мостового крана... нет, именно бабу: невысокую, ширококостную, с крепкими короткими ногами. Грудь у неё была такая, будто она набрала полные лёгкие воздуха, да так и ходит, не выдыхая. “А ещё “Люда”, – насмешливо подумал Андрей. – Вот так “Люда”!

– Людмила Осиповна, привёл тебе нового контролёра. Смотри, не обижай парня. Ты ж у нас кипяток, а не женщина!.. – Копач взял Андрея за локоть и, не отводя, здесь же, чтобы кладовщица слышала, назидательно сказал: – А ты, Андрюха, знай, начальник у тебя я. Что она будет говорить, имей в виду, конечно, но особенно не переживай. Не бери, как говорят в Одессе, в голову. Понимаешь меня?

Кладовщица, сделав нетерпеливое движение, перебила:

– Он хоть немного разбирается? А то пришлют кого попало, а ты с ними возись!..

Андрей сначала опешил – чего это тётка? Ничего о нём не знает, первый раз видит и сходу борзеет!..

– Чего здесь разбираться! – напористым голосом заговорил он. – Хитрое дело! Да в армии, знаете, какие задания приходилось!..

– Гляди, Богдан, чтобы склад мне не простаивал, – не слушая, сказала кладовщица. Она по-прежнему

смотрела не на Андрея и не на Копача, а куда-то в пространство между ними. – Имей это в виду, Богдан!

Копач примирительно притронулся к её руке.

– Ладно, ладно, не заводись. Всё будет нормально. Раньше у тебя вообще контролера не было, и ничего, справлялись.

Люда отрезала:

– А без вас лучше! Никто не суёт свой нос и не мешает работать! – Она решительно повернулась спиной и громко крикнула под навес у стены цеха, который Андрей сразу не заметил: – Митя! Вася! Чего лежите? Времени уже сколько?..

Через минуту из-под навеса показались два мужика с красными, распаренными от сна в духоте лицами. Судя по всему, это были стропальщики.

– Анята! – Кладовщица задрала голову вверх. – Анята, поехали!

И пошла, не оглядываясь, между штабелями. За ней, опустив головы и спотыкаясь, побрели одуревшие от сна стропальщики. Загудел, трогаясь с места, кран. Он отбрасывал на раскалённые штабеля скользящую изломанную тень.

– Ну ладно, Андрюха, – заторопился Копач, – я пойду. Если чего надо будет, звони Вале, она всегда знает, где меня найти... Ну, давай! Я ещё наведуясь.

Андрей кивнул. “Мне тоже, значит, надо”, – решил он и двинулся за кладовщицей. Та отошла уже метров на тридцать и шла всё так же решительно, не оборачиваясь. Была она в выгоревшей капроновой косынке, завязанной по-пиратски на затылке. Тесный халат обтягивал крепкое тело.

“Ну и задница!.. – с усмешкой подумал Андрей. Ему сделалось весело. – Как у доброй лошади. Точно!..”

5

Так и пошли у Андрея дни: с утра на работе, а вечером дома. Или наоборот, если работать выпадало во вторую смену.

По армейской привычке Андрей просыпался рано. Раньше даже крёстной, которая тоже залёживаться в постели не любила. На рассвете он слышал, как начинали вразнобой петать птицы, чувствовал, как через приоткрытую дверь наполняли веранду прохладный утренний воздух и горьковатые запахи огорода.

Андрей на секунду открывал глаза, видел сереющее окно в переплёте частых планок, чёрные ветви яблонь, дремотно прислонившиеся к стеклу. Сразу забывая увиденное, опять опускал веки, плотнее кутался в простынь (под одеялом спать было невозможно), сглатывал и глубоко вздыхал. Спал он без снов, вставал легко и был весь день бодр.

Зарядка начиналась с пробежки. Согнув руки в локтях и подавшись корпусом вперёд, Андрей срывался с места. Сначала бежал по утоптанной дорожке вдоль штакетников. Скользила впереди долговзвая тень, шуршал песок под кроссовками. Легко, хорошо!.. Из палисадников бодряще обдавало холодком, и ликующе, громко орали петухи в голубом утреннем воздухе.

– Лыжню! – бросал Андрей трусившим впереди двум девчонкам.

Те, с радостной готовностью оглянувшись, сбегали с тропинки. Одну из них Андрей знал – ту, что с красивой грудью. Когда он приехал к крёстной, она ему встретилась первой. Девчонки стали бегать недавно, раньше он их на поляне не видел. Андрей понимающе ухмылялся: интересуются, мурзилки скороспелые!..

– Грузинец, – слышал он за спиной глумливо тонкий голосок. – А, грузинец?..

– Зарэжу! – Андрей круто поворачивался, бросался к девчонкам, и те с радостным визгом заскакивали в ближайшую калитку. – Ладно, живите, сыроежки!

– Тебя не спросили!..

Возле колонки он разворачивался, но бежал уже не вдоль штакетника, а рядом со стеной кооперативных гаражей. Отсюда как на ладони были видны дома, мимо которых только что пролегал его путь. Дома стояли

молчаливо, тихо, но по непонятным самому себе признакам Андрей знал, что люди в них уже проснулись.

Пробегая мимо дома крёстной, Андрей косился на половину Голосуевых. На веранде, очень похожей на ту, в которой спал он сам, сидела над книгами Нинка. Подбородок упирается в кулаки, на плечи накинута кофта.

Андрею хотелось пробежать мимо и даже не посмотреть в её сторону, но он невольно поворачивал голову. Это ж надо, Петю Чаева бросила, такого человека!.. Да ещё тогда, когда у него неприятности. Кто Петя, а кто она?!. Андрей хмурился. Подло Нинка поступила, точно!

Он поднимается рано, но Голосуева, похоже, встаёт ещё раньше. Каждое утро Андрей видит её за книгами – крёстная говорила, в институт готовится. Такая своего добьётся. Чего-чего, а упорства у неё хватает.

Андрею рассказывали, как Нинка купила свои первые сапоги. Училась она тогда в шестом классе. Тётя Шура, её мать, дать денег на сапоги категорически отказалась. “Подумать только, сто двадцать рублей! – жаловалась она соседям. – Да мы в их возрасте мечтать не смели!..” Тётя Шура работала проводницей, сутками тряслась в вагонах, деньги доставались ей непросто.

Нинка уговаривать мать не стала. Но и от своего намерения, как позже выяснилось, не отступилась. Два месяца её на поляне не было видно – после школы она забегала домой, оставляла портфель и исчезала куда-то до самого вечера.

Оказывается, устроилась на главпочтамт разносить телеграммы. Когда деньги были собраны, Нинка работу бросила. И однажды на поляне появилась в красивых новеньких сапогах. На носках – писк моды! – поблескивали латунные полоски, сзади – маленькие декоративные шпоры. Нинкины подружки онемели от восхищения и зависти. Большинство из них донашивали сапоги своих матерей, старые, ещё на платформе, сейчас – нелепые...

Без скандала, правда, не обошлось. За четверть Нинка получила несколько двоек, и мать, вернувшись из очередной поездки, устроила ей взбучку. Но уже

тогда стало ясно, Нинка – человек серьёзный. Если уж чего захочет, то добьётся обязательно.

Занятый мыслями о соседке, о её коварстве и удивительной настойчивости, Андрей едва не наскочил на Вовку Губенкова.

– Осторожней! Размахался... – Вовка стоял, повернувшись к Андрею вполоборота, выдвинув вперёд плечо. На руках у него была девчушка в белой косыночке на стриженной голове.

– Ребёнок, видишь? – хмуро повторил Вовка и оглянулся назад. – Наташа, двери заперла? Рукой толкнула, проверила?..

Наташа, Вовки Губенкова жена, издали улыбалась Андрею. Она только что вышла из калитки. На ней был сарафан с весёленьким рисунком, а в руках целлофановая сумка с надписью по-английски.

– Проверила, проверила... Ух, нехороший дядя, чуть с ног не сбил. Что же ты, дядя!..

Андрей, заулыбавшись в ответ, покаянно приложил руку к груди:

– Так не видел же, честное слово! Понимаешь, Наташ, задумался. Может же человек задуматься?..

Как всегда, он смотрел на Наташу с удовольствием. В который раз удивился про себя: какие всё-таки разные бывают муж и жена! Вовка – рыхлый, неуклюжий, с выболевшими следами прыщей на толстых, подпрыгивающих при ходьбе щеках. А Наташа – симпатичная и весёлая, с налитыми плечами и высокой грудью. Фигурой, правда, не вышла – талия и бёдра почти одинаковые, – но это особенно и не бросается в глаза.

– Что вы так рано? Начало седьмого только.

– Почему, рано? Совсем не рано. – Наташа поправила на девочке платочек, чтобы не съезжал на глаза, и одёрнула платище. – Пока доедем, пока красотульку нашу в ясли занесём, как раз на работу пора... Вов, пошли? – Она с готовностью посмотрела на мужа.

– Сахару на варенье не забудь купить, – солидно, как и полагается главе семьи, проговорил Вовка. Он поудобней перехватил сидящую на руках дочь. – Деньги не забыла?

– Взяла, Вов. – Наташа на всякий случай заглянула в сумку, проверяя, на месте ли кошелёк. Потом ясными глазами посмотрела на Андрея. – Ты к тётке Вере надолго? А то мы слышали, на работу устроился. Правда, что ли?

– Устроился.

– Ну и правильно. Тётя Вера вон как тебя любит. У нас лучше, чем у тебя в посёлке – город всё же. И снабжение другое.

Андрей усмехнулся:

– Снабжение... Неужели важнее снабжения для человека ничего быть не может? – Наташа была ему симпатична, и он слегка рисовался. – Снабжение меня мало интересует. Надо жить там, где хочется, и делать то, что хочется. А то что за жизнь? Принудиловка!..

– Ты такой смелый, пока семьи нет, – бойко перебила Наташа. – Посмотрим, что потом заговоришь! Мой дядя тоже как в молодости сорвался с места, так до пятидесяти лет всё ездил, романтику искал. А сейчас что?.. У других внуки, а у него ни кола, ни двора.

Андрей глубокомысленно свёл брови к переносице. Хотелось сказать что-нибудь значительное и загадочное. Не спорить же всерьёз – что может знать Наташа о его мечтах и надеждах?..

Но тут вмешался Наташин муж Вовка. О том, что он стоит рядом, Андрей как-то забыл.

– Пошли, опоздаем, – бросил Вовка и первым направился в сторону магазина, за которым находилась трамвайная остановка.

Наташа послушно двинулась за ним. Немного отойдя, оглянулась.

– Ты заходи как-нибудь вечером. Чаем угостим, телевизор посмотришь – у нас цветной.

Андрей проводил их взглядом. Даже не верится! Классную всё-таки жену отхватил себе Вовка Губенков!.. Андрей хорошо помнил, в детстве, когда приезжал к крёстной, к нему всё время приставал этот жиртрест. Он подходил и тихо, чтобы никто не слышал, начинал канючить: “Давай дружить. Давай дружить...” От одного Вовкиного вида Андрею становилось то-

скливо. Он сердился: “Уйди! Я с Игорем Голосуевым дружу, не приставай!..”

Хотя Вовка и был на два года старше, его все на поляне колотили. Мальчишки презирали Губенкова за то, что он толстый, неуклюжий, что совсем не умеет постоять за себя. Размазня, одним словом. Можно было запросто подойти и сделать ему “козью морду” или дать пендаля. В этом даже мальчишки младше Андрея упражнялись.

Что-то вроде сочувствия шевельнулось в душе Андрея, когда он однажды застал Губенкова в сарайчике, который стоял в конце теперь уже снесённого шанхая. Ребята играли в казаки-разбойники, и “казак” Андрей осторожно подкрался к дощатому сарайчику – там обязательно кто-то должен быть, Андрей чувствовал! Затаив дыхание, он прижался щекой к шершавой стенке и вдруг услышал непонятные звуки. Он влетел в сарайчик и на кого-то накинулся, подмял под себя, стараясь покрепче прижать к земле. “Пусти”, – послышался сдавленный голос. “Это ты?.. – Андрей с досадой узнал Вовку, которого не приняли в игру. Не удержался и ткнул кулаком в бок. – Чего забрался сюда, дурак!”

Он поднялся, а Вовка остался лежать на земле, тихо плакал и ничего не говорил. По его толстым щекам текли слёзы, лицо болезненно кривилось. “Ладно, не реви”, – сказал Андрей и поскорее выскочил из сарая.

То, как Губенков безнадёжно плакал, лёжа среди щепок и мусора, он не забыл. И однажды Вовку защитил. Защитил и ещё раз, по-настоящему, до крови подравшись с пацанами на поляне. Вовку при нём уже больше не трогали, и тот проникся к Андрею собачьей, унижительной какой-то преданностью.

Андрей озабоченно наморщил лоб и ещё раз взглянул на далеко уже отошедших Губенковых. Наташа держала мужа под руку и что-то говорила, запрокинув к нему лицо. Из-за плеча Вовки видна была подпрыгивающая головка в белом платочке. Сам Вовка шёл солидно, широко расставляя ноги...

– Почто стоим, грузинец? – раздался сзади гаденький голосок. – Аль порча какая?..

Опять сыроежки!.. Сказали и юркнули за калитку. Ну, я вас сейчас!.. Однако на этот раз, счастливо взвизгнув, девчонки надолго скрылись в доме.

Андрей направился к перекладине между двумя брёвнами. Надёжно, умело ухватился за трубу – теперь в самый раз, не толстая – и принялся быстро подтягиваться. И не до груди, как все обычно подтягиваются – детская забава! – а за голову, к затылку. Так не каждый сможет. Ноги приходилось поджимать, потому что перекладина была уже для Андрея низковата.

Вверх – вниз, отдаляется – приближается земля, шире – уже горизонт. Вон и крестная видна за кустами малины вдоль штакетника, появляется и исчезает – тоже поднялась и по холодку, пока не так жарко, окучивает картошку. Мелькает за малиной её домашнее платье, крестная согнулась и похожа сверху на деку гитары: поуже плечи, пошире бёдра, и талия ещё вполне заметна.

– Ты как после работы, вспотел весь!..

Увлёкшись, Андрей не заметил, как подошла Нина Голосуева. Она склонила голову к плечу и с интересом рассматривала его. В руке у неё покачивался бидончик с молоком.

– Красавец-мужчина. Ого, мохнатый какой!..

Андрей отпустил трубу и, разгорячённый, подскокил к девушке и рывком притянул к себе. Под тонкой футболкой почувствовал её грудь с твёрдыми сосками, Нина была без бюстгалтера.

– Но, но, не дури! – быстро проговорила девушка. Она оттолкнула Андрея и нахмурила тонкие выщипанные брови. Лицо у неё было строгое, а вот глаза не очень. – Разговоров мне только не хватало. Бабки увидят – разнесут. И так уже чёрт знает что трепят.

– Раз трепят, чего тебе терять... – Делая вид, что шутит, Андрей опять попробовал притянуть девушку.

Нина живо отскочила в сторону и отвела за спину бидончик.

– Дождёшься! Влеплю сейчас!

Она уже не шутила. Зрачки тускло горели, хищноватые, с глубоким вырезом ноздри раздувались. “Симпатичная, – невольно подумалось Андрею. – Хотя дрянь, конечно”.

– Ладно, шуток не понимаешь. Разошлись.

– Ничего себе шуточки! – Нинин взгляд скользнул вниз, по Андреевым спортивным брюкам. Она насмешливо покачала головой. – Нашёл, главное, где.

– А в другом месте – нормально?.. – Андрей заметил её взгляд, но не смутился. И даже подмигнул. – Если никто видеть не будет? А что тебе – ты ведь теперь женщина свободная...

– Не болтай, – строго остановила его девушка. – Балбес ты, Чадо. Раньше скромнее был.

– Так и ты была лучше. Людей в тяжёлую минуту не бросала.

– Ага, рассказали уже. Ну, давай, презирай меня. В армии отслужил, а всё, как ребёнок. В пятнадцать лет твоё развитие остановилось – на уровне подростка и “Трёх мушкетёров”.

Андрей обиделся. И смерил девушку взглядом.

– Ладно, много ты обо мне знаешь!..

Нина помолчала, усмехаясь. Затем вскинула на Андрея глаза.

– Помнишь, как мы соревнование устроили, кто больше подтянется на этом вот турнике? Сколько нам было? Лет по двенадцать, не больше... Я почему это говорю – что для тебя тогда было главным? В двенадцать лет? Не знаешь?.. Так я объясню. Папу с мамой слушаться, это раз! Металлолом для школы собирать, два! Подвиг мечтал совершить – остановить поезд перед разобранными рельсами или ребёнка во время пожара спасти...

– И что плохого?

– Не ты один, я тоже об этом мечтала... А то, что сейчас желания у тебя другие. Шкала ценностей изменилась. Понимаешь? У всех так. Хочешь не хочешь, а приходишь к этому всё равно. Человек похож на электронную машину – с самого рождения в нём программа заложена. В десять лет ему надо одно, в двадцать лет другое, а в сорок – ещё что-то.

– Ладно пудрить мозги. Сделала подлость, так признайся!..

Нина опять на секунду замолчала.

– Думаешь, я Петю не любила? Вам и не снилось!.. Но прошло. Да, мне нравилось, что все его знают, что он самый знаменитый человек в городе. Это приятно любой женщине. Но теперь мне неинтересен человек, который в двадцать восемь лет умеет только забивать голы! Неинтересен, понимаешь?.. Когда все разговоры о футболе, когда одно и то же изо дня в день – и ничего другого, понимаешь, ничего другого!.. Сейчас не первобытное общество. Мышцы, ловкость, сила – красиво. Но не они в современной жизни главное. Нужен интеллект, нужна воля совершенствоваться, двигаться вперёд, добиваться умом, а не силой!..

Андрей удивлённо, несколько даже обескуражено смотрел на девушку. Вот так Нинка – как повернула. И слова какие. Не зря корпит над книгами... Нашёлся он не сразу:

– Красиво говоришь, подруга. А как насчёт верности? Как насчёт порядочности и честности?.. Ведь он твой муж.

– Наивный ты, Андрей, – с усталым видом, будто в сотый раз поясняя неразумному ребёнку, сказала Нина. – Порядочность, честность... Мне даже не по себе стало... – Она отвела насмешливый взгляд. – А может, честность должна быть прежде всего перед собой – не приходило в голову? Ты меняешься, значит, и люди рядом с тобой должны меняться. Плохо приходится человеку, который в тридцать лет остаётся восемнадцатилетним. Он белая ворона, понимаешь?.. Жизнь делают не восемнадцатилетние. У взрослой жизни свои законы. Нельзя отставать от поезда. – Нина вдруг махнула рукой. – Ладно, чего объяснять. Сам должен сообщать... А осуждения ваши мне по барабану!

Она повернулась и пошла, покачивая бидончиком.

Андрей задумчиво погладил волосы. Больше всего поражало то, что Нинка – обычная девчонка с окраины, своя в доску! – научилась так рассуждать. Нет, не зря целыми днями просиживает над книжками, не зря...

Пора было идти умываться. Андрей толкнул калитку.

– Зарядился? – Крёстная выпрямилась и, заслоня-

ясь ладонью от солнца, смотрела на него. Тёмно-зелёная ботва закрывала ей ноги, и крёстная стояла посреди грядки, как в воде.

– Под завязку!.. Ты оставь, я приду вечером с работы, помогу.

– Ладно, чего уж. Не привыкать. – Крёстная потёрла ладонями поясницу. – О чём вы с Нинкой? Я целую грядку успела пройти, а она всё тебе мораль читает. Не слышно, правда, но по лицу – точно, мораль.

– Да так... За жизнь беседовали. Да и чего это вдруг ей морали мне читать?

Рассказывать не хотелось. Разговор с Ниной оставил неприятный осадок. Андрей привык оценивать всё чётко: хорошее – оно и есть хорошо, плохое – плохо. А Нинка пытается то и другое смешать. Демагог. Но совсем убедить себя в том, что Голосуева просто выкручивается, Андрей не мог. Что-то в её рассуждениях задевало за живое, казалось если уж не правильным, то интересным. И это было особенно неприятно.

– Андрюша, ты бы воды принёс. Пока огурцы в холодке, полить немного. Видишь, жара какая в этом году. Лучше, конечно, вечером, ну да ладно.

– Есть принести воды! – Андрей, дурачась, прикрыл левой рукой макушку, а правой отдал честь. Ну её, Нинку!.. Ему хотелось ясности и определённости, с которыми он жил последние два года. – Разрешите идти?

– Разрешаю. – Крёстная смотрела на него с улыбкой и покачивала головой – шутник, мол, с таким не соскучишься.

У дома дяди Лёвы Кондрашова стояла белая “Волга”. Видно, Кондрашов подкатил только что – когда Андрей делал зарядку, машины не было. Прежде чем ехать за директором мясокомбината, дядя Лёва заворачивал домой позавтракать, на поляне все это знали.

Андрей опустил на траву вёдра и оценивающе посмотрел на “Волгу”. Сможет её поднять за передок, как это делает Кондрашов, или нет? Ну-ка... Он обошёл машину и ухватился за никелированный бампер.

– Э, парень! – Дядя Лёва, отведя ветки черёмухи,

выглянул из открытого окна. В руке у него была вилка.
– Ты чего это? Что надо?

Андрей, повернув к окну голову, приостановился, но бампера не выпускал.

– Попробовать хочу.

– Одна попробовала, семерых родила!.. Я тебе за инвалидность платить не собираюсь.

– Не переживай, дядя Лёва, всё путём! – Андрей понадежней перехватился, устойчивей расставил ноги и потянул изо всей силы вверх. Лицо у него налилось кровью, руки от напряжения вздрагивали, рот ощерился. Радиатор слегка приподнялся, затем, опущенный, мягко качнулся на рессорах.

Андрей выпрямился и победно посмотрел на окно.

– Я тебе!.. – погрозил дядя Лёва кулаком с зажатой в нём вилкой. Но с места не тронулся.

Андрей подхватил ведра и, пренебрежительно поведя плечом, с достоинством направился к колонке.

Солнце поднялось выше, поляна выглядела теперь уже по-другому. Голубизна в воздухе исчезла, светлей и короче сделались тени, роса на траве быстро высыхала. Всё вокруг становилось обычным, дневным. Там и тут бродили выпущенные на волю куры. Репродуктор на столбе у продмага играл, казалось, уже не так громко.

Андрей надавил на ручку колонки и подставил ведро. Белая от напора струя звонко ударила в дно. Постепенно звук становился всё глуше и ниже – ведро наполнялось. Андрей шурился на солнце и подпевал репродуктору.

Когда он возвращался с полными ведрами, у калитки Голосувых увидел мотоциклиста. Парень в кожаной куртке и шлеме, опустив с обеих сторон мотоцикла на землю ноги, громко прогазовывал и смотрел на окна дома. “Неужели Петя Чаев?.. – Сердце у Андрея забилося. – Почему тогда на мотоцикле, а не на машине?” Он подошёл сзади и заглянул парню в лицо.

Нет, не Петя...

– Постой, Русков.

Андрей удивлённо приостановился. Парень снял блеснувший на солнце шлем.

– Не узнаёшь?

Продолговатое худощавое лицо, короткая стрижка, оставляющая открытыми уши, спокойный взгляд холодных серых глаз...

– Суханов?.. – неуверенно сказал Андрей. – Дима?

– Ну вот, вспомнил. – Парень опять надел шлем и опустил руки на руль мотоцикла. – Тоже отслужил? Ты что, здесь живёшь?

Андрей кивнул:

– Да, у родных.

С Сухановым Андрей вместе служил, они даже играли за одну команду на первенстве части по волейболу. Но Андрей совсем выпустил из виду, забыл как-то, что Дима родом из города, в котором живёт крёстная. Впрочем, неудивительно – вместе они прослужили всего полгода, срок службы у Суханова закончился раньше. К тому же никогда близко между собой не сходились, хотя и были почти земляками. Суханов держался немного особняком, он был старше других ребят и до армии успел окончить институт. Дима принадлежал к тем положительным серьёзным парням, которых почему-то все зовут по имени.

– Ты работаешь или гуляешь ещё? – улыбнувшись выскочившей из калитки с сумкой через плечо Нинке, Дима опять повернул лицо к Андрею.

– Работаю. На машзаводе.

– Я тоже на машзаводе. В отделе главного конструктора. Будет время – заглядывай.

Мотоцикл мягко тронулся с места. Нинка, усевшаяся на заднем сидении, подалась вперёд, обхватив Диму за талию. “Вот, значит, что!..” Андрей по-прежнему стоял, не выпуская из рук ведра.

Из-за малинника выглянула крёстная.

– Скоро ты там?

Андрей молча занёс ведра за ограду.

– Здесь ставь. Ага, вот так... И завтракать иди, а то опоздаешь. Неудобно будет, месяца, скажут, не работает, а уже опаздывает... Ну что ты? Чего стоишь?

– Кто этот парень Нинке? Ну, на мотоцикле сейчас подъезжал.

– А кто его знает. Городской какой-то. Ухажёр, наверно. – Крёстная опять заторопила: – Ладно, иди, на столе приготовлено, ешь быстрее... Да, чуть не забыла, на проигрывателе тебе открытка лежит. С Крыма. Вчера из ящика достала... У тебя что, знакомые в Крыму?

Минут через пятнадцать Андрей шагал к остановке трамвая. Утро было такое хорошее, что хотелось запеть или побежать. Андрей со сдержанной силой поводит плечами и без надобности напрягал мышцы. А когда увидел выскочивший из-за угла трамвай – и в самом деле побежал. Хотя этого совсем не требовалось – трамвай здесь делал кольцо, остановка была конечная.

Покачиваясь в вагоне, он достал сунутую впопыхах в карман открытку и прочитал её. Писал тот пожилой парень из Якутии, с которым Андрей познакомился в поезде. Он передавал черноморский привет и спрашивал, не передумал ли Андрей. А то, пожалуйста, место в автоколонне всегда найдётся. И охота в их краях хорошая.

“Чудик!” – подумал Андрей. И подался к окну – как раз начинались новые белые дома города.

Город у Андрея всегда вызывал любопытство.

6

На завод Андрей ходил с удовольствием. В погуллившей и замедлившей перед проходной толпе он чувствовал себя своим. Своим среди солидно здоровящихся за руку пожилых рабочих и недоспавших, с набрякшими веками парней, вяло отвечающих на подначки. Своим среди немолодых женщин с хозяйственными сумками и гибких девчонок в джинсах, бойко постреливающих по сторонам глазами. На заводе у Андрея уже появились знакомые, и он, подняв руку, приветствовал их поверх голов.

Приятно было знать, что ты занятой нужный человек, что идёшь вместе со всеми, не спеша и с досто-

инством. Шарканье ног по асфальту, скупые утренние разговоры. Ты вроде как все – и в то же время сам по себе. Можешь остановиться и закурить, пряча спичку между ладонями и искоса поглядывая на девчонок. И никто слова тебе не скажет, никто командирски не прикрикнет – ты гражданский, свободный человек...

Мелочь, казалось бы, а хорошо!

В тот первый рабочий день, когда Андрей появился на складе листа, он познакомился со своим сменщиком, отставным капитаном Николаем Кузьмичём.

Денёк выдался суматошным и каким-то скомканным – тут тебе и начальник отдела кадров с лысой, как шар, головой, и громыхающие цеха завода, и шустрый Копач, и суровая кладовщица Люда – впечатлений было много. Так что к концу смены новые лица почти уже не воспринимались. Но Николай Кузьмич запомнился и сразу чётким вошёл в память.

Он показался не со стороны проходной, как можно было бы ожидать, а откуда-то сбоку, из распахнутых чёрных ворот цеха и, видимо, уже знал, что Андрей принят вторым контролёром. Подошёл, назвал себя и, пожимая руку, сказал густым голосом:

– Вот и добро. Теперь станет легче.

Николай Кузьмич был похож на запорожца с картины Репина – такой же крепкошей, плотный, но без живота, с лицом мужественным и бесхитростным. Гладко выбритый, он носил стрижку своей молодости: затылок и виски были голые, лишь сверху, откуда у запорожцев стекал “оселедец” – короткий седоватый полубокс.

– Вот и добро, – повторил Николай Кузьмич и вытер большим платком потную шею. Он обстоятельно и не торопясь сложил платок и спрятал его в карман. Потом спокойно, прямо посмотрел Андрею в глаза и сказал: – Ты не тушуйся. Если с характером, всё будет нормально. Недели две поработаешь – и контролёром будешь толковым. Не боги горшки обжигают.

– Я не тушуюсь, – ответил Андрей. Он смотрел на Николая Кузьмича с уважением, тот ему сразу понравился. Андрею очень хотелось спросить, почему Нико-

лай Кузьмич вышел в отставку в таком непривычном звании – всего лишь капитан, – но постеснялся.

Сменщик глянул на часы.

– Ты вот что, иди-ка домой.

– Так рано же, – Андрей удивился. – Ещё двадцать минут.

– Я уже здесь, чего нам вдвоём... Иди!

– А Копач ругаться не будет?

– Что ему ругаться – склад не простаивает, контролёр на месте...

Андрей, кивнув, ушёл.

Но когда в понедельник он вышел во вторую смену и явился на склад не к пяти, как полагалось, а в четыре тридцать – раз сменщик так, то и ему, получается, позже неудобно, – Николай Кузьмич раньше уходить не стал. Сначала Андрея это удивило, а потом озадачило. Он спросил:

– Что ж вы не идёте? Я уходил.

– А что мне дома делать? На жену смотреть?.. На-смотрелся. А ты молодой, тебе другое дело.

– Я не женат, – усмехнулся Андрей. – Смотреть не на кого.

– Смотри на девушек. Так даже интересней. Вон их сколько!..

Возможно, Николай Кузьмич и в самом деле домой не торопился, не было у него для того причин. Но всё равно его упорное нежелание уходить раньше Андрею не понравилось. “Не так-то ты прост, дорогой товарищ капитан! – удивлённо подумал он. – Мне, значит, удобно раньше времени с работы уходить, а тебе, выходит, нет!..”

И теперь, работая в первую смену, Андрей сам стал дожидаться пяти часов, минута в минуту. Только после этого, помахав рукой крановщице Анюте и стропальщикам, с лёгким сердцем направлялся к проходной.

Работалось нормально. Правда, первое время, когда ещё как следует не освоился, приходилось часто звонить Копачу и спрашивать совета. А если мастера найти не удавалось – дел у Копача было много, на месте он не сидел, – Андрей шёл в сумрачную комнату на втором

этаже и справлялся у Вали. Та отрывала взгляд от бумаг, отвечала каким-то потусторонним слабым голоском и опять с головой уходила в свои сертификаты. И так каждый раз – ни слова лишнего, ни взгляда, ни улыбки.

“Кукла чёртова, – думал Андрей с усмешкой. – Нужна ты мне!..”

Ему становилось смешно, стоило только представить рядом с собой эту воблу с тонкими ногами. Он вспоминал Оксану, старшего инженера из Мурманска, которая была у него дома. Вот это женщина!.. У неё муж подводник и сын в этом году в школу пойдёт. Оксана любила водить рукой по Андреевой голой груди и всё не верила, что у него была только одна женщина, да и та ещё до армии и по пьянке.

“А что тут такого?” – улыбался Андрей. Оксана уклончиво отвечала, боясь, видимо, из ревности перехвалить: “Ну... Ты парень видный”. Такая женщина его оценила! А эта Валя изображает из себя чёрт знает что!..

В тот первый памятный день, когда Андрей устраивался на работу, Копач в самом деле сказал правду. Работа контролёра была лёгкой. На взгляд Андрея, даже слишком лёгкой. А рядом по-настоящему, тяжело трудились стропальщики.

Митя и Вася или ещё какая-нибудь бригада стропили прогибающиеся под собственным весом металлические листы, и “лапы” надо было подвести с двух сторон точно под середину, чтобы ни один из концов не перевешивал, иначе лист мог сорваться и натворить бед. Когда это удавалось сразу, из кабины крана показывалась голова Анюты в синем берете.

– Молодец ты сегодня, Вася! – Анютино лицо было покрыто летучей мелкой ржавчиной, и от этого зубы казались особенно белыми. – Попал с первого раза! Настоящий мужчина!..

Стропальщики только смеялись и мотали головами:

– Ну, даёт! Во, девка!..

Потом кран, натужно загудев, осторожно трогался с места, листы плыли на платформу с низкими побитыми бортами. Платформу, нагрузив, завозили в тём-

ный дымящийся провал цеховых ворот... Все – и Митя с Васей, и Анюта, и кладовщица Люда, которая удивительно ловко для своего сложения умела пробираться между штабелями, когда отыскивала нужную марку стали, – все работали, только Андрей, так ему казалось, был не у дел. Иногда, конечно, подходил, тёр щёткой край листа, чтобы узнать номер плавки, затем сверял с номерами в контрольной книге и опять отходил в сторону – снова стоять. Какая же это работа?..

И однажды Андрей решился.

– Митя, ты оставайся возле платформы, будешь принимать листы. А мы с Васей будем здесь стропить, – сказал он, откладывая контрольную книгу.

– Будешь с нами стропить?.. – удивился Митя, приземистый крепкий мужичок с красными голыми веками. И в недоумении наморщил лоб. Никто из контролёров раньше не предлагал помощь. У стропальщиков даже мысли такой не возникало, что им кто-то должен помогать.

– А что, быстрее будет!

– Быстрее, ясно, – согласился Митя и заспешил к платформе, будто опасался, что Андрей может передумать.

Так и стали работать. Андрей сверял номер плавки на листе металла с записью в своей книге, затем, перехватив тяжело покачивающиеся в воздухе “лапы” и рукой показывая крановщице “майна! майна!”, заводил “лапы” под край листа. С другой стороны то же проделывал второй стропальщик Вася, неразговорчивый сутулый холостяк сорока лет.

– Готово? – бросал ему Андрей. Сразу как-то так вышло, что Вася стал его во всём слушаться.

– Да.

– Вира! – кричал Андрей Анюте, отходя в сторону и зорко поглядывая, хорошо ли, ровно ли поднимается лист. Гудел мотор крана, из ворот цеха доносился лязг и грохот, но всё равно было слышно, как потрескивала, отскакивая от прогибающегося металла, окалина.

Теперь Андрей неловкости больше не чувствовал. Он работает, а не сачкует. К тому же и смена стала быстрее проходить. В перерывах, когда работы не было,

он садился со стропальщиками под навесом у стены цеха, играл в домино или слушал разные истории, которых Митя знал без счёта. Иногда сам рассказывал о Казахстане, о скорпионах и фалангах, о буранах зимой.

– Хороший человек!.. – с чувством сказал как-то Вася и крепко пожал Андрею запястье.

Андрей смутился Васиного порыва и попытался перевести всё в шутку:

– Потому, что помогаю?

– Не, – сказал Вася. – Вообще. – Он поднялся и вышел из-под навеса.

Митя с усмешкой кивнул вслед:

– Молчун, а?.. Уважает! Ты в армии в каком звании был?

– Рядовой.

– Конечно, свой парень.

Но как-то на склад завернул Копач – он довольно часто обходил участок – и, увидев, чем занимается Андрей, поманил к себе.

– Андрюха, неправильно делаешь, – сказал мастер, отводя глаза. Похоже, он обо всём догадывался. – Ты сейчас строишь, а через неделю, допустим, у тебя рука заболит. Ты станешь только сверять плавку, а они, – Копач кивнул на стропальщиков, – будут недовольны. Се-чёшь?

– Почему?

– Потому, что приучил их.

Андрей задержал взгляд на Копаче, насмешливо подумал: “Ну и народ! Боятся пальцем для другого шевельнуть”.

– Э-э, не понял, не понял! – торопливо и с досадой заговорил мастер, перехватив его взгляд. – Пошли-ка... Вы работайте, мужики, работайте! Перекура никто не объявлял!

Он подвёл Андрея к скамейке и, усадив на горячие от солнца рейки, опустил рядом. Какое-то время молчал, постукивая по скамейке пальцами и дёргая шеей, будто её давил ворот. Андрей, усмехаясь, смотрел прямо перед собой на тополя у кирпичной стены цеха.

– Есть такая, Андрюха, штука, как специализация

труда. Кто на что учился. Ты сам знаешь, что тебе объ-яснять, парень грамотный... Но я тебе для наглядности – сапожник, допустим. Не задумывался, почему он ещё хлеб не выпекает? Как хорошо бы, и модные туфли – и французские булки! А?

Андрей уже хотел было встать и сказать что-нибудь резкое, вроде того, что не надо ему мозги пудрить, когда всё ясно. Но последние слова мастера заставили улыб-нуться. Такое сочетание – туфли и булки – действи-тельно показалось смешным.

– Чего, казалось бы, лучше, а не получается! – Улыб-ка Андрея ободрила Копача, он придвинулся на скамей-ке ближе. – Человеку надо делать что-то одно, жизнь заставляет. А то, как говорится, за двумя зайцами по-гонишься... Ни туфель, ни булок твоих никто покупать не станет, потому что они будут плохие. А чтобы выра-сти в хорошего специалиста, я имею в виду настоящего, а не тяп-ляп, надо... – Копач, подыскивая слово, огля-нулся по сторонам и пошевелил в воздухе пальцами. – Ну... Хорошая профессия, как ревнивая жена. Или ты весь её, или она тебя к себе не подпустит!..

И Копач засмеялся, довольный сравнением.

– Всё понятно, Богдан Иванович. – Андрей вежливо улыбнулся. – Но ведь быстрее же будет, если помогу! При чём здесь специализация? По-человечески...

– Погоди, погоди, я не закончил, выслушай. Анюта, например. Это пальцем легко ткнуть, куда хочешь – там мышцы, всё ясно. А краном попробуй! Если умеешь так подвести крюки, чтобы стропальщикам было удобно, по голове никому не дало и чтобы у тебя всё получалось быстро – молодец, умеешь работать!.. Нужно всего-то вовремя нажать кнопку или опустить. А сколько учат-ся!.. Правильно говорю?

Андрей неохотно пожал плечами.

– Или Люда. Может, конечно, у неё от природы хре-новый характер, а, может, от забот. Нам с тобой всё равно, сколько листа осталось на складе. Нам важно, чтобы металл прошёл испытания и чтобы в цех выдава-ли нужную марку. Количество нас не интересует. А для

неё важно. И ещё следы, чтобы склад как часы работал, а стропальщики ребята такие, что не перетрутся... Материальная ответственность, её Люда тоже чувству-ет. В случае чего – и под суд попасть можно... Сечёшь?

Андрей наморщил лоб. С одной стороны, Копач вроде бы прав – каждый должен делать своё дело, и хорошо делать. А с другой... Помочь-то надо, если сам ничем не занят! Иначе нехорошо, не по-человечески получается.

– Э-э, ты плечами не дёргай, ты думай, – сказал ма-стер, с укоризной покачивая головой. – Ты контролёр. Вот и работай контролёром, чтобы готовый аппарат из-за нашего недосмотра не полетел к едрене-фене. А за стропальщиков не переживай! Ну, pomoжешь ты им, дальше что? Только раньше в домино сядут играть.

Андрей решительно поднялся со скамейки. Не нра-вилось ему всё это.

– Ты ликбез, Богдан Иванович, с кем-нибудь другим проводи. Когда из-за меня аппарат полетит, тогда бу-дешь мораль читать. Сейчас сам как-нибудь разберусь.

– Когда полетит, поздно будет. – Копач смотрел со-жалующими глазами. – Ты молодой, некоторых момен-тов в жизни ещё не прощупал. Отношения между людь-ми – штука тонкая... Ладно, дело твоё. Я предупредил.

– Да не бойся, Богдан! – на этот раз уже мягче, почти примирительно сказал Андрей. Копач был, в общем-то, хорошим мужиком, не хотелось его обижать. – Всё бу-дет нормально. Я и здесь, и там успеваю!

– Ты подумай, Андрюха, подумай...

После разговора Андрей помогать стропальщикам стал меньше. Слова мастера были ему неприятны (при всей правильности было в них что-то жлобоватое), но – начальник. А начальство необходимо слушаться, это Ан-дрей усвоил ещё в армии. Впрочем, часто он забывал об этом, увлекался и работал со стропальщиками наравне.

Андрею нравился склад во вторую смену.

Сначала, часов до шести, было, правда, не очень уютно. Мимо шли к проходной рабочие из цехов – все

с чистыми лицами, мокрые волосы причёсаны волосок к волоску, сразу видно, мужики после душа. Сигналя и поднимая пыль, проезжали в гараж, который находился неподалёку, заводские машины – шофёры работали только в первую смену. И когда уже казалось, что всё успокоилось, неожиданно прибежал из какого-нибудь цеха завозчик металла и начинал упрашивать суровую Люду срочно выдать металл. Первая смена забыла завезти его в цех, и сейчас бригада разметчиков простаивала.

Люда в таких случаях начинала показывать характер. Она заявляла, что если завозчики не позаботились раньше, сейчас пусть не рассчитывают, ей некогда. Надо сортировать листы на складе.

Дело обычно доходило до начальника цеха. И тот, если не успевал уйти домой (как правило, не успевал), появлялся сам и начинал доказывать, что необходимо обеспечить бригаду металлом, людям нужно заработать, да и план может пострадать. На Люду увещевания действовали плохо. Начальник цеха, интеллигентного вида мужчина в очках и галстук, говорил умно и убедительно, но кладовщица упорно стояла на своём. “Нет! – повторяла она. – Надо было раньше думать!”

Видеть всё это было неприятно. Людины категоричность и упрямство раздражали. “Подожди, голуба сизопёрая, мы с тобой схлестнёмся!.. – Андрей недобро, предвкусно поглядывал на кладовщицу. – Я миндальничать не стану!”

Ещё больше невзлюбил он Люду, когда узнал, что муж у той прапорщик и что раньше она работала в воинской части. Андрей живо представил, как бегала она – а что, вполне в её характере! – по всякому пустяку жаловаться командиру части и как попадало солдатам, чем-то ей не угодившим. “Ох, схлестнёмся!..” – думал Андрей и шурил глаза.

А вот после шести часов на складе начиналась спокойная жизнь. Стропальщики неспешно грузили металл по завтрашним заявкам, территория завода пустела,

становилось как бы просторней. А если отойти немного от цеха, то и шума не было слышно. Жара спадала, потягивал лёгкий ветерок, мерно шевелилась листва на тополях... Что ещё хорошо – начальства нигде не видно.

Андрей взбирался на один из высоких устойчивых штабелей, садился на контрольную книгу и сквозь припущенные радужные ресницы смотрел на неторопливодвигающихся Митю и Васю. Или вверх на Анюту, на её внимательный сосредоточенный профиль...

Покойно и хорошо.

7

Как-то в обеденный перерыв, когда до начала работы оставалось ещё минут двадцать, Андрей напрямик из столовой направился на волейбольную площадку – та находилась поблизости, за цехом.

Проходя мимо устроившихся в тени тополей рабочих, Андрей снисходительно усмехнулся: старички! Прислонились спинами к стволам, устало отхлёбывают молоко их стеклянных, захватанных грязными пальцами бутылок... Ему самому жара была нипочём. Не только ему – волейбольная площадка не пустовала.

Ещё за углом тихого – обед! – цеха Андрей услышал знакомое: “Вынимай!” и звучный удар мяча о землю. Он вышел из-за угла и увидел, как под самой сеткой, только что приземлившись после прыжка, всё ещё как-то боком и на одной ноге стоял Дима Суханов. Этакая моментальная фотография.

– О, Дима! – вырвалось у Андрея.

Сказал он это с непонятным себе чувством. То ли рад был встрече, то ли не очень, когда впору поворачивать обратно. Суханова на заводе он уже как-то видел, но не окликнул и не подошёл – не захотелось. Не потому, что раньше встретил его у калитки Голосевых, хотя, конечно, это тоже было неприятно – Андрей не мог простить Нине того, что она бросила Петю Чаева. И совсем не потому, что не успел по-настоящему сойтись с Димой в армии – на гражд-

данке как с родными встречаешься с парнями, с которыми вместе служил, независимо от того, дружил ты с ними в армии или нет.

Здесь было другое.

Странноват он был, этот Дима, если говорить честно. Даже среди ребят своего года службы он выглядел чужим. Может, потому, что старше?.. То, что волновало и радовало других, его совсем не интересовало. Рассудительный и спокойный, всегда говорил так, будто газету читал. “Что за человек такой?.. – удивлялся порой Андрей. – Или притворяется? Зачем? Чтобы старлею Дериглазову понравиться?..”

В прошлый раз он видел Диму, когда тот проходил мимо склада. Дима явно работал в заводоуправлении, он был в голубой рубашке с коротким рукавом и в светлых брюках – так марко в цехах даже итээровцы не одевались. Он шёл не один, рядом семенил какой-то человек с папкой в руке. Если судить по виду, человек этот был старше Димы, но держался зависимо. Он что-то Суханову говорил, размахивая свободной рукой и заглядывая в глаза. Дима молчал и смотрел себе под ноги.

Похоже, этот мужчина, как и Андрей раньше, когда с Димой служил, чувствовал себя неловко. Будто набедокуривший подросток перед серьёзным взрослым, который сейчас докажет тебе, как ты глуп и вообще с приветом.

Андрей на секунду приостановился, но потом всё же решительно ступил к волейбольной площадке.

– Ребята, можно? У вас, вижу, не хватает одного.

– Заходи, Русков, – отозвался первым Дима. Сказано это было так буднично, будто они виделись всего лишь час назад. Он проследил, как сильно посланный мяч ударился за пределами площадки и посоветовал бывшему: – Ты кисть загибай. Видишь, уходит.

Андрея, как всегда перед игрой, охватил нетерпеливый мандраж. То и дело поглядывая на площадку, он быстро разделся, путаясь в штанинах и прыгая на одной ноге. О Диме больше не думал – не до того.

Вдвоём – из шести человек по-настоящему умели

играть только они с Димой – разнесли другую команду. А когда до конца перерыва оставалось несколько минут, оделись, и Суханов попросил Андрея проводить его до заводоуправления – четырёхэтажного кирпичного здания на другом конце заводской территории.

Андрей согласился. Без особой, впрочем, радости. Одно дело с Димой играть и совсем другое быть рядом, разговаривать. Да и о чём?..

Они проделали путь, по которому раньше Копач вёл Андрея из отдела кадров. Мимо строящихся, огромных и пустынных, цехов, мимо стендов с показателями роста выпуска продукции, производительности труда и средней заработной платы. Жгло солнце. Диму, похоже, на заводе все знали – пока шли к заводоуправлению, с ним здоровался едва ли не каждый встречный.

– Приходи сегодня к пяти. Потренируемся, – медленно, в обычной своей манере, проговорил Дима. Прищуренными глазами он смотрел в пространство перед собой, будто видел там что-то, понятное ему одному. – В сентябре первенство города, завод выставит команду. Ребята есть ничего... Нужно будет, от работы освободим, можно договориться. – И он перевел взгляд на Андрея, сдержанно улыбнулся. – Директор нам идёт навстречу, в молодости сам играл в волейбол.

– Ладно, – стараясь сохранить солидный, под стать Диме, вид, согласился Андрей. Теперь он уже был доволен, что встретил его, что понадобится заводской команде. И грубовато, по-армейски, как близкому, понимающему человеку, сказал: – Всё, старик, глухо! Приду.

И не заметил, как Дима поморщился.

Ещё не было пяти, а Андрей уже сидел на лавочке возле волейбольной площадки. Один за другим подходили парни, кто со стороны заводоуправления (его ещё на заводе называли Белым домом), кто от цехов. Андрей посматривал на них и думал, как это хорошо – сразу столько новых знакомых. Он не сомневался, что подружится с этими ребятами.

Среди всех людей Андрей волейболистов выделял.

Ему казалось, что между ними существуют особые, родственные, что ли, отношения. В детстве у него была мечта – составить из ребят своей улицы команду и всем вместе, не щадя себя, тренироваться. Будет идти время, они вырастут, но всё равно останутся товарищами, друзьями – одной командой. Они пройдут по улицам родного городка, тесно, плечо к плечу – настоящие парни, готовые один за другого в огонь и в воду. Людям, которые увидят их, это станет понятно. Их будут уважать и восхищаться ими.

И что до того, что возможности у каждого окажутся разными. Кто-то не сможет играть всё лучше, как нужно для команды, – не это ведь главное! Можно будет выигрывать или проигрывать, но друзей другими игроками не заменять и шагать всё так же тесно, плечо к плечу по улицам городка или где-нибудь на выезде, на первенстве области, а может – республики... Андрею и сейчас эта мечта нравилась и не казалась детской.

Попотеть пришлось здорово. Андрей давно не играл, и это давало себя знать. К тому же мешали мышцы, чрезмерно накачанные во время службы. Но все эти неудобства были в конце концов ерундой и мелочью. Андрей бросался за безнадёжными мячами, каким-то чудом доставал их, поднимал над площадкой, делал хороший пас... В команде он оказался одним из лучших.

– Ты где такого кадра прятал? – как бы посмеиваясь, но на самом деле с уважительным удивлением спрашивали заводские ребята у Димы. – Ему в защите цены не будет.

– Да ладно, – польщённо отмахивался Андрей.

– Из резерва главного командования, – отвечал Суханов. – Секретное оружие против конкурентов.

– А как насчёт пива из резерва главного командования? – любопытствовали ребята. – После игры, конечно.

Дима отшучивался:

– Лимиты не отпущены... Давайте, давайте, парни, не размагничиваться! Попробуем ещё раз со второго номера с подстраховкой... Подавай!

После тренировки надо было помочь Диме снять сетку и отнести вместе с мячами в кладовую спортивного инвентаря. Вызвался Андрей. Вдвоём они затолкали сетку в объёмистую Димину спортивную сумку и вышли через проходную завода на широкую, обсаженную с обеих сторон молодыми липами улицу. Солнце клонилось к закату и уже не так пекло. Листья на истомившихся по дождю липах шуршали как бумажные. Дима и Андрей держали перед собой на ладонях по мячу.

Под кладовую была выделена комнатуха в общежитии. Ключ от неё, как понял Андрей, находился у воспитателя, но того на месте не оказалось. Какое-то время пришлось потолкаться на вахте возле большого коричневого стола с разложенными на нём письмами. Здесь, в общежитии, Диму тоже все знали и, проходя мимо, здоровались. Парни запросто, мимоходом, девушки – вежливо, с затаённым смыслом, как показалось Андрею.

Наконец появился воспитатель. Он крепко держал под мышкой две новые шахматные доски, отсвечивающие в вечернем солнце полированной поверхностью и, судя по всему, скользкие – их то и дело приходилось перехватывать.

– Это ж надо! С ума сойти!.. – Воспитатель с облегчением опустил шахматные доски на стол с письмами. Снял летнюю шляпу в мелких дырочках и протёр платком кожаный ободок внутри. – До чего дошло – во всём городе шахмат днём с огнём не сыщешь. Попробуй в таких условиях организуй работу секции!..

Дима поднял с кафельного пола спортивную сумку.

– Радоваться надо, Виктор Тимофеевич. Налицо свидетельство интеллектуального взрыва среди наших рабочих. – Шутит он или говорит серьёзно, понять было трудно.

– Так ты мне за этот взрыв, Дмитрий, опять на комитете будешь втык делать! – Виктор Тимофеевич, пожилой полный человек, порылся в карманах белого полотняного пиджака (несмотря на духоту, пиджак был застёгнут на все пуговицы) и достал нужные ключи.

чи. Он старался говорить легко, шутливо, но в этом своём старании перебирал через край, и Андрей понял, воспитатель за что-то обижен на Диму. – Мячи хотите, значит, сдать? Потренировались? Это можно, это пожалуйста... Так готовить место под кубок или подождать пока?..

Андрей ещё по дороге решил, что пригласит Суханова выпить пива. В такую жару да ещё после тренировки это было бы в самый раз. Но Дима его опередил. Когда они, оставив мячи и сетку, отошли от кладовой, он сказал, кивнув на ведущую вверх лестницу:

– Мне к ребятам надо зайти. Парни техникум заканчивают, просили расчёты посмотреть. Ну что, пока?..

– А может, пойдём по кружечке пива? – быстро проговорил Андрей. Ему не хотелось оставаться одному, он настроился на неторопливый разговор – как-никак вместе служили. Хотя, конечно, и разные люди.

– Нет, я обещал, – серьёзно сказал Дима. – Если хочешь, пошли со мной, посмотришь. Кстати, тебе тоже надо как-то определяться. Учиться, например, поступить. Не вечно же ты в контролёрах будешь.

Андрей пожал плечами.

– Успею, куда торопиться! – Он пожалел, что не остался с ребятами-волейболистами. Уж те наверняка пошли пить пиво.

– После армии надо жить всерьёз. Это по молодости ещё можно порхать, а сейчас приходится думать основательно. – Сообразив, что слова прозвучали с излишней назидательностью, Дима засмеялся: – Как там Серёжка Акопян, не знаешь? Ходит по своему Кисловодску в американских джинсах? А комбинированные туфли отец ему сделал, не пишет?.. Весёлый парень!

Андрей хмыкнул.

– Пока не пишет. Ловит кайф в своём Кисловодске.

С Серёжкой Акопяном был связан случай, запомнившийся, оказывается, не только Андрею. Как-то он, а с ним ещё несколько таких же первогодков, сидели на тёплом плиточном полу ротной сушилки и пережидали строевой тренаж. Вверху под потолком висели гирлян-

ды подменного хэбэ, от них пахло кухней, макаронами по-флотски, а с плаца через открытое окно доносились зычные команды сержантов.

Все заинтересованно следили за Славкой Мининым – он незадолго до того исполнил свою мечту, купил в военторге чемодан, с которым рассчитывал увольняться в запас. И сейчас, осторожно макая кисточку в баночку с белой эмалью, выводил на крышке этого дембельского чемодана: "Волки! Вы свободный народ!" Слова были из мультфильма "Маугли", который ребята недавно смотрели по телевизору. Велись бесконечные, но постоянно интересные и не надоедающие разговоры о гражданке. Парни вздыхали – служить предстояло ещё целых полтора года.

Случай запомнился Андрею, наверно, потому, что он тогда как раз маялся тоскливым ожиданием: получил на утреннем разводе десять суток гауптвахты, и его должны были с часа на час отвезти в гарнизон. Погорел, в общем-то, глупо. Попытался сбегать в аул в самоволку, но нарвался на патруль и был с позором доставлен обратно в часть.

«... Одеваю, значит, рубашечку в талию, джинсы, – рассказывал Серёжка Акопян, обводя всех мечтательными, будто хмельными глазами. – Мне отец корочки сделал, цэ! – Серёжка поцеловал кончики пальцев. – Комбинированные! Ни у кого в городе таких нет. Белые с чёрным, лакированные, иду – весь Кисловодск завидует...» – «Акопян, а что такое – корочки?»

Ребята не заметили, как в сушилку зашёл Дима Суханов, дежурный по роте. Суханов не был ни сержантом, ни даже ефрейтором, но старшина по известным только ему соображениям назначал Диму не дневальным, как полагалось бы рядовому, а рангом выше – дежурным. «Так что такое корочки, Акопян?»

Первогодки, поскучнев, стали подниматься с плиточного пола и нехотя побрели к выходу. Сачкануть не удалось. «Это, дежурный, такие... как тебе сказать, – Акопян тоже направился было к двери, но остановился и наморщил лоб. Словно не найдя нужного слова, он

покрутил перед собой руками. – Ну, понимаешь, такие ма-а-ленькие сапоги...» Сушилка грохнула от хохота. В дверь стали заглядывать испуганные дневальные.

Дима Суханов, которому, видимо, до чёртиков надоели такие вот разговоры о доармейской жизни, где каждый из ребят представлялся значительней и отчаянней, чем был на самом деле, – Дима просто хотел подшутить над Серёжкой Акопяном (знал он, конечно, что такое “корочки”!), а вышло наоборот. Акопян объяснил ему, как человеку, ничего, кроме армейских сапог, не знающему. Здорово подколот.

«Да не об этом я, ребята, – не рассердился и не стусывался Суханов. Мимо него, ухмыляясь, парни тянулись к выходу. – Не об этом я совсем. Жизнь серьёзней, чем нам здесь кажется. – Однако Диму, похоже, всё-таки задела насмешка Акопяна. Его голос звучал напряжённо. – Плохо будет, если с такими представлениями вернёмся на гражданку. Шишек себе набьём. Зачем?.. – И вдруг засмеялся, хлопнул Серёжку по спине. – А вообще-то здорово ты меня. Молодец! Маленькие, значит, сапожки?..»

Дима, а за ним и Андрей поднялись на четвёртый этаж общежития. Жёлтые лампочки освещали коридор, тянувшийся в обе стороны от лестничной площадки, и ряд дверей с чётко выведенными номерами вверху. Маслянисто блестел линолеум под окнами в торцах коридора.

Суханов постучал в одну из дверей.

– Позвольте, господа дипломанты?

В небольшой комнате с койками по углам склонились над столом два сосредоточенных парня. Комната, оклеенная голубыми обоями, была светлой, через настежь распахнутое окно доносились уличные звуки. На столе вразброс лежали справочники, раскрытые учебники с замысловатыми диаграммами, исписанные листки бумаги.

Оттого, что парни сидели серьёзные, отрешённо-замкнутые, тишина комнаты казалась насыщенной, почти ощутимой.

– Здорово, страдальцы! – поздоровался Дима.

Парни, откладывая в сторону логарифмические линейки, ответили. Лица у них оказались невыразительные, будто выцветшие – похоже, ребята здорово устали.

– Дим, глянь, как я станки в поточной линии разместил. Нормально?

– Слушай, а как с оформлением пояснительной записки. Может, отдать перепечатать? Почерк у меня...

– Подожди ты со своей запиской, я ещё компоновку не сделал!.. Смотри, Дим, штамповка фланца поступает сюда, здесь черновая обработка на токарном полуавтомате... Какой станок выбрать, как считаешь?

Андрею стало скучно. Неужели ребятам не хочется пойти в город, с девчонками поболтать, вечером на танцах попрыгать?.. И что за необходимость такая корпеть в душевной комнате над учебниками? Из-за диплома, бумажки этой несчастной? Только-то?..

– Парни, вы в армии служили?

Все повернули к Андрею лица.

– Я не у тебя, Дима, спрашиваю – ты служил. Я у них.

– Служили, а что? – ответил один из парней, глядя на Андрея с некоторым вызовом. Ему, видимо, не понравился тон, каким был задан вопрос.

– Да так. – Андрей усмехнулся. – Я вот что думаю. Неужели всю жизнь надо заставлять себя?.. Когда настоящему жить? Как нравится, как хочется?..

– Странно ты рассуждаешь... – начал было один из парней.

– Жаль мне вас, ребята! – Андрей не стал слушать. Он эффектно повернулся и, твёрдо ступая, вышел из комнаты. Ему самому понравилось, как это у него получилось.

Действительно, тоска!

Домой не хотелось, и Андрей направился в центр города. Он шёл и любопытно осматривался по сторонам – в самом центре после приезда к крёстной он ещё не был. Проезжать проезжал, а чтобы вот так, пешком, не спеша – не доводилось.

У города было как бы два лица. Так могло показаться потому, что он состоял из двух разных, не похожих

друг на друга половин – старой, приземистой и тяжело-весно-основательной, построенной ещё в прошлом веке, и новой – светлой и однообразной, которая выросла не так давно, уже на памяти Андрея.

В старой части города режиссёры любили снимать фильмы о нэпмановской Москве. Андрей сам видел, как какая-нибудь из улиц перегораживалась, на ней появлялись светильники на голенастых подставках (светильники включались неизвестно для чего – стоял ещё день, видно было отлично, и ничего, считал Андрей, подсвечивать не нужно было), решительного вида парни в кожаных пиджаках покрикивали через мегафоны...

Этим улицам, плотно мощёным синеватой брусчаткой, и в самом деле удивительно подходили мощные битюги, легко катящие гружёные подводы, и редкие, старинных марок, нескладные автомобили, которые старательно сигналили пешеходам. Своими на этих улицах казались мужчины в клетчатых кепках и с юркими глазами. А в перспективу обсаженных деревьями тенистых переулков хорошо вписывались барышни с короткой, по моде тех лет, стрижкой и в ботинках с высокой, едва не до колена, шнуровкой.

Соотношение было отличное, и порой становилось даже жаль, что идут всего лишь съёмки.

Эта старая – центральная – часть города выглядела солидной, слегка хмуроватой и по-купчески респектабельной. Добротные дома в два, три, редко – четыре этажа с небольшими окнами были украшены по фронтому сюжетам из античной мифологии. С фасадов невидящими глазами смотрели задумчивые львиные морды. Здесь же тяжело-весные лепные гирлянды из цветов и листьев, корзинки со всевозможными фруктами. Улицы в этой части города были чаще всего узкими. Старые, с бугристыми стволами липы, которым не давали разрастаться и подрезали каждую весну, стояли в небольших квадратах живой – не покрытой камнем или асфальтом – земли, здесь редкой.

Хорош бывал центр по вечерам, Андрей помнил, особенно в выходные. Сюда на небольшой отрезок глав-

ной улицы (между госбанком и кинотеатром “Победа”) стекались со всех сторон нарядно одетые люди. Они гуляли двумя параллельными потоками, движущимися навстречу друг другу. Слышался неумолчный говор, шарканье шагов по брусчатке, музыка из транзисторов и портативных магнитофонов. Открытые окна нижних этажей слабо и уютно брезжили голубым светом телевизоров. В подворотнях на вынесенных стульях совсем по-домашнему располагались старики и старухи, молча смотрели на гуляющих. Ярко, но всё же не разгоняя до конца темноты, над улицей, тихо гудя, горели неоновые светильники. Свежо пахло охладевшей к ночи лиственной лип, духами и едва уловимо – нафталином за немолодыми супружескими парами. У юных блестели глаза. Пожилые раскланивались со знакомыми.

Шагая сейчас по улицам (завод и общежитие находились тоже на окраине, но противоположной – через центр – той, где стоял дом крёстной), Андрей сам мог наблюдать, как постепенно город меняется, как сквозь один его лик понемногу проступает другой.

Он шёл и видел, как среди громадных светлых многоэтажек стали появляться, постепенно вкрапчиваться старые здания. Чем дальше к центру продвигался Андрей, тем их становилось всё больше и выглядели они всё основательней. Улицы делались уже, многолюдней, а цвет города из светло-серого превращался сначала в красноватый (ближе к центру встречались нештукатуренные кирпичные дома – такие строили в начале шестидесятых), а потом в бурый – это уже шёл старый город.

Чаще стали встречаться магазины, город выглядел всё зеленей. В небольших ухоженных сквериках сидели в тени деревьев дородные пенсионеры в теннисках и обмахивались шляпами и прочитанными газетами. Было всё ещё жарко, возле бочек с квасом вытянулись очереди.

– Попить, что ли?..

Андрей замедлил шаг возле одной из бочек. Выпить кружку холодного кваса не помешало бы. Тем более что пива нигде что-то не было видно. Андрей на какое-то

мгновение даже почувствовал вкус кваса, его острый, кисло-сладкий, шипящий в нос запах. Вот только очередь, стоять надо...

Он повертел по сторонам головой, высматривая, нет ли где поблизости автомата с газированной водой.

– Слушай, друг, – обратился Андрей к какому-то подростку в белой футболке. У того на груди был изображён удручающе заросший бородач. – Где попить можно, ты не в курсе? Что-то я перестал ориентироваться.

Подросток кивнул себе за спину:

– Там, дальше.

– А кто это у тебя нарисован?

Подросток с опаской посмотрел на Андрея. Ему показалось, что этот здоровенный парень насмехается над ним. Неужели не знает?..

– Демис Руссос.

– Он кто?

– Греческий певец.

– Антифашист?

– Не знаю.

– А мне Муслим Магомаев нравится, – доверительно сказал Андрей. – У него голос хороший и репертуар что надо. Слышал песню: тот мужчина, кто отважен и душою не продажен... Отличная песня! У нас в роте пластинка такая была... Вода, значит, дальше?

Возле трёхэтажного особняка, в котором, судя по вывескам, находились редакции обеих областных газет, стояли в ряд автоматы с газированной водой. Андрей, прежде чем опустить монету, с сомнением прищурился – автоматы стояли на солнце, вода в них наверняка была тёплой.

Но, когда он пригубил стакан, оказалось – нет, ничего, пить можно. Андрей отступил в тень липы у края тротуара и, прислонившись спиной к бутристовому стволу, принялся неторопливо тянуть из стакана. Время от времени он поглядывал на лепные головки пухлогубых девушек над окнами второго этажа. Над каждой из головок в виде чепчика был прилажен отлив из оцинкованного железа. “Чтобы дождь не размывал”, – догадался Андрей.

Он допил воду и, секунду помедлив, взял ещё стакан. Этот выпил уже залпом и сразу почувствовал, как тело под рубашкой покрывается испариной. Захотелось в тень. Он направился было на другую сторону улицы, но тут краем глаза отметил что-то знакомое. У магазина радиотоваров стояла Валя.

Сильно перегнувшись набок, она держала в тонкой руке продолговатый картонный ящик. Солнце горело в витрине магазина, и Андрей невольно заслонился ладонью.

– Купила? – сказал он, сворачивая к девушке. – Что, если не секрет? Приёмник?

Валя опустила ящик на тротуар и потёрла нарезанную шпагатом ладонь. Она коротко взглянула на Андрея и отвела глаза.

– Приёмник с проигрывателем.

“Ну и худющая! – в который раз поразился Андрей, окидывая девушку взглядом. – Неужели и такие замуж выходят?..”

– Одна покупала?

– Одна.

– А как его нести будешь?

– Донесу как-нибудь. Я просить не люблю, – тихо сказала девушка. Она опять склонилась к ящику, просунула пальцы под шпагат, перехлёстывающий тот несколько раз крест-накрест.

– Подожди-ка, – остановил её Андрей. Он отвёл Валину руку, взял приёмник и легко, держа его немного на отлёте, поднял. – Тебе куда? В общежитие?

– Да.

– Благодарю аллаха, что встретила меня. – И Андрей размашисто зашагал впереди. – Не отставай давай. Шире шаг!..

В трамвае выяснилось, что Валя любит музыку. Потому вот и купила приёмник – можно ловить разные станции, бывают очень интересные передачи, наши и зарубежные. Ещё можно слушать пластинки, их у Вали накопилось много. В основном джазовые вещи.

– У него короткие волны есть? – Андрей пошлёпал

ладонью по ящику, который устроил на сиденье. Они с Валец стояли рядом, придерживаясь за поручень и, время от времени касаясь друг друга руками, когда трамвай поворачивал или неожиданно тормозил.

– Конечно.

Андрей усмехнулся:

– Когда я служил, у нас в ленинской комнате тоже стоял приёмник. Только без коротких волн.

– Почему?

– Потому. Не положено, – коротко ответил Андрей. Рядом с Валец он чувствовал себя особенно значительным, и это ему нравилось. – Чтобы “Голос Америки” солдаты не слушали! Почему!..

Возле общежития они столкнулись с Димой Сухановым. Тот шёл под руку с Нинкой Голосуевой. Похоже, они только что спустились с высокого общежитейского крыльца. Андрей от неожиданности даже приостановился. Хотя удивляться, в общем-то, было нечему – где-то же им надо встречаться...

Дима кивнул ему, а Нина сделала вид, что не заметила. По крайней мере, так Андрею показалось.

8

Андрей давно уже с интересом поглядывал на Анюту.

Было в этой светловолосой девушке с броскими карими глазами что-то раздражающе-притягательное. Слишком уж свободно вела она себя с мужчинами. Стропальщики, не стесняясь, рассказывали при ней анекдоты, а однажды Андрей видел, как из кабины мостового крана спускался какой-то парень в коротком, выше щиколоток, комбинезоне. Дело было во вторую смену, в конце обеденного перерыва, и уже темнело. Чем они там занимались – неизвестно, только улыбка у парня была хмыреватая.

– Да ты попробуй, чего даром смотреть! – сказал как-то стропальщик Митя и подмигнул. Он, должно быть, заметил выражение, с которым Андрей поглядывал на Анюту. – Она такая – ребёнок у неё есть, а мужа нету!..

Вообще-то не всё, что Митя говорил, можно было принимать всерьёз. Андрей уже понял, что Митя любит подшутить. Уставясь на собеседника своими выпуклыми глазами с красными голыми веками, стропальщик мог напористо доказывать что-нибудь маловероятное.

Чаще других на Митину удочку попадался его молчаливый напарник Вася. То он подавал в местном заявлении на городскую квартиру, хотя жил в деревне и там у него была своя изба. То купил ящик папирос “Беломор-канал”, на которые, как утверждал Митя, скоро должны были поднять цену.

Митя относился к напарнику насмешливо. “Что ты за мужик – сам себе бельё стираешь! Женись или так найди какую-нибудь. Давай, познакомлю! У неё квартиры и собой ещё не старая. Ну?.. Эх, кулёма! – И Митя, затолкав руку в расстёгнутый ворот рубашки, азартно тёр грудь, густо поросшую курчавым седеющим волосом. – Да я бы на твоём месте!..”

Митя недавно женил сына, однако всякую проходящую мимо склада женщину провожал пристальным взглядом.

Об Анюте Митя, похоже, говорил правду.

– Ну-у, чего я... Мне мешаться не стоит, – с простоватым видом сказал ему на это Андрей. Испытывающе поглядывая на стропальщика, он то ли утверждал, то ли спрашивал: – Вон у Васи вроде с ней серьёзно... Зачем мешать человеку.

Митя, до отказа отвернув голову в сторону, презрительно махнул рукой.

– Это тебе, что ли, Люда сказала? Ага, дождутся они от Васи! – И он закричал напарнику, подводящему “лапы” под лист нержавеющей стали у соседнего штабеля: – Василь, слышь! Говорят, пацан у Анютки от тебя. Правда, что ли?

Вася ничего не ответил. Этот толстогубый сорокалетний мужик был по-детски обидчив.

– Тебе бы только посмеяться, – вступилась за него кладовщица Люда и нахмурила редкие брови. Митя, сам того не желая, задел её. Андрей тоже успел заметить, что

Люда специально ставит Васю с Анютой в одну смену. Но, похоже, её старания ни к чему пока не приводили.

– Как лист штабелюешь? Где прокладки? – рассердилась Люда на стропальщика. – Хочешь, чтобы металл попортился? Докладную напишу, посмеёшься! Смеётся он...

Но Митю не так-то легко было пронять.

– Ну, ну, раскипятилась! Самовар! А это что, не прокладки?.. Раз пропустил, так ругаться надо? Ух, кудрявая! – дурашливо выкатив глаза и растопырив руки, он подскакивал к кладовщице обниматься.

Люда заносила над головой деревянную планку, которой обычно прикидывала длину отпускаемых в цеха листов.

– Врежу сейчас!..

Но говорилось это уже не так строго. Долго сердиться на Митю было невозможно.

И вот однажды к концу дня, когда выдался перерыв в работе, Андрей решил про себя – пора! В самом деле, почему не познакомиться поближе?..

– Ого, сколько у тебя здесь кнопок! Как в самолёте, – сказал он Анюте. Обернувшись вниз к стропальщикам, которые наблюдали за ним, сделал успокаивающий жест рукой: спокойно, мол, всё будет в порядке. – Научила бы ты меня на кране, а, Анют? Хочу освоить смежную профессию. Что смотришь, правду говорю, честное слово!..

Он уже взобрался по лесенке с рифлёными ступеньками и, придерживаясь за поручни, заглядывал в кабину крана. Девушка, удивлённо посмотрев на него, молча подвинулась. Андрей никогда раньше с ней не заговаривал и не принимал участия в тех шутках, которыми Анюта обменивалась со стропальщиками. Он только непонятно усмехался и отводил глаза. Анюта считала его гордым.

Андрей опустил рядом. Дерматиновое сиденье не было рассчитано на двоих, и он почувствовал налитое Анютино бедро. “Нормально!..” – подумалось хмельно, и Андрей вспомнил Оксану, с которой познакомился дома в тот долгий счастливый месяц после армии.

Анюта словно почувствовала его состояние. Она подобралась, насторожилась и, не поднимая глаз, ско-роговоркой начала:

– Вот этой кнопкой!..

Андрей её перебил, мягко и со значением сказал:

– Ты меня удивляешь... Разве я в самом деле... – И прикоснулся ладонью к её мягкой выше локтя руке.

– Во-о-н оно что! – облегчённо протянула Анюта. Она сразу повеселела, скованность и оцепенение слетели с неё. – А ну прими! Слышишь? – Дёрнув плечом, она звонко шлёпнула Андрея по пальцам.

– А вот не приму.

– Примешь! Я тебя вниз сейчас столкну.

– Не столкнёшь. Я здоровый.

– А посмотрим. – Анюта в самом деле принялась сталкивать его с сиденья. – Ты не смотри, что я маленькая, у меня сила есть... Ага, ага!

Дело принимало какой-то несерьёзный оборот. Андрею стало досадно.

– Так и будем толкаться? В гости пригласи, видишь, интересуюсь тобой, – настойчивей и грубей заговорил он. Крепко обняв девушку за округлое плечо, прижал к себе. – В первый раз, что ли? По тебе так не скажешь. Ну?..

Анюта поскуцнела и перестала толкаться. Неприязненно покосилась на Андрея.

– А тебе какое дело, в первый или нет? – Высвободившись, наконец, из его рук, она подняла локти и поправила сбившийся в возне берет. Спокойно посмотрела на Андрея: – Чего надо?

Андрей прищурился, улыбаясь.

– Сказать?..

Он выдержал паузу. Анюте полагалось бы смутиться, но она никак не прореагировала. Андрей почувствовал себя неуверенно и оттого принялся горячиться:

– В чём дело?! Может, я не нравлюсь тебе? Так и скажи тогда!..

– Да нет, парень ты ничего... Только вот что, выметайся-ка из кабины. Мне работать надо.

– Это как понимать?

– А вот так. – Крановщица прямо посмотрела на него. – Давай, давай! Меня вон Люда уже зовёт.

Положение было глупейшее. Андрей медленно стал спускаться из кабины. Движения у него выходили деревянные.

Это же надо!.. Облом!

Хорошо ещё, стропальщиков рядом не было – склоняясь к листам, они вместе с кладовщицей отыскивали в дальнем углу склада нужную марку стали. Так что позора его никто не видел.

“Ну, это мы ещё посмотрим!”

И Андрей решил от своего не отступаться.

Вечером, когда неожиданно большие в темноте тополя, заслонив небо, дышали прохладой и покоем, когда умолкли цеха и сделалось тихо, странно, а в клумбах вдоль заводского забора стали звонко кричать кузнечики, Андрей поджидал Анюту у проходной.

Перед концом смены он, словно ничего не случилось, сказал крановщице: “Анюта, я тебя провожу”. Девушка скользнула по нему равнодушным взглядом: “Проводи”. И вот сейчас, выйдя из размытого круга света над проходной, Андрей стоял под деревом и ждал, засунув руки в карманы брюк.

Вторая смена уже схлынула. Лишь иногда, хлётко ударив дверью, торопливо выскакивал кто-нибудь из задержавшихся в цехах рабочих и, заглядывая вдоль улицы – не видно ли трамвая, – бежал к остановке.

Анюта всё не шла.

Андрея от волнения познабливало. Охватив руками плечи, он с привычным удовольствием ощутил под ладонями свои мышцы. Ему вспомнились взгляды, которые бросали на него, на его фигуру девчонки на пляже. Вспомнилось, как Оксана сказала как-то, что Андреева спина напоминает два сложенных крыла. По тону было ясно, что это красиво.

“Да я уговариваю себя! – с неудовольствием подумал Андрей. – Вот ещё! Не такие вон женщины...”

Он верил, что теперь, после службы в армии, ничего невозможного для него быть не может. Даром, что ли,

целых два года настоящей жизни не видел? Должна же быть справедливость!

Наконец появилась Анюта. Во что она была одета, Андрей толком рассмотреть не успел – девушка быстро минула освещённый у двери круг, – но впечатление осталось вполне определённое: хороша! До этого он видел её только в спецовке и сейчас был приятно удивлён. Андрей шагнул навстречу и проговорил, стараясь быть как можно небрежней и снисходительней:

– Тебя пока дождёшься!..

– Я не просила. Шёл бы к себе домой, – сказала Анюта, поравнявшись с ним и не замедляя шага.

– Ладно, не обижайся. Это я так.

– Чего мне обижаться, – Анюта пожала плечами. Весь её вид говорил, что ей безразлично, будет Андрей провожать её или нет. А уж обижаться она и не подумает.

Андрей пытливо посмотрел на неё. “Ладно, увидим!”

В правой руке девушка держала сумку, Андрей зашёл слева и молча шагнул рядом. О чём говорить, он не знал и сейчас торопливо соображал, что бы такое спросить.

– Тебе на трамвай?

– Нет.

– А как ты добираться?

– В общежитии живу.

– А, так это же рядом! Я у вас был.

Анюта ничего не сказала, не поинтересовалась, зачем Андрей заходил в общежитие. Помолчали.

– Давно на заводе работаешь?

– Пятый год.

– Всё время крановщицей?

– Сначала ученицей. Это уже потом крановщицей.

– Дальше учиться не собираешься? Ну, поступать куда-нибудь, – Андрею вспомнилась упорная Нинка Голосуева. – Сейчас все учатся.

Анюта неопределённо хмыкнула.

– Это не для меня.

– Почему так решила?

Девушка не ответила. Сейчас она совсем не походила на ту разбитную крановщицу, которую знал Андрей.

Анюта шла строго, отчуждённо и даже разговаривала, не поворачивая головы. Будто вовсе это и не она подзадоривала Копача, когда, свесившись из окошка своей кабины, кричала, что он уже старенький и для постельных дел не годится. И Василя не подначивала, когда тот удачно стропил лист: “Ты сегодня молодец, Вася. Попал с первого раза!”

Это несоответствие, это неожиданно скромное – притворное, конечно! – поведение разозлило Андрея. Он взял Анюту за плечи и, развернув к себе (ткнулась в колено её сумка), спросил:

– Чего выпендриваешься?

Девушка не испугалась.

– Давай не будем.

Она молча смотрела ему в глаза, не вырывалась и своей простотой и трезвостью остудила Андрея. Он отпустил её.

Первым побуждением было: уйти, бросить всё к чёртовой матери!.. Но упрямство и нежелание признать себя побеждённым – за это Андрею нередко доставалось и в армии – удержали. Чувствуя стыд и вяжущую неловкость (“Ах, салага! Как облажался!..”), он всё же продолжал шагать рядом.

Они молча шли через виадук, под которым проходила железнодорожная ветка. Внизу на рельсах скользили параллельные отсветы от неблизких прожекторов над станцией. Торопливые гудки маневровых тепловозов перекрывала неразборчиво гулкая скороговорка диспетчера.

Виадук закончился, Андрей и Анюта опять ступили на тротуар, вошли в чёрные тени деревьев и по-прежнему молчали.

– Думаешь, если у меня ребёнок, так уже всё, лапаты можно и всё такое? – Анюта блеснула на него глазами. – Быстрый очень! Много вас таких шустрых.

– Ладно, – буркнул Андрей. – Тоже мне, девочка нашлась.

– А если не девочка, так что – не человек?

– Ладно...

– И нечего идти со мной! Не провожай, сама дойду. – Анюта решительно остановилась.

Андрей быстро нашёлся:

– А мне, может, по дороге!

– Ну и иди один.

– А не пойду!.. – Он, язвительно склонив голову набок, заглянул ей в лицо.

Всё складывалось так безнадёжно и по-дурацки, что ему стало даже весело. И ведь что интересно – похоже, она не притворяется, не просто набивает себе цену... Вообще тогда ничего не понятно! С одной стороны – крановщица, о которой только и можно сказать, что сама девка просится, а с другой... Пойми попробуй!

Анюта постояла и, враждебно смерив его взглядом, повернулась и пошла дальше. Андрей, чтобы досадить, двинулся следом.

Сейчас, вечером, общежитие ещё издали можно было отличить от других домов. Многие его окна без занавесок и оттого светились оголённо и неуютно. “Как в казарме”, – отметил Андрей. На лавочке у входа в густой тени кустов сирени кто-то сидел. Разгорался и меркнул сигаретный огонёк, и слышался негромкий перебор гитарных струн.

Андрею захотелось, чтобы его стали задирать – на Анюту здесь наверняка кто-нибудь имеет виды. Но задирать никто не стал, только на минуту смолкла гитара, и спокойный голос заметил:

– Анька с кадром.

Андрей остановился. Покосившись на тень и независимо отставив ногу, спросил:

– Ну так как, в гости приглашаешь?

– В следующий раз, мальчик! – насмешливо и громко, чтобы слышали на лавочке, ответила девушка.

– Наглеешь, – сказал Андрей.

Но Анюта уже поднималась по широкой лестнице. Из тени ей что-то негромко сказали, и она засмеялась.

Андрей направился к остановке.

Время было позднее, так что ждать трамвая пришлось долго. Андрей стоял, засунув руки в карманы, и

насвистывал, покачиваясь с пятки на носок. На душе было отвратительно. Вверху, бросая на синюю брусчатку пятна яркого молочного света, ровно гудели светильники.

Дома за чаем, пить который на ночь у них с крестной стало обычаем, он сидел молчаливый. Задумчиво водил ложечкой в кружке.

– Ты чего это? – долго присматривалась и наконец спросила тётя Вера. Она уже была готова ко сну, лицо лоснилось от крема, а на голове, прикрытые косынкой, угадывались бигуди. – На работе случилось что?.. Андрюша, слышь? Чего молчишь?

– Нет, всё нормально, – ответил Андрей. Он отодвинул кружку, встал и направился было к себе на веранду, но вдруг вернулся. – Спасибо за чаёк, крестная... И вообще спасибо, что приняла хорошо. Спать не ложишься, ждёшь с работы...

– Ну вот ещё! – отмахнулась крестная, хотя по лицу было видно, что слышать это ей приятно. – Станем считаться, родные ведь. – И, погладив Андрееву руку, вздохнула. – Ладно, иди спать, иди... Устал ведь, вижу.

Убирая со стола – Андрей уже скрипел на веранде раскладушкой, – крестная несколько раз останавливалась и озадаченно поводила головой.

9

Дело шло к получке.

Аванса Андрею в своё время не выписали. К пятому числу, когда аванс выдавался, он проработал всего несколько дней, так что бухгалтерия не успела, видимо, развернуться. И сейчас Андрей ждал денег с нетерпением.

Неудобно прежде всего было перед крестной. Даже на обед приходилось у неё брать. Не говоря уже о том, что дома он завтракал и ужинал. Это только в армии даром кормят... Крестная, конечно, ничего не говорила – да и не скажет! – но Андрей сам понимал, что уже

не тот маленький мальчик, который запросто мог приехать и жить на всём готовом.

За день до получки Андрей заглянул к Копачу в его просторную сумрачную комнату. Подошёл к столу, опёрся на него руками и негромко, значительно сказал:

– Богдан Иванович, так у меня вроде завтра первая получка намечается...

Копач – он сидел над справочником по технологии металлов – поднял сосредоточенное лицо и крепко потёр его ладонями. Лишь потом, сообразив, что сказал Андрей, поспешно заморгал.

– Вот и хорошо, Андрюха! Получишь гроши, купишь себе что-нибудь, приоденешься – ты ж после армии, тебе надо... – Он говорил неуверенной скороговоркой, стараясь не смотреть в глаза. Было ясно, мастер отлично понимает, что Андрей имеет в виду.

– С меня причитается, – перебил его Андрей. – Соберёмся, значит, так: вы, я, Николай Кузьмич, Валя, ну, ещё кого-нибудь позовём.

– Зря ты это, честное слово... – Копач сделал кислое лицо. – Тебе ж, клоуну, деньги сейчас нужны, а ты будешь нас поить, такую ораву... Нет, Андрюха, не надо, мой тебе совет.

– Ладно, дело решённое! – твёрдо сказал Андрей. – Я не жлоб, обычаи уважаю. Первая получка, Богдан, понимать надо!.. – Словно в раздумье он склонил голову к плечу и медленно погладил волосы на затылке. – Только где бы нам собраться, чтобы никто не мешал? В резиденции разве дадут... – Андрей быстро взглянул на мастера.

Копач понял. Он окинул взглядом свою просторную комнату и сказал:

– Ну, можно здесь. – И неодобрительно добавил: – Зря ты это всё затеваешь, Андрюха. Честное слово, зря.

Он был всё-таки начальником, Копач... Андрей понял, что беспокоиться больше не стоит.

– А что это ты изучаешь, Богдан Иванович? Вроде как справочник какой-то, – спросил он. Уйти сразу ему казалось неудобным.

– Это? – Копач хлопнул ладонью по открытому тому. Его голос зазвучал весело. – К теории приобщаюсь, можно сказать. Некоторые вещи вспоминаю – я ведь техникум давно кончил. Что я буду за начальник, если меньше Вали буду знать?.. Она такие вопросы подкидывает, что сразу не ответишь – это сейчас, на третий курс только перешла. А дальше что будет?.. Вот и приходится соответствовать, а то подчинённые уважать перестанут.

Копач хитровато поглядывал на Валу, сидящую за своим столом у затенённого тополями окна и по обыкновению что-то пишущую. Девушка, не поднимая головы, улыбалась краешками губ. У них были какие-то свои дела.

– Так договорились, Богдан Иванович? Всё чётко? – на всякий случай ещё раз уточнил Андрей. Он направился к двери. – Тогда завтра не уходите. Часов в пять соберёмся, лады?

В комнату мастера Андрей заглянул по пути от проходной к складу (если позже зайти, можно и не застать – Копач работал только в одну смену), и теперь, после разговора, Андрей шёл, свободно, широко размахивая руками. Он был доволен, что настоял на своём. Ему тоже было немного неловко, будто предлагал Копачу что-то не совсем хорошее. Такое дело, обмывание полочки, он затевал впервые.

На складе как раз шла пересменка. Отбрасывая неподвижную тень, застыл кран, не грохотали сгружаемые листы металла, и никого вокруг не было видно – первая смена ушла переодеваться, а вторая ещё не заступила. Склад выглядел пустынным и непривычно тихим.

Своего сменщика Николая Кузьмича Андрей застал в “резиденции”. Широко расставив ноги в вытертых на коленях до блеска синих армейских галифе, тот переписывал в журнал данные из сертификатных листов.

– Отставить, Николай Кузьмич! – Андрей заглянул ему через плечо. – Я перепису.

На вторую смену работы выпадало, как правило, меньше. Так что можно было успеть сделать всё: и ме-

талл выдать, и сертификаты переписать.

– Вы завтра куда не уходите, у меня первая полочка! – Андрею было весело. – Отметим!..

– Добро, – согласился Николай Кузьмич. Отложив ручку, потянулся и молодецки похлопал себя по бокам. – Это можно.

Андрей подмигнул:

– Порядок в финансовых войсках!..

На днях он узнал, что в армии Николай Кузьмич был начфином, потому-то и ушёл на пенсию в таком непривычном звании, всего лишь капитан – для большего должность не позволяла. То, что при всей своей внушительной мужественной внешности сменщик занимался таким несерьёзным делом – деньги офицерам выдавал, – рассмешило Андрея. Какая это служба!.. Он не то чтобы перестал уважать Николая Кузьмича, но вёл себя с ним теперь вольнее, а в разговоре мог вернуть что-нибудь насчёт людей, не нюхавших настоящей службы.

– Финансовые органы являются признаком цивилизованного государства. Будет тебе известно, это сложнейшая система, – солидно произнес Николай Кузьмич, снимая чёрный сатиновый халат и вешая его в шкафчик для одежды.

Андрей дурашливо вскинул руки.

– Сдаюсь! Убедил, товарищ капитан запаса!..

Николай Кузьмич собрался и ушёл, схлынула волна рабочих из цехов, и на складе опять стало тихо и спокойно.

Вот тут-то и случилось то, что рано или поздно должно было случиться. Слишком уж два разных человека работали бок о бок: властная, даже деспотичная Люда – и Андрей, только что отслуживший солдат, который по простоте своей считал, что раз он отвечает за качество, то все должны его слушаться. Иначе за что ему деньги платят?..

Произошло всё так. На вторую смену цех нефтеаппаратуры подал заявку на шесть тонн листа нержавеющей стали толщиной десять миллиметров. Надо было найти нужный штабель, сверить с данными журналов

номера плавков на листах, а затем погрузить металл на платформу.

– Здесь будем брать, – сказала Люда и ткнула своей деревянной метровой планкой в первый попавшийся, как показалось Андрею, светлый штабель.

Андрей полез наверх отыскивать номер плавки, Анята в кабине крана, а стропальщики внизу на земле ждали. Номер просматривался хорошо, не надо было даже тереть щёткой. Андрей принялся листать журнал, чтобы сверить плавку, но почему-то сразу в журнале её не нашёл. Он перелистал книгу ещё раз. И опять нет.

По опыту Андрей уже знал, что надо отвлечься – такое случалось, просто примелькались цифры, притупилось внимание, – и он несколько секунд смотрел вдаль на телевышку, которая возвышалась над городом в жёлтом послеобеденном мареве. Затем вновь раскрыл книгу, опять принялся искать. Но и на этот раз нужной плавки не оказалось.

Чувствуя себя неловко – его ждут, а здесь ещё Анята, на которую после того дурацкого провожания в общежитие он старался не смотреть и насмешливые взгляды которой часто ловил на себе, – Андрей бросил:

– Я сейчас!..

И побежал в «резиденцию» за другим журналом. Металл мог поступить давно и вполне вероятно, что записан в старом журнале. Стropальщики отошли в сторону и, присев, закурили. Анята в кабине крана достала вязание, одна только Люда проворчала:

– В книгах своих разобраться не может...

Но и в другом журнале номера плавки, который значился на верхнем листе штабеля, не оказалось.

– Нету плавки, – с облегчением сказал Андрей и хлопнул журнал. – Сертификаты, наверно, не пришли ещё. Выдавать пока не будем.

Такое случалось, металл иногда поступал раньше, чем на него приходили документы.

Люде ничего не стоило выдать нужные шесть

тонн из какого-нибудь другого штабеля – на складе была ещё нержавейка, и тоже “десятка”. Но Люда сказала раздражённо:

– Не будем из другого! Там сверху листы снимать надо. Будем давать отсюда! В первой смене выдавали.

Ничего не стоило и Андрею сходить в цех и узнать, в самом ли деле утром выдавали нержавейку именно этой плавки. Но он уже начинал заводиться. Ах ты стерва! Привыкла всеми помыкать, на голову садиться! Это тебе не армия, здесь не наябедничаешь!.. И он сказал вызывающе твёрдо:

– Нет! Я контролёр, я отвечаю за качество. Из этого штабеля, пока всё не выяснится, выдавать запрещаю. Всё поняла?

Люда взвилась:

– А, запрещаешь!.. – Её мясистое лицо моментально сделалось пунцовым, на короткой шее вздулись вены. И началось...

Кричала она на удивление пронзительным голосом, но даже это (с кем связался? Со вздорной бабой?..) не могло уже Андрея остановить. Не очень-то выбирая выражения, он выложил всё, что думал о ней, наглой бабёнке, которую неизвестно почему здесь терпят, и о её муже-прапорщике, которых в армии не зря прозвали тормозами коммунизма.

Стropальщики сначала переглядывались, подмигивая друг другу – Люду, свою начальницу, они недолюбливали, она им спуску не давала, – дурашливо затыкали уши, а потом, когда ругань затянулась, Митя сходил за Владимиром Ивановичем, контролёром на складе литых заготовок, тоже, как и Николай Кузьмич, военным пенсионером. Владимиру Ивановичу довелось поработать на разных участках, всё контролёрское дело он знал в совершенстве.

Пришёл Владимир Иванович, высокий худой мужчина с благородно оплывшим лицом, и внушительно сказал:

– Прекратите! – Взглянув на номера плавки, он наморщил лоб, припоминая. – Минутку, сейчас восстановим.

Но Люда была решительной женщиной. Ждать она не желала.

– Грузите! – приказала она стропальщикам. Даже появление Владимира Ивановича, полковника в отставке, на неё не подействовало. – Грузите, говорю! Беру на свою ответственность!

Андрей с надеждой смотрел на Владимира Ивановича. Дело принципа. Тот, склонив голову набок и высоко вздернув брови, потёр пальцем переносицу.

– Нет, что-то не помню... Я советую подождать. И давайте без базара – неприлично всё-таки! – Он повернулся и ушёл, раскачиваясь на ходу всем своим мускулистым телом.

Андрей заиграл желваками. Стропальщики, вопросительно поглядывая на кладовщицу, принялись подводить под листы крюки. Люда со злым решительным лицом наблюдала за их работой.

– Ладно. Буду писать на вас рапорт. Сами заставили, – спокойным голосом пообещал Андрей. – Ещё раз говорю: я выдавать не разрешаю!

Он твёрдо решил этого дела так не оставлять. Молча и оттого ещё сильнее презирая кладовщицу, дотянул до конца смены, а на следующий день пришёл за час до начала работы и направился прямо к Копачу.

– Я так понимаю, Богдан, – напористо заговорил он, расхаживая по комнате мастера, – раз контролёр не разрешает, значит – всё, нечего всякой тюльке селёдку из себя строить! Кто отвечать будет в случае чего? Люда эта?.. Дождёшься от неё. Контролёр! А листы, наверно, уже в разметку ушли. Точно, ушли!.. Ты же помнишь, начальник ОТКа собирал и ясно сказал, сколько от нас зависит. Сам начальник ОТКа! А эта... Кто она такая?!. Нет, надо на место поставить, а то работать невозможно.

Копач, который, видимо, уже знал обо всём, сдержанно кивал. Вдвоем они направились к Николаю Кузьмичу на склад.

– Что с той десяткой, нержавеющей? Вон в крайнем штабеле, – подойдя, спросил Копач. Вёл он себя, на взгляд Андрея, слишком уж спокойно.

– Всё в порядке, Богдан Иванович, – бодро ответил сменщик и преданно посмотрел на мастера. – А что случилось?

– Где же сертификат на неё? Где сертификат?.. – быстро заговорил Андрей, подёргиваясь от нетерпения. – Сертификата же нету! Нельзя выдавать!..

– Как – нет? Есть сертификат, пришёл сертификат, – ответил Николай Кузьмич и непонимающими глазами смотрел то на Копача, то на Андрея.

– Как это пришёл?.. – Если всё так и есть, как говорит сменщик, то он, Андрей, оставался в дураках. Люда права оказывалась. – И испытания все есть?..

– Всё нормально.

– А почему же в книге ничего нет? Почему ничего не записано?..

– Должно быть в книге, – Николай Кузьмич принял листать журнал. – А как же, и в книге должно быть...

– Нет в книге. – У Андрея побелели крылья носа. – Неправду говорите! Непорядок!

– А! – вдруг воскликнул Николай Кузьмич и отложил журнал. – Я ведь сертификат сдал Вале, а переписать сюда, – он ткнул пальцем в картонную обложку, – забыл! – И сам себе удивился: – Как забыл только? Бывает же... – Потом вдруг насторожился: – Что-нибудь случилось?

Андрей ничего не ответил. С досадой хлопнул себя по бедрам и быстро ступил в сторону. “Поесть бы забыл, финансовый работник!” – зло подумал он о сменщике. Но, переборов себя, опять подошёл к Копачу.

– Всё равно с ней надо что-то делать, – исподлобья взглянул он на мастера. – Вздорная бабёнка, неужели управы нет! Сегодня ладно, сертификат есть, а вдруг не было бы?..

Копач отвел глаза.

– Она давно работает, опытная...

– Так нам же начальник ОТКа ясно сказал: без разрешения контролёра... Должен же порядок какой-то быть!..

В это время как раз и появилась кладовщица. Она

появилась откуда-то из-за штабелей и сразу же принялась ругаться:

– Что это такое, Богдан, что за безобразие, на кой мне такой контролёр, если у себя в книгах разобраться не может, работу срывает, без него лучше работать было, ставят здесь всяких, молоко на губах не обсохло, я пойду к главному инженеру, пойду к директору!.. – И понесла, понесла...

– Ша, Людмила Осиповна, – устало пытался остановить её Копач. – Ну, хватит уже, хватит! Знаю. – И принялся униженно, как показалось Андрею, оправдывать его: – Так он же хлопец молодой, не знает ещё всего, погорячился. Чего вы так? Не ошибается тот, кто ничего не делает...

Андрею стало горько. Вот, оказывается, и всё, к чему привело его стремление добиться порядка и справедливости!

– Так что, я ещё и виноват?!

Он схватил лежавший на ближайшем штабеле контролёрский журнал, швырнул с силой на землю и пошёл прочь.

С полчасика Андрей одиноко просидел в “резиденции”. Неподвижно смотрел, как билась в створку открытого окна муха, воображавшая, что летит на волю. Было до слёз жалко себя и эту бестолковую муху.

– Андрей, ты здесь? – спросил, заглянув в домик, Николай Кузьмич. – Пойди деньги получи. Там тебя ищут, один остался... – Он смотрел виноватыми глазами.

Андрею ничего сейчас не хотелось. Но и сидеть вот так, нахохлившись, тоже было глупо. Душила обида, что никто его не поддержал, хотя он, Андрей, абсолютно прав. Щелчком сбив муху в шпалеру пыльного кустарника, он резко поднялся.

“Ну, я вас сегодня напою!.. Под столом будете ползать, – решил Андрей, тяжело глядя на красный затылок своего сменщика. Тот уже о чём-то спокойно и, что особенно было обидно, даже посмеиваясь, разговаривал с кладовщицей. Они между собой ладили. – Уж я вас напою!..”

Он пошёл в кассу, получил свои шестьдесят три рубля с копейками и задумался. Для покупок нужна была сумка, не понесёшь же всё в руках. Сумка могла быть скорее всего у кого-нибудь из женщин. И Андрей направился к Вале.

– У тебя сумки никакой не найдется?

– Сумки нет, – коротко взглянув, ответила девушка. И неуверенно предложила: – Авоську могу дать.

“Чёрт! – неожиданно подумалось Андрею. – До чего запугали девчонку. Вон как смотрит!” В душе шевельнулась жалость, будто к маленькому ребёнку.

В магазинчике вблизи проходной водки не оказалось. Злость на Копача и Николая Кузьмича уже прошла – Андрей был по натуре отходчивым, – и можно было бы купить вместо водки вина, но на витрине виднелось одно столовое, а какая это выпивка – так, вместо кваса... Андрею хотелось, чтобы всё было как можно лучше.

Он пошёл за виадук, выстоял очередь в гастрономе. Купил три бутылки “Российской”, килограмм колбасы, буханку пахучего свежего хлеба и завернул всё это в газету “Гудок”, несколько экземпляров которой ещё оставались непроданными в киоске поблизости.

Назад через проходную прошёл благополучно. На вахтера взглянул дерзко: мало ли что можно нести в авоське – может, чистая спецовка?..

Все свои покупки он выложил в комнате мастера на стол.

– Натюрморт с водкой, – сказал Копач, склонив к плечу голову и уперев руки в бока. – Валя, доставай-ка наше. У нас здесь, Андрюха, тоже событие. Получили по десятке за внедрение новой техники, есть на заводе такая премия. Решили чаёк организовать.

Валя вынула из шкафа коробку с тортом, позвякивая ложечками, принялась доставать и ставить на стол чашки, блюдца, небольшой чайник для заварки, распиланный по бокам красными ягодами. Копач, поощрительно поглядывая на девушку, приговаривал:

– Молодец! Умница!.. Всё это она, между прочим, за-

вела. Ничего такого у меня раньше не было. Большое дело – женщина в отделе!..

Андрей принялся помогать Вале нарезать колбасу и хлеб – надо было себя чем-то занять. В шкафу отыскались и нож, и тарелочки с трафаретными надписями на краях “Общепит”, и даже вилки. Мастер между тем позвонил на склад листа. Там, видимо, ответил кто-то другой, и Копач некоторое время стоял с трубкой, ждал, когда подойдёт контролёр. А когда тот наконец подошёл, мастер буднично, со стороны нельзя было что-либо заподозрить, сказал:

– Николай Кузьмич, зайдите ко мне. В том составе, как договаривались.

Затем был звонок на склад литых заготовок. Там тоже обещали сейчас подойти. И в самом деле, не прошло и пяти минут, как Владимир Иванович со своим сменщиком, белобрысым пареньком с застенчивым выражением угреватого лица – этого паренька Андрей раньше видел только мельком, – были уже в комнате мастера.

Даже не взглянув на бутылки с водкой, будто их здесь и не было, Владимир Иванович принялся говорить Копачу о заготовках фланцев, в которых слишком много воздушных раковин. Придётся составлять акт. Копач озабоченно кивал головой. Паренёк как сел на стул в углу, сложив руки на коленях, так и сидел.

– Ну, ладно! – прервал Владимира Ивановича Андрей, когда всё было готово, колбаса и хлеб нарезаны и сложены в тарелки. Андрею не нравилось то, что все, как ему казалось, лицемерят, и потому его голос прозвучал развязно: – Поехали, что ли? Давно в горле пересохло, промочить пора! – Он щёлкнул по бутылке и забубенно помотал головой.

Копач повернул к нему лицо. Мастер будто что-то преодолевал в себе и посмотрел в глаза не сразу.

– Подожди, не все ещё собрались... Здесь вот какое дело, Андрюха. Водку твою пока трогать не будем, отложим давай. Вот у меня сейф, здесь пусть стоит. А не хочешь, домой можешь забрать... И не обижайся, будет у нас ещё время, обмоем твою получку.

Андрей не понял. Он замер, задержав руку на горлышке бутылки.

– Почему?..

– Что нам два события вместе сводить? Только скомкаем. Сейчас просто чаю с тортом попьём. А водка подождёт до другого раза. Не испортится, верно? – Копач улыбнулся с таким видом, будто говорил: разве не видишь, как просто – торт испортится, а водка нет. В этом всё дело.

– Обижаешь, начальник!.. – куражливо начал было Андрей, но мастера поддержал Владимир Иванович.

– Верно, верно, Богдан Иванович, – солидным своим голосом проговорил он. – Какая может быть водка в такую жару?.. Конечно, в другой раз.

Валя тоже что-то сказала, и даже парнишка, сменщик Владимира Ивановича, согласно закивал из угла.

– Да пойми, не время сейчас! – убеждённо заговорил Копач, подойдя к Андрею и приобняв за плечи. – Ты наши обычаи тоже должен уважать. У нас так принято, после премии все вместе чай пьём. Ну? Договорились?..

– А что вчера не сказал? Мог же сказать!..

– Вчера насчёт премии не было известно. И не расстраивайся, не стоит! Спасибо, конечно, мы понимаем, ты от души, но подождём давай. Не уйдёт от нас твоя водка, не беспокойся... Валя, как там чайник? Вскипел? Владимир Иванович, заварите чай, это у вас хорошо получается...

Все задвигались быстрее, заговорили веселее и будто облегчённо. “Сговорились, – подумал Андрей. Он отошёл к окну и скрестил руки на груди. – Ладно!..” Можно было бы взять и уйти, но оставаться сейчас одному не хотелось. Лучше уж посидеть вместе со всеми, хотя, конечно, обидно.

Дверь в комнату открылась, и появился Николай Кузьмич. За ним показалась Люда. У Андрея сами собой вздулись желваки, когда он её увидел.

– ...даже плакат такой был, часто можно было видеть, – говорил Николай Кузьмич, повернув к кладовщице лицо и рассказывая, видимо, начатое раньше. – На

нём, внизу так, слова: ”Не смотри, что на груди, а смотри, что впереди!” Сколько мне тогда было – пацан, семилетки ещё не закончил, а запомнилось. Владимир Иванович тоже, наверно, помнит. Помнишь, Владимир Иванович?.. На предприятиях и в учреждениях висели. Вот такими буквами: ”Не смотри, что на груди, а смотри, что впереди!..” Понятно, почему вдруг такие плакаты появились. Время ведь какое? Людей нужно было настраивать на будущее, на послевоенную жизнь. Наши солдаты ведь как возвращались домой – герои, за границу повидали, грудь в орденах, море по колено! Победители!.. А дома карточки, голод, с жильём плохо. Вот и надо...

– Почему она здесь? – громко спросил Андрей, мотнув головой в сторону кладовщицы. – Кто её звал?

Все замолчали, а Копач осуждающе сказал:

– Так нельзя, Андрюха. Мы вместе работаем, вместе и события отмечаем... Хватит обижаться, не маленький, в конце концов! В работе всякое бывает. – И уже мягче, улыбаясь: – Я, может, для того и собрал вас вместе, чтобы такое, как вчера, не повторялось. А ты мне карты путаешь...

Андрей почувствовал, как кровь бросилась ему в лицо.

– Собирайтесь без меня. Миротворец!.. – И, ударив дверь, выскочил из комнаты.

10

На следующий день Андрей на работу не пошёл. Он проспал до обеда, а чтобы крёстная не приставала с расспросами (она вот-вот должна была вернуться после первой смены), поднялся и медленно, туго соображая, оделся и вышел из дому.

Пусть думает, что он на заводе.

Сильно болела голова. По всему телу разлилась слабость. Андрей даже руки сжать как следует не мог. Думать о том, что произошло вчера, было тягостно. Вытирая ладонью то и дело потеющий лоб, он добрался

до сквера возле трамвайного кольца и опустился на первую попавшуюся скамейку. Надо было уехать куда-нибудь от дома подальше.

Рядом, скрежеща на повороте и громыхая, проезжали трамваи. Андрей тупо смотрел на клумбу с привядшими от жары цветами. Ничего не хотелось.

Тоскливо было вспоминать то, что случилось потом, когда он психанул и выбежал из комнаты мастера. Направился прямо к магазину, скинулся на троих с какими-то мужиками, потом ещё раз... Мужики (все почему-то с жёлтыми глазами) слушали его, согласно кивали головами – да, бабы сволочи, что на работе, что дома. “На меня! – Андрей делал паузу и поднимал вверх указательный палец. – Кричит! – Опять пауза и поднятый палец. – Какая-то жена паршивого прапора!.. Я два года Родине!..” Кажется, даже плакал. Покупал ещё водку, наливал всем, кто хотел.

Потом неизвестно как оказался в заводском общезитии. Ходил по этажам, искал Анюту, но не нашёл. Очутился в комнате у Вали и потребовал, чтобы она включила проигрыватель, который он как-то помогал нести. Они танцевали, потом между ними, кажется, что-то было – Андрей помнил, Валя его растолкала, когда за окном стало темно. Он лежал в расправленной постели, Валя, держа в зубах шпильку и закинув руки, закалывала на затылке волосы. Сквозь сжатые зубы она невнятно говорила, что скоро должны вернуться после второй смены девчонки, так что Андрею надо уходить. В комнате горела настольная лампа, потолок был тёмный. Валя на Андрея не смотрела.

Вот это, с Валею, было особенно ни к чему! У Андрея даже мысли не появлялось, что между ними может что-то быть. Забывшись, он с досадой стукнул кулаком по скамейке. И тут же прикрыл глаза от боли. В голове будто чугунные шары покатались.

Андрей не помнил, сколько просидел так. Надо было что-то делать, попробовать стряхнуть оцепенение, преодолеть слабость. Он поднялся и медленно пошёл к бане.

От кого-то слышал, что в таких случаях хорошо помогает парилка. К тому же Андрей никак не мог отделаться от ощущения, что весь грязный и надо помыться. Кожа зудела, казалось, не мылся целый месяц.

В бане так же, как и в тот первый день, когда Андрей приехал к крестной, было прохладно и сыро. Сквозняки отдували занавески на открытых окнах. Андрей, поглядывая по сторонам, разделся и по скользким ступенькам спустился в моечный зал. Он и здесь пристально осмотрелся, но Сани, того рыжего мужичка, с которым тут познакомился, не было видно.

Андрею очень хотелось его встретить. Как хорошо они в прошлый раз поговорили, как понимали друг друга!..

Когда он уже одевался, стоя перед своей кабинкой на резиновом мокром коврикe, случилось непонятное. Андрею вдруг показалось, что он у себя в части и тоже в бане. Рота только что помылась, уже строится во дворе, а он почему-то замешкался и сейчас торопливо натягивает на себя хэбэ. Вот-вот заскочит посланный старшиной замкомвзвода и начнёт весело подгонять, а за окном слышно, как смеются и дурачатся ребята...

Ощущение было такое явственное, что Андрей даже почувствовал на ногах тяжёлые парки сапоги, а на талии широкий армейский ремень с жёсткими краями. Он до того полно ощутил себя опять солдатом, что даже потянулся к верхней полке шкафчика за пилоткой.

“Финиш, – сказал он себе. – Глюки!..” Но не испугался – наоборот, было приятно. На всякий случай даже пошарил рукой на полке. Пилотки не оказалось.

И уже выйдя из бани, Андрей подумал, что время – это бесконечный шланг, в котором несутся люди, телебашня, деревья, кошка на той стороне улицы, окурки на асфальте – в общем, всё вокруг. Шланг не прямой, а перегнут во много раз и уложен ряд к ряду, как проволока в трансформаторной обмотке. И вполне можно переходить из своего теперешнего отрезка времени в соседние. Надо только суметь пройти сквозь стенки этого странного шланга. Хорошо бы...

Андрей споткнулся о камень (в голове опять болезненно бултыхнулись тяжёлые шары) и подумал: “Точно, глюки начались...”

После бани действительно стало легче. Но всё равно ни домой, ни тем более на завод идти не хотелось. Равнодушно глядя перед собой, Андрей побрёл по улицам, выбирая теньевую сторону. Незаметно вышел к парку. Белый полукруг колонн перед входом неприятно слепил глаза, зато дальше, под деревьями, были прохлада и сумрак.

Андрей перешёл улицу. Какому-то частнику на си-нем “Москвиче”, судорожно затормозившему прямо перед ним и яростно высунувшемуся через опущенное стекло едва ли не до пояса, он хмуро сказал:

– Пошёл ты!..

В парке было тихо, на песочных дорожках разбросаны мелкие пятна солнца. Андрей забрался в самую глубь и сел там, а потом – лёг на одну из затянутых в кусты лавок. Немного подумал и перебрался вниз на траву.

И уже дремля, решил: чёрт с ним, со вчерашним. Кладовщица сволочь, конечно. Ничего, он ей ещё покажет!.. А Валя сама виновата.

Проснулся Андрей оттого, что кто-то осторожно тряс его за плечо.

– Поднимайтесь. Здесь спать не положено.

Андрей недовольно открыл глаза и увидел над собой двух милиционеров. Ребята были молодые, его где-то возраста, оба в белых летних тужурках и в фуражках, обтянутых также белыми чехлами.

– Вставайте, гражданин, – повторил один из милиционеров и вполголоса сказал другому: – Видишь, живой...

Андрей, заправляя выбившуюся из брюк рубашку, поднялся. По армейской привычке согнал складки за спину.

– Вы где служили, ребята? – спросил он, с интересом рассматривая милиционеров. Заметив, что лица у тех по-прежнему остаются отчуждёнными, добавил: – Ладно вам, не строжитесь! Меня после дембеля тоже

приглашали работать в милицию. Я не пошёл – ну его, опять тянуться!..

Милиционеры были наглаженные, аккуратные ребята – приятно смотреть. От них даже одеколоном пахло. Андрей поспал и чувствовал себя значительно бодрее, ему хотелось с ними поговорить. Но те были настроены иначе:

– Проходите, проходите, гражданин.

– Пройду, не беспокойся.

– Если увидим, что будете здесь спать – заберём в отделение.

– Всё, не буду, хорош об этом!.. Я, например, в Казахстане служил. В десантных частях, – зачем-то соврал Андрей. – На выживаемость когда-нибудь приходилось проходить проверку?.. О, та ещё проверочка! Забросят на вертолёт в пустыню, до базы – километров сто, а у тебя только фляга воды и пачка галет. Ну, энзэ, конечно, но это так, в самом крайнем случае... И ничего, между прочим, нормально! Через пару суток возвращались. Ящериц по дороге ели, змей тоже приходилось... Служба! Наш старлей, например, три кирпича ребром ладони ломал. Каратист, шестой дан. Нормально, скажи?..

Милиционеры, постояв возле Андрея и убедившись, что он не пьян, неторопливо отошли, отводя руками ветки. Разговаривать они не собирались. Андрей презрительно хмыкнул:

– Деятели... С ними, как с людьми... Деревня!

Тогда один из них – тот, что будил Андрея, – оглянулся и предостерегающе бросил:

– Не выступай.

– Иди, иди! Старик называется. Тоже мне... – Андрей был раздосадован.

Здесь же, в парке, находился городской стадион. Андрей, подумав, направился туда – делать всё равно было нечего. Миновал тёмный гулкий тоннель под трибунами и вышел прямо к барьеру, за которым начинались беговые дорожки.

Стадион ударил в глаза яркостью, разноцветными

красками: изумрудное под уже низким солнцем футбольное поле, голубые скамейки секторов, вверху на мачтах полоскались большие шёлковые флаги спортивных обществ...

По дорожке мимо Андрея пронеслись загорелые девушки в шиповках. Их ладные тела красиво, плотно облегали майки и белые трусики. В другой раз Андрей обязательно крикнул бы что-нибудь весёлое им вслед, но сегодня не хотелось. Он прошёл в ближний сектор и сел, свесив руки между коленями.

Внизу на газоне тренировались футболисты местного «Авангарда». Стоя друг напротив друга, парни перебрасывались пёстрыми – белое с чёрным – мячами. Выходило это у них легко, красиво. Неподалёку разминаясь вратарь. Резкий, злой, он бросался за низко посланным мячом, вытягивался в струнку, распластывался в воздухе. Если взять мяч не удавалось, вскакивал на ноги, хватал горсть песка с вытопанного перед воротами пяточка и швырял о землю.

– Спокойно, Толик, спокойно, – одобрительно приговаривал немолодой полный мужчина в спортивном костюме – наверно, тренер. Он бил по воротам метров с семи-восьми «щёточкой», мягко, в разные углы.

«А ничего вратарь, – отметил Андрей. – Надо будет как-нибудь пойти на игру». До армии они с Игорем Голосуевым часто бывали на стадионе, оба болели за «Авангард».

Полный тренер вдруг оставил мяч и вперевалку двинулся к кромке поля. Шёл он неохотно, по пути оглядывался и что-то говорил вратарю. У края газона, приподняв сутулые плечи, его поджидал какой-то парень в джинсах. Что-то в его фигуре – сухопарой, хищноватой – показалось Андрею знакомым.

«Петя Чаев!..» Первым движением было броситься вниз, перепрыгнуть через барьер и подойти. Но Андрей сдержал себя.

Причина была. На днях он встретил Чаева на заводе. В цехе нефтеаппаратуры тот убирал стружку у карусельного станка. Двигался Петя медленно, скучно,

спецовка на нём лоснилась от грязи, грубые ботинки с заклёпками стоптаны... И это Чаев, известный всему городу человек!

«Петя, здорово!» – окликнул его Андрей. Чаев повернул голову, смерил взглядом. «Ошибаешься, пацан. Я Александр Македонский». Любому другому пришлось бы ответить за «пацана», но тут... Андрей пожал плечами, отошёл. Чего дурака валяет? Ведь знает его, не раз проводил на футбол... Сразу не сообразил, что это Чаев от стыда.

Ему и сейчас, похоже, было не сладко. Мужик в спортивном костюме разговаривал вяло, нехотя. То и дело поворачивал лицо к полю, смотрел на перекидывающихся мячами футболистов. И разве что прямо не говорил, что Петя ему мешает.

Чаев загнанно оглянулся и как-то боком, словно его стремительно повело в сторону, шагнул от газона. Андрей увидел его лицо – злое, с побелевшими тонкими губами. Чаев почти бежал к выходу со стадиона.

– Зачем человека обижают? Ему и так сейчас!.. – Андрей не выдержал, поднялся со скамейки.

– Ты мне? – Тренер строго посмотрел в его сторону.

– Тебе! – с вызовом сказал Андрей. Не нравились ему такие люди – начальственно пренебрежительные, самоуверенные. – Попрут из «Авангарда», узнаешь, как это!.. Давно пора, развалил команду. Девятое место, позор!..

Тренер стремительно двинулся к Андрею.

– Что такое? А? Чего здесь делаешь?.. – заговорил он сдавленным злым голосом. – Кто разрешил нарушать тренировку? Пьяный? А, пьяный! – Тренер выхватил из кармана свисток и засвистел, повернувшись к центральной, прикрытой козырьком трибуне. – Сержант, сюда! Пьяный хулиган!

Андрей опешил:

– Какой я пьяный?.. За это и схлопотать можно.

– Угрожает! – Низенький полный человек с красным гневным лицом быстро приближался к Андрею. Он потянулся через барьер и цепко ухватил за рубашку. – Сержант! Сюда!..

«Только спокойно. – Андрей с трудом отвёл взгляд

от переносицы тренера. – Спокойно. Нельзя». Он легко сбил руку с груди. От центральной трибуны, отрезая выход со стадиона, уже бежали два милиционера – похоже, те, что будили Андрея в парке. Они придерживали подпрыгивающие на бёдрах кобуры, форменные галстуки завернулись на плечо.

Стараясь не слишком спешить, Андрей свернул в ближний проход между секторами. Он вёл к запасному выходу, который открывали после матчей. Андрей с разбега бросился на ворота, стараясь зацепиться пальцами за верхний край.

Хотя ворота и были выше стенки на полосе препятствий, ему удалось всё-таки ухватиться за кромку. Подтянувшись, перекинул тело на другую сторону. Асфальт больно отдался в ступнях, когда он спрыгнул вниз. Припадая на обе ноги, Андрей заторопился прочь. Почему убегает – он и сам бы толком не объяснил.

Потом Андрей забрёл в кино. Фильм закончился, когда уже стемнело. Зажглись фонари на улицах, осветились витрины магазинов. Идти домой по-прежнему не хотелось, но и слоняться по городу осточертело. Постояв посреди тротуара, Андрей всё же двинулся к остановке трамвая.

Дома крёстная сидела за швейной машинкой.

– Ты что так рано? – Она удивлённо повернулась к Андрею, придержав рукой полированное колесо. Подняв очки на лоб, озабоченно спросила: – Что случилось?

– Отпросился. Голова болит, – буркнул Андрей и пошёл на веранду.

Не включая света, постоял в темноте. Лиловели стёкла, и пахло старыми обоями, которыми были оклеены стены веранды. Лечь, что ли, спать?..

Какой длинный, тягостный день!

Швейная машинка перестала стучать, и крёстная появилась в дверях.

– На вот, выпей, – сказала она и протянула что-то на ладони и кружку с водой в другой руке. – Тройчатка, хорошо от головы. Давай, давай, надо! И свет включи, чего ты впотьмах.

Он сама включила свет, передала таблетку и кружку Андрею и встала рядом, наблюдая, как тот морщится и нехотя несёт тройчатку ко рту.

– Катя письмо прислала. Пишет, чтобы пальто тебе купили и зимние ботинки тоже... Деньгами обещает помочь.

Андрей, чуть не захлебнувшись, зло дернул головой.

– Ничего мне не надо! Сам зарабатываю! – И передразнил: – Зимние ботинки... Ещё валенки, может?

Крёстная, откинув назад голову, смотрела с недоумением.

– Да ты что, она от чистого сердца. От своей семьи отрывает!.. Нет, Андрей, такое ценить надо.

– Они со своей заботой вот здесь у меня! – Андрей хлопнул себя по затылку. – Оставьте меня в покое, дайте жить, как хочу!

Вспылил он неспроста. В семье Андрей был младшим, обе сестры, Катя и Лиза (Лиза жила сейчас с мужем в Карелии, работала в леспромхозе), родились намного раньше него. Он, младший брат, был для них чем-то вроде любимой игрушки – по крайней мере так сейчас думал Андрей. Они наряжали его в белую рубашку, отглаженные короткие брючки, на верхнюю пуговицу рубашки цепляли бантик в крапинку и, взяв с обеих сторон за руки, вели гулять...

Андрей до сих пор помнил свой стыд. Особенно за этот дурацкий бантик. Соседские мальчишки, завидев его таким, принимались дразнить. Андрей капризничал, дерзил сёстрам, а то просто брал и садился в новых брюках в пыль посреди дороги – делайте, что хотите, никуда не пойду!..

Опеку сестёр он постоянно чувствовал и позже. В школу на родительские собрания ходили не мать и не отец, а кто-нибудь из них. Сёстры разрешали дружить с одними ребятами и запрещали с другими. И в пэтэу Катя посоветовала ему поступить именно на чертёжника...

Вот и сейчас они за старое! Андрею было досадно, бестолковая надоедливость родных злила. Он давно уже самостоятельный взрослый человек. Хватит!..

Крёстная, удивлённая вспышкой, молчала. Потом негромко спросила:

– Есть будешь?

– Не хочется. – Видя, что крёстная всё не уходит, Андрей добавил: – Ладно, ты иди. Мне ещё письмо написать надо.

Он давно собирался написать ребятам из своего отделения, которые остались служить. Но всё как-то не выходило – то одно, то другое. А вот сегодня особенно потянуло. Андрей нашёл бумагу, шариковую ручку и устроился на широком подоконнике. Наморщил лоб, принялся покусывать кончик ручки. “Здорово, молодёжь! – появились на листке первые слова. – Привет с гражданки!”

Дальше он писал о том, что живёт отлично, что после дембеля погулял, как следует, столько вина выпил, в озере накупался. И с женщинами всякие приключения, понятно, были. На гражданке кадров завались, к отслужившим ребятам они относятся нормально, так что пусть молодёжь держит хвост пистолетом, и им достанется. Сейчас устроился на работу. Работёнка нормальная, а со временем вообще перейдёт в конструкторское бюро. Так что всё отлично, всё, как говорится, хоккей. Сам себе король, гуляешь, сколько хочешь. Захотел – на танцы, захотел – в ресторан, никто тебе не запретит. Ещё бы – вольная жизнь, салажата зелёные, сами понимаете!..

Андрей перестал писать и задумался, глядя в черноту за окном. Перечитал письмо. Ещё посидел, подумал.

Потом зло сгреб листок, скомкал и вышвырнул в форточку.

11

Андрей стал присматриваться, как живут вокруг другие люди.

Раньше, в родном городке, подобного желания у него не возникало. Какое ему было дело до всех остальных, если сам он с таким интересом и жадностью смотрит на жизнь!.. Он ждал от неё нового и прекрасного.

И эти ожидания и готовность заполняли его всего и заглушали остальные чувства. Будто постоянно звучала высокая счастливая музыка.

Но шёл уже третий месяц, как он на гражданке, и что-то в том счастливом чувстве нарушилось. Звучало оно уже не так уверенно. Теперь и на работе, и дома, и на улице, когда Андрей выходил прогуляться под вечер, он с пристальным, болезненным каким-то интересом присматривался ко всему. И всё больше и больше недоумевал: неужели никто из этих людей не понимает, какая скучная у них жизнь? Какая безысходная и душная? Неужели не чувствуют?!

Во время службы гражданская жизнь представлялась необыкновенной. Так где же она сейчас? Вот уже Андрей полноправный, свободный человек, но почему всё не так, как мечталось? Где яркость и необыкновенность? Или прав Дима Суханов, напридумывали они всё с ребятами?..

Верить в такое не хотелось. Никак!

Он часто видел парней с детскими колясками – его где-то возраста ребят, может, немного постарше. Эти молодые отцы прогуливали своих пискунов, сосредоточенно потряхивая коляски. Было в их виде что-то усмирённое, слегка даже пришибленное, и Андрей думал: неужели вот так? Прийти домой, стирать пелёнки, чуть свет бежать в детскую кухню за кефиром и творожком, потом на работу, а вечером, как награда, час у телевизора с приглушённым звуком?..

Ах, чёрт!

Как-то он зашёл в гости к Губенковым. К другим Андрей, может быть, и не пошёл бы – женатых друзей у него не было, и он не знал, о чём можно с ними говорить. Но Наташа, Вовкина жена, была ему симпатична, и когда она раз в третий принялась приглашать, Андрей решил зайти – не хотелось обижать приятного человека.

Весь вечер они просидели втроём за бутылкой сухого вина, и действительно оказалось, что говорить, в общем-то, не о чем. Не станешь же вспоминать, как

Вовка ходил и тянул своё: «Давай дружить» и как все его во дворе лупили. Говорили в основном об их маленькой дочери. Наташа радостно рассказывала о её забавных словах и привычках, Андрей вежливо кивал, то и дело лоя на себе хмурые Вовкины взгляды. Похоже, тот был не очень-то рад – может, ревновал, а может, Андрей напоминал ему детство. В конце концов Андрей вышел во двор покурить, да так больше и не вернулся.

Андрей стал замечать за собой, что всё больше и больше его тянет к Диме Суханову. Этот парень знал, видимо, то, о чём не догадывался он, Андрей. Что за человек особый? Не может же быть, чтобы Дима не чувствовал или хотя бы не понимал всего того, что чувствует сейчас Андрей.

Но как завести об этом разговор? С налёта неудобно, слишком тонкое дело. Не станешь же допытываться на тренировках – обстановка не та. А поймать Диму в другое время было тяжело, Андрей сам в этом убедился. Как-то он решился и пошёл в заводоуправление, но Димы на месте не оказалось, он в это время как раз проводил совещание комсомольского актива. На двери конференц-зала, где проходило мероприятие, висел ватман с повесткой дня: “Задачи комсомольской организации в деле выполнения заводом плана III квартала”. Дождаться окончания Андрей не стал – надо было возвращаться на рабочее место.

Нашёл его Дима сам. Однажды он появился на складе и возбуждённо заговорил, пытливо, пристально поглядывая на Андрея:

– Комсомольцы завода хотят рекомендовать тебя на прецизионный участок. Нам поступило несколько новых станков, участок расширяется. Ты как?.. Работа интересная, детали пойдут на экспорт. Представляешь, допуск сотые и тысячные доли миллиметра! Микроны!.. Согласен?

Андрей пожал плечами.

– Так я никогда на станках не работал...

– Научись! Поставят к опытному расточнику, там у всех не ниже пятого разряда. Мне, например, было бы интересно. Ты здесь, – Суханов с мимолётной усмешкой кивнул на штабеля металла вокруг, – всё уже превзошёл, нового ничего нет. А там рост и думать надо. Производство мелкосерийное, всё время новые детали, не надоедает. Ну что?..

Андрей неуверенно улыбался и молчал. Дима смотрел на него требовательным взглядом.

– Условия труда хорошие. Отдельное помещение на специальном фундаменте, кондиционер, чтобы поддерживалась постоянная температура – ведь допуски жёсткие. Цветы на окнах... И заработок, между прочим, хороший!

Андрей смотрел себе под ноги. Совсем не об этом ему сейчас хотелось говорить с Димой, совсем не об этом!..

– Ладно. Ты подумай. – Дима торопился. Таким возбуждённо-радостным Андрей его никогда раньше не видел. – Целых пять станков, представляешь? На валюту куплены! Бюро комсомола решило взять шефство над участком, делаем его лучшим на заводе. Настоящее дело, интересное!..

И Дима, быстро повернувшись, зашагал дальше по своим неотложным делам.

Мрачное настроение Андрея первой заметила крёстная. Несколько дней она молча поглядывала на него, а потом напрямик спросила, чего это он такой. Андрей отмахнулся:

– Какой – такой? Нормальный.

– Я что, не вижу? Говори.

– Чего говорить?..

Действительно – что? Вот, мол, обидели? Да и кто, собственно, обидел?.. Его чувства, выраженные словами, выглядели в самом деле глуповато, по-детски.

Но Андрею до того захотелось с кем-то поделиться, что он не выдержал и пожаловался:

– Скучно, крёстная!.. Тоскливо, понимаешь?

Тётка от души удивилась:

– Это почему ещё? Тебе жить да радоваться! Молодой, здоровый, в жизни устроен...

– А плохо! Будто в клетку попал. Днём – на работу, ночью – спать... Будто на рельсы встал и – пошёл! Ни остановиться, ни в сторону. Неужели всё время так? Всю жизнь?.. – Андрей, болезненно усмехаясь, помотал головой.

– Почему всю жизнь? А выходные? Праздники?

– А! – Андрей досадливо махнул рукой и отвернулся. – Не понимаешь ты.

Тётка покраснела.

– Ты вот что, не считай себя умнее всех! А за кусок хлеба и баланду по двенадцать часов у станка каждый день – не хочешь? Без выходных и отпусков! Чтобы, извини за выражение, трусов новых купить не мог – они тогда тысячи стоили! Что?..

– Ещё вспомни, как до революции жили... – буркнул Андрей. Ему стало досадно оттого, что затеял этот разговор. Он об одном, крёстная о другом. И уже просто так, чтобы позлить, сказал: – Это нормально, по двенадцать часов твоих? Для того ты живёшь, чтобы кроме работы ничего не знать?

– Не моих! Для фронта! – Крёстная рассердилась не на шутку. – Вон грамоты за эту работу! – Он ткнула пальцем на стенку. – Не бумажки, не думай! Труд мой. Здоровье. И не ныли, на жизнь не жаловались.

– Да не обижайся ты! Я тебе серьёзно, а ты... – повысил голос и Андрей. – Ну, работала, молодец! И я так работал бы, если б жил в то время. Или воевал. Известно, что ещё тяжелее... Я не об этом. Жизнь не такой должна быть.

– Хорошая сейчас жизнь! Дай бог всё время так. – Крёстная немного успокоилась. Покачав головой, с чувством добавила: – Эх, Андрюша, жареный петух тебя в задницу не клевал! Сил у тебя много, а ума нет. Вот и маешься.

Поговори с такой!.. Андрей криво усмехнулся.

Тётка ещё походила по комнате, попереставляла с места на место стулья. Наконец села за стол и подняла за подбородок Андрееву голову, заглянула в глаза. Андрей недовольно дёрнулся, высвобождаясь.

– Мать тебе не рассказывала, как мы жили? Нет?.. Вот и плохо. Вам сравнивать не с чем, а то б не говорили. Я – так с восьми лет в людях, всего повидала. Сначала нянькой у соседей за харчи, а потом вообще из дома выжили. Мать-то наша, бабушка тебе, умерла в тридцать третьем, в голодовку...

– Ладно тебе. Наверно, просто болела.

Крёстная молча посмотрела на Андрея. Потом медленно произнесла:

– Можно, Андрюша, от голода умереть, можно! Это сейчас не верится, а тогда... Ну вот, слушай. Отец, значит, второй раз женился. Можешь представить, каково с мачехой было. А баба, точно говорю, сволочная попалась. Не потому, что мачеха, а сама по себе. Есть такие. И отцу не пожалуешься, он без того злой. Сейчас-то я его понимаю, мы, пятеро, девки, вся работа на нём – и в заводе, и дровами запастись, сеном, и другое по хозяйству. Раньше мужику тоже доставалось, не только на работе, как сейчас. Сейчас что, пришёл домой, пухом кверху лёг возле телевизора и все дела... Помощи отцу никакой – сыновей-то нет. Тяжело всё на себе тянуть. Мы ведь жили как, отец в заводе работал и земли немного своей было. У нас там, в посёлке, привычно так. Помню, у отца лицо обожжённое, борода почти не росла – конечно, в горячем цеху работал. Какая тогда техника безопасности? Окалина прыгает, хорошо ещё, глаза целы остались...

Крёстная, подперев щеку кулаком, задумчиво смотрела на скатерть. Ладонью медленно расправляла невидимые складки.

– Как мать умерла, я хорошо помню. Мы все тогда животами мучались, сходить не могли. Щечками друг у друга выковыривали. Это от плохой еды. Да ты не кривись, не кривись, слушай, как в жизни бывает!.. Ну вот. Мать долго болела. Бывало, сидит зимой у окна, смотрит в горшок с цветком, потрет пальцем землю, внимательно так. Не страшно, говорит. В землю, значит. Глаза прозрачные, лицо как в муке – слабая уже была. Или подзовет кого-нибудь из нас, поставит ря-

дом и тихо гладит, молчит... А умерла так. Утром вдруг начала икать. Мы ей воды – выпей, мама. Не помогает, она рукой только машет. Мы хлеба – поешь, лучше станет, она мало ела. Так хлеб-то в руке сжала, а уже глаза закатывает. Так и умерла... – Крёстная, не поднимая головы, провела пальцами по одной щеке, по второй. Глубоко вздохнула. В её голосе не было ни надрыва, ни бурного горя – одна безысходная печаль смиренного человека. – Ой, страшно, Андрюша, когда видишь, а ничем не можешь помочь. Родной человек на глазах умирает. Что говорить...

Андрей поднялся. Эта история была сейчас совсем ни к чему, и без того паршиво. Но что-то удержало его на месте, заставило опять сесть. Он смотрел в тёмное окно и постукивал пальцами по столу.

– Ну, схоронили мать. Батя к следующей зиме женился. Я его не осуждаю. Мужчина он был ещё не старый, да и хозяйство – что мы, девчонки, могли? Силы какие?.. А со скотиной управься, по дому всё сделай, обстирай, приготовь, позаботься – мало ли женщине приходится. Без хозяйки не обойтись. Вот он и женился. А мачеха попалась старая дева. Много в ней злости накопилось. Ох, как вспомню... Первой Шуру, маму твою, выпроводила – Шура у нас самая старшая. В домработницы в город. Шура уезжала – плачет, нигде дальше посёлка не бывала, к чужим людям... Ну, ладно. Пожили какое-то время, моя очередь подошла. Меня уже в няньки не брали, большая, пятнадцатый год, ем много. Отец сначала в фэзэу толкнул, там продовольственные карточки давали. А эти карточки, оказывается, не отоваривают. Ну, мачеха на дыбы, дармоедка, мол, иди куда хочешь!.. Мне обидно, всё уже понимала. И от отца никакой защиты, сунься – обматюгает ещё. Кому пожалуешься? Кажется, кто бы приласкал, по-человечески слово сказал – уткнулась бы и разревелась... Ведь до чего доходило – я боялась в избе появиться. Пока тепло было, ещё ничего, в баньке на огороде переночую, сестрёнки украдкой варёной картошки принесут – жить можно. Но стыдно, Андрюша, стыдно! Я ведь уже не маленькая была, здесь и здесь появилось, на парней загля-

дывалась. А такое, из дому гонят! В посёлке у нас, как в деревне, всё друг о дружке знают, и про меня, конечно, знали. А то, что платишко единственное, да и то штопаное-перештопанное, я уж не говорю...

Проверишь, иной раз думаю: заплыву на середину пруда, руки сложу и – ко дну. Не могу жить, стыдно. Может, так и сделала бы в конце концов. Помытарилась бы, помытарилась, да и утопилась. А что, не бывало, думаешь? Ещё как! Не я первая. Спасибо, люди научили Шуру написать, а то б не знаю...

Шура тогда уже второй год в городе жила. Написала я ей. Жду. Приезжает моя Шура. В баретках (тогда так тапочки называли), белые носочки, в чистеньком платье по тогдашней моде сшитом... Зашла в избу, за руку со всеми поздоровалась – городская да и только! Даже подарки привезла. Она у нас очень такая деликатная была и работающая. Конечно, старшая, а старшим больше достаётся. Мачехе плохого слова не сказала, села на лавку, мне кивает, собирайся, мол. А мне долго ли собраться? Я моментально туда, сюда – стою уже готова. А сама рада, ой как рада!..

Крёстная, слабо улыбаясь, покачала головой. Лицо у неё было задумчивое, мягкое, грустное. Андрей, взглянув на неё, опустил голову.

Может быть, всё и так, как крестная говорит, но какое, какое, скажите, отношение это имеет к нему, к теперешней жизни?! Крёстной недоставало нового платья и еды вдоволь, а ему этого уже мало, нужно ещё что-то, потому что и еда, и одежда есть. И томится душа, рвётся куда-то. Чего же ей хочется, душе? Какой другой жизни?..

Выходит, всё время к чему-то стремиться, чего-то хотеть, а достигнув, хотеть нового и опять тянуться, опять хотеть и страдать от этого? Неужели правда?..

– Несчастные мы, выходит? – сказал он вслух, пристально глядя на узоры скатерти и мучительно морща лоб. – И всегда такими будем?..

– Кто несчастный? – не поняла крестная.

– Люди. Все.

– Почему? Нет, я так не скажу. И раньше были, что хорошо жили. В достатке и отношения были хорошие, любили друг друга. У нас в посёлке, например...

– Хорошо, хорошо, ты дальше рассказывай. Что дальше было? – быстро проговорил Андрей. Он уже не пытался убедить тётку, ни к чему это, а поднялся и заходил по комнате – сидеть на месте не мог, так его взволновала пришедшая мысль.

Что ему самому-то надо? Чего он хочет? Чтоб постоянно праздник был? Свобода? Чтоб любили его все вокруг и восхищались?.. И как передать, как словами выразить?! Словами глупо выходит. А главное – что делать? Потому что несчастным быть не хочется. Человек создан для счастья, как птица для полёта, – в школе учили...

– Ну вот. Потом всё было, будто не со мной. Шура привезла сюда, несколько месяцев я прожила у неё, спали вдвоём на одной койке. Хозяева Шуры хорошие попались, не возражали. Помогла устроиться на ткацкую фабрику, я перешла жить в общежитие. А потом стала самостоятельно работать – сначала-то ученицей. Конечно, с тем, как раньше жила, сравнить нельзя. Никто не шпыняет, сама себе хозяйка, люди вокруг хорошие... Да и молодая, в молодости всё кажется хорошим! Одним словом, настоящая жизнь началась. Карточную систему отменили, в магазинах всё есть. Денег, правда, у нас с Шурой было не густо, но всё равно хорошо. Мы даже сумели две или три посылки собрать. Ситчику там на платья сёстрам, чулки, по мелочам разного – родные всё-таки, кто, как не мы, поможет. Им и так от мачехи доставалось, та теперь за них взялась, выживать стала.

А Шура в то время уже дружила с твоим отцом. Он жилищно-коммунальный техникум заканчивал. По тем временам это было хорошее образование, техникум. Они и уехали вдвоем по назначению, когда отец закончил учёбу. Это перед финской войной как раз было. С тех пор вы там и живёте, куда отца направили. Ну, в городке-то вашем. Там уже и девочки, Катя с Лизой, родились, и ты... А какая любовь между ними была, Ан-

дрюша, какая любовь! Такая редко бывает, правда. Все на них любовались, а многие завидовали.

– Серьёзно? – рассеянно удивился Андрей. Особой любви между родителями он не замечал. Отец был вечно озабочен работой, а в последнее время ещё это хобби, над которым втихую все посмеивались, – розы. Мама вся в домашних делах, а когда у Кати появились дети, так неделями у неё пропадала – помогала. Сварит большую кастрюлю борща отцу, поставит в холодильник, а сама к внукам. И не очень-то торопилась обратно. Да и смешно представить – мать с отцом влюблены...

– О, ещё какая! Я всё думала – мне бы так... И ведь была у меня, Андрюша, любовь, была тоже! С Мишей моим. Его в сорок четвёртом по ранению демобилизовали, дали вторую группу инвалидности. Он пулемётчиком на войне был. После госпиталя устроился ремонтником к нам на фабрику. Молодой парень, ноги-руки целы, идёт между станками со своим ящичком с инструментом, так девки, кажется, вот-вот его съедят. У нас и сейчас такие, что спуску не дают, а уж тогда!.. Война к концу, мужиков всех подчистую вымели, здесь уже и самая скромная не вытерпит. А как ещё обратить на себя внимание, если их сотни, а он один! Вот и хулиганили.

Ну, у меня-то всё вышло по-хорошему. Я тогда пела в художественной самодеятельности (подумать, откуда силы брались!), мы часто перед ранеными в госпиталях выступали. А Миша хорошо на баяне играл. Ну, через художественную самодеятельность мы и сошлись. Несколько месяцев погуляли, а потом расписались. Как мне бабы на фабрике завидовали, если бы кто знал! Это видеть надо. Некоторые даже задирали, хотели побить. Не на такую напали! Я и сама уже могла дать сдачи. Жизнь научила.

Зажили мы с Мишей хорошо. Из общежития ушли, сняли себе угол у одного старичка. А у Миши была мечта, чтобы свой домик купить. Лежим вместе, он меня обхватит вот так рукой и рассказывает, как всё будет. Он нежный был, хотя всего насмотрелся. Я даже удив-

лялась – взрослый мужчина, день не побреется, так всю исколет, а мечтает, как ребёнок. Чтоб возле домика огород небольшой, сад разведём, яблони, стол со скамейкой вкопая. Будем сидеть, а над нами яблони цветут, пчёлы летают, и тихо. Эта мечта, Миша говорит, мне на фронте помогла. Кругом убивают, грязь, смерть, подлость, мучения, а он представит, как можно будет после войны жить, и легче становится. И когда в госпитале лежал, тоже об этом думал. А операции!.. Так что сейчас, говорит, ничего не мешает так устроить. В свободный часок тащит меня, пойдём с ним на окраину, Миша смотрит по сторонам и говорит, вот этот бы домик хорошо или вон тот. Руки приложить – игрушка будет. И так ему хотелось, чтоб сад рядом, чтоб яблони цвели и пчёлы летали, так хотелось – передать невозможно!..

В то время на Донбассе стали шахты восстанавливать, будь они прокляты. Платили хорошо. Миша загорелся: поеду, денег на дом подзаработаю. Мне отпускать его не хотелось. Не то, чтобы предчувствие было, а жалко, он весь израненный, а на шахте известно, какой труд. Я говорю, может, не надо, Миша, сами потихоньку скопим, детей у нас пока нет, расходы небольшие. Он смеётся. С нашей зарплатой, говорит, лет двадцать копить надо. Верно, конечно, что скажешь. Рассчитался с фабрики и уехал. А через две недели приходит мне сообщение, что погиб во время обвала. Я приехала, а их уже похоронили. Я плачу, пошла везде, почему, мол, меня не подождали. А мне какая-то женщина говорит, хорошо, что ты не видела, какими их подняли, твоё счастье...

Крёстная встала, потяжелевшими шагами дошла до лакированного столика, на котором под вышитой салфеткой стоял баян дяди Миши. Опустила обе руки сверху, медленно проговорила:

– Вот и дом с садиком, вот и пчёлы над яблонями летают... Зачем мечтал, зачем тянулся? Чтоб в шахте задавило?..

С полминуты она стояла молча. Потом тряхнула головой, быстро помигала, сгоняя слёзы, и повернулась к Андрею:

– Слушай, а может, тебе жениться? А, Андрюша?..

Андрей сидел, не поднимая головы.

– Нет, в самом деле. Девушек хороших много, посмотри вокруг, – в голосе крёстной появился интерес. – Вон Людка, Сони Тырышкиной дочь, недавно спрашивает, чего, мол, ты тренироваться на поляне перестал. Видно, глаз на тебя положила. Молодая, конечно, ну так подрастёт. И кроме неё хорошие девушки для жизни есть. А то, конечно, скучно, понять можно – парень ты молодой, забот никаких, вот всякие мысли... Как ты, Андрюша?

Андрей ничего не отвечал.

12

На работе всё шло своим чередом. Теперь Андрей дело уже знал хорошо, так что к Копачу обращаться почти не приходилось. Он старался вообще пореже появляться в комнате мастера, чтобы лишний раз не встречаться с Валею. Андрей боялся, что после того случая в общежитии она будет за ним бегать.

Но Валя, похоже, не собиралась ничего такого делать. Она оставалась прежней, молчаливой и сдержанной. Ни взглядом, ни словом не напоминала, будто ничего между ними и не было. У Андрея отлегло от сердца. Но всё равно в комнату мастера он старался заходить как можно реже.

Наладились отношения с крановщицей Анютой. Однажды, когда не было работы и Анюта спустилась со своей верхотуры, они слово за слово разговорились. Всё получилось так просто и естественно, что крановщица принялась рассказывать о себе. От её откровенности Андрею даже сделалось неловко. Она рассказала, как познакомилась со своим бывшим мужем (Анюта, оказывается, всё-таки побывала замужем – недолго, правда), и как всё смеялась, когда ходила беременной – от нервов, наверно, – и как её, такую дурочку, отвезли в роддом... Она даже на столе смеялась. Все кричат, а она смеётся.

С мужем развелась по глупости. Познакомились, когда он служил здесь в армии. Потом поженились. После службы он тоже стал работать на заводе, сварщиком. Поссорились из-за того, что всю его первую полчку Анюта израсходовала на себя: купила новые сапоги, сумку дорожную – дура, конечно. Муж разозлился и ударил её новой сумкой по лицу. Дурак тоже. Она вызвала милицию. Так он потом уехал к своим родителям и даже письма ни разу не написал. Алименты, правда, стал высылать сразу же. А что с того – дочери нужен отец. К ней, Анюте, кадрятся разные, но в основном поджениваться на ночь глядя. Ей такого не надо. Нужен человек для жизни, а не на один раз.

Разговорились так доверительно, что смотреть после этого на Анюту просто как на смазливую разведёнку Андрей больше не мог. Теперь они в столовой занимали друг другу очередь. Нередко вместе шли с работы.

Стропальщик Митя, наблюдая всё это, неодобрительно мотал головой. Он считал, что Анюта водит Андрея за нос. “Разве так с ними надо? – говорил Митя, и ноздри у него раздувались. – Ты верь мне, она смеётся над тобой! Они ж, бабы, хитрые, как черти!.. Ты уши развесил, жалеешь, а она думает, как бы ты её поскорее прижал. Увидишь, ещё виноватым будешь!” – и Митя пророчески грозил пальцем.

С кладовщицей Андрей не разговаривал по-прежнему. Копачу так и не удалось помирить их. Молча встречались и расходились, молча выдавали в цеха металл. Но, странное дело, после того скандала Люда стала относиться к Андрею с осторожностью, чуть ли не с уважением. Вот такой человек. Никаких высказываний на его счёт она себе теперь не позволяла – по крайней мере, при нём. И Андрей её не трогал. Что с неё возьмёшь – жена макаронщика (так у них в части называли прапорщиков), тупая и с глоткой лужёной.

Как-то произошло событие, которое здорово всех насмешило. Вася, молчаливый Митин напарник, однажды после аванса не поехал домой, а остался в городе и загулял. Ночевать ему при-

шлось в вытрезвителе. Это было бы ещё ничего – на проходной частенько вывешивались “молнии” с фамилиями попавших по пьяному делу в милицию. Но Вася пошёл дальше. В вытрезвителе он представился ни больше, ни меньше, как инженером по строению. В бумаге, пришедшей на завод, так и было записано. Смеялись все. Это ж надо, придумал себе инженерскую должность!.. На Васю приходили смотреть из цехов.

– Зачем тебе это нужно было? – допытывался Митя.
– Чтоб не били, что ли?

– Меня не били, – буркал Вася.

– Тогда зачем?.. Что ты, как партизан на допросе?

Скажи друзьям.

Вася, опустив глаза, хмуро молчал. Митя подмигивал Андрею.

– Промахнулся ты. Надо было сказать, что директор завода. Тогда бы точно отпустили, еще на “Волге” домой доставили! Или отдельный номер дали бы, а утром похмелиться принесли на подносе с закуской!.. – Митя весёлыми глазами обводил присутствующих. Он даже как бы восхищался. – Кулёма кулёмой, а соображает! Не просто работяга, а инженер. Не из деревни, а городской, культурный. Прошу без грубостей и на вы! Василь, так, что ли?

Вася непробиваемо молчал.

Так шли дни.

В середине сентября жара неожиданно сменилась дождями. Сначала все обрадовались, повеселели, но когда дождь не прекратился и через неделю, и через две, принялись ругаться. Чёрт те что творится с природой – то жара без продыху, то мокрядь!..

Николай Кузьмич считал, что всё это от космических полётов. Придя на работу и подбросив в печку угля (в домике уже понемногу подтапливали – от сырости в основном), Николай Кузьмич садился перед большим окном в частых переплётах и посматривал на склад через мокрое стекло. Видно было, как между штабелями неповоротливо двигаются в громоздких брезентовых плащах

стропальщики. На головах у них капюшонами были надеты мешки.

– А может, от китайских атомных бомб. Они же продолжают испытания в атмосфере, несмотря на протесты мировой общественности, – развивал свою мысль о причине затяжных дождей Николай Кузьмич. – Хуже всего в такую погоду где-нибудь в поле стоять, на учениях. В окопах воды по колено, плащ-палатка промокает... Приходилось?

– Было, – солидно отвечал Андрей. Он только что вернулся со склада, вытирал мокрое лицо и подступал ближе к печке. – А вы откуда знаете? Начфину сидеть в окопах не обязательно.

– Ты думаешь, я всё время начфином был? За двадцать пять лет службы всякого повидал, будь спокоен!.. – Заскрипев табуретом, сменщик поворачивался к Андрею всем своим крепким телом. – Нам неприятно, а деревьям, смотри, хорошо. И трава вон опять зазеленела... Ну, всё здесь нормально? Вагонов не было?.. А обувь тебе надо другую. Промокли туфли, верно? – Он критически смотрел на ноги Андрея. – Ты с этим не шути. Заболеешь. Знаешь, пословица есть: держи голову в холоде, живот в голоде, а ноги в тепле – сто лет проживёшь.

Андрей хмыкнул:

– Не в первый раз. Вы же в армии не болели после таких учений? – Он кивал на окно, рябое от стекающих капель.

– Так то в армии!.. – отвечал Николай Кузьмич и поднимался. Он набрасывал на голову капюшон прорезиненного плаща и сразу становился похожим на монаха какого-то средневекового ордена. – Ну, я на склад. Бывай здоров.

Всё так и вышло, как предсказывал Николай Кузьмич. Через несколько дней Андрей заболел. У него поднялась температура, появился кашель. Сам бы он, может, и не стал обращать на это особого внимания, но крёстная на работу не отпустила и вызвала врача. Острое респираторное заболевание...

Крёстная сходила в аптеку, принесла кучу лекарств

и наказала принимать. Когда она была дома, Андрей таблетки глотал, но стоило ей уйти на работу – выбрасывал в форточку. Целыми днями он валялся на раскладушке, читал по очереди те немногие книги, которые стояли у крестной на этажерке, или просто спал.

Случалось, во время чтения Андрей вдруг опускал раскрытую книгу себе на грудь и задумывался. Потом поднимался и, шлёпая босыми ногами по полу – видела бы крестная! – подходил к карте Советского Союза. Она, сколько Андрей себя помнил, висела всё время на одном и том же месте: в углу между буфетом и зелёной кафельной печкой.

На карте среди порыжевших мушиных точек он находил Якутск и в задумчивости выпячивал нижнюю губу. Далековато... Там сейчас уже снег, наверно... Последнее время он всё чаще вспоминал того немолодого парня из поезда, начальника автоколонны. Парень прислал ему из Крыма несколько открыток (скучно ему так было, что ли?), а в последний раз фотографию, на которой был изображён дважды. Справа – протягивающим наполненный стакан, слева – он же, но двумя руками отмахивающийся от предлагаемого стакана... Так, нехитрый фокус курортного фотографа.

По дороге назад к раскладушке Андрей останавливался перед трюмо и принимал культуристские позы. Нормально!... После них – от напряжения – темнело в глазах, но Андрей оставался доволен своей мускулатурой. Есть ещё порох в пороховнице!..

Как-то его навестила Валя. Едва переступив порог, девушка принялась выкладывать из белой целлофановой сумки яблоки, болгарский сливовый компот, овсяное печенье. Выложив всё это на стол и отступив обратно к порогу, она сказала, сдержанно поглядывая на Андрея:

– Я от месткома. Наши передают тебе большой привет.

– Ты садись, – сказал Андрей, пододвигая ей стул. Хотя он и старался всячески избегать Валу, но всё

равно было неприятно, что она подчёркивает: пришла, мол, не по своей воле. Будто ничто их не связывает, и, может быть, ей даже противно его видеть. – Ну, садись, садись! Удели несколько минут своего драгоценного времени больному товарищу. Или опаздываешь? Может, на свидание торопишься?..

Валя села, едва заметно пожал плечами и словно говоря, что всё это лишнее, такие разговоры и прочее. Дождевые капли стекали с её болонезового плаща и падали на пол. Валя смотрела в окно.

– Плащ-тоними.

– Я сейчас пойду.

– А я тебя не отпущу! Имею я право на внимание со стороны общественности или не имею?

– Всё шутишь, – вяло улыбнулась девушка. – А мы думали, ты в самом деле заболел.

Андрей пошёл на кухню, поставил чайник. Ему не хотелось, чтобы Валя уходила – всё же не так скучно. В буфете отыскал варенье, усадил девушку за стол, налил чаю. Он балагурил, сдерживая кашель, смеялся, а сам время от времени внимательно посматривал на неё. Прикидывается или в самом деле ей на него наплевать?..

После чая он решительно придвинулся ближе и прикрыл её руку на столе своей. Валя, которая уже улыбалась его шуткам и порой коротко, хрипловато посмеивалась, притихла. Андрей молча притянул её к себе. Девушка смотрел вниз и отворачивала лицо. Она казалась безучастной.

– Ты что? Почему такая?.. Обижаешься на меня? Ну, перестань... – бормотал Андрей, целуя её в шею. От Вали слабо и волнующе пахло духами. Сердце у Андрея стучало.

Валя слабо шевельнулась.

– Ну зачем это? – с болью прошептала она. – Я же всё понимаю...

Андрей не слушал. Он поднял её на руки и понёс на раскладушку.

Валя оказалась тяжелее, чем можно было думать.

Четвёртого октября Нине Голосуевой исполнялся двадцать один год. На свой день рождения она пригласила Андрея.

Честно сказать, Андрей удивился. Он считал, что Нинка на него обиделась. Как-то она заглянула на их половину, хотела заказать у крёстной модную юбку с разрезом – крёстная хорошо шила и нередко брала заказы у знакомых, – но Андрей встретил Нину так, что любая другая на её месте сразу ушла бы.

Крёстная тогда здорово рассердилась. Нина была её давнишней клиенткой, она шила у крёстной лет с пятнадцати, к тому же – соседка. Андрей и сам помнил: когда бы раньше к тётке ни приехал, по вечерам, будто по расписанию, появлялась Нинка. Она приносила с собой журналы мод, глянцевино красочные, часто зарубежные. Они с крёстной усаживались рядом и, негромко переговариваясь, обсуждали, что Нинке подойдёт. Она была самой модной девушкой на окраине.

День рождения пришёлся на выходной день. На дворе по-прежнему шёл дождь, теперь уже осенний, мелкий. С утра Андрей вызвался навести в доме порядок – вспомнил армию – и почти до обеда мыл полы, вставлял в окна вторые рамы. Потом собрался в баню. Нинка приглашала на шесть часов, так что время ещё было.

Народа в бане оказалось много, ещё бы – суббота. Пришлось стоять в очереди. Когда до запотевшей крашеной двери, из-за которой время от времени выглядывал гардеробщик и объявлял: «Два человека пройдите!.. Один человек!», оставалось совсем немного, Андрей увидел Саню.

Тот только что вошёл. Он стоял с портфелем в руке и внимательно рассматривал очередь. Андрей помахал ему:

– Иди сюда!.. Я занял!

Саня протолкался сквозь очередь и протянул руку:

– Здорово, Валентин.

– Ну, даёшь! Какой я Валентин? Я Андрей!

– Правильно, извини, – сказал Саня без особой, впрочем, уверенности.

Андрей кивнул в сторону битком набитого и сдержанно гудящего буфета:

– Мы с тобой ещё пиво пили, об армии разговаривали – помнишь?... Ну, ты солидный стал, с портфелем! Спины больше не трёшь?

Сане вопрос не понравился. Он недовольно помолчал.

– Я, между прочим, женился. Дочка в шестом классе, мастер спорта по гимнастике. – Сказал это Саня так, будто не приёмная дочь, а сам он мастер спорта.

Андрей спрятал улыбку. А чтобы Саня ничего не заподозрил и окончательно не обиделся, поинтересовался:

– Ты разве не женат?.. Всё-таки в возрасте.

– Было дело. Разбежались. Сейчас по второму заходу. Скучно, понимаешь, одному.

Эту мысль о скуке, которая бывает для мужика причиной многих бед, Саня развивал и в моечном зале, куда они наконец попали. По Саниным словам выходило, что человека всё время необходимо держать в узде, как это делается в армии. А то мужик, если у него нет забот и никто – жена, допустим, – не следит, быстро спивается или с ним ещё что-нибудь может случиться.

– Вы что, сами за себя не отвечаете? Няньки вам нужны? – Андрей с ожесточением налёг на мочалку. Саня задвигался взад и вперёд на скользкой кафельной лежанке. – Взрослые мужики! Всё время командиры над вами должны быть?!

Саня поднял голову, оглянулся:

– Легче, шкуру сдерёшь... Говоришь ты правильно. А я вот чуть в психушку не попал. Пива выпьешь, с мужиками побазаришь, водочки добавишь – хорошо!.. Между прочим, симптомы появились. Всё кажется, будто кто-то рядом разговаривает. Тонкие такие голосочки, писклявые, как в мультфильме. Оглянешься – никого, затаились. Потом опять начинают и уже смеются, ловко, дескать, обманули. Оглянусь – опять никого...

Саня сел на лежанке, обеими руками провёл по лицу, сгоняя пот, и серьёзно посмотрел на Андрея.

– Веришь, я перед зеркалом становился, хотел их подловить. Чтобы, значит, голову не поворачивать, не вспугнуть. До ручки дошёл!.. Хорошо, человек встретился. Она у нас в цехе комплектовщицей работает. А то бы не знаю, что было. В психушку загремел бы, точно. Сейчас-то ничего, сейчас нормально...

Потом Саня мыл Андрея. Делал он это мастерски, как заправский банщик. И всё говорил, негромко, серьёзно:

– Что от моей жизни, если разобраться? Кому нужна? Самому – и то неинтересно. А так польза, дочку помогу на ноги поставить. Ты знаешь, сколько им сейчас надо?.. Настоящая жизнь в молодости, потом так, доживаешь... Сейчас у меня хоть цель появилась.

После того, как оделись, Андрей потянул Саню к буфету.

– Нет, – уперся Саня. – Не могу. Мы с женой на стенку копим.

– Я угощаю, пошли!

Саня секунду колебался, потом вздохнул и сказал:

– Нет, обещал. Я себя знаю, на кружке пива не остановлюсь... Извини, Валентин.

Расхотелось пить пиво и Андрею.

Не такой он представлял себе встречу с этим мужичком, не такой...

Ровно в шесть Андрей стоял у двери Голосуевых. Слышно было, как ему шли открывать, мелко и остро постукивая каблуками. Дверь распахнулась, и Андрей увидел Нину. На секунду он даже замер. Нина была в серебристом длинном платье. Руки, плечи и спина голые, волосы красиво уложены... Вот тебе и девчонка с окраины!

– Нравится? – принимая цветы и кокетливо склонив голову к плечу, спросила девушка. Она погрозила пальцем. – То-то же!.. Проходи. – И двинулась было впереди, ритмично покачивая бёдрами. Но тут же спохватилась. По её лицу мелькнула быстрая тень, будто упрёк себе и досада. Нина остановилась, пропуская вперед Андрея. – Давай, гостю полагается идти первому.

– Этикет...

– Этикет, – серьёзно подтвердила девушка. – Что поделаешь, приходится учиться сейчас.

За окном уже смеркалось, и в комнате, куда прошёл Андрей, в углу уютно горел торшер. Его приглушённый свет разноцветными искрами дробился в фужерах, расставленных на низеньком столике рядом. Дима Суханов – оказывается, он уже был здесь – держа немного на отлёте бутылку с длинным горлышком, наливал в фужеры. Рукава его белой сорочки были закатаны, на груди, закрывая галстук, передник в весёлых цветочках. Дима, похоже, делал коктейли.

– Элегантный, как рояль! – Андрей пожал ему руку.

– Имениннице помогаю. – Дима совсем не смутился оттого, что его застали в таком виде, в переднике. – Ты присаживайся.

Андрей опустился на софу, огляделся. Он часто бывал у Голосуевых раньше, до армии, когда заходил к Игорю. Сейчас Игорь служит, так что Нина, в общем-то, занимает комнату одна – тётя Шура дома бывает редко: дело к пенсии, и она из поездок не вылезает. Если бы не железнодорожная шинель на вешалке в коридорчике, то и не скажешь, что кроме Нинки здесь кто-то ещё живёт.

В комнате теперь всё по-другому. На стенах эстампы, пол покрыт толстым паласом. Мебели немного, и кажется, что комната просторней, чем есть на самом деле. Из магнитофона в углу приглушённо льётся музыка...

– Хорошо устроилась, – не удержался Андрей.

– В каком смысле?

– Вообще.

– Благосостояние советских людей в текущей пятилетке значительно выросло, – проговорил Дима. Сказал он это, не поднимая головы и не отрываясь от своего занятия. Непонятно было, то ли улыбается, то ли говорит серьёзно.

Андрей задержал на нём пристальный взгляд. Ну, с Нинкой всё ясно, а что за человек Дима, из какого та-

кого особого теста этот сдержанный парень?.. Всё было в этом Андреевом взгляде – и уважение, и неприязнь, и острый интерес. Как ни крути, а именно так и получилось, как Дима тогда предсказал в ротной сушилке!..

Они были в комнате вдвоём, никто из гостей пока не пришёл, а Нина находилась на кухне, и Андрей спросил – правда, не то, чем были заняты мысли:

- Ты знаешь, что Нинка замужем?
- Была. Кстати, я её мужу помогал устроиться на завод.
- Считаешь, она правильно поступила?
- Ты о чём? Что развелась?
- Что бросила, когда Пете трудно было!

Отставив в сторону пустую бутылку, Дима внимательно посмотрел на Андрея.

– Ссоры у них раньше начались, насколько я знаю. Чаев ещё играл в “Авангарде”.

- Какие ссоры!.. Кто он, а кто она?
- Он человек и она человек, – спокойно сказал Дима.
- Он лучше бегаёт и лучше бьёт по воротам. Только. Да, Нина в институт поступила, ты в курсе?

– Слышал! – Андрей чувствовал, что начинает заводиться. Приходилось сдерживать себя, прилагать усилия, чтобы говорить спокойно. – Извини, конечно, но у тебя с ней серьёзно?

- Надеюсь.
- А не боишься, что она с тобой тоже вот так? К другому переметнётся?.. Я её давно знаю, у неё теперь и на людей мода, как на вещи. Отслужил своё – выбрасывает! Или в комиссионку – может, и подберёт кто похуже...

Дима усмехнулся. Некоторое время постоял, высоко вздернув брови и, видимо, размышляя над словами Андрея. Бутылка в его руке отбрасывала зелёные блики.

– Не думаю, что всё так просто. А если действительно кого-то полюбит и уйдёт, унижаться не буду.

– Ну какой же ты благородный! Какой умный и воспитанный!.. – От переполнившей его язвительности Андрей даже руками всплеснул. – А если не хочется, чтобы к другому уходила? Он что, лучше тебя? А если даже лучше, тебе легче будет?.. Когда не хочется, по-

нимаешь? Неужели у тебя не бывает? Почему смириться надо? Почему мучиться?.. Я вообще говорю, не о Нинке! Разве люди живут, чтобы страдать? Зачем такая жизнь?..

Выговориться ему не дали. В комнате, будто специально собирались в коридоре, чтобы войти всем вместе, один за другим стали появляться гости.

Андрей замолчал и принялся похрустывать пальцами. Говорить при незнакомых не хотелось. Гости – коротко постриженные ребята в ладно сидящих костюмах и девчонки, многие из которых были в таких же, как Нина, удлинённых платьях, – все они, видимо, хорошо знали друг друга, потому что запросто переговаривались между собой, смеялись. Кто-то прибавил в магнитофоне звук, и две или три пары принялись топтаться на середине паласа.

То и дело слышался мелодичный сигнал, и Нина приводила новых гостей. В джинсах, как отметил Андрей, никого не было, только он один. Стоило крестной втридорога покупать их на толкучке...

Андрей с кем-то знакомился, пожимал руки, улыбался в ответ на улыбки, но всё это наскоро, без интереса. Он не мог отойти от разговора с Сухановым. Вернее, не мог отвлечься от того, что осталось невысказанным. Молча сидел на софе и смотрел на танцующих.

В конце концов, не так уж это и важно! Андрей главное для себя решил: не приживётся он здесь, другой он породы! Но всё равно любопытно было смотреть вблизи на этих городских парней и девчат. Такие же, вроде, люди, как крестная, как друзья в родном городке, – но и другие! Что у них за жизнь, и почему так уверенно и удобно они чувствуют себя в ней? Чего не хватает ему, Андрею, чтобы быть таким же? Или наоборот – лишнего в нём много, ненужного для жёсткой взрослой жизни, и вытравлять в себе это лишнее надо, избавляться?..

Интерес к незнакомой жизни был с горчинкой, порой завистливый, хотя Андрей не признался бы себе в этом.

В дверях он заметил Вовку и Наташу Губенковых. Вовка, остановившись, с достоинством осматривался вокруг, из-за его плеча выглядывала Наташа. Глаза у неё

радостно бегали, лицо покраснелось. На отвороте Вовкиного пиджака свежей эмалью светился институтский ромбик. Увидев Андрея, Наташа помахала рукой и потянула мужа к софе.

– А где же стол?.. Здравствуй, Андрей. Ведь день рождения... – простодушно сказала Наташа, опускаясь рядом. – Ты что такой задумчивый?

– Нормальный.

– Интересно, без стола... Пошли танцевать, я тебя сейчас растормошу. – Она оглянулась на мужа. – Вов, ладно?

Вовка солидно кивнул, и Наташа ухватила Андрея за руку. Танцуя, она весело, с любопытством оглядывалась по сторонам, делилась с Андреем своими мыслями о нарядах девушек. Многих из присутствующих она знала и, понизив голос, глазами показывала Андрею то на поджарого молодого преподавателя музыкального училища, то на скуластенькую дочь заместителя председателя горисполкома, то на полноватую для своего возраста блондинку с золотой цепочкой на белой шее – продавщицу книжного магазина.

– Какие знакомства!..

Наташа вполне серьёзно подтвердила:

– Ага, хорошие.

Между гостями с подносом в руках пробиралась Нина. Весь поднос был уставлен фужерами. Нина останавливалась перед каждым, с приглашающей улыбкой показывала глазами на фужеры, делала шуточный книксен. Следом за ней с тарелками бутербродов двигался Дима Суханов. Передник он снял и сейчас в чёрной паре и белой рубашке с галстуком выглядел впечатляюще.

Он слегка подыгрывал Нине, изображая немолодого почтенного слугу при госпоже. Девушки смеялись, отводя от себя фужеры, чтобы не расплескать, ребята отпускали шутки.

– Ага, значит, вообще без застолья... – Наташа, остановившись, смотрела запоминающими глазами. – А что, хорошо! Красиво и по-современному. Хочешь

– танцуешь, хочешь – вино пьёшь, разговариваешь... Тебе нравится?

Андрей пожал плечами и пробормотал что-то невнятное. Время от времени он поглядывал на Диму Суханова. Он не мог представить Диму, теперешнего, натирающим полы в казарме или, скажем, только что вернувшимся в караулку с поста – нос покраснел, ворот длинного овчинного тулупа поднят, глаза слезятся от мороза...

Даже не верится, что вместе служили!

Собственно говоря, на Нинином дне рождения многое было для Андрея непривычно. Здесь никого не заставляли пить, но и не было обычной скованности малознакомых трезвых людей. Гостей собралось порядочно, добрая половина из них парни и молодые мужчины, но никто не пытался качать права. А ведь вон какие есть ребята здоровые!..

В компаниях, в которых он гулял раньше, всегда находился кто-то, кто считал себя самым сильным. Он-то и начинал задираться. Чаще всего такие “хавиры” заканчивались потасовками. Приглушённые яростные вскрики, порванные рубахи, визжат девчонки, сбившись в кучу... Здесь всё по-другому. Кто танцует, кто стоит в стороне, но не скучает тоже, рассказывает что-то, смеётся. «Веселье, конечно. Но какое-то... образцово-показательное, что ли, – с усмешкой подумал Андрей. – Пресное».

Он отвёл Наташу на место, к мужу, а сам встал рядом. Вовка Губенков времени даром, оказывается, не терял. Он не танцевал и устроился основательно – сам подливал себе в фужер из бутылки, которую выуживал из-за софы, отхлебывал и закусывал бутербродом с сервилью и листком кинзы сверху. Поймав взгляд Андрея, сказал:

– А-ля фуршет называется. Слышал когда-нибудь?

Андрею показалось, что голос Губенкова прозвучал снисходительно. Несколько секунд он молча смотрел на него.

– Я много чего слышал, жирдяй, – негромко, напря-

жённо проговорил Андрей. – А за сорок пять секунд оденешься? Автомат с закрытыми глазами соберёшь? А три километра в противогазе и с полной выкладкой сможешь?..

Вовка невольно отодвинулся от него, блеснув в свете близкого торшера институтским ромбиком. Наташа испуганно зачестила:

– Ну что вы, ребята, что вы, перестаньте!..

Андрей отвёл от Вовки злой взгляд. Постоял неподвижно, выдохнул и потянулся к чьему-то фужеру на подоконнике. Но пить не стал – сухое, кислятина!.. Он не сразу заметил, что к нему пробирается Нина.

– Не нравится? Понимаю, тебе бы что-нибудь покаковыристей!.. Есть, кстати, если хочешь. – Девушка выжидающе, пристально смотрела на Андрея. Решительно кивнула в сторону кухни: – Пошли!

На кухне Нина достала из холодильника бутылку водки и наполнила рюмку. Секунду помедлила и налила вторую. Оглянулась на дверь и бросила:

– Ну, поехали!

Быстро выпила. Андрей выпил тоже. Нина отодвинула от себя рюмку подальше, будто это вовсе не её, и опустилась на белый табурет. Взяла пачку сигарет и закурила. Глубоко, с удовольствием затянулась и медленно, длинно выдохнула дым.

– Что смотришь? Не знал, что я курю?.. Ну, ты многого обо мне не знаешь. – Она расслабленно прислонилась декольтированной спиной к стене, свесила руки. – Устала! С этими днями рождения...

Но быстро подобралась, оттолкнулась от стены, деловито поправила причёску. И, ровно держа спину и время от времени затягиваясь, заговорила:

– Ты как ребёнок, Чадо. Всё ещё на меня волком смотришь. Думаешь, променяла бывшего футболиста на заместителя главного инженера. Петя моя первая любовь, к твоему сведению. Настоящая! У этих тёлочек, – Нина мотнула подбородком в сторону комнаты, где веселились гости, – глаза бы на лоб полезли, если бы узнали, что я для Пети делала!.. Ни в чём не раскаи-

ваюсь. Может, это было лучшее время в моей жизни... Прошло! Прошло, и всё.

Нина помолчала, глубоко затянулась.

– Я одну вещь поняла. Этому нигде не учат, каждый сам должен прийти. В жизни нет ничего постоянно хорошего или постоянно плохого. Понимаешь – нет! Мне нравилось, что Петя быстро бегаёт, ловкий, больше всех голов забивает. Король. Победитель. Не я одна – все его любили!.. Но жизнь не футбол. Нужны другие способности, чтобы в тридцать лет чувствовать себя уверенно. Да что в тридцать – в двадцать пять на первом месте уже не мышцы! Ты знаешь, что до меня дошло?.. Надо равняться вон на них, а то можно отстать. Я никогда не была неудачницей и сейчас не буду! Главные в жизни такие, как Дима, надо у них учиться. Учиться, Андрей, тянуться, потому что когда они во всякие музыкальные школы ходили, фигурным катанием занимались, репетиторы их натаскивали – нас с Игорем мать прятала у соседней, к твоей тётке Вере отводила! Ты знаешь, как пил отец. Умер – и чёрт с ним, не жалко!..

Нина требовательным жестом протянула руку к Андреевой рюмке, наполнила до краёв. Налила и себе, на этот раз уже не оглядываясь на дверь. Одним глотком выпила.

– Знаешь, мне всё равно, веришь ты или нет. Просто обидно, когда считают тебя хуже, чем ты есть. Никакой подлости с моей стороны нет. Однажды я почувствовала – всё, больше не могу! Если бы Петю даже не отчислили из команды, всё равно так вышло бы. Я поняла принцип счастья. Не тяни за собой весь багаж, не заставляй себя, не насилуй! Человек – запрограммированная машина. Не надо бороться с тем, что заложено. К хорошему это не приводит!..

– Экий матерый прагматизм. Да ещё в день рождения. – Дима Суханов стоял в дверях кухни. Он со снисходительной усмешкой подмигнул Андрею, расфилософствовалась, мол, именинница... В том, как он это сделал, как посмотрел на девушку, чувствовалась сдержанная нежность. – Гости, кстати, кофе жаждут. Будет?

При появлении Димы Нина опять расслабленно прислонилась голой спиной к стене, погасила сигарету и незаметно отодвинула от себя рюмку. На Диму она смотрела блестящими глазами.

– Так что насчёт кофе? – повторил Дима с мягкой, понимающей улыбкой.

– Оно пока не готово, – быстро ответила Нина. И так же, как раньше, когда пропускала вперёд в коридорчике, Андрей заметил на её лице досадливую мимолётную тень и как бы упрёк самой себе. – Он ещё не готов, – поправилась Нина. И добавила: – Сейчас сварю. Принеси, пожалуйста, чашки из серванта.

Дима, кивнув, вышел. Андрей продолжал стоять, опираясь на скользкую поверхность холодильника. Криво улыбаясь, крутил в руках рюмку.

– Что-то я так и не понял насчёт Пети Чаева...

Настроение у девушки, похоже, изменилось. Она сухо бросила:

– Ты не прокурор, а я не подсудимая. Простых вещей не понимаешь – твои проблемы.

– Ты, вижу, много понимаешь! – со злым высокомерием заметил Андрей, направляясь в комнату. – Смотреть противно.

– Помоги с чашками.

– Я не Дима, чтобы на побегушках!..

В дверях он подумал: “Что за сила такая в ней? Почему любят? Такие ребята!..” И с острым удивлением, почти что с испугом оглянулся на Нину. Но ничего зловещего в ней не заметил. Симпатичная девушка в длинном вечернем платье, стоит у газовой плиты, сыплет кофе в кипящую воду...

Пойми!

В комнате во всю веселились. Гремела музыка, в мигающем красноватом свете (кто-то сидел у торшера и беспрестанно включал-выключал лампочку) подёргивались фигуры, взлетали от резких движений волосы у девушек, бились на стенах тени. На мгновение выхватывались азартно-диковатые лица, изломы рук, влажные приоткрытые зубы, блеск остановившихся глаз...

Андрей направился было к своему месту, к софе, но с каждым шагом всё больше и больше чувствовал, как и его захватывает, подстёгивает ритм. Теперь уже сесть казалось невозможным – надо было двигаться, делать что-то ногами, туловищем, руками. Иначе нельзя, иначе невыносимо, иначе сердце может остановиться!..

Уже плохо осознавая себя, он ступил вперёд, ему дали место в общем кругу, вместе со всеми, каждой мышцей стремясь и желая, Андрей принялся танцевать, уходя, погружаясь в громкий, бездумный, дурманящий мир. Появлялись и исчезали быстрые тени, застывшие улыбки вокруг, мигало белое и чёрное. Музыка, биение света подчинили себе тело, мозг – казалось, что и внутри тебя всё горячо и радостно пульсирует, упоённо живёт и движется.

Время остановилось.

Напротив Андрея танцевала скуластенькая девушка с милостивым лицом и женственной, вполне зрелой фигурой. (“Дочка начальника... Наташа говорила...”) Несоответствие между по-детски нежным лицом и зрелыми формами притягивало, и Андрей, ловя на себе взгляд девушки, медленно двинулся к ней, танцуя. Она словно ждала этого и тоже подалась навстречу, неотрывно глядя в глаза. Под тонким свитерком угадывалось свободное движение груди, законченно, плавно девушка поводила плечами, животом, бёдрами – вместе с музыкой играло и жило её тело.

Они почти сошлись, девушка, показывая лицом, намекающими мягкими движениями, что надо Андрею пройти ещё немного, плавно полуповернулась спиной, и Андрей почувствовал прикосновение к своему боку её тяжёлого мягкого бедра. Он подумал сначала, что это случайность, неловкость, но, приостановившись, слегка подавшись в сторону (“Хочет сделать переход...”), он увидел, как девушка опять качнула бедром и, не почувствовав его, своего партнера, недоумённо оглянулась.

Чего-то Андрей не знал, за два армейских года в танцах появилось новое, и ему стало стыдно. Скула-

стенка, всё так же оглядываясь, продолжала покачивать бедром, словно механизм, двигавший ею, её литым красивым телом, встретился с чем-то непредвиденным и пробуксовывал. Потом она улыбнулась и отошла на своё место. Такие же улыбки появились на лицах остальных танцующих.

Андрей сжал зубы. Они смеются над ним!.. Он схватил девушку за руку и дёрнул на себя. Та, едва удержавшись на ногах, опять оказалась в центре. И здесь, в кругу, на глазах у всех, Андрей обхватил её и стал целовать – грубо, больно, мстительно вдавливая свои губы в её и чувствуя солоноватый железистый привкус крови.

Девушка вырывалась из его рук, гремела музыка, мигал свет, кто-то хлопал Андрея по плечу, толкал, оттягивал, больно прищемив кожу на руке, трещал пиджак, загорелся верхний свет, Андрея уже держало несколько рук, а в стороне утешали скуластенькую, оглядываясь с неприязнью и опаской. “Нагле-ем?” – спросили у Андрея. Он видел, как на глазах твердели лица обступивших его парней. Это был уже понятный разговор. Андрей подобрался. “Закройтесь, салаги! – сказал он, готовый ко всему. Главное, не пропустить первый удар. – Фраера прилизанные! Как от армии отмазались, козлы?..” Среди присутствующих произошло какое-то движение, возмущённый и растерянный ропот. “А как насчёт каратэ?” – спросил кто-то буднично. “Я вас простым кулаком уделаю! Вот этим!..” – Андрей сжал и выставил свой внушительный кулак. Как всегда перед дракой, в животе остро и сладко заныло.

Неизвестно откуда появился, вынырнул Дима и успокаивающе поднял руку. “Без глупостей, ребята, без глупостей!..” Он взял упирающегося Андрея за локоть и повёл на кухню. Парни неохотно расступились. “Каратисты позорные! Кого на испуг берёте?! – Андрей разъярённо дышал и всё пытался вырвать локоть. – Я два года в казахских степях, а вы? Девочкам мозги пудрили?..”

На кухне Дима усадил его на табурет, сильно, двумя руками надавив на плечи.

– Отдохни. Что ты вдруг? – С минуту он молчал, глядя себе под ноги, потом предложил: – Пойдём подышим? – И кивнул головой за окно.

Андрей сопел и старался на Диму не смотреть.

– Пошли. Надоело всё!..

Они вышли на крыльцо. Пахло сыростью, влажными досками крыльца. За кооперативными гаражами гудело шоссе. Давно уже стемнело, на фоне освещённого окна виден был штрихующий лёт мелких капель. Мокро отсвечивал жестяной верх детского грибка на поляне.

– Смотри, дом похож на кроссворд, – обронил Дима, засовывая руки в карманы плаща. Он кивнул на высотный дом. Дом подступил к окраине ближе остальных, на днях его заселили. Чередование освещённых и тёмных окон действительно походило на чёрно-белые клетки кроссворда.

– Особенно для меня, – сказал Андрей.

– Что?

– Кроссворд. Непонятно как-то всё идёт... В армии думал, будет по-другому. – Андрей пощупал пиджак под мышкой и с досадой выдохнул: – Порвали, козлы! Как накиннулись, а? Как на врага народа... Слушай, у тебя как? У тебя по-другому? – Андрей порывисто повернулся к Диме. – Как у тебя так получается? Тебе не скучно жить? Тоска! Как получается?..

Дима не ответил. Он смотрел в сторону детского грибка. Там, похоже, кто-то стоял – разгорался и меркнул огонёк сигареты. Разобрать кто, отсюда было невозможно, под грибком темнота делалась особенно густой, свет из окон туда не доставал.

– Пошли.

Где по кирпичам, брошенным в грязь, где по расплывшимся под ногами травяным кочкам они добрались до грибка. Навстречу, толкнув плечом, шагнул какой-то человек.

– Чаев, стой! – окликнул Дима. – Подожди!

Петя Чаев (сейчас его узнал и Андрей) продолжал идти прямо по грязи, не разбирая дороги.

– Постой!

Чаев остановился и, не оборачиваясь, бросил:

– Ну?

– Подойди, пожалуйста.

Чаев несколько секунд помедлил, потом с подчёркнутой неохотой вернулся и, стараясь, чтобы выглядело это презрительно, склонил голову к плечу и засунул руки в карманы кожного пальто. Складки пальто обозначились слабыми бликами.

– Что скажешь, деятель?

Дима достал из внутреннего кармана плаща бутылку вина.

– День рождения всё-таки...

Чаев принял бутылку и сильно ударил ладонью в дно. Он сорвал фольгу, зубами вытащил пробку и принялся пить из горлышка, высоко закидывая голову. Глаза привыкли к темноте, и Андрей видел, как жадно ходит кадык на Петиной шее.

Через минуту он оторвался от бутылки и протянул её Андрею, словно не замечая Суханова.

– Давай ты.

Дима усмехнулся:

– Обижаешься... Хотя обижаться должен я. В больнице пришлось лежать мне.

– Так это, значит, он тебя с друзьями бил?.. – изумился Андрей. – И вы после этого ещё вместе пьёте?!

– Нам многое надо выяснить, – сухо вато сказал Дима. – Непросто всё.

Андрей сжал в руках полупустую бутылку.

– Танки справа! – вдруг закричал он. – Прицел сто двадцать! Бронебойными! Огонь!.. – Изо всей силы запустил бутылкой в жухлый бурьян у кооперативных гаражей. Там глухо звякнуло. – Огонь! Наше дело правое! Победа будет за нами! Огонь!!

На половине Голосувых по-прежнему гремела музыка.

В аэропорт Андрей приехал ещё утром, часов в девять.

Он едва дождался, когда крёстная уйдёт на работу, и быстро соскочил с раскладушки. Торопливо умылся и наскоро позавтракал. Крёстной написал записку и оставил на видном месте. Объясняться самому не хотелось – начнутся расспросы, уговоры... Нет уж!

Стеклянное здание аэропорта было почти пустым. Андрей вошёл в зал ожидания, присел на дерматиновый диван. Но не сиделось. Он поднялся и принялся ходить, стараясь делать это неторопливо. Внутри у него радостно и нетерпеливо подрагивало.

Из зала хорошо просматривалось лётное поле с двумя бетонированными полосами. Шёл конец октября, но трава на поле была зелёная. Поодаль стояли Ан-2 местных авиалиний – с двухэтажными крыльями, чем-то смахивающие на этажерки. Ещё дальше однообразно вращался на возвышенности локатор. Небо хмурилось, но уже третьи сутки как дождя не было. Взлётные полосы сухо светлели.

Андрей представил себе бескрайний снежный простор, всплески полярного сияния, парней с обветренными мужественными лицами... Целыми сутками эти ребята крутят баранки, потом где-нибудь в тесном домике пьют горячий крепкий чай, согревая кружками ладони. Толстые свитера, унты, скупые мужские разговоры. Шуршит по стеклу задуваемый ветром снег, за оконцем видны тёмные глыбы машин... Надёжные, крепкие ребята! Бесхитростные, настоящие.

К ним!..

На работе, как и дома крёстной, он тоже ничего не сказал. По дороге в аэропорт бросил письмо на имя Копача, в котором было заявление на увольнение. По закону полагалось отработать две недели, но Андрей чувствовал: не выдержит. Уехать захотелось до удушья, до смертной тоски.

Единственным человеком, которому он намекнул о задуманном, была Аня. Отношения между ними

оставались хорошими, и Андрей не вытерпел, показал заранее купленный билет. Но даже Анюте он не выложил всего до конца. Андрею нравилась тайна, в душе от неё становилось как-то полнее.

Он походил по залу, поднялся на второй этаж, где находился ресторан с деревцем в кадке у входа. До начала регистрации оставалось больше часа, и вполне можно было бы выпить пива.

Он постоял у входа, потёр листок на деревце и понюхал пальцы. Пахло лимоном. Вздохнув, стал спускаться вниз. Деньги надо было беречь. Кто знает, сколько придётся на них жить – это не армия, никто даром не накормит. Хорошо ещё, Катя прислала сто рублей на пальто, а то и на билет бы не хватило.

Когда он и ещё десятка полтора пассажиров, тоже улетавших на Москву, стояли перед загончиком у лётного поля (вот-вот должны были объявить посадку), Андрей почувствовал, что кто-то тронул его за рукав. Он повернул голову.

Перед ним была Валя.

Андрей на миг растерялся, быстро оглянулся, словно искал, куда бы спрятаться. Но тут же взял себя в руки и посмотрел на девушку прямым взглядом.

– Улетаешь? – тихо спросила Валя.

– Ты откуда узнала?

– Анюта сказала.

– Ясно, женская солидарность!.. – Андрей в душе обругал себя за доверчивость. Как можно беспечней сказал: – Я тебе соболей пришлю. В Якутии их много. Что ни дерево, то соболю – серьёзно!.. Ладно, бывай здорова, вон посадку уже объявили.

Он подхватил свой чемодан и улыбнулся девушке. Улыбка вышла немного виноватой. В последнее время он довольно часто заходил к Вале в общежитие, выбирая время, когда соседки по комнате были на работе.

Валя по-прежнему держала его за рукав. Она подняла лицо, и Андрей увидел её дрожащие губы. Девушка, похоже, собиралась заплакать. Андрею стало досадно.

– Да пойми ты!..

– Я беременна, Андрей...

Андрей быстро, испуганно шагнул в сторону. Расталкивая пассажиров, одним из первых попал в секцию. В очереди на проверку багажа он стоял, подняв плечи и боясь оглянуться. В голове было пусто, лишь растерянно стучало: “Как по-дурачки!.. Ах, чёрт!..”

Когда начали выводить на лётное поле, Андрей не выдержал и оглянулся. Валя стояла всё там же, где он её оставил. И столько в её позе было безнадежности и горя, что Андрей, плохо соображая, что делает, стал пробираться обратно.

– Ну, не надо, – забормотал он, обнимая девушку за худые плечи. – Не надо, что ты. Я устроюсь и тебя вызову. Увидишь, честное слово!..

Он взглянул на поле. Пассажиры уже поднимались по трапу в самолёт.

– Андрей, не уезжай. – Валя, уткнувшись ему куда-то под мышку, глухо всхлипывала. – Андрей, я для тебя... Никогда не пожалеешь, Андрей!..

– Да вызову я тебя! Клянусь! – Андрей свято верил в то, что сейчас говорил. – Здоровьем клянусь!

– Я боюсь. – Девушка, не отрываясь, смотрела на него заплаканными истовыми глазами. – Не уезжай, Андрей. Всё для тебя!..

– Да я же говорю!..

Андрей беспомощно оглянулся. От самолёта уже отъезжал трап. Синевато дымя выхлопными трубами, подошёл тягач и принялся выводить лайнер на взлётную полосу.

Андрей, оттолкнув девушку, бросился к секции.

– Опоздали, молодой человек, – выходя навстречу, буднично заметила женщина в аэрофлотовской форме. Она повернулась и неторопливо закрыла за собой дверь на ключ.

– Как это?!.

– Так.

Андрей остановился. Некоторое время неподвижно

смотрел, как самолёт, уже выведенный на взлётную полосу, взревел турбинами и стал медленно, а потом всё быстрее, стремительней разбегаться. Как наконец оторвался от земли и круто пошёл вверх, всё уменьшаясь и уменьшаясь и оставляя за собой размытый дымный след.

Ещё на земле самолёт начал расплываться у Андрея перед глазами, а когда взлетел – плечи у него задрожали. Андрей с силой пнул двери секции. Потом, сжав зубы, ещё и ещё раз.

Ногой, кулаком, коленом – изо всей силы, будто бил лютого врага, гада ненавистного, мразь подлую!..

И уже как сквозь толстое стекло он слышал и злой крик тётки в аэрофлотовской форме, и высокий Валлин голос.

Он пришёл в себя, когда девушка оттаскивала его от секции. Андрей вырвал руку и остановился. Минуту стоял, уставясь в землю, перекатывал желваки и молчал. Наконец выдавил:

– Ладно. – И огляделся вокруг странными глазами, будто видел всё впервые. – Ладно. Посмотрим ещё!..

И непонятно было, то ли он кому-то грозил, то ли просто успокаивал себя и смирялся.

– Ладно...

1872-1984

ПОРТРЕТ НА ФОНЕ 90-х Повесть

*Свободы сеятель пустынный,
Я вышел рано, до звезды...*

А. Пушкин

1

Начали женщины. Альбина Сухих, обычно спокойная и немного даже заторможенная заведующая клубом, отмечала своё тридцатилетие. Как водится, не хватило. Накинув куртки, весёлая компания направилась к магазину. Там была очередь, стоять в которой Альбине и её гостям, понятно, не хотелось.

Дебелая юбилярша, легко раздвинув людей, прошла к прилавку и громко заявила продавщице:

– Ящик «Русского размера», Маша! Нашего размера, по самое не хочу!.. Закончишь работу, приходи. Ты для меня желанный гость, поняла?.. – Альбина и продавщица были дальними родственницами.

Видеть завклубом в таком состоянии было забавно, и в очереди заулыбались. Однако не все. Оксана Кокотихина, находившаяся на шестом месяце, почувствовала себя уязвлённой.

– Между прочим, здесь беременные стоят и без очереди не лезут, – упрекающим голосом сказала она. – Могли бы тоже постоять.

Альбина с пьяным высокомерием посмотрела на очередь.

– Это кто там возникает?.. Не слышу ответа!

– Зальют глаза и совести для них не существует, – не отступала Оксана, которую беременность делала смелой. Обычно с многочисленным кланом Сухих в Прилепино старались не связываться. – Постеснялась бы, работник культуры, называется!..

Альбина подбоченилась.

– А тебе какое дело до моей работы? Чего вякаешь?

– Сама вякаешь!..

Слово за слово, дошло до мата. В конце концов завклубом оттаскала Оксану за волосы – благо, была на голову выше и раза в два тяжелее. Рыдая, растрёпанная Оксана убежала домой, а Альбина с компанией покинули магазин в ещё более приподнятом настроении.

На этом дело однако не закончилось. Оксанин муж Эдик вступился за жену. Но время для выяснения отношений выбрал не лучшее. И хотя к Сухих Эдик пошёл на следующий день, там, как оказалось, ещё гуляли.

– Твоя Оксанку мою побил. Что за дела? – довольно спокойно сказал Эдик Альбинуному мужу Витьке. Для разговора он его вызвал во двор.

– Погоди, я сейчас, – неизвестно чему обрадовавшись, Витька быстро скрылся за дверью. Он был моложе жены и занимался тем, что охотился и рыбачил. В основном потому, что с работой в Прилепино напряженка, да и кому нужен крепко поддающий мужик.

Через минуту Витька появился с ружьём в руках.

– Ага! – азартно оскалившись, сходу заорал он и выстрелил в воздух. – Вали отсюда, козёл долбаный!..

Эдик опешил.

– Ты чего? Я по-человечески...

– Будет тебе по-человечески!.. – Витька саданул из второго ствола Эдику по ногам. – Гуляй, козёл!..

Поначалу Эдик боли не почувствовал, даже не шелохнулся, но когда из дома вывалили гости, упал на снег. Гости собирались принять участие в событиях на Витькиной стороне, однако им хватило благоразумия поднять побелевшего Эдика и отвезти на «Бурани» в фельдшерско-акушерский пункт, который прилепницы коротко именовали ФАПом. Там Эдику наложили повязки и остановили кровь.

А через полчаса к Олегу Шляхтину, известной в селе личности, ворвалась Оксана Коковихина и закричала, сжимая кулачки и трясясь всем телом:

– Сделай что-нибудь!.. Сделай, Олег, а то я их всех спалю! Детьми клянусь, спалю!..

2

Поезда ему в обычное время нравились. Опускаются, чтобы опять взлететь вверх, телеграфные провода на столбах. Бегут перелески за окном – стремительно вблизи и медленно, едва заметно поодаль, – кажется, что мир это огромный диск, вращающийся на гигантском проигрывателе. Стучат колёса, внося особый уют в жизнь замкнутого вагонного пространства, несущего людей в другом пространстве, бесконечном и необъятном, словно космос.

А если ещё в купе подберётся хорошая компания, усядутся у откидного столика, раздадут карты, пойдут анекдоты... На остановках – светлый асфальт перронов, лёгкий после вагона воздух, быстроглазые женщины, торгующие бутылочным пивом и варёной картошкой с малосольными огурцами, прогуливаются попутчицы в удобных домашних бриджах – отлично! И снисходительное чувство транзитного пассажира, у которого только и существует настоящая жизнь, а всё вокруг – необязательное, мимолётное, затерянное в глуши и, в общем-то, убогое.

То раньше. Сейчас вплоть до Урала он был готов к тому, что неожиданно ударят по голове, сильно и неприятно. Чувство было неконтролируемое, глубоко засевшее, подспудное. А главное, удар он принял бы как должное. И всю дорогу до Свердловска (к новому названию города никак не мог привыкнуть) незаметно для себя втягивал голову в плечи.

Спыхватывался, понимая, что так нельзя, этим себя можно выдать. Пробовал читать, но его серьёзность привлекала внимание омовцев, часто двигавшихся вдоль вагона, несколько раз проверили документы. Хорошо ещё, не ссадили и не стали искать, как на Казанском вокзале, синяков на плече и не делали смывов на пороховую гарь. А то просто могли вывести в тамбур и на всякий случай отметить дубинками. Это у них за просто.

Надо было срочно что-то придумать. Позволить себе напиться, чтобы сойти за рубаху-парня, далёкого от всех этих дел и просто возвращающегося из отпуска, он не мог. Знал свою беду. Выпив, сам стал бы цеплять омовцев или дорожную милицию, которой в эти дни тоже были полны поезда и вокзалы. Тогда уж точно задержат и станут копать – откуда злорада на представителя законной власти? Где был, куда едешь?..

Помог случай. После Владимира долго не открывали туалет. В тамбуре скопились люди, терпеливо ждали. Девочка лет пяти смотрела снизу вверх на мать, жалась, топтала одной ногой другую, тихо спрашивала: «Мам, скоро?..» – «Потерпи, не маленькая, – отвечала, делая строгое лицо, молодая загорелая мать. Видимо, возвращалась через Москву с моря. – Все терпят, и ты терпи». Он почувствовал, как в голове закончилось, злость прожгла тело, как напряглись и окаменели желваки. Вот так и будут стоять, все обоссутся, а к проводнице подойти побоятся! Рыбья кровь, овечьё стадо, страх даже перед таким вот начальством!..

Он с силой толкнул дверь в вагон. Не доходя до купе проводников, приостановился, сумел всё-таки взять себя в руки. Не срываться, иначе точно найдёшь на задницу приключение! Спокойный доброжелательный тон, улыбка, немного юмора. «Девушки, народ собирается штурмом брать туалет...» Ничего, что проводница в кургузом форменном пиджачке смотрит недовольно – оторвал от пересчёта пустых бутылок. Что-то сердитое бормочет. Но всё же достаёт эмпээсовский треугольный ключ и идёт к туалету. Он за ней, улыбаясь поверх головы проводницы и успокаивающе кивая девочке и её матери. «Товарищи, пропустим вперёд ребёнка!..»

Но как противно, как саднит душу! Зажравшаяся баба должна сама всё делать, без просьб и напоминаний! Чуть власть почувствуют – всё, короли, обратная сторона этих скотских натур!..

На ближайшей остановке он купил мороженое. «Можно угостить вашу дочку?» Девочка с матерью ехали в соседнем купе, у молодой женщины в глазах

удивление. Она пожимает загорелыми плечами, стараясь выглядеть равнодушной, – понимает, внимание не столько к ребёнку, сколько к ней. Отворачивается к окну. По тому, как она всё это проделывает, ясно – разведённая или просто одинокая. То, что едут без отца, не случайно. «Можно».

Понемногу завязывается разговор, заглядывающие в купе омовцы видят дружную семейную пару с ребёнком и проходят дальше. Сколько их, изумляется он, ещё не всех в Москву согнали, оказывается!.. Женщина действительно не замужем, он не ошибся. Впрямую об этом не говорится, но по некоторым деталям понятно. Он тоже намекает, что уже два года, как один, есть сын, в сентябре пошёл в школу. Конечно, плохо без близкого человека. Секс, когда тебе под тридцать, не проблема, а вот чтобы по-настоящему, чтобы душа была...

Она понимающе смотрит на него, согласно кивает. Когда девочка засыпает, выходят в тамбур – соседи по купе давно уже недовольно поглядывают на них. Он принимается женщину целовать, прижав спиной к прутьям тамбурной двери. Она отвечает, но пытающуюся пробраться под футболку руку решительно отводит. «Здесь? Ты что! Я так не могу». – «А как можешь?» – шёпотом выдыхает он. Она уклончиво улыбается, прячет лицо: «К другу надолго? Когда обратно?..»

– Не задуши девушку, – слышится добродушное из наряда омовцев, с топотом проходящих через тускло освещённый тамбур.

– Всё нормально, мужики, – отвечает он. И на некоторое время застывает, убирает с её тела руки.

«Когда обратно? – шёпотом повторяет разгоряченная женщина и уже сама льнёт к нему. Она не понимает, что с ним. – Заедешь?.. Я отдельно от родителей живу. Ты Асе понравился...» Не поблядушка, не любительница дорожных приключений – нормальная женщина, ищущая тепла и постоянства. «Может, и заеду. Напиши адрес, – с расстановкой говорит он и зеваёт. – Вообще-то спать пора. Поздно».

Она ждёт чего-то ещё, но он отстраняется, закури-

вает. На лице женщины проступает обида. Он видит это и мстительно добавляет: «А вообще-то... Если к каждой прошмандовке заезжать...».

Нехорошо, несправедливо, но почему ему одному должно быть плохо?!

3

– Заявление участковому написала? – спросил Шляхтин, переждав Оксанину истерику. Он наконец понял, в чём дело.

Отложив шариковую ручку, потёр подбородок. Шляхтин как раз сочинял заметку для газеты и был доволен, что оторвали от дела.

– Не успела, Олег. – Оксана то и дело осторожно поглаживала свой выступающий живот. – Нет, ты подумай, какие сволочи! Меня на всё село опозорить, ещё Эдьку этот ублюдок... Нет, я их спалю! Детьми клянись, так дело не оставлю!..

Шляхтин поднялся, но ходить по комнате не получалось. Уж слишком она была маленькой. Здесь только и помещались что стол, койка и давно не белёная печь.

– Успеешь спалить. Участковый в селе?

– Не знаю. – Оксана уже не плакала, но и успокоиться никак не могла. – Ты напиши о них, Олег, пусть весь район знает! Такие сволочи!.. Сухие, ага, всё им позволено. Я этого никогда не прощу!..

Шляхтин снял с гвоздя куртку.

– Пошли. Сейчас заявление составим.

– Ты в газету...

– Это само собой.

Заканчивался заметно прибывший мартовский день. Наливался чернотой близко подступивший к селу ельник. На огородах синел пышный нетронутый снег, тоскливым жёлтым светом обозначились окна просторно разбросанных бревенчатых домов. Сами дома сейчас казались низкими, будто присели в сугробах. На пол-пути Оксана замолчала.

– Ты как? – оглянулся шагавший впереди Шляхтин.

Женщина, держась за живот, шла всё медленнее, осторожней.

– Ничего... Сейчас пройдет.

– Может, в ФАП отвести?

– Ну его.

Кроме лежавшего на диване Эдика в доме Коковиных находилась его сестра Галина с мужем Геннадием – нестарым, но уже полностью лысым мужиком по прозвищу Кучерявый, который работал в жилищно-коммунальном отделе водителем. Галина с окаменевшим недобрый лицом слушала Эдика. Лысый Геннадий сидел на краешке стула, зажав ладони между коленями.

– Кость не задета?

– Вроде нет. – Эдик попробовал пошевелить забинтованными ногами, поморщился. – Шиндер говорит, точно рентген покажет.

– До рентгена ещё добратся надо... Дробью стрелял?

– Ну. Целое блюдечко в ФАПе наковыряли.

– Шиндер дробь доставал? – поинтересовался молчавший до этого Геннадий.

– А то кто.

– За хозяйство не лапал?

Галина рассердилась:

– Нашёл время фигню нести!..

– Хе, фигню, – ухмыльнулся Геннадий. – Наш фельдшер с голубым отливом. Кое-кому из мужиков предлагал...

Галина, досадливо махнув на мужа рукой, продолжала:

– Хорошо, хоть не пулей стрелял... Этот Витька своей смертью не умрёт, вот увидите! Допрыгается!..

– Не говори так, – Геннадий с неопределённой улыбкой оглянулся на Шляхтина. – Люди могут подумать, угрожаешь. Случись чего...

Галина сорвалась:

– Ты-то уж помолчи! На тебя не подумают, не бойся! Всем известно, какой ты отчаянный!.. Оксана, ты чего? Плохо? – Она подалась к тяжело опустившейся на стул невестке, стала помогать раздеваться. Что-то шёпотом спросила и, услышав ответ, осторожно повела в сосед-

нюю комнату. Оттуда появились недовольные девчонки Коковихиных.

– Быстро за Шиндером! – приказала им Галина, взглянув через минуту из-за двери. – Пусть санрейс вызывает!.. Генка, посмотри на плите тёплую воду. Эдька, где у вас чистый таз? Быстреей!..

Ни о каком заявлении участковому, понятно, речи сейчас быть не могло. Шляхтин стоял у порога, решая, что делать.

– Вы не уходите, – сказала всё замечавшая Галина, быстро проходя мимо с эмалированным тазом. Она была старше Шляхтина, но, как и многие в Прилепино, говорила ему «вы». Шляхтина в селе уважали и побаивались: всё-таки пишет в газету. – Поможете в случае чего носилки на вертолётную площадку отнести. Эдька видите какой...

– Роды начались?

Галина с чувством махнула рукой:

– Ой, не знаю! Какой ребёнок, шестой месяц...

Вскоре появился Шиндер – невысокий, черноглазый, с саквяжем, как в кино о земских врачах. Он подал руку Шляхтину, неуверенно – Геннадию и прошёл в соседнюю комнату. Через несколько минут вышел озабоченный.

– У кого телефон поблизости?

– У Петровых, – быстро отозвался лысый Геннадий. Он возвращался с кухни, где мыл руки после того, как поздоровался с Шиндером. Бойко заговорил, стараясь разрядить напряжение: – Ну, как там дела? Смотри, лепила, не подкачай! Хозяин сына ждет, УЗИ в городе показало – сын, точно. Не всё же время девки!..

– В больницу надо отправлять. Сложный случай.

Санрейс прибыл, когда уже совсем стало темно. Стараясь не трясти молчаливую, будто в рот воды набравшую Оксану, Шляхтин и Геннадий доставили носилки на вертолётную площадку на краю села. Сбоку, спотыкаясь в снегу, старались не отставать Галина и Шиндер.

По углам вертолётной площадки горели красные сигнальные огни. Тревожно мигал проблесковый маячок на тёмной массе приземлившейся и работавшей на

холостых оборотах машины. Быстро погрузили носилки. Чуть не свалив ветром из-под лопастей, вертолёт ушёл в чёрное небо.

– Дождь Эдька сына, – крикнул, отдуваясь после носилок, Геннадий. – Самого дробью наспиговали, ещё это...

– За всё ответят! – с силой сказала в темноте Галина.

Шляхтин и Шиндер молча смотрели на удаляющиеся огоньки вертолёта.

4

В клубе, как обычно днём, никого не было. Высящаяся в углу голландка излучала тепло. Шляхтин это сразу ощутил лицом, как только ступил в помещение.

Кабинет заведующей одновременно служил и реквизиторской. На стенах висели сарафаны, расшитые бисером и разноцветными нитками косоворотки, на полу в углу приткнулись синтезатор «Ямаха» и колонки светомузыки.

– Вызывали? Какие проблемы? – спросил Шляхтин, снимая рукавицы на меху (по-местному, шубинки) и пряча нос в кулак. Март в здешних краях, оказывается, был ещё зимним, морозным месяцем.

Альбина Сухих что-то писала на полосе ватмана красным фломастером. Выглядела она усталой. «Ещё бы, двое суток день рождения отмечать!», – насмешливо подумал Шляхтин.

– Знаете, что-то у нас со светом, – оживилась Альбина, отодвигая ватман и поднимаясь. Видно было, что оживление дается ей с трудом. – Представляете, лампочки вдруг перестали гореть. Все! Ладно бы лето, когда световой день большой, а то ведь работать невозможно!.. Так что выручайте, на вас вся надежда.

Шляхтин щёлкнул выключателем. Действительно, лампочки не загорались.

– Они целые, не смотрели?

– Разве я в этом разбираюсь? – Крупная Альбина стояла, сцепив под грудью руки, чем-то напоминая

певицу классического репертуара на сцене. Видимо, считала, что именно так следует держаться работнику культуры. – Я этого не касаюсь, дома у меня такими делами муж занимается.

Шляхтин дотянулся до одной из лампочек, вывинтил. Нет, вольфрамовый волосок цел. Может, предохранитель сработал?.. С этого, в общем-то, и следовало начинать, но не так-то просто радиомонтажнику сразу переключиться в электрики. Он окинул взглядом стены. Обычно счётчики крепились на виду, здесь его видно не было.

– Счётчик у вас где?

– Счётчик? – удивилась заведующая клубом, словно её спросили о чем-то экзотическом. – Ах, да, счётчик! Вот здесь, за занавеской, пожалуйста, за мной.

Шляхтин усмехнулся («Театр одного актера!») и двинулся за Альбиной. Так и есть. Он утопил выскочивший из корпуса красный стержень предохранителя, нажал на включатель. В помещении стало светло. Неужели сама не могла догадаться?..

– Ой, спасибо! Выручили!.. – преувеличенно обрадовалась Альбина. – Чай, кофе? Должна же я вас как-то отблагодарить!..

Она была по-своему интересна, как многие люди, с которыми Шляхтину в последнее время довелось столкнуться. И нет ничего плохого в том, что тянется вверх, хочет быть лучше. Вот только природа дает себя знать. Шляхтину подумалось, что по-настоящему собой она была в магазине, когда крыла матом и таскала Оксану Коковихину за волосы. Всё остальное – наигрыш. Интересно, зачем он ей понадобился? Свет, похоже, был только поводом.

– Почему бы и не попить? Если позволите, с большим удовольствием чашечку кофе, – сказал он, невольно впадая в Альбинин тон. И снял куртку, повесил на спинку стула – вызов затягивался, можно вспотеть. Вон как голландку накопечарили.

Не успел закипеть respectable вида белый импортный электрочайник (здесь, на Севере, Олег их

видел у многих), как на крыльце затопали. Альбина выглянула в вестибюль. В помещение ввалились двое пацанов в валенках.

– Мы на бильярде играть. – Шмыгая носами, пацаны уставились в открытую дверь на Шляхтина.

Альбина по-своему развернула их за плечи и подтолкнула к выходу:

– Технический перерыв, электропроводка не в порядке. Через час приходите. – Вернувшись к Олегу, измождённо закатила глаза. – Ох уж эти мне бильярдисты!.. Уроки бы лучше делали. Вам сколько ложечек сахара?

– Две, с вашего позволения.

– Кофе делать крепкий?

– Средний.

Шляхтин ждал, что последует дальше. Альбина, конечно, знала, что с Эдиком Коковихиным они друзья. После того, что случилось, ей рискованно было бы заводить какие-либо разговоры о произошедшем в магазине и возле дома. Олег прихлебывал кофе и листал подшивку районной газеты, в которой обычно печатались его заметки. Отправленной на прошлой неделе заметки о семье репрессированных Болдыревых в газете пока не было.

– Я с большим удовольствием читаю ваши статьи. Они такие гуманные и с душой написаны.

– Стараюсь.

Альбина улыбнулась, расценив его ответ, как шутку польщённого человека.

– Газете повезло с таким корреспондентом.

– Хочется надеяться.

Помолчали.

– Знаете что, – вдруг сказала заведующая клубом, – давайте не будем ходить вокруг да около.

– В смысле? – вскинул брови Шляхтин.

– Мы с мужем готовы извиниться перед Оксаной и Эдиком за то, что произошло. Собственно говоря, Оксана сама спровоцировала. Видела, что у меня праздник, зачем портить своими замечаниями?.. Если бы она не стала ругаться, всё было бы нормально.

Шляхтин отложил подшивку.

– Вы хотите, чтобы я передал ваши слова Кокови-
хиным?

– В общем, да. Мы сожалеем.

Шляхтин усмехнулся:

– Сожалеете... Вы бабушку Болдыреву знаете?

– Разумеется, – сказала Сухих. Ей, похоже, нрави-
лось это слово, она произнесла его с удовольствием.
Как и сказанное перед этим «мы сожалеем». – Только я
не понимаю, при чём здесь бабушка Болдырева.

– Она мне недавно показала цидулку из Генераль-
ной Прокуратуры СССР. Там написано, что в действи-
ях её отца нет состава преступления, он репрессирован
незаконно. Другими словами, извините, ребята, оши-
бочка вышла. Забудем, что мы его просто так расстре-
ляли... Интересно, правда? Убить человека, а потом –
извините, недоразумение!

Лицо завклубом изменилось, стало настороженно
отчуждённым:

– Вы это к чему?

– К слову, исключительно к слову!.. – Шляхтин яз-
вительно щурился. – А если по делу, то ситуация такая.
Оксана и Эдик пусть сами решают, извинять вас или
нет. Молитесь богу, чтобы у Оксаны всё нормально
было. И чтобы ноги у Эдика зажили, обошлось без ос-
ложнений... А передать просьбу я передам! Это запро-
сто, это без проблем!..

Глядя в чашку, Альбина сделала несколько глотков
– думала.

– Возможен другой вариант. – Она посмотрела на
Шляхтина толкающим твёрдым взглядом. – Если они
обратятся в суд, мы им устроим такую жизнь, что мало
не покажется. У нас везде знакомые – и в милиции, и в
суде, где хотите. Тоже передайте.

– Не бойтесь говорить это мне?

– А чего бояться? Разговор без свидетелей, ничего
не докажете.

– В газете могу напечатать.

– Собака лает, ветер носит.

– Ого!.. – Шляхтин с любопытством посмотрел на
Альбину. Не думал, что она такая неосмотрительная.
Какому корреспонденту, пусть даже внештатному, по-
нравятся подобные слова?..

Шляхтин отставил кофе, молча надел куртку и вы-
шел из клуба.

5

– Ты уже?

– А ты разве не понял?..

– Скорострелка, однако!

– Мог бы привыкнуть, – чувствовалось, Ольга в тем-
ноте улыбается.

– Тогда держись.

Женщина негромко хохотнула:

– Напугал!..

Шляхтин опёрся на локти, с нарастающей зверо-
ватой силой ударил бёдрами. Ольга сосредоточенно,
молча принялась помогать, подаваясь навстречу. Кро-
вать отчаянно заскрипела. Шляхтин взял в ладони её
мягкое полное лицо, коротко застонав, прижался гу-
бами. Сорокалетних женщин у него ещё не было. Это,
наверно, правда – самая сладкая вишня та, что подвя-
лена солнцем.

– Разбудим Афанасьича...

– Переживёт!

– Развалим избушку... – вполголоса, со смешком за-
водила Ольга.

– Хрен с ней!..

– Положи сюда руку... Ага, сюда.

– Развратница.

Потом лежали молча. Возвращались на свои ме-
ста светлое пятно печки, крест незанавешенного окна.
Опять стало слышно, как стучит будильник на столе.

Шляхтин в полудрёме, расслабленно думал, как это
странно – немолодая посторонняя женщина с густыми
мужскими бровями вдруг становится близким, почти
родным человеком. Конечно, это не Власта, которую он

не может и никогда не мог представить в постели, хотя армия, женщину хотелось до муки, до смертной тоски. Сравнения с Властой никто не выдерживает, ни бывшая жена, ни другие женщины, но всё равно покой и умиротворённость оттого, что Ольга здесь, лежит рядышком, что ощущает её бедро и полное плечо.

Наплывало совсем странное, диковатое: внешность, оболочка мешает, она разделяет людей, их единую, общую для всех сущность. Эта сокровенная сущность разбита на кусочки и замурована в разные тела. Почему люди не одно большое целое? Было бы правильно – гармония, счастье...

– Курить хочешь? – Ольга, задев тяжёлой грудью, потянулась к столу, взяла пачку сигарет. Огонёк зажигалки рельефно высветил её лицо, показавшееся в его свете крупнее обычного. Она раскурила сигарету, протянула Шляхтину, закурила сама. – Олег, ревновать не будешь?

Понемногу возвращаясь в себя, он вяло поинтересовался:

– Есть причина?

Ольга хмыкнула, помолчала, решая, говорить или нет.

– Вы, мужики, в такие моменты, как маленькие дети. Прижала бы к себе и жалела.

– Многих пожалела?

– Ну вот, ревнуешь!.. – всплеснула руками Ольга. – Тяжело с вами, молодым.

– Зато, наверно, хорошо – можно до упора... – Шляхтин затянулся, медленно выдохнул дым. Серьёзным голосом добавил: – Что мне ревновать? Ты взрослый человек, я взрослый человек. У каждого была своя жизнь.

Ольга ничего не сказала. Шляхтин поднялся, шлёпая босыми ступнями, прошёл к печке и открыл дверцу. В лицо ударило сухим, сводящим кожу жаром, по раскалённым углям сновали голубые огоньки. Малиновый отсвет топки волшебным образом отразился на стене

– Ещё дров подбросить надо. За ночь избушка выстынет... Вставай, чаю попьём. Что-то мне есть захотелось.

Ольга, белея телом, тяжело села на кровати, коротко, понимающе засмеялась:

– Это уж само собой!.. Я пирог со щукой принесла, посмотри в пакете. Афанасьича позовем? Хозяин всё-таки.

– Ты на любовь втроём намекаешь?

– Ну тебя!..

С Ольгой он познакомился в клубе, когда отмечали Новый год. Шляхтин ещё не знал здешних обычаев и удивился, когда в половине двенадцатого люди стали подниматься и уходить, хотя висевшая на двери клуба программа обещала веселье до утра. Он поднялся тоже. Возвращаться к Коковихиным не хотелось – чувствовал, что мешает. Эдик и Оксана ничего не говорили, но радушия, которое было в первое время, поубавилось. Это и понятно – чужой в семье. Лена, бывшая жена, тоже начинала нервничать, когда приезжавшие в отпуск Коковихины задерживались больше чем на неделю. «Подумаешь, служили вместе!.. Совесть надо иметь».

Шляхтин вышел из клуба, остановился на утоптанном снегу, достал из кармана сигареты. После праздников нужно будет искать жильё, это ясно. С работой Эдик помог, а вот с жильём сложнее – не город. «А я всё думаю, кто мой новогодний стол украсит? Вот он, попался!.. – Перед Шляхтиным появилась подвыпившая женщина в распахнутой дублёнке. Даже в небогатом свете лампочки над входом в клуб бросались в глаза её густые чёрные брови. Рядом стояла ещё одна женщина, скованно улыбаясь, она дёрнула первую за рукав, пошли, мол, не задерживайся. – Не, без мужика не пойду, мужик нынче в дефиците!.. – Первая женщина по-свойски, грубовато подхватила Олега под руку. – Всё, забито, мой!..».

Она больше притворялась пьяной, чем была на самом деле, и Шляхтин решил подыграть: «Украшать стол, это как – в виде жареного поросёнка? С зеленью в зубах?.. Я не согласен!» Женщина захохотала: «О, наш человек, с юмором!.. В самом деле, пойдёмте. Встретим Новый год – и обратно в клуб. Чего молодому неженатому скучать?».

Минут через десять они уже оббивали от снега ноги возле одного из приземистых бревенчатых домов. Когда вошли внутрь, женщины засуетились, принялись заставлять стол заранее приготовленными закусками. Нашлась

работа и Шляхтину – открывать водку и шампанское. Глушь, отдалённое село, а стол выглядел богато, от такого Олег за перестроечные годы отвык. Даже ананас торчал своими короткими жёсткими листьями из вазы с фруктами посередине стола. Северные зарплаты, понятно.

«А где все остальные?» – поинтересовался Шляхтин. По всему чувствовалось, Ольга (так назвалась бойкая чернобровая женщина) живет не одна. «А! – махнула она рукой. – Разбежались мои обормоты по своим компаниям – молодёжь. Я не против, надо же личную жизнь устраивать. Как Новый год встретишь, так его проживёшь!.. – Она оглянулась на телевизор. – Шампанское, шампанское скорее! Ельцин сейчас говорить будет!..»

Шляхтин тогда ещё мало что знал о прилепинских жителях, а вот им, оказывается, интересовались. Женщинам было известно, что он из Подмосковья, разведён, ему двадцать девять лет. А после того, как встретили Новый год, выпили, а потом вернулись в клуб, Олег тоже уже знал, что Ольга работает бухгалтером в сельской администрации, у неё трое детей и что разведена. В клубе долго не задержались. «Слушай, чего тянуть? – Ольга в медленном танце налегала на него грудью. – Пошли ко мне, пока никого нет». – «Зубы сводит?» – пошутил Шляхтин, вспомнив анекдот. Он тоже подумывал о том, чтобы уединиться. Что-то в этой женщине дразнило, притягивало. «Сводит, – серьёзно ответила Ольга. – У меня давно никого не было».

В перегородку со стороны Афанасьича три раза стукнули. Шляхтин хмыкнул:

– Телепатия. Услышал родственник твой призыв. Сейчас будет.

И в самом деле, через минуту хлопнула дверь и появился пожилой низкорослый мужичок в футболке, но в валенках. Перед собой, как древко знамени, он держал бутылку водки.

– Сегодня цельный день от алконавтов прячусь... С вами выпить хочу. Слышу, притихли – значит, можно идти!..

Ольга, быстро взглянув на Шляхтина, опустила голову и засмеялась.

– Не бережёшь ты себя, Афанасьич, – Олег, заваривая чай, тоже ухмыльнулся. – Мороз, а ты раздетый выскакиваешь.

– Ничего мне не будет! Главное, чтобы ноги в тепле, а то ревматизм, зараза, замучил, от рыбоучастка память... – Мужичок без особого почтения сдвинул на край стола Олеговы бумаги, опустил водку и посмотрел по сторонам. – Где тут у тебя стаканы, а то я измучился. Легко ли – как пенсию утром получил, так терплю!..

У Афанасьича была слабость – выпив, он становился необыкновенно щедрым. Этим в Прилепино пользовались. В день, когда выдавали пенсии, местные алкаши наскребали последние рубли, покупали бутылку водки и заявлялись к Афанасьичу в гости. Сами они почти не пили, в основном подливали хозяину. В конце концов их выдержка с лихвой вознаграждалась. Афанасьич за сутки мог спустить всю пенсию. Дело доходило до того, что с его согласия собутыльники как-то за ящик водки продали лодку-казанку и мотор к ней.

Когда Афанасьич брал на квартиру Шляхтина, он поставил единственное условие – не допускать к нему алкашей в дни выдачи пенсии. За квартиру можно было не платить. Видимо, причиной стало то, что Олег особо не стеснял – после смерти жены старик жил один. Но вполне возможно, Афанасьич решил сделать так потому, что принять Шляхтина на квартиру просила Ольга, приходившаяся ему племянницей.

– И кто только эту гадость придумал, скажите мне за ради Бога!.. – проговорил Афанасьич. Не дожидаясь, когда Олег найдёт подходящую посуду, он узловатыми пальцами сорвал «бескозырку» на бутылке и налил в первую подвернувшуюся чашку. Торопливо выпил. Выдохнул с чувством: – Честное слово, Героя тому дать не жалко!..

Заулыбавшись, выпили и Шляхтин с Ольгой. Ольга, как большинство здешних женщин, не жеманилась, пила водку наравне с мужчинами. Отставив стакан,

принялась угощать пирогом со щукой. В головы приятно ударило. Заговорили о том, что рыбы нынче мало – река горит, замор, по осени была низкая вода. Урьё, в котором старший Ольгин сын ставит под лёд сети, почти сухое.

Осторожно жуя оставшимися зубами, Афанасьич сказал, что видел рядом с селом медвежьи следы. Кто-то поднял шатуна – по всему, городские охотники. Подняли из берлоги, а застрелить не смогли, теперь он бродит злой, задрать может. Витька Сухих понавезёт из города кого ни попадя, они и стреляют. Может, первый раз ружьё в руки взяли, а туда же – медвежья охота, как же, потом хвалиться можно!..

– Забыла сказать, – Ольга повернула к Шляхтину розовевшее лицо. – Сегодня Витька в администрацию приходил, о чём-то с Виталием Николаевичем долго разговаривали. Деловой такой, трезвый.

Приятная волна первого хмеля растекалась по телу, Шляхтин словоохотливо заметил:

– Не всё же время ему пить. Когда-то за свои дела отвечать надо. А то взрослый мужик, а ведёт себя, как безответственный пацан. Разве это нормально?..

– Думаешь, Виталий Николаевич выговаривал за Коковихиных?

– Должен, всё-таки глава администрации. – Олег вытащил изо рта щучью кость, положил на край тарелки. – Витька, конечно, вашему Сухих брат, но ведь на-творил дел. Эдик заявление участковому написал, следствие будет.

– Как он теперь?

– Поднимается потихоньку, по дому ходит. На костылях, конечно.

– Женщины в администрации говорят, Оксану не хотят выписывать из больницы. На сохранение вроде оставляют.

– Чего не знаю, того не знаю, Эдик не докладывал... А насчёт заявления я его поддерживаю. Если уважаешь себя, такие вещи прощать нельзя.

– Э, гнилой народ – участковый, суд, милиция!.. – Афанасьич потянулся за бутылкой. – Раньше как было? Ты,

допустим, меня обидел. Мало ли чего бывает, подрались или еще чего – жизнь! Я, обрати внимание, в милицию не иду, жду момента. Ага, ты охотиться собрался, хорошо. Я тоже собираюсь, патроны жаканом снаряжаю, но чтобы ни одна живая душа не знала, ни-ни!.. – Афанасьич разлил водку, с удовольствием выпил, на этот раз медленно, со вкусом. – Слушай дальше. Ты ушёл, я ружьё за спину – и за тобой. Ты стережешься, понимаешь, что я тебе не забыл. Можешь самострел на лыжне поставить, еще как-нито гадость приготовить. Я тоже воробей стреляный, держу уши топориком. Стараюсь тебя по тихому скрасть, а то наперёд зайти, в урмане подстеречь. А там уж как выйдет, кто первый другого заметит. Или я тебя, или ты меня. Тайга всё спрячет, особенно когда зима. И никакой милиции не надо. Мне на руку неожиданность играть, а у тебе – страх, тоже хреновое дело...

– Так всё, выходит, от случая зависит? – Шляхтин пристальным взглядом смотрел на Афанасьича. – А я считаю, надо, чтобы справедливо было. Кто прав, тот и должен наказать, а сам остаться живой.

Афанасьич развеселился, хлопнул себя ладонями по ляжкам:

– Держи карман шире – «справедливо»! Где ты её видел, справедливость? Кабы так, давно при коммунизме жили!.. Нахрап и удача – вот в жизни главное. Справедливость, скажет тоже...

– Скучно как-то рассуждаешь, Афанасьич, – натянуто улыбаясь, Шляхтин отвёл глаза, заиграл желваками.

– Скучно, однако жизненно... Так что, добьём бутылку? Олечка, ты меня потом на замок запири, а то эти шаромыги, мать их за ногу, стучаться будут.

Шляхтин прищурился. Чувствовалось, рассказ старика задел его.

– Боишься, не устоишь?

– Слаб человек, но сильны беси. – Афанасьич любил порой вернуть в разговор что-нибудь из книг, читать которые был большой любитель. Благо, зрение ещё позволяло, а времени у пенсионера много.

– А я считаю, во всём должна быть справедливость!..

– Шляхтин ударил по столу кулаком. – По-другому – скотство! Добиваться надо, чтобы всё честно было, а не «как выйдет»! – зло передразнил он хозяина. – Драться надо, зубами грызть!..

Ольга удивлённо посмотрела на него, успокаивающе заговорила, касаясь руки:

– Ты чего? Афанасьич-то при чём?.. Брось, Олег, не надо.

Шляхтин, опустив голову, скрипнул зубами. Какое-то время сидел молча. Пить больше не стал, понимая, что станет только хуже.

Было уже полночь, когда он пошёл провожать Ольгу. Делать это совсем не требовалось – Прилепино село спокойное, – но захотелось пройтись, подышать морозным воздухом. Ольга сбоку по-молодому обхватила его руку, прижалась грудью. На улицах было тихо, даже собаки не лаяли. На чёрном небе отчетливо проступал Млечный путь.

– Смотри, северное сияние!..

– Где?

– А вон! – Ольга показала за реку. – Зимой я его ни разу не видела, а в марте – пожалуйста! Каждый год так.

Это было не то северное сияние, о котором Шляхтин читал в книгах, – разноцветное переливающееся полотно, охватывающее полнеба. Здесь всё было намного скромнее. Белесые, не сразу различимые волны дрожали над горизонтом. Едва заметные, они стремительно уносились куда-то к зениту и пропадали. Несколько минут Шляхтин и Ольга стояли, глядя на север.

– Почему не хочешь жить у меня? – вдруг спросила женщина, поворачиваясь к Олегу. – Стесняешься, что я старше? У нас многие так живут, на возраст не смотрят.

Шляхтин медленно двинулся вдоль улицы. Ольга говорила правду. Прилепино село небольшое, выбора особого нет, и никого не удивляло, если муж был моложе жены, порой – намного.

– Чего молчишь? – Ольга догнала его.

– Тесно у тебя, – сказал Олег. – И дети взрослые, неудобно.

– А когда Афанасьич всё слышит – удобно?

– Ну, если тебе не нравится...

– Нравится! – заторопилась женщина. – Нравится!.. Но как-то на ходу всё. Будто в столовке обедаешь.

Шляхтин пожал плечами:

– Нормально.

– Ты мне мозги не пудри! – разозлилась Ольга. – Нормально... По-собачьи! Не хочешь, чтобы у нас серьёзно было?

Олег посмотрел на неё.

– Давишь?

– Сразу и давишь... – сбавила тон женщина.

Какое-то время шли молча

– Я тебе всё расскажу, – сказал Шляхтин. Хмель прошёл, и жизнь сейчас казалась пустой и никчемной. Олег с тоской огляделся по сторонам. – Когда-нибудь расскажу. Потом.

Ольга смотрела на него, не зная, как реагировать. Похоже было, это не просто мужская отговорка. Она вздохнула, второй раз за вечер сказала:

– Трудно с молодыми.

Олег усмехнулся:

– А кому легко? Знаешь таких?..

6

И всё-таки он не выдержал, сорвался. Случилось это позже, когда уже миновали Казань с её хорошо просматривающимся из вагона кремлём, когда на неприметной станции сошла та молодая женщина с дочерью Асей. «Дядя, до свиданья!..» – радостно закричала в открытую дверь купе девчонка. Мать с большой сумкой в руках, которую она в узком вагонном проходе подталкивала впереди себя бедром, сурово одёрнула: «Не останавливайся!» и прошла к тамбурной площадке, даже не взглянув в его сторону.

Он почти не заметил их. Ночью спал плохо, хотя любил, чтобы стучали колёса, чтобы переговаривались в тишине сонных станций рабочие с молотками на длин-

ных ручках, любил торопливый звон пронсящих за окном поездов. В обычное время было во всём этом уютное, милое, из детства, когда с мамой и её мужьями ездили из Куйбышева к деду Казимиру в гости. Сейчас по кругу опять и опять шло то, о чём старался не думать днём. Огромная толпа на перекрёстке Калининского проспекта и Садового кольца, угрожающе орёт в мегафон милицейский чин в каске и куцей шинели, издевательские слова Родимцева рядом: «Зря боится, эти не полезут, эти на шоу пришли посмотреть!..»

Он ворочался, стонала вместе с тонкой перегородкой вагонная полка, мял подушку, стараясь устроить удобней. Несколько раз поднимался и выходил курить в тамбур, остро чувствуя тоску и одиночество в куда-то несущемся в темноте гроыхающем вагоне, возвращался в купе обратно. Стоило лечь – внизу справа огромная раскрытая книга бывшего СЭВ, здание Верховного Совета не разглядеть, но остро осязаемы идущие оттуда тревожные токи. «Мы с лекций сорвались, чего там ловить...», «Прикинь, мент на эсэсовца похож...», «Отвечаю, Ельцин надерёт жопу чечену, у него всё схвачено...», «Пиво где брали? Чё так дорого?..», «Короче, одни козлы на других попёрли...», «Какой на фиг колхоз, сейчас не посылают!..» – реплики ребят студенческого вида с откупоренными бутылками пива в руках. Это уже на высоком крыльце кинотеатра «Октябрь», откуда лучше видно. Лица у ребят молодые, свежие, радостные. Рядом парни постарше, мужики. Эти больше молчат. Сдержанные разговоры о снайперах, засевших на крышах и верхних этажах. Зачем всё это Ельцину надо, у него полномочий больше, чем у американского президента. С парламентом работают, а не берут в осаду. Клинтон, например, договаривается, Буш тоже договаривался. «Здесь не пройти, – зло цедит Родимцев и, пригнув голову, по-волчьи озирается. – Айда к метро, к Краснопресненской. Там с тыла попробуем!..». Вид у него непреклонный, узкие губы сжаты, побелели. Женька! Они ещё не понимают, во что ввязались, примчавшись из своего Чифилёвска. Время слов, упрё-

ков и обвинений закончилось. Всё начиналось всерьёз, беспощадно. Где теперь твоя душа, Родимцев?..

Не выдержал он потом, за Свердловском и Тюменью, а в тот день ещё держал себя в руках. Ближе к обеду в купе появился странный человек в чёрной одежде. Он не выспался, всё было тускло, неинтересно, но этот молчаливый непонятный мужчина заставил исподволь присматриваться к себе. Действительно, странный. Отвечал на вопросы, если спрашивали, но сам первым не заговаривал. Немолодой, однако с длинными волосами, перехваченными на затылке резинкой. Аккуратная борода с пробивающейся сединой. Переодетый фээсбэшник?.. Не такая он большая птица, чтобы подсылать агентов. Для таких, как он, достаточно омовца с дубинкой или снайпера (Родимцев!), неизвестно откуда посылающего смерть.

Некоторая отчуждённость, соблюдение границы между собой и другими заставляли думать, что это священник. Но не обычный – почему-то было ясно сразу. Раввин?.. Тогда где знакомые по анекдотам пейсы? Опять же свиной окорок, который этот человек с удовольствием ел, разложив снедь на откидном столике, пища явно не кошерная. Старообрядец?.. К таким мыслям подталкивали книги, неторопливый Мельников-Печерский, Заволжье – в армии читал. Наверно, до сих пор сохранились эти люди. Немногие из всего народа, кого власть не подмяла, как ни старалась, как ни ставила раком.

– Вы старообрядец? – напрямую спросил он, увидев, как попутчик после еды перекрестился двумя пальцами.

Тот спокойно, не удивившись бесцеремонности, ответил:

– Да, мы старой веры, истинного благочиния. – И принялся аккуратно убирать еду в целлофановые пакеты, а свиной окорок тщательно завернул в фольгу.

Он истосковался по серьёзным, выходящим за пределы обыденности разговорам, и потому сказал:

– Любая религия это идеология. А идеология становится силой, когда у неё много сторонников... – И замолчал, ожидая реакции.

Попутчик сидел молча, никак не выражая своего отношения к сказанному.

– А какие могут быть сторонники, если служба идёт на непонятном языке? – продолжал он, привычно заводясь. – В Европе давно уже служат не на латыни, а на языках своих стран. У вас тоже на древнеславянском, как в официальной церкви?

– С Богом надо говорить на его языке, – не сразу ответил старообрядец. – Мирской язык, где ложь и сквернословие, не должен касаться Божьего слуха.

– А как же понять, что сказано в молитве или, например, в проповеди, если не знаешь древнеславянского?

Старообрядец посмотрел ясным взглядом.

– Я тоже не понимал, когда ребёнком был. А всё равно родители в молельный дом водили. Потом как-то сразу понимать стал, суть Божьего слова мне открылась.

– Количество перешло в качество, – хмыкнул он, а сам подумал: издевается. Однако сдержался. Этот человек был достоин уважения за одну только стойкость. По-настоящему, она была разве что у ранних христиан да революционеров. Собственно, первые христиане и были революционерами.

Хотелось продолжать разговор, отвлечься от больного, саднящего. И он спросил о том, во что не верил, но о чём на исходе тысячелетия много говорили, в том числе в газетах и по телевидению – о предсказанном Библией конце света. Ему была ясна подоплёка подогреваемого СМИ интереса (отвлекают, сволочи продажные, внимание от происходящего в стране скотства!), но хотелось поговорить с незаурядным человеком, хотя бы на время избавиться от бессильных убивающих мыслей.

– Не надо бояться конца света. Он не такой, как понимает человек слабым умом своим. Спаситель сказал, конец света придёт незаметно, как незаметно приходит весна.

– Весна!.. Весна – хорошее. А конец света это конец всему, жизни – разве хорошо? – Он с досадой чувствовал, что слова звучат легковесно, глуповато и злился на себя.

Старообрядец не стал ничего говорить, опустил глаза, губы его едва приметно зашевелились – надо по-

лагать, молился. В Свердловске его встретили, в вагон вошёл крепкий молодой мужчина, почтительно поцеловал старообрядцу руку. «В здравии ли добрались, наставник?.. Машина ждёт вас». Легко подхватил багаж, двинулся следом за священником.

Конечно, не стоило идеализировать, наверняка и среди старообрядцев всякого дерьма хватает – человеческую природу не переделать. Но он всё равно проводил попутчика и встретившего его мужчину завистливым взглядом. Крепкие люди, сохранили веру в себя, в свою правоту, если столько времени не сдаются.

Жаль, жаль, мало таких!

7

У калитки Коковихинных Шляхтин столкнулся с главой сельской администрации Виталием Николаевичем. Судя по всему, старший из братьев Сухих только что побывал у Эдика. Плотный мужчина лет сорока протянул Олегу руку, широко заулыбался:

– Проведать бывшего сослуживца?.. Это дело, это правильно, друзей забывать нельзя. Вас как по отчеству?

– Не заслужил по отчеству.

– Не скажите. На работе о вас хорошие отзывы, и вообще. Вы бы зашли как-нибудь, есть что для газеты рассказать о работе администрации. А то ведь как? Люди только претензии привыкли предъявлять, никак после перестройки остановиться не могут. А хорошего не замечают.

– Можно зайти, – сказал Шляхтин. Он не мог привыкнуть к вниманию, с которым к нему относились в Прилепино как внештатному корреспонденту. – Было бы только о чём писать.

– Об этом не беспокойтесь. Не один же негатив кругом, хорошего тоже хватает.

Олег легко, с необязательным видом кивнул. Ступивший несколько шагов от калитки Виталий Николаевич вдруг обернулся:

– Пребывание продлили? Вы ведь у нас не прописаны?

В смысле, регистрацию по месту жительства не прошли?.. Продлите, наш участковый за этим внимательно следит. Зачем вам неприятности?.. – И Виталий Николаевич опять широко, доброжелательно улыбнулся.

Эдик сидел перед телевизором. Он неловко, стараясь не потревожить ноги, повернулся на чмокнувший звук утеплённой, оббитой дорнитом двери. Рядом стояли его костыли.

– Непрост, смотрю, ваш глава! С подходом, – сказал, снимая куртку, Шляхтин. – Прописка, то да сё. Намекает, что завишу от него... Ты как?

– Вроде нормально... А чего ты хочешь, он лет десять рыбоучастком командовал. А мужики там такие, без подхода нельзя – пошлют... Чего стоишь, проходи.

Шляхтин снял недавно купленные унты, с удовольствием пошевелил пальцами.

– Жаркие... Правда, что Виталий Николаевич сам себя на главу выдвигал? – Приглаживая ладонями волосы, он ступил на Оксанино произведение, широкий, в полкомнаты, половик, сплетённый из разноцветных лоскутов. – Без комплексов, видно, мужик!..

– Ну. Говорит, вы на моё прошлое внимания не обращайте. Любая власть нуждается в руководителях, что советская, что новая. Лучше буду я, свой, чем пришлют кого-то... Родня, понятно, поддержала – Сухих полсела.

– Вот и посадили их себе на шею.

Эдик помолчал, поправил костыли. Чувствовалось, что-то не даёт ему покоя.

– Он ещё ничего, самый толковый среди них. Говорят, даже по молодости в драки не лез, как другие братьевья... Чай будешь?

– Сиди. Чего он заходил?

Эдик взглянул чуть ли не виновато:

– Говорит, летом будут ремонтировать наш дом. Вроде как очередь подошла... Оксанка сколько раз ходила в администрацию, всё отказ. А тут... Чего вдруг?

Шляхтин усмехнулся:

– Началось. Альбина угрожает, этот умнее... Ты случайно заявление у участкового не забрал?

– Да ты что! Я Витьке не прощу.

– Правильно.

По телевизору выступал Ельцин. Представительный, с тщательно уложенными седыми волосами, в длиннополом кашемировом пальто, он стоял среди толпы, внушительно говорил, по обыкновению аффектированно, почти карикатурно напрягая губы. Маленькие заплывшие глазки казались злыми. Его окружали такие же, как он, рослые охранники с неподвижными лицами и быстрым взглядом. Рядом стояли какие-то простоватые тётки, ловили каждое слово Ельцина, благостно улыбались.

– Не могу смотреть, выключи!.. «Шта», «памашь», – передёрнуло Шляхтина. – Убийца!..

Он сделал несколько шагов по разноцветному полову. Пол под ногами ощутимо покачивался.

– Играет, – сказал Шляхтин после паузы. Ему было неловко за свою вспышку. – Отвык, сколько уже у вас не живу...

– А чего ты хочешь, – с готовностью подхватил Эдик, откладывая в сторону пульт. Он тоже рад был перевести разговор на другое. – Лаги прогнили, я хотел сам сменить, но тогда надо срывать полы. Возни до хрена. Домик-то не мой, сельсоветовский, пусть они и ремонтируют.

Олег взял со стола альбом в бархатной обложке.

– Дембельский?

– Ну. Телевизор надоел. Девчонки в школе, делать нечего – листаю...

На первой странице альбома значилось ровное, через графаретку выведенное: Клатови 1984 – 1985. Дальше фотография Коковихина во внутреннем наряде. Стоит, как полагается дневальному, у тумбочки со штыком от АКМ на поясе. Сразу видно, «дух» – хэбэ не обмято, глаза испуганно уставились в объектив... А вот ребята дурят, надели костюмы химзащиты, избражают пьяную драку. Наверно, кто-то из земляков был дежурным по роте, открыл в отсутствие старшины оружейку и выдал костюмы. Сам прапор Малетин ни-

когда не разрешил бы... Спортзал, он, Шляхтин, в гимнастёрке распояской показывает удар пяткой, Эдька внимательно смотрит. Лицо преданное, бесхитрое. Когда сделана фотография, понять трудно... Новый год, ёлка в Ленкомнате, Эдька играет на баяне. Блестят за спиной игрушки и серебрится канитель, Коковихин смотрит открыто, радостно – такого бы брата...

Эдька обратил на себя внимание Шляхтина странным поступком. Вместе с парнями своего призыва он тогда только-только попал во взвод. И сделал то, чего от «духа» никто не ожидал. Находясь в кухонном наряде, забрался вечером в хлеборезку, набрал сахара, масла, белого хлеба и всё это принёс в казарму. Он не стал отпираться, когда его уличили в воровстве. Оказалось, даже хотел, чтобы это произошло. Свой поступок Коковихин объяснил так: на хлеборезке плохой замок, в неё многие лазят, воруют масло и сахар. Он хочет, чтобы прапорщик, заведующий солдатской столовой, поставил настоящий замок. Он ему как-то сказал об этом, но прапорщик стал ругаться, скомандовал: «Кругом марш, засранец! Не твоё дело». Так что иначе было никак. А ещё лучше, если дело дойдёт до командира части.

Шляхтин не знал, доложили полковнику о случившемся или нет, но замок на хлеборезке действительно вскоре висел другой. Эдьку тем не менее наказали. «Значит, решил пожертвовать собой ради общего блага?» – подколол Шляхтин. Ему, замкомвзвода, старшина приказал отвести Коковихина на «губу». Он с интересом посматривал на необычного парня. «Так воровали же, товарищ старший сержант! – словно удивляясь непонятливости, сказал «дух». – Кто-то должен набраться смелости!..»

А вот ребята сидят в курилке вокруг вкопанной в землю металлической бочки, щурятся то ли от сигаретного дыма, то ли от солнца... А эта фотка у него есть. Они в увольнении, памятник какого-то чешского короля на коне, на его фоне – он, Власта и Коковихин. Рядом с Коковихиным была подруга Власты, но здесь она отрезана – наверно, работа ревнивой Оксаны.

Шляхтин всматривается в милое Властино лицо, на

минуту задерживает дыхание. Может, дурак, что прятался, не хотел, чтобы Власта приехала в Чифилёвск, видела их жизнь?.. Любовь у них была настоящая, ничего похожего к другим женщинам Олег не испытывал. Сейчас-то наверняка Власта замужем, дети, муж, который не стесняется, что сантехник или станочник на заводе. Как не стеснялся своей работы Властин отец, продавец рыбного отдела в местном гастрономе. Отутюженный белый халат, очки в золочёной оправе, сачок в крепких руках – Власта его как-то Олегу показала. Внимательный взгляд, готовность дружелюбно подсказать и выполнить пожелание покупателя. Профессор. На Черномырдина похож. Почему у нас не так?..

– Я первое время по армии скучал, – сказал Эдик.

– Не рад был, что к Оксанке вернулся?..

Коковихин был единственным во взводе женатиком, Оксана окрутила его ещё до армии. Ребята постоянно Эдьку по этому поводу подкалывали.

– Да нет, рад. Но всё равно... А это, когда тебя уже в Союз перевели. Я в госпитале лежал с аппендицитом.

– Насыщенная у тебя жизнь была в моё отсутствие, товарищ лейтенант! – Олег усмехался, рассматривая фотографию Эдика в свободной байковой куртке и таких же штанах.

– Ага, лейтенант! Так рядовым и уехал на дембель.

Тоже по-дурацки вышло. Не дали бдительные особы дослужить со своими парнями. И от Власты оторвали. Ему тогда стукнула идея присваивать звания. Этаким теневой кабинет лейбористской партии, общество вольных каменщиков. Командиру их роты он присвоил звание полковника и назначил командовать частью. Прапорщика Малетина разжаловал в ефрейторы. Некоторых офицеров роты повышал в звании, некоторых понижал – в зависимости от того, кто чего, по его мнению, стоил.

Конечно, офицеры об этом не знали. Знали ребята, которым Олег тоже раздавал звания. Поначалу было забавно наблюдать, когда один рядовой распекал другого: «Как стоите! Почему не приветствуете старшего по званию?! Кругом! Строевым шагом!..» Вскоре Олег понял, ребята

не догадываются, для чего он это всё придумал. Для них вроде как игра и возможность показать власть. А он хотел другого – чтобы каждому по заслугам, чтобы было справедливо и честно. В конце концов кто-то стукнул, всё стало известно первому отделу. Особисты решили, что в части готовится переворот, а рядом НАТО. Стали копать. Ничего серьёзного не накопили, но на всякий случай Шляхина и ещё нескольких ребят, его «заместителей», из Чехословакии перевели дослуживать в Союз.

Сейчас-то Олег понимал, что повезло. Во времена службы деда Казимира вольные каменщики клатовского разлива получили бы сроки. Это в лучшем случае. Подпольная организация в воинской части – можно и так было их игру рассматривать.

– Знаешь, мне этот Виталий Николаевич... – заговорил Эдик. – Беспокойно как-то. То слышать не хотел о ремонте, а сейчас...

– Всё нормально. Он купить тебя хочет, ты это должен понимать.

– Я понимаю.

– Ну и не поддавайся.

– Так мы с Оксанкой... – Эдик не договорил.

Снова чмокнула обитая дорнитом дверь. Шляхтин и Эдик повернули головы. На пороге, не двигаясь, стояла Галина.

– Только что в больницу звонила... – Эдикова сестра замолчала. – У Оксаны выкидыш.

8

Многое в Прилепино до сих пор было Шляхтину непривычно. Например, «вахта». Так здесь называли КамАЗ с оранжевого цвета утеплённой будкой – он выполнял роль автобуса.

Забираться в него нужно было по лесенке – пожилым, особенно женщинам, это было тяжело, сзади их обычно подсаживали. Зато внутри «вахты» было тепло при любой температуре на улице – из-под переднего сиденья шёл мощный поток горячего воздуха. Правда,

тепло становилось не сразу, первые километры зимника дизель только нагревался. Но потом пассажиры оба часа езды до города изнывали от жары, некоторые даже снимали верхнюю одежду.

Шляхтин сразу сел подалее от печки. На задних сиденьях трясло, холод промёрзшего за ночь дерматина проникал сквозь брюки и бельё, но лучше уж это, чем жара. Время от времени открывалась дверца, снизу за поручень хваталась рука, затем показывалась голова, а потом и целиком вырастал новый пассажир. Поднявшиеся в будку здоровались редко – здесь, как Олег заметил, здороваться не было особенно принято.

Ещё нет и семи, а уже светло. С конца января день стал на глазах прибывать – и намного быстрее, чем в Чифилёвске. Там в это время Шляхтин добирался до своего «почтового ящика» в темноте, а здесь, пожалуйста, уже отчетливо видны труба котельной, ближний от дороги дом с окнами, затянутыми целлофаном, чтобы не дуло, лайки, провожавшие уезжающих хозяев. Оттого, что вокруг светло и заря широко раскинулась на востоке, даже дремать, как обычно утром в «вахте», не хотелось.

В очередной раз распахнулась дверца, и с улицы закинули тяжёлый мешок. Судя по всему, со щукой – мороженая рыба постукивала в мешке, как поленья. Потом показался Витька Сухих, чисто выбритый, в новом пуховике.

– Все из города везут, а ты в город, – пошутил кто-то не выпавшимся сиплым голосом.

– Так чё мне на других смотреть... – Трезвый Витька хмуро огляделся, прикидывая, где пристроить мешок, чтобы за дорогу щука не оттаяла и не потекла.

– На продажу?

– Ну.

– А то в деревне покупателей нет. Я бы у тебя взяла.

– Есть покупатели, да не те.

– Смотрите на него, разборчивый какой!..

Перед самым отправлением в «вахту» поднялся участковый.

– Здравствуйте, – вежливо поздоровался он.

Это был где-то его, Шляхтина, возраста молодой

мужчина с аккуратно постриженными усами и с армейской планшеткой в руке. Участковому ответил одинокий женский голос. Милицию в Прилепино не жаловали. Олег тоже нежности к этой структуре не испытывал, но подумал, что так относиться к человеку только из-за формы нельзя. Мужик, похоже, неплохой. Он хотя и заставил Эдика переписать заявление так, как у них полагается, но всё же принял. Похоже, в душе даже посочувствовал.

– Идите сюда. – Шляхтин поднял руку, привлекая внимание участкового. – Есть место.

Тот, секунду поколебавшись, ответил:

– Там трясёт. – И опустил на сиденье в передней части салона. Как раз посередине между ним и Витькой Сухих.

«Может, он прав, – подумалось Олегу. – Чтобы не упрекнули в необъективности. Здесь всё замечают».

В «вахту», живо поглядывая по сторонам, поднялся Геннадий. Подражая голосом Ельцину, заговорил:

– Россияне! Прошу обратить внимание на объявление!.. – И ткнул пальцем в красочную наклейку в торце салона. – Для слабовидящих и близоруких зачитываю. Землю – крестьянам, фабрики – рабочим, деньги – водителю! Так что, россияне, обелечиваемся!..

В вахте заулыбались, принялись разглядывать недавно появившуюся наклейку с профилем Ленина и процитированными Геннадием словами. Женщина, которая была готова купить у Витьки Сухих шуку, неопределённо хмыкнула:

– Ничего народ не боится...

С работников жилищно-коммунального отдела, к которым относился и сам, Геннадий денег за проезд не брал. Но к Шляхтину всё-таки подошёл. Наклонившись, зашептал:

– Думал, мент сядет в кабину, спросил бы, как с заявлением. А бабка Болдырева первая впёрлась, не гнать же... – И Геннадий быстрым движением поправил шапку, то и дело сползающую с лысой головы.

Участковый наезжал в село нечасто. За ним было за-

креплено ещё несколько вахтовых посёлков неподалёку от нефтяных месторождений. Так что приходилось ловить момент. Шляхтин сказал:

– Я сам спрошу.

Сразу за последними домами начинался чёрный еловый лес. Давно не было ветра, и лапы опустились под тяжестью снега, делая высокие ели узкими, похожими на острые пики. Довольно часто лес отступал, тогда по обеим сторонам распахивалось заснеженное пространство с редкими худосочными деревцами – болота, догадывался Шляхтин. По ним только зимой и можно было ездить, когда болота промерзали. Олег слышал, летом и ранней осенью до города долго и нудно нужно добираться на катере по петляющей реке. Сам он прилетел на вертолете – другой возможности попасть в Прилепино в октябре не было. Заглушая в себе беспокойство – как-то встретит Эдька, ведь явится незванным, даже не предупредил, – Олег с удивлением смотрел сверху на непривычно ранний снег, на деревья, росшие прерывистыми дугами, напоминавшими части огромных концентрических кругов, расходившихся из неизвестного центра. Тогда ещё подумалось: может, в здешних краях тоже что-то вроде Тунгусского метеорита упало?.. А что, ведь Сибирь.

Порой зимник петлял по горельникам. Жутковато тянулись вверх чёрные стволы без ветвей. «Сколько сухих дров пропадает!», – подумалось Шляхтину. У них с Афанасьичем намечался топливный кризис – запасённые с осени дрова не были рассчитаны на две печки.

– Добрый день. – Шляхтин решительно подсел к участковому. Место рядом с ним никто так и не занял.

Участковый, повернув голову, кивнул. По лицу было видно, что он знает, о чём сейчас заговорит Шляхтин, и готов ответить на любой вопрос, входящий в его компетенцию.

– Как там с заявлением Коковихина?

– Работа практически завершена. С подозреваемого Сухих сняты все необходимые показания.

Олег хмыкнул:

– Подозреваемый...

– Таков порядок. Пока суд не установит его вину, он подозреваемый.

– И где сейчас заявление?

– Все материалы переданы в отдел внутренних дел.

– Дальше суд?

– Да. Если начальство решит, что всё сделано, как надо.

Боковым зрением Шляхтин отметил, что Витька на своём сиденье подобрался, стараясь за шумом мотора разобрать, о чём они говорят. Участковый, казалось, не обращал на Витькину заинтересованность внимания.

– Есть ещё вопросы?

– В общем, нет. – Олег уже приподнялся, чтобы вернуться на место, но неожиданно для себя спросил: – Вы в армии в каком звании были?

Участковый удивлённо вскинул глаза.

– Капитан. А почему вы решили, что я из армии?

Шляхтин пожал плечами.

– Газеты пишут, сейчас многие из армии увольняются. Не хотят против собственного народа воевать. Как возле Белого дома.

Участковый отвёл взгляд, ничего не ответил.

В город Олег ехал по делу. Нужно было закупить для ЖКО разной мелочёвки по электрической части – розеток, патронов, предохранителей. Запас провода для внутренней проводки тоже подходил к концу.

Высадив на автостанции пассажиров, они с Геннадием принялись колесить по выросшему на нефтяных дрожжах городу. Он наполовину был ещё барачным, деревянным, но центр уже заполняли высокие белые многоэтажки. Под стать были и улицы – широкие, как проспекты где-нибудь в Москве или Питере. То ли всё здесь шло ещё по инерции, то ли корёжащие страну реформы миновали здешние места, но строился город с размахом. Это вызывало смешанное чувство уважения и неприязни.

– Что ты скажешь! – сокрушался Геннадий, когда в очередной раз оказывалось, что нужного магазина на прежнем месте нет. – Отличные «Электротовары»

были, перед новым годом микроволновку с Галиной покупали. Куда что девается!..

Видно было, ему перед Шляхтиным неудобно – старожил здешних мест, а города, получалось, толком не знает. Перебравшийся в кабину Олег поглядывал на его сосредоточенный профиль. После спокойного Прилепино Эдькин зять, похоже, чувствовал себя на городских улицах неуютно. Подавшись вперёд, он обеими руками держался за баранку.

– Торговля, смотрю, у вас нормально живёт, – попробовал ободрить его Олег. – Расширяется, раз на новые места переезжает.

Геннадий будто не слышал.

– Обидно, я ж город сам строил, срок в колонии рядом тянул!.. – Он не отрывал взгляда от дороги. – Всё время чё-то меняется, чё-то по-другому. Привыкать не успеваешь.

– У вас хорошо. Не то, что на большой земле.

– Ну! Бабки у народа имеются. На большухе, говорят, нищета...

Наконец, купили всё, что было нужно. Заехали в больницу. Оксана спустилась в вестибюль бледная, с кругами под глазами. Однако голос у неё был бодрый:

– Как там мои девки? Эдька ещё на костылях? – Она плотнее запахнулась в махровый халат, достающий ей почти до пят.

– Не бери в голову, всё нормально. Эдька скоро плясать будет. – Геннадий преувеличенно бодро улыбался.

– Скажи, пусть позвонит. Совсем про жену забыл, плясун... Галя винегрет передала? Я просила.

– Держи. Вот ещё апельсинов купили... Когда домой отпустить обещают?

– А кто их знает! Боятся осложнений.

Все трое чувствовали себя скованно. Если бы здесь была Геннадиева Галина, было бы по-другому. Не станешь же говорить с Оксаной о её несчастье – выкидываешь. Есть грань, о чём можно мужикам с женщиной говорить, о чём нет. Так что попрощались с Оксаной они довольно быстро, почти с облегчением.

Возвращаться в село «вахте» предстояло в пять ча-

сов, и Шляхтин, пока ещё было время, попросил подбросить к редакции. Она находилась на окраине города, как говорили здесь, в промзоне. Олег в редакции уже несколько раз бывал и кое с кем успел познакомиться.

Ничем не примечательную дверь он открыл, немного волнуясь. Ему казалось, что на всём в редакции была особая печать. Комнаты как комнаты, вытертый линолеум, довольно обшарпанные столы. Внешне заурядные люди курили на лестничной площадке, ходили по коридорам, перекидываясь малозначащими словами – всё, как в какой-нибудь конторе жека. Но то, что в редакции думали и писали, расходилось в тысячах экземпляров, получало самостоятельную жизнь. Быть может, более реальную и важную, чем та, что существовала на самом деле.

– Заходи. – Виктор Дарьин, заместитель главного редактора, выключил диктофон. Он поднялся навстречу и протянул руку. – Как Прилепино поживает? Привёз что-нибудь?.. Привози и присылай, материалов из района не хватает.

На самом Дарьине лежала как бы двойная печать. Он был не только известным в здешних краях журналистом, но и депутатом расстрелянного Верховного Совета. Газета довольно часто печатала его материалы о том, как всё происходило. Первое, что Олег делал, раскрывая районку, это искал статьи Дарьина.

– Ты только послушай, – саркастически улыбаясь, Дарьин включил диктофон и отошёл к окну. – Как люди чувствуют конъюнктуру, позавидуешь!..

Мужской голос раздумчиво говорил о том, что баррикады – плохое место для творца. Портится зрение. Ты уже видишь мишень, а не человека с его божественной, непонятной и загадочной сущностью. Наше общество ещё очень плохо, ещё очень медленно встраивается в глобальную интеллектуальную систему. Мир давно уже мыслит в других категориях, нет безоговорочно правых и безоговорочно неправых. Петр Великий был жесток, сотни тысяч людей погибли, возводя Петербург. Но ведь остались великолепные образцы архитектуры,

непреходящие шедевры. Это лучший памятник строителям Петербурга, запечатлённый в камне след их жизни, которая сама по себе могла мало что значить.

– Кто это? – тихо спросил Шляхтин.

Дарьин, не останавливая записи, вполголоса назвал имя известного художника, тоже недавнего депутата Верховного Совета.

– Привозил в город свою выставку, горсовет оплачивал. Чёс по городам и весям, на особняк в Швейцарии зарабатывает... Ты дальше, дальше слушай! Сейчас самое интересное.

Известный художник говорил об ошибочности расхожих стереотипов. Кто Савва Морозов или его тёзка Савва Мамонтов? Коммунисты их считали фабрикантами, эксплуататорами. А сколько полезного оба сделали для русской культуры! Или тот же купец Третьяков. Мир сложен, всё в нём переплетено и взаимосвязано. Старая система представлений рушится и крошится, новая ещё не родилась, есть какие-то догадки, предположения, но в действительности будущая реальность не только дальше нашего знания, но и дальше нашего воображения...

Известному художнику недавно рассказали потрясшую его до глубины души историю. Ребята, школьники отправились в экспедицию по местам боёв – кажется, в Брянской области. Это было ещё при коммунистах. Нашли не захороненные останки. Похоронили их, как полагается, с почестями. Потом оказалось, что это были немецкие солдаты. Так что бы вы думали? Отряд разогнали, директора школы исключили из партии. Дикость? Однозначно. Жизнь человека самоценна, немец ли это, русский, казах или англичанин. Человек погиб, прекратила существовать целая вселенная...

– Ну и так дальше, – Дарьин выключил диктофон. – Хорошо, правда? Общечеловеческие ценности! Болтая о них, Союз развалили. Сейчас за Россию взялись... Я ему отвечу! Жаль, не успеет прочесть, уедет.

Олег решил не сразу:

– Кое-что он правильно говорит.

– Что именно? – живо повернулся Дарьин.

– Дико живем. С человеком у нас никогда не считались и не уважали. Ни при царе, ни при коммунистах, ни сейчас. Это нормально, что через столько лет не все солдаты похоронены?..

Дарьин терпеливо улыбнулся:

– Приманка, неужели не понимаешь! Сама по себе правда – приманка. О ней начинают говорить, когда выгодно. Горбачёв на этом перестройку повернул!.. А насчёт Мамонтова и Морозова, так прибавочную стоимость никто не отменял. Чтобы они могли меценатствовать, дети фабричных рабочих недоедали. О фашистах не говорю – их никто на нашу землю не звал. Для меня не всё равно, кого с почестями хоронят!..

Наверно, это было правдой – то, что говорил Дарьин. Но Шляхтина в интервью больше задело другое. Слишком легко именитый художник отдавал человеческие жизни за красоты Петербурга. Если уж говорить об этом городе, то Олег считает, что и блокада, которую так героизировали в советское время, того не стоила. Позволь жителям покинуть осажденный город, таких жертв не было бы. Свои не выпускали из Ленинграда, свои, сейчас из этого уже не делают тайны!.. А главное, что и красоты архитектуры не вечны. Так стоят ли они человеческих жизней? Получается, шило на мыло, даже если жизнь людей сама по себе бессмысленна.

Но сказать всё это Дарьину Олег не успел. Тот взглянул на часы.

– Извини, старик, надо идти. – В его лице появилось нечто официально-отстраненное. – Сейчас планерка, главный редактор будет цэу давать... Ты что-нибудь привёз? Дебошир, о котором по телефону говорил?.. Давай. Вообще-то больше упор делай на социальные проблемы, на отношение народа к режиму. А кто из деревенских хороший, кто плохой... Нужно, конечно, но не это главное.

– Это кто? – спросил Олег, когда они впервые приехали из Куйбышева к деду Казимиру в гости. И показал пальцем на портрет усатого военного со звездой Героя Советского Союза и большой красивой звездой на золотых погонах. По случаю приезда вся семья сидела за празднично накрытым столом, взрослые уже были навеселе.

– Неужели не знаешь? – громко удивилась мама прежде, чем Олегу ответили, и округлила глаза. Здесь, у дедушки в гостях, она вела себя преувеличенно оживлённо. – Мы же с тобой в книжке читали! Мальчик, а память прямо-таки девичья. Ну-ка, вспоминай, сладкий мой!.. – И мама подалась к Олегу, прижала к себе его голову.

Олег знал эту мамину привычку при посторонних преувеличенно удивляться, быть ласковой до приторности и громко смеяться. В такие минуты она была ему неприятна. Он отодвинулся.

– Девушка с характером, – то ли упрекнула, то ли одобрила тётя Ванда, жена дедушки Казимира, рыхлая, с мучнистым бледным лицом.

– Я не девушка. – Олег посмотрел на неё исподлобья. Все засмеялись.

– Ребёнок, не знает!.. Олечка, это фильм так назывался, старый, ещё довоенный.

– Замолчали! – громко перебил всех дедушка Казимир. – Молчим!.. Вопрос задан и требует ответа. – Дедушка поднял глаза на портрет и выдержал паузу. – Это, Олег, великий человек, генералиссимус Иосиф Виссарионович Сталин. Под его руководством мы победили фашистов. И я горжусь, что носил имя сталинского сокола, как бы ни смеялись над ним прихвостни Никитки Хрущёва и Лёньки Брежнева!.. – Дедушка неожиданно ударил по столу кулаком. Рюмки на столе подпрыгнули и опрокинулись.

– Казимеж, по цо то робиш? – сказала тётя Ванда и быстро взглянула на гостей. Ей было неловко.

– Брось своё пше-пше! Я не поляк, я советский человек!.. Никитка с Лёнькой Сталину в подмётки не

годятся, а в грязь втоптали, ублюдки. Кем они были? Мелкота! Хозяин сказал бы говно жрать – жрали бы и спасибо говорили. Кто их поднял, кто возвысил? Быдло неблагодарное!..

Дядя Кирилл, новый мамин муж, достал сигареты и молча вышел на крыльцо. За ним, встревоженно оглядываясь на дедушку Казимира, вышла мама. Шмыгнул следом и Олег, испуганный случившимся.

– Крутой у тебя старик, – сказал дядя Кирилл, закуривая и сплёвывая попавшую на язык табачную крошку.

– Сталин – его большой мозоль, имей в виду.

Дядя Кирилл пренебрежительно повёл плечом.

– Мне что с ним, детей крестить?.. Хоть сейчас могу уехать.

– Он хороший, увидишь. Просто выпил.

– Сталинский сокол... Конгуженный?

– Да нет же, говорю. Характер такой.

Мама и дядя Кирилл замолчали. Через неплотную прикрытую дверь слышалась непонятная речь, Олег различал только «пся крев» – эти слова он иногда слышал от мамы, когда та на кого-нибудь очень сердилась.

– Ты тоже по-польски говоришь? – Дядя Кирилл с интересом взглянул на маму.

– Так, отдельные слова. Родители развелись, когда я ещё в школу не ходила. Как Олежка сейчас... И отец почти не говорит, это Ванда его с толку сбивает.

Минут через пять на крыльце появился дедушка Казимир. Ничуть не смущаясь, громким голосом заговорил:

– А чего это вы сюда удрали? Ну, погорячился я малость, так не на вас же. За стол, живо! Ванда беспокоится, её фирменный бигус остынет. Если на мой вкус, так он даже лучше, когда холодный. Ну, вперёд и с песней!..

Приезжали из Куйбышева к дедушке они почти каждый год. Как позже понял Олег, мама считала необходимым показывать деду каждого своего нового мужа. Она, видимо, хотела услышать, что ей ждать от этого брака. Мама была пышнотелой блондинкой, работала в ресторане, и как-то так получалось, что часто выходила замуж. Во время каждого приезда дедушка

ругался на неё, обзывал нехорошими словами. Мама плакала, но выходить замуж и привозить на смотрины новых мужей не переставала. Когда Олегу исполнилось десять лет, дедушка объявил:

– Я у тебя хлопца забираю. Пусть твоего блядства не видит. Ты в свою мать, а яблоко от яблони – сама знаешь.

Мама зарыдала. С тем, что Олег будет жить у деда, она смирилась довольно легко, а вот свою мать в обиду давать не хотела:

– Ты несправедлив к ней, она женщина. Если б кто знал, сколько у женщины соблазнов, если б кто знал!..

Дедушка Казимир отрезал:

– А я мужчина, соблазнов не меньше. Но о семье всегда помнил, с чёрными ишачками не вязался.

Здесь была какая-то история, в подробности которой Олега, даже когда он вырос, не посвящали. Что-то насчёт военного городка на окраине Баку, скучающих жёнах морских лётчиков, некоторые из которых заводили любовников-азербайджанцев. И что-то ещё – смутное, с двусмысленным подмигиванием, с намеками на какой-то шоколадный бар, до которого азербайджанцы любители. С возрастом Олег стал догадываться, о чём речь, но точно знал одно: после развода с первой женой дедушке, в ту пору подполковнику, командиру эскадрильи, вынесли строгий выговор по партийной линии. А тут как раз подросли хрущёвские сокращения, дедушку из армии уволили.

Ему вместе с фронтовыми оставалось чуть больше года до двадцати пяти лет выслуги, которые давали право на полную пенсию, но дослужить не позволили. По вскользь обронённым словам Олег знал, что некоторые офицеры грозились застрелиться, их жены валялись в ногах у командира части. Дедушка просить и унижаться не стал. Довольно часто по разным поводам он повторял: «Хочяж пенендзы не мам, але гонор мам!»¹. По выражению лица трудно было понять, то ли дед ёрничаёт, то ли говорит серьёзно.

¹ Пусть денег нет, но гордость есть! (польск.)

Воспитывать Олега он стал жёстко. Сразу установил почти военную дисциплину с чёткими часами подъёма и отбоя, помощи по хозяйству, прогулок на улице. Уроки никогда не проверял, но за двойки спрашивал строго. Когда в Чифилёвске полуподпольно появились первые секции каратэ, отвёл Олега в одну из них. «Бокс – детские игрушки, а это дело, – сказал он. – Своё достоинство надо уметь защищать, желающие нагнуть всегда найдутся».

Олегу врезалось в память, как дед колот свиней. Их дом стоял на окраине Чифилёвска, рядом – огород и сарай с курами и поросятами. Хозяйством в основном занималась тётя Ванда, но подросших поросят в начале зимы колот дедушка Казимир сам, специально никого не приглашали. В марте поросят привозили (обычно, двоих) откуда-то из деревни, тётя Ванда их выхаживала, на первое время помещала в ящик у печки и кормила из бутылочки молоком. Олеговой обязанностью было рвать для них траву, он же летом пас поросят в переулке. Это было мучительно. Во-первых, стыдно перед ребятами, во-вторых, поросят приходилось защищать от собак. Те любили их гонять, особенно собакам нравилось кусать большие уши. Визг было на пол-Чифилёвска, поросята неожиданно быстро бегали, так что от Олега требовалась немалая прыть, чтобы уследить за ними.

Оснований для нелюбви к этим животным у него было достаточно, однако Олег всё равно старался уйти из дома, когда дед собирался их колоть. Но однажды тот сказал: «Будешь помогать. Привыкай к жизни». Он достал трофейный немецкий штык, надел старую телогрейку и кивнул: «Пошли». «Может, рано ему, Казик, то видеть?» – попыталась вмешаться тётя Ванда. «Не рано, – отрезал дед. – Где таз для крови?»

Когда свинья – с предсмертным визгом, со стекающей в эмалированный таз дымящейся кровью – была заколота, состояние у Олега было полуобморочное. «Не отворачивайся! Смотри! – прикрикнул дед. – Ты мужчина!..» Он вытер и отложил в сторону штык, взялся за паяльную лампу, чтобы опалить щетину.

Свинья, вытянувшись, лежала на брезентовой плащпалатке, глаза у неё были закрыты, как у мёртвого человека. В закуте, чувствуя неладное, билась другая. «Никуда от жизни не денешься. Надо сразу быть готовым, – спокойно сказал дед. – А эта пускай пока поживёт, картошки ещё много».

Ни кровяной колбасы, ни борща со свиной Олег тогда есть не стал. Но позже привык, стал есть опять и уже не бледнел, когда нужно было помогать деду. А лет в пятнадцать, когда появилась сила, сам заколот первую свинью. И удачно – сразу попал в сердце.

Но это всё быт, приземлённая повседневность, в которой жила семья. Духовную ауру составляло другое. Дед Казимир воевал в морской авиации Северного флота, имена адмирала Головки, первого во время войны дважды Героя Советского Союза лётчика Сафонова, его друга Коваленко, тоже Героя (оба были сослуживцами дедушки), командира легендарной подлодки «Щ-417» Гаджиева, других известных североморцев, лётчиков и моряков, постоянно витали в неказистом домике на окраине Чифилёвска.

Дед Казимир говорил о них так запросто, даже панибратски, что казалось, эти люди минуту назад соседски заходили на чай. Олег иногда думал, что дед до сих пор сердцем там, под Мурманском, среди бомбёжек, боевых вылетов, незаходящего солнца летом и полярной ночи зимой, когда солнце можно увидеть только поднявшись на лендлизовском «Харрикейне» на несколько сот метров над землёй. Возможно, это были лучшие годы деда, несмотря на гибель друзей, на то, что сам он мог запросто не вернуться с задания, что морскому лётчику ещё хуже, чем обычному военлёту – тот хоть мог спастись на парашюте, а прыгать в холодное Баренцево море означало верную смерть.

23 февраля дед особенно тщательно правил на ремне вечную зольингеновскую бритву, необыкновенно острую, перерезающую на весу волос.

– Старый пёс, – бормотал дед, взбивая в пластмассовом стаканчике мыльную пену и придирчиво рас-

смастривая в зеркале своё немолодое, в жёстких складках лицо. – Но порох в пороховнице ещё есть! Правда, пани Ванда?

Жена махала на него рукой.

– Ты что такое при ребёнке говоришь!..

Дед удивлялся:

– А что я сказал? Пусть будет стыдно тому, кто подумал дурное!

В такой день дед надевал парадную форму. Чёрный китель с глухим стоячим воротничком, ордена на правой стороне груди и медали на левой, морской клёш брюк и чёрные ботинки. Олегу особенно нравились ордена Боевого Красного Знамени, они почему-то были привинчены слева, над медалями. Их у бабушки были три. «Одного не хватило, дали бы Героя», – с горделивым сожалением произносил дед. На встречи с пионерами он обычно брал с собой фотографии военной поры.

– Вот Коля Яценко и Миша Вохрушев. А здесь Витка Зайцев и Валя Бурковский. Эти оба погибли, эти живые. – Дед на секунду озадаченно вздёргивал брови, но печали в его голосе не чувствовалось. Похоже, все четверо сослуживцев оставались для него живыми. Может быть, потому, что мёртвыми Колю Яценко и Мишу Вохрушева он не видел. Просто не вернулись с задания, растворились в заполярном небе, в низких северных облаках. И всё.

Олег уже тогда подозревал, что у деда особое отношение к жизни и смерти. Он, похоже, отдавал себе отчёт в том, что жизнь лётчика может в любой момент закончиться. И не только во время войны. Когда в конце сороковых полк перевели под Баку и стали переучивать на новой, реактивной технике, лётчики тоже гибли, и немало. Дед Казимир, должно быть, подготовил себя к смерти ещё в довоенной Каче, в лётном училище, когда понял, что у красивой формы и завидного звания «военлёт» есть обратная сторона. И принял её как неизбежное.

Здоровье у деда было отменное. Когда Олег вернулся из армии и, случалось, они выпивали, бабушка в конце застолья, отбросив ногой стул, поднимался. «А теперь

проверка на вшивость! Давай «волчок». Это означало, что нужно нагнуться, почти касаясь головой пола, и вращаться. Олег терял равновесие быстро. «А ещё старший сержант Советской Армии! Учись!» – насмешливо говорил дед Казимир и принимался вращаться сам. Олег не помнил, чтобы он когда-нибудь упал, несмотря даже на выпитое. И «ласточку» держал в любом состоянии.

Олегу порой казалось, дед сознательно следит за своим здоровьем, чтобы быть готовым в любой момент сесть за штурвал. Но только боевого самолёта. Все гражданские машины он именовал кукурузниками и отказывался работать в мирной авиации, хотя предложения после увольнения в запас были. Его уверенность, что может ещё пригодиться, не колебал даже возраст. Дед ждал войны. Война было то, где он жил полной жизнью. Олег помнил, с какой пристальностью дед следил за событиями во Вьетнаме, за ковровыми бомбардировками американцев. «Они слабенькие, перегрузки переносят плохо, – говорил он о вьетнамских лётчиках-истребителях. – Разве на рисе много летаешь?! А этих козлов бить можно. наших бы ребят туда!». Чувствовалось, под нашими ребятами он имеет в виду себя тоже. Позже с таким же жадным вниманием дед Казимир ловил сообщения о действиях советской авиации в Афганистане. Говорил: «Там климат похож на бакинский!..» И ноздри у него раздувались.

Дед хотел, чтобы Олег стал военным и, разумеется, лётчиком. Исподволь подводил его к такому решению. Кроме рассказов о храбрых сослуживцах и боевых вылетах классе в девятом заставил надеть свою отдающую нафталином парадно-выходную форму. Олег нехотя подчинился. Дед с удовольствием смотрел на него. «Полубокс бы ещё, а не эти лохмы» Тётя Ванда заахала: «Красавец!». Но ни её восхищение, ни тусклый блеск наград не произвели на подросткового Олега особого впечатления. «Не хочу, чтобы со мной поступили, как с тобой». – «А как со мной поступили?» – вздёргнул подбородок дед. «Дали под зад коленом из армии». – «Олег!..» – вскрикнула тётя Ванда. Дед потемнел лицом,

но ничего не сказал. В тот день он напился и кричал на всю улицу: «Прав засранец! Тыщу раз прав! Спасибо партии и правительству! Слава Родине! Да здравствует Никитка Хрущёв, сука кукурузная!..»

С Олегом после того случая дед не разговаривал несколько недель. А когда после школы, недобрав баллов, Олег не поступил в институт и пошёл в ПТУ при опытном производстве КБ имени Цандера, дед только махнул рукой: «Пусть делает как знает! Его жизнь». И разговоров о военной службе больше не заводил.

К Горбачёву дед сразу отнесся с подозрением – считал, что новый генсек слишком болтлив. И ещё это родимое пятно на лбу. Как ни странно для человека его характера, дед был суеверным, верил во всякие приметы. «Мишка-меченый» или просто «Меченый» – так он прозвал Горбачёва. Там, где в действиях демократичного, располагающего к себе первого лица государства Олег видел желание наконец-то дать простому человеку почувствовать своё достоинство, позволить распрямиться и перестать быть безропотным холопом, дед саркастически хмыкал: «Этот ещё похлеще Никитки будет. Заведёт куда-нибудь, не выберемся» – «Дед, ты же поляк, гордый человек! Смотри, какие дела «Солидарность» закрутила, а ты!..» – «Я советский человек, а не поляк! Пошли они со своей «Солидарностью»!.. Раскачивает Меченый страну. Везде план выполняется и перевыполняется, а продукты и водка по талонам. Скажи, зачем народ озлобляет?»

Откровенно говоря, Олег и сам не понимал, почему так происходит. Чтобы купить спиртное на свадьбу, ему пришлось записываться на приём к секретарю горкома – иначе было не достать. Как-то их с Леной (они тогда только начали встречаться) дождь загнал в магазин «Часы». От нечего делать стали рассматривать витрины. Выбор был большой – от дорогих в золотом корпусе до самых простеньких, для подростков. «Какие ты мне на свадьбу подаришь?» – впервые закинула тогда удочку Лена. Она кокетливо закусил губу и смотрела искоса. «Не торопиться ли, радость моя?», – усмехнул-

ся Олег. А когда через несколько месяцев и в самом деле пришлось думать о свадебном подарке, он решил зайти в тот самый магазин. Прежнего изобилия и в помине не было, будто водой смыло. Никак не могли все часы раскупить за это время, не такая уж большая потребность в них была у жителей Чифилёвска! А тем не менее.

С продуктами ещё хуже. Как-то под Первое мая, когда стали отоваривать талоны на мясо, тётю Ванду увезли из магазина на «скорой». Стоять ей пришлось с самого утра, в толчее и духоте она так и не дождалась своей очереди. «Это Меченый специально делает, – убеждённо говорил дед, – Кузбасские шахтёры уже бастуют. По забугорному радио передавали, Меченый может вздохнуть с облегчением. Процесс пошёл, мать его! Главное, товарищи, начать!..» Олег полушутливо изумился: «Дед, ты что, «голоса» стал слушать?! Ты, коммунист с довоенным стажем!..» Дед не смутился: «Они хоть меру знают. А почитай «Огонёк» или «Московский комсомолец». Так только враги пишут. Хуже геббельсовской пропаганды». – «Хватит, намолчались. Пора и правду говорить» – вступился за прессу Олег. «Всё подряд обсирать – это правда?!» – «А что, мало у нас глупостей и скотства, скажешь?» – «Ни хрена вы не понимаете! – прикрикнул дед. – Молодые судить, что хорошо, что плохо». – «Ну вот! Чуть что – молодые, не понимаем!..» – «Ладно, закрыли тему. – Дед непримиримо сжал губы. – Сам увидишь, к чему Меченый приведёт. Мы-то отжили, вас, дураков, жалко».

Непонимание отдалило их друг от друга. При Олеге дед перестал комментировать телевизионные и газетные новости. Срывался лишь тогда, когда речь заходила о войне. «Какого хрена положили под Будапештом две армии, если сейчас разрешают венграм называть нас оккупантами? За что брат погиб на Зееловских высотах? Восемнадцать лет парню, бабы не знал, ничего!.. Меченый просирает всё, что кровью добыли. Лучший немец! – передергивало деда от газетных сообщений о том, что объединённая Германия так назвала Горбачёва. – Ты стань лучшим русским, иуда! Не американцы

нас поставили раком – свой сдал! Зачем воевали и миллионами гибли – чтобы этот к разору привёл?!»

Особенно деда возмущала история с Хоннекером. Престарелый бывший руководитель ГДР искал пристанища в посольствах третьестепенных стран, отовсюду его гнали, не давали умереть спокойно – у Хоннекера был рак в последней стадии. «Тебе бы, скотина, такое! – свирепел дед, имея в виду Горбачева. В такие моменты он забывал, что рядом Олег. Сочувствие деда к такому, как сам, старику было сильнее. – В гости ездил, обнимался, а сдал не за хер!...» – «А зачем Хоннекер приказал стрелять в тех, кто хотел жить в ФРГ? Сотни людей погибли, когда пытались границу перейти» – вступался за Горбачёва Олег. «Если в Москве были бы против, Хоннекер не посмел бы! Нечего на него всё валить. Мы их вот так держали! Имели право, от Гитлера спасли. Всю эту мелкую пиздобратию тоже – румын, болгар и другую шелупонь...»

На 9 Мая дед обычно ездил в Москву, в сквер у Большого театра. Там собирались фронтовики, искали своих однополчан, обнимались, пели под гармошку «Катюшу» и «Синий платочек», пробовали плясать. Дед возвращался домой пьяненький, высокомерно требовал у Ванды ещё водки, сердился, если та не давала. «Не rozumеш, дурна кобета, цо то за праздник! – мешая русские и польские слова, кричал он. – Никого от всей дивизии не осталось! У прошлому року быво, зараз нет!..»

В последний раз он вернулся рано. Тётя Ванда позвонила по телефону: «Олежка, приди до нас, надо». Он с Леной и Павлушкой собирались в парк, договорились с Родимцевыми покатать молочных брата и сестру на каруселях. На недовольный взгляд жены Олег сказал: «Надо идти. Ванда просто так срывать не станет». И оказался прав. Дед с разбитым лицом лежал на диване, на спинке стула висел его разорванный черный китель с остатками наград. Несколько вырванных с мясом орденов лежали на столе.

«Что случилось?» – «Хулиганы в электричке напали», – тетя Ванда отвела взгляд. Олегу бросилось в глаза, как она за последнее время сдала. Даже перестала пудриться и подкрашивать губы, что делала рань-

ше постоянно. «Не клепай на хлопцев, нормальные читатели демократической прессы! – Дед Казимир пробовал ухмыляться распухшими губами. – У тебя, говорят, много наград, ты виноват. Если бы немцы победили, мы жили бы хорошо... Стали срывать ордена. Ну, я им тоже показал!..» – «Скорую вызывали?» – спросил Олег. «Какая на хер скорая! – возмутился дед. – Ну, побили старого дурака, пройдёт!.. Ванда, там у нас есть? День Победы всё-таки».

Однако случившееся подкосило деда, как он ни бодрился. «Скорую» вызывать всё-таки пришлось, случилось это ночью. Обширный инсульт. Тело почти перестало слушаться деда, он не мог говорить. Но воля была не сломлена. Дед упрямо шёл к цели, которую на этот раз себе поставил. Отказывался от лекарств, вырывал из вены иглу капельницы. Тёте Ванде ничего не объяснял, а когда в больницу приходил Олег, показывал вверх пальцем действующей руки – туда, мол. Пора.

Вряд ли дед рассчитывал на рай, да и не верил он ни в бога, ни в чёрта. Когда после его смерти Олег вспоминал этот направленный вверх сухой стариковский палец, то невольно думал: если дед и имел в виду небо, то лишь как место, куда ушли его боевые друзья, морские лётчики. Он хотел опять оказаться там, где свои словечки и подначки, где хорошее это хорошо, а плохое – плохо. Закончилась эпоха, а в новом времени дед Казимир был чужой.

Олег ловил себя на мысли, что объясняет жест деда слишком патетично и красиво. Но что все наши оценки перед лицом смерти?

10

Ночью Олега разбудил стук в перегородку. Он не сразу понял, где он и кто стучит. Перед этим снился Павлушка. Сын сидит за столом на высоком складном стуле, зажал в кулаке ложку, пробует есть самостоятельно. Ему где-то годик, он весь измурзался, щёки в манной каше. Лена смеется и, наклонившись к Павлуш-

ке, облизывает их... Воскресное утро, солнце ломится в окно кухни, семья в сборе, и так было хорошо, что не хотелось просыпаться.

– Хреново дело, – встретил его Афанасьич. Полу-согнутый, он едва доковылял от дверей до лежанки, со стоном опустился. – Радикулит, мать его, прихватил... Сходи за Шиндером, пусть укол поставит.

– Может, водкой растереть? Моему деду помогало. – Олег не знал, стоит ли будить фельдшера среди ночи. Это в городе «скорая» должна в любой час суток приезжать, а Шиндер работает днём.

Афанасьич, похоже, понял его сомнения.

– Шиндер нормальный мужик. День, ночь – приходит. Бабки на него молятся, такого фельдшера у нас ещё не было... Знаешь, где почта? Ну вот, дом рядом, там живёт.

Фельдшер и в самом деле собрался без лишних слов. Вскоре они уже шли по тёмным улицам, казавшимся в этот час особенно глухими. Оба ещё до конца не стряхнули с себя сон и потому молчали.

Шиндер выслушал Афанасьича, сделал укол, но уходить не торопился – ждал, когда тот начнёт действовать.

– Олечка, напои человека чаем, – глухо сказал хозяин. Укрытый полушубком, он лежал на животе, лицом в подушку. – Рыбоучасток даёт себя знать, зараза! Всё план, план!.. – Афанасьич выругался.

Чай разогнал сон. Похоже, Шиндер был не из тех людей, которые с охотой рассказывают о себе. Единственное, что узнал Олег, это то, что раньше Шиндер жил в Смоленской области. Там до сих пор его родители. Фельдшер и о Горбачёве с Ельциным говорил уклончиво. Оценок не давал, отводил в сторону беспокойные чёрные глаза. Олег с интересом наблюдал за ним. То ли политика Шиндеру была безразлична, то ли за этой сдержанностью что-то стояло.

Единственный раз Шиндер приоткрылся. Это когда заговорил о Глинке – оказывается, имение композитора находилось неподалёку от городка, где раньше Шиндер жил, этим городок и был знаменит. Якобы, уезжая в Европу, Глинка обернулся назад и плюнул.

– В сторону России, что ли?

– Наверно. – Фельдшер отвёл глаза.

– Так что же он всех под одну гребёнку? – удивился Олег. – В России разные люди, большинство хорошие.

– Вопрос, сами понимаете, не ко мне. – Шиндер пожал плечами. Кажется, он уже жалел, что упомянул об этом факте из биографии Глинки.

Шляхтин хмыкнул. Слышать такое именно от Шиндера было неприятно.

Следующее утро началось необычно. Часов в семь Афанасьич как ни в чём не бывало стоял на пороге Олегаовой комнаты. Всё происходившее ночью, казалось, не имело к нему никакого отношения.

– Собирайся! Я неподалёку пару сушин приметил. У нас дров с гулькин нос осталось!..

Шляхтин у печки умывался из рукомойника. Предстояло позавтракать и идти в балок жилищно-коммунального отдела, куда по утрам собирался на планерку весь немногочисленный штат ЖКО. Невыспавшемуся Олегу бодрый хозяин был неприятен.

– Уже выздоровел?..

– Всё нормально, собирайся!

– Афанасьич, давай на выходные перенесём. Тебе надо прийти в себя. И мне с работы не придётся отпрашиваться.

– Какой на хрен отпрашиваться! У нас народ понимающий, никто слова не скажет. Сейчас самое время ехать, наст хорошо снег схватил.

– До выходных не подождёт, растает?..

– Растаять не растает, а чем топить будем?

– И поясницу тебе нагружать нельзя.

– Ты за меня не переживай, не отговаривайся!..

На работе Шляхтина и в самом деле отпустили без всяких. «Надо, так иди. Когда в любое время вызывают проводку чинить, ты не отказываешься, верно?..» Олег был приятно удивлён такому отношению.

– Ну что, перекурим? – говорил час спустя Афанасьич. Он заглушил «Дружбу» и, подложив шубинки, уселся на ствол сухого дерева. – Где мои шестнадцать лет, ёкарный бабай! Через каждые пять минут перекуриваю.

Олег воткнул в сущину топор, достал сигареты и протянул хозяину.

– А сколько тебе? – Он чувствовал, как по спине вдоль ложбинки течёт пот. Нелёгкое это, оказывается, дело – в глубоком снегу обрубить на спиленном дереве сучья.

– Считай, пацан. – Афанасьич, весело поглядывая на квартиранта, вытащил из пачки сигарету. – Летом шестьдесят три стукнет.

Олег, присев на свежий, пахнувший скипидаром срез чурбака, закурил тоже.

– Дай бог мне в твоём возрасте так управляться с пилой.

Афанасьич хмыкнул:

– Я что!.. Дед женился в мои годы. И ничего, ещё детей настрогал!..

Лес обступал их со всех сторон. После того, как умолкла бензопила, он казался особенно тихим. На днях был ветер, стряхнувший с еловых лап снег, и сейчас они, свободные от белых шапок, делали лес тёмным, почти чёрным.

– Ты, я слышал, хочешь опыт деда повторить... – Шляхтин, затягиваясь сигаретой, старался говорить серьёзным тоном.

Афанасьич быстро взглянул на него.

– С чего решил?

– Слух идёт.

Афанасьич помолчал, потом ударил себя по коленкам ладонями.

– Вот бабье! Не успеешь подумать, а они... Ольга, что ли, сказала?

– Почему сразу Ольга... – Шляхтин, пряча улыбку, наклонился к унтам, похлопал по ним шубинкой, сбивая снег.

Афанасьич угадал. О том, что дядя надумал жениться, сказала Ольга. И жениться не просто так, а с вывертом, по-старинному. Якобы так в здешних местах испокон века делали. Родственницы со стороны жениха и стороны покойной жены должны были пойти по деревне свахами. Выбирать невесту им полагалось по своему

разумению, но чтобы не слишком молодая и не слишком старая, для супружеской жизни ещё пригодная.

«Наслушался нас с тобой за стенкой, самого потянуло!..» – приглушённо смеялась Ольга. Её Афанасьич попросил быть одной из свах. «Ну и как, ходили?» – «Ходили. Никто не хочет». – «Конечно, немолодой. Зато пенсию получает, рыбачит...». «Они горячей любви хотят, как в мексиканских сериалах. Советуют Афанасьичу резиновую женщину купить – в городе, говорят, в магазинах продают, секс-шопы, что ли...» – «Это зря. Зачем обижать старика». – «Так мне тоже смешно, хоть и дядя! Всеми своё время». – «Он, может, от одиночества» – «Ладно тебе! Дети, внуки есть – какое такое одиночество? Весна, вот причина!.. Ладно, обними меня. Нашли на что время тратить».

Насчёт наста, который прочной коркой должен был покрыть сугробы, Афанасьич, похоже, ошибся. По крайней мере здесь, в лесу, наст оказался слабый. Шляхтин, обрубая сучья на поваленном сухом дереве, то и дело проваливался в снег по пах. «Тяжёлый ты!» – перекрикивал «Дружбу» старик, насмешливо поглядывая на Олега. Его, невысокого, щуплого, наст держал хорошо. Афанасьич налегал на мотопилу, как на качелях, то опуская, то задирая её конец со стремительно вращающейся цепью. Глядя на него, не верилось, что ещё сегодняшней ночью хозяин лежал пластом. Горки розовых опилок быстро росли на снегу.

– Ну что, поехали? – Шляхтин поднялся с чурбака. Мокрая от пота одежда начинала холодить тело.

– Подожди, бензина в пилу долью. – Афанасьич явно не торопился, всё так же покурился мелкими затяжками. – Я недавно про ГУЛАГ в книжке читал. Там ведь всяки были, некоторые никогда физическим трудом не занимались. А их зимой в лес – пилите! Да не такой пилой, как сейчас, – дружбой-два. Сколько наработал, таку пайку получи. А что он наработат, если никогда лес не валит?! От дерева к дереву ползком пробирались – снег в метр, а где и выше. Многи не выдерживали, умирали. Счетоводы там разные, учителя

– интеллигенция, одним словом... – Афанасьич значительно посмотрел на Шляхтина.

Олег с силой опустил топор на толстый сук. Выдохнул:

– Ельцин, слава богу, пока до такого не додумался...

Что за дружба-два такая?

Афанасьич довольно засмеялся:

– Двуручная! Два пильщика её таскат. Потому и называли – дружба-два!..

Шляхтин вырвал засевший в дереве топор, размахнувшись, ещё раз с силой вонзил в сук. Ничего, привыкнет и он к деревенской работе! Зря Афанасьич подкалывает. Заметил, наверно, что он потом обливается. Не боги горшки обжигают, да и какой он интеллигент!..

Чурбаки возили в низких, похожих на корыто, санях – по-местному, коробушке. Лавируя между деревьями, Афанасьич как можно ближе подгонял к разделанной сушине «Буран», и Шляхтин принимался укладывать в коробушку чурбаки. Важно было, чтобы по дороге стопка не развалилась, сверху её крепили верёвкой. Снегоход уезжал в деревню, и минут на пятнадцать Игорь оставался один.

Лёгкий морозец, тишина, между деревьями яркие полосы солнца. Откуда-то прилетела синица, зацепившись коготками за ствол сосны, шустро заглядывает в трещины коры. Неужели где-то есть Москва, здание Верховного Совета с обгоревшими верхними этажами, свиноподобный Ельцин?.. Неужели были мёртвые глаза Родимцева, враждебный простор тёмного чердака, визг этого дурачка со снайперской винтовкой?.. Можно жить простой жизнью, ни во что не вмешиваться. Быть довольным, что молод, что есть отзывчивая женщина, что без задержки получаешь зарплату – и совсем неплохую, если по чифилёвским меркам...

Шляхтин разложил из обрубленных сучьев костёр, повернувшись к огню, снял куртку. Тепло обхватило спину, ласково обняло. Нужно быть благодарным за обычные вещи, ничего особого не требовать. Ни от Ельцина, ни от Хасбулатова не зависят тепло костра, эти солнечные полосы между деревьями, ныряющий

лёт шустрой синицы, вдруг сорвавшейся со ствола сосны куда-то в сторону. Но всё же плюнул почему-то в сторону родных мест Глинка, если Шиндер не врёт. А музыка ещё меньше зависит от того, что было и есть в России. Человек не растение, не мерин, которого каждый день запрягают, заставляют тащить груз, бьют, если решат, что плохо влетает в хомут. Хотя есть своя радость в тёплом стойле и в пахнущем летом сене. А чтобы конь ценил это, его кастрируют – ни к чему взбрыки, желание свободы...

– Ты чего?! – Подъехав в очередной раз, Афанасьич заглушил «Буран». – Дымишься! Считаю, сторел!.. Ладно, шучу. Что у нас осталось? Ну, ерунда, это мы за раз заберём!..

Однако в деревню он сразу не поехал, а свернул перед первыми домами вбок. Дороги здесь не было, и снегоход стал часто проваливаться – схватившийся за ночь наст на открытом месте почти растаял под солнцем.

– Куда едем? – прокричал на ухо Шляхтин, сидя за спиной Афанасьича.

Тот, приподнявшись на сидении, чтобы лучше видеть, ничего не ответил. Через несколько минут остановились. Из снега едва выглядывали кресты и верхушки пирамидок со звёздами. «Кладбище», – понял Шляхтин.

Не глядя на квартиранта, Афанасьич сошёл на наст и взял из коробушки срезанный в лесу осиновый прут. Подошёл к одной из могил и принялся молча стегать. Олег с недоумением смотрел на старика.

– Пусть знает, – сказал Афанасьич, усаживаясь опять на «Буран». – Невест с того света отваживают.

– Жена, что ли?

– Ну.

– Так семейное дело, меня-то зачем привёз?

– Я специально при постороннем человеке отходил, чтобы ей стыдно было.

– Тогда понятно, – серьёзно сказал Олег.

Ну, Афанасьич!..

Перед домиком Коковихиных разгружали машину

с длинными бортами. Два незнакомых мужика в ладных импортных комбинезонах сбрасывали на снег прогибающиеся, медово светящиеся доски. Как бывает в тёплую погоду, дерево туповато, глухо постукивало. У двери избушки, опираясь на палочку, стоял Эдик. На его плечи была наброшена куртка.

– Афанасьич, тормозни. – Шляхтин соскочил с «Бурана» и, подойдя к Эдику, пожал руку. – Дело движется к ремонту? Выходит, не обманул глава администрации?

– Выходит.

– И ты уже без костылей, смотрю.

Эдик кивнул, всем видом показывая, что ходить теперь может без костылей и это, в общем-то, хорошо. Но получилось это у него как-то вяло, скучновато.

– А что невесёлый? Ремонт намечается – радоваться надо.

Эдик ответил не сразу.

– Оксану выписали.

– Так двойная радость!..

– Мужики, легче! – неожиданно зло закричал Эдик.

– Не своё, так ломать надо?! – Он повернул к Шляхтину покрасневшее лицо, хотел что-то сказать, но только махнул рукой.

– Ты чего?

Собравшийся уйти в дом Эдик остановился.

– Мальчик! Пальчики уже были, ногти видны. Маленькие, розовые... Оксана сама видела. А!.. – Он опять махнул рукой и в сердцах хлопнул за собой дверью.

11

По-настоящему сорвался он после того, как в купе появился казак. Вагон был полупустой, за почти двое суток дороги попутчиков можно было пересчитать по пальцам, порой он даже ехал в одиночестве и, в общем-то, должен был бы радоваться каждому новому человеку. Потому, что отвлекало от увиденного в последние дни. Потому, что так было легче затеряться.

Это, если рассуждать здраво. Сейчас подобное да-

валось с трудом. Казак ему не понравился сразу. Сытое, с румянцем во всю щёку лицо, синие шаровары с лампасами, крепкий загривок – самодовольство и ограниченность во всём виде. Такие в армии бывают ефрейторами, а если офицеры, то молодцеватые дуrolомы. «Здравы будьте, господа! – сказал казак, расстёгивая заскрипевшую португею и снимая шинель, под которой оказались кресты. – Как насчёт чаю? Проводники мышей ловят или совсем обнаглели? У меня не забалуешь!.. – Он обвёл попутчиков выпуклыми глазами, согнал складки на гимнастёрке за спину. – Промёрз, понимаешь, пока поезда дожидался. Вокзал не топят, а хромачи хороши, да холодные. Зашлись пальцы!..» Казак несколько раз притопнул начищенными хромовыми сапогами и выглянул в проход, зычно позвал: «Мамаша, где вы там все попрятались? Служивого поить чаем собираетесь?.. Давай-давай, положено!»

Севшая в Свердловске пожилая женщина, всё время сокрушавшаяся, что ехать приходится в дорогом купейном вагоне, а не в общем – в него, дескать, нет билетов (ехала она в Сургут, к сыну нефтянику – на пенсию, жаловалась, сейчас не проживёшь, и ладно бы сразу давали, а то задерживают на несколько месяцев), попутчица замолчала и стала с любопытством смотреть на казака, прислушиваться к каждому его слову. Похоже, ей нравился этот здоровый румянощёкий мужик и она вот-вот могла сказать: «Ай да молодец! Ай да орёл!..»

Это было непонятно. Магазины с дикими ценами, ваучеры, на которые обещают золотые горы (обманут, конечно, обманут Ельцин с Чубайсом!), японская секта Аум-Сенрикё, в открытую расставляющая в стране свои непонятные сети, предприятия, месяцами не платящие зарплат, – всё это было из новой жизни. Из новой жизни были и похожие на попутчицу старухи, которые рылись в мусорных контейнерах, выискивая что-нибудь съедобное. Казалось, эти бабушки должны были ненавидеть всё, что принесла новая жизнь, в том числе опереточных, до зубовного скрежета фальшивых казаков, а она, пожалуйста, им любитесь!..

Появилась хмурая проводница, буркнула, чай, мол, будет вечером, а сейчас давайте билет. «Э, нет! – не согласился казак. – Мы порядки знаем! Титан в вагоне должен кипеть круглые сутки, а чай предоставляться по первому требованию пассажиров. Так что будьте любезны!..». Непонятно произошло и здесь. Проводница не стала спорить, быстро ушла. Однако не совсем, как можно было бы ожидать. Вскоре на столике уже позвякивали в подстаканниках стаканы с разбухшими в кипятке новомодными пакетиками. Проводница пошла дальше – почти гостеприимно предложила печенье. Новый пассажир, похоже, ей тоже понравился.

«Подожди, мать, – подавшись через столик, заговорил казак, когда попутчица в очередной раз стала жаловаться, что в железнодорожной кассе специально не продают дешёвые билеты, а стараются всучить дорогие. – Погоди немного, мы наведём порядок! К нашему президенту примазалось много всякого говна, все эти бурбулисы, чубайсы и гайдары. Они сбивают с толку, а он – наш мужик, поднимет Россию с колен, отвечаю!.. Ты потерпи немного, мать, мы президента инородцам не отдадим. – Казак потянулся к вешалке, вытащил из кармана шинели газету, тряхнул, разворачивая, и с удовольствием хлопнул ладонью по первой странице. – Дай срок, с инородцами, как с этими будет! Чечена с прихвостнями поймали, в Лефортово нары парит! Шашечкой бы их приласкать, знатно вышло бы!..»

«Дай-ка», – он взял у казака газету. Двое суток не знал, что происходит в Москве. Обтекаемая информация, даже у продажных журналюг не хватает наглости в открытую радоваться. Есть жертвы. Руцкой, Хасбулатов, Макашов в тюрьме. Хорошо, что не убили сразу, а могли запросто – в неразберихе, мол, при штурме. Впрочем, в Лефортово с ними могут всё что угодно сделать, даже легче – без посторонних глаз. «А ты чего здесь? – Он посмотрел на казака. – Ты должен был штурмовать Верховный Совет в первых рядах, на лихом коне!..». – «Дак мы так и думали! – пристукнул казак кулаком по вагонному столику. – Специально на сборы съехались, чтобы быть готовыми в

случае чего. Не позвал президент! Уж мы бы разобрались с выродками!..» – «А чего они тебе сделали?». – Он всё ещё старался выглядеть спокойным. – «Как чего? – изумился казак. – Да ты чё такое несёшь? Назад обратно тянут, не въезжаешь?! К коммунякам! В совдепию!..» – «Что, там очень плохо было, в совдепии?» Казак опустил голову, не найдясь сразу что ответить. А он, прищурившись, продолжал: «Кресты у тебя за какие такие подвиги?» – «Кресты-то? – Казак любовно притронулся к наградам. Видно было, ему хочется возразить насчёт советской власти, но про кресты говорить интересней. – За службу отечеству, за что ещё». – «В стройбате отличился?..» Казак молча уставился в глаза, начиная понимать, что над ним издеваются. «Ты чего залупаешься? Ты кто такой?» – «Я-то ладно, а вот ты – браток с рынка, челноков обираешь. – Его уже во всю несла тяжёлая, всё заслонившая злоба. – Ты такой казак, как я английская королева! Клынул на эти цацки и шаровары с лампасами. Вас Ельцин поимеет, потом под жопу коленкой даст!..». – «Закрой хлебало! Мои деды с Ермаком ходили, Сибирь покоряли!..», – угрожающе приподнялся с места казак. «Прощение у царя за разбой твои деды вымаливали! Чтобы на дыбе не висеть, чтоб ноздри не рвали! Сибирь они покоряли!..»

Как оказалась в руках у казака нагайка, он не понял. Возможно, была за голенищем. Первый удар пришёлся по плечу, второго казак сделать не успел. Зверья от унижения, он ударил этого крепкого, но сырого, неспортивного мужика в солнечное сплетение раз, и ещё, заломил руку, вырвал нагайку и с силой вытянул по гладкой спине. «Коммуняка недобитый! – сдавленно хрипел казак. – Мы вам кишки выпустим!..» Попутчица испуганно запричитала: «Да что ж это такое делается-то!..» и засеменила было из купе. Он крепко взял её за локоть, усадил на место: «Тихо!». Очень удобно было дать сейчас казаку ногой снизу, чтобы хрустнула переносица и вонзились в губы осколки зубов. Но это было бы слишком. Не его вина, что дураком родился. Как и тот по-заячьи визжавший салага со снайперской винтовкой на чердаке. Думать не способны или не хотят.

Оставаться в поезде было нельзя. Связав казаку одним полотенцем руки, другое затолкав в рот, он приказал забившейся в угол купе старухе: «Сидеть и молчать!» Та часто закивала головой. Возможно, она ненавидела его, возможно, зауважала – вон какого орла осилил. Не поймёшь этих людей! Прикрыв за собой двери купе, он оглянулся. Слышно было, как мычал и бил ногами в перегородку казак.

Стараясь двигаться неторопливо, он минул вагон, ступил в тамбур, пошёл вдоль состава, с радостью отмечая, что поезд притормаживает. Похоже, впереди была станция, срывать стоп-кран или прыгать на ходу не придётся.

Криво улыбнулся. Если подумать, казаки тоже немногие из народа, кто выбрал свободу и правду. Не эти ряженные – настоящие. Которых, видно, уже и не осталось.

12 Власта

В части ходила история о великой любви. Хотя неизвестно, случилось это на самом деле или же было обычным солдатским фольклором. Олег впервые услышал историю в начале службы, когда находился в карантине. Порядки в учебном подразделении – так официально именовался карантин – были жёсткие, но случались минуты, когда в сержантах проглядывало что-то человеческое.

«Не спишь, дух? – спросил дежурный по роте, выходя из Ленкомнаты. Было около двух часов ночи, младший сержант говорил вполголоса. – Молодца, понял службу!..». По тону дежурного, по тому, как совсем не по-уставному он назвал Шляхтина духом, было ясно, младший сержант в хорошем настроении и считает дневального едва ли не равным себе.

«Конспект на родину сочинил! Заочнице!.. – Дежурный опустил письмо на тумбочку с телефоном, возле которой томился Олег. – Головой отвечаешь, почтальону утром прямо в руки отдашь!.. – Он свойски подмигнул Олегу. – Заочница фотку прислала. Нормальная

тёлка! Поеду на дембель, загляну. Старики рассказывали, в части случай был, вроде как любовь с первого взгляда. Я что, хуже?...» И возбуждённый младший сержант поведал историю о необыкновенной любви солдата и чешки.

Шляхтину только ещё предстояло узнать, что 9 Мая несколько взводов их полка возили в Пльзень. Там вместе с ротой чехословаков они участвовали в параде. Исходную позицию подразделения занимали на улице Готвальда, неподалёку друг от друга. Нарядно одетые пльзенцы гуляли по тротуарам, поглядывали на отутюженных солдат, своих и советских. Народа на улицах было много, похоже, здесь никого не заставляли участвовать в демонстрации в обязательном порядке. Среди прогуливающих было немало девушек – все, как казалось ребятам, красивые.

Шляхтину вообще многое в Чехословакии понравилось. Дома основательной старинной кладки, чистые улицы, вежливые люди... Ему порой станет казаться, что он когда-то жил среди всего этого – синеватой брусчаткой улиц, лепных карнизов, аккуратных, будто игрушечных скверов с тщательно выкошенными газонами и коротко, под самый ствол, подрезанными деревьями. Получить увольнительную будет непросто, ходить по городку Клатови, на окраине которого стояла часть, полагалось по три человека, но Шляхтин каждый раз будет стараться отбиться от группы.

Он полюбит в одиночку слоняться по мощёным улицам, станет смотреть на цветы, растущие в ящиках, подвешенных под каждым окном, будет слушать мягкую чешскую речь, и ему начнёт казаться, что даже воздух здесь не такой, как в Союзе. Где-то в этих старинных домах с красными черепичными крышами и готическими шпилями вполне могли жить Храбрый Портняжка или Крысолов. А в поросших буковым лесом горах за Клатови обитать гномы. В детстве у Олега была книга немецких сказок, улицы и дома на её цветных картинках выглядели очень похоже на здешние, хотя здесь и была Чехословакия.

«Деды» в части рассказывали, что сейчас к советским солдатам отношение не то. После шестьдесят восьмого, когда наши ввели войска, чехи изменились. Не все, конечно, но многие. А раньше офицерам приходилось всё время быть начеку – чехи угощали солдат знаменитым пивом, старшеклассницы пльзенских лицеев старались познакомиться. Тогда-то и произошла история, которая в части передавалась от одного призыва к другому.

Якобы одной молодой чешке понравился наш правофланговый. Парень и в самом деле был симпатичный – рослый светловолосый новгородец с голубыми глазами. За время, пока взводы ждали на улице Готвальда своей очереди пройти перед трибуной, чешка и наш солдат почти ничего не успели сказать друг другу – офицеры вежливо оттирали девчонок, мол, не положено. Они только смотрели друг на друга. Но эта чешка потом не отставала от колонны, всё время шла по тротуару рядом. И тогда, когда взводы рубили строевым перед местным начальством на центральной площади Пльзеня, и позже, когда ребят стали рассаживать в крытые КраЗы.

Всё это время девушка не отрывала глаз от нашего правофлангового. А у КраЗа якобы бросилась ему на шею. По-своему стала кричать, что не хочет расставаться, сейчас его увезут в часть, и она его никогда не увидит. Чешка плакала. Наш парень, оказывается, тоже влюбился в неё с первого взгляда, но что он мог сделать? Солдат. Только неловко обнимал и гладил по волосам. Чешку оторвали от него, а парню приказали садиться в машину. Такого в части ещё не было.

«Вот это, дух, любовь!.. – Дежурный по роте восторженно прищёлкнул языком. – Не каждому с любовью везёт. Деды рассказывали, замполит потом стал тюльку гнать – рядом НАТО, возможны провокации, в том числе через женский пол, и всё такое. Да на фиг кому мы сдались! Говорят, американские спутники засняли парад на Красной площади, там даже просветы на погонах у офицеров видны. Всё, гады, знают! На кой хрен им

какой-то рядовой!.. – Поняв, что говорит не то, младший сержант замолчал. – Ладно, забыли. Я – спать. В три часа поднимешь смену. И чтоб муха не пролетела!..»

Продолжение истории Шляхтин услышал уже во взводе связи, куда попал после карантина. Оказывается, чешка всё-таки узнала, где служит её новгородец. Как – неизвестно. Возможно, объездила все советские части в окрестностях Пльзеня. Она стала появляться в Клатови, на контрольно-пропускном пункте просила позвать своего парня – имя она знала, показывала, что он высокий и красивый. Удивлялась русскому слову «не положено». Но они якобы всё-таки увиделись.

Неизвестно, какое продолжение имела бы эта любовь, если бы патруль однажды не остановил парня в городе. Тот не таясь гулял со своей чешкой, хотя увольнительной у него не было. Когда его задержали, он попробовал возмутиться – было стыдно перед девушкой, – но этим только ухудшил своё положение. За самовольную отлучку парню дали десять суток «губы», а потом от греха подальше перевели служить в Союз. Говорили, чуть ли не на Камчатку.

У Шляхтина с Властой всё вышло по-другому.

– Ты про этого бойца говорил? – Зам по вооружению задержал на Олеге взгляд.

– Так точно, товарищ подполковник, – вытянулся командир взвода связи лейтенант Кузин. – До армии радиомонтажником на режимном предприятии работал, проводку проложить для него не вопрос. И вообще...

Зам по вооружению пытливым взглядом смотрел на Шляхтина. Это был длинный нескладный человек, его лицо казалось постоянно небритым из-за густо растущей щетины.

– Самому не придется, только помогать будет... Главное, чтобы надёжный был. Не напился и за чехами присматривал.

– Как за себя ручаюсь, товарищ подполковник!

– Ну-ну, – неопределённо буркнул зам по вооружению. – Отведи его. На ключи.

Зам по вооружению был в части новым человеком. Прежде чем вызвать из Союза семью, подполковник ре-

шил сделать ремонт в выделенной ему квартире. Олег, в ту пору уже «дед», обрадовался, когда лейтенант Кузин предложил поработать в военном городке. Предстояла неделя относительной свободы, а это в армейской жизни ценилось.

– Где эти чертовы чехи? – Лейтенант с досадой поглядывал по сторонам. Уже добрые полчаса они топтались у КПП военного городка. – А ещё говорят, пунктуальный народ!..

Неподалёку на площади виднелся газетный киоск. Шляхтин, кивнув на него, с лёгкой небрежностью спросил:

– Я сметаюсь?..

– Только по-быстрому. – Особой субординации между молодыми офицерами и «дедами» в части не существовало. Старослужащие были опорой офицеров. – На кроны, возьми мне сигарет.

«Его будто молнией пронзило», «он остолбенел, увидев её», «он не мог вымолвить ни слова...» – так описывалась любовь в книжках. Ничего подобного Олег не почувствовал, когда увидел Власту. Конечно, продавщица газетного киоска была симпатичной – кареглазая, с юным, немного скуластым лицом, с модно постриженными каштановыми волосами, – но таких девчонок хватает. Удивило то, что она хорошо говорит по-русски. Акцент, конечно, чувствовался, но словарный запас у чешки был неплохой. Потом Шляхтин узнает, что многие Властины покупатели живут в военном городке, так что знать русский ей было необходимо. К тому же чехи учат его в школе.

– Мне картинок. – От неловкости он развязно кивнул на переводных красоток в бикини. Полуголые девицы пользовались успехом, ребята ими обклеивали дембельские чемоданы.

– Здравствуйте, – как-то слишком аккуратно вываривая слова, сказала продавщица. – Вам нужно блондинки или брюнетки? Какие хотите?

Олег смутился. Чешка учит его вежливости? Или так у них принято – здороваться с покупателями?..

– Неважно. Десять штук.

Девушка отсчитала картинки.

– Пожалуйста... Вас хотят звать.

Шляхтин оглянулся. Возле подъехавшей «Шкоды» стоял лейтенант Кузин и махал рукой.

– И пачку сигарет. – Олег ещё раз взглянул на продавщицу. И почувствовал, что уходить не хочется. Стоять бы вот так, смотреть на мягкий овал лица, на короткую стрижку, чувствовать на себе её карие глаза... Приятная девчонка. Уютная какая-то, что ли, – сразу слова не подберёшь. Шляхтин медленно достал кроны, рассчитался. Как бы извиняясь за то, что не поздоровался, сказал: – До свидания.

– До свидания, – отозвалась девушка. Похоже, она поняла, почему он сказал это, и улыбнулась.

С ощущением чего-то хорошего, славного он подошёл к машине. Рядом с лейтенантом стояли двое мужчин в солидных костюмах с галстуками, в руках оба держали «дипломаты».

– Двинули. – Командир взвода взял сигареты. Перехватив удивлённый взгляд Шляхтина, сказал: – Я тоже сначала подумал, какая-то профессура... Такие у них работяги! И «Шкода» их, личная.

Чехи в самом деле мало походили на людей, занимающихся ремонтом квартир. Олег помнил, как дед Казимир однажды нанял маляра, чтобы обновить накатку в комнатах. Тот явился в заляпанных краской штанах, долго курил, задумчиво глядя на стены. Поработав пару часов, маляр выпросил в качестве аванса десять рублей и исчез на несколько дней. Вернулся понурый, с опухшим лицом, запах перегара наполнил дом. Отводя глаза, маляр попытался ещё занять денег. Дед Казимир отругал его и пригрозил избить, если немедленно не возьмётся за дело. Это заставили маляра довести работу до конца.

В пустой гулкой квартире зама по вооружению чехи раскрыли свои «дипломаты». Кроме инструмента там оказались аккуратно уложенные комбинезоны и бейсболки. Чехи не торопясь переоделись, повесили костюмы на плечики. Кивнув на них, лейтенант вполголоса заметил:

– Во дают. Точно, профессура!.. Ладно, я пошёл. Ты в списке, на КПП проблем не будет. К отбою возвращайся в часть.

В часть Шляхтину приходилось возвращаться не только для того, чтобы лечь спать. На обед и ужин тоже нужно было приходиться. И каждый раз он ждал этого времени. Предстояло идти мимо газетного киоска, а там девушка, которую неизвестно почему нужно было увидеть. Никакая не красавица, Олег даже не знал, какие у нее ноги, но он каждый раз останавливался у киоска, делал вид, что рассматривает витрину, а сам поглядывал на продавщицу. Если не было покупателей, заговаривал с ней и чувствовал, как сердце обдаёт нежность.

Шляхтин подозревал, что у него не так, как должно быть у мужчины. Когда ему нравилась девчонка, он не мог думать о постели. Ребята в Чифилёвске рассказывали, как трахали своих подруг, а Олегу даже подумать об этом было неприятно, если девчонка по-настоящему нравилась. Как мужчину его привлекали другие – полные, с широкими бёдрами. Но чтобы влюбиться, бёдер, оказывается, было мало. Требовалось что-то ещё, чего в тех девчонках не было.

Ему теперь хватало того, что видит Власту, разговаривает с ней, провожает до остановки трамвая, когда девушка вечером закрывала свой киоск. Вернувшись в казарму, он не мог заснуть, чувствуя, началась какая-то новая, необыкновенная и счастливая жизнь. Он лежал на койке, смотрел в потолок, вспоминал слова и лицо этой невысокой милой девушки с карими глазами. И опять сердце обдавала нежность. «Тебе что, отпуск домой объявили?» – спросил Эдька Коковихин. Любого другого Олег осадил бы, но у Коковихина благодушно поинтересовался: «Почему так решил?» – «Сияешь!..» Конечно, он ничего даже Эдьке рассказывать не стал. И от этого в душе становилось ещё полнее, ещё радостней.

Всё чуть не испоганил старший лейтенант Голуб, заведующий клубом. Олег несколько раз видел, как тот, перекрестив ногой ногу и прислонившись к киоску плечом, балагурил с Властой. Похоже, старлей был

здесь своим человеком. В отличие от строевых офицеров, времени у заведующего клубом было много. «Сержант, купил что надо и ушёл!», – повелительно сказал Голуб, когда однажды Олег, по его мнению, слишком долго задержался у киоска.

Шляхтин смерил старшего лейтенанта взглядом. Он ненавидел любителей унижить тех, кто не мог ответить. На гражданке это были физически сильные, в армии старшие по званию. Однако на этот раз сдержал себя – конфликтовать с офицером не стоило, опыт показывал, окажешься крайним. «Во-первых, старший сержант, а не сержант. Во-вторых, порядочный человек не станет пользоваться тем, что офицер». – «Как разговариваешь!..» – Завклубом не ожидал отпора от какого-то срочника. Он повысил голос, и Олег краем глаз отметил, как у Власты неодобрительно дрогнули брови. «Что-то не припомню, когда мы с вами пили на брудершафт». Олег чувствовал, его спокойное достоинство нравится девушке. «Ты почему за пределами части? Кто разрешил?.. – злобно зачистил старлей. – На губу хочешь? Совсем обнаглела солдатня!..» Благородство, похоже, не было знакомо этому человеку. «Все вопросы к заместителю командира по вооружению. – Шляхтин с улыбкой кивнул Власте: – Пока». Вышло немного театрально, но он был доволен своей выдержкой. А главное, чувствовал, что выиграл в глазах девушки.

Объяснение с командиром взвода было коротким. «Чего он качает права на глазах у девчонки? Салагу нашел, духа?..». Лейтенант Кузин выслушал, согласно кивнул и, подавшись к Олегу, доверительно понизил голос: «Мы ему тоже говорим, женись, привези жену из Союза! А он местных клеит. Надоело в Чехословакии служить? Запросто выпрут!.. – Лейтенант помедлил. – Но ты тоже не борзей. Он всё-таки офицер». – «Он офицер для меня в части. – Власту Шляхтин уступать никому не собирался. – Да и то...» Отношение к Голубу в полку было ироничное – завклубом, кино и художественная самодеятельность...

Олег чувствовал, в жизни существует предопределённость. Неслучайно именно в то лето ему в руки по-

пал томик Куприна. Он в армии стал много читать, в части была хорошая библиотека. К книгам подталкивал недостаток впечатлений – в армейских буднях всё изо дня в день было одно и то же. Скучно. А стоило начать читать – и появлялось о чём размышлять, жизнь становилась не такой однообразной.

«Суламифь» Олег прочёл за ночь. Собирался почитать до отбоя, а потом лечь спать – всё-таки уставал, чехам приходилось помогать, хотя зам по вооружению и говорил, что делать ничего не понадобится, но Олег не любил сидеть без дела. Начав читать, он не заметил, как за окном стало светать. Дежурный по роте несколько раз заглядывал в Ленкомнату, но, увидев склонившегося над книгой «деда», осторожно закрывал дверь.

В повести рассказывалось о необыкновенном и красивом чувстве, мало похожем на то, что испытывал с доармейскими подругами Олег. Но восторг и преклонение царя Соломона относились всё же к телу Суламифи. А это было не то, что Олег чувствовал к Власте. Она тоже была драгоценностью, как та девочка из древней страны, но иначе, по-другому, ещё прекрасней.

Следующим вечером он читал «Гранатовый браслет». От предыдущей бессонной ночи в глаза будто песка насыпали, но Олегу сказали, что эта повесть тоже о любви. После двенадцати он хотел было отложить книгу – день рождения княгини Веры Николаевны и съехавшиеся на дачу гости с их разговорами были неинтересны, – но появился Желтков. Слова этого человека со смешной фамилией отозвались в сердце с такой силой, что на несколько минут Олег замер. Это было о нём и Власте. «Я сказал себе: я её люблю потому, что на свете нет ничего похожего на неё, нет ничего лучше, нет ни зверя, ни растения, ни звезды, ни человека прекраснее и нежнее...»

Утром Олег едва дождался, когда откроется Властин киоск. Стараясь не смотреть девушке в глаза, протянул книгу: «Прочитай... Вот здесь, заложено». Ему хотелось

рассказать Власте, что он чувствует. Но все слова, которые приходили на ум, казались избитыми, плоскими, ненастоящими. Желтков сказал то, что хотел сказать он. «Нет ни зверя, ни растения, ни звезды, ни человека прекраснее и нежнее... Да святится имя Твое...»

Ремонт закончился быстро. По крайней мере, так Олегу показалось. Со дня на день должна была приехать семья зама по вооружению, и тот распорядился, чтобы окна в квартире оставались открытыми круглые сутки. Из комнат должен был выветриться запах краски. Олегу приказали перенести из казармы свою постель, он должен был в квартире ночевать. Перехватывало дыхание, когда Олег думал, что сможет пригласить к себе Власту. Конечно, может здорово влететь, если попадётся – старлей Голуб при встречах смотрел злобно, – но упускать такую возможность было нельзя. Возвращая книгу, девушка так взглянула на него, что он понял: Власта обо всём догадалась. Но как эта прекрасная девушка относится к нему?..

Власта согласилась прийти не сразу.

– Олег... – Она отвела глаза. – Так делать плохо.

Шляхтин смотрел на милое лицо, на родинку над верхней губой, на лёгкий пушок на щеках – и сердце сжималось от любви и нежности.

– Ну почему плохо? Если бы я был гражданским, мы пошли бы в парк или в кино. Посидели бы в кафе. А так... Без увольнительной патруль сразу заметёт... Ты не бойся, я ничего плохого тебе не сделаю!

– Я не боюсь, – тихо сказала девушка и неуверенно посмотрела на него. – В военном городке мои покупатели живут. Будут думать...

– Но это же не так, мы знаем!.. И вообще мне надо тебе что-то важное сказать. Самое главное в моей жизни... Давно хочу.

Девушка улыбнулась:

– Давно?.. Мы знакомы шесть дней.

– Ты тоже считаешь?..

Наконец решили, что идти вместе не стоит. Власта

придёт после работы одна, Олег будет ждать. Он купил в военторге коробку конфет, а бутылку полусладкого вина ещё раньше заказал через чехов. После ужина в солдатской столовой вернулся в военный городок. Подрагивающими руками вставил ключ в замок, торопливо открыл дверь. В лицо пахнуло запахами ремонта. В открытые окна квартиры доносились голоса игравших у дома детей офицеров и прапорщиков. Всё приготовив к Властину приходу, Олег принялся слоняться по комнатам. Время тянулось улиткой.

Наконец в прихожей коротко звякнул звонок. Войдя, Власта обессилено прислонилась к стене, перевела дыхание.

– Как русские говорят – сердце в пятке?..

– В пятках. – Олег взял её за руку и провёл в комнату. С шутиливой приподнятостью заговорил: – Прошу вас, мадемуазель! Не взыщите за скромность обстановки. Располагайтесь!.. – От волнения у него взмок лоб.

Потом они сидели на расстеленном на полу солдатском одеяле, пили вино и смеялись. Всё теперь стало легко сделать, и Олег взял в ладони Властино лицо и сделал то, о чём мечтал – поцеловал девушку.

– Я люблю тебя.

– Я знаю. Нет ни растения, ни звезды, ни человека...

– Правда, красиво?

– Да. Скажи сам...

Они целовались. Счастьем были сумерки за окном, запах непросохшей краски, голоса офицерских жен, звавших детей домой. Олегу сделалось мало Властиного лица, шеи с завитком мягких волос. Задыхаясь от нежности, он принялся через футболку целовать её грудь.

– Олег, то нехорошо...

Не слушая, он снял с девушки футболку. Встав на колени, прикоснулся губами к тёмным ореолам, окружавшим соски, к самим соскам, похожим на аккуратные ягодки лесной земляники. Осторожно и бережно провел ладонью по светящимся в сумеркам незагорелым полусферам. Сердце глухо бухало.

– Я ничего плохого тебе не сделаю... Я люблю тебя.

Девушка молчала. Она прикрыла ладонью пояс джинсов, но Олег не думал прикасаться к ним. Стоя перед девушкой на коленях, он покрывал её тело поцелуями – грудь, плечи, нежный живот с трогательной впадинкой посередине. Ничего прекраснее не было.

– Милая моя!.. Нет никого на свете лучше, нет никого дороже...

Он неожиданно подумал, что мог и не узнать Власту. Жил бы за забором в нескольких сотнях метров от её киоска, как жил все предыдущие полтора года, и не подозревал бы, что есть такая девушка. Какая странная жизнь, как всё тонко, сколько зависит от случая!.. Надо было попасть служить в Чехословакию, именно в Клатови, и чтобы Власта работала в киоске неподалёку, и чтобы в часть назначили нового зама по вооружению, и чтобы его, Олега, отправили помогать ремонтировать квартиру... Один шанс из миллиона! Как случайно счастье! Как ненадёжно!..

Шляхтин опустился рядом, тихо поцеловал застывшую на поясе джинсов руку девушки. Удивлённая его молчанием, Власта вопросительно посмотрела. Глаз её не было видно, лишь на мгновение в свете проехавшей под окнами машины мелькнули белки.

– Вот видишь, ничего плохого я тебе не сделал. И не сделаю никогда.

Девушка потянулась к нему, обняла. Олег прижал её к себе, зашептал на ухо важное, сокровенное, нежное. Он выставил в стороны локти, будто защищая и оберегая от мира вокруг, такого ненадёжного и враждебного.

...Потом было ещё много хорошего – увольнительные в Клатови, почти ежедневные встречи у киоска или у ворот КПП с красными армейскими звездами (за пределы части выйти удавалось не всегда), долгие полудневные разговоры по телефону во время дежурств на коммутаторе... Но тот вечер в пахнувшей краской чужой квартире остался самым памятным и лучшим.

Он был счастье.

Публикация заметки о Сухих и перевод Геннадия на ассенизаторскую машину удивительным образом совпали.

Утром, когда Шляхтин появился в балке жилищно-коммунального отдела, его заметку читали вслух.

– ...Подобное безобразию было бы невозможно, если бы нынешняя власть не разрушила, как многое другое, систему лечебно-трудовых профилакториев, – взглянув на Шляхтина и слегка запнувшись, читал Женька Крючков, молодой слесарь котельной, из-за ворота которого выглядывала недавно вошедшая в моду тату в виде дракона. – По большому счёту, и Виктор Сухих, и его жена являются жертвами режима. Хотя это не снимает с них ответственности. Власть озабочена не здоровьем спивающегося народа, который высокомерно именует населением, и не улучшением... – Женька опять запнулся, – кри... кри-ми-но-генной обстановки в стране. Ей важно создать класс поддерживающих её собственников, и она не останавливается ни перед чем – ни перед расстрелом Верховного Совета, ни перед другими преступлениями. Народ отдан на откуп ну... нуво... нуворишам. В ущерб государственному бюджету передана в частные руки такая сверхприбыльная отрасль, как производство спиртных напитков... Всё! – Женька отложил газету. – Кто хочет, читайте! У меня от таких слов язык деревянный.

– А ты его тренируй, – с усмешкой бросил Шляхтин, садясь на скамейку у стены. Женька Крючков был старшим сыном Ольги, и Шляхтин обращался с ним по-свойски. Газета пришла вчера, он её уже видел. В заметке Дарьин многое добавил от себя, но Олег был с ним согласен. – Планерки не было? Где мастер?

– Срочно в администрацию вызвали.

– По работам не распределял?

– Пока нет.

– Давай я почитаю, – сказал Геннадий и потянулся к газете. Сегодня рейса «вахты» в город не было, и он нахо-

дился в балке вместе со всеми. – Ты где остановился? Ага, в ущерб государственному бюджету... так, так... сверхприбыльная отрасль, как производство спиртных напитков и торговля ими... Ага, вот. Но это ещё не всё. Власть расчищает дорогу для бесконтрольного их употребления. Тем самым давая беспрецедентную возможность наживаться новым хозяевам жизни. Ликвидация лечебно-трудовых профилакториев – один из шагов на этом пути. Режиму безразлично, что обобранный Гайдаром и оставленный без работы народ деградирует. Почему в деревнях и селах нашего района закрыты рыбоучастки и промыслово-охотничьи хозяйства? Почему лишены поддержки совхоз и рыбоперерабатывающий завод? Где селянам и ханты работать? На что жить?.. На эти и многие другие вопросы придётся отвечать. Частный случай, в котором замешана семья дебоширов Сухих, имеет глубокие социальные корни. Но это, повторюсь, не освобождает их от ответственности. В том числе, уголовной.

Закончив читать, Геннадий поднял голову. Какое-то время в балке было тихо. Мужики молча курили. Как всегда после публикации заметки в газете, Шляхтин ловил на себе уважительно-отчуждённые взгляды.

– Не позавидуешь Витьке и Альбине. На весь район прогремели, – сказал кто-то.

– А им по фиг.

– Брось. Почти с каждым рейсом Витька в город мотается. То рыбу кому-то везёт, то лосятину...

– Понятно, кому.

– Засуетился.

– Засуетишься! Эдик заявление участковому написал. Сроком пахнет.

Женька Крючков потянул у Геннадия из рук газету.

– О, здесь кроссворд!.. – Он подался вперёд, и стало видно, что извивающееся чешуйчатое тело драконатату уходит глубоко за ворот его свитера. – Объявляю конкурс на лучшую ручку! Есть у кого?.. – Женька неуверенно посмотрел на Шляхтина.

Олег усмехнулся. Знакомая история. Он тоже не знал, как обращаться к мужьям матери. «Папа» – смеш-

но, «дядя» – тоже как-то не то. Да и какой он Женьке дядя, если старше всего лет на десять.

– Держи.

– Часть прибыли акционерного общества, предназначенная для распределения между акционерами... Восемь букв. Активной, товарищи, активной!

– Дивиденд.

– Подходит... Документ, дающий право на часть общегосударственной собственности... Ну, это понятно, ваучер! – Женька, положив газету на стол мастера, принялся аккуратно вписывать буквы.

Геннадий, наблюдая за ним, негромко сказал:

– Зачем в человека стрелять? Мужского хозяйства мог лишиться. И вообще, у жены выкидыш... Виноват – ответь.

– Ты чего лезешь? – отозвался молодой мужик с нагло ватно выпуклыми глазами – видимо, один из родственников Сухих. Их в селе было много, в том числе среди работающих в ЖКО. – Тебе чего надо?

Геннадий промолчал. Шляхтин, усмехаясь, посмотрел на лупоглазого защитника. Он был готов к тому, что начнут угрожать, но тот отвёл взгляд.

У мастера Пуртова – длинного, смуглолицего, с жёлтыми белками глаз – была необычная походка. Когда Олег видел Пуртова, он каждый раз думал о том, что этот сорокалетний мужик законсервировался в своей приклатнённой молодости. Мастер приволакивал ноги и в такт шагам с лентой поводил плечами. Носил он короткую, до пояса кожаную «косуху» и модно вытертые джинсы, а руки постоянно держал в карманах. Выражение лица у мастера было то ли усталым, то ли брезгливым.

– Так, – сказал, входя в балок, Пуртов. Чувствовалось, он чем-то недоволен. – Слинкин, ключи от «вахты» на стол.

Растерявшийся Геннадий посмотрел по сторонам, поднялся.

– Не понял...

– Ключи на стол, я сказал! – повысил голос Пуртов. Ему нужно было на ком-то сорвать досаду. – Принимай ассенизаторскую машину. И не выступать!.. Не хочешь, пиши заявление!

Несмотря на безработицу, желающих идти на ассенизаторскую машину в селе не находилось. Здешние мужики считали это занятие унижительным. Пуртову приходилось самому время от времени садиться за руль, чтобы очистить септики школы и детского сада.

– В самом деле, бардак! – раздражённо заговорил он. – На Виталия Николаевича многие обижаются, я сам, бывает, тоже. А он прав, если по-настоящему! Я вам что, палочка-выручалочка? Пацан на побегушках? Попривыкали!.. В общем, так – или говновозка, или заявление.

Кто-то засмеялся.

– Почему я? – спросил Геннадий.

– Так надо. Распоряжение начальства.

– Какого?

– Не твое дело. Мое распоряжение!

– Не пойду.

– Пойдёшь, куда денешься!..

Геннадий не ответил. Втянув голову в плечи и не глядя по сторонам, он поднялся и вышел из балка.

14

Быстрым шагом в конец платформы, какие-то лица, запах креозота от шпал, дощатое сооружение с буквами «М» и «Ж», неприкаянные берёзки с полуоблетевшей листвой, вонь хлорки, жухлая трава пригорков вдоль сбегаящихся за станцией путей, размытая дождями тропа – и быстро вправо, в пролом в заборе с неровными ржавыми зубами выступающей арматуры!..

Всё, можно вздохнуть спокойней, здесь не достанут. Но всё равно подальше от вокзала, от людных мест, от центра! Будут искать, казак наверняка стукнет, они злобные, эти тупые крепкие мужички, нынешние хозяева жизни. Хотя какие хозяева – так, на подхвате, одноразового пользования!..

Он хлопнул себя по куртке, по внутреннему карману. Слава богу, паспорт на месте, не выронил, возясь в купе. Какая скотина – нагайкой!.. Ельцинские опричники, такие все подходы к Верховному Совету перекрыли. Они с

Родимцевым весь день тогда кружили в районе Краснопресненской, так и этак пытались пробраться с тыла к осаждённому Верховному Совету, но пути и здесь были блокированы. Солдаты ещё ничего, а рослые сытые омовцы в бронжилетах, в шлемах с калёными прозрачными забралами смотрели злобно, обещающе поигрывали тяжёлыми резиновыми «демократизаторами».

Сейчас на этом забытом богом полустанке нужно было думать, как не загреметь в обезьянник, потом, может, ещё хуже, надо уходить и путать следы, но оскомное чувство поражения снова заполнило его. То же! Опять!.. Выходы со станций Краснопресненская и Баррикадная в тот день были полупустые, люди старались побыстрее прошмыгнуть, косились по сторонам. Поговаривали, ни с того ни с сего налетели омовцы и били у метро всех подряд, женщин тоже. «С-сука! – сквозь зубы цедил Родимцев. – На собственный народ головорезов напускает. Ублюдок беспальный!..» Он не сдержался, уколол: «Вот тебе и класный мужик». «Кто знал!.. Горбачёв надоел со своей волянкой, сам себя перехитрил». – «По крайней мере, порядочный» – «Ну уж и порядочный!..» У них с Родимцевым были свои счёты.

Он вышел на окраину. Собственно, весь посёлок казался окраиной. Вокзал отсюда не просматривался, его заслоняли ещё не облетевшие тополя. Тёмные от дождей бревенчатые дома, большие лужи на разъезженной дороге, бельё на верёвках и ржавые, побитые холодом астры в палисадниках. Здесь осень наступала раньше, чем в Москве. Поодаль виднелось двухэтажное панельное здание с давно не крашеными металлическими воротами. Какой-нибудь заводик, дающий местному люду заработок. Вернее, дававший – вид у заводика заброшенный. Знакомая картина, слишком знакомая! Если бы почти не двое суток дороги, можно подумать, что опять оказался в Чифилёвске. Глушь и убожество, разве они для Власты? Десять лет прошло, а сердце и сейчас ноет, когда он думает о девушке. Но правильно поступил, правильно – не для неё такая жизнь!..

Ночью пройти к Верховному Совету тоже не полу-

чилось. Часа два они с Родимцевым подремали на ступеньках в каком-то подъезде. Утром вернулись на Калининский. Здесь уже было по-другому. Всю проезжую часть занимал ОМОН в разномастном камуфляже, колонна чего-то ждала. «Откуда, мужики?» – спрашивали с тротуаров. Народа было заметно меньше, чем вчера. По омовцам видно – не москвичи, другие лица. Омовцы молчали. «Военную тайну боитесь выдать?» – «Из Свердловска». – «С родины всенародно избранного?..» – издевательски уточнили с тротуара. «Есть и другие». Какая-то женщина принялась стыдить омовцев, цепко хватать за рукава, с силой тормозить. Те молчали, напряжённо заглядывали через головы в сторону спуска к Верховному Совету. «Эх, ма!.. Кушать-то хочца всем, не только на Москве!..» – дурашливым голосом протянул кто-то. Внизу неторопливо, веско застучал крупнокалиберный пулемёт, круша тишину, давая новую точку отсчёта событиям. Колонна задвигалась, подтянулась. Женщина истерически зарыдала: «Будьте вы навеки прокляты! И дети ваши, и внуки!.. Своих убивать идёте!..» Задёргался и Родимцев: «Надо что-то делать! Так и будем с этим быдлом стоять?!» Рядом с ними оказался какой-то человек с испытанным небритым лицом, горячечно зашептал, блестя глазами: «Я знаю, мужики, есть проход, пошли!..»

За ближним штакетником тупо ударила разбухшая дверь, во двор вырвались крики. Мелькая белыми голыми ногами, из калитки выскочила молодая женщина в домашнем халате, с визгом понеслась по улице. За ней бежал мужик с берёзовым поленом в руке, матерился. Лицо у мужика было зверское.

Первым порывом было остановить мужика, защитить женщину, но он сдержал себя. Дело пахло милицией, это сейчас ни к чему. Надо думать, как выбраться отсюда, сесть на другой поезд и ехать дальше. Или как-нибудь по-другому. Лучше по-другому, на вокзал нельзя. Опять усмехнулся: Власта – и такая жизнь, дикая, тупая, с мордобоем, с застиранным бельём на верёвках. Горько, до сих пор саднит, но поступил он тогда правильно!..

Сначала он не среагировал на «господин». Лишь потом, когда слово вполне серьёзно было произнесено ещё раз, оглянулся. Какой-то пацан лет семи-восьми, рядом сильно потёртый мужичонка с собачьим зависимым взглядом. «Господин, вы на нас не обижайтесь. – Мужичонка говорил «нас», словно защищался этим чистым пацаном, прикрывал свою никчемность. – Такая беда, к поезду не поспели. Шарнирному весь навар, а эта сука рваная разве поделится?.. Ой, беда, чего домой понесём, всё Шарнирному досталось!.. – Мужичонка не отводил глаз, чувствовалось, собирается о чём-то просить. – Сотенку-другую подкиньте, а? Дома мать-старуха, его вон бабка, жена больная, дети малые... Не обижайтесь, господин, не от добра выходим побираться».

Нищие в последние годы стали привычны, уже не стеснялись своего занятия. Говорили складно, жалостливо, били на слезу. Он грубо остановил: «Трубы у тебя горят! Потому и пацана с собой по поездом таскаешь, на опохмел сшибаешь». – «Христом-богом клянусь! – Мужичонка принялся истово креститься. – Не пью, нужда заставила. Сань, скажи господину, не пью я, скажи?..»

Эта скотская покорность, словечко «господин»... Нашёл господина! Ругаясь про себя, он достал почти ничего уже не стоившую тысячу, сунул в руку мужичонке. Скрывая неловкость, грубо спросил: «До следующей станции как добраться? Я от поезда отстал». – «А нет проблем! – Мужичонка был рад деньгам, сразу перестал называть господином и даже перешёл на «ты». – Иди прямо, выйдешь на трассу. Там голосуй. У нас водили нормальные, за так до Тобольска подбросят».

Что-то не давало уйти сразу. Он взглянул на пацана и понял – тот. Ясным взглядом, русыми волосами пацан напоминал Павлушку, сына. Сердце сжалось. «Мой папа не пьёт водку, – сказал пацан. – Не обижайте его».

Невозможно было смотреть в эти чистые глаза.

В субботу к Шляхтину заглянул Эдик. Дела у него явно шли на поправку. Теперь Эдик на палочку почти не опирался.

– Ну, как поживаешь? – Он медленно, всё ещё осторожно присел на стул и огляделся. – Тесновато у тебя.

Олег отложил «Советскую Россию», поднялся с койки.

– Конечно, не твои хоромы.

– Скажешь, хоромы... Не можем дождаться, когда ремонт начнётся.

– Материалы все завезли?

– Вроде.

– Ну вот, будут хоромы! А мне, холостяку, и этого хватает.

Шляхтин с удовольствием смотрел на друга. Конечно, Эдька уже не тот наивный салажёнок с открытым лицом – заматерел, настоящий мужик. Но Шляхтин до сих пор испытывал к нему чувство, которое было в армии. Младший брат, которого надо опекать. Сколько Олег себя помнит, он всё время жалел, что своего, настоящего брата у него нет. Из-за всей этой круговерти с мужьями мать на второго ребёнка так и не решилась.

– Что пишут? – Эдик мотнул подбородком на «Советскую Россию».

– А что могут писать? Ельцин с компанией употребляет народ во все дыры!

Эдик засмеялся, но по лицу было видно, что думает о другом. Однако заговорить об этом не решается.

– Проблемы?

Эдик опустил голову, поковырял палкой доски пола.

– Да какие проблемы... Генку хочу проведать. – И быстро посмотрел на Шляхтина. – Пойдёшь со мной?

В четверг в селе произошло чэпэ. Геннадий вскрыл себе вены. После того, как его перевели на ассенизаторскую машину, он несколько дней пил, бегал в трусах по Прилепину, на разные голоса разговаривал сам с собой. Вроде как объяснял гражданину начальнику, что его вины никакой нет, он распорядок не нарушал, всё

делал как положено. И тут же грубым голосом материл-ся, грозил карцером... Классическая «белка». Галина пробовала запирать Геннадия на ключ, но он выставлял окно и опять носился полуголым по заснеженным улицам. Пока в конце концов не вскрыл себе вены.

– Галина на меня наезжает. Говорит, я во всём виноват. – Эдик опять принялся ковырять палкой пол.

Шляхтин удивился:

– В чём виноват? Что Геннадия с «вахты» сняли?

– Ну. Говорит, если бы я заявление не написал, его бы не тронули.

Шляхтин потёр подбородок, хмыкнул:

– Быстро твоя сестрица переиграла. Забыла, что в тебя стреляли и про выкидыш у Оксаны.

Эдик неловко улыбнулся, пожал плечами. Шляхтин внимательно посмотрел на друга:

– А ты сам как считаешь?

– Я правильно сделал.

– Пошли, – сказал Олег и стал одеваться.

При фельдшерско-акушерском пункте имелось что-то вроде больничной палаты. В неё и поместили Геннадия. Он лежал на койке бледный, отрешённый, запястья обеих рук были перебинтованы.

– Здорово, – сказал Эдик, когда вместе со Шляхтиным они ступили в палату.

Порядки здесь были простые, Эдик и Шляхтин прошли, никого не спрашивая. Разве что поздоровались с молодой медсестрой, которая сидела за белым столом при входе в ФАП.

Геннадий на приветствие не ответил, наоборот – закрыл глаза. Бледной у него была даже лысина. Ему было то ли стыдно, то ли его основательно накачали транквилизаторами – как-никак попытка суицида.

– Шиндер где?

– Обедать ушёл, – отозвалась медсестра у входа. – А что?

– Генке переливание делали?

Медсестра появилась в дверях. Приталенный белый халат подчеркивал грудь, плотно облегал бёдра.

– Конечно. Столько крови потерять. Организму помочь надо... – Она оглянулась на стукнувшую дверь. – О, Галя пришла! Ты кормить?.. Проходи. Вот только не знаю, станет ли.

Эдик, стукнув палкой, беспокойно переступил с ноги на ногу. Шляхтин понял, что встречи с сестрой он побаивался, потому-то и позвал его с собой. Серьёзно, видимо, поговорили...

Галина хмуро посмотрела на них и не поздоровалась.

– Почему посторонние в палате? – поджав губы, сказала она в пространство. – Где Шиндер? Почему разрешает?.. Сами довели, сейчас навещать ходят, хорошие какие!

Шляхтин взглянул на Эдика, тот опустил глаза.

– Чем же это мы довели? – поинтересовался он. Отличие нынешней Галины от той, какой она была, когда Эдика ранили, было разительное.

– Сами знаете! – отрезала женщина. Она грохнула на тумбочку целлофановый пакет с выглядывающим из него термосом. – Столько лет работал, никаких претензий – и вдруг такое унижение. На говновозку!.. Все эта дура Оксана!

– А она чем виновата?

– Не надо было выступать в магазине. Я Эдке говорила, не женись на ней, слишком любит себя, локти кусать будешь. Не захотел сестру слушать!.. Сначала Эдку, теперь мужика моего...

– Она своё достоинство защищала. В этом её вина?

– Знать должна, с кем можно связываться, с кем нет! Не маленькая.

Олег прищурился.

– Одни, значит, не имеют права тебя за волосы таскать, другие – пожалуйста. Так, что ли?

– Вы мне голову не морочьте. Вы приехали и уехали, много вас таких было, а нам здесь жить!.. – Похоже было, ещё немного и Галина сорвётся на крик. – Мужика моего довели, ему на зоне досталось, вы его ещё тут, правдолюбцы хреновы!..

Геннадий на койке, не открывая глаза, вдруг внятно произнёс:

– Кончай базар. Достали.
Эдик словно ждал этих слов. Он потянул Шляхтина за рукав:

– Пошли.

На крыльце ФАПа они столкнулись с Шиндером. Смуглый черноглазый фельдшер в нерешительности остановился, не зная, подавать руку или нет.

– На перевязку приходил? – наконец спросил он.

– Так я вчера был, – отозвался Эдик, первым здороваясь. Вид у него в этот момент был снисходительный.
– Рано вроде ещё.

– Кашу маслом не испортишь. В понедельник обязательно приходи. В баню сегодня не надо.

– У Геннадия как?

– Нормально, насколько может быть в его положении.

– В город не надо?

– Думаю, нет. Отлежится у нас.

Когда отошли метров на пятьдесят от фельдшерско-акушерского пункта, Шляхтин спросил:

– Он что, действительно голубой?.. Что-то не верится. Вон у него какая тёлка в медсестрах ходит.

Эдик ухмыльнулся:

– Так она наоборот – конкурент ему. Мужики говорят, во время отсидки зэки опустили. Еврей, им интересно... Я слышал, документы на Израиль втихаря оформляет.

– В Израиль?.. – Шляхтин оглянулся, но фельдшера на крыльце ФАПа уже не было. – Шиндер осторожный, а там чуть не каждый день теракты.

– Зато никто не будет знать, что опущенный.

– Презирают?

– А то ты не заметил. Теперь у него такая масть. Не имеет права отказать, если найдутся любители. У зеков с этим строго.

Несколько шагов прошли молча. Шляхтин переадресовывал информацию.

– Что он такое сделал, что на зону попал? Врачебная ошибка?

– Понятия не имею. Шиндер не наш, приезжий... –

Эдик вдруг остановился. – Знаешь, мне как-то неудобно перед Кучерявым. Будто я в самом деле виноват.

Шляхтин понял не сразу.

– Перед кем неудобно?

– Ну, перед Генкой. Что, если Галина правду говорит, через него сводят счёты за заявление?.. Виталий Николаевич мужик тёртый, своими руками делать ничего не станет и Витьке не разрешит. Через Пуртова и Кучерявого. Намек – мол, и с тобой можем так разобраться...

Эдик отступил к краю дороги, опёрся на палочку. Подождал, пока проедет «Буран» с бочкой на полозьях. Вода плескала сквозь неплотную сидящую крышку, жидким блеском отсвечивала на металлических боках бочки.

– Галина хочет, чтобы я заявление из милиции забрал. Говорит, пока не поздно.

Шляхтин тоже остановился, рассеянно посмотрел вслед сильно чадающему «Бурану». Снег из-под гусянок густо пятнал бочку с водой.

– И чем они только свои «Бураны» заправляют! Нефтью, что ли, – гари на всё Прилепино!.. – с досадой сказал он. Затем повернул лицо к другу. – Смотри, Эдька, дело твоё!. Можешь забрать. Но будь готов, что Оксану и дальше будут бить, а в тебя стрелять!

Эдик помолчал.

– Перед Кучерявым как-то... – И дёрнул шеей, будто ему жал ворот.

16

И вот пустынные, несколько дней не метёные проходные дворы. Ярусы одинаковых окон, редкие машины на приколе. Порой пробивается большое октябрьское солнце, окна вспыхивают, крыши легковушек начинают лосниться. И всё мирно, буднично, скучно, если бы не стук крупнокалиберного пулемета. Тяжёлый прерывистый звук то на несколько секунд затихает, то возникает опять.

Родимцев матерится сквозь зубы. Мужик с испитым лицом горячечно бормочет: «Есть проход, гад буду... Но-

чью там был, держатся наши... Макашов, тот вообще!..» Он оборачивается, глаза у него хмельные, но мужик не пьян, Олег видит. «Так где твой проход? – выдавливает он сквозь зубы и чувствует, что со стороны выглядит таким же, как этот полоумный мужик. – Быстрее!..» – «Тихо ты, – мужик выглядывает из подъезда, стремительно отшатывается назад. – Уже здесь, суки!..» Он смотрит на Родимцева и Олега, будто ждёт от них подсказки, как быть. Похоже, на улице пост ОМОНа или солдаты. Стук крупнокалиберного пулемёта за домами вдруг перекрывает гулкий тяжкий звук. Потом ещё раз и ещё. Эхо прыгает между домами. «Танки, твою мать! – говорит Родимцев, и его лицо наливается кровью. – Семьдесят вторые бьют!..» Он знает, служил в танковой части.

По-мальчишески шкодливо оглянувшись по сторонам, мужик втягивает голову в плечи и кричит: «За мной!..» Он выскакивает из подъезда, куда-то косолапо бежит, сильно размахивая руками. Думать некогда, Олег за ним, канализационный люк, мужик железкой подхватывает край, тяжело отваливает, прыгает вниз. Метрах в семидесяти пятнистые камуфляжи, оттуда несется «Стоять!» и одновременно очередь – это Шляхтин отмечает краем сознания. Страха нет. Нет и удивления, что свои, русские стреляют в него, русского. «Стрелки херовы!» – с радостной издёвкой бормочет он, поняв, что пули прошли мимо. Ржавый металл скоб, канализационная вонь, на голову сваливается Родимцев.

В колодце ничего не видно. Глухой сдавленный голос мужика доносится откуда-то сбоку: «Сюда давай! Гранатой могут!..» Ударившись головой, натыкаясь на влажные стены, Олег бросается на звук. Мужик прав, надо уходить как можно дальше от люка. Сзади громко дышит Родимцев. «Не зацепило?» – «Всё нормально». Они уже бредут по щиколотки в вонючей жиже, впереди шлёпает мужик. «Фонарик есть? Включи». – «Охуел? – отзывается тот. – Заметяй!». Но те, в камуфляже, спускаться в колодец не спешат. Для остротки дают сверху несколько гулких очередей. «Боятся, сволочи, – удовлетворённо произносит Родимцев. – Эх, пистолет хотя бы!.. Долго идти?»

Мужик ничего не отвечает, другое не даёт ему покоя: «Ещё утром запросто прошёл, никакого поста не было, – вновь по-мальчишески изумляется он. – Серьёзно взяли!» – «Серьёзней не бывает. Из танков». – «Тише вы!..» – прикрикивает Родимцев. Этот начальственный окрик заставляет Олега стремительно обернуться: «Заткнись! Врежу!..» Ничего не видно, но он ясно представляет крупное одутловатое лицо Родимцева, чем-то напоминающее ельцинское, тонкие безжалостные губы – и злоба захлёстывает его. Здесь нервы последних дней, два часа полусна на ступеньках подъезда, неприязнь к всегдашней безаппеляционности Родимцева – и ненависть к «всенародно избранному».

Вот тебе и мировой мужик! Дураку было ясно, ездил в Штаты на смотрины и нажрался на радостях, когда получил картбланш. Едва держался на ногах перед камерами. «Непра-а-вда, это всё итальянская жёлтая пресса, макароники позорные...» Как бы не так! С самого начала было видно, что за птица. Обкомовский выкормыш. Нашли, придурки, демократа. Вот он вам и показывает свою любовь к демократии!.. У Олега ненависть к таким безотчётная, на генном уровне. Внешность, манера говорить, бьющее в глаза жлобство. Ну а то, что сейчас делает, – производное. Такие перед кровью не останавливаются.

Он наталкивается на спину. «Тихо!» – шепчет мужик. На минуту все трое замирают. Впереди слышны неясные звуки, то ли шаги, то ли вполголоса бубнящие голоса. Какое-то время они прислушиваются, боясь переступить в смрадной жиже, ноги давно мокрые. «Ладно, пошли!» – опять командует Родимцев. Он пропустил мимо ушей угрозу Шляхтина. Его голос дрожит от нетерпения, Родимцев там, на поверхности, среди стреляющих. Мужик молчит, потом шепчет: «Чего-то затевают. Надо подниматься на волю».

Опять двигаются в темноте, похоже, в боковое ответвление. Но вонь та же и стены такие же скользкие. «Долго ещё? – нервничает Родимцев. – Ты куда нас завёл?!» Спустя минут пять не выдерживает и Олег: «Заблудил-

ся, что ли? Чего молчишь?» – «Всё путем», – неуверенно отвечает мужик и включает фонарик. Батарейки сели, жидкого света едва хватает, чтобы рассмотреть красную кирпичную кладку по бокам. Что впереди – не разобрать. «Я тебя сейчас утоплю в дерьме!» – грозит Родимцев. Мужик молчит. Наконец облегченно: «Ну вот, правильно всё! Коллектор, я говорил... Не мой участок, чего хотите. Если б мой – другой вопрос!..»

Последние слова доносятся приглушённо, сверху, мужик поднимается по шахте, приподнимает крышку люка. Появляется яркая щель, свет бьёт по отвыкшим глазам. Становятся видны вделанные в цементную стену скобы, ожидающее задранное вверх напряжённое лицо Родимцева. «Что там?» – «Нормально, – мужик сдвигает в сторону крышку, выбирается на поверхность. – Давай!..» Выбираются и они, быстро смотрят по сторонам. Просторно и чисто, вкусный воздух. Улица с жёлтыми тополями, дома тридцатых годов для передовиков труда, почти никого прохожих. Ни солдат, ни омовцев тоже не видно. И стрельба не так слышна, как раньше.

«Не понял. – Родимцев распрямляется и требовательно смотрит на мужика. – Где мы?» Тот умелым движением задвигает крышкой люк, оглядывается. «Сейчас через чердак. Видишь, пожарная лестница... Блядь!» Пригнувшись, мужик вдруг бросается в сторону. Всё так же косолапя и нелепо размахивая руками, бежит к ближайшему дереву, прячется за ствол. «Беги! – кричит он Шляхтину. – Не стой!..» Ничего не понимая, Шляхтин смотрит на завалившегося на асфальт Родимцева, на его неудобно подвернутую ногу, на спокойное лицо. Оступился? С чего вдруг?.. «Беги! – надрывается мужик. – Снайпера посадили!..» Шляхтин подчиняется этому сумасшедшему крику, тоже бросается к дереву, прижимается грудью к стволу. Потрескавшаяся грубая кора давит через куртку, от дерева пахнет парком, качелями, лотком мороженщицы, женскими духами. Родимцев возле люка не шевелится. Расстояние невелико, и Олег видит его по-прежнему спокойное лицо, открытые глаза и появившуюся из-под головы темную струйку.

Так это и происходит – просто, неожиданно?..

Олег не может согласиться. Он выскакивает из-за дерева, бросается к Родимцеву, подхватывает безвольное тело под мышки, тянет к дереву – может, не убит, может, болевой шок. «Назад! – кричит мужик. – Застрелит!..» Он прав. Первая пуля входит рядом, отколов кусок асфальта. Вторая в тело Родимцева. То ли снайпер плохой, то ли спешит, не ожидал такого безрассудства. «Ты мне ответишь! – шепчет Шляхтин, укрывшись за деревом и глядя туда, откуда стреляли. – Я тебя достану, скотина!..»

В двух шагах лежит Родимцев, в его мёртвых глазах отражается жёлтая крона тополя.

17

Олег давно зывал Дарьина в гости. Он соблазнял его рыбалкой, которая, по словам прилепинских мужиков, весной самая лучшая – щука идёт икрная. А вообще-то Шляхину хотелось посидеть с думающим человеком, не спеша поговорить. В Прилепино ему не хватало общения.

Часто вспоминался Чифилёвск, споры с коммунистами и сторонниками Ельцина, когда дело доходило до оскорблений, едва не до драки. Конечно, с Дарьиным спорить особенно не о чем – их взгляды во многом совпадали. Но по крайней мере можно высказаться, облегчить душу. А в Чифилёвске была ещё и вера, что слова не просто сотрясение воздуха, а возможность повлиять на других и в конечном итоге изменить жизнь.

В Прилепино, конечно, тоже можно с мужиками посидеть и выпить, но о серьёзных вещах не поговоришь. Здешних мужиков мало интересовало то, что происходит за пределами села. Это вызывало у Шляхтина досаду. Когда он ехал сюда (убегал – точнее), то надеялся, что люди здесь другие, не такие, как холодно расчётливые, себе на уме москвичи. Собственно говоря, он и сейчас в душе на это надеялся. Ведь то, что происходит в Москве, на местных мужиках, на их жизни

рано или поздно скажется. Должны же они, в конце концов, это сообразить.

Дарьин заявился в начале апреля, в выходной. Он просунул голову в дверь, весело поинтересовался:

– Гостей принимаете?.. – Увидев участкового, добавил, не меняя шутивого тона: – Так-так. И что же этот человек натворил, любопытно знать?

– Проверка паспортного режима, – скупно отозвался участковый. Он зашёл к Шляхтину минут за пять до того, как появился Дарьин, и сейчас сидел за столом, листал Олегов паспорт. Участковый не знал, кто перед ним, и потому ответил сдержанно.

Дарьин свободно, не смущаясь милицией, подошёл к Олегу, пожал руку. Беглым взглядом окинул комнату.

– Так вот, значит, как живёт наш лучший внештатный корреспондент... Капитан, вам ещё долго?

Уверенный тон смутил участкового. Он, видимо, решил, что этот бесцеремонный мужчина в добротной дублёнке имеет право так себя вести. Скорее уже для проформы участковый скороговоркой обратился к Олегу:

– Вы из Подмосковья, появились у нас в октябре. Не выписались с предыдущего места жительства и не уволились с работы. Такое впечатление, что уехали под давлением обстоятельств. Вы случайно не принимали участие в попытке государственного переворота?

Было видно, участковому не хочется спрашивать ни о чём подобном, но почему-то было необходимо. Он закрыл паспорт и, положив на стол, отодвинул его от себя.

– Вы о защите Верховного Совета? Не успел. Не дали. – Олег твёрдо смотрел в глаза милиционеру. Про себя удивился: никому про свои попытки попасть в заблокированное здание Верховного Совета и обо всём остальном он не рассказывал. И вообще, зачем это вдруг участковому понадобилось?..

– А что это вас интересует, капитан? – вмешался Дарьин и удивлённо вздёрнул брови. – Если вам так интересно, случайно (он с нажимом произнёс это слово) участвовал в защите Верховного Совета я. Это в меня случайно стреляли из танков, а потом случайно били безоружно-

го... В вашей конторе вышло распоряжение выявлять защитников Верховного Совета? Назовите, пожалуйста, фамилию и должность человека, который приказал это делать. Нашим читателям будет интересно узнать. – Дарьин демонстративно достал блокнот и ручку.

Когда участковый, прихватив со стола армейскую планшетку, ушёл, Олег заметил:

– Что с него взять... Подневольный человек.

Капитан не вызывал у Шляхтина недобрых чувств. И не только потому, что дал ход делу со стрельбой в Эдика, хотя знал, что Витька Сухих брат главы администрации. Участковому приходится делать не то, что хочет, а что приказывают. Как и тому салаге со снайперской винтовкой на чердаке. И оттого, что он поступил тогда с подневольным человеком жёстко, теперь заставляло быть снисходительным.

– Они все не виноваты. Послушать, каждому надо жить, у каждого семья и дети. А между тем всё их руками сделано, – жёстко парировал Дарьин. – Что Ельцин сам по себе? Хамоватый забулдыга. Такие возле винного магазина с пустым стаканом отираются, пока им физиономию не начистят.

Шляхтин спорить не стал, вслух подумал:

– Виталий Николаевич натравил?.. Вряд ли по собственной инициативе.

– Ты про участкового?

– Да. Или действительно им цэу в райотдел пришло выявлять сочувствующих?

– А то они не знают. Все нормальные люди! – Дарьин пытливо прищурился. – У кого-то здесь на тебя зуб? Сводят счёты за публикации?.. Ты говори, я раскручу это дело. Кстати, у меня к тебе разговор. В редакции вакантное место появилось. Потом потолкуем об этом.

Шляхтин кивнул:

– Ладно. – И заулыбался, глядя на добротного, погородскому одетого Дарьина. – Вы что, в таком виде собрались на рыбалку?

– Обижаетесь, начальник! – вновь шутейным голосом заговорил Дарьин. – Чай, не первый год на северах!

Дублѐнка – одна видимость, можно сказать. Всё необходимое у меня в машине. – Он кивнул за окно. Там сверкала на солнце нарядная «Хонда». – Где твой Дерсу Узала? Зови знатока фартовых мест!..

Через полчаса они уже ехали на «Буране» по заснеженной реке. Дарьин – на сиденьи за спиной у Афанасьича, Олег – полулѐжа в коробушке, рядом с пешней, широкой фанерной лопатой и сетью.

По обеим сторонам реки тянулся предвесенний тальник, его кора наливалась нежно зелѐным цветом. Иногда к реке, будто животные на водопой, спускались невысокие вытянутые холмы – по-местному, гривы, – поросшие курчавым кедрачом или чѐрным ельником. Блестящий на солнце наст бежал почти на уровне Олеговых глаз – борта у коробушки были низкие.

С интересом поглядывал по сторонам не только Дарьин. Олегу тоже нечасто выпадало бывать в окрестностях села. Кроме поездки с Афанасьичем за дровами ещё только раз – с Ольгой и её знакомыми – выбирались на Восьмое марта жарить шашлыки. При здешней зиме, если нет снегохода, надо ждать лета, чтобы побывать на реке или в лесу. В другое время не пройдѐшь – утонешь в снегу.

Внимание Олега привлекла пара ворон. Они носились поодаль, неуклюже пикировали, преследуя друг друга. Наверно, каркали – «Буран» заглушал все звуки. Весенние брачные игры, подумалось Шляхтину. Он усмехнулся: ничего себе весна! Апрель, а снег и не думает таять, это не Подмосковье... Афанасьич тоже поглядывал в сторону резвящихся ворон. Неожиданно он заглушил «Буран».

– Самая верная примета. – Хозяин повернул лицо, махнул шубинкой в сторону птиц. При Дарьине, постороннем человеке, он немного важничал. – Ханты знают, если прилетела серая ворона, значит – весна. У хантов даже праздник такой есть, серой вороны.

– В самом деле? – оглянувшись на Олега и подмигивая, подыграл Дарьин. Он, конечно, знал о местной экзотике. Просто с самого начала взял почему-то с Афанасьичем слегка насмешливый тон.

– Ну. Серая ворона любит, чтобы по весне было

много детей. Это сейчас всякие пелѐнки и памперсы, а раньше ханты стружку от берѐзы или тальника под детей ложили. Потом высыпали на пеньки вокруг стойбищ – такой закон у них. Вороны прилетят, а ещё холодно, они в тех стружках лапы греют. Потому любили стойбища, где много грудников. Считалось, весна на таких стойбищах раньше приходит.

– А вы откуда знаете? По виду вроде не хант.

Афанасьич приосанился.

– Поживѐшь с моѐ, будешь знать... А насчѐт того, хант или нет, точно не установлено. У нас здесь понамешано всякой крови, каждый на каку-нито часть хант. Скажи, Олег?

– Он-то откуда знает? – Дарьин прищурился. – Он недавно на Север приехал!

– Хм, в газету пишет. А там людей подкованных печатают.

Дарьин опять подмигнул Олегу.

– Это точно!

Когда приехали на место, Афанасьич долго ходил по насту, топал ногой и что-то прикидывал. Из его солидных пояснений следовало, что осенью в реке была низкая вода, легко попасть на мелкое место, а там, понятно, сеть не поставишь. Наконец он сказал:

– Ладно, долбите тут. Я за шестом. – И, отцепив коробушку, уехал.

– Ну что, раззудись плечо, развернись рука?.. – Дарьин скинул камуфляжной расцветки куртку, бодро потѐр ладони. – Значит, так. Я пешней вскрываю наст, а ты за мной выгребаешь снег до льда. Потом долбим лунки... Сеть стандартная?

Олег пожал плечами.

– Бог знает. Я первый раз.

Он с интересом поглядывал на Дарьина. Бывший депутат и известный журналист быстро превращался в ухатистого деревенского мужика, твѐрдо знающего, что и как надо делать. Да и вѐл он себя совсем не так, как в редакции.

– Если по виду, то стандартная. Так что лунок десять хватит. Ну, поехали!..

Работалось с удовольствием. Пласты отколотого наста походили на небольшие угловатые льдины, снег под ними был сыпучий, словно песок. Шляхтин выгрёбал его вместе с кусками наста фанерной лопатой, оббитой по кромке жестью, отбрасывал в сторону. Получалась достаточно глубокая траншея. Олег чувствовал, как просыпаются, наполняются бодрой силой застоявшиеся мышцы. Было радостно от движения, от яркого солнца, от голубых теней на снегу.

– Виктор, вы сами из каких мест?

Дарьин опустил пешню.

– Брось выкаты, старик, не в конторе!.. Почему спрашиваешь?

– Смотрю, знаешь дело. Будто вырос здесь.

– Так за двадцать-то лет на северах научишься! Медведя вон на мотоцикле можно выучить ездить!.. Я смоленский, приехал в семьдесят третьем комиссаром комсомольского эшелона. Тогда Самотлор гремел. С тех пор здесь в разных качествах и работаю. Само собой, охотиться приходилось, рыбачить... Работал одно время на буровых, а они не всегда хорошо снабжались. Подножный корм в таких случаях, доложу тебе, незаменимая вещь. Да и просто интересно!.. Ты не устал? А то давай подмену.

– Нет, всё нормально.

Дарьин перехватил пешню, вновь принялся колотить наст. Получалось это у него размашисто, красиво. Некоторое время он сосредоточенно работал. Неожиданно сказал, будто с кем-то спорил:

– Согласен, нахрапа и бесхозяйственности было выше крыши! Ради метров проходки и дебита скважин забывали обо всём – они были божествами. Но ведь и хорошего работягу ценили! Ордена, премии, почёт – всё было. Нефтяники за тысячу километров летали в Тюмень на выходные пиво пить. Могли себе позволить, не каждый министр столько получал, сколько они!.. – Дарьин остановился, воткнул в наст пешню. – Ты смотри, как получается. Избитая вроде бы формула: ощущение причастности к великому делу. Кондовое журналистское клише, штамп с бородой. А верно! Ве-

ликая страна – и на меня падает её слава, я тоже имею право гордиться собой. Это я сделал её великой, моим трудом она такой стала!..

Олег перестал бросать снег, слушал, опершись на лопату. Кровь жарко гудела в мышцах, дышалось легко, свободно, едва заметный в солнечном свете пар отлетал от лица.

– Так бы что? Ну, жил бы я себе, коптил небо, производил бы на свет детишек. А по большому счёту, пропадало бы то, что во мне потенциально существует. – Дарьин помолчал. – Чтобы по-настоящему реализовать себя, русскому человеку нужны экстремальные условия, в этом я совершенно уверен. Петр там, Сталин – тираны, говорят. Скрутили, дескать, народ в бараний рог. А без Петра Россия не стала бы мировым государством, империей. В восемнадцатом веке ни одна пушка в Европе не смела выстрелить без согласия России. Сталину мы обязаны победой в войне. Его воля, жёсткость, ум заставили русского человека проявить свой потенциал, выложиться, до конца реализоваться! А так бы вся сила пропала без толку, разошлась по мелочам, ушла в песок. Мы особый народ, самобытная нация – вот это в первую очередь надо иметь в виду!

– Умом Россию не понять, аршином общим не измерить...

– Ты не улыбайся, прав Тютчев! У нас выбор – или впасть в ничтожество, как когда-то говорили, или за счёт напряжения всех ресурсов быть мировой державой. Расслабуха не для нас, сойдем с мировой арены, такая у нас судьба, такой менталитет! А Горбачёв, теперь Ельцин именно к этому ведут дело. Они не самостоятельные фигуры. Они выполняют заказ. Чужой заказ, геополитический.

Быть может, следовало промолчать. Дарьин был по сути единственным человеком, на которого Олег мог рассчитывать, и не только в редакции. Но опять неуспокоенно заныло: с Ельциным всё понятно, властолюбивый пропойца, ломает страну через колено. Но почему не хотят видеть, что Горбачёв – другое? Да, доверчив, торопливо стал во всём уступать американцам, это так. Но

ведь старался избавить людей от рабской психологии, хотел, чтобы русский человек ощутил наконец своё достоинство, выпрямился. Люди же мы, не стадо баранов!..

Ради какой такой цели жертвовать всем? Чтобы весь мир Россию боялся? Зачем это простым людям? Тем более, что и это проходит. Боялись Рим, боялись Египет – что от них осталось? Надо жить теперь, сейчас, как все живут, как должны жить. Как в Европе, как в тех же Штатах. Мы что, второй сорт? Унтерменшы?.. Почему власть не может с уважением относиться к народу, а обязательно давит, унижает, обирает? Будто завоевали страну и делают всё, что хотят. Придумали себе великую цель, то третий Рим, то коммунизм во всём мире и этим свой сволочизм оправдывают. Мол, потерпите. Не только при Сталине – всегда. Что при царях, что сейчас. Достаточно почитать историю. Один к одному!..

Приблизительно это Олег и сказал Дарьину. Тот слушал, кивал головой, улыбался.

– Ты мне за то нравишься, что искренний, не держишь камня за пазухой. Тебе сколько?

– В смысле? – Олега от возбуждения познабливало.

– Сколько тебе лет?

– Тридцать. Почти.

– Я в твоём возрасте был проще. Много на веру принимал. Это сейчас понимаю, что даже правду можно сделать орудием своих целей. Я неверующий, но Библия великая книга. Там сказано, что придёт Антихрист и станет говорить всё правильно, как Горбачёв, например... Не надо, не спорь! Сам со временем поймёшь. А может, нет, это уж как кому дано... Россия – не страна. Россия – цивилизация. Особая цивилизация. У неё свой путь, не все это понимают... Ага, Дерсу Узала на горизонте нарисовался, а у нас с тобой лунки не готовы. Навались!..

Но, отколов несколько кусков наста, Дарьин опять выпрямился.

– Один остроумный англичанин о нас так сказал. Великое несчастье русских заключается в том, что они белые. Поэтому все думают, что русские должны быть, как остальные европейцы. К китайцам или арабам ни-

кто с такими мерками не подходит – цвет кожи другой... – И Дарьин, как показалось Олегу, посмотрел на него сожалеюще.

Афанасьич привёз не только жердь, которой предстояло заводить сеть под лёд. За «Бураном» скользили по насту несколько сушин в руку толщиной.

– Хозяин, нам и без костра жарко!..

Афанасьич заглушил снегоход, критически осмотрел сделанное.

– С чего это вам жарко?.. Пока вы тут прохлаждались, я мешок щуки поймал.

– Да ну!.. – Дарьин опять заговорил насмешливым голосом.

Афанасьич сбросил с заднего сиденья подмокший вместительный рюкзак.

– Смотри сам.

– Когда успел?!

Старик довольно ухмыльнулся.

– Да уж успел. Думаешь, у меня в одном месте сети стоят?.. Ладно, мужики, вы продолжайте, а я пока костерок разложу, подовушку из свежей щуки сварганю.

Технология установки сети под лёд была проста. Когда Олег и Дарьин, согнав с себя семь потов, продолбили в полуметровом льду лунки, Афанасьич привязал к концу шеста сеть и, аккуратно разбирая её, чтобы не запуталась, стал заводить шест в крайнюю, самую широкую лунку. Шест подо льдом надо было направлять так, чтобы он поочередно прошёл все лунки. Сеть, соответственно, тоже. Из последней, тоже широкой лунки, шест вытаскивался, а конец сети закреплялся. Другой конец крепился в первой лунке.

– Ну, всё, теперь пусть стоит, – сказал Афанасьич, когда сеть была поставлена.

Дарьин сделал наивное лицо.

– И долго ждать?

– Зачем долго? Подовушки поедим и вытащим. – Вид у Афанасьича был серьёзный.

Дарьин захолопал глазами, изображая недоумение.

– Щука что, косяками здесь ходит?

– Вроде того.
– Иди ты!..
– Правду говорю.
– Ну, дед! – засмеялся, не выдержав тона, Дарьин. – Ловок ты за нос водить!..

Афанасьич усмехнулся:

– А то ты поверил. Это Олежка без понятия, а ты знаешь что к чему, только придуряешься чего-то... Пошли, подовушка остынет.

Дарьин смутился, хотя старался не показывать вида. Кивнул на Афанасьича – понимает!

Пить на реке вроде не собирались, но как-то так получилось, что в спортивной сумке Дарьина оказалась бутылка водки, а в бардачке под сиденьем «Бурана» эмалированная кружка. Через несколько минут все трое уже сидели у костра и по очереди прикладывались к кружке. Закусывали подовушкой – выпотрошенной и распластанной наподобие камбалы щукой. Насаженная на тальниковые прутья, она прожарилась на костре до золотистой корочки.

В алюминиевую миску, тоже отыскавшуюся в бардачке снегохода, Афанасьич вывалил щучью икру и молоко. После первых глотков водки стал уверять, что молоко особенно полезны – дают мужскую силу. Именно сырые, слегка подсоленные. Его дед каждую весну специально ради них щуку ловил, потому в шестьдесят с лишним и потянуло ещё раз жениться.

– Тебе молоко сейчас тоже в самый раз... – подначил Олег, хрустя подовушкой.

Дарьин переводил непонимающий взгляд с Олега на Афанасьича и обратно.

– О чём речь?

Шляхтин искоса взглянул на Афанасьича.

– Да вот женские голоса в последнее время слышу за стеной...

– Это ты загнул. Один голос, – возразил хозяин. – Приходит тут одна... Характерами пока притираемся.

– Молоки как, притираться помогают?..

– Ладно вам, черти, – пробурчал Афанасьич. Однако чувствовалось, недовольство его наигранное.

Сценка на кладбище, которой Олег был свидетелем, похоже, пошла на пользу дела. На половине Афанасьича стала появляться какая-то толстуха лет пятидесяти. Ночевать она не оставалась, но за хозяйство взялась. Олег однажды видел, как женщина вытряхивала половики. Ольга выбором дяди была недовольна. «Агрессивная, – сказала она о толстухе. – Один муж у неё повесился, второй в город сбежал». – «Толстые обычно агрессивными не бывают». – «Так то обычно... Ох, Олежка, плохо ты женщин знаешь!»

Бутылка была на исходе, когда Дарьин, набрав полную грудь воздуха, с чувством сказал:

– Сам себе иной раз удивляюсь! Казалось бы, чужие места, а как к ним привязался! Приезжаю на родину – нет, не то, обратно тянет. На Смоленщине и климат лучше, и всё растёт, а уже чужое. Пару недель побуду – всё, больше не могу! Родственники обижаются, мол, зазнался, а меня тянет обратно. Сердце моё уже здесь!..

Заговорил о любви к родным местам и Афанасьич. Этого Олег от хозяина, которого считал довольно суровым, без сантиментов мужиком, не ожидал. Выяснилось, когда Афанасьич служил в Закарпатском военном округе, он сбежал из части – так домой тянуло. За что получил потом два года дисбата. Афанасьича поймали уже под Станиславом, так раньше украинский город Ивано-Франковск назывался. Ночью он шёл, а днём отсыпался в лесополосах. Оборвался и отощал – только-только начиналось лето, на полях ещё ничего не было, а заходить в села он боялся. Однако на восток всё равно шёл упорно.

– Живут там хорошо, но русских не любят, особенно военных. Я, скажем, на танцах девушку приглашаю, а она – нет! Как я, дескать, пойду с тобой, у тебя на погонах кровь моего отца. Я младший сержант, лычки красные, а они, понятно, бендеровцы, с нами воевали... И союзники – ну, Варшавский договор – тоже говно. Совместные учения, к примеру, они смеются, что нам дают исть. У нас суп из горохового концентрата и кирза, а у них картошка с сосисками, белый хлеб, паштет, масло... Но мы им показали! Поняли, что такое русский солдат! Выво-

дят всех в поле, команда лечь и окопаться. Ну, совместные учения, понятно. А жара, земля твёрдая, сапёрными лопатками не угрызёшь! Наш иван пыхтит, потеет, но окапывается. А союзники так себе, ни шатко ни валко – сачкуют, по-нашему говоря. А чего – учения, не настоящая война!.. А тут танки. Наверно, целый полк. И серьёз так прут на позиции! Не то, что обозначили атаку и свернули, а по-настоящему прут. Смотрю, сто метров, пятьдесят, тридцать... Сначала румыны драпанули, потом чехословаки с поляками. Мы – хоть бы один дернулся! Хер вам! Вы смеялись над нами, а сами обосрались! Мы кирзу исть будем, а выстоим. И никакие сосиски с паштетами вам не помогут!..

Афанасьич разошёлся не на шутку. Глаза его горели, лицо было боевое, решительное. Старик даже моложе стал. Дарьин смотрел на него и одобрительно кивал. Олег не выдержал:

– Афанасьич, ты мне один анекдот напомнил. Рассказать?

Хозяин был весь там, в армейской своей молодости, анекдоты его сейчас не интересовали, но Дарьин кивнул:

– Давай.

– Это ещё советский анекдот. Один мужик вступает в партию. Его спрашивают: если партия прикажет бросить курить, вы – как?.. Мужик подумал и говорит: ну, если партия прикажет, брошу. Ему опять вопрос задают: а если партия прикажет бросить пить?.. Мужик опять задумался, наконец со вздохом отвечает: что ж делать – брошу. Ему ещё вопрос: а если партия прикажет отказаться от женщин?..

Дарьин захохотал:

– Это где они таких садистов для партбюро выкопали?!

– Брехня, – недовольно сказал Афанасьич. Он вылил остатки водки в кружку и в одиночку выпил.

– Вы слушайте, слушайте. – Олег был серьёзен, будто не анекдот рассказывал, а поучительную историю. – Мужик, значит, опять задумался. И долго так думал. Наконец в сердцах махнул рукой и говорит: раз партия

прикажет, и от женщин откажусь!.. Тогда ему ещё вопрос: а если партия скажет отдать жизнь за правое дело? Мужик сходу: отдам! На кой хрен такая жизнь нужна!..

На этот раз засмеялся и Афанасьич:

– Во даёт!..

Дарьин внимательно посмотрел на Олега.

– Анекдот, я понимаю, с подтекстом?

– Правильно понимаешь! – Олега понесло. Сказывалось выпитое. – Союзники побежали, потому что им жизнь дорога, а нашему солдату чего жалеть? Кирзу, которую собаки жрать не станут? Концентрат гороховый, от которого в казарме не продохнуть? Или того, что старшину-дуролома больше не увидит?..

– Оригинально ты стойкость и патриотизм толкуешь, однако.

– Какой к черту патриотизм – забитость! Злость не на отцов-командиров и родину-мать, которая держит за скотов, а на тех, кому лучше. На чехов с поляками!.. А насчёт патриотизма, я только недавно по-настоящему понял выражение, патриотизм – последнее прибежище негодяев. Когда власть не может предложить ничего стоящего, она зывает к чувству патриотизма. Сволочи!..

Некоторое время Дарьин и Афанасьич неловко молчали, будто Олег сказал что-то неприличное. Наконец Афанасьич негромко спросил:

– Олечка, ты что так русских людей не любишь?

– Я русскую власть не люблю! А людей – потому что они эту сволочную власть терпят. Потом отыгрываются друг на друге.

– Ладно, мужики, хорош, – бодрым, подводящим итог голосом сказал Дарьин. – Сеть мы поставили, за удачу выпили – пора обратно. Афанасьич, ты мне авансом мою долю не выдашь?.. Или куплю, если хочешь. Я обещал жене сегодня вернуться.

Олег удивился:

– Так мы договаривались, ты с ночевой приедешь. Посидели бы у меня, пообщались...

– Нет, надо ехать. – Дарьин не смотрел в глаза.

– Говорил, у тебя разговор ко мне насчёт работы...

Дарьин хлопнул Олега по плечу, громко засмеялся:
– Какие наши годы, старик, ещё пообщаемся и по-толкуем!..

Через час он уехал на своей нарядной «Хонде» из села.

18

Всё входит в память остро, резко – навсегда. Гулкие пустые пролёты, запах кошачьей мочи, жёлтая плитка лестничных площадок. Во всём отчуждение и опасность. Мужик сзади, его загнанное дыхание, прерывистые слова: «Куда?.. На пожарную лестницу надо!.. Ты что, тупой?..» Шляхтин оглядывается, на мгновение выхватывает истоиво выкатившиеся глаза, задыхающийся рот, злобно цедит сквозь зубы: «Пшёл ты!..»

Ему кажется, в том, что Родимцев лежит внизу на асфальте и жёлтая крона тополя отражается в его мёртвых глазах, виноват не только снайпер. Этот придурок тоже. Он задавит сейчас любого, кто будет мешать. «Отвали, козёл!..» Но мужик упрямо поднимается следом по лестнице, перешёл на шаг, бежать уже не может. «Напорешься, его охраняют!..» Шляхтин сам понимает, снайпера должны прикрывать и останавливается. Стараются выровнять дыхание, осматривается. Опять остро чувствует неприязнь всего вокруг – чужих лестничных площадок, пустоты пролётов, дерматиновых дверей квартир.

Одна открывается, женщина в халате и шлепанцах с мусорным ведром. Испуганно останавливается, будто натывается на что-то. Шляхтин смотрит на неё – женщина из другой жизни, где нет омонцовцев, злобы, стрельбы. «Снайпер у вас?» Окна квартиры должны выходить на улицу, и этаж подходящий, с хорошим обзором. Он отталкивает женщину, пробегает узкую прихожую, от телевизора непонимающе повернул голову мужчина в спортивном костюме, подросток стоит сбоку от закрытого окна, осторожно выглядывает на улицу. Во второй комнате бабка на диване, в нос бьёт запах старости, лекарств, несвежей постели. Окно тоже закрыто, цветы на подоконнике. Шляхтин выскакивает

на лестничную площадку прежде, чем обитатели квартиры успевают что-то сказать.

На чердаке?.. Хорошо бы проверить все квартиры с этой стороны. Он надавливает на звонок этажом выше. Не открывают. То же через два марша. И ещё выше. Шляхтин осторожно ступает по жёлтой плитке лестничной площадки, пахнет свежей краской от мусоропровода, последний перед чердаком марш. Он поднимает голову, перестает дышать – замок на крышке сбит, под ногами валяются искорёженные части. Он медленно берётся за армированный прут, поднимается по сварной лестнице к чердаку, касается ладонью крышки. Для тех, кто наверху, он уязвим – хуже не бывает. Если в голову, не успеет ничего почувствовать, всё произойдет мгновенно, как с Родимцевым.

Он задерживает дыхание, поднимает крышку...

Не стреляют.

Шляхтин резко отбрасывает крышку, стремительно выносит тело на чердак, сразу пригибается. Неровная поверхность под ногами, протухший воздух, запах пыли и железа. Груда старых батарей справа, тёмные стропила. Но ещё раньше Шляхтин видит пристроившегося у лаза на крышу солдата.

Свет из распахнутых створок падает на его лицо, на тёмную трубку оптического прицела. То, что снайпера ставили одного, привычный армейский бардак мстительно радуется, и Шляхтин несётся к солдату, от злобы забывая всё, что умеет. Прыгает на него, сбивает на пол, трясёт, тычет кулаком куда попало. «Скотина! Ублюдок! Урод!..» Он колотит снайпера спиной о пол, тот не сопротивляется, лишь мотается его коротко стриженная голова. «Убил человека! Урод! Убью!..»

«Мы его судить будем». Это мужик, он поднялся на чердак тоже. Тон спокойно деловитый, для Шляхтина дикий. «Ты погоди, остынь. Видишь, пацан». – «Этот пацан Генку застрелил! – вывернется на мужика Шляхтин и бьёт снайпера по лицу. – Ублюдок!..» – И ещё раз бьёт. Но он уже немного отошёл, поднимается с пола, с силой дёргает за ворот солдата и ставит на ноги. «Стоять,

говно!» Солдат перепуган, кровь течёт по губам. Водянистые глаза, бесцветные ресницы, желтоватые редкие зубы. Но не затурканный «дух», скорее всего, «черпак» – что-то в его виде заставляет Шляхтина так думать.

«Таскаться, конечно, с ним... – Мужик озабоченно скребёт затылок. Тут же добавляет: – Зато по справедливости будет. Макашову верить можно. В Белом доме все мужики справедливые. И Руцкой с Хасбулатовым...» Шляхин не понимает: «Ты что, с собой его хочешь взять?!» – «А чего? Нормально, по закону». Шляхин притягивает мужика к себе, яростно дышит в лицо: «Он человека убил, Родимцева! Меня убить хотел! Тебя!..» – «Дак солдат, приказали». – «Своего, русского!..» – «Присягу давал. И ты давал, и я». – «Голова для чего? Пилотку носить?! Чем думал?» – Шляхин отталкивает мужика, быстро поднимает валяющуюся у лаза на крышу винтовку. «Зассал? Крови боишься? – презрительно бросает он мужику. Кивает в сторону то затихающей, то вновь разгорающейся стрельбы у Верховного Совета. – Алкаш беспальный не боится. Раком всех вас ставит и ставить будет!.. – И командует бледному от страха снайперу: – Руку на пол! Руку!.. Которой стрелял! Ну!..» Тот послушно опускается на четвереньки, кладет на грязный пол ладони, правую впереди. «Это ты зря», – говорит мужик. Шляхин коротко и сильно бьёт по руке прикладом. Снайпер кричит, прижимает кисть к животу, нянчит её, будто ребёнка, раскачиваясь вперёд-назад. Шляхин отшвыривает винтовку и идёт к лазу на чердак.

Этого комиссуют, а Родимцев... Надо было застрелить. Правильно было бы. Но назад он всё же не возвращается.

19

– Тебя мать просила зайти. Разговор у неё. – Женька Крючков стоял у входа в кондейку, где Шляхин обычно хранил всё необходимое для работы.

Олег, не поднимая головы, продолжал подбирать инструмент. С минуты на минуту из города должна

была приехать бригада, которая начнёт устанавливать на улицах Прилепино светильники. Ему предстояло помогать.

Женька у порога переминался с ноги на ногу и не уходил.

– Так что передать?

В Олеге шевельнулось сочувствие. Паршивое это дело, когда у матери появляется любовник – он на себе испытал. Мать почти перестаёт тебя замечать. Особенно обидно, когда ты маленький. Но и когда вырос, тоже, наверно, не сладко. Унизительное стояние в дверях и затянувшееся молчание делает его для Женьки почти врагом. Ему, конечно, всё равно, но зачем Ольга ставит парня в дурацкое положение, впутывает в их отношения? Тем более, что ничего это не изменит.

– Обедать мать домой пойдёт? – Шляхин знал, работники сельской администрации часто вместо обеда обходились чаем с домашними припасами.

– Ну.

– Скажи, в обед зайду.

У Олега так бывало и раньше – он вдруг понимал, что женщина, с которой встречается, его тяготит. Почему так происходило, он не знал. Просто неожиданно чувствовал: хватит. Так было до армии, так было после развода с Леной. Подруги обижались, некоторые устраивали сцены, со слезами допытывались, что случилось, а он не мог ответить ничего внятного. Просто что-то кончилось, и всё. Не любовь – её не было, – а интерес, что ли, тяга.

Так вышло и с Ольгой. Шляхин однажды отчётливо понял, что спать с ней ему больше не хочется. Посмеиваясь, вскользь обмолвился об этом. «Ну, ты даёшь! – скорее удивилась, чем обиделась женщина. – Я только разошлась. Мне теперь только давай!.. – Она озабоченно взглянула на Олега. – Может, заболел? По телевизору говорили, сейчас мужики импотентами рано становятся». Он в тот раз показал ей, какой он импотент, не отпускал до самого утра. Однако встреч стал избегать. Всё чаще не открывал дверь, когда Ольга стучалась. А когда всё же виделись, стал замечать то, на что раньше

не обращал внимания. Например, что не моет после туалета руки. Бесцеремонная. Да и брови... Разве такие должны быть у женщины? Почти брежневские.

Водителя машины с поднимающимся «скворечником» и единственного монтажника именовать бригадой, пожалуй, было слишком громко. Но так у них, видимо, было принято. После того, как приезжие отметились в балке у мастера, Шляхтин предложил:

– Ну что, чаю с дороги? – Он чувствовал себя хозяином, встречающим коллег из города.

– Можно. – Пожилой водитель, показывая глазами на широколицего парня в шнурованом тёмном подшлемнике на голове, сказал: – Мне-то ладно, я в кабине, а ему сейчас на верхотуру, на ветер. Согреться не мешает.

За чаем в кондейке Шляхтин обратил внимание на то, что парень почти не разговаривает. Кивнул, когда ему налили чай и предложили печенье, стал есть, аккуратно прихлёбывая из кружки, – и всё молча. Взгляд у него был медленный, ни на чем долго не задерживающийся. Казалось, парень о чём-то всё время думал.

– Я в Гаграх был, в санатории. Море, пальмы – красота!.. – Водитель, обращаясь к парню, говорил так, как обычно разговаривают с выздоравливающими, но ещё слабыми больными.

Тот едва заметно улыбался, согласно кивал головой.

– Улетал, здесь уже снег, а там солнце, платаны зелёные, люди купаются, мандарины копейки стоят... Лет десять назад было, ещё при советской власти.

Парень сдержанно заметил:

– Полтора градуса не хватает, бананы могли бы созреть.

– Это где же? – поинтересовался Шляхтин.

– В Абхазии.

– Ты жил там?

– Да, вся семья.

Немолодой водитель грузно повернулся всем телом к Олегу.

– Он говорит, мать заплакала, когда в Адлере увидела курицу на вокзале в буфете. Они там голодовали. На

одной мамалыге сидели. Знаешь, что такое мамалыга? Каша из кукурузы. У нас в станице мамалыгой свиней кормили...

Беженцами в последнее время удивить было трудно, но здесь, как выяснилось, было другое. Толик (так звали широколицего парня) если и был беженцем, то временным. Он отпросился вывезти из Абхазии семью, а сам собирался вернуться. Его, сапёра, бывшего лейтенанта Советской Армии, командующий абхазскими гвардейцами долго не хотел отпускать даже на время. Если бы Толика не ранило, когда брали Сухуми, его вообще вряд ли бы отпустили.

– А что ты здесь делаешь?

– Заработать приехал.

– Хочешь родных обеспечить?

– Нет, отвезу деньги в Абхазию.

– Тебе не платят?

– Никому не платят. Я не для себя. Можно будет боеприпасов подкупить.

Шляхтин с интересом смотрел на бывшего лейтенанта.

– Ты русский?

– Да.

– А воюешь за абхазов?

– Да.

– Почему?

– Грузины над ними издевались. Многих убили. Над Сухуми сбили в море самолёт с женщинами и детьми.

– В самолёте твои родственники были?

– Нет. Я за справедливость. Абхазия была самостоятельной республикой, грузин Сталин её сделал автономией. Гамсахурдия вообще автономию отменил.

– Это для них так важно?

– Да. Другой народ будет править, абхазам места на своей земле не останется. Это Кавказ, у них всё посвоему.

Разговор был любопытный, слова лейтенанта Толика задевали за живое, но нужно было работать. Уже на улице, когда устанавливали светильники, Шляхтин поймал себя на том, что то и дело смотрит на фигурку в

«скворечнике». Широколицый неказистый Толик был симпатичен. Убежденностью? Спокойствием? Ощущением надёжности?..

К Ольге он решил взять его с собой. Во-первых, хотелось подробнее расспросить о делах в Абхазии, о которой довольно часто говорили по телевизору и писали газеты. А во-вторых, при постороннем Ольга вряд ли станет выяснять отношения. Этого не хотелось больше всего. Чтобы не идти с пустыми руками, Шляхтин купил в магазине «Рыбкоопа» два целлофановых мешочка пельменей и недавно завезённого китайского пива в высоких зелёных бутылках.

Ольга встретила спокойно.

– Это друг твой, что ли? – спросила она о Толике.

Шляхтин подмигнул остановившемуся у входа лейтенанту.

– Однополчанин... Ты раздевайся.

– Как Эдька?

– Почти.

– Ну и хорошо! Сможете втроём фирму организовать, так даже лучше. Женька тебе ничего не говорил?

– В смысле? – У Шляхтина отлегло от сердца. Похоже, Ольга имела в виду не выяснение отношений, когда зазывала через сына, а что-то другое.

Женщина возбужденно заговорила:

– Деньги в районной администрации выделяют под частный бизнес! Чего бы тебе не заняться? Будете с Женькой рыбачить, рыбу можно так продавать или коптить, свой ларек на рынке поставите. Оформить документы я помогу. Это дураком надо быть, чтобы такой шанс упускать! Время сейчас такое, люди долларовыми миллионерами за год становятся – мы чем хуже?..

Шляхтин усмехнулся. Непростая она всё-таки женщина, Ольга, несмотря на всю свою незатейливость! Может, и в самом деле не хочет упускать возможность, пока работает в администрации и имеет доступ к кормушке. Но не исключено, что просто пытается привязать его, сделать зависимым.

– Ну что, пельмени сварим или у тебя приготовлено? – спросил он, переводя разговор на другое.

Ольга с готовностью отозвалась:

– Есть борщ, грибов сейчас достану, колбасы нарежу – без пельменей обойдемся! А пиво давай.

Она смотрела преданными глазами, и Олегу стало не по себе. Зачем пришёл, зачем даёт надежду?.. Надо сразу рвать, не тянуть, не канителиться.

Стол на кухне был просторный, за него без труда поместились все четверо, в том числе Женька. Младшие дети ещё не пришли из школы. Выпив пива, Ольга опять принялась было рассуждать о частном предприятии, документы на которое надо оформлять немедленно, но послушно замолчала, услышав от Шляхтина:

– Не гони лошадей. Потом.

Мало-помалу Толик разговорился. Оказалось, он родился и вырос в Абхазии, куда в своё время приехали по направлению после института мать и отец. В девяносто первом, когда посыпался Союз, уволился из армии и вернулся к родителям – у них квартира в Гадауте, это на берегу моря. Уже при нём в Абхазию грузины ввели свои войска. Абхазы никогда не любили грузин, как только появилась возможность, их Верховный Совет объявил о независимости, а тут – прямая агрессия.

К Толику пришли из правительства, попросили обучать сапёрному делу добровольцев из абхазской гвардии. Он согласился. Офицерам в Ростове, где он служил, приходилось ездить в часть в гражданке, потому что были случаи, когда за форму избивали. А тут уважаемые люди просят помочь. И сами по себе абхазы Толику нравятся. Абхазами были их соседи и ребята, с которыми учился в школе. Их немного, но чувство собственного достоинства у народа сильно развито. Почему они не имеют права иметь собственную республику? Эта земля всегда им принадлежала!..

Было тяжело, когда грузины захватили почти всю Абхазию. Один Гадаутский район остался. Многие тогда бежали за речку Псоу, в Россию. Толику пришлось тоже. Помогли кавказцы, есть так называемый

абхазский батальон, там большинство чечены. Грузины их боятся. Чечен, например, забирается сверху на танк, начинает стучать прикладом по люку, кричит, что он чечен, – грузины сразу вылазят и сдаются. Сейчас практически вся Абхазия освобождена, Сухуми тоже. Грузинам не помогло, что обороной руководил сам Шварцнадзе. Он из Сухуми едва ноги унёс. Теперь грузины только в Кодорском ущелье. Занимаются бизнесом – взрывают ЛЭП, которая ведет в Абхазию, а потом за доллары разрешают абхазам ремонтировать...

Женька слушал, раскрыв рот. Шляхтин тоже забыл о времени. Напомнила Ольга:

– Я вас не гоню, но уже два часа. На работе не хватятся?

Шляхтин поднялся. Действительно, пора.

– Тебя куда ранили?

– Лёгкое осколок пробил, – сказал Толик.

– Север не лучшее место для тебя.

– Деньги нужны. Боеприпасов куплю.

В коридоре Ольга дождалась, когда остальные выйдут, и прижалась всем телом к Шляхтину, быстро зашептала:

– Я приду сегодня, ладно?

Олег молча отстранил её. Особенно ненужными эта женщина и её слова казались сейчас, после разговора с Толиком.

20

Звон стекла, звук упавшего на пол чего-то тяжёлого, дробно покотившегося. «Окно!» – стремительно вынырнул из сна Шляхтин. Он вскочил с кровати, на ощупь сбросил с двери крючок и выбежал в тамбур, потом на крыльцо.

На улице было темно. Нигде никого. Олег бросился к калитке, сгоряча пробежал в одну сторону улицы, потом в другую. Тихо и темно, как бывает перед рассветом.

Ругаясь сквозь зубы, он вернулся в дом. Только сейчас заметил, что бегал по снегу босый. Осторожно ступая, чтобы не порезаться, включил свет и стал собирать

с пола осколки разбитого стекла. Взял веник, подмёл. С недоумением посмотрел на подтаявший кусок большой сосульки. Её, что ли, бросили в окно?..

В общем-то, Шляхтин был готов к чему-то подобному. Заметки в газете ему не забудут. И того, что поддерживает хорошего, но неустойчивого, слабого Эдика, тоже. Наскоро завесив разбитое окно одеялом, Олег оделся. Нужно было пройти по деревне, посмотреть, у кого в окнах свет. Хоть какую-нибудь зацепку найти, а уж там он разберется.

Прилепино спало. Тишина была такая плотная, что её, казалось, можно резать ножом. У калиток, свернувшись калачиком, лежали на снегу собаки. Подняв головы, они молча провожали Шляхтина взглядом. В мягком воздухе – была оттепель – остро пахло навозом из ближних стаяк. В обрамлении наличников чернели окна домов. Похоже, спали даже самые завзятые полуночники.

«Так они тебе и оставят свет! – усмехнулся Шляхтин, думая о тех, кто разбил стекло. – Нагадили – и под одеяло». Сам он сейчас не смог бы заснуть. На минуту замедлил шаг у дома Ольги. И здесь всё было тихо и темно. Хорошая женщина, с неожиданной теплотой подумал Шляхтин. Простая, искренняя. Но разные они люди, хватит ему бывшей жены. Пять лет мучили друг друга, хотел, чтобы Ленка была, как он, а она не понимала. Или не хотела понимать. Выросли в разных семьях, в каждой свои представления, какая должна быть жизнь. С Ольгой всего этого ещё больше. А Власта совсем другое, хотя нерусская, чешка...

Свет горел только у Коковихиных. Шляхтин приостановился. Ступая по оттаявшему, пахнущему мокрому деревом настилу прошёл от калитки к двери и постучал. Долго никто не открывал, наконец послышались шаги.

– Кто?

– Свои.

Слышно было, как Эдик включил свет и отбросил крючок. Встретил молча, смотрел хмуро.

– Что-то случилось?

– А! – Повернувшись спиной и прихрамывая, Коковихин двинулся в дом.

На диване с мокрым полотенцем на голове лежала Оксана. Вид у неё был измученный. В комнате пахло валокордином и был беспорядок, который появляется, когда в семье больной. Эдик вполголоса сказал:

– Заснула... Пошли на кухню. Там он тяжело опустился на табуретку, озадаченно покачал головой. – Едва успокоилась. Типа, истерика. Девчонок перепугала, я их к Галине отправил.

– А что такое?

– Не обратил внимание? Стройматериалов нет.

– Где они?

– Вечером мужики приехали и забрали.

– Какие мужики? Куда забрали?

– Говорят, на другой объект.

– С какой стати? Ремонт обещали вам.

– Ну. Вот Оксанка и побежала в администрацию к Виталию Николаевичу. Вернулась – и вот такое... Я уже хотел Шиндера вызывать.

– Наступление по всем фронтам, – сказал Шляхтин. Эдик непонимающе смотрел на него.

– Чего?

– Это я так. – Олег поднялся. – Утром пойду к главе, у меня тоже к нему вопросы... Окно кто-то разбил.

Эдик, похоже, не удивился.

– Когда?

– Только что. Заодно и насчёт вашего ремонта поинтересуюсь.

Эдик поднялся проводить.

– Бесплезно, – сказал он в коридоре. – Дохлый номер... Я вот что подумал. Может, Галина права, надо было Оксанке промолчать – ну, тогда в магазине. Ничего бы и не было. Подумаешь, без очереди Альбина полезла!.. Слишком дорого Оксанкина гордость обходится.

Идти к главе администрации Шляхтину не пришлось – тот сам явился на планерку в балок ЖКО. Деловито бодрый, Виталий Николаевич обошёл сидящих вдоль стен на лавках работников жилищно-комму-

нального отдела, каждому пожал руку. Затем опустил на стол мастера прозрачную папку с какими-то листками и окинул всех весёлым взглядом. Громко сказал:

– Ну что, господа-товарищи, отстрелялись? В смысле, самый напряжённый период отопительного сезона позади?.. Не стану говорить, вы без меня прекрасно знаете, тепло для Севера – всё. Будет котельная нормально работать – будет детишкам хорошо в садике и в школе. Не будет – нашей, как говорится, смене хреново. Прав я или нет?..

Все промолчали. Сказывалась настороженность, вызванная посещением начальства. Только мастер Пуртов – он встал сбоку от Виталия Николаевича – поправил свою «косуху» и сказал:

– Однозначно. – Получилось похоже на Жириновского. Кажется, мастер немного ёрничал.

По пути в ЖКО и теперь в вагончике Олег остро поглядывал на людей, внимательно прислушивался к разговорам – надеялся, что кто-нибудь выдаст себя злорадным взглядом или неосторожным словом. Но пока всё было безрезультатно.

– Отопительный сезон получился напряжённый, – бодро продолжал Сухих. – Но жилищно-коммунальный отдел к нему хорошо подготовился. Скажем прямо, здорово подготовился! Запорную арматуру вовремя отревизовали, опрессовку провели, нефть завезли в достаточном количестве... В общем, нормально, мужики! – Виталий Николаевич со значением опустил руку на папку. – Администрация сельсовета поручила мне вручить наиболее отличившимся грамоты. Это не значит, что остальные работали плохо. Всех хороших специалистов мы ценим, они тоже будут отмечены. А пока... – Виталий Николаевич достал из папки листок плотной бумаги, принялся читать: – За добросовестный труд почётной грамотой администрации Прилепинского сельсовета награждается оператор котельной жилищно-коммунального отдела Виктор Михайлович Козлов...

С лавки поднялся немолодой Козлов и, неловко оглядываясь по сторонам, подошёл к столу мастера.

Виталий Николаевич долго тряс ему руку, вручая лист бумаги розоватого цвета.

– Почетная грамота это свидетельство того, что суммы в конверте не будет, – развязно сказал Пуртов. Он, похоже, хотел продемонстрировать перед подчинёнными свою независимость.

– Ты это зря, Сергей Георгиевич, – добродушно укорил его глава администрации. – Будет и сумма в конверте, не всё сразу... Почётной грамотой администрации Прилепинского сельсовета награждается слесарь котельной Евгений Валентинович Крючков. – Виталий Николаевич оторвал глаза от текста. – Это наш молодой сотрудник. Обращаю внимание, молодой, но не зелёный!.. А сумму в конверте, которую ты, Женя, получишь в бухгалтерии, – Виталий Николаевич бросил усмешливый взгляд на Пуртова, – используй на что-нибудь толковое. А то моя Танька тоже надумала сделать себе татуировку – говорит, как у Женьки Крючкова, дескать, модно. Да ещё на таком месте, что стыдно сказать...

Мужики засмеялись. Покрасневший как рак Женька взял грамоту и поспешил на место. В балке стало по-своейски просто, напряжение, с которым связано всякое посещение начальства, исчезло. «Умеет!» – подумал о Сухих Олег.

Совершенно неожиданным для него стало то, что пятой или шестой была названа его фамилия. Олег наморщил лоб:

– Мне-то грамоту за что? Котельную к отопительному сезону я не готовил, электродвигателями не занимался...

– Скромность, конечно, дело хорошее, – Виталий Николаевич понимающе улыбался, – но все знают, вы безотказный работник. Вас два раза просить не надо. Когда, например, в деревне сгорел трансформатор, вы ночь не спали, а справились. И в котельной много чего сделали, мне Сергей Георгиевич докладывал.

Шляхин поднялся, однако выходить за грамотой к столу мастера не стал.

– Я вам всё-таки сломаю кайф, Виталий Николае-

вич, – сказал он. И выжидающе замолчал. В балке стало так тихо, что было слышно, как в котельной поблизости гудят котлы. – Алиби себе и родственникам готовите? Какое, дескать, преследование корреспондента – наоборот, мы его грамотами награждаем. Так, что ли?..

Сухих искренне удивился:

– Какое преследование? О чём вы говорите?

– Окно мне, например, сегодня разбили.

– Это не ко мне, это к участковому.

– Коковихиным тоже к участковому? Вы надеялись, они заявление из милиции заберут, за это обещали ремонт. Они заявление не забрали, вы стройматериалы увезли. Это не преследование?

Виталий Николаевич развёл руками, недоумённо посмотрел на Пуртова.

– О чём он?.. Из района пришло распоряжение в честь пятидесятилетия прорыва ленинградской блокады отремонтировать дом живущей в нашем селе блокадницы. Дополнительных средств не дали. Что я должен был делать?.. Эдик с Оксаной пусть немного потерпят, они молодые. Как только средства появятся, обязательно поставим дом на ремонт. У меня самого сердце не на месте – вижу, пора ремонтировать, за муниципальный жилой фонд мне отвечать... – Виталий Николаевич опять в искреннем недоумении пожал плечами, покачал головой. – Вы ещё скажите, что с Кучерявым тоже по моей вине случилось. Ну, с Геннадием Слинкиным... Человек допился до белой горячки, вены себе перерезал, а глава администрации отвечай – так, по-вашему?..

– Демагог. Хотите сухим из воды выйти.

Виталий Николаевич заулыбался:

– Я и так Сухой, фамилия такая... Кстати, я совсем не обязан перед вами отчитываться. Объясняю для того, чтобы люди, – глава администрации повёл рукой вдоль стен балка, – знали правду. А то мало ли что могут нафантазировать такие, как вы... Ну что, господа-товарищи, закругляемся? Оставшиеся грамоты вам Сергей Георгиевич вручит сам.

Проходя мимо Шляхина, Сухих сказал:

– Заглянули бы как-нибудь ко мне. Есть о чём по-толковать.

Кстати, второй раз приглашаю.

21

Жена Лена

Если бы во время службы Олегу сказали, что ему захочется обратно в армию, он бы только усмехнулся. Как и для большинства парней, дембель значил для него всё. Даже в надписи, нацарапанной на грибок для часового у склада ГСМ «Дембель неизбежен, как смерть», было что-то утешительное.

Конечно, положение «духа» с положением «деда», тем более старшего сержанта, не сравнить. Но и на втором году службы каждый прожитый день Шляхтин в своём дембельском календарике перечёркивал с удовольствием. Свобода становилась ближе ещё на одни сутки.

Первые месяцы в Чифилёвске он об армии не вспоминал. А если и вспоминал, то с облегчением – всё позади. Сказывалось, наверно, ещё то, что дослуживать пришлось в Союзе, а не в Клатови среди своих парней и знакомых офицеров. Но после увольнения в запас минуло полгода, и Олегу стало скучно. Ему удалось поступить в институт на заочное отделение, и с остальным вроде всё было нормально – с работой и вообще, – а он вдруг почувствовал себя неприкаянным.

О том, как на разводе часть единой грудью выдыхала «Здра-жла-тва-полквн!» – да так мощно, что с окрестных деревьев срывались перепуганные вороны, – Олег стал вспоминать почти с нежностью. Со сходным чувством думал теперь и о наряде на кухню. Вечер, всё к завтрашнему суматошному дню готово, он, дежурный, кивает старшему рабочему: «Давай!». Сметливый Саня Мирутенко, которого обычно назначали старшим рабочим, достает пару заначенных банок тушёнки, ребята быстро водружают на электроплиту большой, чтобы на весь кухонный наряд хватило, противень, вываливают заранее нарезанную

картошку, на край электроплиты пристраивают пятилитровый алюминиевый чайник...

Не то главное, что будут есть домашнее – жареную картошку с мясом, – а появляющееся в такие моменты чувство родственной близости. Каждый из парней в это время становился братом. Наверно, потому, что делали запретное, а потому объединяющее. Теперь Олег оказался за пределами жизни, в которой, получается, было много хорошего. И навсегда.

Возможно, неприкаянным в ровно текущих гражданских буднях он почувствовал себя ещё потому, что решил не встречаться с Властой.

– У тебя что, в Чехословакии знакомые остались? – спросил как-то дед Казимир. Он только что вернулся от калитки, где висел почтовый ящик. Зажав под мышкой газеты, крутил в руках необычной формы продолговатый конверт.

У Олега ударило сердце. Неужели?.. Он взял у деда письмо. Точно, от Власты. Дослуживая в Союзе, он отправил ей несколько писем, но ответа не получил. Тогда обиделся и только на гражданке понял, что письма могли не дойти. Бдительные особисты – или кто там такими делами занимается – скорее всего выбрасывали их. С чего это военнослужащий переписывается с иностранной гражданкой? Не положено.

– От девушки? Ну-ну... – Дед Казимир понимающе ухмыльнулся. Жёсткие складки на его, как всегда, тщательно выбритом лице смягчились. Дед потрянул, разворачивая, «Красную Звезду» и скороговоркой пробормотал: – И в годы мирного труда, и в час военной непогоды мила советскому народу газета «Красная Звезда»!.. Ужинать идёшь?

Не снимая с шеи полотенце (мылся под ручкой-мойником во дворе после смены), Олег двинулся к скамейке под яблоней. Хотелось прочитать письмо в одиночестве. Писать Власте после дембеля он не стал. Жалко, больно, но всё равно ничего у них быть не может. Он в Чифилёвске, она в Клатови, а это не только разные страны – разные жизни, одна с другой

несовместимые. Вернувшись домой, он каждый день в этом убеждался.

Власта писала, что купила туристическую путёвку в Советский Союз, три дня группа проведет в Москве. Она называла гостиницу, в которой их группа должна остановиться, и время, когда это будет. Ей очень хочется увидеть Олега. Если он сможет, пусть приедет.

Сколько он просидел под яблоней, Олег не помнил. Уже несколько раз из окна кухни выглядывала тётя Ванда, звала ужинать, а Олег всё сидел с полотенцем на шее. Деда Казимира и тётю Ванду он не стеснялся. Не стеснялся, в общем-то, и их хозяйства с поросятами и курами. Но как провести Власту по невысыхающим улицам, на которые постоянно выплёскивают помои, хотя это горсовет и запрещает? Ведь пригласить девушку в гости придётся, Чифилёвск от Москвы недалеко. Как пройти мимо туалета у платформы электрички, вонь из которого чувствуется за сто метров? Что Власта подумает, увидев у пивной «Голубой Дунай» алкашей с опухшими синюшными лицами?..

Власте он не ответил. И в Москву тоже не поехал.

В это время и подвернулась Лена. Они познакомились на скачках – так называли дискотеку в парке. Как водится, перед этим Олег с ребятами с электромонтажного участка, куда он вернулся после службы, выпили для настроения. Покуривая, стояли в стороне и отпускали реплики в адрес танцующих. Те в долгу не оставались, огрызались.

Когда музыканты в «ракушке» заиграли медленный танец, Олег бросил сигарету и направился к ближней лавочке. «Пойдем?» – сказал сидевшей с краю девушке. Светловолосая, в модном брючном костюме, та оглянулась на подруг, будто спрашивая, идти танцевать или нет. Прodelала она это кокетливо и совсем не обидно, Олегу даже понравилось. «Знакомиться будем?» – спросил он, когда зашли в гущу танцующих. Он плотно привлёк её к себе, как на скачках было принято. Девушка пожалла плечами, но по всему было видно, что не против. От неё пахло то ли духами, то ли дорогой туалетной водой.

«Духи, надо полагать, из самого Парижу?» – поинтересовался Олег. Девушка оценила юмор. Откинув голову, весело посмотрела на него. Она была старше девчонок, составлявших большинство на дискотеке. «А вы сомневаетесь?». И опять это получилось как-то хорошо, в тон.

Он ещё несколько раз приглашал её. А после скачек пошёл провожать. «Видишь впереди дерево?» – спросил по дороге. «Вы про липу?» – Девушка повернула к нему лицо, казавшееся в темноте таинственным. На его «ты» она говорила «вы». «Липа, дуб – неважно... Под ним я тебя поцелую». И в самом деле поцеловал. Лена сопротивляться не стала.

Не стала сопротивляться она и тогда, когда дело дошло до постели. Хотя, конечно, трудно назвать постелью жёсткую осеннюю траву. Они собрались как бы за грибами. Доехали на шатурской электричке почти до конечной остановки, потом долго бродили по лесу – Олег всё не решался. Наконец это произошло. Как-то неловко и скомкано. В электричке она положила ему голову на плечо, с беглой улыбкой сказала: «И надо было так далеко ехать?..»

От ребят Олег знал, любимый приём девчонок женить на себе, это сказать, что залетела. Так что Ленины слова не стали для него неожиданностью. Можно было бы сказать, чтобы сделала аборт, а потом перестать встречаться – так, по рассказам, поступали многие, – но Олег не стал. Да, ласковая лисичка, себе на уме, Олег несколько раз ловил её на мелком вранье, но с ней было не так одиноко. Он любил деда Казимира, был привязан к тёте Ванде, но настало, видимо, время отпочковаться. Олег чувствовал, пришла пора заводить собственное, только его – жену, семью. Тогда должно исчезнуть подспудное, но постоянное чувство неприкаянности, которое возникло, несмотря на то, что свободного времени почти не оставалось – работал, помогал деду Казимиру на огороде, писал контрольные для института, по выходным выпивал с ребятами. Знакомые пожимали плечами: «Так она старуха!». Но Олегу даже нравилось, что Лена старше. С девчонками его возраста поговорить не о чем, глупые.

Свадьбу справляли в столовой, где работали Лена и её мать – Лена на кассе, мать заведующей производством. Народа пришло много. Играл баян, застолье твёрдой рукой вела специально приглашённая тамада. Громким голосом она произносила полагающиеся слова, говорила, когда налить и выпить, без церемоний поднимала молодёжь из-за стола, заставляла танцевать. «Вы что, сюда жрать пришли?!» – как бы шутя покрикивала тамада. Ей подчинялись беспрекословно. А когда пьяные ребята затеяли драку, тамада сама бросилась растаскивать их, раздавая затрешины налево и направо.

На свадьбу приехала мать с очередным мужем. Склонная к полноте и раньше, мама раздалась ещё больше, бросался в глаза излишек макияжа на лице и золота на шее и руках. С новой роднёй она держалась солидно, несколько даже высокомерно. К тому располагали как полнота, так и должность – маму недавно назначили директором ресторана. Кивая на молодого мужа, она не смущаясь говорила: «Чем-то братъ надо – не годами, так положением». Дед Казимир на этот раз не сказал ей ни слова – похоже, наконец смирился с любвеобильным нравом дочери.

Выпив, мама стала звать Олега к себе в Куйбышев: «Сынок, устрою, как сыр в масле будешь. Знал бы ты, какие дела вокруг делаются, какие деньги крутятся!..» Трезвый Олег терпеливо слушал, вежливо кивал. Он чувствовал себя по-дурацки – будто манекен в витрине, все на тебя пялятся. А Лена в роскошной фате, похоже, наслаждалась своей ролью. Наконец Олег не выдержал, сорвался на раздражавшую с самого начала тамаду: «Ты что здесь колонию строго режима устроила?! Пошла отсюда, чтобы я тебя не видел!..» Новоиспечённая тёща обиделась. Эта тамада была нарасхват, заполучить её удалось с трудом, по знакомству.

Насчёт беременности оказалось враньём. Лена забеременела позже, они тогда уже жили отдельно – родители купили им однокомнатную квартиру в жилищном кооперативе. Квартира оказалась кстати, многое в чужой семье Олегу не нравилось. Тёщиным коньком было

заводить нужные знакомства, приглашать в гости, лебезить, а за глаза насмехаться, называть таких знакомых «нужниками». Здесь считали каждую копейку, но принесённую с работы вырезку могли забыть положить в морозилку, и она благополучно начинала вонять. Или выливали в унитаз вчерашний борщ – сварим ещё. В семье деда Казимира такого не было. Прямолинейный по характеру, он пресекал любые попытки неискренности. И еда у тёти Ванды не пропадала, потому что даром семье ничто не доставалось, поросят и курей нужно было сначала вырастить. К тому же детство бабушкиной жены пришлось на войну, когда вместе с другими польскими семьями из Львова тетю Ванду и сестёр вывезли в телячьих вагонах в Красноярский край, где на счету были каждый кусок хлеба и каждая картофелина.

Станным Олегу казались обожание и сочувствие, которыми в семье была окружена Лена. Конечно, единственная дочь, окончила музыкальное училище, ей прочили консерваторию, но Лена «переиграла руку». Неприятно было то, что сочувствие распространялось на её нынешнее положение. Тёща как-то намекнула, что дочь достойна лучшей партии, а не простого рабочего. Олег чуть не взорвался – что же принц не появился до двадцати пяти Лениных лет?.. Но жена опередила, сама одёрнула мать.

За обман с беременностью Олег Лену отругал, и потом не раз припоминал ей это. Но скорее для видимости. Если бы он не захотел жениться, никакие разговоры о беременности не заставили бы это сделать. А в общем жили они неплохо. Своя семья в самом деле оказалось то, что Олегу было нужно. Особенно он почувствовал это, когда родился Павлушка. Дался сын непросто – у Лены пропало молоко, пришлось искать женщину, которая согласилась бы продавать своё. Дело оказалось нелёгким, к поискам подключились Ленина мать, но даже с её связями ничего не получалось. Приходила тётя Ванда, смотрела на Лену и Павлушку, пила на кухне чай, но помогать найти кормилицу почему-то не стала. Сыну пришлось давать детские смеси, каждое утро до работы невыспавшийся Олег бегал в домовую кухню за кефиром и

творожком, однако всё было не то, требовалось настоящее материнское молоко. Помог случай.

В курилке между обычным трёпом зашла речь о кормящих матерях. У комплектовщика Генки Родимцева, мордастого парня с постоянными блокнотом и авторучкой в нагрудном кармане белого халата, тоже, оказывается, недавно родила жена. Молока столько, что она им заливается, дочь не успевает высасывать. «А ты помоги!» – стали подначивать ребята. Родимцев шутки не принял: «По репе хочешь?.. Нашли над чем хохмить». Связываться с ним не стали, Родимцев был крепким парнем. Олег впился в комплектовщика взглядом: «Насчёт молока правда?» – «Буду я врать». – «Не продадите? У моей пропало». Родимцев пожал плечами: «Спрошу». А на следующее утро принёс бутылочку сцеженного молока. Счастливый Олег отпросился у мастера и побежал домой. С радостью смотрел, как сопит и чмокает из бутылочки Павлушка. Через неделю щёки у сына округлились. Было приятно положить его на живот и гладить гладкую спинку.

Когда жена вышла из декретного, Олег настоял, чтобы ничего из столовой она не носила. «Так я за деньги», – удивлённо посмотрела Лена. «Это ты другим расскажи, – ответил Олег. В его характере оказалось много от деда Казимира. – За деньги в магазине купи». – «Ты с луны свалился? Не знаешь, какие везде очереди?..» – «Я сказал, – отрезал Олег. – Ворованное моя семья есть не будет». Лена молча смотрела на него. «Олег, давно хочу спросить у тебя. Ты что такой... идейный?» Это словечко потом прочно вошло в её лексикон. Жена каждый раз употребляла его, когда поведение Олега ставило её в тупик.

Например, когда они с тещей решили открыть семейное кафе, а Олег отказался в нём работать. Тогда как раз вышел указ о кооперативах, Генка Родимцев по этому поводу тряс Олегу руку, радостно повторял: «Поздравляю! Свобода! Наконец-то!..» Он оказался, в общем-то, нормальным парнем, молоко для Павлушки сделало их почти друзьями, две молодые семьи стали бывать друг у друга. «А тебе-то что с этого? Или тоже

в кооператоры решил податься?» – «Тупой, не понимаешь! Горбачёв от говорильни к делу перешёл. Частное предпринимательство, конкуренция!..»

Олег хмыкнул. Его больше интересовали не кооперативы, а то, что происходило на съездах народных депутатов. Люди поднялись с колен, заговорили о больном, остром, о том, что давно накопело, но годами замалчивалось, тонуло в государственной лжи. Олег брал с собой на работу приёмник, паяя платы, слушал прямые трансляции со съездов. Этими передачами жил не он один. В Чифилёвске они стали такими же популярными, как мексиканский сериал «Дикая роза» по телевизору. Что касается работы, то менять её он не собирался. Чем классный радиомонтажник на закрытом предприятии не профессия? Тем более, что после третьего курса можно будет перейти в конструкторское бюро. Радовало и то, что начальство теперь стало можно выбирать на собраниях трудового коллектива – своих, толковых, а не прихвостней директора. «А то смотри, если хочешь в кооператоры, могу порекомендовать, – сказал он Родимцеву. – Тёще экспедитор нужен». – «Да хрен с твоей тещей! Принцип важен. Альтернатива неповоротливому госсектору. Вот увидишь, будет изобилие товаров и услуг. – Родимцев вытащил из кармана газету, потряс перед носом. – Умные люди пишут, академик Аганбегян, академик Абалкин!..»

Тёща об альтернативе госсектору не думала. Через Лену передала, что можно будет хорошо зарабатывать, она всё подсчитала. «Ловчить, выкручиваться... Нет, это не моё!» – «Кто тебе сказал, что нужно будет ловчить и выкручиваться? – возразила жена. – Деньги нам нужны, до сих пор рассчитаться за мебель не можем». – «Тебе мало, что я приношу?» – «Конечно. Хороших сапог купить не могу». – «Босиком ходишь? – разозлился Олег. – Поубавь запросы!» Лена вполголоса бросила своё: «Идейный!» и отошла, больше спорить не стала. Как оказалось, отложила до удобного случая.

У неё был свой пунктик, не любила, чтобы Олег трогал грудь. Это ещё можно было понять, когда они не были женаты – девушка стесняется. Хотя, как тогда в

лесу выяснилось, не такая уж и девушка. Но подобное продолжалось и после свадьбы, и даже тогда, когда родился сын. «Нельзя, а то смылятся», – шутливо говорила Лена, но руку мужа отводила твёрдо. Олега это задевало. Он давно подметил, жена будто выстроила между собой и другими людьми стенку, держится как-то обособленно, на дистанции. Шутит, улыбается, всё мило и к месту, но близко к себе никого не подпускает. Даже его, мужа. Кошка, гуляющая сама по себе. С Властой у Олега постели не было, и то они были намного ближе.

Олег пробовал заговорить с женой об этом, вызвать на откровенность, почувствовать душу, а то, действительно, странно. Он выбирал минуты, когда оба расслабленно лежали ночью, казалось, ближе быть не могли. «Я тебя не устраиваю как женщина?» – вопросом на вопрос отвечала Лена. «Да нет, всё нормально». – «Может, как жена, хозяйка?» Олег молчал. «Тогда в чём дело, сударь?..» В этом «сударь» Олегу чудилась насмешка. И когда однажды жена вдруг взяла его руку и сама положила на свою красивую крепкую грудь, Олег понял – неспроста. Лена обняла его, стала шептать глупости, села сверху, в такт фрикции заговорила, что они молодые, надо хорошо выглядеть и одеваться, особенно женщине, жизнь только начинается, она не собирается едва сводить концы с концами, как большинство людей. Надо суметь заработать на машину, побывать за границей, купить хорошую квартиру и не бояться, что разбудишь сына, когда занимаешься сексом. Так что мать предлагает дело, надо использовать шанс.

«Ты плохо живешь?» – «Существую», – между вздохами отвечала Лена. «Для будущего и грудь себе стягивала?» – вдруг озарило Олега. Он слышал, некоторые женщины так делают, чтобы не было молока и грудь не теряла форму. Да и опытная тётя Ванда странно тогда себя повела, хотя ничего ему не сказала.

Жена перестала двигаться. «Почему так решил? Ничего подобного». Но по тому, как она легла рядом, стараясь не касаться его тела, Олег понял, что попал в точку. «И второго ребёнка не хочешь, чтобы фигуру не

портить!». Олег не раз заводил разговор ещё об одном ребёнке – жалел, что сам у матери один, нет рядом ни сестры, ни брата. «Нищету плодить?! – приподнялась на локте Лена. – Нет уж!». Произнесла она это с неуместной горячностью, и Олег ещё больше утвердился в том, что прав. Он оценивающе посмотрел на жену. Хороша. Лицо и тело – всё как надо. Рождение Павлушки пошло ей на пользу, превратило в по-настоящему красивую женщину. «Может, мы вообще для тебя временный вариант? На принца рассчитываешь? Тёща не зря намекала».

В общем, поругались. В тётчин кооператив Олег так и не пошёл. Но защищать его пришлось всё равно.

Случилось это позже, когда кафе проработало около года. Время от времени Олег с улыбкой интересовался, как идут дела и где обещанные тётшей тысячи. Жена отвечала, что смешно ждать результата сразу, нужно зарекомендовать себя на рынке услуг, раскрутиться, а пока они работают на имидж, то есть на репутацию. Обслуживание должно быть на уровне и цены приемлемые – ты ведь знаешь, наши чифилёвцы прижми-стые, расстаются с деньгами трудно. А состоятельных людей в городе не так много.

Лена стала в кафе администратором («менеджером», как именовала она себя), а по сути заведующей. Тёща занималась, что называется, общим руководством – ссуды, договора на аренду помещения, поставки продуктов и всё остальное, где требовались связи. Олег однажды решил зайти с сыном в кафе. Теперь Павлушку из садика забирал он, впереди был одинокий вечер – Лена задерживалась на работе допоздна. Кафе производило приятное впечатление. Броский интерьер, приглушённый свет, тихая музыка. И меню богатое. В магазинах практически всё уже было по талонам, а здесь несколько видов мясных блюд, пирожные, вино. Удивили посетители – одни молодые ребята, почти школьники. Людей даже Олега возраста не было видно. Откуда у этих салаг деньги?..

Молодая официантка оказалась на удивление расщепленной и вежливой. «Потому, что ты начальница?»

– поинтересовался Олег. «Нет, – ответила подсевшая к ним с Павлушкой жена. – Я других не держу. Малейшая жалоба от клиентов, трудовую в зубы – и до свиданья! Желающих работать хватает, я плачу регулярно». В Чифилёвске уже начались задержки зарплат, в том числе на почтовом ящике, где работал Олег. – «Круто! Не жаль девчонок?». – «Сентиментальному человеку делать в бизнесе нечего», – просто сказала жена. Олег усмехнулся: «Бизнесменша...». – «Да уж! – Лена повела головой, стрельнула глазами. – Привыкай, жена у тебя бизнес-вумен». – «Кто-кто?» – «По-английски, это деловая женщина». Лена недавно стала ездить в Москву на курсы, где кооператоров учили премудростям нового для страны дела. «Павел, ещё пирожное будешь? – Она повернулась к сыну, поцеловала русую головку. – Вы поужинайте здесь, чтобы дома не готовить. Не знаю, когда сегодня приду».

Основательно посидели в кафе на Ленин день рождения. Кроме тётки и тестя пригласили Родимцевых. На дне рождения и выяснилось, что в кооперативе проблемы. Недавно приезжали крепкие парни в малиновых пиджаках, сказали, что надо делиться. Лена сначала не поняла, но ей объяснили, что каждую неделю кафе должно платить определённую сумму. «За что?» – «Не за что, а почему. Потому что мы тоже кушать хотим», – с юмором ответили ей малиновые. Но тут же серьёзно добавили, иначе у кооператива будут проблемы. Известные дебоширы, например, могут всё в кафе раскурочить и скрыться до того, как появится милиция. Или того хуже, пожар... Чувствовалось, ребята не шутят.

О рэкрете в Чифилёвске тогда знали понаслышке – всё-таки не Москва. И даже не Люберцы. Тёща обратилась к начальнику поселкового отделения милиции, тот пакет с вырезкой и коньяком благосклонно принял, но поскуцнел, когда выяснилось в чём дело. Стал жаловаться, что людей не хватает, а речь по сути идёт об отдельном милицейском poste. Лучше обратиться в охранный кооператив, такой недавно зарегистрирован в Чифилёвске. Дело, конечно, новое, но председателем

там толковый человек. Зовут Геннадий Викторович Родимцев, вот телефон.

«Так это же Генка!.. – удивилась Лена, когда мать рассказала о своём визите. – Странно, Олег мне ничего не говорил». А Олег всерьёз не воспринял разговоры приятеля о том, что нарождающееся предпринимательство нуждается в защите. Желающие погреть руки на кооператорах в больших городах уже появились, скоро до Чифилёвска доберутся. Так можно и задушить ростки нового.

Олег в ту пору был занят другим – участвовал в предвыборной кампании. Между кандидатами в Верховный Совет РСФСР, сторонниками симпатичного ему Горбачёва и оголтелого Ельцина, шла нешуточная борьба. Олег видел, что люди всё больше разочаровываются в Михаиле Сергеевиче, и ему становилось досадно. Неужели не понимают, как важно то, чего Горбачёв для них добивается?! Перед его носом захлопывали двери, когда он обходил дома и пытался вручить листовки. Газеты писали, что в Советском Союзе может начаться гражданская война, как в Югославии. Было по-настоящему тревожно. В Нагорном Карабахе и Абхазии уже началось.

«Твой Горбачев хочет перепрыгнуть пропасть двумя прыжками, – заявил Родимцев за столом. Самоуверенности у него и прежде хватало, а сейчас, когда он открыл кооператив, она била через край. – Ни у кого ещё не получалось, и у него не получится!» – «А вот у Ельцина получится, – язвительно подхватил Олег. – Тот одним прыжком перемахнёт, через колено всех ломать будет!.. Не Сталин, а тот ещё повар, острые блюда тоже любит». – «Вот этого не надо! – Генка пренебрежительно отмахнулся. – Не надо!.. Коммунисты такие слухи распускают, не могут Ельцину простить, что из партии вышел». – «Конечно, это коммунисты его на смотрины в Вашингтон вызывали, картбланш дали!..» Оба не замечали, что говорят ходовыми газетными клише, приводят набившие оскомину доводы. Оба верили в то, что читали.

Женщины переглядывались, пытались повернуть разговор в другое русло. Но Олег и Родимцев не обращали на них внимания. В конце концов вмешался тесть.

Обычно этот низкорослый мужичок в очках с большими диоптриями помалкивал, всем в семье заправляла тёща, но на этот раз встал, постучал ножом по графинчику с водкой: «Ребята, ну её, эту политику!.. Всё равно там, – он поднял лицо вверх, – сделают так, как хотят, нас не спросят. Давайте о жизни поговорим. Хотим, Геннадий, твоими клиентами стать. Обидно деньги ни за что отдавать». Слова тестя подействовали. Олег и Родимцев сбавили тон, между тостами за новорождённую договорились, что Родимцев обеспечит охрану. «Сколько?» – подалась вперёд всем телом тёща. Плата оказалась приемлемой, хотя тёща, похоже, надеялась на меньшую – как-никак знакомые. В любом случае, рэкетирьи требовали больше.

«Олег, а ты что в мой кооператив не хочешь?» – заинтересовался Родимцев, когда вышли на улицу. Кафе пользовалось успехом, рядом припарковалось с десяток машин, в том числе несколько иномарок, редких в ту пору. Народ в кафе собирался молодой, но уже состоятельный, и не только из Чифилёвска. Пока отмечали день рождения, за столик передали несколько бутылок дорогого вина, в честь Лены издали поднимали рюмки. Олег хмурился, популярность жены ему не нравилась. «Думаешь, на твоём почтовом ящике станет лучше? – продолжал настаивать Родимцев. Предприятие, на котором проработал не один год, было для него уже чужим. – Пока в стране настоящий хозяин не появится, ничего хорошего не будет – с зарплатой и вообще». – «Вот эти вот – хозяйева?...» – мотнул головой на машины Шляхтин. «А почему нет? Лишь бы лучше стало».

На предприятии, действительно, дела шли неважно. Разговоры о конверсии, которыми были полны газеты и телевидение, превращались в болезненную действительность. На какую мирную продукцию их почтовый ящик перейдёт, можно было только гадать, а реальностью стало то, что заказов поступало всё меньше. Иногда приходилось простаивать всю смену, собирать и паять было нечего. Администрация охотно отпускала в отпуск за свой счёт, но никого это не радовало – семьи нужно было кормить. К тому же инфляция становилась всё

ощутимее, продукты на глазах дорожали. «Ну так что, пойдёшь ко мне? Ты, я слышал, каратэ раньше занимался». – «Не знаю. Надо подумать». Олегу было неприятно, что его вклад в семейный бюджет становится всё скромнее, Лена теперь зарабатывала намного больше. Но казалось унижительным идти работать к Родимцеву – это как бы означало признать его правоту. Да и по-человечески Генка ему не очень нравился, хотя вроде и приятель.

Идти однако пришлось. Сдался Олег не сразу – решил было почелночить. С их почтового ящика этим стали заниматься многие. Наполняли сумки электропаяльниками, свёрлами, другим подходящим инструментом и ездили в Румынию и Польшу, продавали на местных толкучках. Оттуда везли доллары или то, что можно с выгодой продать у себя. Особо предприимчивые добирались до Китая. Олег поехал в Польшу – соседка по подъезду ездила уже несколько раз, говорила, навар получается неплохой. Взять с собой Олега она согласилась с радостью – компанией ездить безопасней.

Теснота и грязные туалеты общего вагона, на границе поезд пришлось брать штурмом (казалось, в челоки подался весь Союз), а до этого провести шесть часов стоя на продуваемом ветром перроне – как выяснилось, всё это только цветочки. Польская полиция с москалями не церемонилась. Дородный, в солидных очках начальник планового отдела получил увесистым берцем под зад, когда разложил товар в неположенном месте. Поляки инструмент брали, но своего пренебрежения не скрывали. Экономить приходилось на всём – горячего за дни поездки Олег поел только раз.

Но хуже всего оказались чёрные. На второй день Олег увидел, как вдоль рядов торгующих двигались несколько небритых кавказцев. Первый что-то коротко бросал, и люди или согласно кивали, или принимались быстро собирать свой товар. «Пятьдесят злотых», – сказал кавказец, подойдя к Олегу и сонным взглядом скользнув по разложенному. «Не понял». – «За всё даю пятьдесят злотых». – «Ты что, здесь не меньше, чем на двести!..» – Олег уже ориентировался в местных ценах. «Как хочешь, –

всё тем же бесцветным голосом сказал кавказец. – Уходи. Через минуту тебя здесь нет». – «Олег, не связывайся с ними! – вполголоса заговорила соседка по подъезду, когда кавказцы отошли. Она сноровисто собирала свой товар. – Поедем дальше на запад, там хачиков меньше и дают больше». Шляхтин с усмешкой смотрел на челноков. Ни один не возмутился, будто обирать их всякая сволочь имела законное право. «Я останусь». – «Они обкуренные!» – «Да хоть обколотые».

Через час кавказцы появились снова. «Я предупреждал, да?» – сонно сказал главный и неожиданно быстро дал пощечину. Олег ударил его ребром ладони, кавказец рухнул. Остальные на секунду растерялись, челноки шарахнулись от Шляхтина в обе стороны. «Полиция!» – закричал кто-то.

Жалко было бросать с такими трудами привезённые свёрла и паяльники, но нужно было уходить. Не хватало ещё проблем с полицией – с хачиками он уже себе обеспечил. Подлый злопамятный народ. Олег нырнул в толпу. Вырученного ему не хватило даже на то, чтобы добраться домой. У границы пришлось продать часы. Благо, на советские часы был спрос.

С Леной они развелись, не ругаясь и не выясняя отношений.

Однажды, когда у Олега были свободные от дежурства в кооперативе сутки, жена не пришла вечером домой. Перед этим в садике сказали, что Павлушку забрала мама. Обеспокоенный Олег стал обзванивать знакомых – Лены с сыном ни у кого не оказалось.

Заканчивался август, только что провалилась попытка ГКЧП отстранить Горбачёва, было по сути безвластие, когда активизируется всякая сволочь. Жену и Павлушку могли запросто выкрасть, и дай бог, если всё обойдется выкупом. Газеты были полны сообщений о пытках и убийствах несговорчивых кооператоров. Олег позвонил теще. Та сказала, что ничего о дочери и внуке не знает, и выкупа пока никто не требовал. Голос у тещи был спокойный. Олег поднял с постели Родимцева, тот связался с начальником милиции, но ничего узнать так и не удалось.

Лена дала о себе знать сама. «Олег, я выхожу замуж, – сказала она на следующий день по телефону. – Будь дома, к тебе придет наш адвокат». И положила трубку. Олег молча смотрел на аппарат. В голове было пусто. «Я выхожу замуж...» – это ему, мужу. «Наш адвокат...» Как в американском фильме.

Со временем он узнал, что Лена с сыном в Москве, её новый муж один из совладельцев коммерческого банка. Семья много времени проводит за границей. С Павлушкой ему изредка разрешили встречаться, но в присутствии гувернантки и охраны. Увидеть Лену ему не пришлось ни разу. Но если бы даже была такая возможность, он не стал бы.

22

Весна, как и многое в здешних краях, тоже была странной – стремительной и скоротечной. Ещё неделю назад казалось, что погода и не думает подчиняться календарю – начало мая, а температура даже в полдень была минусовая, – но за два-три дня снег вдруг осел, стал зернистым и принялся быстро таять.

Тепло было так, что прилепинцы сменили пуховики и зимние куртки сразу на ветровки. Было непривычно видеть легко, почти по-летнему одетых людей, шагающих по улице со снежными отвалами по сторонам. Даже напористые южные ветры не могли сразу растопить навалившийся за зиму снег.

Все, кому нужно было по делам в город, старались успеть это сделать. «Вахта» вот-вот могла перестать ходить – зимник основательно развезло. Да и переправляться через реку с каждым днём становилось всё опасней. Река была ещё подо льдом, но поверх него уже растеклась талая вода.

Шляхтин тоже решил не тянуть. Пуртову он сказал, что на время бездорожья нужно запастись расходными материалами. Но не это было главным. Днём раньше позвонил Дарьин и между прочим заметил, что хорошо бы повидаться, есть разговор, лучше не по телефону. Олег

удивился – что за тайны мадридского двора? – но решил, пока есть возможность, всё-таки побывать в редакции.

Во время своего прошлого приезда в Прилепино Дарьин намекал, что Олега могут взять в штат газеты. Правда, до серьёзного разговора дело так и не дошло. Шляхтин сам не знал, хочет ли работать в штате. Конечно, появится больше возможностей в том, что происходит вокруг, поддерживать достойное, человеческое, без этой скотской покорности. А с другой стороны, новое дело, как-то немного не по себе. Но в любом случае было приятно знать о такой возможности. Это щекотало самолюбие.

«Вахта» была полна. Поднявшись по лесенке в салон, крашенный снаружи в оранжевый цвет, Шляхтин заметил Эдика и Галину. Кивнул им, отметив, что отношения между братом и сестрой наладились. И удивился реакции. Эдик отвёл глаза, а Галинино лицо стало каменным. Шляхтин хмыкнул: толком не проснулись, что ли?.. Всю дорогу до реки он посматривал на них, но Эдик сидел прямо и ни разу не повернул в его сторону голову.

– Тоже дела в городе? – спросил необязательное Олег, когда пассажиров высадили на берегу, а «вахта», чадя выхлопной трубой, тяжело развернулась, чтобы ехать обратно в село. Высокие колёса машины на дробную треть утопали в грязи.

Эдик что-то пробормотал, а Галина, которую Эдик поддерживал за локоть – она стоя переобувалась в резиновые сапоги, – на Шляхтина не взглянула. Олег, уже догадываясь, что происходит, сделал ещё одну попытку разговорить Коковихина:

– Вон как солнце шкварит... Как бы нам обратно вплавь добираться не пришлось.

Эдик хотел было что-то сказать, но, взглянув на сестру, промолчал. Шляхтин усмехнулся.

С усмешкой он посматривал на него и позже, когда переходили реку по залитому водой льду. Для Шляхтина это было новое дело, к тому же опасное – прилепинцы говорили, можно угодить в промоину, – но он среди бредущих по воде односельчан всё равно отыскивал взглядом Эдика с сестрой и усмехался. С

таким же презрительным сожалением он смотрел на бывшего сослуживца и в салоне автобуса, который дожидался прилепинцев на противоположном берегу, чтобы отвезти в город.

Слабак!

Олег был почти уверен, что Эдик с Галиной едут в райотдел милиции забирать заявление на Витьку Сухих. Иначе почему бы им так себя вести?..

В редакции выяснилось, что дело обстоит хуже. Дарьин, торопливо пожав руку и поглядывая на часы, сообщил, что пришло письмо за подписью Эдуарда и Оксаны Коковихиных. Они пишут, что факты, изложенные в заметке о якобы насилии над ними, не соответствуют действительности. Никто в деревне их не бил и никто из ружья не стрелял. Всё это вранье. Газета должна напечатать опровержение.

Олег, выслушав Дарьина, несколько секунд молчал.

– В ФАПе должна быть запись, что Коковихин к ним обращался.

Дело принимало оборот, который и в дурном сне не мог привидеться. Оксана – ладно, слабая женщина, но Эдик-то мужик, вместе служили, почти брат. И так поступить!..

– Да верю я тебе, верю! – махнул рукой Дарьин. – Но ситуацию ты знать должен.

Олег покрутил головой:

– Ну, Сухие... Ещё опровержение им подавай.

– Никакого опровержения мы печатать не будем. Я с главным на этот счёт переговорил. – Дарьин всё понимал с полуслова. Он ещё раз взглянул на часы.

Однако Олег уходить не торопился.

– Здесь у вас есть организация, которая занимается установкой светильников. Не знаешь, как связаться с ними?

– Таких контор сейчас, как грибов после дождя. За чем тебе? – удивился Дарьин.

– Поговорить с одним человеком надо.

– Эта контора в вашей деревне светильники устанавливала?

– Да.

– Подожди. – Дарьин быстро набрал какой-то номер (как Шляхтин вскоре понял, одной из служб районной администрации), представился и своим голосом поинтересовался, кто монтировал в Прилепино светильники. Ему ответили. Дарьин, назвав женщину Анечкой, поблагодарил и протянул Олегу бумажку с адресом. – «Лумина» какая-то, товарищество с ограниченной ответственностью... Светильники ещё работают? А то у этих товариществ ну очень ограниченная ответственность. Ростки прекрасного капиталистического будущего, мать их за ногу!..

Шляхтину показалось странным, что защитник Верховного Совета так дружески ведёт себя с представителями власти. Дарьин, видимо, это почувствовал:

– Политика – искусство возможного. Теперь время собирать камни, а не бросать.

Олег отвел глаза.

– Ладно, старик, извини, – опять заторопился Дарьин. Он в последнее время только и делал что торопился. – Мне материал надо срочно в номер гнать.

Разговора о работе в штате редакции, похоже, не предвиделось.

В «Лумине» Шляхтина тоже поджидала неудача. Лейтенанта Толика на месте не оказалось – командировка в дальнее село, вернётся через два дня. Олег взял номер телефона общежития, в котором Толик жил. Хотя бы таким образом можно будет связаться.

Ярое весеннее солнце делало своё дело. Ещё на подъезде к реке стало понятно, что перебраться на тот берег будет трудно, – воды поверх льда стало значительно больше. Похоже, она даже понемногу двигалась. Смущало и то, что «вахты» на той стороне не было видно. Наверно, не смогла пройти по окончательно раскисшему зимнику.

Прилепинцы направились выламывать в прибрежном тальнике шесты – переходить на тот берег нужно было всё равно. А там по остаткам зимника можно добраться до деревни пешком. К ночи будут на месте.

– Ну ты и говно, – сказал Олег Эдику. Они оказа-

лись рядом в зарослях тальника. В автобусе Шляхтин старался не замечать ни бывшего сослуживца, ни его сестру. А теперь не выдержал.

Эдик промолчал.

Прощупывая перед собой лёд длинными палками, люди осторожно двигались по воде. Она заливала резиновые сапоги, и ноги вскоре окоченели. Важно было не попасть в промоину, а то, как слышал Олег, утащит течением под лёд. По-настоящему опасности он не чувствовал – досада на Эдика, Оксану, расчетливую Галину, которая ради спокойствия и выгоды забыла о не родившемся племяннике и унижительном ранении брата, заглушала теперь всё.

Олег не осторожничал и на берег выбрался первым. Вылив из сапог воду, ступил на расплзшуюся дорогу. Нужно было идти, двигаться – и чем тяжелее это будет даваться, тем проще отвлечь себя от неприятных мыслей. Да и согреться тоже. Сапоги скользили по оттаявшей глине, вязли, каждый шаг давался с трудом. Через полчаса Шляхтин уже был мокрый от пота.

Понемногу мысли перешли на другое. Плохо, что не удалось встретиться с лейтенантом Толиком. Интересно, когда тот собирается обратно? Народ в Абхазии, похоже, настоящий, умеет постоять за себя. У него, Шляхтина, тоже неплохая военная специальность...

До Прилепино оставалось ещё несколько километров, когда он заметил впереди «вахту». Видимо, выехавшая из села машина смогла добраться только до этого места. Раскрасневшийся, с вязаным «петушком» в опущенной вниз руке и полным рюкзаком за плечами, Шляхтин минут через пятнадцать уже подходил к «вахте». С приглушённым усталостью удивлением увидел на месте водителя Виталия Николаевича.

– От вас прямо-таки пар валит!.. – Глава администрации открыл дверь кабины. Лицо у него было благодушное. – Где остальные, далеко?.. Эх, молодость! Когда-то и я был здоровый, как лось. Пешком в город и обратно ходил. А чего, в четыре утра встанешь, к обеду в городе! Дела делал – и обратно. Меньше чем за сутки оборачивался!..

Виталий Николаевич опустился с высокой подножки на островок сухой, перезимовавшей под снегом травы. Протянул Шляхтину руку. «Специально поехал сам, чтобы перехватить Эдика с Галиной? – подумал Олег. – Так не терпится?..» Руки он главе администрации не подал – на мгновение раньше ступил в сторону, к луже, принялся отмывать от грязи сапоги. Виталий Николаевич сделал вид, что не заметил этого.

– Какой всё-таки у нас народ рисковый, а? Воды на реке полно, лёд вот-вот тронется, а они – вперёд, на другой берег! Хороший народ, настоящий, крепкий. Какие-нибудь американцы или французы скисли бы, а нашим только закалка!

– Это точно, – сказал Олег, не отрываясь от своего занятия. – Те на весенний лёд не полезли бы. Их бы как-нибудь иначе через реку доставили, позаботилась бы власть.

Глава администрации сразу не ответил, выдержал паузу.

– Ты несчастный человек, Олег, – неожиданно сказал он, переходя на задушевное «ты». – Ей-богу, несчастный!

Шляхтин с интересом поднял голову. Что-то новенькое.

– В смысле?

– Ничего не добьёшься, только хуже себе сделаешь. И других зря баламутишь.

– Это почему же?

– А вот смотри. Живут, скажем, люди, каждый на своём месте. Не потому, что человек сам себе такое место выбрал, а потому, что от природы положено, гены такие. Ну, такой он, и всё тут!.. Ты не охотник, но понять должен. Например, куница. Белка её боится, а куница боится соболя – жрёт он её. Это же смешно, если белка начнёт указывать соболю – от неё только шерсть полетит, согласен?.. Белка это знает. Птенцов там, грибы, орех ест, а соболя боится как черта, куницу тоже. Такой закон в жизни, что у животных, что у людей. Или, допустим, рыба. Я при советской власти много лет заведовал рыбоучастком – считай, профессор. Щука одно, чебак – совершенно другое...

– И только сумасшедший чебак бросается на щуку, – сказал Шляхтин.

Виталий Николаевич не смутился.

– Понимаю, соглашаться с этим многим не хочется. Особенно по молодости. Но это сначала, потом всё становится на свои места. А смотришь, жизнь себе уже подпортили, поздно спохватились! И что ещё плохо, думают, от власти всё зависит. Клянусь тебе, ничего! Ну, почти. Когда всякие там революции и перестройки проходят, всё к прежнему возвращается. Щука будет щукой, чебак чебаком. Скажи, при Брежневке кто управлял – чебаки? белки?.. Сейчас им ещё хуже будет. Тогда хоть светлое будущее обещали...

– Это вы к тому, что Коковихиным надо знать своё место? – перебил Олег.

– Зачем так говоришь? Я теоретически. Только глупые люди не понимают что к чему в жизни. Слава богу, село у нас спокойное, народ сам знает, кто они, белка или соболя. Зачем баламутить зря? Только проблемы создашь. Они же сами потом тебя и обвинят во всём.

Шляхтин усмехнулся. Ну, иуда!..

– Осталось сказать, чтобы я из Прилепино сматывал удочки.

– Вот этого не надо, ничего такого я не говорил!..

– Глава администрации, отгораживаясь от Олеговых слов, решительно выставил перед собой ладони. – Нет, ты сам посуди, идёт нормальная жизнь. Люди ругаются, мирятся, мало ли чего бывает. Нет порядка крепче того, когда каждый знает, кто он и своё место. Баламуты у нас не приживаются. Им сам народ даёт отпор. Немного разберётся – и даёт.

– Особенно, если его подтолкнуть в нужном направлении.

– Опять ты за своё. Да пойми, мне выгодно, что бы в селе был корреспондент! Вон как ты написал про бабушку Болдыреву – у меня слёзы на глазах, когда читал. Весь район теперь знает, какой человек в Прилепино живёт, дочь незаконно репрессированного советской властью человека! А ты – «угрожаете»... А

если даже и поддел кого, так что, все у нас ангелы? Я как глава тоже с такими делами борюсь. Некоторые, правда, видеть этого не желают, так я особо на благодарность не рассчитываю – дурное это дело, ждать от людей благодарности...

В село «вахта» прибыла довольно рано, высокое майское солнце ещё не успело сесть.

Галина и Эдик остаток дороги провели комфортно, в кабине – Виталий Николаевич сам пригласил их туда подняться.

23

Северная весна оказалась непредсказуемой. После по-летнему тёплых дней, согнавших остатки сугробов, в конце мая вдруг выпал снег. Ледоход уже прошёл, и странно было видеть тёмную воду реки между белыми берегами. Прилепинские пацаны опять достали лыжи, радостно гоняли коньковым ходом по улицам. Похоже, зима им нравилась больше.

– Это не смотри, это день-два и сойдет, – сказал Афанасьич, засунув руку в Олеговы унты и изнутри ощупывая их. – У нас и не такое бывает. Почки распустятся, а тут тебе снег с морозом. И чего, думаешь, без зелени остались, деревья летом голые? Хрен, всё чин-чинарем! Лист ещё гуще, природа привыкла за столько-то времени. – Афанасьич пристально посмотрел на Шляхтина. – Так ты чё, окончательно решил?.. Может, моя хозяйка чего сказала?.. Ты не бери в голову, дом мой, кого хочу, того держу на квартире.

Олег сдержанно улыбнулся. У него и в самом деле как-то произошла стычка с новой женой Афанасьича. Этой толстой, аляповатой какой-то тётке с оплывшими щеками не понравилось, что на Олеговой половине разбили окно. Можно подумать, он виноват. «Если разбили, значит виноват! – заявила тетка. – Невиноватым не бьют». Железная логика.

– Тебе чего переживать, Афанасьич? Прямая выгода, что уезжаю – унты вон оставил.

– Не понадобятся на новом месте?

– Там тепло, зимы не бывает.

– Ну, дело хозяйское... И чего вы, молодые, всё ездите, ездите? Года не проживут, срываются. Чем у нас плохо – охота, рыбалка, северный коэффициент! Нет, не понимаю я вас!.. – И Афанасьич покрутил головой.

Насчёт переменчивости майской погоды он и в самом деле сказал правду. Снега выпало много, но он оказался недолговечным – в день, когда Олег должен был улетать, на улицах стояла грязь. О том, чтобы добраться до вертолётной площадки в туфлях, и речи быть не могло. Пришлось опять занимать у хозяина резиновые сапоги. Афанасьич пошёл с Олегом, чтобы унести их обратно.

За раскисшими тёмными огородами на окраине села маячила какая-то фигура. Афанасьич всмотрелся.

– Вот тебе и попутчик – Шиндер!.. Он-то куда собрался? С чемоданами...

Когда они добрались до вертолётки, фельдшер встретил их неловкой улыбкой.

– А если меня опять радикулит прихватит? – крикнул, не доходя добрых тридцати метров, Афанасьич.

– Валентина Николаевна осталась, поможет. – Глаза у Шиндера беспокойно бегали. Он то ли смущался, то ли опасался чего-то.

– Далеко?

– В отпуск, – быстро ответил фельдшер. Похоже, он заранее приготовил этот ответ.

Шляхтин задержал на нём взгляд. Что-то не так... Он оглянулся, запоминающими глазами посмотрел на Прилепино. Было тепло, лёгкое марево поднималось над землёй. Подсохшие, грифельного цвета избы едва заметно подрагивали в его токе. Разросшиеся на просторе осины и берёзы стояли в салатových полупрозрачных накидках – уже проклюнулась листва...

Что ж, была без радости любовь, разлука будет без печали.

Когда вертолёт, гремя двигателем и повизгивая одной из лопастей, сделал круг над Прилепино и, покачиваясь, опустился на бетонные плиты площадки, подъехала

«Нива» администрации. Секретарь сельсовета, она же по совместительству кассир авиаотряда, выбралась из машины и, прикидывая, куда ступить, осторожно прошла к вертолёту, передала пилотам ведомость на пассажиров.

На Шляхтина она демонстративно не смотрела, и он понял, неспроста – в «Ниве» Ольга. Поборола женское самолюбие и приехала проводить его хотя бы вот так, из машины. Однако думать об этом не хотелось.

Закинув в вертолёт сумку, Олег вскоре сидел у похожего на иллюминатор окошка. Кто-то из экипажа, подняв в салон дюралевую в заклёпках лесенку, закрыл дверь. Над головой взревело, земля, подрагивая, стала отдаляться. Раздаётся во все стороны горизонт, тёмные мокрые огороды, вон идёт становящийся всё меньше и меньше Афанасьич. Направляется к деревне с резиновыми сапогами в руке...

Набирая высоту, вертолёт прошёл над Прилепино. Шляхтин выхватил взглядом дом Коковихиных, вон Эдик возится у теплицы, натягивает на деревянные ребра целлофановую плёнку. Что ж, пора – весна, похоже, наступила окончательно. Но строительных материалов возле дома что-то не видно. Однако надейся, дружок, надейся, может, и подвезут!..

Он взглянул на Шиндера. Тот у соседнего иллюминатора тоже смотрел вниз, на его лице застыла детская обида. Странно это было видеть у человека, обычно скрывающего свои чувства. «В Израиль собрался», – понял Шляхтин.

Сам Олег ни досады, ни разочарования не чувствовал. Он уже отделил себя от этих людей. Однако сколько позволял иллюминатор, всё смотрел и смотрел на косо уходящее в сторону Прилепино.

Смотрел до тех пор, пока село не исчезло совсем, а внизу, перепрыгивая из одного лесного озера в другое, не засверкало солнце.

2004 – 2006

ЛИТЕРАТУРНО-ХУДОЖЕСТВЕННАЯ КРИТИКА

ИПОСТАСИ ВИКТОРА КОЗЛОВА

1.

Непростое это дело, вести «Литературную страницу» в районной газете.

Хочется, чтобы каждая получалась яркой, профессиональной, да вот незадача: где взять произведения, которые отвечали бы таким запросам?.. Читатели «районки», они же пишущие в неё, – люди, в основном, трудовые, озабоченные не столько высокими материями, сколько нуждами повседневной жизни и добыванием хлеба насущного.

Нельзя сказать, что они абсолютно чужды литературным интересам, особенно молодёжь. Но желание сочинять у них часто не подкреплено способностями. А если присутствует то и другое, тогда, как правило, нет литературного умения. Не говорю уж о мастерстве, без которого на успех в изящной словесности рассчитывать трудно.

Однако бывают в жизни составителя «Литературной страницы» и праздники. Это когда встречаешь не просто одарённого человека, а щедро одарённого. Так в середине 90-х произошло у меня. Я в ту пору служил в газете Нижневартковского района «Новости Приобья», и редактор передала мне как-то несколько машинописных страниц: «Посмотрите, это прислал Козлов из Мегиона. Стихи. Может, подойдут для вашей страницы».

Имя Виктора Козлова мне уже было знакомо по публикациям в местной периодике. Это были вполне добротные очерки, хотя чувствовалось, формат тесен для автора, он способен на большее. Но газетные материалы – они и есть газетные. Если имеют отношение к литературе, то весьма отдалённое. Так что мой лёгкий

скепсис, когда я взял в руки переданные редактором страницы, понять можно.

Я прочитал их – и ахнул. Да ведь это настоящая поэзия!.. Я вполне отдавал себе отчёт в том, что, изголодавшись в сибирской глубинке по настоящей литературе, могу ошибиться – на безрыбье, как известно, и рак рыба. Потому на какое-то время отложил стихи в сторону. Однако, прочитанные несколько дней спустя, они подтвердили первое впечатление. Виктор Козлов – однозначно талантливый человек. Удивительно, почему я не встречал его стихотворений в литературно-художественных журналах, в том числе московских?.. Ведь они стоят того, чтобы быть известными широко читателю.

2.

С чего обычно возникает уверенность, что перед тобой настоящий поэт? Разумеется, не с формальных вещей: размера, рифмы, расположения текста «столбиком». Всё это обязательные азы, которым следует каждый приверженец традиционного стихосложения. Так что сама по себе их совокупность ещё ни о чём не говорит.

Но когда, например, в качестве прилагательного к слову «пурга» встречаешь «упругая», а месяц плывет над тайгой «осторожно, боясь уколоться» о её иголки, и, «чтобы тишину заштопать», мать шёпотом успокаивает заплакавшего среди ночного безмолвия ребёнка – это уже свидетельство образного мышления, которое и является признаком полноценной поэзии. Тем более, что в последнем примере налицо определённый изыск, идущий от литературной искущённости, – звукопись. В словах «тишина». «штопать», «шёпотом» слышится «ш-ш-ш...», каким мать обычно успокаивает не вовремя проснувшегося малыша.

Не стану подтасовывать факты, утверждая, что именно эти стихотворения, примеры из которых приведены, я прочёл при первом знакомстве с Козловым-поэтом. Но впечатление осталось стойкое: передо мной

талант. И дальнейшее знакомство с произведениями Виктора Козлова укрепляло впечатление. А это не только публикации в «Новостях Приобья» и других газетах Нижневартовского региона. Но и подборки в окружном альманахе «Эринтур», журнале «Югра», коллективных сборниках, в том числе «Кедровой гриве». Это в конце концов книги стихотворений «Теплынь», «Троицыно утро», стихи, вкраплённые в сборники документальной прозы, на которые Козлов плодит.

Многое в понимании творчества пишущего человека даёт его биография. Не всегда, но как правило. Бывают, разумеется, литераторы, для которых частная жизнь – одно, а сочинительство – совершенно иное, никоим образом с работой, домом, привязанностями не стыкующееся. Виктор Козлов относится к людям, по произведениям которых можно изучать их биографии. Он родился на Алтае, детство в основном провёл в башкирской Малышовке. По окончании средней школы учился в Уфимском нефтяном институте, молодым специалистом в далёком уже шестьдесят первом приехал на тюменский нефтяной Север.

Здесь как геолог и прошёл все стадии профессионального становления – от помощника бурильщика до главного технолога экспедиции и ведущего технолога объединения. Непосредственно участвовал в открытии многих месторождений нефти и газа. И хотя все эти вехи биографии в основном отразились в документальной прозе Козлова, стихам тоже осталось немало.

*В тёплых сумерках перепёлка
монотонно ко сну зовёт.
Пыль пушистая на просёлке
между пальцами ног течёт.
Малышовка ещё не скоро.
За угорьем бабы поют,
голосами плетут узоры
про любовь, да про жизнь свою.
В тёмных пажитях перепёлка
убаюкивает: «Пора...»*

*На полынной подушке колкой
детство спит моё до утра.
(«В тёплых сумерках перепёлка...»)*

Удивительно гармонично и светло, в лучших традициях русской литературы представлен у Виктора Козлова мир детства. Невольно приходят на ум строки Некрасова о крестьянских детях, «Бежин луг» Тургенева, другие произведения русской классики о детстве. В одном из своих высказываний Козлов утверждает, что тяготеет к Есенину. Возможно. Но мне всё же кажется, что больше – к Пушкину с его открытым и радостным мировосприятием, не замутнённым житейскими обстоятельствами. Дело не в том, что их нет, а в том, что и «печаль моя светла». Когда же появляется хоть малейший повод для радости, душа Виктора Козлова распахивается во всю ширь:

*Растихоня-Мальшиовка
в разгуляй-четверг шумит!
В председательской кошёлке
мала-куча гомонит.
Выездной рысак в запаре –
селезёнка ёкает.
Ездовой, весёлый парень,
девок в щёки чмокает.
Бабы – то навзрыд рыдают,
То – частушки голосают:
«У попа у Яшки, бают,
чашки вот таки висят!»
«Пережили, бабы, зиму,
чай, весною не помрём.
За налоги лапти снимут –
босиком плясать пойдём!»
Блин гречушный в маслице –
Мальшиовская масленица!
Солнце ластится,
к лету ладится...*

Или ещё:

*Во мгле искристой Мальшиовка.
Вокруг всё кажется седым.
От каждой крыши камышовой
тропинкой в небо – сизый дым.
А мы колядки тарабарим,
не понимая, в чём их суть.
А нам – кто пирожок с грибами,
кто крендель, кто пятак несут
с улыбкой, в бережных ладонях...
А кто – как побирושек гонит.*

Раннее детство Козлова пришлось на военные годы. А это недоедание, страх перед почтальоном, разносящим похоронки, горе и тяжкий труд матери, собственное раннее приобщение к крестьянской работе. Всё это так или иначе отразилось в стихах. И слёзы украдкой на чердаке, когда мать скажет: «Терпи, сынок, погиб наш папка» (стихотворение «Порой меня ругала мать...»). И боязнь угрюмого объездчика «с сыромятным кнутом у луки» – под рубашкой у мальчишки, лирического героя, ворованные на колхозном поле колоски («Жаркий полдень...»). И такая понятная зависть к ребятам, в семье которых возвращаются с войны отцы («После победного салюта»). Стихотворение завершается строками высокой поэтической пробы: «А мой папка погиб и не знает,/ что уже приезжают с войны».

И все же, повторяюсь, не мотивы уныния, горя и послевоенных тягот преобладают в стихах Козлова о детстве. Главное в них – солнечное мироощущение, изначально присущее поэту. Вера в то, что всё в конце концов сложится хорошо и гармонично, очевидна в одном из лучших, на мой взгляд, стихотворении Виктора Козлова о детской поре «Над Параниным угорьем...»

Всё, на первый взгляд, здесь беспросветно. Матери лирического героя, чтобы заработать колхозный трудовень, нужно сжать, связать в снопы и поставить в суслоны хлеб на восьми сотках – задача почти непо-

сильная. Неподальёку сам лирический герой пасёт на жнивье заболевшую корову, которая, как известно, кормилица в крестьянской семье, без неё в тяжёлые годы не выжить. «За какой же грех великий/ все напасти на сирот?!» – в сердцах восклицает мать, оглядываясь на сына и не прекращая работать. Но постепенно всё меняется. Возможно, потому, что жалеет не только мать сына, но и он её – помогает ставить снопы в суслоны, а взаимная поддержка и доброта имеют свойство преобразовать окружающее. Быть может, причиной что-то иное, но в конце дня

*К вёдру золотится зорька...
Трубный голос подала.
Оживилась наша Зорька.
Хорошо пошли дела!
Серп железный на руке,
серебристый – в высоке...*

Несколько режет глаз это «на руке» (правильнее было бы всё-таки «в руке»), но лексический огрех с лихвой компенсирует точное и естественное в детской речи «в высоке» (всё стихотворение – несобственно прямая речь лирического героя). О поэтической смелости говорит и рифма «зорька – Зорька». Казалось бы, слишком просто, даже примитивно. Но вспомним пушкинское «А что же делала супруга / В ожидании супруга?» Вольность, право на которую даёт мастерство.

3

Пожалуй, светлое мировоззрение, незамутнённая восприимчивость – ключевые слова в определении основы дара Виктора Козлова. И не только поэтического, скажу, забегая несколько вперёд. Если же продолжать разговор о стихах, это качество просматривается как в тех из них, что о детстве, так и в подавляющем большинстве других – о взрослой жизни.

В соответствии с канвой биографии автора его ли-

рический герой едет работать в Сибирь. Стихи этого периода полны задора, искренности, переплетённой с молодой бескомпромиссностью, – всего того, чем была насыщена поэзия времён хрущёвской оттепели. Читатели старшего поколения помнят: в конце пятидесятых и начале шестидесятых стихотворцы собирали целые стадионы, как ныне это делают поп-звёзды. Имена Евгения Евтушенко, Роберта Рождественского, Беллы Ахмадулиной, Булата Окуджавы были у всех на слуху. Их известность в Советском Союзе мало чем уступала известности первых космонавтов.

Понятно, молодой поэт Виктор Козлов не мог соперничать с грандами в популярности, но темы его стихотворений и их пафос были созвучны произведениям именитых москвичей:

*Летим! –
не в космос –
на работу
в Сибирь – она без нас там стынет.
Там ржаво-бурые болота,
как марсианские пустыни.
Наш край для мужества
не узок,
познаешь здесь свою весомость!
Ну а пределы перегрузок
тебе твоя укажет
совесть.
Сибирь, как новую планету,
должны
освоить мы с тобою,
не занеся сюда микроба
наживы,
рвачества
и злобы!*

Этот не ведающий сомнений энтузиазм сейчас кажется несколько наивным, самонадеянным. Но искренности и готовности себя не жалеть у комсомоль-

цев той поры не отнимешь. По своей пафосности молодая поэзия пятидесятых – шестидесятых переключалась с поэзией двадцатых и тридцатых годов. Для этого были основания: осуждён культ личности Сталина с его людоедским отношением к народу, социализм приобретал, как говорится, человеческое лицо, и казалось, уже не за горами «светлое будущее всего человечества» – коммунизм с его гармоничным отношением людей между собой и людьми и государством. Нужно только добросовестно трудиться и верить. А некоторое нищестество, когда традиции и самобытная культура обширного края мало что в глазах покорителей-первопроходцев стоят, – неизбежный спутник великого дела. Именно таким воспринималось освоение Сибири, в том числе нефтегазовое.

Романтическая приподнятость ощутима практически во всех стихах Виктора Козлова тех лет. Вот стихотворение «Топографы», в котором автор сравнивает первопроходцев с богами: «Задумчивы, строги, / глаза горят. / Не «топики» – боги / со мной говорят». Топографам приходится шагать по таёжному бездорожью, чертовски уставать, теодолиты, как винтовки, натирают плечи, но ничто не может их остановить. Потому что цель, которая ими движет, высока.

Первый снег, предвестник суровой сибирской зимы, для лирического героя в радость: «...пусть из густеющего роя / снежинок / ветер вьюгу вьёт – / мне для весеннего настроения / лишь не хватает соловьёв» («Первый снег»). Он в восторге от скрипа снега в тайге, напоминающего голоса скрипок («Концерт»). И пусть «на спинах ватники / куржавятся, / и обжигают нос очки», молодую радость не унять: «По всей земле, наверно, / слышатся / шаги идущего тайгой!»

Попад в город и оттого, что здесь можно вдохнуть запах цветущей сирени и сменить сапоги на ботинки, от переполняющего душу молодого восторга лирический герой готов пройти по земле колесом. Но главное для него всё-таки другое: «Это здорово, правда? – / очутиться в Тюмени, / а потом / до весны / вновь в тайгу

/ улететь...» (стихотворение «Весеннее»). Работа, труд с полной отдачей, пахнущий «волей и потом», приобретают в стихах Козлова нравственную ценность. Сибирь обживают не боги, а мастера, говорит автор в стихотворении «Затейливых вод многолучье...»

Однако неверно утверждать, что ничего, кроме эйфории первопроходца, поэту было неизвестно. Природа для него не только мастерская, в которой, повторяя известное выражение, человек работник. Это самоценная эстетическая категория, значение которой с годами всё явственнее проступает в творчестве Виктора Козлова. Приведу характерное в этом смысле стихотворение:

*Октябрь, а навигация на Вахе
в разгаре: катера всюю снуют...
Но хмурый день в мерлушковой папахе
отары туч пастись угнал на юг, –
и вызвездило в ночь, пока мы спали
коротким, но, как в детстве, сладким сном,
а утром – словно бы попали в Палех,
где чёрный лак в контрасте с серебром,
где отдалённый мир означен резче –
сквозь черноту просвечивает суть...
И весь пейзаж пока очеловечен
лишь одиноким следом на мысу.*

Этой просвечивающей сутью в стихах Козлова можно считать сочувственное, любовное внимание ко всему живому, к самой природе. Стихотворение датировано восемьдесят седьмым годом, но ещё раньше – и намного! – написаны стихи о подстреленной куропатке. В охотничьем азарте вскинуто ружьё и – «Ах, дурак, дурак, / что я наделал! – / крылья куропатка распластала / возле стелых веток краснотала». Страшно и нелепо выглядит на её груди рана и красный град кровинок на снегу. И не утешают лирического героя слова менее впечатлительных товарищей, мол, всё это блажь, пройдёт. Ему кажется, что он сделал нечто недостойное, противоестественное. Пафос первопроходчества

не способен оправдать насилия над беззащитным живым миром. И это важный момент в восприятии поэта. Быть может, один из самых важных. Природа, живой мир вокруг становится не только эстетической, но и нравственной категорией.

Очередное подтверждение тому стихотворение «На Ермаках такое разнотравье!..» Буйное короткое цветение северных трав напоминает герою детские годы, «где первоцвет, дубравка и чабрец». Оно заставляет сладко сжиматься сердце, исцеляет душу. В числе других ценностей жизни не летние ли травы защищал на фронте отец? Но «на бочке с нефтью / лопнула заклепка – / на Ермаках / поникла / мурава...»

Рифмованной публицистикой можно было бы назвать стихотворение «Метаморфозы», если бы не его яркая образность. Под словоблудие сановных ораторов о защите природы «в кассетнике воображенья / включаю я обратный ход». И, как в кувшин сказочный джинн, возвращаются в пласты нефть и газ, встают деревья из многокилометровых лежнёвок, обрушиваются обратно в карьеры дороги. Природе возвращена первозданная чистота, нет плёнки нефти на воде, кедры «роняют шишки на песок»... Рассудок ещё можно успокоить цифрами, логикой: стране нужны-де богатства Сибири, без вторжения в природу не обойтись, лес рубят – щепки летят. «Но как быть с сердцем?..» спрашивает лирический герой и винится, просит прощения у леса и рек. Ему горько, что вместо искреннего покаяния на устах у людей, от которых многое в этой жизни зависит, пустые слова.

До глобальных философских обобщений поднимается Козлов в стихотворении «Арбуз». В нём «веснушчатый сопливый карапуз» держит «зелёно-голубой арбуз», полосы которого так напоминают земные меридианы. И вдруг нечаянно роняет его. Арбуз разбивается. «Лежат остатки, / как материки. / И багровеет мякоть, / будто магма...» Но если ребёнка можно утешить, сорвав или купив ещё один арбуз, то «у нас другой планеты нету!» Земля, сходство которой с арбу-

зом так зримо и образно представлено автором, столь же хрупка в век огромных разрушительных сил, которые подвластны человеку. Добавлю от себя: парадокс, но Земля нуждается в защите от нас, её порождения, её детей. И чем раньше люди осознают это, чем бережнее и ответственнее будут относиться к планете, тем меньше вероятность глобальных катастроф – возможно, необратимых.

4

Литература – дама ревнивая. Рано или поздно она ставит пишущего человека перед выбором: или я, или дело, которое до сих пор кормило тебя. Как уже говорилось, по основной специальности Виктор Козлов горный инженер, геолог. И эта двойственность – точный аналитический ум, с одной стороны, и тяга к слову, к литературному творчеству, с другой, – в Козлове проявилась ещё в пору учебы в нефтяном институте.

Одним из первых литературных опытов стал художественный очерк о работе топографической партии. «Были летние каникулы, – рассказал как-то Виктор Николаевич, – я и устроился в партию. Стипендия в нашем институте была сравнительно неплохая, но трудно найти студента, которому её хватает. А тут не только возможность заработать, но и пожить на природе – я ведь по рождению деревенский, тянет... В топографической партии познакомился с интересными, можно сказать, колоритными людьми. И как раз республиканская газета объявляет конкурс на лучший очерк! Я и написал о своих новых знакомых, о их работе, о природе Башкирии. Очерк был не только напечатан, но и победил в конкурсе...»

Однако ревнивая дама литература пока ещё спокойно относилась к Козлову. Мало ли молодых людей появляется в поле её зрения, чтобы затем навсегда исчезнуть. Тем более, что соперница-геология не собиралась отпустить подающего надежды литератора. Окончив институт, Козлов успешно работал, продвигался по служебной лестнице, заявил себя талантливым инженером – на

его счету со временем скопился не один десяток изобретений и рационализаторских предложений.

Но тяга к литературе не ослабевала. Молодой инженер писал стихи, пробовал свои силы в прозе. Его произведения печатает «Тюменская правда», он становится победителем всесоюзного телевизионного поэтического конкурса. Со временем стихи и прозу Виктора Козлова публикуют газета «Сельская жизнь», журналы «Уральский следопыт», «Югра»... Молодого литератора тянет к близким по устремлениям людям – тюменский период его жизни давал возможность для такого общения. Знакомство с Иваном Лысцовым, ставшим впоследствии довольно известным московским поэтом, а в шестидесятые годы работавшим в «Тюменьгеологии», учило профессиональному отношению к своим произведениям. Признали дар Виктора Козлова и другие стихотворцы тюменского края.

Но когда ребром встал вопрос, чему отдать предпочтение, литературе или геологии, Козлов задумался. В конце концов было принято непростое решение – геология. Почему именно так, а не иначе, досконально знает разве что сам Козлов, мы же можем только строить догадки. Не так-то легко кардинально менять жизнь, когда у тебя семья, а работа, в общем-то, по душе. Известность – штука притягательная и приятная, но опять вспомним Пушкина: «Что слава – яркая заплатка на ветхом рубище певца». Однако даже её, яркой заплатки, достаивается далеко не всякий пишущий. А вот перебиваться с хлеба на воду – удел большинства профессиональных литераторов. Что в советское время, что – тем более – сейчас.

Ни в коем случае не собираюсь утверждать, что именно житейские соображения сыграли в выборе Козлова решающую роль. Но даже если и так, бросить упрек не поворачивается язык. Сожалеть – да. Русская литература, отдай он ей все свои силы полностью, потеряла в лице Виктора Козлова писателя общенационального уровня. Я не преувеличиваю, это действительно так. Впрочем, нет худа без добра. Если бы Козлов ушёл

из геологии, нам остались бы неизвестны многие герои его рассказов и очерков, перипетии их судеб. Они взяты из личного опыта автора, непосредственно из рабочих будней семидесятых и восьмидесятых годов.

А герои и судьбы эти весьма любопытны и колоритны. Продолжая писать стихи, Козлов всё больше остающегося от основной работы времени отдаёт прозе. Она полнее, чем поэзия, способна отразить разнообразие жизни, в том числе производственной, в которой автор принимал деятельное участие. Появляются очерки, рассказы, делаются наброски более крупных произведений. Но прежде чем говорить о них детально, попробую определить то главное, что характерно для прозы Виктора Козлов в целом.

В своё время Чернышевский, откликаясь на первые произведения Льва Толстого, в качестве основной их черты назвал чистоту нравственного чувства. Живи Чернышевский в наше время, думаю, то же он мог бы сказать о рассказах и очерках Виктора Козлова. Отдаю себе отчет в некоторой некорректности подобной параллели, но по сути всё обстоит именно так. Незамутнённость мировосприятия, безошибочное нравственное чутье, о которых говорилось выше по отношению к поэзии Козлова, характерны и для его прозы. Не берусь судить, врожденные ли это качества автора или же они сформированы окружающими в детстве людьми и обстоятельствами, но чистота тона и чёткие нравственные критерии прослеживаются практически во всех его прозаических произведениях.

Вот очерки, рассказывающие о первых трудовых месяцах молодого специалиста, – «Необыкновенное лето» и «Трудная осень». Время событий – начало шестидесятых, когда на территории округа шли активные поиски нефти. В Сургуте новоиспеченный инженер получает направление в Усть-Балыкскую партию глубокого бурения. Но до неё надо сначала добраться. Вместе с «хлопцами з Донбассу» герой очерка, в котором без труда угадывается автор, целую неделю добирается до промежуточного пункта, посёлка Пим. Затем со мно-

гими приключениями до Усть-Балыка и далее в богом забытое Ярсомово.

«Романтики» – с избытком. Это не только купание в ледяной воде, когда буквально на руках приходится снимать катер с мели. Это ещё спартанские условия проживания и питания, отсутствие элементарной механизации на буровой, сатанеющие комары и прочие прелести первопроходческой жизни. И – ничего, люди живут, трудятся, не унывают. «Незабываемое, необыкновенное время катилось!.. Долгое, счастливое времечко!.. Чем-то животнo-бездумное, восторженное. Иной раз такое было желание взбрыкнуть молодым жеребенком, зазвенеть колокольчиком и помчаться, не разбирая дороги!..»

Внимание автора привлекают не столько трудности (они – мимоходом, попутно), сколько люди вокруг. Козлов замечает в них исключительно светлые стороны. Таковы «хлопцы з Донбассу» Грицько Синенко и Павло Беседа, которые предпочли тюменские края благодатному Крыму. Таков бурильщик со стажем Анищенко, ни разу не повысивший голос на новичков, хотя у тех не сразу всё получалось. Более того, старавшийся помочь подчинённым и поднять их настроение. «Да и все остальные рабочие – благожелательны, открыты: объяснят, покажут. Друг к другу уважительны, нас тоже величают по отчеству», – пишет автор. Добросердечна бабка Гротиха, согласившаяся выпекать хлеб и на долю молодёжи, приговаривающая: «Проголодались мои хлопчики... Счас, счас... Сымем горяченького... С поду. Богу в угоду, животу в поправку». Таковы практически все герои очерков. Самое негативное, что подмечает автор, это педантичность и склонность к перестраховке инженера Егорова.

Мне известно, что первоначально заметки, из которых затем родились очерки, писались для себя, следовательно – искренне, от души. Допускаю, Виктор Козлов испытывал определённое влияние той приподнятой тональности, которая была присуща советской очеркостике о первопроходцах. Но в основе всё же лежит его

светлое мироощущение. Или, ещё раз повторяя слова Чернышевского, чистота нравственного чувства.

И не таким уж «бездумно-животным и восторженным» становится вскоре настроение героя. Собрание в Усть-Балыке, переименованном затем в Нефтеюганск, открывает ему на многое глаза, заставляет задуматься. Кто он и его новые знакомые? Люди, способные только работать через не могу? «Люди, из которых можно, потихоноски, делать гвозди? Или просто заторканные, привыкшие ко всему «трудящиеся», у которых только просыпается «классовое сознание», протест против устоявшегося порядка вещей?.. Такие мысли на излете хрущёвской оттепели не поощрялись. Это была воля, граничащая с инакомыслием. Как и закрадывающиеся сомнения относительно реальности планов догнать и перегнать Америку – в Ярсомово героя обязали вести занятия по новой программе КПСС.

Ещё одна черта, характерная для прозы (впрочем, как и для поэзии) Виктора Козлова, это образность слова и свобода, раскованность стиля. Описания его зримы, ритм фразы, абзаца раскрепощён, соответствует изображаемой ситуации.

«– Да сядем ить, ся-дим!.. – кричит шкипер, бегая вокруг Бочарова, начальника партии. – Зазимуем ить на перекате!.. У Рыскиных! Сядим, епонский бог! Куда – и так под завязку!

Бочаров, грузный, невозмутимый, в мятой шляпе, в синей спецовке, в новых, с пряжками, геологических сапогах, небрежно закидывает за спину клетчатый шарф и машет белой рукой Кеше Муратову:

– Ехай, ехай!..

– Не дам!.. Швартовы порублю! – мечется шкипер».

Небольшой эпизод, а как всё осязаемо и зримо написано. И суетливые возгласы и метания шкипера, опасавшегося, что перегруженная баржа не дойдет до Усть-Балыка, сядет на перекате. И начальственно невозмутимый Бочаров, который не считает нужным спорить. Не повышая голоса, машет белой, отвыкшей от физической работы рукой бульдозеристу, чтобы тот

заезжал на баржу. Как полагается начальнику, Бочаров в новых сапогах и в шляпе, пусть и мятой, клетчатый шарф опять же...

Характерна речь персонажей. У шкипера она полна экспрессии, лексика в духе шестидесятых годов с их «епонским богом», простонародным «ить», вместо «ведь» и т.п. Для убедительности шкипер скандирует «ся-дим!» Бочаров, хотя начальник и в шляпе, говорит тем не менее «ехай», что тоже характерно для тех лет.

Можно приводить еще множество примеров, свидетельствующих о зорком глазе, тонком слухе писателя, его умении образно представить внешность персонажа или событие. Вот как Виктор Козлов говорит о неаккуратной вырубке леса: «словно неумелая рука выхватила из густой шевелюры клочок волос тупыми ножницами». О взгляде одного из персонажей: «В маленьких, коричневых, что кедровые орешки, глазках золотые рыбки высверкивают чешуйкой». Канаты оснастки у Козлова «струнно запели», когда их с силой натягивают...

Лучшие качества Козлова-очеркиста проявляются и во многих других произведениях. Таких, например, как «Злые Мощи», «Гусар», «Зарницы с четырёх сторон». Кажется, неистощима палитра писателя, каждому мало-мальски значимому персонажу он находит свои краски, зорко подмечает его особенку. Быть может, в очерках семидесятых – девяностых годов меньше молодого задора, но определённо больше вдумчивого, внимательного отношения к отдельному человеку. За непритязательной внешностью, за не слишком ладно сложившейся судьбой Виктору Козлову удается рассмотреть сущность человека. Как правило – симпатичную, вызывающую расположение.

Многие годы писатель живет в Мегионе. И было бы странно, если бы он, летописец нефтяного освоения Югры, не сказал доброго слова о земляках. Его перу принадлежит несколько документальных книг о жителях этого славного города. Скромность и трудолюбие лежат в основе характера Александра Маметьева, героя очерка «Саша. Внук Незнакомки?» Надёжность и вер-

ность данному слову характеризует Александра Ивановича Вацпана («Руки, которые без работы зябнут»). Немного словна и женственна молодая героиня очерка «Галина – Тишина и Спокойствие», эта хранительница семейного очага...

Казалось бы, что в своей основе представляют «Серебряные свадьбы» как не пространный пересказ биографии заместителя главного бухгалтера одной из мегионских строительных организаций? Но благодаря писательскому мастерству материал превращается в законченную новеллу о жизни обычной вроде бы женщины, за судьбой которой тем не менее просматривается нечто ещё – значительное, едва ли не всечеловеческое. И примеров таких метаморфоз, возводящих в степень обобщения, казалось бы, частные факты, немало.

5

Собственно говоря, большого различия между лучшими очерками Виктора Козлова и его рассказами я не вижу. То и другое – полноценная проза. Разве что в рассказах сюжет более строен, отчетливее просматривается основная мысль, а образы героев собирательные – в очерках же, как известно, речь идёт о вполне конкретных людях. Ну и, разумеется, рассказ предоставляет автору большую свободу вымысла.

Любопытно в этом смысле сравнить разные редакции «Тёти Ньюры». В одном случае это очерк, в другом – рассказ. В «Тёте Ньюре»-очерке Козлова больше занимает атмосфера многочисленной семьи бывшей спецпереселенки, бытовые зарисовки с участием хозяйки дома, её сына, дочери, зятя, снохи, внучек, квартиранта Мишки Савина – любителя поэзии и бузотера по пьяному делу. И всё это Виктор Козлов выписывает живо, ярко, образно – как говорится, вкусно.

Возникает ощущение, что сам процесс перенесения на бумагу окружающей жизни доставляет автору удовольствие. В чём-то это перенесение может показаться самоцельным. Если искать ему логическое оправдание, можно сказать: в итоге получается срез конкретного

времени и конкретного места, что само по себе уже немало. Но в повести или рассказе принято реализовывать определённую идею. Самого по себе отражения жизни, пусть и колоритной, недостаточно. Необходимо наличие серьёзной мысли, объединяющей героев и события. И такая мысль, идея очевидно просматривается в «Тёте Нюре»-рассказе.

Автор основательно сократил написанное ранее, из произведения ушли многие сценки и некоторые герои – тот же Мишка Савин, к примеру. Пришлось пожертвовать и видом Сургута начала шестидесятых с вертолета (в рассказе Сургут стал Пургаем) – видом зримым, напомнившим спил дерева. Тёмная древняя сердцевина, уходящая ещё во времена Ермака, затем полукольцо экспедиционных коттеджей, они из свежих брусев и кажутся постоянно освещёнными солнцем. Ещё дальше от центра – корявая кора: времянки, «шанхай»... Хорошо, зримо представлено, но не соответствовало новым задачам автора и потому было убрано.

В результате последующих изменений в тексте явно проступил образ главной героини. Тому способствовала и новая концовка, которой не было в очерке. Рассказчик несколько лет спустя появляется в доме постаревшей тети Нюры, видит её саму, выслушивает новости о детях, внучках. Освобожденная от необязательных сценок и персонажей, выпукло предстает нелёгкая, по сути своей подвижническая жизнь этой русской женщины. Подготовленная всем предыдущим текстом, естественной кажется концовка рассказа. Прощаясь, тетя Нюра просит передать поклон родным рассказчика. Тот мысленно восклицает: «Господи, тётя Нюра! Тебе поклон низкий. Тебе!» За неустанный труд, за доброту, за перенесённые испытания.

В чем отличие хорошей прозы от посредственной, средней? Ведь бывает так: вроде бы и авторская мысль в произведении достаточно весома, и язык неплох, и образность какая-никакая есть, и на жизнь похоже, – а не берут рассказ или повесть за живое, не проникают в тебя, не окутывают своей аурой. Когда же всё это про-

исходит, и ты какое-то время ещё словно пребываешь в прочитанном, воспринимаемая жизнь вокруг себя глазами автора произведения, и не сразу это приятное наваждение проходит – верный признак того, что рассказ или повесть написаны талантливым человеком.

Такое ощущение оставляют по прочтении многие прозаические произведения Виктора Козлова. В том числе рассказ «Воспитание по Брэггу». Если говорить о его тематике, несмело затронутая в первых очерках тема человеческого отношения начальства к рабочему люду в этом рассказе прописана более основательно.

Из-за необязательности, а то и прямого пренебрежения руководителей экспедиции вынуждены голодать на буровой тракторист Илюха и бурильщик Слава. Отправленные демонтировать оборудование без спальных мешков, необходимого запаса пищи, накомарников, они съели и выкурили всё, что смогли найти в заброшенных балках. Автор точно подмечает состояние людей, оказавшихся в экстремальной ситуации. Илюха мечтает, как привезёт Славу в родную деревню, познакомит с отцом и матерью – дескать, хороший человек, многое с ним пришлось пережить вместе. Это отвлекает от тягостной реальности и напоминает мечты людей на фронте, знакомые по литературе.

У Славы мечты иного рода. Он, как и Илюха, вахтовик, живет на Украине. Перед последней вахтой гостил у тетки в Киеве, и там его заметила помощник режиссёра с киностудии Довженко. Слава прошёл пробы на роль инока в будущей картине. Но успеет ли он приехать на съёмки? Экспедиционное начальство, похоже, о них забыло, не присылает вертолёт.

Экстремальная ситуация действует на Славу своеобразно. Он вспоминает слова из своей роли, цитату из Библии: «Не собирайте себе сокровищ на земле, где моль и ржа истребляют, где воры подкапывают и крадут...» Происходит некое духовное просветление героя. Нельзя человеку жить только материальным, как это делает начальник смены Михал Михалыч. Тот и командировку выбил, чтобы уладить не столько производ-

ственные, сколько свои (и непосредственного начальства) дела, и «отмазаться» от Славки и Илюхи намерен тем, что «дефицита подкинем».

Мотив этот – необходимость преобладания в жизни духовного начала над материальным – быть может, для литературы и не нов. Козлова тяжело назвать здесь первооткрывателем. Но это один из тех мотивов, которые должны постоянно присутствовать в искусстве. И Виктор Козлов вносит свою лепту.

Повесть «Недра» вобрала в себя многие проблемы, характерные для промышленного освоения Югры. Это довольно обширное полотно, в котором на первом плане не столько производство с его нюансами, сколько судьбы первопроходцев. Далеко не всегда они благополучны. Специфика обживания Севера культивирует в человеке не только надёжность, трудолюбие, чувство товарищества. Случается так, что богато одарённые натуры растрачивают себя в бесконечных выпивках (благо, северные надбавки позволяют), в неразборчивых знакомствах, в эпатажных поступках. В итоге деградируют и как специалисты, и как личности.

Яркий пример тому Кирилл, бывший однокурник главного героя повести Петра Мерцалова. Талантливый от природы, Кирилл после института стремительно пошёл вверх по служебной лестнице. Удачлив он и в любви – его предпочла девушка, которая нравилась Мерцалову. Но непоследовательность, легкомыслие, «гусарство» приводят к жизненному кризису. От Кирилла уходит жена, на работе он, как на качелях – оказывается то в героях, то в штрафниках. Дело доходит до того, что в экспедиции его держат из милости. Времена «запорожской сечи», утверждает автор устами главного героя, в геологоразведке заканчиваются. На смену им приходят дисциплина, упорядоченность, ответственность. Такие люди, как Кирилл, уместные на первом этапе освоения Севера, при всей их незаурядности становятся обузой.

Как и другие произведения Виктора Козлова, повесть насыщена яркими эпизодами, колоритными об-

разами. Чего стоит описание пожара в посёлке, куда прибыл в командировку Мерцалов, – с его бестолковщиной и полупьяным, падким на зрелища людом. Запоминаются сожители главного героя по заезжей, этого своеобразного гостиничного номера: испытатель Алексей, горнотехнический инспектор Сурков, беспробудно пьющий бухгалтер. Характерен главный инженер экспедиции Плахин, неплохой специалист, но себе на уме, равнодушный к нуждам рабочих человек...

6

О написанном Виктором Козловым можно было бы сказать ещё немало добрых слов. Вспомнить, например, его малую прозу, составившую цикл «Короткие рассказы». В ней сжато повествуется как о случаях из будней геологоразведочной экспедиции, так и из «цивильной» жизни автора. Или поговорить о занимательных, свидетельствующих о любви к животным зарисовках цикла «О братьях наших меньших»

Достойны внимания и стихотворения для детей, в которых отразилось умение автора образно, с тёплым чувством изображать явления природы, зверушек, растения. Да и целый пласт очерков и рассказов остались за пределами этого обзора. Среди них такие колоритные, зачастую глубокие как «Льготный стаж», «Судьба», «Малиновый халатик»...

Написано Виктором Козловым немало. И каждое произведение в очередной раз свидетельствует о незаурядном таланте. Но особенно радует то, что талант этот не убывает. Недавно нашему земляку исполнилось семьдесят. В таком возрасте даже корифеи литературы всё явственнее ощущают, как уходят силы. А Виктор Николаевич продолжает работать, из-под его пера появляются новые стихи и проза. Вместе с сердцем пульсирует незамутнённый родник его дара.

И пусть так будет как можно дольше.

2007

И ЭТО ВСЁ О НЁМ...

1

Меня всегда занимал вопрос: когда Коняев умудряется писать?

С Николаем я знаком лет пятнадцать, и почти всё это время он возглавлял писательскую организацию Югры. Должность беспокойная и многотрудная. Это и разработка разного рода документов, и их реализация на деле, и многочисленные выступления перед читателями, и участие в писательских мероприятиях, вплоть до Всероссийских – да мало ли что ещё.

В том числе и многолетнее редактирование альманаха «Эринтур». На такой должности ни словом, ни взглядом нельзя задеть гипертрофированное самолюбие авторов. А это тоже труд – не всякий автор такого отношения заслуживают. Не говорю уж о том, сколько времени и нервной энергии забрала у Коняева борьба с чиновниками. Чего стоили одни только страсти вокруг писательского дома в Ханты-Мансийске, в своё время дарованного нам, а затем под благовидным предлогом властью отобранного.

И тем не менее Коняев писал. Находил для этого время и силы. Умел сохранять в себе душевное равновесие, без которого ничего толкового в литературе не создашь. А что это как не показатель духовного здоровья и преданности делу, которому отдана жизнь?

Я мог бы перечислить и другие вехи биографии Николая Ивановича. Но в жизни писателя не внешние события определяют суть. Главное – душа и ум, а они наиболее полно проявляются именно в произведениях. Отсюда и название этих заметок. Разговор о рассказах и повестях Коняева – попытка осмыслить его духовную сущность, нравственные критерии и писательский потенциал. Что, повторюсь, главное в настоящем, серьёзном литераторе.

2

У прозы Коняева есть одна любопытная особенность. В ней чувствуешь себя, как в обжитом деревенском доме. Ты не знаешь наверняка, что ждёт тебя в той или этой комнате и какой вид откроется из окна. Но совершенно уверен: и там, и здесь встретишь понятные, близкие твоему читательскому сердцу порядки и вещи.

Ощущение естественное, причины очевидные. Николай Коняев работает в стилистике, имеющей в отечественной словесности давние добрые традиции. Эта стилистика (речь не столько о формальных признаках письма, сколько о нравственных установках) осемена именами Василия Шукшина, Виктора Астафьева, Василия Белова, других хороших писателей. Для них духовное здоровье русского человека всегда составляло главный нерв творчества. Если же заглянуть вглубь времени, то забрежат фигуры исполинов нашей литературы, на многие годы и определившие её пафос.

Большая часть включённых в нынешний однотомник произведений хорошо знакома читающей публике. Эти рассказы и повести печатались в московской и региональной периодике, выходили в коллективных сборниках, публиковались в авторских книгах Коняева. Не ошибусь, сказав, что в фокусе внимания писателя находятся прежде всего деревенские жители (отсюда, вероятно, и ассоциирование коняевской прозы именно с деревенским домом). Основное же духовное содержание рассказов и повестей – стремление человека сохранить в себе твёрдые нравственные начала.

Особенность нашего времени: оно насыщено многочисленными идеями – от традиционных до вполне экзотических. Что и понятно, процессы глобализации проявляют себя и таким образом. Кто-то преклоняется перед научным прогрессом, а кто-то верит, что на Сатурне обитают души умерших. Но для героев Николая Коняева главное не отвлечённые идеи (нередко оказывающиеся к тому же ложными), а то, что испокон века существует в народном сознании. Это справедливость, честность, семейный лад.

С симпатией следишь, например, за Таисьей, молодой героиней рассказа «Чужая музыка», сумевшей отказаться от такого нужного ей, но ворованного тёса. Трогает сердце родительское беспокойство Евдокии и Никандра (рассказ «Письмо без приветов от Кирилла»). Сопереживаешь бескомпромиссному Мартынову («Прости, капитан»). И невольно задумываешься: окажись больше таких людей в нашей стране, так ли сложилась бы её история?..

Почти родственные чувства вызывает Изот Чагин из рассказа «Изоша Поперешный». Ну не хочет человек быть бараном в стаде, направляемом новыми властью имущими!.. Об исконном для России нежелании начальства понять простого труженика речь в одном из лучших коняевских рассказов «Всё перевернут».

Стоит сказать о непростом вопросе, которым в последние годы задаются многие писатели. Гуманистическая традиция – это, конечно, хорошо. Но не устарел ли такой подход в литературе, не остался ли в прошлом? На первые роли всё очевидней выходят произведения другого рода. Разговор не о коммерческих изданиях – все эти детективные, дамские, мистические и прочие сочинения не в счёт. Они не литература.

Имею в виду произведения, авторам которых не откажешь в профессиональных качествах, но которые превращают литературу в некую забаву, в разгадывание невразумительных ребусов и шарад. Их романы и повести – этакие вещи в себе, самодостаточная игра интеллекта. Осмысление новых тенденций в жизни происходит такими авторами никак не с позиций нравственности, чем всегда была сильна русская литература. Декларируется едва ли не полное безразличие к реальной жизни с её болевым точкам.

В какой-то мере позицию таких писателей можно понять. Вероятно, это разочарование в проповеднической миссии литературы. Её высокие идеалы, к большому сожалению, человечество не исправили. (Что, замечу, на протяжении нескольких веков, которые существует светская литература, и нереально. Христианство, к при-

меру, бьётся над совершенствованием человека два тысячелетия – и с довольно скромными результатами.)

Возможны и другие объяснения подобной тенденции в современной изящной словесности. В частности, зависимость от власти, как ни странно это может прозвучать в нынешние времена. Опыт показывает, любая власть не заинтересована в оценке своей деятельности с точки зрения нравственности. И совсем не обязательно вводить цензуру. Достаточно, к примеру, поставить «толстые» журналы, задающие тон в литературе, в финансовую зависимость от государства. Что благополучно и делается.

Но каковы бы ни были причины смутного времени в литературе, мириться с мыслью, что отныне ей уготована роль пустого и необязательного времяпрепровождения, согласится не каждый писатель. Согласится – значит лишит литературу смысла, души, откажется в высоком предназначении. В наши дни водораздел между истинной литературой и подделкой под неё – не то, какими стилистическими приёмами пользуется писатель и не устарели ли они. Куда важнее: есть у него нравственная позиция или нет. Именно это оселок, на котором поверяется значимость литературной работы.

Следует всё-таки оговорить один существенный момент. Превозносить прозаика только за то, что он не теряет нравственных критериев, было бы неосмотрительно. Пафос автора становится фактом литературы только в том случае, если он подкреплён профессиональным умением. В этом смысле Николай Коняев, как уже говорилось, также по-хорошему традиционен, его произведения по-писательски добротны и высокопрофессиональны.

Претендующая на объективность оценка должна быть доказательной. Сделать это в данном случае и легко – и сложно. Проза Коняева из того разряда, когда каждая фраза, вырванная из контекста, ничего из себя особого, казалось бы, не представляет. Но в совокупности с другими создает плотную художественную ткань, отличающую настоящую прозу от суррогата.

Прочитав начало рассказа «Изоша Поперешный».
«Поутру 7 ноября Изот Чагин встал в предвкуше-

нии праздника, чему законным основанием служило красное число на отрывном календаре. Встал и, почесывая грудь, прильнул к окну.

– Погляди в своё окно – всё на улице красно! – продекламировал он с чувством, хотя на улице-то было вовсе не красно, не ало, даже не розово, а белым-бело от свежего, ночью выпавшего снега.

Дурачась от избытка тёплых чувств, он мимоходом чмокнул жену в ухо и под её довольное бурчание вышел належке во двор. Постоял, полюбовался чистым оснежением и расправил плечи...

Через полчаса, выбритый, умытый, сел за стол и выжидательно глянул на жену. Тоже на законном основании. Но она вдруг проявила нерешительность.

– А может быть, Изоша, без стопки обойдёшься?

– А почему без стопки? – удивился он. – Праздник же сегодня!

– Да, вроде, праздник и не праздник, не поймёшь... Ещё когда по радио сказали, что демонстрации не будет! Скажи, Иван? Ты слышал?

Сын подтвердил с набитым ртом:

– Угу... Сказали. Слышал».

Ничего, на первый взгляд, особенного. Простота и естественность текста порой создают именно такой эффект. Но искушенный читатель отметит: за каждой фразой свобода обращения со словом и материалом. А они даются даже одарённому литератору далеко не сразу. Коняевский текст имеет самостоятельную эстетическую ценность – он, что называется, вкусен, осязаем. А умело вкрапленные детали с самого начала закладывают в читательское сознание представление о героях.

Изот – обычный, нестарый ещё мужчина, он и грудь способен с удовольствием почесать, и жену попутно чмокнуть, и полюбоваться во дворе свежеснеженным снегом. Живёт Изот, судя по всему, в собственном доме то ли в посёлке, то ли на городской окраине (должны же быть у него основания надеяться, что 7 ноября «всё на улице красно», – в деревне такого не бывает). Косвенным подтверждением полудеревенского быта и отрывной ка-

лендарь на стене – городские, более «продвинутые» жители предпочитают глянецовые календари-альбомы.

Жена Изота тоже осязаема уже по первым фразам рассказа и своим репликам. Она из тех простых женщин, которым приятно внимание мужа, но традиция требует поворчать, когда тебя целуют при сыне. В семье она не на последних ролях, что по ходу повествования и подтверждается. Жена определяет, когда налить Изоту рюмку, а когда нет; когда дать деньги «на общение» с мужиками, а когда и отказать. Кстати, это обстоятельство – краска в характер не только Изотовой супруги, но и его тоже. Во всех смыслах положительный семьянин вряд ли полез бы на телевизшку устанавливать красный флаг...

Всего несколько фраз, но сколько всего за ними! Кроме психологически точного поведения и реплик героев налицо и экономное обращение автора со словом, когда нет ничего лишнего и каждая деталь несёт максимальную смысловую нагрузку. Подобное дорогого стоит, особенно в жанре рассказа, который по определению должен быть лапидарным. Ну и, разумеется, звучание каждой фразы, абзаца. Без чувства гармонии, лада хорошего писателя не бывает. Коняев это чувство демонстрирует убедительно. Как и стремление к неизбитому определению или ситуации. Изот любит «чистым оснежением», а целует жену не в щеку, а в ухо – потому что неловко, мимоходом...

Остается только добавить, что всё перечисленное типично не только для «Изоши Поперешного», но и для всего творчества Николая Коняева.

Написанные в разные годы и собранные под одной обложкой, рассказы стали показателем ещё одной существенной особенности. Речь о направлении, в котором развивается коняевская проза. Так сказать, вектор её движения. «Изоша Поперешный», «Время поворота солнышка на лето», «Новый русский хант», «Деньги для адвоката», «Прыжок с закрытыми глазами» и некоторые другие рассказы запоминаются не только современностью материала. Они – новый этап становления Коняева-прозаика. В этих произведениях автор самобытней,

изобретательней, тоньше, чем в написанных раньше. А замысел новых рассказов объёмней и глубже.

Живописуя, например, жизнь пенсионера Петра Мокеевича («Время поворота солнышка на лето»), автор подводит читателя к пониманию состояния человека, выпавшего из полнокровной жизни и в итоге никому не нужного. Ситуацию объёмно подсвечивает и выводит на общечеловеческий, вневозрастной уровень случай с бывшим сотрудником Петра Мокеевича – Григорашем, которого уволили с работы. Пронзительный, берущий за сердце рассказ! Сделан он на полутонах и, при всей своей самостоятельности, в чём-то перекликается с рассказами Чехова.

Или взять «Прыжок с закрытыми глазами». Здесь тоже всё современно, узнаваемо, тонко. И мытарства тридцатилетнего Семёна, в прошлом работника совхоза, а ныне безработного. И недовольство его жены Шуры, которая того и гляди уйдёт от него, а ещё вероятнее – самого Семёна выживет из дома. И возникшая от безысходности мысль пойти служить по контракту в горячую точку...

Удерживает Семёна от опрометчивого поступка случай. Купаясь, он чуть было не напоролся в воде на остро затёсанные колья. Он так ярко представил в мыслях и пережил свою смерть, что это отрезвило его. Семён приходит к выводу: никакие бытовые трудности не стоят жизни. Показательна концовка рассказа. Семён *«в сумерках пришёл домой и виновато улыбнулся встревожено взглянувшей на него жене.*

– Ну, как вы... без меня тут?»

Эту реплику можно трактовать и совершенно иначе. Может статься, Семён пришёл к другому решению. Мысленно пережитая смерть не отрезвила его, а смирила с неизбежным. Служить в горячей точке всё равно придётся – работы нет и не предвидится, а терпение Шуры на пределе.

Николай Коняев даёт читателю возможность самому додумать, как дальше повернётся жизнь персонажа. Не толкать к однозначному выводу, не расставлять все точки над I – один из показателей писательской зрелости. Жизнь разнообразней нашего представления о ней.

Глубиной и неординарностью мысли запоминается рас-

сказ «Коршун». Он написан в постперестроечные годы, когда о многих ранее притушёвываемых явлениях стало можно говорить открыто. Речь в рассказе о колхозном объездчике по прозвищу Коршун. Во время Великой Отечественной этот человек был механиком-водителем танка, имеет много боевых наград, но до сих пор не перестает пакостить односельчанам. Его страсть – убивать плёткой гусят.

Жестокость, возводимая на войне в ранг героизма, осуждаема и вызывает неприятие в обычной, нормальной жизни. Парадокс, заставляющий по новому взглянуть на тех, кто был первыми на фронте. Воистину, война – противоестественное, бесчеловечное дело. Единственное, что, на мой взгляд, снижает пафос рассказа, это попытка объяснить жестокость Коршуна житейскими обстоятельствами. Безжалостность – скорее, врождённое качество, а не приобретённое. Именно она, выражаясь словами персонажа, «струя» в его жизни. А «брызги» – и ордена, и убитые гусята. То и другое в одном ряду.

3

Отдельного разговора заслуживают повести Николая Коняева. В том числе «До поры до времени», одна из лучших, самых глубоких в его творчестве. В основе этого произведения извечная для русской интеллигенции боль – взаимоотношения с народом. Несколько слов о содержании повести.

Её главный герой Виктор Веремеев приезжает на несколько дней в родную деревню. Он – писатель, служит в журнале, но приехал в деревню не отдыхать, а в тишине и покое написать важную статью. Угадывается время – конец 80-х или начало 90-х с их идеологическими битвами, непомерным авторитетом депутатов и прочей атрибутикой.

Как водится, поработать Веремееву не дают. Сразу возникает масса дел: от необходимости подновить загородку для кабана в хозяйстве немощного дяди – до приглашения выступить перед земляками по районному телевидению. Глазами известного, повидавшего мир писателя мы видим безалаберность деревенской жизни. Пьянство, пренебрежение исконными крестьян-

скими обязанностями, безразличие к жизни родного человека. Только и остается вслед за Веремеевым воскликнуть: «Самоубийцы вы!..»

И то сказать, дядин двор – «с обрушенным колодцем у ветхого плетня, с запрокинутым отчаянно в небо журавлем над трухлявым срубом зарос густой пастушьей сумкой, неувядаемым пыреем». И всё это при вполне здоровом двоюродном брате Веремеева Сахе (Алекса́ндре). Сам Саха берёт с матери деньги за обещание привезти дров, благополучно пропивает их, а дрова так и не привозит. Потребовалось вмешательство Веремеева, чтобы дрова всё же были доставлены. Дядя Петр (Петруня) готов, что называется, заживо лечь в могилу, лишь бы не ездить к врачам. Сын Саха потворствует ему, хотя мог бы присоединиться к здравомыслящему Веремееву и настоять на больнице. Невестка Галина, пострадавшая от Сахиного любвеобильного нрава и приверженности к зелёному змию, тем не менее за то, чтобы муж продолжал пить. Она не говорит прямо, но это следует из её горячего монолога в конце повести. А Веремеев, желающий избавить двоюродного брата от пагубной привычки, чуть ли не враг для неё...

О деревне в русской литературе написано немало. Если говорить только о классике, это и чеховские «Мужики», «В овраге», и «Деревня» Бунина. А ещё раньше – «Записки охотника» Тургенева, очерки ныне полузабытого Глеба Успенского и многое другое. Любопытна метаморфоза в изображении крестьян. Если, скажем, у Тургенева на первом месте уважение к внутреннему миру и талантам крепостного, то отношение к деревенским жителям у Чехова (и особенно у Бунина) едва ли не диаметрально противоположное.

Людям, выросшим на европейской культуре, кажутся дикими, нечеловеческими условия, в которых живут крестьяне, поражают скотские отношения между ними – с неизменным торжеством хамов. Давно уже нет помещиков-крепостников, на которых можно было списывать неприглядные стороны жизни деревни, а дикости и грязи, по Бунину и Чехову, стало только больше.

В советской литературе так жестко о колхозниках не писали. Причина, думается, не только в идеологических установках. Русские интеллигенты (и писатели в том числе) двойственны по своему мировосприятию. Они понимают: так, как наши крестьяне, жить нельзя – это оскорбительно для человеческого достоинства. Так живут разве что в полудиких Афганистане или Сомали. Но ведь «вышли мы все из народа», народ наш кормилец. Мы, дескать, живем в квартирах с тёплыми клозетами, а крестьяне – в избах с печным отоплением, с единственным на несколько деревень магазином, в который только на тракторе и можно добраться...

Я не склонен преувеличивать значение волевого начала в судьбе каждого из нас. К несчастью, бывает так, что семья, в которой человек родился, окружение, в котором вырос, другие обстоятельства не позволяют ему жить иначе. Однако и то правда, что многие всё же вырываются из «идиотизма деревенской жизни», стремятся к более достойному существованию, а главное – добиваются его.

Что же касается миссии интеллигенции, которая якобы должна жертвовать собой ради блага народа, лично мне видится в этом изрядная доля лукавства. Жертвенность выгодна власти, которая готова с радостью свалить на плечи интеллигенции то, о чём должна заботиться сама. Подобная позиция выгодна и таким людям, как Саха. Не для того они остаются в деревне, чтобы пахать огороды, помогать колоть подсвинков и т.д., как заявляет Галина. Причина в другом. Так выгодно, как в деревне, людям, подобным Сахе, нигде не будет. Чтобы и выпить, и закусить, и квартиру бывшей жены взломать, и пьяным на тракторе в баню с моющими женщинами въехать без особых для себя последствий, и прочие непотребства творить.

Выше я говорил о том, что Коняев избегает приговоров. Как многое в жизни, явления вокруг нас имеют противоречивую сущность. Прав Веремеев, но и правы, видимо, пусть по-своему, его деревенские родичи. Может, и в самом деле не стоит «трогать с места» Петруню? Человек прожил большую нелёгкую жизнь, она

естественным образом клонится к закату – чем ему помогут врачи?.. (Кстати, удивительно точно автор передает состояние тихо уходящего из жизни человека. Ничто вроде бы у Петруни не болит, а он может часами сидеть неподвижно, отрешенно глядя в одну точку, то и дело подыскивает место, где можно было бы прикорнуть, практически не участвует в окружающих событиях. Человек словно готовится к другому состоянию, другой реальности, если таковая существует.)

И, возможно, не выговор Веремеева действовал на Саху, который всё-таки привёз дрова для отца и матери, а нечто другое. Можно пить, но слово своё держать, хотя и выполнять обещанное не сразу. Есть своя логика и в поведении Галины, которая только что была готова упечь Саху за его художества в тюрьму, но сутки спустя яростно бросается защищать от Веремеева...

Крестьянская жизнь – другая цивилизации. Другой образ жизни и мышления. То, что в конечном итоге и разъединяет европеизированного русского интеллигента и исконного сельского жителя, несмотря на общность языка, истории, менталитета. Такие мысли – непростые, горькие – приходят по прочтении повести. Знаменательна её концовка. У Веремеева происходит обширный инфаркт. Надо полагать, причиной не только идеологические разногласия с ярыми перестройщиками, но и то, чему он стал свидетелем в родной деревне.

Не останавливаясь подробно на других смысловых составляющих повести. Хотя есть среди них серьёзные. Например, сюжетная линия, представляющая взаимоотношения Веремеева с «апрелевцем» Зарницким, которого на свою голову он когда-то пригред, помог пробиться в литературе. Символическими выглядят блуждания Веремеева и Зарницкого в поисках дороги – ни «консерватор», ни «демократ» долго не могут её найти, все выходят на болото... Вторым планом, дополняющим основные события, идут ощущения и мысли главного героя, связанные с положением писателя в обществе. С одной стороны, неуверенность, что он, Веремеев, имеет право чему-то учить людей, на глазах

которых вырос. А с другой – убеждённость, что они, земляки, уважают и ценят его. И никому не позволят оскорбить или ложно обвинить.

События повести показывают – позволяют. И даже сами устами Галины обвиняют.

Такова уж, видно, судьба русской интеллигенции. Быть, по большому счёту, чуждой народу. Не потому ли, что она хочет родной народ видеть другим, стремиться, пусть и вяло, изменить его жизнь?..

Если в «До поры до времени» народ показан в восприятии интеллигента Веремеева, то в другой значимой в творчестве Коняева повести «Околоток Перековка» посредников не существует. Вернее, он есть – главная героиня Серафима Ниловна Колягина, пенсионерка шестидесяти трех лет. Однако она сама одновременно и носитель народного восприятия с его традиционными понятиями о добре и зле, правде и кривде. Обостряет это восприятие горбачёвская перестройка, ставшая бедой для подавляющей части населения страны.

Резкий всплеск преступности, талоны на продукты питания, произвол чиновничества, обман едва ли не везде и во всём – все это для людей, привыкших к порядку и благополучию 70-х и первой половины 80-х годов стало шоком. Заправилами в жизни, и это всё очевидней, становятся те, кого власть ещё недавно преследовала. Честный труд стремительно теряет свою цену. Растёт число опустившихся, растерявшихся перед новыми реалиями людей – бомжей.

Да что бомжи! Серафима Ниловна, у которой и крыша над головой есть, и пенсия, всё более и более чувствует себя неуютно в новой жизни. Северу она отдала лучшие годы, а сейчас, на склоне лет, оказывается, что не так жила и в своих бедах сама же виновата. Устами видного в масштабах города чиновника власть внушает ей это. Кроме ветхого домишки на окраине у Ниловны ничего нет. А теперь и его собираются сносить. Казалось бы, радуйся – взамен дадут более благоустроенное жильё. Но тогда не будет огорода, который немалое подспорье для пенсионерки. И квартирантке-

студентке придется отказать. Как, чем жить в условиях повального дефицита и начинающейся инфляции?..

Отчуждение к перестроечной жизни переносится у Ниловны на сам город Кедровый. Женщине кажется, что в родной деревне всё другое, лучше и светлее. Она решает вернуться туда. Однако нужны деньги, чтобы обжиться на новом месте. Вопреки своим убеждениям Ниловна принимается приторговывать водкой. А это не только постоянное беспокойство по ночам, но и страх. Лихих людей вокруг всё больше, а вдруг кто позарится на рубли, что она скопила на переезд? Скажем, тот же вахтовик-пропойца Шуруп, из-за денег убивший уже человека.

Завершается повесть трагически. Ниловна, жертва новой жизни, стреляет из ружья в другую жертву, бомжа по прозвищу Полиглот. Ниловна в своё время выходила его, спасла от смерти, а сейчас убивает, приняв за Шурупа... Гримаса перестроечной действительности, распшатавшей нравственные устои, смешавшей понятия добра и зла. Теперь вместо спокойной жизни в родной деревне – лагерь. Пойдут прахом собранные с таким трудом и насилием над собой деньги. Сама судьба пожилой труженицы будет исковеркана...

И в этой повести Николай Коняев проявляет себя как тонкий стилист – качество, характерное для всего его творчества. Язык повести пластичен, образен, точен. Текст от автора гармонично сочетается с несобственно прямой речью – речью самого народа, одним из лучших представителей которого Ниловна заявлена. Завидую читателям, которым только ещё предстоит познакомиться с повестями и рассказами Коняева!

4

Нынешний однотомика включает в себя и многие другие произведения. Они дают достаточно полное представление о творческом пути Николая Коняева, о его становлении и развитии как прозаика. По сути, это подведение итогов многолетней работы в литературе, пусть пока и предварительное.

Разумеется, что-то осталось и за пределами юби-

лейного однотомика, по тем или иным причинам не вошло в него, хотя эти произведения тоже заметные вехи в писательской биографии автора. Почитателям таланта Коняева знакома, например, его документальная книга «Моя нечаянная родина». Это не только благодарная дань памяти родителям, семье, многочисленным родственникам, но и скрупулезная исследовательская работа о прошлом малой родины.

Значителен, на мой взгляд, потенциал другого документального повествования «Возмездие, или Версия жизни и смерти гражданина из города Берёзова Коровьи-Ножки». Это произведение печаталось в центральной периодике, входило в один из авторских сборников Николая Коняева. В фокусе внимания писателя глубокая мировоззренческая проблема. Коротко её можно сформулировать так: влияние на судьбу простого человека мимолетного случая, сведшего его с исторической личностью. Берёзовский мещанин Кузьма Коровин-Ножкин помог бежать из ссылки злому гению российской истории Льву Троцкому...

Насколько мне известно, Н. Коняев и сейчас продолжает работать над этой темой. Документальное повествование превращается в полномесный роман, насыщенный реалиями времени и осязаемыми характеристиками. Факт показательный. Он говорит о том, что творческий потенциал одного из лучших прозаиков современной Сибири не истощён. Свое 60-летие Николай Коняев встречает за рабочим столом.

Надеюсь, впереди у собрата по литературе много плодотворных лет. Уверен, не существует художественных задач, которые теперь, в пору писательской зрелости, он не смог бы решить.

Удачи тебе, Николай Иванович, и здоровья!

2012

В ПОИСКАХ СМЫСЛОВ

О произведениях молодых югорских прозаиков

Толчком, побудившим взяться за эти заметки, стал недавно вышедший сборник «Утренний ветер». В него включены повести и рассказы молодых писателей нашего округа. Однако любопытен сборник не только этим. Большинство произведений – о сверстниках авторов. Думается, в этом его главная особенность.

Не открюю Америки, сказав, что сложившиеся взрослые люди с интересом присматриваются к новому поколению. Так было всегда. И дело не только в подспудном чувстве конкуренции, когда одни стремятся отстоять своё место под солнцем, а другие, помоложе, занять его. Человек существо социальное, люди старшего поколения, исповедуя определённые принципы, хотят видеть в молодёжи своих приемников. От неё во многом зависит, каким будет завтрашний мир.

Разумеется, что-то из настроений молодёжной среды уйдет вместе с возрастом, но что-то все же останется и определит будущее. Поэтому общество, как говорится, держит руку на пульсе. Заказываются масштабные социологические исследования, проблемами молодых занимаются солидные институты, сочиняются научные труды и т.д. Более того, предпринимаются достаточно активные попытки влиять на молодёжь. И не только через СМИ и разного рода организации, которых в последние годы становится всё больше. Сейчас, к примеру, не найдётся серьёзной партии, при которой не существовало бы молодёжного крыла.

Интерес к новому поколению всегда прагматичный. Общество напоминает родителей, с опасением ожидающих от своего чада неприличной выходки и всеми силами старающихся предотвратить её. Мало кому из мира взрослых любопытны молодёжные социум и суб-

культура сами по себе. А между тем поговорить здесь есть о чем. Многие помнят, как на шумел в своё время фильм «Легко ли быть молодым?» Пожалуй, именно тогда наше общество (в ту пору ещё советское) по-настоящему осознало: ох, нелегко.

Ведь как мы обычно вспоминаем свою молодость? Со светлым ностальгическим чувством: как хорошо тогда было, какой интересной и радостной казалась жизнь!.. Человеческая память лукава, избирательна, в ней – особенно если это касается детства и юности – остаётся прежде всего хорошее. Но стоит порыться в воспоминаниях поосновательней, окажется, не всё было так уж безоблачно. Разочарований, обид и страхов тоже хватало. И если рассудить трезво, ещё неизвестно, чего было больше, хорошего или плохого.

Об этом думаешь, читая повесть Евгения Века «Толпа». Здесь рядом с не слишком привлекательным миром взрослых существует мир подростковой «толпы», в котором свои беды и радости, свои понятия о чести, о том, что хорошо, а что плохо. Многие в повести Е.Века способны шокировать. Откровенный культ силы, денег, секс, законы стаи – вот главное в среде старшеклассников одного из небольших северных городов. Причём нельзя сказать, что это отморозки. Многие из ребят и девчонок из вполне приличных семей. Скажем, Игорь по кличке Реш – сын офицера Российской армии. Ещё один ключевой герой увлекается классической литературой. Из нормальной семьи и «дама толпы, не имеющая права сказать «нет»...

Подростки ведут двойную жизнь, обычную школьно-домашнюю и вторую, полуподпольную, в которой редко кто пользуется их уважением. В основном это те, кто сильнее. Тренер секции единоборств, некая всемогущая в масштабах города женщина, на которую упаси бог посмотреть не так, предводитель «толпы» ребят постарше...

Нет ничего проще, чем осудить подростков, читая обо всём этом. Но, как известно, ничто не из чего не возникает. В городе, как и везде в стране, разрушена структура прежних молодёжных организаций. Приро-

да же, общеизвестно, не терпит пустоты. Неформальные лидеры становятся лидерами по всем статьям. Вместо пусть наивных, но всё же гуманных идеалов прежних лет, постперестроечным обществом – обществом взрослых – пропагандируются идеи обогащения любыми средствами, пренебрежение к морали, в том числе со стороны представителей власти, и т.п. Чего же ждать от подростков, которые по своей природе более радикальны и склонны к крайностям?

К тому же в силу молодой, почти звериной чуткости герои «Толпы» ощущают атмосферу временности, ненадёжности существования своего города. Он вырос на нефтяных дрожжах и обречен на жалкое существование, даже гибель, когда нефть закончится. Всё это дополнительно делает ребят циниками, старающимися урвать от жизни всё, что позволяют их силы и положение.

Задумываешься о будущем героев повести. Каково оно? Вспомним сказанное выше: в значительной степени это будущее общества. Станет ли оно насквозь криминальным, и пещерные законы «толпы» превратятся в его законы? Или же не всё так безнадежно, ребята пройдут, как принято говорить, сложный возраст и окажутся нормальными людьми с традиционным мировоззрением, основанном на христианских ценностях?

Этими вопросами задается и автор. Но однозначных ответов не даёт. Если рядом с главным героем повести есть человек, способный не только помочь разобраться в жизни, но и защитить в нужный момент (это отец Игоря-Реша, армейский офицер), то судьба приятеля главного героя более драматична. Соблазнившись квартирной кражей, ему приходится затем скрываться, и не столько от милиции. Во многом сломана судьба и другого героя, «опущенного» старшими парнями за неспособность вернуть долг и ставшим «чумой», парией...

Вот такие варианты.

В отличие от героев «Толпы» большинству персонажей повести Антона Салтанова «Lords of the boards» («Повелители сноубордов») около двадцати пяти. Они значительно старше героев Е. Века. Это люди во многом уже

сложившиеся, давно отошедшие от возрастного экстремизма. Другими словами, они ближе к обществу взрослых, практически вошли в него и в силу этого оказывают на окружающее большее влияние, чем подростки.

Каковы же ценности этих людей, что они считают в жизни главным, во что верят? Сноуборд, фитнес, дрэды, тату, кальян – весь этот джентльменский набор продвинутого молодого человека или девушки понятен. Но каковы идеалы, говоря несколько высокопарно? Чего они хотят от жизни? При чтении повести долгое время кажется, кроме перечисленного – ничего. Однако герои «Повелителей сноубордов» твёрдо знают, чего не хотят. Усмешку вызывают у них «волосы, косички, пирсинг, одежда от неформальных брэндов, рассуждения о Мураками и Акунине, базары за революцию и за изменение сознания химическим путём посредством всяческих модных стимуляторов... Особое место занимает Кастанеда и тоннели реальности. Ребята до сих пор верят, что этот мир можно изменить, не понимая, что сами давно уже служат его орудием и активными потребителями масскультуры».

Всем перечисленным персонажи повести А. Салтанова уже переболели. То, что было интересно им раньше, сейчас стало безразлично. «Рано или поздно, – рассуждает Евгений, главный герой, – наступает тот стрёмный момент, когда от всей этой движухи просто не прёт. Не прёт, и всё, что тут поделать... Когда-то вставляло, но что-то происходит в наших головах, и потом – бац! – и всё, что значило для тебя очень много, просто уходит из твоей жизни дешёвым парусным корабликом».

Однако только ли в возрастных изменениях причина нынешнего состояния двадцатипятилетних? Вот Евгений и его подружка «зависают» у приятеля. Прихлебывая martini и затягиваясь кальяном, они принимают рассказывать истории, которые повлияли на них и во многом изменили мировоззрение. И оказывается, Евгений старается жить одним днём потому, что будущее может не состояться. Как не состоялись его детские мечты о путешествии – все деньги, что он сэко-

номил на школьных обедах и прятал на пустыре, пропали. Приятель Евгения потерял веру в Бога, потому что на его глазах был убит безобидный негр-музыкант. Не верит в Бога и не ждёт от него помощи Женина подруга. Она полагается только на свои силы. Бог ей порой кажется неудачником или садистом, которому всё равно, что происходит на земле.

Ребята разочаровались не только в том, что раньше было им интересно. Ещё прежде они разочаровались в глобальных ценностях, которыми живет мир. Казалось бы, рановато для молодых людей. А тем не менее. Единственная оставшаяся ценность – любовь. «Всё, что мне нужно, это любовь, пели ещё битлы хрен знает сколько лет назад, – рассуждает главный герой. – Любовь это единственное, что ещё осталось в этом грёбаном мире, только каждый выбирает сам, что ему любить. Не ошибись в выборе, дружок, думаю я».

Итак, любовь. Она во многом движитель также героев произведений другого автора сборника «Утренний ветер» Михаила Титова. Правда, утверждать это можно с оговоркой. Она не то высокое чувство, которое испытывает к своей подруге Евгений. Это любовь семейная, по определению более приземленная, напоминающая скорее родственные отношения. От Вячеслава, персонажа повести «Две ветлы и куст сирени», уходит его гражданская жена Аня. У молодой женщины лопнуло терпение. Мало того, что Вячеслав всё никак не сделает ей официального предложения, он по пьяному делу обозвал её неприличным словом и выгонял из дома.

На работе жизнь тоже ставит героя перед выбором. Ему предлагают занять место главного редактора газеты, а он сомневается, его ли это дело. Душа у него к такой работе не лежит. Вячеслав в том возрасте, когда насилие над собственной душой ещё не стало привычкой. По довольно популярной в литературе традиции автор отправляет героя на малую родину, где он должен принять решение. Но здесь, к чести М. Титова, он не пошёл протоптанной тропой, когда герой, припав, что называется, к истокам и набравшись сил, решительно делает правильный выбор.

Вернее, Вячеслав выбор делает, но это скорее похоже на капитуляцию перед обстоятельствами. Выбор происходит между плохим и ещё худшим. Вячеслав понимает, что доставшийся в наследство дом ему не нужен, потому что это ещё жизнь рядом с малоприятными родственниками, среди диких нравов и грубости сельчан, непроходимых дорог и прочих прелестей современной российской деревни. Он возвращается в город. Собирается разыскать ушедшую Аню, сделать ей предложение, а также, скорее всего, согласится занять место главного редактора. Если, конечно, его уже не занял кто-то другой.

При всей видимости хэппи-энда понимаешь, что и этот молодой герой терпит поражение. Как потерпел его Евгений из «Повелителей сноубордов» А.Салтанова. Взрослая жизнь, обстоятельства оказались сильнее их. На этом безрадостном фоне, как ни странно, предпочтительней других выглядит Игорь-Реш из повести Е. Века, о которой говорилось выше. Он по крайней мере борется за себя, за своё достоинство. Или всё у него ещё впереди? И несчастная любовь, и незаметно затягивающая трясина жизни, и чувство неудачи, подспудно, а порой и явственно ощущаемое молодыми героями «Повелителей сноубордов» и «Двух ветел и куста сирени»?..

Осознание привычных житейских ценностей, к которому после метаний приходит персонаж повести М.Титова, может присутствовать в человеке изначально. С одной стороны кажется, что такие люди обделены, они не испытали чего-то важного, которое полагается испытать в молодости, а с другой... Симпатию вызывает герой рассказа Павла Черкашина «Баба Ганя». Зовут парня Александр, он студент, подрабатывающий сторожем. Саша помогает незнакомой старухе, смахивающей на бомжиху, подняться с поклажей по крутой лестнице, ищет для неё лекарства (у бабы Гани прихватывает сердце), делит с ней свой небогатый обед...

Это качество – сочувствие к ближнему – существует в студенте как бы с самого рождения, словно дано от природы. Как существует оно в самой бабе Гане, обыч-

ной русской женщине, оставшейся под старость одной. Как есть оно в ещё одной героине рассказа, тёте Томе, которая хотя и выпить не прочь, но и помочь всегда готова – что Саше, что совсем не знакомой ей бабе Гане.

Строго говоря, старухами со сложной судьбой в русской литературе никого не удивишь. О них писали и Солженицын, и Распутин, и Астафьев, и многие другие хорошие писатели. Но баба Ганя Павла Черкашина имеет, что называется, своё лицо. Её образ выписан осязаемо, с индивидуальными, а не общелитературными приметам. Это ощутимо в её репликах, она знает цену простым, казалось бы, вещам. Услышав, что суп, которым угостил Саша, приготовила его жена, нахваливает его и просит передать Сашиной жене поклон. Она подоброу внимательна к частностям его жизни, подробно рассказывает о своей. Под конец благодарит парня: «Ну, Саша, спасибо тебе. Как в сказке с тобой побывала: напоил, накормил, спать уложил да ишшо и вылечил и про жизнь мою выслушал. Добрый ты человек, дай бог тебе здоровья! И Светлане твоей того же»...

Тихий свет остается в душе читателя от таких людей. И грустный. Заслужили они от жизни большего, чем на старости лет собирать бутылки и просить милостыню.

Если героям П. Черкашина нравственные ценности даны словно изначально, то в произведениях Сергея Козлова бывает показан путь от незамысловатого житья-бытья до нравственных вершин. Собственно говоря, Михаил, основной персонаж рассказа «Крест перекрёстка», и раньше отличался, скажем, от своего приятеля Андрея. Нечаянно сбив машиной пожилую женщину, Михаил не бежит с места происшествия, как предлагает приятель, а поступает по совести – останавливается, пытается помочь потерпевшей, вызывает «скорую».

Он глубоко переживает смерть женщины, начинает ходить в церковь, молится, накладывает на себя своеобразную епитимью: каждый день развозит по домам нищих. Жизнь приобретает для Михаила новый смысл. Прежняя с её шумными вечеринками, обсуждением модных фильмов, иномарок и курса валют начинает

казаться ему беспорядочной и глупой суетой. В финале рассказа автор спасает героя от участия в кольцевых гонках, которые окончились трагически. Это своего рода воздаяние Михаилу за его новое понимание жизни.

О способности подняться над обстоятельствами и осознать ценности существования, как их понимает христианство, другое произведение С.Козлова – повесть «Бекар». Талантливый молодой пианист прощает своих обидчиков, один из которых сломал ему кисти рук, а вместе с ними и будущую карьеру. Христианское вероучение и в этом случае попадает на благодатную почву. Василий, так зовут юного героя повести, который по характеру раним и душевно тонок, способен тем не менее на волевые действия. Он отстаивает своё человеческое достоинство, по-рыцарски ведёт себя с любимой девушкой, совершает другие поступки, которые вызывают к нему читательское сочувствие... Через Церковь – к Истине, человечности. Таков, если очень кратко, путь героев С.Козлова.

Видимо, эта идея носится в воздухе. Лишённое коммунистической идеологии, разуверившееся в ценностях эпохи Просвещения, наше общество находится в поисках нравственной опоры, которая не только помогала бы жить, но могла бы цементировать нацию. В пору обостряющейся конкуренции между этносами и конфессиями это жизненно важно. Однако немалая часть молодых героев сборника «Утренний ветер» не приемлют всепрощенчества и не хотят подставлять левую щеку, когда бьют по правой. Особенно в пору, когда нарастает влияние мусульманства с его принципами, которые, мягко говоря, отличаются от христианских.

Не хочет, к примеру, соглашаться с проповедниками одной из христианских сект Игорь-Реш («Толпа»). Да и люди постарше в своём сознании разделяют показную религиозность и истинную человечность. Вот как рассуждает главный персонаж рассказа Александра Козловского «Попутчик»: «Верить только надо, что всё хорошо будет. Нельзя человеку без веры. Только не в том она, чтобы поклоны бить да псалмы во всё горло

напоказ распевать. Нынче это вроде как в моду вошло, целыми толпами народ крещение принимает, а на деле одна говорильня получается».

Вера Громогласного Деда (так герой-рассказчик именуется про себя персонаж) выстрадавшая, народная. В чём-то она переключается с убеждениями бабы Гани и студента Александра. Неспешно тянется жизнь в поезде дальнего следования, в унисон ей разворачивается перед пассажирами жизнь Громогласного Деда, о которой он громко, на весь вагон, рассказывает. Причём, как отмечает автор, без какой-либо рисовки и желания понравиться.

Судьба Григорию (так на самом деле зовут Громогласного Деда) выпала тяжёлая. Будучи из семьи спецпереселенцев, он и воевал, и в сталинских лагерях провёл не один год, но на людей и жизнь не озлобился. «Я для себя давно понял: если только об одном плохом помнить, так и жить не стоило б. А вы попробуйте в плохом этом хоть что-то, хоть самую маковку доброго найти. И сам я тем живу, и детей своих этому учил».

Эту маковку доброго он находит даже в заключении, когда высокий чин, вызвав в кабинет, долго изучает его бумаги, а потом говорит: «Понравился ты мне, Григорий» и несколько раз непонятно зачем обходит вокруг. Вскоре Громогласного Деда выпускают на волю, хотя он ещё не отсидел и половины из присужденных двадцати пяти лет. Вера в то, что всё в конце концов будет хорошо, спасала его и раньше. Случилось настоящее чудо, «доходя» в лагере, Григорий обращается к Богу, хотя «не больно я в Бога верил». Он просит о смерти. Но появляется незнакомый человек, который спасает его, дав буханку хлеба. Чудо случается ещё раз, когда Григорий неизвестно от кого получает посылку с продуктами. Примечательная особенность: и буханку хлеба, и содержимое посылки герой съедает не один, а делится с другими заключёнными. Это ещё один пример истинного человеколюбия и духовной высоты.

Несколько особняком в сборнике «Утренний ветер» стоят рассказы Шимуна Врочека – такой псевдо-

ним выбрал себе Дмитрий Овчинников. Они написаны в жанре фэнтези, в общем-то, новом для югорской профессиональной литературы. Однако экзотичность времени действия и героев (древний Рим, рыцарские времена, эльфы, драконы, центурионы, ландскнехты и т.п.) не способны заслонить главное. Герои Шимуна Врочека исповедуют принципы человечности, преданности, отваги, любви – всё то, на чём держится мир. И в этом фэнтезийные рассказы переключаются с другими произведениями сборника. Порой они бывают окрашены в лёгкие юмористические тона, что делает их дополнительно привлекательными для читателя.

Как можно было заметить, в этих заметках не даёт литературных оценок. Подобное – тема отдельного подробного разговора, в котором найдётся место рассуждениям о динамичности стиля «Толпы», о точно схваченной тональности речевого потока в повести «Lords of the boards», о современности мироощущения героев М.Титова и о многом другом. Есть и за что пожуришь молодых прозаиков, поговорить о том, по каким причинам не всё удалось им в полной мере. Но это, повторюсь, тема отдельного разговора.

В нынешних заметках ставилась цель определить нравственные ценности, которыми живет молодёжь начала 21 века. Её ценности – это ценности человечества завтрашнего дня. И естественна наша надежда на то, что главными в жизни людей будут доброта и любовь. По крайней мере, у нас, в России.

2010

Основные публикации
вошедших в третий том произведений.

«Причастный». – Впервые в альманахе «Эринтур» (2009 г.), сокращённый вариант. Полный вариант в журнале «Урал» (2010 г., №№ 11, 12). Отдельным изданием роман выходил в из-ве «АсПУр» (Екатеринбург, 2010 г.), включён в авторский сборник «На восток от Гольфстрима» (Екатеринбург, из-во «Пакрус», 2010 г.)

«Будни, или Сразу после армии». – Впервые в авторском сборнике «Ускользящее время» (Екатеринбург, из-во «Баско», 2005 г.). Авторский сборник «Варианты Надежды Вилоровны» (Екатеринбург, из-во «Сократ», 2005 г.).

«Портрет на фоне 90-х». – Впервые в журнале «Урал» (2007 г., №11). Альманах «Эринтур», авторский сборник «На восток от Гольфстрима».

«Ипостаси Виктора Козлова». – Коллективный сборник «Под северным небом» (Екатеринбург, из-во «Баско», 2008 г.). Альманах «Эринтур».

«В поисках смыслов». – Впервые в альманахе «Эринтур» (2011 г.) под псевдонимом Сергей Куклинов.

«И это всё о нем...» – Впервые как предисловие к однотомнику избранной прозы Николая Коняева «Бывает!» (Тюмень, из-во «Сити-Пресс, 2013 г.).

Алфавитный указатель произведений,
вошедших в 1 – 3 тома Избранных произведений
Сергея Луцкого

	том	стр.
«...Деспот среди людей»	1	141
«Остановись, мгновенье...»	1	151
«Чуть помедленнее, кони!...»	1	130
А черёмуха...	1	74
Акме	1	146
Анатомия успеха	1	150
Бальзаковский возраст. <i>Рассказ</i>	1	415
Без названия	1	129
Безответные	1	129
Беломор	1	103
Бессмертное	1	136
Благодарение	1	84
Бои в арьергарде	1	85
Будни или сразу после армии. <i>Повесть</i>	3	251
В автобусе	1	118
В поисках смыслов (<i>О произведениях молодых югорских прозаиков</i>)	3	558
В Усть-Сабун и обратно. <i>Рассказ</i>	1	380
Варианты Надежды Вилоровны. <i>Повесть</i>	2	127
Вахтовики из Африки	1	78
Вера	1	94
Весна воды	1	70

Весна света	1	69	И это всё о нём...	3	544
Вечное	1	129	Иван-чай	1	135
Воробьи купаются	1	117	Игорь Турчин. <i>Повесть</i>	2	298
Воробьиный скок	1	65	Избыточность	1	97
Время и место	1	92	Ипостаси Виктора Козлова	3	523
Время	1	72	Как в первый раз	1	128
Всего лишь воздух с ваших губ...	1	131	Как мы с синицей пересмешничали	1	126
Выбор	1	149	Картошка цветёт	1	78
Голубиная история	1	98	Квартирный вопрос	1	111
Гордость бедных	1	121	Клыки вырастают раньше	1	89
Город, картошка, очередь...	1	116	Колыбель для шмеля	1	120
Горячий привет из мезозоя	1	133	Комар	1	112
Грустный анекдот	1	141	Контрасты	1	72
Давний случай	1	92	Кто сказал, что рыба дорогая?..	1	107
Дембельский бог. <i>Рассказ</i>	1	202	Лёнька и Миша-безногий. <i>Рассказ</i>	1	223
Десант в лето	1	81	Любите искусство, господа!..	1	100
Доброе слово	1	90	Любовь по Эсамбаеву	1	140
Домовой. <i>Рассказ</i>	1	331	Меньше меньшего	1	75
Дрейфующий во льдах	1	62	Мера	1	88
Друзья по несчастью	1	105	Министерство правды	1	148
Душа лета	1	131	Минус пятьдесят	1	64
Ждут и надеются	1	66	Монолог	1	143
Живое	1	59	Муравей	1	102
За тридевять земель. <i>Рассказ</i>	1	188	Мы с Толиком Белинским. <i>Рассказ</i>	1	242
Заветное желание	1	121	Мысли по поводу	1	125
Затмение. <i>Повесть</i>	2	189	Мэрка, хлеб и свобода	1	58
Зимние закаты	1	61	На грани	1	80
И вот такая весенняя примета	1	106	Небесный вампир	1	131

Непостижимое	1	79
Ничтожна и неистребима	1	128
Новосёлы	1	96
Ночная кукушка	1	74
Нравы	1	134
О зимней свободе передвижения	1	67
О пользе чтения	1	132
О профессионализме	1	142
О хорошем царе и плохих боярах	1	147
Об относительности понятий	1	84
Обманка	1	144
Образ	1	130
Общее место	1	99
Обычное	1	93
Один хороший день	1	95
Оратор	1	133
Осколок империи. <i>Рассказ</i>	1	173
Отставной прапорщик Фатеев. <i>Рассказ</i>	1	368
Оттаявшие запахи	1	132
Охота пуще неволи	1	113
Память крови	1	86
Первое марта	1	144
Пир в начале зимы	1	61
По материнской линии. <i>Повесть</i>	2	412
Подлость	1	134
Покой	1	154
Поколение next	1	135
Портрет на фоне 90-х. <i>Повесть</i>	3	385

Поселковый сумасшедший Айтышев. <i>Повесть</i>	2	3
Посиделки	1	64
Последняя гулящая	1	58
Потому что пора	1	97
Предосеннее	1	90
Предприимчивая бурёнка	1	102
Причастный. <i>Роман</i>	3	3
Прогноз на завтра	1	115
Простое желание	1	136
Простые души, 70-егоды	1	124
Психолог	1	123
Путь сомнений	1	114
Река. <i>Рассказ</i>	1	347
Родные и приемные дети	1	76
Рэкет в малиннике	1	80
С изумлением и благодарностью	1	152
С утра до вечера. <i>Рассказ</i>	1	308
Сентиментальное путешествие	1	439
Ситуация	1	110
Случай с Олей Густешовой. <i>Рассказ</i>	1	156
Снохач Бусыгин. <i>Повесть</i>	2	57
Соперница бамбука	1	76
Сорочонок	1	77
Сослуживец	1	118
Старые истины	1	146
Стадо	1	98
Страда	1	87

Страсти по Василию. <i>Повесть</i>	2	240
Стратег. <i>Рассказ</i>	1	299
Сувенир из глубинки. <i>Рассказ</i>	1	359
Счастливец	1	137
Счастье. <i>Рассказ</i>	1	291
Табель о рангах	1	137
Так хочется в лето!..	1	68
Терпение буксиров	1	153
Только две зимы. <i>Рассказ</i>	1	274
Тревожные птицы	1	63
Третий ключ	1	150
Тропинки	1	66
Утки	1	69
Хитрая северная география	1	110
Цивилизация	1	91
Чем богаты	1	125
Чертовщина. <i>Рассказ</i>	1	339
Щенок	1	88
Яблоко в жёлтой листве. <i>Рассказ</i>	1	257
Ясная жизнь. <i>Рассказ</i>	1	426

СОДЕРЖАНИЕ

<i>Причастный. Роман</i>	3
<i>Будни или сразу после армии. Повесть</i>	251
<i>Портрет на фоне 90-х. Повесть</i>	385
<i>Литературно-критические статьи</i>	
<i>Ипостаси Виктора Козлова</i>	523
<i>И это всё о нём...</i>	544
<i>В поисках смыслов (О произведениях молодых югорских прозаиков)</i>	558
<i>Алфавитный указатель</i>	569

Литературно-художественное издание

Луцкий Сергей Артёмович

ИЗБРАННАЯ ПРОЗА

Том третий

Компьютерная вёрстка, корректура
Луцкая Г.А.